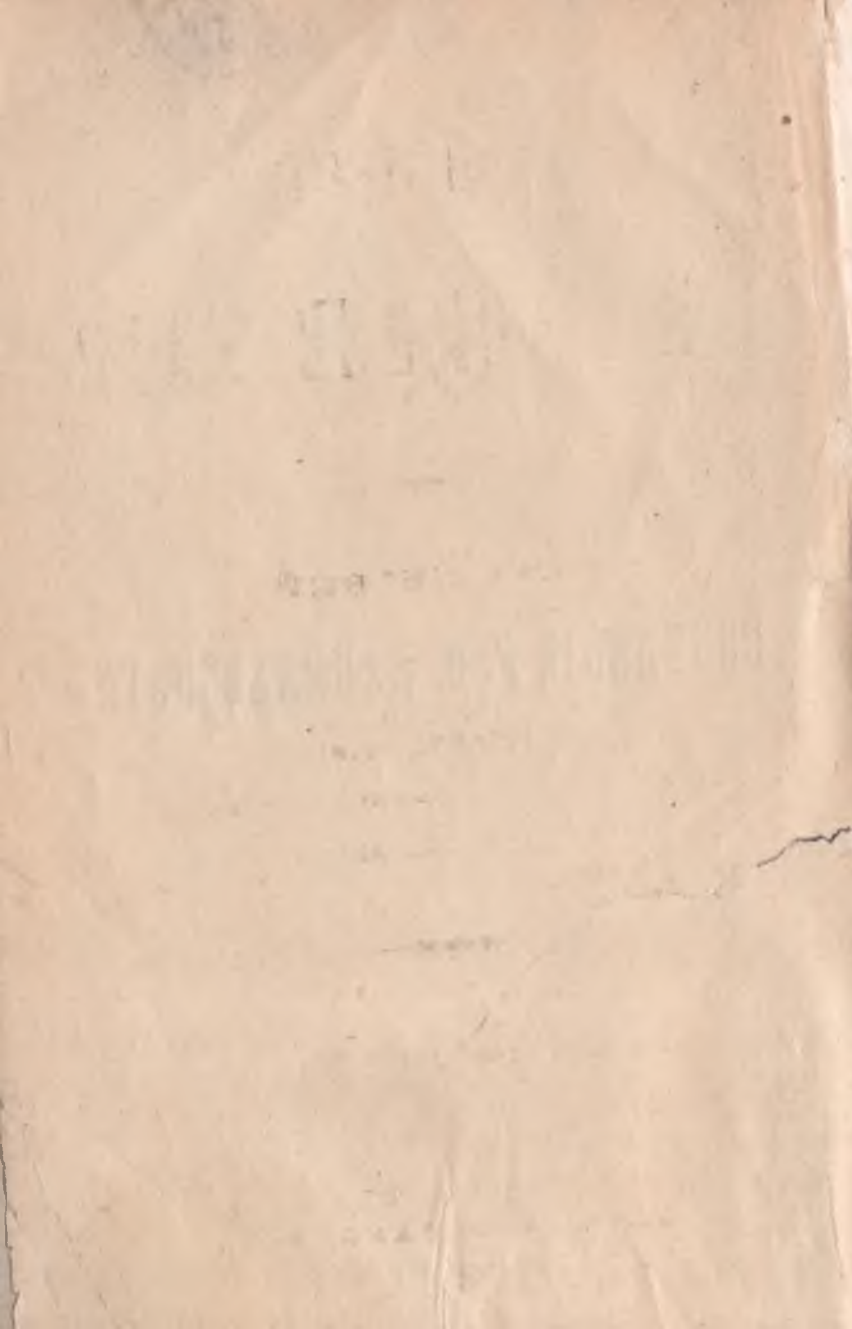

СОЧИНЕНІЯ Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО.

T. Danneberg

2012 99

84P1
Д 18

СОЧИНЕНИЯ

Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО.

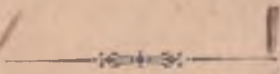
2-181

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ИЗДАНИЕ ВОСЬМОЕ, ПОСМЕРТНОЕ,
ВЪ ДВАДЦАТИ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ,
СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

Приложение къ журналу „Нива“ на 1901 г.

Федеральный Центр
РБС - СССР
Земельный Комитет
315 Д 157

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе А. Ф. МАРКСА.

1901.

Типографія А. Ф. Маркса, Измайлов. просп., 29.

Г. П. ДАНИЛЕВСКИЙ.

Биографический очеркъ *).

«Быль, сказываютъ, тихій весенній вечеръ. По сю сторону Донца, на крутизнѣ, показался верхомъ на заморепномъ конѣ чубатый гетманецъ. Ъхаль онъ-ать горемычнѣй безъ дороги, пустыньками да озерками, и какъ нѣкая тѣнь вечерняя появился, дѣтушки, изъ-за косогора, съ пищалью да съ котомкою за плечами, голодный, захудалый, обношенный и уже изъ себя не молодъ. Спасался онъ отъ вражяго погрома. Миноваль одно лѣсное затишье, другое. Стѣзь съ коня, напощь его въ ключѣ, самъ перекрестился, напился, поднялся опять на пригорокъ, окинулъ глазомъ Божью, тихую да уютную пустыню, и сердце у него замерло... Уналъ казакъ на колѣни на траву и сказалъ: «быть тутъ поселку! И лучше мнѣ осѣсть у тебя, мать-пустыня, въ сосѣдствѣ съ кабаномъ да съ волчицей, чѣмъ пропадать, какъ псу, отъ польскихъ кнутовъ!»—Такъ разсказывала прабабушка нашего писателя, Анна Петровна Данилевская, своимъ любознательнымъ внучатамъ въ длинныя осенне и зимне вечера

*) Въ основу настоящаго очерка легли нѣкоторые изъ неизданныхъ матерьяловъ для биографіи покойнаго писателя, хранящіеся у его наслѣдниковъ. Таковы, во-первыхъ, «Записки», въ которыхъ собраны любопытныя свѣдѣнія и документы о «Слободско-Украинскихъ дворянахъ Данилевскихъ», а во-вторыхъ—«Письма Г. П. Данилевскаго къ его матери съ дѣтства» (1837—1853). Помимо неизданныхъ, приняты во вниманіе всѣ печатныя матеріалы.

предъ угасавшей печкой о родоначальникѣ украинской фамиліи дворянъ Данилевскихъ, выходцѣ изъ Подоліи, казакѣ Данилѣ Даниловичѣ, имя котораго въ письменныхъ актахъ изюмскаго и змѣвскаго уѣздовъ, харьковской губ., впервые упоминается въ 1698 году, въ званіи сотника слободы Андреевки, на Донцѣ. Этотъ поэтический отрывокъ взятъ изъ разсказа подъ заглавіемъ: «Прабабушка»,—разсказа, являющагося первымъ въ ряду четырехъ талантливыхъ очерковъ, посвященныхъ покойнымъ романистомъ его «Семейной старинѣ». Подъ настоящими именами, онъ изобразилъ въ этихъ замѣчательныхъ по живости, колоритности и задушевности разсказахъ,—три послѣдніе изъ которыхъ носятъ названія: «Тыиь праѣвда», «Дѣдовъ лѣсъ» и «Бабушкинъ рѣй»,—цѣлую галерею художественныхъ и типичныхъ портретовъ своихъ предковъ, начиная отъ праѣвда и кончая отцомъ. Праѣвдъ, кромѣ того, эпизодически обрисованъ и въ романѣ «Мировичъ». Такимъ образомъ, біографу остается только воспользоваться матеріаломъ, собраннымъ покойнымъ писателемъ.

Основавъ въ степи поселокъ, казакъ Данилъ Данилевскій перевелъ сюда изъ-за Днѣпра свое семейство, вырылъ землянку, срубилъ курень и сталъ звать своихъ товарищей, которые откликнулись на зовъ предприимчиваго вожака: «на Донецъ, на Донецъ! на волюшку!»—Вокругъ перваго куреня поднялись другіе курени первыхъ осадчихъ, или жителей Слободской Украйны, въ числѣ которыхъ находились Донцы-Захаржевскіе, Квитки, Шидловскіе, Милорадовичи, Савичи, Ковалевскіе. Данилу его товарищи-переселенцы выбрали сотникомъ. Съ теченіемъ времени изъ куреней въ лѣсу возникла довольно значительная слободка, Великое Село, съ окопомъ, бойницами, мельницею и съ небольшою деревянною церковью. Невдалекѣ стъ крѣпости Данило сталъ заводить хуторъ, чтд въ настоящее время село Пришибъ, родовое имѣніе Данилевскихъ, расположенное на лѣвомъ берегу рѣчки Крайней Балаклейки, впадающей въ Донецъ, въ змѣвскомъ уѣздѣ, харьковской губерніи. Официально названіе «Пришибъ» упоминается уже въ царской грамотѣ 1685 г.

Но только-что успѣла сотня Данила Данилевскаго обстроиться и стала уже богатѣть всякимъ добромъ, какъ напали на Донецъ татары. Незадолго передъ тѣмъ Данило

отправилъ жену съ дѣтьми въ повозкѣ на богомолье въ Хороневъ монастырь, и не боялся за нихъ. Онъ боялся за сотенную казну, которая хранилась у него въ боченкѣ, въ подвалѣ. «Выстронилъ онъ сотню изъ ружьевъ, залеръ ворота частокола, разставилъ часовыхъ, велѣлъ съ окна пушкарямъ палить по броду, сдѣлалъ на время команду другому; самъ, какъ стемнѣло, сбросилъ свиту, взвалилъ боченокъ съ дукатами и талерами на плечи, да тайкомъ и отпелъ его въ камыши, въ родниковый колодезь, невдалекѣ отъ сотеннаго пчельника». Такимъ образомъ, казна была спасена. Татары разбили крѣпостцу, сожгли половину куреней, угнали стада и самого сотника пытали, гдѣ казна, и чуть не замучили до смерти. На арканѣ увели татары Данилу въ плѣнъ въ Крымъ, а потомъ на Кубань. Годы четыре томился въ неволѣ Данило, и только случайно, подковавши тайникъ, удалось ему на хозяйскомъ жеребцѣ бѣжать изъ плѣна, вернуться къ своимъ на Дойнецъ и зажить еще лучше прежняго. Основатель Пришиба не могъ не обратить на себя Царскаго вниманія,—слишкомъ очевидны были его заслуги по заселенію края; и дѣйствительно, 20 января 1698 года онъ получилъ жалованную вотчинную грамоту «за вѣрную службу и за полонное терпѣніе» на купленные имъ грунты, мельницы и пахатную землю со всѣми угодьями. Во время проѣзда изъ Азова къ Полтавѣ, въ 1709 году, передъ знаменитой полтавской битвой съ Карломъ XII, Петръ Великій со свитой остановился въ Пришибѣ, обѣдалъ у сотника Дашилевскаго, крестилъ его новорожденного внука, причемъ самъ въ Пришибской церкви ставилъ свѣчи и подтягивалъ хмельному пону галоны, катался по озеру, посадилъ передъ домомъ хуторской усадьбы сотника жолудь, изъ котораго выросъ громадный дубъ, и понинѣ существующій въ саду Пришибскаго помѣстья, а передъ отъѣздомъ подарилъ для Пришибской церкви два колокола, которые, какъ гласитъ преданіе, самъ и поднялъ на колокольную. Царь посѣтилъ сотника Данилу 1-го іюня. «Накануиѣ,—какъ рассказывала прабабушка,—отъ сосѣдней слободки Балаклен, показалось войско и, не доходя Пришиба, стало лагеремъ. А на вечерней зарѣ закурилась съ той стороны пыль, показались скачущіе, въ зеленыхъ кафтанахъ, рейтары, потомъ одинъ экипажъ, другой и третій, и все размалеванныя четверками рыдваны да берлины. Это была царская свита. А впереди.

на царѣ ямскихъ, въ пыли, такъ что его и трудно было разсмотрѣть, показался какъ есть, въ простой небрасивой повозкѣ, самъ царь и съ нимъ рядомъ изюмскій полковникъ, женатый на дочери сотника, Варварѣ Даниловнѣ Михайло Константиновичъ Донецъ-Захаржевскій. Царь у него рано пообедалъ въ Изюмѣ и сказалъ: «Въ Пришибѣ остановись; съѣлаю муштру тамошней сотнѣ, да зайду на пироги къ старику-сотнику поблагодарить его за вѣрную службу, за постановку поселка и фортеціи и за его полное терпѣнье». Послѣ полтавской битвы, государь прислать Данилевскому изъ Батурина пару шлѣнскихъ овецъ на заводъ, а изъ Петербурга—крѣпостную грамоту на владѣніе десятью тысячами десятинъ изъ числа сотенной земли, не только съ казачьими дворами, но и съ самими казаками. За три года до смерти, Данило Данилевскій, по ложному доносу, былъ арестованъ и увезенъ «въ на-вечеріи Рождества Христова» въ Петербургъ, въ розыскную канцелярію князя Юсупова, гдѣ и умеръ (въ 1719 году), 77 лѣтъ отъ роду, въ званіи судьи изюмскаго слободскаго полка, оправданный, впрочемъ, за нѣсколько недѣль передъ смертью. Ложно обвиненный въ мнимой измѣнѣ, онъ едва не лишился всего своего громаднaго состоянія. Сохранилось любопытное завѣщаніе Данилы Данилевскаго, писанное передъ глазами присланнаго за нимъ грознаго «юсуповскаго посла» и обращенное къ полковнику Михайлѣ Донецъ-Захаржевскому, который приходился зятемъ завѣщателю, такъ какъ былъ женатъ на его дочери Варварѣ Даниловнѣ Данилевской. Больше всего въ завѣщаніи изъ недвижимости отказано Евстафію, старшему сыну отъ третьяго брака: «Что есть же на Балаклеикахъ и въ Курбатовѣ,—говорилось въ духовномъ завѣщаніи, замѣчательномъ въ особенности взглядомъ на науку Данилы Данилевскаго,—такожъ балаклеискими млинами, что надлежитъ Евстафію, по смерти моей, женѣ Аннѣ да мельница купенская и левковская—два кола (колеса) Аннѣ; а въ возвратъ Евстафію купенская и левковская мельницы до смерти особо владѣть ей. А по смерти жены моей та купенская мельница внукови моему Михайлови Захаржевскому (сыну того полковника, кому писалось завѣщаніе); а левковскіе кола два Талкѣ внуци (внукъ Татьянѣ Захаржевской). Зміевскій грунтъ, если судень (разсудителенъ) будетъ Максимъ, сильно есть ему: еслижъ такъ, какъ

цынѣ не вчитси (не учится), то только одну мельницу ему, которая отъ Лиману; такожъ тогда и ольшанскій грунтъ. что есть нашева и что въ городѣ заводовъ нашихъ; а мельница полковникови Змѣвская. Печенѣжскій грунтъ Иванови, со всеѣмъ бидломъ (скотомъ). и оба Бурлучки (два огромныхъ имѣнiя, Великій и Малый Бурлукъ, принадлежавшіе въ 1716 году Данилѣ Данилевскому. послѣ частью перешли въ руки гг. Задонскихъ). Гринцови мужикови простому валящѣ (пьяницѣ) тысяча рублѣй, что въ ярми бывшаго ралечнаго (въ долгу у бывшаго казначея). А что остался Прокопъ триста рублѣй виноватъ зъ давнихъ долговъ, теми церковную работу въ Андреевиѣ сдѣлать. А что есть гдѣ долговъ въ записной книгѣ, и то доправивши чинить по разсмотрѣнiю. Дѣтямъ моимъ сынамъ зъ гроши ничто не дать. За нихъ много грошей страчено, а нынѣ и сами не стоятъ, за то, что не вчилиси (не училиси). Нехай нынѣ за то страждуть, въ юности не хотяще тружатися. А когда пожените, то въ томъ по своему разсмотрѣнiю зробице, кому что дасте, памятуючи на смерть».

Дальнѣйшіе предки нашего талантливаго беллетриста не столь замѣчательны, какъ его прапрадѣдъ, хотя и между нимъ были личности выдающіяся. Такъ, сынъ Данилы Данилевскаго, Евстафій, родившійся въ 1690 г., служилъ съ 1736 по 1743 годъ полковникомъ изюмскаго слободскаго казацкаго полка и ходилъ съ Минихомъ въ Крымъ; владея крестьянами, онъ получилъ дворянство, повелѣтъ отъ царскихъ овецъ огромныя стада, а по ревизіи за нимъ записали навѣки всеѣхъ жильцовъ его придонскихъ степей. Вообще какъ рассказывала Анна Петровна Данилевская, онъ «жилъ припѣваючи; на всю губу; шелковый красный кафтанъ сталь носить и парикъ съ буклями». Онъ женатъ былъ на побочной дочери князя Никиты Юрьевича Трубецкаго, Марьѣ Алексѣевнѣ, имѣлъ нѣсколькихъ дѣтей, изъ которыхъ въ живыхъ остался только одинъ первый сынъ Яковъ, крестникъ Петра Великаго. Исторія женитьбы его весьма любопытна. Во время плѣна отца, Евстафій былъ взятъ паремъ Петромъ въ Петербургъ и помѣщенъ здѣсь «въ добрую науку къ нѣкому ученому прецептору». «Былъ тогда въ Питерѣ, возлѣ самаго царя Петра Алексѣевича, ближнимъ ко двору, князь Юрій Трубецкой, а у этого князя Юрья была на сторонѣ фаворитка изъ нѣмокъ, и отъ этой фаво-

ритки дочка Марьюшка. молоденькая, тихая и изъ себя красавица... Вышелъ-ать Евстафій Даниловичъ изъ школы отъ прецептора молодець-молодцомъ, румиць да пригожъ. рослый и чернобровый, хотя стыдливъ и робокъ. Сталъ сержантомъ гвардii, на царскомъ жалованьи, и нерѣдко попадалъ на караулы къ самимъ царскимъ, не то что къ окольнымъ дворскимъ хоромамъ. Тутъ онъ и узналъ въ тайномъ спрятѣ, княжью Марьюшку и полюбилъ ее пуще свѣту; полюбила Евстафья и Марьюшка. Видѣлись они урывками на вечеринкахъ; танцовали вмѣстѣ менуэтъ, видѣлись наединѣ въ екатерингофскихъ да василеостровскихъ садахъ и рощахъ. Долго ли, нѣтъ ли, любились Евстафій да Марья, только наконецъ и скажи matka князю Юрью: что такъ молъ и такъ—нѣкто сотничій сынъ, изъ изюмской слободской провинци, государевъ сержантъ Евстафій Даниловичъ, сватается за ихъ дочку Марьюшку... Осерчалъ гордый князь Юрій, выразился дурно не только о Евстафин, но и о его родителяхъ: обозвалъ обонхъ хохлацкимъ мужичьемъ и дегтиринками и запретилъ даже пускать его къ порогу своихъ хоромъ, грозилъ отодрать его батогами, коли узритъ по близости Марьи... Евстафій съ горя отчалилъ, вышелъ въ отставку и пропалъ у всѣхъ изъ виду. А Марьюшка чахла... Пошла она съ камермедхеной своею на рѣку Волянку на дачѣ купаться, лѣто было жаркое, и вся царская женская свита въ тѣ поры въ Екатерингофѣ наперерывъ въ водѣ бултыхалась. Только matka Марьюшки ждаль-пождаль, нѣту дочки и камермедхены. Послали ихъ искать, но слуги на берегу рѣки нашли только зеленое голландское шелковое платье Марьи, шитыя золотомъ бархатныя туфельки, сорочку да платочекъ, да смерды обноски этой недогляды-камермедхены. Значитъ, обѣ дѣвки порѣшили жизнь кончить и пошли на дно какъ камешки». На самомъ дѣлѣ онѣ были живы и здоровы. На другомъ берегу, въ камышахъ, ждала Марьюшку подговоренная и нѣкая надежная бабка-голландка, съ другимъ бѣльемъ и платьемъ. «Марьюшка и служанка выплыли, вновь одѣлись; а тутъ же по близости, въ рощѣ, стоялъ и самъ суженый, съ повозкой и съ добрыми ковыми; посадилъ ненаглядную Марьюшку съ собою, да и умчалъ ее къ отцу въ украинскіе придонскіе лѣса. Здѣсь они повѣнчались, да съ тѣхъ поръ тутъ и проживали у его родителей». Князь Юрій Трубецкой съ фавориткой долго горевали, пла-

кали и служили панихиды. Только случайно все дѣло ослѣпилось во время посѣщенія Пришиба Петромъ Великимъ, передъ полтавской битвой 1-го іюня. вмѣстѣ съ царемъ былъ тогда и князь Юрій Трубецкой. Встрѣча отца съ дочерью, тогда уже готовившейся быть матерью, трогательно описана въ разсказѣ «Прабабушка». Князь простилъ и благословилъ дочь, которая отъ перваго потрясенія, нѣсколько ранѣе срока, разрѣшилась сыномъ Яковомъ, крестникомъ государевымъ.

Яковъ Евстафьевичъ, «мужчина уважительный и средостепенный, строгаго права, хозяинъ и поданнымъ своимъ не потатчикъ», масонъ изъ известной ложи Елагина, землякъ и одноклассникъ по кадетскому корпусу известнаго Мировича, служилъ недолго и умеръ въ 1786 году, 47 лѣтъ, поручикомъ некоего пѣхотнаго полка. Въ романѣ «Мировичъ» о дружескихъ отношеніяхъ Якова Евстафьевича къ герою шлиссельбургской драмы упоминается въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Въ главѣ же XXVIII («Кумова пасѣка») разсказывается о посѣщеніи осенью 1763 года Пришиба Мировичемъ незадолго до казни послѣдняго *). «По пути (въ Петербургъ),—повѣствуется въ романѣ,—Мировичъ заѣхалъ къ школьному товарищу, Якову Евстафьевичу, въ село Пришибъ, изюмскаго уѣзда, но былъ тамъ недолго. Пріятель-украинецъ и его молодая жена были изумлены разсѣянностью и мрачною молчаливостью гостя, который болѣе бродилъ въ полѣ и по сугробамъ въ лѣсу, на Доницѣ, чѣмъ сидѣлъ въ тепломъ поломѣ домѣ знакомцевъ, слушая ихъ мирныя рѣчи о мирныхъ домашнихъ дѣлахъ. Яковъ Евстафьевичъ собирался, въ будущую осень, по какой-то тяжбѣ, въ сѣверную столицу. Они условились повидаться». Дѣйствительно, осенью 1764 года Яковъ Евстафьевичъ пріѣхалъ въ Петербургъ, но видѣться съ Мировичемъ ему уже не было суждено: 15-го сентября Якову Евстафьевичу пришлось видѣть, какъ казнили на эшафотѣ его несчастнаго школьнаго товарища.

Воспитывался Яковъ Евстафьевичъ въ шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ, откуда былъ выпущенъ въ офицеры въ

*) Мировичъ пріѣзжалъ на родину, въ переяславскій уѣздъ, искать судомъ село Липовый Кусть, бывшее когда-то за его предками, но потерпѣлъ неудачу, не имѣя никакихъ документовъ.

1762 г. въ заграничную армію, въ Филляндію. Женившись на фрейлинѣ императрицы Екатерины II, Аннѣ Петровнѣ Плотниковой, дочери Фридрихсгамскаго полковника, онъ уѣхалъ съ молодой женой на югъ, въ свои помѣстья, гдѣ и скончался, сильно разстроивъ свое состояніе въ спорѣ съ архимандритомъ Хорошева монастыря, оттягавшимъ, еще во время малолѣтства Якова Евстафьевича, лучшее изъ его имѣній Ольшанку. «Вѣчно озабоченный хозяйствомъ своихъ обширныхъ имѣній и тяжбами съ казной и съ сосѣдями, Яковъ Евстафьевичъ, хотя безпрестанно ѣздилъ,—по словамъ его жены (разсказъ «Прабабушка»),—то въ губернской городъ, то въ столицы, и съ виду былъ угрюмъ, но ничего онъ такъ не любилъ, какъ сидѣть дома, въ зеленомъ шелковомъ халатѣ на бѣлыхъ мерлушкахъ, да слушанья разсказовъ Ашеньки».

Прямую противоположностью являлась жена его Анна Петровна Данилевская, властительная и важная помѣщица, къ которой нѣкогда съѣзжался на поклонъ весь уѣздъ. Она на много лѣтъ пережила своего мужа (род. въ 1746 году, а скончалась въ 1826 году, 80 лѣтъ), была строгою хозяйкою, распутывала дѣла Якова Евстафьевича, съ черешневою тростью выѣзжала въ поле, шумѣла на работниковъ, вела прихода-расходныя книги, шепила деревья, рылась въ грядахъ сада и еще незадолго до смерти, весною и лѣтомъ, чуть не каждую недѣлю, ходила нѣшкомъ версты за двѣ отъ деревенской усадьбы, въ лѣсъ. Въ очеркѣ «Прабабушка» разсказанъ характерный случай столкновенія Анны Петровны съ Аракчеевымъ, пріѣхавшимъ въ гости къ бѣдовой старушкѣ. Аракчеевъ, вводившій тогда между свободными изюмскими и чугуевскими слободскими казаками такъ называемыя военныя поселенія, налетѣлъ въ тихій Пришибъ неожиданно-негаданно со своими адъютантами и командирами поселеній,—налетѣлъ съ желаніемъ во-очію освѣдомиться, какъ одинъ человекъ (Иванъ Яковлевичъ) могъ засѣять болѣе пятисотъ десятинъ сосною (объ этомъ ниже сказано подробнѣе). Прабабушка, оказывая властямъ должное уваженіе, разрѣшила сыну Иванушкѣ показать и разсказать царскому фавориту все, что нужно; но не преминула перекреститься и плюнуть, увидѣвъ изъ окна опочивальни угловатую и грубую фигуру падутаго «азѣата», выльзавшаго изъ высокой, запыленной поселенской брочки,

а при случаѣ даже дала ему и почувствовать свое негодование и пренебреженіе.

«Обѣдъ приготовили для графа на славу; порѣзали много откормленныхъ живностей; но лакеи не первому ему подносили кушанья. А когда Аракчеевъ, сбившись въ хронологию какого-то столичнаго придворнаго событія, о коемъ онъ повѣствовалъ предъ затянутыми до апоплексіи въ мундиры адъютантами, заспорилъ со старушкою насчетъ времени и, положивъ въ тарелку начатое стегно кашлуна, спросилъ ее: «да позволь ужъ, мать-сударынька, узнать, какойже тебѣ годокъ?» — померкшіе глаза старушки сверкнули, она затрясла оборками чепца и бѣлыми какъ мѣль губамъ отвѣчала: «во-первыхъ, графъ, я тебѣ не мать и не сударынька, а статсъ-фрейлина моей покойной царицы Екатерины Алексѣевны, и ты будь къ хозяйкамъ поделикатнѣе; а вторыхъ, этакія ужасні! въ наше время изряднѣе нравомъ кавалеры о годахъ дамъ не спрашивали...» Сказавъ это, прабабушка встала изъ-за стола, ни на кого не смотря, кивнувъ головой вправо и влѣво и, подавъ руку оторопѣлому Ивану, молча и съ достоинствомъ удалилась во-свояси».

Аракчеевъ, не кончивъ обѣда, уѣхалъ въ Чугуевъ. Когда шныки-друзья разспрашивали объ этомъ грознаго временщика, онъ ворчалъ и говорилъ: «Да что, отцы мои! Какъ е не быть предерзкой, коли самъ тамошній губернаторъ, идивъ на ревизію по губерніи, засталъ, что у порога этой кобинки стоятъ на колѣняхъ, въ наказаніе за какой-то ромахъ по хозяйству, ея пятидесятилѣтній сынъ, настоящий владѣлецъ имѣнія, притомъ чиномъ лейбъ-гвардіи прапорщикъ и его величества кавалеръ!»

Дѣйствительно, Иванъ Яковлевичъ Данилевскій, дѣдъ нашего писателя, въ теченіе почти шестидесяти лѣтъ не разлучался съ родительницею. Она нянчила его, сама выучила не только грамотѣ, но верховой ѣздѣ и стрѣльбѣ изъ ружья, подъ ея руководствомъ онъ сталъ хозяйничать, съ ея же выбора и согласія въ 1799 г. женился на Аннѣ Васильевнѣ Рославлевой, происходившей изъ семьи, которая стяжала громкую извѣстность своимъ пособничествомъ при возведеніи императрицы Екатерины II на престолъ. Получивъ домашнее воспитаніе, Иванъ Яковлевичъ, не выѣзжая изъ губерніи, числился на службѣ въ лейбъ-гвардіи преображенскомъ полку, гдѣ получилъ чинъ прапорщика,

и въ 1796 году вышелъ въ отставку. Страстный охотникъ и любитель музыки, онъ увлекся въ послѣдствіи такъ же лѣсоразведеніемъ и посѣялъ своими средствами, на песчаныхъ берегахъ Дону, до тысячи десятинъ соснового лѣса, о чемъ свидѣлствуютъ какъ официальные, печатные источники, такъ и семейная, устная старина Данилевскихъ. По ходатайству начальника губерніи, Иванъ Яковлевичъ былъ награжденъ въ 1819 году орденомъ св. Владиміра 4-й степени, какъ сказано о томъ въ грамотѣ, «за отличные труды и усердіе, къ общей пользѣ оказанные, въ разведеніи лѣса на пустыхъ, песчаныхъ мѣстахъ». Профессоръ ботаники харьковскаго университета В. М. Черняевъ, въ рѣчи своей «О разведеніи украинскихъ лѣсовъ», изданной въ 1857 году, говоритъ слѣдующее: «Покойный профессоръ ботаники, незабвенный мой наставникъ, Ф. А. Деланъ, въ 1817 году, въ рѣчи, произнесенной въ торжественномъ собраніи харьковскаго университета, упоминаетъ объ одномъ замѣчательномъ случаѣ удачнаго лѣсоразведенія на однихъ чихъ пескахъ.—«Я знаю, говоритъ онъ, одного помѣщика скромность котораго заставляетъ меня умолчать о его имени. Когда я проѣзжалъ по его землямъ лѣтъ 15 тому назадъ (1802 г.),—я нашелъ песчаную равнину, десяти въ пятьсотъ. Но какъ я удивился, увидѣвъ недавно ту же равнину, превращенную въ прекрасный сосновый лѣсъ! Ахъ, почему такихъ людей немного! Почему ими сего мужа не достигло подножія трона?» Подтверждая слова своего учителя, профессоръ Черняевъ добавилъ: «Въ 1844 году я имѣлъ удовольствіе видѣть уже не пятьсотъ десятинъ, а болѣе тысячи, и быть въ домѣ, построеномъ дѣтьми, ^и лѣса, который за полвѣка посѣяны ихъ отцомъ». Въ 1801 года Иванъ Яковлевичъ состоялъ, по выбору, кассаромъ для сбора дворянскихъ пожертвованій на основаніе харьковскаго университета. Онъ умеръ 64 лѣтъ, въ 1833 году, среди посѣяннаго имъ лѣса, въ небольшомъ, всего въ три комнаты, домикѣ, когда внуку его шелъ пятый годъ. Несмотря на свои увлеченія лѣсоводствомъ, Иванъ Яковлевичъ былъ малорасчетливымъ хозяиномъ, жилъ въ свое удовольствіе, имѣлъ собственныхъ музыкантовъ, хоръ пѣвчихъ, а на охоту выѣзжалъ съ сотней и болѣе гончихъ и борзыхъ собакъ. Нерасчетливость припала хозяйство Ивана Яковлевича, въ двадцатыхъ годахъ,

СОЧИНЕНІЯ Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО.

въ упадокъ, и случалось, что, при пяти имѣніяхъ въ десять тысячъ десятинъ земли, не хватало денегъ на покупку припасовъ для стола.

Когда Иванъ Яковлевичъ несподованно получилъ за разведеніе дѣла монаршую милость отъ императора Александра I, онъ рѣшилъ отправить двухъ своихъ сыновей, отца и дядю нашего писателя, для воспитанія въ дворянскій полкъ, въ Петербургъ. Петру Ивановичу, отцу Григорія Петровича, было тогда шестнадцать лѣтъ. Имѣя письмо отъ отца къ графу Аракчееву, кадеты явились къ нему; онъ обѣщалъ имъ покровительство и пригласилъ навѣщать его по праздникамъ. Зная музыкальныя наклонности кадетовъ (отецъ Г. П. игралъ на флейтѣ, а дядя на виолончели), графъ Аракчеевъ снисходительно относился къ ихъ музыкальнымъ упражненіямъ и заставлялъ П. П. строить клавикорды, на которыхъ, изрѣдка, въ праздничные вечера, играла пожилая горбатая родственница грознаго временщика. Однако, жизнь въ Петербургѣ, «холодною, затянутою въ мундиры и вымуштрованномъ», не понравилась юношамъ: они затосковали по родинѣ и *черезъ годъ уже подали прошеніе о переводѣ ихъ на службу на югъ. Зачисленные юнкерами въ ольвиопольскій уланскій полкъ*, они уѣхали къ мѣсту назначенія въ *уланское военное поселеніе*. Въ 1821 году юноши были произведены въ корнеты. Такъ повѣствуется о нихъ въ разсказѣ «Дѣдовъ дѣсь». Въ своихъ школьныхъ воспоминаніяхъ о дворянскомъ институтѣ нашъ писатель разсказываетъ о своемъ *нѣсколько иначе.*

проходя ученіе въ Петербургѣ, въ дворянскомъ полку, онъ *любилъ потомъ самъ любить* разсказывать, по праздникамъ навѣщать знакомаго своему родителю, по Гущеву, грознаго временщика Аракчеева, который, освѣдомясь о музыкальныхъ способностяхъ своего гостя (*отецъ игралъ на виолончели и скрипкѣ*), заставлялъ его въ таня постройти свои клавикорды, но не помогъ ему, *по не имѣя курсу*, пристроиться, согласно его желанію, въ полкъ, а, напротивъ, настоялъ на переводѣ его въ *сероевское военнаго поселенія, въ бугскіе уланы*. *не выгнесь зтой службы*», и пр. Два вышеприведеннаго разсказа согласить довольно трудно; также трудно сказать, въ которомъ изъ нихъ больше правды и гдѣ

истина. Такъ или иначе, Петръ Ивановичъ служилъ въ военной службѣ недолго. Выйдя въ отставку поручикомъ, онъ женился на Екатеринѣ Григорьевнѣ Купчишовой (род. въ 1810 году) и нѣкоторое время служилъ, по выборамъ харьковскаго дворянства, депутатомъ при приемѣ свободско-украинскихъ крестьянъ и земель въ военное поселеніе, а также застѣвателемъ харьковской уголовной палаты. Но крайне разстроенное долгами наследственное имѣніе заставило Петра Ивановича оставить и эту службу. Поселясь въ деревнѣ, онъ до конца жизни занимался хозяйствомъ, всячески стараясь спасти едва не проданное съ молотка имѣніе. «Онъ вспоминается мнѣ не иначе,—говоритъ нашъ писатель: — какъ съ постоянно озабоченнымъ, усталымъ, смугло-красивымъ лицомъ. Съ весны и до глубокой осени онъ буквально не покидалъ верхового коня и бѣговыхъ дрожжекъ, уѣзжая въ поля съ разсвѣтомъ и возвращаясь домой только къ вечеру. Въ ожиданіи поздняго обѣда, онъ, наскоро умывшись, бралъ иногда въ руки скрипку. И я помню въ подобныя минуты его статную, черноволосую, плечистую фигуру, въ одномъ жилетѣ поверхъ рубахи, безъ сюртука, съ сильно загорѣвшимъ отъ солнца и вѣтра лицомъ, прижатымъ къ скрипкѣ, и съ темно-кариими глазами, задумчиво устремленными въ садъ, пока его смычокъ выводилъ по струнамъ какую-либо грустную и, какъ онъ самъ выражался, робко-мечтательную мелодію!»

Человѣкъмъ добраго, мягкаго, робко-застѣнчиваго нрава, Петръ Ивановичъ не имѣлъ особеннаго вліянія на воспитаніе своего сына, будущаго писателя. Онъ любилъ простую, трудовую жизнь, хозяйство и уединеніе, рѣдко выѣзжалъ и мало читалъ, лишь по временамъ заглядывая въ крошечные листы тогдашнихъ «Московскихъ Вѣдомостей». Онъ умеръ отъ воспаленія печени, 37 лѣтъ, когда сыну шелъ всего десятый годъ.

Мать нашего писателя, Екатерина Григорьевна, вышедшая во второй разъ замужъ за М. М. Иванчина-Писарева, умершаго въ чинѣ генераль-маіора, являлась совершенною противоположностью своему первому мужу, отцу нашего писателя. Одаренная незауряднымъ умомъ и подвижнымъ, впечатлительнымъ характеромъ, прекрасная музыкантша и хорошо знакомая съ русскою и французскою литературою, любившая общество, балы и выѣзды, она, по словамъ Г. П.

«всюду вносила особый, свойственный ей даровитой природѣ, отпечатокъ радушной свѣтской общительности и тонкаго, недюжиннаго ума». Круглая сирота, она получила воспитаніе подъ опекою своего дяди, въ харьковскомъ институтѣ для благородныхъ дѣвицъ, гдѣ, по преданію, была одною изъ лучшихъ ученицъ извѣстнаго піаниста и композитора Борсицкаго. «Въ моихъ ушахъ донынѣ,—писалъ Г. П. въ 1890 г.:—раздаются звуки тѣхъ пьесъ, которыя она въ совершенствѣ исполняла на приданомъ своемъ роялѣ въ длинные, зимніе, деревенскіе вечера, какъ, на примѣръ, отрывки изъ «Фенеллы» и «Пампы», аріи Беллини и концертныя пьесы Калькбреннера и Листа». Страстно любя литературу, она съ тридцатыхъ годовъ выписывала лучшіе русскіе литературные журналы, давшіе первую умственную пищу ея старшему сыну, будущему извѣстному писателю (второй ея сынъ отъ перваго брака, Петръ, имѣлъ большія способности къ живописи, былъ товарищемъ по воспитанію извѣстнаго живописца Семирадскаго, но скончался въ молодыхъ лѣтахъ, въ 1862 году). Несомнѣнное и большое вліяніе матери на Г. П. подтверждается обширной перепиской, веденной съ сыномъ въ теченіе почти сорока лѣтъ; несомнѣнно, что горячая любовь матери къ сыну, платившему ей полною откровенностью, не угасала до конца дней ея; несомнѣнно, что сердечная привязанность сына съ годами еще болѣе окрѣпла, и гдѣ бы Г. П. ни находился, онъ чуть не еженедѣльно писалъ своей матери.

Какъ любилъ и уважалъ нашъ покойный писатель свою мать, можно видѣть, на примѣръ, хотя бы изъ письма отъ 15-го февраля 1847 года. Письмо это замѣчательно и обширно: оно занимаетъ восемь большихъ страницъ; въ немъ восемнадцатилѣтній юноша-студентъ, подъ вліяніемъ какаго-то покаяннаго порыва, искренно и горячо исповѣдуются передъ матерью, рассказываетъ о своихъ задушевныхъ мечтахъ и помыслахъ, строитъ планы на будущее, которыми оправдываетъ свое желаніе учиться въ университетѣ, что для родителей, въ денежномъ отношеніи, было подчасъ тяжело. Онъ вспоминаетъ, между прочимъ, о своемъ дѣтствѣ и говорить: «Съ тѣхъ поръ какъ я себя помню, я любилъ Маману каждый часъ, каждую минуту если

*) Курсивъ подлинника.

бы этого не было, я бы не была тѣмъ, чѣмъ я теперь. Смерть папани меня не такъ поразила въ первый мигъ, но впоследствии я, даже часто втихомолку, плакала, и среди игръ задумывался о будущей судьбѣ насъ сиротъ; я горько жалѣлъ объ ангелѣ покойномъ папанѣ. Слушайте и вѣрьте — я видѣлъ и понималъ подлѣя интриги Ивана Пв. Старшаго и другихъ нѣкоторыхъ, кромѣ его жены и Вас. Ив. дядежки: я ихъ понимать — да, я ихъ понималъ, и клянусь — я понималъ всею душою положеніе одинокой ангельской Маман, съ нами глухими — когда она, сидя съ Вѣрой Яковлевной *) въ спальнѣ, при мнѣ часто плакала... Я грызъ пальцы, проклиная злодѣевъ... Да, безцѣнный ангелъ Мама, вы вѣроятно помните еще тѣ сны, когда я вскакивать и кричалъ, и рвался къ вамъ, и цѣловалъ васъ — мнѣ снились они, что будто убить они меня хотѣли». Сообщая матери, въ продолженіе многихъ лѣтъ, о всѣхъ своихъ литературныхъ планахъ и работахъ, объ успѣхахъ и неудачахъ, Г. П. несомнѣнно высоко цѣнилъ ея художественный вкусъ и литературное образованіе. Рассказывая, напримѣръ, въ письмѣ отъ 31-го января 1854 года объ успѣхѣ «Слобожанъ» — своего перваго сборника беллетристическихъ произведеній, о неотступныхъ требованіяхъ петербургскихъ и московскихъ книгопродавцевъ выпустить повсе изданіе, молодой писатель проситъ свою мать «перечестъ снова всю книгу съ карандашомъ, вычеркнуть цѣлыя мѣста и главы, указать, какъ измѣнить фразы и дѣйствіе рассказовъ, — все, что не понравится».

Екатерина Григорьевна скончалась въ 1875 году, 65-ти лѣтъ отъ роду, до самой смерти сохранивъ бодрость духа, симпатичный живой нравъ и превосходную память. По неотступной просьбѣ Г. П., за годъ до своей смерти, она начала писать мемуары и оставила сыну-писателю на память большую тетрадь своихъ воспоминаній, подъ названіемъ «Моимъ внукамъ», хотя довела ихъ, къ сожалѣнію, только до первыхъ двухъ-трехъ лѣтъ послѣ своего замужества. Люби вообще писать и обладая замѣчательно красивымъ для женщины и четкимъ почеркомъ, она охотно отвѣчала не только на письма своего сына, но и вела оживленную переписку съ родными и близкими людьми. Какъ и многіе

*) Будаковой, второй учительницей Г. П. О ней смотри дальше.

выдающіеся дѣтели, нашъ покойный писатель несомнѣнно унаслѣдовалъ характеръ своей матери, ея нравственный и умственный обликъ, который, разумѣется, видоизмѣнился согласно нѣкоторымъ индивидуальнымъ особенностямъ. Конечно, какъ человекъ, одаренный выдающимся литературнымъ талантомъ, Г. П. стоялъ значительно выше своей матери; но едва ли можно отрицать, что эта даровитая, энергичная и образованная женщина передала своему сыну зародыши тѣхъ духовныхъ даровъ, которые расцвѣли такимъ пышнымъ цвѣтомъ въ лицѣ автора «Мировича»; едва ли можно отрицать, что сынъ, въ буквальный смыслъ слова, съ молокомъ матери всосалъ живое художественное чувство, ея любовь къ литературѣ и искусству. Кто помнитъ вѣчно живого, вѣчно дѣятельнаго и общительнаго Г. П., который до конца дней своихъ сохранилъ необыкновенную энергію въ работѣ, ясность пронизательнаго ума и свѣжесть таланта, тотъ согласится, что нашъ даровитый писатель являлся прямымъ и ближайшимъ наслѣдникомъ духовнаго богатства своей матери.

Григорій Петровичъ Данилевскій родился 14-го апрѣля 1829 года, въ имѣніи своей тетки, по отцу, Анны Ивановны Антоновой, въ селѣ Даниловкѣ, пзюмскаго уѣзда, харьковской губерніи. Дѣтскіе годы оня провелъ частью въ змѣевскомъ имѣніи дѣда, селѣ Пришибѣ, близъ Дона, частью въ сосѣднемъ отцовскомъ, доставшемся ему впоследствии имѣніи, селѣ Петровскомъ. Здѣсь росъ будущій писатель подъ кровомъ сельской тишины и старины, которую полюбилъ всею душой и неоднократно художественно воспроизводилъ въ своихъ бытовыхъ разсказахъ, въ первую половину своей литературной дѣятельности. Міръ сказочныхъ и фантастическихъ украинскихъ преданій сдѣлался ему роднымъ міромъ и послужилъ впоследствии матеріаломъ для стихотворныхъ «Украинскихъ сказокъ», имѣвшихъ и имѣющихъ такой успѣхъ и выдержавшихъ восемь изданій. Картины украинской природы глубоко запали въ душу впечатлительнаго мальчика и воскресли потомъ въ чудесныхъ описаніяхъ, въ родѣ, на примѣръ, поэтическаго описанія дѣдушкина домика, въ разсказѣ, подъ тѣмъ же заглавіемъ появившемся въ печати въ 1853 году и малознакомомъ читающей публикѣ. Это описаніе настолько красиво, что не

лишимъ будетъ напомнить его хотя бы въ нѣкоторыхъ характерныхъ отрывкахъ: «На низменной просѣлкѣ Черточенскаго уступа, на гребнѣ зеленого косогора, надъ озеромъ и болотомъ, стоитъ дѣдушкинъ домикъ. Онъ стоитъ тутъ уже съ давнихъ поръ... Видъ съ косогора на воду, перебившуюся кучковатыми плесами, по которымъ, едва пробѣжить вѣтеръ, стелется лилово-сизый островъ, и на сочную зелень болота, въ рамѣ тростниковъ и густолистныхъ кустарниковъ,—хорошъ особенно лѣтомъ. Какая странная и причудливая растительность! Какъ перевиты эти сучковатыя деревья дикимъ хмелемъ! По окраннымъ озера стелются ползучія травы, называемыя бабимъ неводомъ... Чего только нѣтъ въ этомъ лѣсу! А какъ настанетъ весною прилетъ птицъ,—и запоетъ, и застонетъ кудрявый лѣсъ! По влажному, остывшему илу, какъ на конькахъ, скользятъ и бѣгаютъ пестрыя курочки, и сѣрая поверхность усѣвается крестиками пурпурныхъ ножекъ, какъ старинная рукопись словами. Каждый кустъ, каждая вѣтка одѣты своею благоуханною атмосферою! Носатый огарь, точно клокъ краснаго сукна, перебрасывается съ дерева на дерево, бѣгаетъ и тихо вытаскиваетъ изъ влажной земли сладкіе корешки, бѣлыя поросли камыша и прошлогоднихъ букашекъ, или же, беззаботно набѣгавшись, стоитъ себѣ на одной ножкѣ, зажмуривъ глаза по сторонамъ поднятаго носика, и дремлетъ подъ полусонное жужжаніе кузнечиковъ и мошекъ, и медленно качаются вокругъ него широкіе, сквозящіе лопухи и махровыя ленты хмеля, и тихо застилаетъ его прохлада подступающаго вечера, и проносятся надъ нимъ, какъ бродячія пѣвчія струны, рогатыя жукалки и трепетныя сумеречныя бабочки! И вотъ заливаются голубымъ и краснымъ потомъ цвѣтущія пѣкоси. Трещить и сохнетъ отнесенный весеннею подою буреломъ и разное мелкое ухвостье. Въ камышахъ пробираются облынялыя, безкрылыя утки. Гнѣзда свиты, начинается безконечная громкая роскошная лѣсная свадьба.. На тихой утренней зарѣ, когда по темнымъ деревьямъ только-что мелькнули желто-пурпурныя пятна и туманъ свился и плыветъ надъ болотомъ,—въ недосыгаемой вышины беруть верхъ и идутъ какіе-то чудные звуки, точно торжественный, таинственный благовѣстъ раздается подъ небесами и падаетъ на землю.. На лѣсъ проливается цѣлое море звуковъ. Черканье болотныхъ веретениковъ, сонное

курлуканіе горлинокъ, звонъ травниковъ, какъ теньканье крохотныхъ стеклянныхъ колокольчиковъ, рѣзкое чоканье дроздовъ и дребезжащій смѣхъ пустынной хохотвы, какъ ауканье спрятапнаго въ кустахъ лѣснаго, долетающій откуда-то чуть слышный бой перепела, трескъ куличка и печальныя перезваниванья иволги,—сколько странныхъ, сколько причудливыхъ голосовъ и звуковъ!..»

По странной случайности, русскую азбуку впервые объяснилъ даровитому мальчику, по какому-то замасленному букварю съ картинками, семидесятилѣтній старикъ, еврей Берко Семеновичъ, наѣзжавшій въ имѣнія отца и дѣда Г. П., для починки часовъ и другихъ вещей, изъ военно-поселенской слободки Андреевки. Въ то время Г. П. было всего пять лѣтъ. «Объжавъ съ утра садъ, конюшни и огороды,—разсказываетъ въ своихъ школьныхъ воспоминаніяхъ нашъ писатель:—и врываясь въ залъ, гдѣ работалъ Берко, я любилъ подсаживаться къ нему. Здѣсь онъ, работая и поглядывая на меня черезъ очки добрыми, ласковыми глазами, разсказывалъ мнѣ библейскія легенды... Отъ Берко я впервые узналъ объ Авраамѣ, Ноѣ и Давидѣ. И я помню, что, сочтя себя тутъ же Самсономъ, я долго не позволялъ нянѣ Аграфенѣ стричь себѣ волосы, чтобы не потерять тѣлесной силы, и уступилъ ей, послѣ долгихъ споровъ и слезъ, только потому, что вспомнилъ о другомъ героѣ, Авессаломѣ, повисшемъ въ бѣгствѣ подъ деревомъ на длинныхъ волосахъ. Берко, сколько помню, очень полюбилъ меня. Отдыхая среди работы, онъ вынималъ изъ кармана своего длиннополага лапсердака разныя книжки и медленно, тихо читалъ мнѣ ихъ. Узнавъ, что я еще не знаю грамоты, онъ шутя сталъ объяснять мнѣ буквы и скоро научилъ меня разбираться по складамъ. Это сильно обрадовало моихъ родителей, рѣшившихъ, что пора, видно, браться за мою грамоту.»

По пятому году даровитый мальчикъ впервые узналъ о Гоголѣ отъ мужа своей няни, старушки Аграфены, которая, въ свою очередь, разсказывала будущему писателю народныя украинскія сказки. Мужъ няни, комнатный слуга бабки, Абрамъ, занимавшійся переплетнымъ мастерствомъ и потому кое-что читавшій, добывъ изъ шкапа бабки «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки», прочелъ любознательному мальчику нѣсколько повѣстей Рудаго-Панька и привелъ его въ рѣшительный восторгъ. Абрамъ познакомилъ потомъ Г. П.

и съ фантастическими разказами барона Брамбеуса. Особенно понравился маленькому Гришѣ «Большой выходъ у Сатаны», въ которомъ царь чертей проглатываетъ, въ видѣ сухаря, романъ «Петръ Выжигинъ» и запиваетъ его, вмѣсто вина, дегтемъ.

Для правильнаго обученія грамотѣ пятилѣтняго Г. П. матерью его была приглашена воспитанница перваго выпуска харьковскаго института, Е. П. Пчёлкина, объяснившая будущему писателю первыя понятія о вѣрѣ и обучившая его молитвамъ, бѣглому чтенію, писанію съ прописей и таблицѣ умноженія. За болѣзнь Пчёлкиной, Г. П. преподавала затѣмъ другая харьковская институтка, В. Я. Будакова, съ которою ученикъ ея прошелъ первыя правила ариѳметики, часть русской грамматики Греча и кое-что изъ русской географіи Арсеньева; у Будаковой Г. П. началъ учиться также французскому и нѣмецкому языкамъ. Первому, одновременно, обучалъ харьковскій французъ Пешъ, а второму—добродушная и толстая, чувствительная нѣмка, старушка Бодекъ, читавшая вслухъ своему ученику то чувствительныя, то веселыя разказы, которыхъ онъ не понималъ, почему и занимался во время чтенія черченіемъ домиковъ и звѣрей, а также вырѣзываньемъ изъ бумаги солдатиковъ.

Такимъ образомъ протекало дѣтство будущаго писателя. Онъ росъ на просторѣ и на свободѣ, согрѣваемый ласкою горячо-любимой матери и отчима, замѣнявшаго ему отца и дѣйствительно отечески заботившагося о воспитаніи маленькаго пасынка Гриши. Вспоминая впоследствии, въ бытность въ университетѣ, въ 1847 году, о своемъ дѣтствѣ, Г. П. писалъ матери: «Ангель папаша Михаилъ Михайловичъ и самъ не знаетъ, какъ я его люблю; дай Богъ мнѣ миллионную долю заслужить того, что онъ для насъ; уже одно то, что онъ воскресилъ ангельскую мамашу—это со слезами и небесныя ангелы записываютъ около Бога! Клянусь Богомъ—я его люблю, какъ родного папеньку». Когда Г. П. исполнилось десять лѣтъ, родители начали подумывать, что пора отдать его въ хорошее учебное заведеніе. После долгихъ соображеній, по совѣту В. Я. Будаковой, рѣшили отвезти мальчика въ Москву.

Въ январѣ 1841 года, одиннадцатилѣтняго Г. П. вотчимъ, М. М. Иванчинъ-Писаревъ, отвезъ изъ харьковскаго имѣ-

нiя с. Петровскаго въ Москву, гдѣ опредѣлили въ дворянскiй институтъ, бывшiй до 1833 года университетскимъ благороднымъ пансиономъ, а въ 1849 году преобразованный въ IV-ю московскую гимназiю. Вначалѣ робкiй, блѣдный, съ загорѣвшимъ отъ степного воздуха лицомъ, новичокъ, въ темно-зеленой курткѣ съ краснымъ воротникомъ и бронзовыми пуговицами съ московскимъ гербомъ (по праздникамъ—въ мундирѣ такого же цвѣта, съ такими же пуговицами и съ золотыми петлицами по красному воротнику), вскорѣ, однако, освоился съ внутреннею жизнью школы, полюбилъ ее и незамѣтно, быстро привязался къ ней. По временамъ, правда, въ воспоминанiи воскресали разныя картины—деревенскiй родной домъ, посеребренныя лисеи дорожки сада, игра съ сельскими мальчиками въ снѣжки, ѣзда по степи съ приказчикомъ къ овчарнымъ сараямъ, охота съ дядей въ лѣсу, и пр., — но эти картины скоро тускнули, заслоняемыя школьною дѣйствительностью, которая также оставила самыя отрадныя воспоминашя. Шесть лѣтъ пребыванiя въ институтѣ промелькнули такъ же незамѣтно, какъ шесть недѣль.

Хотя дворянскiй институтъ былъ классическою школою, какъ и всѣ тогдашнiя уваровскiя гимназiи, но его воспитанниковъ не изнуряли излишнимъ зубреженемъ древнихъ языковъ въ ущербъ русскому языку и русской исторiи, а главное — въ ущербъ здоровью учащихся. «Воспитанники института, — говоритъ Г. П. въ своихъ школьныхъ воспоминашяхъ:—не знали ни «переутомленiя», ни вытекающихъ изъ него «нервныхъ» и другихъ страданiй. Особенно выгодно отражались на нашемъ здоровьѣ гимнастика, катанье съ горъ и на конькахъ и уроки фехтованiя». Въ праздники, зимой, въ институтѣ устраивались домашнiе спектакли: иногда же воспитанниковъ на казенный счетъ возили въ театръ смотрѣть Мочалова, Щепкина, Живокини. Остававшiеся лѣтомъ, на время вакацiй, подь Москвою, у родныхъ или знакомыхъ, продолжали полезныя физическiя упражненiя, увлекаясь охотою и рыбною ловлею. Г. П. лѣтомъ обыкновенно гостилъ въ имѣнiи своего отчима (с. Теплыши, бронницкаго уѣзда) и цѣлые дни проводилъ въ охотѣ, съ сѣткою, на переловѣ. При образцовой постановкѣ въ институтѣ физическаго воспитанiя, также прекрасно было поставлено и преподаванiе. «Наши учителя въ классахъ,—

говорить Г. П.,—не играли роли только экзаменаторовъ, не ограничивались однимъ лишь спрашиваніемъ и задаваніемъ уроковъ. Классы проходили въ ближайшемъ и подробномъ объясненіи, со стороны учителей, изучаемыхъ предметовъ, причемъ преподаватели постоянно старались о томъ, чтобы и слабѣйшіе изъ учениковъ могли понять и усвоить проходимое. Учебниковъ, издаваемыхъ самими преподавателями, намъ, по протекціи ихъ авторамъ, не навязывали и, по чьему-либо капризу, безъ толку ихъ не мѣняли. При изученіи географіи не обременяли нашей памяти непомярымъ грузомъ статистическихъ цифръ и сухимъ перечнемъ городовъ, мѣстностей и народовъ, а болѣе знакомили въ общедоступной формѣ (учитель Соколовъ) съ общими картинами этихъ мѣстностей, городовъ и народовъ. Часть географіи, для практики въ нѣмецкомъ языкѣ, намъ преподавалась по-нѣмецки, какъ и для французскаго языка—естественная исторія—по-французски. Послѣдствіемъ такого порядка было то, что репетиціи представляли, дѣйствительно, только повтореніе, освѣженіе въ памяти преподаваемого въ классахъ, и самостоятельно на нихъ обрабатывались лишь сочиненія на заданныя темы, переводы съ древнихъ и новыхъ языковъ, да провѣрялись, при помощи способнѣйшихъ учениковъ, рѣшенія наиболѣе трудныхъ математическихъ задачъ. Ненужными переводами съ русскаго на древніе, мертвые, языки насъ также не томили, а если это изрѣдка и требовалось, то лишь какъ исключеніе и только относительно способнѣйшихъ учениковъ. Вечерними репетиціями кончались всѣ наши занятія, и, уходя послѣ ужина въ дортуары, никто болѣе не сидѣлъ надъ книгами, — подобнаго несвоевременнаго занятія не допускали и дежурные надзиратели. Къ 10-ти часамъ вечера въ институтъ мирно засыпали всѣ 150—200 его питомцевъ».

Исключеніе допускалось только въ старшихъ классахъ, во время трудныхъ экзаменовъ, весною. Несмотря, однако, на хорошую постановку преподаванія и хорошихъ преподавателей, кончали курсъ въ институтъ не болѣе трети изъ числа поступавшихъ; оставшіеся переходили въ другія учебныя заведенія или поступали въ военную службу. Въ числѣ хорошихъ обычаевъ института Г. П. вспоминаетъ также объ обычаѣ не исключать съ «волчьимъ паспортомъ», такъ чтобы исключенный не могъ поступить впредь ни въ

одно учебное заведеніе. За дерзкія шалости наказывали розгами, но этимъ все и ограничивалось.

Вѣрный своимъ литературнымъ традиціямъ, свято чтившій память трехъ своихъ знаменитыхъ воспитанниковъ — Жуковскаго, Грибоѣдова и Лермонтова, имена которыхъ были начертаны золотыми буквами на мраморной доскѣ въ рекреационной залѣ вмѣстѣ съ именами другихъ извѣстныхъ русскихъ писателей, окончившихъ здѣсь курсъ (Ф. П. Тютчевъ, Шевыревъ, Вельтманъ, Свинынъ, Калачовъ, Леонтьевъ, Норовъ и др.), — дворянскій институтъ обращалъ особенное вниманіе на изученіе русскаго языка, родной литературы, исторіи и географіи. Учителя русскаго языка — Архидіаконскій, Билевичъ и Перевлѣскій — задавая учить стихотворенія Жуковскаго, указывали на тѣ изъ нихъ, которыя были написаны поэтомъ еще въ стѣнахъ института. «Горѣ отъ ума» Грибоѣдова, какъ и всего почти Лермонтова, питомцы института знали наизусть. Перевлѣскій знакомилъ учениковъ съ первыми стихотвореніями Майкова и Полонскаго, а учитель исторіи, Н. В. Смирновъ, излагая какое-нибудь крупное историческое событіе, читалъ имъ отрывки изъ великихъ писателей, касавшихся той же эпохи, — Вальтеръ-Скотта, Шекспира, Шатобриана, Шиллера и русскихъ авторовъ. «Объясняя однажды, — рассказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Г. П., — способъ рисовки типовъ у иностранныхъ писателей, онъ указалъ намъ на своеобразные въ этомъ отношеніи приемы Гоголя и тутъ же на лекціи прочелъ намъ изъ появившихся незадолго передъ тѣмъ и еще не всѣмъ намъ знакомыхъ «Мертвыхъ душъ» характеристики Манилова, Собакевича и Ноздрева.

Результатомъ правильной постановки въ институтѣ преподаванія родного языка и литературы получалось отрадное и рѣдкое въ наше время явленіе: четырнадцати- и пятнадцатилѣтніе мальчики писали лучше, чѣмъ пишутъ теперь многіе молодые люди, имѣющіе аттестатъ зрѣлости и поступающіе въ университетъ послѣ восьми и девятилѣтняго обученія въ гимназіяхъ.

Въ институтѣ нашъ будущій писатель не только учился хорошо, изъ первыхъ учениковъ, ежегодно переходя изъ класса въ классъ, но и быстро разносторонне развился, — что, конечно, слѣдуетъ приписать, главнымъ образомъ, гуманитарному вліянію школы. Объ этомъ свидѣлствуютъ юношески-

восторженные письма Г. П. того времени къ матери. Возвышенное, идеалистическое вліяніе института сказалось также въ занятіяхъ его воспитанниковъ изящными искусствами. Такъ, будущій авторъ «Бѣлыхъ въ Новороссіи», по собственному сознанію въ воспоминаніяхъ, занимался переводами Гѣлти и Вольтера, пѣлъ въ институтскомъ церковномъ хорѣ и учился играть на фортепиано; однолѣтокъ товарищъ его и землякъ, П. И. Соколовъ, впоследствии известный профессоръ живописи и авторъ жанровыхъ картинъ изъ малорусскаго быта: «Гаданіе на вѣнкахъ», «Ночь на Ивана Купала», и проч.,— успѣшно рисовалъ; нѣсколько человѣкъ увлекались музыкою, другіе—скульптурною лѣпкою, трети—стихотворными переводами, и т. д. Такова была атмосфера института, таковъ былъ его духъ, и вполне понятно, что еще на институтской скамьѣ началась литературная дѣятельность нашего беллетриста. Началась она стихами, повидимому, около 1844 г., можетъ-быть, даже раньше. Такъ, по крайней мѣрѣ, явствуетъ изъ писемъ.

Въ письмѣ отъ 8-го января 1845 г., между прочимъ, говорится: «...Я увидѣлъ, что поэзія скоро разольется по всему моему существованію и что кичливый мостъ стиховъ будетъ меня сообщать съ этимъ свѣтомъ... Вѣрно врождено въ меня, назначено судьбою мнѣ это высокое чувство, и я не въ силахъ разстаться съ нимъ... Ахъ! Сколько я ей писала стиховъ! Я только за нихъ слышала одні похвалы, предсказанія самыя завидныя... Съ какимъ рвеніемъ принялся я теперь за книги, какъ я вижу теперь всю ихъ пользу». — Въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 15-го января того же года, юный поэтъ писалъ своей матери: «...Мои чувства, воспламененныя свѣтло-чистымъ ангеломъ (вы знаете кѣмъ), омиты въ нектарѣ правоты и святости,—порываются снова. Нѣсколько разъ они свивались и, развиваясь, изливались въ тихія пѣсни «*Мотылька и розы!*» (стихи, которые я написалъ недавно—кажется, вчера)... Вообразите, что я на Рождество одѣлилъ почти всѣхъ стихами, т. е. посланіями... Душка мамаша, ангель папа! Если хотите — напишите только, и я пришлю стихи, которые писалъ недавно; всѣхъ, ей-Богу, не могу—много очень!»

Въ другихъ письмахъ Г. П. сообщалъ своей матери, что учитель русскаго языка читалъ въ институтѣ передъ всѣмъ классомъ одинъ его переводъ и оцель хвалилъ; что пере-

воль съ нѣмецкаго, по просьбѣ учителя географіи (это было уже въ 6-мъ классѣ, послѣднемъ), какую-то рѣчь «Объ образованіи земли», которую предполагалось напечатать въ «Журн. Мин. Народнаго Просвѣщенія»; что «кромѣ лирическихъ переводовъ и куплетовъ въ стихахъ» онъ написалъ въ прозѣ и стихахъ три дѣйствія драмы: «*Лордъ Кляйвъ, или два рода мести*» и полторы главы романа въ стихахъ: «*Нытшиній сѣтъгъ*». Къ сожалѣнію, ни одной изъ упомянутыхъ въ письмахъ работъ юнаго поэта не сохранилось. Напечатаны эти юношескія произведенія нигдѣ не были. Первою печатною вещью Г. П. было стихотвореніе «*Славянская весна*», появившееся въ № 47 «Иллюстраціи» 1846 г., безъ подписи, когда авторъ былъ уже въ петербургскомъ университетѣ.

Если, по словамъ Г. П., на необходимость дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ, по окончаніи курса въ институтѣ, первый указалъ восторженному юношѣ К. Ф. Саблеръ, свитскій офицеръ, чугуевскій знакомый матери нашего писателя; если, заставая въ своей гостиной часто навѣщавшаго его по праздникамъ Гришу за чтеніемъ книгъ, газетъ и журналовъ, Саблеръ говорилъ будущему писателю о свѣтломъ поприщѣ высшихъ научныхъ познаній и объяснять, что выше умственного свободнаго труда нѣтъ наслажденій на свѣтѣ; если вообще мысль о поступленіи въ университетъ была навѣяна этимъ умнымъ свитскимъ офицеромъ: то стремленіе къ дальнѣйшему развитію, жажда знаній, желаніе быть выше своихъ сверстниковъ, пониманіе своихъ недостатковъ, могущихъ усилиться подъ вліяніемъ известной обстановки, и рѣшеніе не пройти въ жизни безслѣдно, — все это давно волновало впечатлительнаго мальчика. Такимъ образомъ, слова Саблера только упали на тучную почву и принесли плодъ сторицею. Вотъ что, напримѣръ, писалъ Г. П. къ своей матери въ письмѣ отъ 15-го февраля 1847 г.: «Съ 10-ти лѣтъ у меня первую задушевную мыслью было—быть *чѣмъ-набудь, не какъ подобныя мнѣ* изъ молодого поколѣнія; я былъ на все мастакъ, я все хотѣлъ не то что выучить, а разомъ вынѣтъ въ одинъ потокъ... Жить въ нѣгѣ, жить въ покоѣ, жить въ глухой тишинѣ, но въ счастіи,—это мнѣ не было по душѣ; нѣтъ, меня что-то тревожило безпрестанно, я чувствовалъ въ душѣ что-то страшное, и это все было у меня тогда смѣшано

безотчетно,—а романовъ тогда я еще не читалъ и некому было мнѣ объ этомъ толковать, кромѣ Пѣша, который все курилъ трубку, да брата Колю, который все мечталъ объ усахъ и эполетахъ. Шалунъ я былъ страшный, пока добрый папаша не отвезъ меня въ Москву. Въ институтѣ я учился, школьничалъ, но видѣлъ, что всѣ мои товарищи-москвичи—мѣшки; я говорю, какъ чувствую. Не былъ же я первымъ частію по незнанію языковъ, частію потому, что директоръ сперва меня не любилъ за быстрый и острый характеръ; кончивъ курсъ, я понялъ это хорошо, когда меня экзаменовали чужіе профессора и я получилъ балловъ больше всѣхъ другихъ товарищей четырьмя и когда директоръ за поведеніе поставилъ отлично въ аттестатѣ. Набравшись наукъ, я просвѣтлѣлъ головою и иначе посмотрѣлъ на жизнь. Правый взглядъ на вещи заставилъ меня рано подумать о будущности, я рано—еще за два года—составилъ себѣ карьеру, особенно послѣ вакацій, послѣ вашихъ совѣтовъ. Я созналъ въ себѣ много силъ къ осуществленію мысли — «быть другимъ, чѣмъ товарищи по моей жизни, быть выше ихъ»; это облагородило мои увлеченія, я не связался съ грязною молодежью Москвы, я рвался оттуда... Этотъ самый восторгъ сдѣлалъ меня и поэтомъ, и я до безумія влюбился въ поэзію, особенно видя успѣхи въ изящномъ и ясномъ изложеніи мыслей въ стихахъ... Это же стремленіе заставило меня въ Москвѣ искать высшего, опрятнаго, изящнаго общества,—что и подало вамъ мысль думать, что я ищу разсѣянной жизни, пустозвоннаго веселія; я хотѣлъ облагородить себя этимъ обществомъ, его приемами, танцами, особенно обществомъ барышень, отъ чего чуть-чуть въ одну не влюбился... Въ институтѣ, особенно въ послѣдніе два года, я какъ будто еще болѣе получилъ силъ; я ничѣмъ не пренебрегалъ: кромѣ изученія нужныхъ наукъ и по возможности языковъ, я и фехтовалъ, и танцевалъ, и пѣлъ, въ чемъ даже нѣсколько тогда успѣлъ, и игралъ на фортепіано, и учился купаться, и стрѣлялъ, и на бильярдѣ выучился, и на гимнастику ходилъ, и учился на конькахъ, и рисовалъ — и вдобавокъ упражнялся въ сочиненіяхъ, — словомъ, я не пренебрегалъ ничѣмъ — я хотѣлъ испытать себя; когда я увѣрился въ себѣ — я написалъ къ вамъ первое письмо, въ которомъ просилъ васъ дать мнѣ возможность ѣхать *учиться* въ Пе-

тербургъ*). Зачѣмъ именно въ Петербургъ? Москву слишкомъ хорошо я разглядѣлъ: эту беззаботную жизнь навось, это равнодушіе къ ученью, къ положительной жизни, эту грязную мелочность молодежи—все я разглядѣлъ, вмѣстѣ съ чудною Москвою-матушкою, ея бѣлокаменнымъ Кремлемъ, который часъ-отъ-часу грустнѣе смотритъ на переменчивое поколѣніе и ворчитъ, сверкая крестами. Харькова я не зналъ, но я его понималъ по Колѣ и по слухамъ... Я и Харьковъ, близость родины ангельчиковъ моихъ, все, вздохнувши, на время оставилъ... Я боялся заразиться Москвою и Харьковомъ, я боялся сдѣлаться такимъ человѣкомъ, который, вышедши изъ университета, поступитъ въ службу, огрубѣетъ, оплыветъ, женится на какой-нибудь Ганнусѣ; безотвѣтно пройдетъ онъ для міра, не согрѣетъ онъ для новаго поколѣнія живой идеи, не выноситъ подъ сердцемъ своимъ горячаго произведенія таланта, передъ которымъ бы безпечный, игривый потомокъ въ своемъ бѣгу остановился и, засмотрѣвшись на это твореніе, прославилъ бы его—нѣтъ! Онъ пройдетъ безотвѣтно для всѣхъ, умретъ какъ кануть въ воду, и только послѣ него у иного почешется за ухомъ, и тотъ скажетъ: «да, добрякъ былъ, чурбанъ лѣнивый,—

*) Рѣчь идетъ о письмѣ отъ 10—18-го марта 1846 г., писанномъ на десяти страницахъ. Стараясь расположить мать, не обладавшую достаточными средствами, къ разрѣшенію продолжать ученіе въ петербургскомъ университетѣ. Г. П., между прочимъ, писалъ: «...Вся молодежь тѣснится въ университетъ; но странно, большая часть просится ѣхать либо въ Дерптъ, либо въ Петербургъ... Я видѣлъ недавно примѣръ, что вышедшій изъ нашего института Хлоповъ, котораго папинька мой знаетъ, изъ любви къ своимъ родителямъ остался въ харьковскомъ университетѣ, но не прошло и году, онъ возвращается въ Москву, съ большою головою отъ тамошнихъ профессоровъ, которые знаютъ не болѣе нашихъ учителей институтскихъ! А что касается до разницы между московскимъ и петербургскимъ университетами, то чуть ли не такая же разница, какъ между Харьковомъ и Москвою... Что говорятъ о петербургскихъ студентахъ. Ихъ тамъ все ищутъ, тамошній университетъ любитъ и самъ государь, а что касается до одинокой жизни студента и тамъ, и здѣсь, т. е. что касается до расходовъ, то они почти тѣ же, что здѣсь и тамъ... Притомъ же Петербургъ новый совершенно городъ, заграничный уже свѣтъ, все лучшее общество даже изъ Москвы, все наши литераторы!—О, сколько предметовъ для наблюдательнаго, любопытнаго глаза!.. Потомъ (по окончаніи университета) какъ чудно, если окончатъ дорогу желѣзную до Москвы, приѣхать къ вамъ, пожить возлѣ васъ и отправиться на два или на три года за границу, гдѣ столько сокровищъ для познаній всякаго рода, гдѣ такъ образуются молодые люди».

славная паливка у него бывала!» Вотъ чѣмъ я боялся заразиться тамъ... а это такъ искучительно для многихъ! Вѣрно много я ждалъ впереди, вѣрно чувствовалъ себя сильнымъ, когда рѣшился оставить легкое и пустился одинъ, безъ совѣтниковъ, за полторы тысячи верстъ. И я не ошибся въ своихъ ожиданіяхъ, и я не разрушилъ ни одного изъ ожиданій вашихъ... Больно рвалась душа при разставаньи съ вами, я точно умеръ, когда повозка закатилась изъ виду вашего — я даже было рѣшился вернуться. За эти жертвы Богъ меня не оставитъ!..»

Проведя лѣто по окончаніи курса въ институтѣ (въ аттестатѣ значилось: успѣхи—*очень хорошіе*, поведеніе—*отличное*) на родинѣ, въ кругу близкихъ родныхъ, согласившихся отпустить сына въ далекій университетъ, Г. П. въ августѣ отправился на сѣверъ, въ чужой городъ. Отчимъ провожалъ своего пасынка до Харькова. Въ Москвѣ бывший питомецъ института заходилъ къ его директору Чивилѣву, который далъ рекомендательное письмо къ своему близкому другу, петербургскому профессору Порошину; учитель русскаго языка Перевлѣскій далъ Г. П. рекомендательныя письма къ Гребенкѣ и Кугольнику. Приѣхавъ 25-го августа въ Петербургъ, Г. П. на третій день, одѣвшись въ мундиръ, явился къ инспектору и былъ зачисленъ въ студенты. Онъ выбралъ камеральное отдѣленіе юридическаго факультета. Свой выборъ въ письмѣ къ матери отъ 2-го сентября 1846 г. Г. П. мотивировалъ слѣдующимъ образомъ: «Назначеніе этого факультета,—писалъ онъ,—сдѣлать, образовать людей чисто спеціальныхъ (это все я понялъ изъ словъ дядинки Матвѣя Андреевича (Байкова); который очень одобрилъ мой выборъ); дорога изъ другихъ факультетовъ обыкновенна, на этой дорогѣ легче всего затеряться между тысячею другихъ пигмеевъ (это слова дядинки); оттуда же прямо можно поступить въ министерство финансовъ, государственныхъ имуществъ или же по ученой части... Эту дорогу не всякій найдетъ теперь изъ университетовъ—даже ощупью. Кромѣ того, нѣсколько недѣль назадъ вышелъ указъ государя императора, которымъ повелѣвается принимать въ вышеозначенныя министерства не иначе, какъ занимающихся камеральными науками. Камеральный факультетъ основанъ только 2 года и то въ одномъ Петербургѣ; всѣ предметы изученія на немъ относятся къ чисто

практической жизни, жизни государственной, положительной, и за людей специальных, по словамъ дядиньки М. А., теперь хватаются и сильно, очень сильно въ нихъ пуждаются. Предметы его истекають изъ его назначенія: *относительно правленія*: государственныя учрежденія, гражданскіе законы, государственное право европейскихъ державъ, законы о финансахъ, уголовные законы, законы благоустройства и благочинія; *относительно жизни практической, хозяйственной*: обзоръ хозяйственныхъ растений, система животнаго царства, техническая химія, практическая механика, механическая технологія, статистика, сельское хозяйство, политическая экономія, лѣсоводство; *ученыя науки, въ обширномъ смыслѣ*: богословіе, русская исторія, древняя исторія, средняя исторія, новая исторія, французскій и нѣмецкій языки. Дядинька М. А. мнѣ много хвалилъ этотъ факультетъ, говорилъ, что онъ ближайшій къ цѣли теперешней жизни, и давалъ мнѣ столько святыхъ совѣтовъ, что ихъ можно вѣсить на вѣсъ золота. Онъ мнѣ говорилъ, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мнѣ полезно будетъ заняться изученіемъ практики этихъ наукъ заблаговременно, — что онъ въ этомъ случаѣ откроетъ мнѣ входъ во всѣ замѣчательныя фабрики, учрежденія земледѣльческія, ботаническіе и зоологическіе кабинеты, — а самому мнѣ совѣтуетъ, о чемъ велѣлъ непремѣнно написать къ вамъ — заниматься черченіемъ или рисованіемъ, — это для архитектурныхъ, механическихъ и другихъ плаповъ, — и между прочимъ, не оставлять *музыки* — это для жизни общественной, петербургской, столичной. Въ языкѣ же французскомъ, кромѣ университета, я занимаюсь практически съ кѣмъ только имѣю малѣйшій случай».

Петербургъ произвелъ на молодого провинціала сильное впечатлѣніе. По собственному признанію, столица «закружила» его. Г. П. посѣщалъ ея окрестности, катался по островамъ, бывалъ въ театрахъ, на вечерахъ у знакомыхъ и увлекался танцами. Посѣтивъ 6-го октября тогдашнее модное аристократическое загородное гулянье — Павловскъ, который теперь значительно утратилъ прежнее значеніе, юный студентъ подробно описывалъ его въ письмѣ къ матери отъ 10-го октября. Оркестръ подъ управленіемъ Гунгля очаровалъ Г. П. «Павловскій садъ, — писалъ онъ матери, — казалось, возвращалъ свою весну при звукахъ музыки; я даже не обращалъ вниманія на душистыя головки,

которыя мелькали передо мною въ пестрыхъ салоплахъ à la polka»... Въ этотъ вечеръ павловскій вокзалъ посетили цесаревна Марія Александровна, великая княгиня Марія Николаевна, принцъ Гессенскій, молодой 20-ти-лѣтній генераль, и двое великихъ князей-пажей—Михаилъ и Николай Николаевичи. «Великія княгини, — рассказываетъ Г. П., — слушали Гунгля и хохотали, глядя на принца, какъ тотъ ухаживалъ за придворными дамами и чуть не прыгалъ подъ чудные звуки бѣшеной *Balcoquetten* польки... Цесаревна уже передъ отъѣздомъ подозвала Гунгля и попросила сыграть его изъ новой итальянской оперы *Hernani*; когда пьеса подходила къ концу, цесаревна обратилась къ Маріи Николаевнѣ и съ ужасомъ объявила, что ей нечѣмъ заплатить Гунглю, въ удостовѣреніе чего она вывертила свои батистовые карманы. Марія Николаевна не только не имѣла съ собою денегъ, но даже кармановъ не было въ ея платьѣ. Княгини долго отъ души смѣялись своему горю. Наконецъ цесаревна подозвала Гунгля и, чуть не смѣясь, объявила ему, что ея *Папенька*, ѣхавши въ Москву, увезъ съ собою ключи, но что она у Гунгля въ долгу. Тотъ, низко кланяясь, возвратился въ оркестръ, и вмгъ къ нему полетѣли полновѣсные кошельки гвардейцевъ и гусаровъ; даже придворныя дамы кидали свои бриллыанты; таковъ уже этикетъ!»

Свѣтскія развлеченія не мѣшали, однако, заниматься науками и литературою, аккуратно слушать лекціи и продолжать писаніе стиховъ, много читать и вмѣстѣ съ тѣмъ продолжать занятія музыкою. Вообще матеріально обеспеченный, Г. П. былъ скромнымъ студентомъ, который исполнялъ наставленіе родителей «быть умѣреннымъ». Съ студентами онъ близко не сходилъ и съ товарищами тѣсной дружбы не водилъ. Вышеприведенныя письма, въ которыхъ Г. П. рассказывалъ о своихъ заветныхъ мечтахъ — «быть чѣмъ-нибудь», стоятъ выше другихъ—оправдываютъ, конечно, нѣкоторое отчужденіе отъ своихъ сверстниковъ по университету. Доказательства того, что Г. П. занимался наукою и литературою въ университетскіе годы съ юношескимъ увлеченіемъ, разсыпаны во множествѣ по всѣмъ его письмамъ къ матери за этотъ періодъ времени. Такъ, въ одномъ письмѣ онъ восклицаетъ: «О, если бы я всю жизнь могъ учиться, всю жизнь наполнять душу свѣтлыми образами науки, художествъ... О, если бы я всю жизнь могъ быть

студентомъ!» Въ другомъ письмѣ, отъ 17-го марта 1847 года, студентъ-первокурсникъ писалъ своей матери: «...Я слѣжу за направлениемъ и духомъ нашей литературы, потому что я не въ силахъ преодолѣть стремленія къ этому кумиру, я прислушиваюсь къ толкамъ и говору публики нашей, при появленіи новаго какого-нибудь сочиненія нашего русскаго или чужого и, составивши свое понятіе по горячимъ слѣдамъ, тогда уже отправляюсь въ бібліотеку, беру всѣ новые журналы, въ которыхъ критика является уже черезъ мѣсяцъ на новыя сочиненія, и, кидая прочь романы и повѣсти, перечитываю всѣ критики всѣхъ журналовъ. Такъ я узнаю все мнѣ нужное, и изъ этого выходитъ для меня та польза, что, пришедши домой, я перечитываю *свое*; мнѣ тогда теплѣе въ комнатѣ, потому что изъ портфеля большая часть идетъ въ печь; для самолюбія молодости я очень не самолюбивъ». Въ третьемъ письмѣ, отъ 1-го сентября 1847 года, нашъ писатель говоритъ: «Вакація моя (лѣтомъ 1847 года) не пропала даромъ, по просьбѣ дорогой мамашы, которая заставила меня невольно сознать истину: «жизнь человѣка скоротечнѣе всякой скорости на свѣтѣ, поэтому должно дорожить каждымъ мигомъ». И на вакаціи довольно читалъ на нѣмецкомъ языкѣ Байрона и дѣлалъ изъ него переводы — для лучшаго и вмѣстѣ небезполезнаго изученія нѣмецкаго языка... Но это чтеніе показало мнѣ недостаточность чтенія Байрона въ переводѣ, и я теперь уже *слушаю лекціи англійскаго языка*, къ которому мало-по-малу приложу все мое стараніе... даже для практики на немъ найду случай. На вакаціи же, услышавши отъ товарища о стѣсненныхъ обстоятельствахъ одного изъ бывшихъ издателей полезнаго журнала («Маяка»), г. Бурачка, я взялся *даромъ давать уроки дѣтямъ его изъ языковъ и другихъ наукъ*, по 3 раза въ недѣлю. Мой товарищъ Соколовъ послѣдовалъ моему примѣру и давалъ уроки рисованія и чистописанія. Я продолжаю давать и теперь уроки и долженъ сказать, что не могъ отказаться принять за посильные труды мои въ подарокъ отъ самого автора его журналъ за два года, въ знакъ памяти и благодарности... Я теперь усилъ прочесть довольно книгъ ученыхъ, справился съ ихъ сухими истинами и не на шутку *полюбилъ* эти свѣтлыя, высокія истины ученыхъ сочиненій; съ трудомъ берусь за легкую беллетристику». Сообщая въ томъ же письмѣ матери, что онъ чи-

таетъ «Эстетику Гегеля», Г. П. рассказываетъ весьма подробно о частыхъ посѣщеніяхъ Эрмитажа съ цѣлью изученія школъ живописи. Внимательно осматривала любознательный юноша и другія достопримѣчательности столицы, какъ напримѣръ, разные музеи, не забывая, вмѣстѣ съ тѣмъ, и литературы. Посѣтивъ однажды Зимній дворецъ и придворную церковь, Г. П. описалъ ее и послалъ свое описаніе въ «Полицейскую Газету», у которой въ то время было 9,000 подписчиковъ. Статья была принята, помѣщена въ фельетонѣ съ подписью «Панъ-Баянъ» въ № 186 отъ 25-го августа 1847 года, и авторъ получилъ приглашеніе сотрудничать и впредь. Въ теченіе 1847 года Г. П. помѣстилъ въ «Полицейской Газетѣ» еще шесть фельетоновъ о различныхъ столичныхъ событіяхъ и происшествіяхъ, подъ тѣмъ же псевдонимомъ (№№ 193, 197, 201, 204, 212 и 217), и продолжалъ свое сотрудничество въ этомъ изданіи слѣдующій 1848 годъ, напечатавъ въ № 83 фельетонъ подъ заглавіемъ: «Очерки изящнаго», а въ пятнадцати нумерахъ, съ 14-го іюля по 6-е сентября, пятнадцать писемъ о Финляндіи, озаглавленныхъ: «Выписки изъ путевого альбома», съ подписью Гр. Д...скій. Путешествіе это Г. П. совершилъ въ іюль 1848 года, туда — на пароходѣ, обратно же, отъ Гельсингфорса — на лошадяхъ. Путевые очерки написаны въ стилѣ лирическомъ, съ отступленіями, многоточіями, со вставками стиховъ и вообще въ нѣсколько восторженно-напыщенномъ тонѣ. Особенно любопытенъ очеркъ, посвященный финской поэзіи.

Въ стихотворномъ отношеніи молодой писатель былъ не столь плодовитъ, какъ въ прозаическомъ. Напечатавъ свое первое произведеніе «Славянская весна» въ «Иллюстраціи» 1846 года, онъ затѣмъ въ теченіе двухъ слѣдующихъ годовъ помѣстилъ только три стихотворенія въ «Звѣздочкѣ», а именно: въ № 12 за 1847 годъ — стихотвореніе «Брату», а въ 1848 году — два перевода изъ Новалиса — «Мадонна» и «Наши крылья». Сотрудничество въ «Звѣздочкѣ» относится къ началу 1847 года, когда въ этомъ журналѣ для дѣтей появилась статья Г. П. подъ заглавіемъ: «Щенера тигровъ». Ишимова, издательница «Звѣздочки», относилась къ молодому автору, повидимому, весьма благосклонно, подаривъ ему за одну эту статью журналъ за цѣлый годъ, оба возраста (старшій и младшій).

На первыхъ двухъ курсахъ университета Г. П. некогда было много писать въ журналахъ и газетахъ; онъ занятъ былъ серьезной университетской работой на тему, предложенную 1-мъ отдѣленіемъ философскаго факультета: «Разсмотрѣть сочиненія И. Крылова и А. Пушкина, причеиъ опредѣлить: какія стороны русской народности изобразилъ каждый изъ нихъ; въ чемъ состоитъ особенность поэзіи того и другого; способствовали ли они успѣхамъ поэзіи вообще, какъ искусства; внесли ли новыя истины въ жизнь современниковъ, и чѣмъ каждый изъ нихъ дѣйствовалъ на совершенствованіе русскаго языка». На эту трудную тему было представлено нѣсколько сочиненій, изъ которыхъ обратили на себя вниманіе только три. «Въ особенности замѣчательна, — говорилось въ отчетѣ, — диссертація сочинителя, избравшаго себѣ въ девизъ слова: *«Первый трудъ»*. «Сочинителю» этому, студенту второго курса разряда камеральныхъ наукъ, *Григорію Данилевскому*, была присуждена серебряная медаль. Студентъ 2-го курса разряда восточной словесности *Владиміръ Стоюнинъ* и студентъ 2-го курса разряда общей словесности *Николай Корелкинъ* удостоены только почетнаго отзыва.

Въ разборѣ «Перваго труда» нашего писателя, между прочимъ, говорилось: «Половину сочиненія своего онъ посвятилъ изслѣдованію перваго вопроса: «какія стороны русской народности изобразили Крыловъ и Пушкинъ?» Чтобы приготовить себѣ основаніе, сочинитель предварительно разсматриваетъ здѣсь идею народности въ литературѣ, а вслѣдъ за тѣмъ подробно разбираетъ сочиненія обоихъ поэтовъ. Его способъ рѣшенія задачи, какъ нельзя не замѣтить, обратный сравнительно съ вопросомъ. Вмѣсто исчисленія и опредѣленія, какими чертами обозначается народность русская и которыя изъ нихъ вѣрнѣе изображены Крыловымъ и Пушкинымъ, авторъ занимаетъ читателя характеристикой каждаго замѣчательнѣйшаго сочиненія разсматриваемыхъ имъ писателей и приходитъ къ заключенію, что указанныя имъ особенности и красоты потому только и возникли, что поэты приняли ихъ въ душу свою изъ нашей народности. Такой оборотъ заставляетъ думать, что онъ затрудненъ былъ прямымъ рѣшеніемъ вопроса; но, съ другой стороны, ему удалось выйти на дорогу, по которой онъ успѣлъ взглянуть на все поприще, пройденное поэтами... Пушкина изображаетъ

авторъ диссертации представителемъ русской народности въ высшей ея сферѣ, гдѣ просвѣщеніе и вкусъ озарили особеннымъ свѣтомъ и новыми красками покрыли картины жизни нашей... На разрѣшеніе остальныхъ четырехъ вопросовъ задачи употребилъ онъ вторую часть сочиненія своего. Разсматривая особенность поэзии Крылова и Пушкина, онъ излагаетъ замѣчанія двоякаго рода: одни касаются вообще направленія поэзии каждаго изъ нихъ, а другія — художественной ея стороны. Для опредѣленія, сколько Крыловъ и Пушкинъ содѣйствовали успѣхамъ поэзии, какъ изящнаго искусства, сочинитель диссертации разбираетъ сперва, какъ до нихъ смотрѣли у насъ на это искусство, а послѣ, какъ они усвоили ему красоты дѣйствительной жизни, занимательности явленій и описаній природы, каждый сообразно съ своимъ предметомъ и его сферою. Вопросъ о новыхъ истинахъ, какія висены разбираемыми поэтами въ нашу жизнь, подаль случай сочинителю изслѣдовать, до какой степени общественная жизнь чувствуетъ потребность въ изящныхъ искусствахъ, и какими средствами они удовлетворяютъ этой потребности. За изслѣдованіемъ общимъ онъ представляетъ указанія частныя, извлеченныя изъ сочиненій Крылова и Пушкина. Въ послѣднемъ отдѣлѣ задачи, который касается совершенствованія русскаго языка обоими поэтами, авторъ диссертации обратилъ вниманіе свое на сліяніе народнаго языка нашего съ языкомъ литературнымъ и многими указаніями оправдалъ свою мысль, что это обогащеніе языка произведено преимущественно разбираемыми имъ поэтами. Стройность частей диссертации, полнота ея, основательность мыслей и вѣрность взгляда даютъ право автору на отличіе. Хотя не всѣ мѣста въ сочиненіи обработаны съ одинаковымъ успѣхомъ, и самый способъ изложенія не вездѣ равно удаченъ, но нельзя не согласиться, что эти недостатки почти вознаграждены, когда принять въ соображеніе, что авторъ общія свои сужденія о литературѣ основалъ на мнѣніяхъ извѣстнѣйшихъ писателей нѣмецкихъ, англійскихъ и французскихъ, а для частныхъ сужденій изучилъ все, что было сказано по-русски о Крыловѣ и о Пушкинѣ. Сверхъ того, онъ, въ подтвержденіе мыслей своихъ, привелъ множество мѣстъ изъ старинныхъ русскихъ стихотвореній, изъ народныхъ пѣсень и сказокъ и другихъ памятниковъ народной нашей литературы».

Такимъ образомъ, судя по этому отзыву, диссертация Г. П. дѣйствительно являлась работой любопытной и обстоятельной.

При переходѣ съ третьяго курса на четвертый съ Г. П. случилась неприятность, которая глубоко опечатила на первыхъ порахъ, пока не выяснились обстоятельства, всѣхъ его родныхъ и въ особенности, разумѣется, нѣжно-любившую мать. Мы говоримъ объ арестѣ нашего писателя весной 1849 года по дѣлу Петрашевскаго и о заключеніи его въ Петропавловской крѣпости, продолжавшемся болѣе двухъ мѣсяцевъ, съ 22-го апрѣля по 10-е іюля, какъ видно изъ дѣла объ арестѣ, хранящагося въ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Благодаря этому дѣлу, разысканному сыномъ покойнаго писателя, К. Г. Данилевскимъ, удалось точно опредѣлить начало и конецъ ареста, хотя печатныхъ свѣдѣній по этому поводу никакихъ не сохранилось, если не считать одного полного ошибокъ разсказа, о которомъ рѣчь ниже; самъ покойный писатель не любилъ объ этомъ разсказывать не только чужимъ, но и своимъ, почему и дѣти его знали до сихъ поръ *только о фактъ* ареста. Арестъ былъ произведенъ жандармскимъ офицеромъ, по приказанію шефа корпуса жандармовъ, графа А. Ѳ. Орлова, въ 4 часа пополудни, причемъ были опечатаны всѣ бумаги и книги Г. П. и доставлены вмѣстѣ съ нимъ въ III отдѣленіе. Въ приказѣ Орлова неизвѣстному жандармскому офицеру отъ 22-го апрѣля 1849 года, между прочимъ говорилось: «При семъ случаѣ вы должны строго соблюдать, чтобы изъ бумагъ Данилевскаго ничего не было скрыто. Случиться можетъ, что вы найдете у Данилевскаго большое количество бумагъ и книгъ, такъ что будетъ невозможно сейчасъ ихъ доставить въ III отдѣленіе, въ такомъ случаѣ вы обязаны то и другое сложить въ одной или двухъ комнатахъ, смотря какъ укажетъ необходимость, и комнаты тѣ запечатать, и самого Данилевскаго немедленно представить въ III отдѣленіе. Если, при опечатаніи бумагъ и книгъ Данилевскаго, онъ будетъ указывать, что нѣкоторыя изъ оныхъ принадлежатъ другому какому-либо лицу, то не обращать на таковое указаніе вниманія и оныя также опечатать». Объ арестѣ студента Данилевскаго было немедленно сообщено министру народнаго просвѣщенія, а 17-го мая, по предписанію управлявшаго III отдѣленіемъ, Дубельта, произведенъ вторичный осмотръ квартиры арестованнаго. Послѣ смерти

Г. П., въ его письменномъ столѣ нашли отдѣльно завернутыми какія-то маленькія четырехугольнички-бумажки, кругомъ неписанныя, однѣ — полуистлѣвшія, съ порыжѣлыми чернилами, другія — хорошо сохранившіяся, писанныя четкимъ мелкимъ почеркомъ. Бумажки эти, послѣ архивнаго дѣла объ арестѣ, — единственный достовѣрный источникъ свѣдѣній о несчастіи, постигшемъ въ 1849 году нашего писателя. Всѣхъ бумажекъ около сорока. На нихъ заключенный заносилъ свои мысли и впечатлѣнія, но такъ отрывочно и подчасъ безсвязно, что прочесть ихъ, какъ слѣдуетъ, невозможно. Нѣкоторыя бумажки отмѣчены цифрами, хотя, руководствуясь этимъ, подобрать ихъ въ порядкѣ нельзя: однѣ и тѣ же цифры повторяются по два и по три раза. Тѣмъ не менѣе бумажки очень любопытны и до нѣкоторой степени рисуютъ настроеніе узника, а также его мечты и думы. Приведемъ нѣкоторыя изъ бумажекъ, по возможности въ хронологическомъ порядкѣ.

«1) Май. Холодъ. Суда нѣтъ.—Стихи весь день.—Сокольниковъ, Курбатово, крѣпость. Соколовъ».

«2) Часы и кольцо взяли. — Полковн. не былъ. Грустно. Мольеръ. Стихи.—Судъ отъ 7—¹/₂1».

«3) Буря, песокъ, дождь ужасный.—40 чел.—Штатскіе отъ 11 — 4 утра.—Гаг., Долг., Дуб., Рост.—8—¹/₂12.—Лежу весь день».

«4) Дождь. Плохо здоровье. Матап, Соколовъ. Андре, слава—*adieu*... Сонливость ужасная.—Гвая-Лдиръ.—Освоб. жертвы.—Послѣд. Мек. народность.—Судъ 8—12».

«6) 5-й № халата, Складерп, замокъ—огородъ и ласточка... *(далее разобрать нельзя)*.

«7) Безсиліе—тоска, все глухо и безнадежно... горе, слезы, въ одну почку похудѣлъ.—Судъ все идетъ».

«8) Тоска страшная. Бѣлье дали. Завтра Николая. Читать нечего... Тропинка на тропинкѣ... на кровати: 1831, 34, 37... Снова гуль колоколовъ... *Ова жертвы, мексик. рассказъ*.—Гр. Д. 1850. Статья о Норманахъ. Космосъ. Кто виноватъ. Тысяча и одна ночь. Ю. Милославский».

«9)... Полный судъ съѣхался сейчасъ. Сеора съ голубями. Собака уже ждетъ подъ окномъ моей жертвы. Соколовъ что теперь дѣлаетъ? Въ Тифлисѣ.—Андре, Михаэлис и Гревецъ зубрять».

«10) Я въ комиссіи. Моя святая и честная исповѣдь. 11 часовъ. Комната часовщика. Другая. Видъ.—Ночь».

«11) Думаю и припоминаю. Монте-Кристо и Эрикъ-Ингеманъ».

«12) Леонъ-Рионъ и Кармень; Хосе-Хуанъ».

«13) Бѣлье и одежда новая. Кружка. *Пишу цѣлый день всю истину*. Два раза плакалъ».

«14) Отдаю показаніе въ комиссію. 14-е апрѣля. — Надежды... Молитва передъ отходомъ и пльмомъ.—Письмо домой».

«15) Отѣта про письмо нѣтъ.—Исаръ имя спросилъ. Стихи... *За-*

тоскою: Москва. Б. Д. Ч. 1847. 4; Авангардъ Хр. Колумба; Литерат. свнухъ. Хлысты Ротшильда. Мартыновъ. Найденышъ. — Мексика. — Спн. вечерни. Отъ меня еще требуютъ показаній».

«16) Жара.—Адель.—Моя гимнастика рукъ и ногъ.—Вечерь: дождь какъ пули—весь поглощ. и вдругъ свѣжесть... Зелень... Розовая колокольня... запахъ... Флагъ замеръ... Солдаты п котъ васька; дереть хвостъ. Огородъ п инвалидъ, какъ пьяный—качается несчастный съ ведрами,—балагуръ и хочеть побриться... Толпа молодыхъ дамъ... Ночь: тѣнь отъ чайника и мое мягкое ложе.—Видѣнiе Петра».

«18, 19, 20, 21) Сплю, ѣмъ, читаю, тоскую, пою, хожу, молюсь плачу»...

«22) Мѣсяць! Боже умиласердись... Когда конецъ? Ужели еще мѣсяць»...

«23, 24) Письмо изъ Чугуева,—взяли,—холодная тоска; домой не позволили и строки написать.—Ц. пить давно... Все еще вещи смотрятъ и снова допрось пькоторыхъ... М. Кристо. Богъ и терпѣнiе. Мой князтва б. слугою Царя во вѣкъ»...

«26) Спрошенъ адресъ—для медали и документовъ... Миннаевъ, Плещеевъ.—З. Врача»...

«27+28) Паукъ подружился со мною. Старъ для зубовъ... Уборъ постели, стола и окна. — 12 шаговъ. — Гимнастика надъ желѣзной печью.—Умыванiе и ногти.—Запахъ деревъ.—300 стиховъ.—Дожди». ... «2 мѣ!! Число—въ Чугуевъ»

Не продолжаемъ выдержекъ изъ этого отрывочнаго дневника: приведеннаго вполнѣ достаточно, чтобы судить о томъ, какъ жилось узнику. Жилось, конечно, тяжело и мучительно-тоскливо. Всѣ связи съ внѣшнимъ міромъ, родными, товарищами и знакомыми были насильственно прерваны; настоящее было мрачно, будущее томилло неизвѣстностью. Послѣ смерти Г. П., въ «Донской Пчелѣ» за 1891 годъ, № 46, были помѣщены воспомнанiя о нашемъ писателѣ графини Б—риэ, знавшей его въ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ и видѣвшей его два раза въ имѣнiи своего мужа, Ольховкѣ, змiевскаго уѣзда, — въ 1854 и въ 1860 годахъ. Вспомниая рассказъ Г. П. объ арестѣ въ 1849 году, г-жа Б—риэ передаетъ его въ слѣдующихъ, подлинныхъ (конечно, приблизительно) выраженiяхъ нашего писателя: «Трудно и тяжело мнѣ было сидѣть въ тюрьмѣ *).

*) Разумѣется ошибка: «въ крѣпости»; воспомнанiя г-жи Б—риэ вообще не отличаются точностью. Въ началѣ разсказа объ арестѣ Г. П. она, напримѣръ, говоритъ: «Онъ былъ по недоразумѣнiю посаженъ въ тюрьму. Г. П. Данилевскiй воспитывался въ Дворянскомъ институтѣ; между его товарищами(!) былъ извѣстенъ вполѣдетвiи государственный преступникъ (!) однофамилецъ—Данилевскiй (это авторъ «Россiи и Европы», никогда не бывший товарищемъ Г. П.,—иосу

Но я, кажется, вдвое испытывалъ страданіе, при моемъ сумасшедшемъ, живомъ характерѣ. Всю жизнь я былъ въ дѣятельности, въ движеніи; я никогда не имѣлъ свободной минуты, а если находились часы досуга, то они незамѣтно проходили въ кругу родныхъ, близкихъ сердцу друзей. У меня было твердое сознаніе невинности, но мрачное, неизвѣстное будущее усугубляло мои страданія. Время все излѣчиваетъ; такъ было и со мною. Я кое-какъ сталъ примиряться со своей обстановкой. Надъ моей постелью въ углу, довольно высоко, напѣли себѣ пріютъ два большіихъ паука. Долго я за ними наблюдалъ. Вообще, я люблю естественную исторію, а эти пауки были мнѣ какъ друзья. Я постепенно пріучалъ ихъ къ себѣ, напѣвая любимую пѣсенку, а они на знакомый звукъ спускались ко мнѣ на подушку и принимали подачку въ видѣ крошекъ хлѣба, мертвыхъ мушекъ, козявокъ. Я ими съ нѣжностью любовался. Они, подобравши лакомые кусочки и покушавши, немедленно поднимались въ свой уголь. Когда однажды сторожь-солдатъ, передъ празд-

дирственный преступникъ !?), замѣшанный въ обществѣ Петрашевскаго. Г. П. вмѣсто однофамильца былъ арестованъ (дѣйствительно, арестъ нашего писателя, можно думать, произошелъ по недоразумѣнію, но и Н. Я. Данилевскій былъ арестованъ). Мать его, любящая, самоотверженная женщина, поѣхала хлопотать и просить о помилованіи сына. Его спасли письма, посылаемые имъ матери еще изъ училища, въ которыхъ онъ неоднократно жаловался на безпокойныхъ товарищей, которые къ нему пристають (*все это, разумеется, вздоръ; ничего подобнаго Г. П. не писалъ и не могъ писать изъ училища, т.-е. Дворянскаго института*), желая вовлечь его въ какой-то заговоръ (*пятнадцатилѣтніе мальчишки, воспитанники института, устраивающіе заговоръ!?*); что онъ не знаетъ, какъ отъ нихъ отдѣлаться, и т. п. По счастью, мать Г. П. сохранила эти письма и показала ихъ кому слѣдуетъ. Но пока объяснилась его невинность, онъ сидѣлъ чуть не полгода (!) въ тюрьмѣ.—Дѣйствительно, мать Г. П., какъ мы увидимъ ниже, хлопотала за сына, но не въ той формѣ, какъ это рассказываетъ г-жа В—рна, которой измѣняетъ, очевидно, память. Мать пріѣзжала изъ Чугуева хлопотать за сына: никакихъ писемъ и никому она не показывала, ибо подобныхъ писемъ изъ института, да и изъ университета не было. Никогда Г. П. не жаловался ни на какихъ товарищей, которые его, будто бы, увлекаютъ въ заговоръ. Мы читали всю переписку нашего писателя съ 1839 по 1857 годъ и не встрѣтили ничего подобнаго. Въ крѣпости Г. П. пробывъ не болѣе трехъ мѣсяцевъ, а не полгода. Приводимый въ текстѣ отрывокъ изъ воспоминаній г-жи В—рны заслуживаетъ большаго вѣроятія: онъ подтверждается словами Г. П., записанными на бумажкѣ подъ № 27+28: *Паукъ по-дружился со мною.*

никомъ, пришелъ обмести мою комнату и почистить углы, я чуть не со слезами на глазахъ умолялъ его не трогать моихъ пауковъ».

Причины ареста Г. П. въ точности неизвѣстны до сихъ поръ. Можно думать, что нашъ писатель былъ арестованъ вмѣсто своего однофамильца Н. Я. Данилевскаго и что, слѣдовательно, произошло недоразумѣнне, выясненіе котораго длилось болѣе двухъ мѣсяцевъ. Письма Г. П. не даютъ ни малѣйшихъ указаній на то, чтобы юноша-Данилевскій увлекался какими бы то ни было вольнолюбивыми ученіями или теоріями, читалъ запрещенныя книги и водилъ знакомство съ петрашевцами. По письмамъ, наоборотъ, Г. П. рисуется очень осторожнымъ и благоразумнымъ студентомъ, увлекающимся наукою и литературою, а въ частности поэзіею. Въ отношеніи 23-го мая 1849 года статсъ-секретаря князя Голицына коменданту Петропавловской крѣпости И. В. Набокову говорилось: «При разсмотрѣннн бумагъ студента Данилевскаго не оказалось въ нихъ ничего относящагося къ настоящему дѣлу; особенно однакожъ вниманіе обратили сдѣланныя имъ неблагонамѣренныя отмѣтки карандашомъ въ найденной у него книгѣ, подъ заглавіемъ: «Историческое обозрѣніе царствованія Государя Императора Николая I», сочиненія Устрялова». Узнавъ объ арестѣ, мать Г. П. обратилась за разъясненіемъ къ ректору университета П. А. Шлетневу, который, однако, не могъ дать точнаго отвѣта. Вотъ что писалъ онъ ей 3-го іюня 1849 года: «Дѣло, о которомъ вы, милостивая государыня, изволите меня спрашивать, столько же неизвѣстно мнѣ, какъ и вамъ. Слышалъ я, будто въ домѣ генерала Коростовцева, гдѣ бывалъ иногда сынъ вашъ, говорили, что онъ только пользовался запрещенными книгами изъ библіотеки тѣхъ людей, которые сдѣлались причиною его несчастія. Если это справедливо, то конечно справедливыя и прозорливыя судьи не смѣшаютъ злыхъ умысловъ съ проступкомъ неопытной молодости. Въ бѣдствіи вашемъ возложите всѣ надежды на милосердіе Государя и защиту небеснаго Отца».

Мать Г. П., конечно, не положила исключително на судей, а начала хлопотать сама. Она послала два прошенія (черновики помѣчены 15-мъ іюня 1849 года): одно—шефу корпуса жандармовъ, графу А. Ѳ. Орлову, другое коменданту Петропавловской крѣпости, генераль-адъютанту П. А. На-

бокову. Въ первомъ прошеніи она, между прочимъ, писала: «Передо мной раскрыты всѣ идеи его разума, всѣ помыслы души и всѣ движенія сердца. Призываю Бога въ свидѣтели, мой сынъ певичень; духовность его переполнена чистой, святой любовью къ Царю и благоговѣйнымъ чувствомъ благодарности за спокойствіе и счастье, которымъ пользуются вѣриподданные нашего Монарха, управляющаго народомъ съ такою дивною мудростью. Эти-то чувства и мысли положены въ основаніе идей моего сына. Онъ почти въ каждомъ письмѣ своемъ находитъ случай доказательно говорить о своей любви и преданности къ Царю. Посылаю одно изъ писемъ и увѣрена, что ваше сіятельство по прочтеніи вполне убѣдитесь въ истинѣ материнскихъ словъ и не откажете ходатайствовать объ освобожденіи невиннаго юноши, и тѣмъ возвратите къ жизни потерянную мать, а съ ней и все семейство». Однако, Орловъ, по прочтеніи письма, сдѣлалъ на немъ слѣдующую пометку: «Сынъ арестованъ и вѣроятно виновень». Во второмъ прошеніи, на имя Набокова, высказывались почти тѣ же мысли, та же увѣренность въ полной невинности сына вмѣстѣ съ просьбой о заступничествѣ и освобожденіи невинно заключеннаго.

По разслѣдованіи дѣла, просьба матери, оказавшаяся вполне основательной, была уважена, и Г. П. освободили изъ заточенія 10-го іюля 1849 года. Въ рапортѣ отъ этого числа Его Императорскому Величеству коменданта Петропавловской крѣпости, генераль-адъютанта Набокова, значится: «Содержавшійся въ казематѣ С.-Петербуржской крѣпости студентъ Данилевскій, во исполненіе Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества повелѣнія, объявленнаго мнѣ въ предписаніяхъ военнаго министра отъ 9-го сего іюля, изъ-подъ ареста освобожденъ и изъ списковъ объ арестантахъ исключень». Постѣ освобожденія изъ крѣпости, надъ Г. П. былъ учрежденъ полицейскій надзоръ, и въ продолженіе нѣкотораго времени вся его переписка конфисковалась и представлялась на цензуру въ III отдѣленіе.

Литературная дѣятельность въ 1849 году, прерванная 25-го февраля, вновь началась только въ сентябрѣ мѣсяцѣ и вся почти сосредоточилась на концѣ года. Такъ, въ началѣ этого года Г. П. напечаталъ всего одно стихотвореніе въ «Звѣздочкѣ», № XIX—«У колыбели» и два фельетона: «Мартиновъ и его художественное поприще въ 1848 г.»—

въ № 36 и 37 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» и «Некрологъ М. А. Байкова», въ № 43 «Полицейской Газеты». Къ концу же года относится появленіе поэмы въ двухъ частяхъ, о которой думалъ и которую, можетъ быть, писалъ Г. П., сидя въ крѣпости,—поэмы подъ заглавіемъ «Гвая-Лиръ», напечатанной въ октябрьской книжкѣ «Библиотеки для Чтенія», а затѣмъ вышедшей отдѣльнымъ изданіемъ; въ сентябрѣ появился въ № 204 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» большой фельетонъ подъ заглавіемъ: «Литературныя замѣтки», а въ № 219, 258 и 259 той же газеты еще три фельетона: одинъ—озаглавленный: «Библиографическія и другія новости» и два другіе, посвященные вопросу о современномъ направленіи поэзіи въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Передъ окончаніемъ университета, весной 1850 года, Г. П. помѣстилъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» двѣ малороссійскихъ сказки—«Казакъ и степи» и «Двѣ сестры»—которыя открыли цѣлую серію имъ подобныхъ сказокъ, появлявшихся, время-от-времени, вплоть до 1859 года включительно и обратившихъ на себя общее вниманіе. Обратила вниманіе критики также и поэма изъ мексиканскаго быта «Гвая-Лиръ».

Арестъ и сидѣніе въ Петропавловской крѣпости нашего писателя, доставившіе ему много горькихъ дней, не повлияли на окончаніе курса въ университетѣ и вообще на будущую судьбу. На выпускныхъ экзаменахъ, продолжавшихся съ 4-го апрѣля по 7-е іюня, Г. П. получилъ прекрасныя отмѣтки: изъ восьми предметовъ по *пяти* и только изъ двухъ по *четыре* (технологія, которую читалъ проф. Ильенковъ, и уголовные законы—проф. Баршевъ). Передъ молодымъ кандидатомъ юридическаго факультета открылся широкій жизненный путь, приведшій его, послѣ многихъ лѣтъ неустаннаго труда, къ прочной и почетной извѣстности.

Проведя лѣто 1850 года подъ роднымъ кровомъ, Г. П. осенью совершилъ путешествіе на югъ, причемъ побывалъ въ Одессѣ, Крыму и на Кавказѣ. Въ Одессѣ нашъ писатель познакомился съ Я. П. Полонскимъ и П. Ѳ. Щербиной. Знакомство съ послѣднимъ вскорѣ перешло въ дружескія, близкія отношенія, которыя не прерывались до дня его кончины въ 1869 году. Много лѣтъ спустя, Г. П. по-

святилъ своему другу, мало оцѣненному при жизни, несмотря на свой несомнѣнный сатирическій талантъ, нѣсколько теплыхъ страницъ воспоминаній и сообщилъ при этомъ его автобиографическую записку, письма и неизданныя стихотворенія. Все это, составившее весьма цѣнный матеріалъ для характеристики жизни и дѣятельности Щербины, было напечатано послѣ смерти Г. П., въ январской книжкѣ «Историч. Вѣстника» за 1891 годъ.

Вообще, съ окончаніемъ университета, кругъ литературныхъ знакомствъ нашего писателя быстро расширяется. Еще студентомъ 3-го и 4-го курса Г. П. бывалъ на литературныхъ вечерахъ у Плимовой и довольно часто посѣщалъ профессоровъ: Срезневскаго, Никитенко и Плетнева. Новыя литературныя знакомства, по выходѣ изъ университета, завязывались или при помощи редакторовъ тѣхъ журналовъ и газетъ, въ которыхъ помѣщались свои произведенія молодой писатель, или при помощи службы и Плетнева, который покровительствовалъ своему бывшему студенту. Послѣдній, въ свою очередь, высоко цѣнилъ вниманіе друга Пушкина и въ письмахъ къ матери отзывался о немъ восторженно. Близкому знакомству съ Плетневымъ Г. П., какъ видно изъ писемъ, придавалъ огромное значеніе и говорилъ, что, благодаря рекомендаціямъ ректора, поступилъ на службу въ министерство народнаго просвѣщенія*). Служба эта продолжалась около семи лѣтъ, по 20 февраля 1857 года, — когда Г. П., по прошенію, былъ уволенъ въ отставку съ чиномъ надворнаго совѣтника, — и шла для нашего писателя прекрасно, но онъ самъ не пожелалъ дольше оставаться въ Петербургѣ и уѣхалъ служить на родинѣ — не для чиновъ и карьеры, а для народа и пользы земской. Но не будемъ забѣгать впередъ и предвосхищать интересъ послѣдующаго изложенія.

Поступленіе на службу состоялось 7-го ноября 1850 года. Г. П. былъ причисленъ канцелярскимъ чиновникомъ къ департаменту народнаго просвѣщенія и попалъ въ столъ къ сыну директора Гаевского, вѣдавшаго еврейскія дѣла. Служба молодого писателя была не обременительна и оста-

*) Вотъ, напримѣръ, письмо отъ 31 января 1854 года, въ которомъ Г. П., между прочимъ, просилъ свою мать поблагодарить П. А. Плетнева. «Поблагодарите, — писалъ въ порывѣ признательности Г. П., — за

вляла достаточно времени на занятія литературою. Притомъ она облегчалась прекрасными отношеніями, какъ ближайшаго, такъ и высшаго начальства. Вотъ что Г. П. писалъ по этому поводу своей матери въ письмѣ отъ 12-го февраля 1851 года: «На-дняхъ у молодого Гаевского, съ которымъ я схожусь все болѣе и болѣе, былъ большой вечеръ; на немъ были одни мужчины — и все литераторы, всѣхъ партій и отѣнковъ, человѣкъ 40. Вотъ имена нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, съ которыми я тамъ сошелся: Панаевъ, Некрасовъ, Сенковскій, князь Одоевскій, Никитенко, Дружининъ, Щербина, Языковъ, Мей, Петровъ и другіе. Въ началѣ вечера сидѣли въ одномъ углу четверо: Никитенко, Одоевскій, Кавелинъ и я. Я что-то возразилъ Кавелину, — всѣ весело разсмѣялись. Никитенко съ гордостью сказалъ: «это нашъ бывшій студентъ, Данилевскій». Князь Одоевскій обратился ко мнѣ: «не поэтъ ли Данилевскій?» — спросилъ онъ. — «Точно такъ, князь!» — И Одоевскій торжественно протянулъ мнѣ руку!» Если ближайшее начальство нашего писателя способствовало, хотя бы косвенно, его литературнымъ занятіямъ, то и высшее относилось къ нимъ вполне благосклонно и даже поощряло ихъ. Рассказывая, напримѣръ, про свое дежурство у министра народнаго просвѣщенія, кн. П. А. Шпринскаго-Шихматова, на второй день новаго года (1851), Г. П. прибавляетъ: «Вечеромъ я дождался сроча отъпуска домой, вошелъ къ министру и вручилъ ему богато-переплетенный экземпляръ Ричарда III. Онъ просмотрѣлъ его и съ улыбкою сталъ бесѣдовать со мною: спрашивалъ меня о моей родинѣ, о средствахъ къ жизни, объ ученіи моемъ, трунилъ надо мною и сказалъ, что вѣроятно нынѣшнее

его горячее сочувствіе моей молодости и трудамъ и за все, что онъ сдѣлалъ мнѣ, — а онъ многое сдѣлалъ: помогъ указаніями и совѣтами написать диссертацию, за которую я получилъ медали, *опредѣлилъ меня въ министерство* и потомъ прямо къ Норову, наконецъ, каждый трудъ мой вдохновлялъ и освящалъ своею благословляющею душою, — душою, которой сочувствіи искалъ съ дѣтства Пушкинъ и Жуковскій до глубокой старости гордившея имъ, какъ другомъ; выразите все это отъ своего теплаго, добраго сердца и при этомъ выскажите, чего бы вы желали, чтобы онъ дѣлалъ мнѣ! А дѣлать мнѣ съ его стороны я жажду одного: такого же участія ко мнѣ, такого же руководства въ моихъ трудахъ и побѣжденіи своихъ слабостей, слабостей молодости, и довѣрія къ людямъ. Онъ также руководилъ и образовалъ Майкова, а у Майкова здѣсь еще отецъ и мать, и вся семья! Выразите, мой ангелъ, все это ему, котораго я глубоко обожаю...

первое дежурство мое доставить публикѣ какое-нибудь новое стихотвореніе, что ужь вѣрно я за скукою сочинялъ?.. Отпуская меня, онъ сказалъ, что обратитъ на меня все свое вниманіе».

Обѣщаніе министра дѣйствительно исполнилось въ томъ же году, такъ какъ на даровитаго чиновника-литератора обратилъ вниманіе и приблизилъ его къ себѣ товарищъ министра, извѣстный авторъ «Путешествія въ Палестину», А. С. Норовъ. Въ письмѣ отъ 4-го февраля мы читаемъ слѣдующее: «Два дня назадъ я былъ призванъ, — писалъ Г. П. своей матери, — моимъ директоромъ Гаевскимъ въ его кабинетъ... «Мой другъ! — сказалъ онъ, — товарищъ министра, Норовъ, просилъ меня рекомендовать ему чиновника изъ департамента, который бы могъ исправлять у него должность чиновника особыхъ порученій. Миѣ пришла мысль назначить васъ! желаете ли вы? Это васъ подвинетъ впередъ и выставитъ на глаза нашего начальства!» Я поблагодарилъ его — и теперь исправляю должность чиновника особыхъ порученій у Норова. Эта должность занята другимъ чиновникомъ, который уѣхалъ въ отпускъ; слѣдовательно, я служу безъ жалованья и только на время... Но не въ томъ дѣло! Норовъ съ моего второго визита уже сталъ меня звать «мой родной» и «Григорій Петровичъ!» Я къ нему являюсь въ 10 часовъ, остаюсь съ полчаса, получаю порученія съѣздить въ какое-нибудь министерство, къ министру, написать на иностранномъ языкѣ письмо, прочесть что-нибудь и сказать ему мое сужденіе и другое «секретное дѣло» исполнить — и цѣлый день потомъ свободенъ. Вчера я около часу проговорилъ съ нимъ о литературѣ. Норовъ самъ писалъ и пишетъ и потому — о удивленіе! — онъ знаетъ и читалъ всѣ произведенія вашего покорнаго сына Гр. Д.»

Такимъ образомъ, нашъ писатель сразу приобрѣлъ симпатіи, довѣріе и вниманіе своего начальника, который вскорѣ доказалъ ихъ и на дѣлѣ. Служившій у Норова чиновникомъ особыхъ порученій писатель Сухонинъ, авторъ «Русской свадьбы въ XVI ст.», перешелъ въ другое вѣдомство, и на открывшуюся вакансію, при помощи Гаевского и Плетнева, написавшаго къ Норову чрезвычайно лестное письмо о Г. П., налегая, главнымъ образомъ, на его литературное значеніе и образованіе, былъ опредѣленъ 20-го іюня нашъ писатель. Жалованье онъ получалъ небольшое — всего 35 рублей въ

мѣсяцъ; но не въ жалованьи, конечно, было дѣло. Вскорѣ Норовъ познакомилъ Г. П. со своимъ семействомъ и пригласилъ обѣдать, что съ теченіемъ времени вошло почти въ обыкновеніе. Чтобы было удобнѣе вмѣстѣ работать, Норовъ предложилъ своему чиновнику переѣхать на дачу въ Павловскъ, гдѣ самъ жилъ съ семействомъ, что Г. П. и исполнилъ. Онъ нанялъ за 9 рублей въ мѣсяцъ большую меблированную комнату съ кухней, въ концѣ Госпитальной улицы, въ каменномъ домѣ. «Срезневскіе,—писалъ Г. П. матери,— живутъ рядомъ почти со мной, Норовъ—въ Солдатской слободкѣ, Тюринъ—близъ него, Мартыновъ, актеръ,—тамъ же, Каратыгинъ старшій—тамъ же, и мы съ нимъ начнемъ работать надъ передѣлкою Ричарда III для сцены (его беретъ дирекція у меня)». Лѣто на дачѣ прошло совершенно незамѣтно среди занятій и развлеченій. «Я безпрестанно въ семействѣ А. С.,—писалъ Г. П. матери,—обѣдаю, какъ адъютантъ его (въ другомъ письмѣ онъ называлъ себя «ловкимъ и энергическимъ адъютантомъ»), почти черезъ день съ нимъ или здѣсь, или въ городѣ. Дѣлаю маленькія, порученныя мнѣ Вар. Егор. (женою Норова) дѣла: покупаю для нея пахучіе и блистательные фрукты въ Милютинскихъ лавкахъ, варенье, перчатки; ѣзжу къ модисткамъ за ея платьями, читаю вслухъ то Гоголя, то журнальные романы, гуляю въ паркѣ съ нею и съ ея племянницею, Паниной. Черезъ вхожесть свою въ домъ А. С., я познакомился уже и теперь со множествомъ лицъ, чрезвычайно важныхъ по своему вліянію и вѣсу въ обществѣ. Иногда мнѣ приходится два два-три почти ничего не исполнять по службѣ, а иногда цѣлый день въ разъѣздахъ по комиссіямъ служебнымъ»...

Переѣхавъ съ дачи въ Петербургъ, Г. П. получилъ отъ Норова порученіе съѣздить въ Москву, по дорогѣ—подъ Клиномъ обревизовать его имѣнье, въ Москвѣ распугать дѣло его по наслѣдству и, смотря по времени, обревизовать еще два имѣнія въ тульской и рязанской губерніяхъ. Выѣхавъ изъ Петербурга 3-го октября, Г. П. около 1½ недѣли пробылъ въ подмосковномъ Норовскомъ имѣнии, а затѣмъ до первыхъ чиселъ ноября прожилъ въ Москвѣ. Это пребываніе въ первопрестольной столицѣ особенно было знаменательно въ литературномъ отношеніи. «Литераторы здѣшніе,—писалъ Г. П. матери 16-го октября изъ Москвы,—

меня приняли съ восторгомъ; это меня до глубины души тронуло и трогаетъ. Островскій (драматургъ, авторъ «Свои люди—сочтемся») вчера же повезъ меня къ издателю «Москвитянина», около котораго все здѣсь сосредоточивается. Тотъ меня встрѣтилъ уже какъ знакомаго, по письмамъ Плетнева, и повелъ по своему знаменитому музеуму: показывалъ старыя русскія монеты, бездну костюмовъ, рукописей, иконъ русскихъ святителей, и т. п., и наконецъ собраніе автографовъ русскихъ геніевъ... Я чуть не обезумѣлъ, вообразите: рукой Жуковского написанная на-черно «Эолова арфа», томъ черновой «Исторіи» Карамзина, дѣло, взятое изъ архива: «О посылкѣ студента Ломоносова за море для обученія философіи», множество черновыхъ Пушкинскихъ стихотвореній, рукопись Загоскина: «Русскіе въ нѣмецкихъ кафтанахъ», письма Грибоѣдова, Батюшкова, Крылова и, наконецъ, «Мертвыя души» Гоголя — собственная его черновая рукопись... Погодилъ меня пригласилъ, бывать у него по четвергамъ, и черезъ два дня я тамъ увижу Гоголя и всю московскую словесность, съ которой, впрочемъ, меня уже успѣли познакомить еще въ прошломъ году... Сегодня я приглашенъ обѣдать у Шевырева, а завтра къ Вельману».

Въ письмѣ отъ 24-го октября Г. П. рассказывалъ, между прочимъ, о вечерѣ у поэтессы графини Растопчиной, на которомъ были: Островскій, Эдельсонъ, Филипповъ, Алмазовъ, Щербина, Рамазановъ, Бергъ и другіе. «Графиня встрѣтила меня, — писалъ Г. П. матери, — словами: «Мы съ вами видѣлись мало, но вѣрно часто жили другъ подлѣ друга по нашей поэзіи». Въ самомъ дѣлѣ, лѣтомъ здѣшнему поэту Бергу я прислалъ свою «Татарскую созерцательность», а онъ переслалъ ее графинѣ въ ея славное село Анну; отвѣтъ ея онъ мнѣ показывалъ теперь. Вотъ что она ему писала: «Стихотвореніе Данилевскаго прелестно; оно дышитъ и страстную природою Востока, и лѣнью поэтической души южнаго человѣка; я его читала съ истиннымъ упоеніемъ и выучила наизусть!» Я поцѣловалъ хорошенькую, круглую, съ маленькими скульптурными пальчиками, ручку графини и съ наслажденіемъ вглядывался въ жгучіе глазки нашей черноокой Аспазіи. На вечерѣ толковали о многомъ. Островскій сказалъ о моей поэмѣ, изъ которой я ему читалъ отрывки, — меня заставили прочесть нѣсколько мѣстъ. Потомъ

я читалъ наизусть новое произведеніе Майкова «Савона-рола» и, наконецъ, послѣ Щербины, который прочелъ умо-рительный аттестатъ семинариста, сочиненный имъ, я про-челъ еще нѣсколько мелкихъ своихъ стихотвореній... Вечеръ былъ чудный. Я долго его не забуду!»—Въ концѣ того же письма Г. П. сообщалъ, что на вечерѣ у Шевырева онъ видѣлъ Гоголя, рассказывавшаго о своемъ путешествіи и Тентетниковѣ, что ѣдетъ на вечеръ къ Вельтману, а затѣмъ къ Погодину, у котораго въ «Москвитянинѣ» печатаетъ сказку «Ивалшко», и что недавно обѣдалъ у Загоскина. Такимъ образомъ, Г. П. въ кругъ московскихъ литерато-ровъ вошелъ, какъ свой человѣкъ. Достойнымъ заверше-ніемъ пребыванія въ Москвѣ явилось болѣе близкое, чѣмъ встрѣчи на вечерахъ, знакомство съ Гоголемъ, о чемъ въ письмѣ отъ 5-го ноября молодой писатель сообщалъ своей матери такимъ образомъ: «Гоголь изъявилъ желаніе видѣть меня. Меня представили ему. Онъ меня принялъ довольно оригинально. Говорилъ мнѣ, что читалъ мои сказки, хвалилъ ихъ, спрашивалъ о моихъ трудахъ и, наконецъ, попро-силъ меня спѣть украинскія пѣсни, которыхъ я теперь знаю множество, черезъ Сашу Тюрина. Гоголю о нихъ кто-то сказалъ. Я спѣлъ. Гоголь былъ въ восторгѣ и до того за-интересовался, что тутъ же положилъ устроить украинскій вечеръ сперва у себя, но потомъ увѣдомилъ меня запиской, что у Аксаковыхъ. Тамъ было кромѣ меня еще двое на-шихъ земляковъ; мы пѣли чудныя поэтическія мелодіи Украины и провели вечеръ превосходно. Тамъ, по просьбѣ дочерей Аксаковыхъ, я прочелъ имъ кое-какія свои стихо-творенія. Наконецъ, 3-го числа я былъ у Гоголя на вечерѣ, гдѣ были еще Тургеневъ и здѣшніе актеры Щепкинъ, Са-довскій и директоръ театра Верстовскій. Гоголь намъ самъ читалъ своего «Ревизора». Когда все ушло въ 10 часовъ, онъ увелъ меня къ себѣ въ кабинетъ, и тамъ мы прочли съ нимъ написанную мною здѣсь «Запорожскую думу» въ стихахъ съ римами. Мы сидѣли до 2 часовъ. Онъ мнѣ давалъ много совѣтовъ, говорилъ о своихъ трудахъ, отпра-вилъ мою пьесу и отпустилъ съ *благословеніемъ* на труды» *)

Чтобы понять причины необыкновенно радушнаго приѣма.

*) О свиданіяхъ и бесѣдахъ съ авторомъ «Мертвыхъ душъ» бѣло- подробно разсказано въ статьѣ изъ литературныхъ воспоминаній: «Зна- комство съ Гоголемъ», т. XIV настоящаго изданія.

оказаннаго нашему писателю во время его кратковременнаго пребыванія осенью 1851 года въ Москвѣ тамошними литераторами, чтобы оцѣнить въ должной мѣрѣ вниманіе къ нему Гоголя и Погодина, пригласившаго его сотрудничать въ своемъ журналѣ, необходимо припомнить, что двадцатидвухлѣтній Г. П. былъ уже переводчикомъ двухъ драмъ Шекспира—«Ричарда III» и «Цимбелина», авторомъ «Крымскихъ стихотвореній» и многихъ малороссійскихъ сказокъ.

Объ драмы Шекспира придирчивая цензура пошла неудобными къ печати и испещрила ихъ курьезными поправками, какъ можно это видѣть изъ письма къ нашему писателю А. А. Краевского, въ журналѣ котораго, «Отечественныхъ Запискахъ», Г. П. предполагалъ напечатать «Цимбелина». «Я получилъ, — писалъ Краевскій, — корректуры и глазамъ своимъ не вѣрилъ! Фрейгангъ не позволилъ Постума называть бѣднымъ (слѣдовательно уничтожилъ цѣлый характер!), выкидываетъ титулы: «ваше величество», «ваша свѣтлость»; выкидываетъ слова: «придворный дуракъ», «воръ»; превращаетъ «честь» въ «вѣрность» или «любовь», «монарха» въ «супруга»; вымарываетъ цѣлые десятки стиховъ и—словомъ—стираетъ весь колоритъ Шекспировскій и изъ героевъ «Цимбелина» дѣлаетъ какихъ-то губерскихъ чиновниковъ съ безупречной службой, говорящихъ наивнымъ языкомъ повѣстей Мосальскаго. Для меня эти перемѣны равняются запрещенію, поэтому я ни за что на свѣтѣ не рѣшусь дѣйствовать заодно съ цензурою, съ этою святотатственною инквизиціею, — не рѣшусь до тѣхъ поръ, пока не погаснетъ во мнѣ благоговѣніе къ искусству и къ его великимъ дѣятелямъ. На страницахъ «Отечественныхъ Записокъ», пока я ихъ редакторъ, никогда не будетъ напечатанъ Шекспиръ, исправленный и упрямоченный до безсмыслицы. Я лучше откажусь отъ драмы, откажусь отъ журнала, но не доведу себя до такого безнравственнаго поступка».

«Ричардъ III» былъ переведенъ Г. П. еще на четвертомъ курсѣ университета и напечатанъ въ №№ 4 и 6 Библіотеки для чтенія за 1850 годъ, а къ началу слѣдующаго года появился отдѣльнымъ изданіемъ. «Цимбелинъ» напечатанъ въ томъ же журналѣ (№ 8 за 1851 г.), равно какъ и «Крымскія стихотворенія», помѣщенные въ № 1. Вообще, въ «Библіотекѣ для чтенія» на первыхъ порахъ Г. П. сотрудничалъ очень дѣятельно, и редакторъ этого

журнала, знаменитый баронъ Брамбеусъ (Сенковскій), несомнѣнно цѣнилъ молодого и талантливаго литератора, на что можно найти указанія въ письмахъ. Такъ, въ нихъ неоднократно упоминается о присутствіи Г. П. на вечерахъ у Сенковского, а въ письмѣ отъ 20 го марта 1851 года, между прочимъ, рассказывается: «Сенковскій на-дняхъ прислалъ мнѣ свой стихотворный переводъ хоромъ изъ духовной пьесы Расина *«Аталія»* и просилъ меня исправить его *дурацкіе стихи*, какъ онъ написалъ, потому что эти хоры будутъ здѣсь пѣть въ филармоническомъ обществѣ. Я у него нынче былъ. Онъ принялъ меня въ кабинетѣ, который обитъ розовымъ кашемиромъ, и, усадивъ на голубое бархатное кресло, сталъ слушать, какъ я критиковалъ въ пухъ и прахъ его стихи».

Послѣ «Брымскихъ стихотвореній» Г. П. продолжалъ только въ теченіе пятидесятихъ годовъ писать свои сказки, если не считать случайныхъ и весьма недурныхъ драматическихъ сценъ изъ римской жизни: *«Ширъ у поэта Катулла»*. Въ письмѣ отъ 18-го ноября 1852 года Г. П., сообщая своей матери, что пьеса ужасно искажена цензурою, утѣшается мыслью видѣть ее на сценѣ: «25-го ноября,—писалъ онъ,— на другой день вашихъ именинъ, ангелъ Мамаша, она идетъ безъ выпуска въ бенефисъ Каратыгина, на сценѣ Александринскаго театра; лучшіе актеры играютъ въ ней роли, а роль Катулла — самъ Каратыгинъ 1-й. Теперь я каждый день за кулисами присутствую при репетиціяхъ. Изъ отзывовъ журналовъ объ игрѣ актеровъ вы узнаете, имѣла ли пьеса успѣхъ или нѣтъ; я же, несмотря на то, что это вещь легкая и не стоитъ большихъ хлопотъ, жду съ волненіемъ своего дебюта. Только по печатной пьесѣ не судите объ ея цѣломъ составѣ. Больше трети ея выкинуто!»

Наконецъ, настало 25 ноября. Спектакль («въ пользу актера г-на Каратыгина 2-го», какъ значилось на афишѣ) былъ составленъ изъ четырехъ пьесъ, шедшихъ въ первый разъ: сценъ *«Ширъ у поэта Катулла»*, комедіи графа В. А. Соллогуба — *«Сотрудники, или чужимъ добромъ не наживешься»*, водевиля П. Каратыгина — *«Туда и сюда, или курьезный закладъ»* и интермедіи въ одномъ дѣйствіи, съ пѣніемъ, танцами и плясками — *«Горемычная свадьба, или возвращеніе съ нижегородской ярмарки»*. Первый драматическій опытъ молодого писателя имѣлъ успѣхъ: автора нѣ-

сколько разъ вызвали; пьесу дали второй разъ 28-го ноября. Послѣ двухъ представленій Г. П. писать матери слѣдующее: «Каратыгинъ 1-й въ римской тогѣ былъ неподражаемъ и ослѣпительнъ; Мартиновъ вызывалъ не разъ дружный хохотъ, а хорошенькая Читау, съ греческимъ профилемъ, была чрезвычайно мила въ роли Лезбін, особенно, когда подъ покрываломъ, подъ звуки арфъ, декламировала стихи. Во 2-й разъ пьеса шла еще лучше... Я просилъ дирекцію болѣе не давать ее потому, что собираюсь писать комедію изъ русской жизни... Оба раза я сидѣлъ послѣ своей пьесы, въ остальныхъ пьесахъ спектакля, въ подаренной мнѣ ложѣ бельэтажа (цѣны имъ были тогда по 15 р. сер.); со мною въ огромной ложѣ сидѣлъ только одинъ мой несравненный Ваня Соколовъ (впослѣдствіи извѣстный художникъ), и это было единственное вознагражденіе, которое я принялъ отъ Каратыгина за свою пьесу. Пьеса эта вышла въ «Пантеонѣ» и вмѣстѣ съ «Фарисомъ» доставится вамъ».

«Ширъ у поэта Катулла» шелъ и въ Москвѣ, въ бенефисъ Никулиной-Косицкой, причемъ роль Катулла исполнялъ Полтавцевъ. Въ одинъ вечеръ съ пьесой Г. П. шла въ первый разъ комедія Островскаго: «Не въ свои сани не садись». Въ Москвѣ сцены изъ римской жизни нашего писателя были приняты такъ же благосклонно, какъ и въ Петербургѣ.

О спектаклѣ 25-го ноября въ Александринскомъ театрѣ появился только одинъ отзывъ въ «Сѣверной Пчелѣ». Рецензентъ (Р. М. Зотовъ) говорилъ, что пьеса Г. П. «составляетъ весьма пріятное событіе въ современной драматической литературѣ». «Очерки римскихъ нравовъ выведены очень вѣрно, а стихи г. Данилевскаго извѣстны своею легкостью и живостью. Намъ въ особенности чрезвычайно понравился прекрасный монологъ Катулла къ черепу..., гдѣ съ блестящею поэзіею соединены высокія философскія мысли... Мы вполне благодарны г. Данилевскому за прекрасный его подарокъ и просимъ продолжать поприще, такъ хорошо начатое, взявъ какой-нибудь сюжетъ посерьезнѣе». Какъ бы исполняя желаніе и совѣтъ стараго театрала, Г. П. написалъ пьесу для бенефиса Максимова (11-го января 1853 г.) изъ современнаго малороссійскаго быта: «*Вскрытіе духовнаго завѣщанія*»; но цензура такъ ее изуродовала, что на третьей репетиціи авторъ взялъ ее назадъ, чтобы «не раз-

рушить.—какъ онъ писалъ матери,—успѣшнаго впечатлѣнія прошлогодней пьесы». На этомъ драматургическая дѣятельность Г. П. и прекратилась.

Если былъ удаченъ дебютъ молодого писателя на сценѣ въ концѣ 1852 года, то еще бѣльшимъ успѣхомъ сопро-вождалось появленіе «*Старыхъ сказокъ*» въ началѣ того же года, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ потребовавшихъ второго изданія. Авторъ собралъ сказки, печатавшіяся раньше въ журналахъ, присоединилъ къ нимъ нѣсколько новыхъ, п такимъ образомъ получилась небольшая книжечка, весьма понравившаяся и публикѣ, и критикѣ *). Первая была заинтересована повизною содержанія, свѣжестью и яркостью картинъ южной природы, характеристичностью очерковъ малороссійскаго быта и казачества, по временамъ легкостью и звучностью стиха. Симпатіи свои къ сказкамъ нашего писателя публика доказала и впоследствии, когда раскупила одно за другимъ семь изданій ихъ въ одной изъ книжекъ Суворинской «Дешевой библіотеки». Успѣхъ этотъ былъ вполне заслуженнымъ, такъ какъ въ сказкахъ встрѣчаются дѣйствительно художественныя страницы, и подготовилъ успѣхъ беллетристическихъ произведеній, къ которымъ Г. П. обратился съ 1852 года. Первымъ опытомъ въ этомъ направленіи явилась «*Повѣсть о томъ, какъ казакъ побывалъ въ Бахчисарай*» **). напечатанная въ пятой книжкѣ «Современника». За нею, въ концѣ того же года, послѣдовала повѣсть «*Хуторянскій маляръ*» ***), о которой въ письмѣ къ матери отъ 16-го августа 1852 года Г. П. говорилъ: «Повѣсть выходитъ до того умерительна, что я иногда хохочу самъ надъ собственными фразами; вы здѣсь увидите кое-что и изъ знакомыхъ вамъ характеровъ». Писаніе повѣстей, изъ которыхъ къ концу 1853 года составила цѣлая книга въ 364 страницы, озаглавленная «*Слобожане*», продолжалось одновременно съ другими литературными и служебными работами. Въ высшей степени живая, подвижная и даровитая натура нашего пи-

*) Въ книжку вошли семь сказокъ: «Живая свирѣль», «Крымскій пѣвнникъ», «Ивашко», «Сонъ въ майскую ночь», «Огненный цвѣтокъ», «Оборотень», «Походъ казаковъ».

**) Впоследствии два раза переимѣнивая заглавіе: «*Иломскія вечерники*» и «*Бисъ на вечерницахъ*».

***) Впоследствии печатавшаяся подъ заглавіемъ просто «*Маляръ*» и «*Старосѣтскій маляръ*».

сателя въ неустанномъ трудѣ, смѣнявшемся немногими часами развлеченій—въ театрѣ, въ литературномъ и свѣтскомъ кругу,—находила, очевидно, наслажденіе—качество рѣдкое въ русскихъ талантливыхъ людяхъ, обыкновенно не отличающихся трудолюбіемъ. Въ письмѣ отъ 16-го августа, о которомъ мы уже упоминали, находимъ слѣдующія строки: «Я приглашенъ редакторомъ «Московскихъ Вѣдомостей» писать въ эту газету еженедѣльные письма и съ августа уже началъ *). Вы теперь можете постоянно ихъ читать тамъ подъ рубрикой «*Петербургская жизнь*», съ подписью Д. Вообразите, что я ихъ пишу къ вамъ, и еженедѣльная бесѣда между нами оживится: малѣйшія новости петербургскія я теперь передаю одиннадцати тысячамъ подписчиковъ этой газеты». Выстѣ съ тѣмъ, Г. П. находилъ время написать нѣсколько фельетоновъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», составить любопытный біографическій очеркъ актера А. Е. Мартынова, помѣстить въ «Моск. Вѣд.» описаніе посѣщеннаго имъ въ юль 1852 года «Хуторка близъ Диканьки» (вошедшее впоследствии въ переработанномъ видѣ въ статью: «Знакомство съ Гоголемъ»), напечатать нѣсколько бібліографическихъ отзывовъ, и проч. Хотя лѣтомъ, обыкновенно, кромѣ перваго года службы, Г. П. получалъ отпускъ или, начиная съ 1854 года, командировки, но въ остальное время молодому чиновнику приходилось исполнять довольно серьезныя работы, требовавшія не мало труда. Такъ, въ одномъ письмѣ Г. П. сообщаетъ своей матери, что наблюдаетъ, по порученію министра, за изданіемъ книги, печатаемой министерствомъ для поднесенія государю: «Образцовыя сочиненія воспитанниковъ Польши на русскомъ языкѣ»; въ письмѣ отъ 11-го февраля 1852 года нашъ писатель говоритъ: «А. С. (т.-е. Норовъ) поручилъ мнѣ составить кодексъ всѣхъ узаконеній по нашему министерству; я сажусь за это дѣло, а дѣло это вчера бывший мой начальникъ, Гаевскій, съ обычною своею чопорностью, сдвинувъ губы, назвалъ: «Геркулесовымъ подвигомъ». Съ Божьею милостью, я надѣюсь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ усидчивой работы восторжествовать»; въ третьемъ письмѣ, отъ 18-го ноября того же года, Г. П. рассказываетъ матери, что, на

*) См. «Моск. Вѣд.» за 1852 г. №№ 94, 95, 98, 101, 104, 106, 109, 115, 123, 129, 141 и 148. съ 30-го юля по 5-е декабря, а за 1853 г. — №№ 3, 8, 14, 20, 36 и 40.

время отсутствія Норова, онъ прикомандированъ къ министру для занятій еврейскими дѣлами, и т. д.

Посвящая почти все время на разнообразныя литературныя и служебныя работы, молодой писатель умѣлъ находить свободные часы для отдыха. Въ письмѣ къ матери отъ 21-го февраля 1853 года мы читаемъ: «На-дняхъ Даргомыжскій устроилъ у себя для меня и Тюриня музыкальный вечеръ; я пѣлъ, Тюринъ игралъ — и гости съ хозяиномъ радушно насъ ласкали... Я уже писалъ вамъ о моемъ избраніи въ члены Благороднаго собранія (пашковскаго клуба на Литейной): это избраніе тѣмъ для меня дорого, что совершено вслѣдствіе моихъ отзывовъ о собраніи въ Вѣдомостяхъ. Тамъ я очень веселюсь на балахъ, а будни люблю тамъ обѣдать (какъ членъ только за 40 к. сер. 5 блюдъ) и послѣ до вечера остаюсь въ читальной комнатѣ за журналами и сигарою на мягкомъ канapé. Надо знать петербургскую жизнь, чтобы любить ее, а любишь ее, когда найдешь средства жить дешево, весело и въ уровень съ людьми, которые проживаютъ тысячи, а больше моего не испытываютъ. По субботамъ вечеромъ я уже всегда у Срезневскихъ; одно воскресенье вечеромъ у Майковыхъ (поэтъ-сынъ на-дняхъ женился на Анхентъ, очень миленькой, бѣдной нѣмочкѣ Штеммеръ, въ которую былъ влюбленъ уже 6 лѣтъ), а другое—у Плетневыхъ: Плетневъ болѣе и болѣе со мной сходится; на-дняхъ узналъ онъ о моемъ увлеченіи украинскими мелодіями и заставилъ меня пѣть; это ему такъ понравилось, что онъ послалъ нарочнаго тутъ же къ своему сосѣду, директору здѣшней таможни, Угричичъ-Требинскому, страстному патріоту-украинцу, и познакомилъ его со мною. Требинскій тоже пригласилъ меня къ себѣ, и я у него бываю». Въ письмѣ отъ 22-го января 1854 года находятся слѣдующія любопытныя свѣдѣнія: «Истекшія двѣ недѣли прошли для меня очень весело. У архитектора Штакеншнейдера, построившаго дворецъ Маріи Николаевны, былъ театръ: играли «*Три смерти*» Майкова. Актеры были: самъ Майковъ, Бенедиктовъ, я и нѣкоторые художники, для дополненія. Мы были въ римскихъ туникахъ и тогахъ, котурнахъ на ногахъ и въ античныхъ парикахъ. Я игралъ молоденькаго ученика и былъ въ голубой туникѣ, шитой золотомъ, и въ бѣлокурномъ парикѣ до плечъ; монологъ мой о смерти тапцов-

щицы Лоры вызвали рукоплесканія. У графа Толстого... каждую среду артистическіе вечера. Художники рисуютъ вокругъ лампы — все почти молодые академики, — дамы рвутъ корію, а литераторы что-нибудь читаютъ. Здѣсь бывають изъ послѣднихъ постоянно: Майковъ, Полонскій, Бенедиктовъ, Щербина, Писемскій, Мей, Струговщиковъ и начинаютъ ѣздить Тургеневъ; Контскій игралъ... Я завелъ недавно *альбомъ для артистовъ*, своихъ знакомыхъ. Мнѣ уже написали превосходныя стихотворенія: Каролина Павлова (авторъ «Вечера въ Трианонъ»), Щербина, Полонскій, Майковъ, Бенедиктовъ, Мей, рисуютъ карикатуры Степановъ и гр. Толстой и напишутъ музыкальныя строфы Глинка и Даргомыжскій, у котораго вчера мы все были на музыкальномъ вечерѣ; онъ намъ игралъ изъ своей новой оперы «Русалка». — Кромѣ того Г. П. навѣщалъ своихъ родныхъ Байковыхъ и знакомыхъ Коростовцевыхъ, бывалъ съ своимъ другомъ, Ваней Соколовымъ, у художника Бейдемана, попрежнему радушно былъ принятъ у Норовыхъ, а въ 1853 году разговлялся у графини Орловой-Денисовой. Въ письмѣ отъ 18-го апрѣля этого года Г. П. писалъ матери: «...Графиня назначила мнѣ во вторникъ на Страстной вечеръ, когда я вызвался ей читать въ рукописи найденныя на-дняхъ главы изъ II-го тома «Мертвыхъ душъ»; на этотъ вечеръ меня слушать пригласила она многихъ дамъ и мужчинъ изъ числа высокихъ друзей своихъ—и до двухъ часовъ ночи мы провели незапамятный вечеръ; я кромѣ Гоголя многое читалъ наизусть—и ласки общества тронули меня глубоко... Вторникъ для меня тѣмъ болѣе прошелъ весело, что это былъ день моего рожденія (14-го апрѣля); 24-й годъ свершился—и я не безъ нѣкоторой свѣтлой радости и гордости оглянулся на пролетѣвшіе годы—всюду и всегда видя васъ, моя милая Мамаша, и васъ, мой дорогой, добрый Папа!»

Дѣйствительно, молодой писатель, въ 24 года, являлся уже авторомъ нѣсколькихъ довольно крупныхъ литературныхъ работъ, къ которымъ въ концѣ 1853 года прибавилась еще одна—первый сборникъ малороссійскихъ рассказовъ, подъ заглавіемъ: «Слобожане». Все помѣщенные въ этомъ сборникѣ рассказы («Маляръ», «Слободка», «Дѣдушкинъ домикъ», «Изюмскія вечерницы» и «Пельтетепинскіе панки») впоследствии нѣсколько разъ передѣлывались и пе-

репечатывались, кромѣ «Введенія». «Стенного городка» и «Хуторянки». Авторъ намѣревался включить въ сборникъ еще два разсказа — «Проповѣдь въ пустынь» и «Чууевъ», но они цѣликомъ были запрещены цензурой. По выходѣ въ свѣтъ сборника Г. П. писалъ своей матери: «Книга «Слобожане» вызвала сильныя толки и въ двѣ недѣли вся расхватаана; мнѣ Глазуновъ предлагаетъ купить 2-е изданіе; по совѣту Краевскаго я отказалъ.. подожду и потомъ прибавлю болѣе зрѣлыхъ повѣстей, болѣе строгихъ очерковъ и, исправивъ это, издамъ лучше! Книга мнѣ принесла, кромѣ вашихъ подписчиковъ, 500 р. сер., а съ ними—600: изданіе стоитъ до 400 р., слѣдовательно 200 р. мнѣ очистилось! Столько же за право напечатать еще 600 экземпляровъ мнѣ теперь давалъ, прямо и Глазуновъ. Эти деньги пошли больше на книги; все изданіе «Смирдинскихъ русскихъ авторовъ», съ Ломоносова до нашихъ дней, я пріобрѣлъ на нихъ; потомъ полныя сочиненія Жуковскаго, изданныя въ Германіи; все это и старую бібліотеку и еще другія новыя книги я отлично переплелъ... книги еще буду покупать, но все такія, что не на одно прочтеніе въ при-сѣсть, а навсегда, для справокъ и долгаго изученія. Это пойдетъ весною въ Петровское...»

Въ другомъ письмѣ къ матери, отъ 6-го марта 1854 года, читаемъ слѣдующее: «Слобожане» разошлись; требуютъ второе изданіе; я отдалъ его въ цензуру и получилъ билетъ на выпускъ, но рассудилъ и пріостановилъ это новое изданіе до осени: исправлю его, прибавлю новыя разсказы и тогда издамъ. Я жду съ нетерпѣніемъ *вашего*, ангель мой безцѣнный, *вашего* отзыва о нихъ. Такихъ сужденій, каково Скалона, я здѣсь тысячи слышалъ, но это все не то, что вы можете сказать! Вообще, книга моя возбудила толки, и я впервые прислушивался, лицомъ къ лицу, къ говору публики... Сказки были мои только по формѣ, Шекспиръ—по языку, а это все мое! — Вижу все темное въ своихъ картинахъ и не раскаиваюсь, что произвелъ имъ разомъ выставку передъ публикой: *я теперь узналъ, что нужно разработывать, и увидѣлъ, въ чемъ могутъ состоятъ мои силы*. Выборъ сюжетовъ — главная моя ошибка; многое въ книгѣ не стоитъ моихъ наблюденій и обстановки, которую я ввелъ въ нее. Словомъ, теперь я уже не напишу подобной книги; но я далеко не раскаиваюсь, что написалъ ее.

Она раскуплена въ два мѣсяца; значить, меня хотятъ читать, тѣмъ болѣе, что книга не журналъ, который даже по-неволѣ читають. Наконецъ, и сатиры ея задѣли, значить, не были мертвы; у меня лежитъ письмо, присланное къ Краевскому изъ провинціи, съ подписью: «Антонъ Миннычъ Морква, с. Пельтетепинское», гдѣ господинъ, такъ подписавшійся, объявляетъ, что онъ выведенъ въ моей книгѣ цѣликомъ и просить защиты. На письмѣ, пересланномъ мнѣ, Краевскій написалъ: «*Обратите вниманіе*». Лицо Морквы мною вымышлено, а нашелся ему двойникъ, значить вымыселъ—недалекъ отъ природы *).

Въ восьми повременныхъ изданіяхъ ***) критики единодушно называли «Слобожанъ» — «пріобрѣтеніемъ изящной литературы» и, за малыми исключеніями, посвятили этой книгѣ обширные фельетоны и статьи, причемъ подробно разбирали каждый рассказъ.

Такимъ образомъ, первые беллетристическіе опыты нашего писателя увѣнчались успѣхомъ и показали настоящую дорогу для его дарованія, которое къ началу шестидесятыхъ годовъ достигло полного своего развитія, завоевало симпатіи многочисленной читающей публики и заняло видное мѣсто въ ряду художественныхъ талантовъ. Со времени появленія «Слобожанъ» Г. П., написавъ еще нѣсколько сказокъ и переведа нѣсколько стихотвореній

*) Любопытно сопоставить съ этимъ оправданіемъ автора слѣдующія слова изъ воспоминаній г-жи Б-риэ, уже выше цитованныхъ и помѣщенныхъ въ «Донской Пчелѣ», № 16 за 1891 годъ: «Сколько я ни читала повѣстей Г. П., почти въ каждой я находила лицо и имя здравствующее изъ нашего уѣзда. Да этого онъ и не скрывалъ. Говорять, это не всегда бываетъ хорошо въ смыслѣ литературнаго достоинства художественныхъ произведеній. Такъ пишутъ критики. Но я подобнаго удовольствія, конечно, никогда не испытывала: въ столь художественныхъ, прекрасныхъ сочиненіяхъ узнать знакомыхъ тебѣ людей, такъ занимательно и выразительно описанныхъ. Напр., въ романѣ «Пенсильванцы и Каролины» — (кажется, этотъ романъ носить теперь другое названіе), въ лицѣ Пивантьева, крѣпостного человѣка, съ свѣлымъ, неукротимымъ характеромъ, выведенъ близкій мнѣ родственникъ по мужу. Онъ былъ первое лицо нашего уѣзда въ 50—60 годахъ (онъ давно уже умеръ); старикъ суровый, непреклонный, но очень добрый и справедливый».

**) «С.-Петербургскія Вѣдомости», «Сѣверная Пчела», «Библіотека для чтенія», «Московскія Вѣдомости», «Русскій Инвалидъ», «Москвитинишъ», «Раутъ», III книга, и «Петербургскій Вѣстникъ».

изъ Шиллера, Мицкевича и Гейне, окончательно дѣлается беллетристомъ — сначала бытовымъ, а затѣмъ, въ семидесятыхъ годахъ — историческимъ, хотя первыя удачныя попытки въ историческомъ родѣ сдѣланы еще въ пятидесятыхъ годахъ, когда были написаны: «Вечеръ въ теремъ царя Алексѣя», «Царь Алексѣй съ соколомъ» (1856 г.) и «Екатерина Великая на Дибирѣ» (1858 г.). Одновременно съ этими историческими рассказами или нѣсколько раньше ихъ появились: въ «Библіотекѣ для чтенія» — рассказъ землемѣра «Старобубновъ боръ» *) и очерки четырехъ временъ года въ Малороссіи «Права и обычаи украинскіхъ чумаковъ» **); въ «Русскомъ Вѣстникѣ» — цѣлый рядъ новыхъ украинскихъ народныхъ сказокъ въ стихотворномъ переложеніи — «Живое озеро», «Дѣдовы козы», «Братъ и сестра», «Вѣсы», «Путь къ солнцу», «Лѣсная хатка» ***); наконецъ, въ «Отечественныхъ Запискахъ» ****) — любопытная и основательная біографія извѣстнаго малороссійскаго писателя Квитки-Основьяненко, обратившая на себя весьма одобрительное вниманіе критики. Работая надъ этою біографіею, Г. П. писалъ своей матери: «Я составилъ по стариннымъ журналамъ, надъ чѣмъ съ трудомъ рылся цѣлые мѣсяцы въ Публичной Библіотекѣ, полный списокъ его (Квитки) сочиненій и всѣхъ псевдонимовъ съ 1816 по 1843 годъ его литературной жизни; подъ каждымъ означилъ содержаніе сочиненія; наконецъ, собралъ всѣ печатныя извѣстія о его жизни. Плетневъ, пока по секрету, далъ мнѣ до 80 писемъ къ нему Основьяненко, изъ которыхъ выборъ для біографіи будетъ любопытнѣйшей». Вмѣстѣ съ тѣмъ, Г. П. просилъ мать разузнать у близкихъ знакомыхъ Квитки, харьковскихъ помѣщиковъ: нѣтъ ли у нихъ рукописей и писемъ автора и пана Халявскаго, не слышали ли они о немъ какихъ-нибудь анекдотовъ, не помнятъ ли его сужденій о литературѣ, о себѣ самомъ, о Гоголѣ и пр. Составленная на основаніи всѣхъ этихъ любопытныхъ матеріаловъ, біографія

*) 1854 года, № 4.

***) 1857 года, №№ 3, 4, 5 и 6.

***) 1857 года, № 24, и 1858—№№ 1, 2 и 3.

****) 1855 года, №№ 11 и 12. Біографія Квитки-Основьяненко вышла также отдельнымъ изданіемъ, съ портретомъ, снимкомъ почерка и рисункомъ Тимма.

Квитки до сихъ поръ является единственной въ своемъ родѣ. При своемъ появленіи въ свѣтъ она вызвала цѣлый рядъ похвальныхъ отзывовъ; особенное вниманіе при этомъ критика обратила на разъясненіе Г. П. вопроса: заимствовалъ ли Гоголь содержаніе комедіи «Ревизоръ» изъ комедіи Основьяненко, написанной въ 1827 году и называющейся: «Пріѣзжій изъ столицы или суматоха въ уѣздномъ городѣ». Писатель напгъ рѣшилъ этотъ вопросъ въ отрицательномъ смыслѣ на основаніи данныхъ, совершенно оправдывающихъ Гоголя, который, впрочемъ, и самъ никогда не присвоивалъ себѣ изобрѣтеніе сюжета «Ревизора», а говорилъ, что сюжетъ переданъ ему Пушкинымъ.

Въ послѣдніе три года службы по министерству народнаго просвѣщенія Г. П., какъ челоѣкъ, имѣвшій уже литературную извѣстность, посылался въ ученія командировки. Такъ, лѣтомъ 1854 года, молодой писатель, во время своего путешествія по губерніямъ курской, харьковской и полтавской, собиралъ, по порученію министерства, свѣдѣнія о древнихъ рукописяхъ и старинныхъ актахъ въ монастыряхъ и городахъ, а также составилъ реестры наиболѣе любопытнымъ изъ актовъ и описалъ много рукописей историческаго содержанія, замѣчательныхъ въ томъ или другомъ отношеніи. Въ 1855 году министръ народнаго просвѣщенія командировалъ Г. П. въ губерніи: полтавскую — для осмотра и описанія въ археологическомъ отношеніи мѣстностей г. Полтавы и ближайшихъ къ ней мѣстечекъ и селъ, ознаменованныхъ событіями эпохи борьбы Петра Великаго съ Карломъ XII. и екатеринославскую — для осмотра архива и окрестностей г. Екатеринославля. Результаты первой командировки частью изложены въ статьѣ: «Частныя и общественныя собранія старинныхъ актовъ и историческихъ документовъ въ Харьковской губерніи», а результаты второй — въ статьѣ: «Полтавская старина въ отношеніи ко времени Петра Великаго» *). Особенно важна вторая статья, въ которой Г. П. описалъ, по плану историка Устрялова, историческія мѣста Полтавы и ея окрестностей, крѣпость, древнія зданія и частныя дома, уцѣлѣвшіе съ 1709 года, ближайшія села, монастыри, со-

*) Обѣ статьи напечатаны въ «Журн. Мпн. Народнаго Просвѣщенія» №№ 2 и 3 за 1856 г.

бралъ преданія и письменные остатки, описалъ памятники знаменитой битвы, сооруженные въ царствованія Петра Великаго, Екатерины II, Александра I и Николая I.

Третью командировку нашъ писатель получилъ въ 1856 году отъ морского министерства, по волѣ Августѣйшаго Генераль-Адмирала Константина Николаевича, вмѣстѣ съ другими писателями — Афанасьевымъ-Чужбинскимъ, Максимовымъ, Михайловымъ, Островскимъ, Писемскимъ, Потѣхнымъ и др., отправленными для изученія быта прибрежныхъ жителей Россіи. Г. П. посѣтилъ и описалъ побережья Азовскаго моря, а также Днѣпръ и Донъ. Путешествіе это, продолжавшееся три съ половиною мѣсяца, доставило нашему писателю богатый запасъ наблюденій надъ жизнью бѣглыхъ крестьянъ въ степяхъ и впоследствии вдохновило на многія предестныя и глубокопрочувствованныя описанія своеобразной новороссійской природы, частью перешедшія и въ русскія хрестоматіи.

Несмотря на свои служебные успѣхи; несмотря на расположеніе министра А. С. Норова и его товарища князя П. А. Вяземскаго, который такъ же приблизилъ къ себѣ молодого даровитаго чиновника-литератора, какъ и Норовъ, будучи товарищемъ министра; несмотря на образовавшіяся въ короткое время обширныя литературныя связи и знакомства, — Г. П. еще въ 1854 году задумалъ оставить Петербургъ, оставить канцелярскую службу, пожить на родинѣ, въ тѣни, «вдали отъ журнальныхъ кружковъ, которые кладутъ тяжелое клеймо мелкихъ дрызгъ своихъ на спокойное обдумываніе трудовъ». Рѣшеніе это окончательно созрѣло въ 1857 году, когда 20-го февраля, согласно прошенію, Г. П. былъ уволенъ отъ службы, съ награжденіемъ чиномъ надворнаго совѣтника. Главнымъ мотивомъ (подробно выясненнымъ въ нижеприводимомъ, замѣчательномъ письмѣ) оставленія службы и Петербурга являлась несовмѣстимость ея съ литературной карьерой. «Если бы я захотѣлъ, — писалъ Г. П. своей матери, — двойственность моей теперешней дороги — литературной и служебной — раздѣлить, т. е. отбросить литературу, я могъ бы съ большимъ терпѣніемъ и очень спокойно переносить всякіе щелчки и шагъ за шагомъ достигать всего чиновничьяго, петербургскаго — орденовъ, геморроя, теплыхъ мѣстечекъ и тому подобнаго... Но взгляните на это же дарованіе; это все равно было бы, что надру-

гаться надъ честнымъ кровомъ родительскимъ, если бы бросилъ я его,—бросилъ трепещущимъ первымъ счастьемъ первой жизни, бросилъ обиженнымъ, безмолвнымъ и умирающимъ для чего-то далекаго, сухого, счастливаго тогда, когда во рту не будетъ зубовъ и порядочная куча подлостей, честныхъ, какъ говорится, подлостей будетъ на плечахъ. Итъ! грѣшно и безчестно бросить такъ это дарованіе, грѣшно и безчестно, когда его зовущая, упительная сила такъ благородно отдается съ каждымъ днемъ любящему сердцу, когда сила его можетъ ворочать со временемъ, при честномъ служеніи религіи искусства, камни и каменные души... *Литераторъ выше всякаго чиновника*; литераторъ тотъ же честный чиновникъ великаго Божьяго государства, по его поприще выше всякаго другого! Выше и по той свободѣ, съ какою подходитъ онъ къ своему рабочему жертвеннику и съ какою соединяется каждый день его жизни; выше и потому, что чиновникъ поставитъ на бумагѣ нумеръ и она черезъ то не потеряется, — или купитъ женѣ своего начальника туфли и она черезъ то не простудится; а литераторъ строго выноситъ, среди изученія образцовъ и долгаго обдумыванія и долгихъ усиленныхъ работъ, свѣтлую мысль или характеръ подъ сердцемъ, какъ мать, и когда его собственныя силы станутъ крѣпнуть,—дѣти его сердца станутъ трогать сердца и поучать умы милліоновъ. Намъ нечего бросать жребія, мы съ вами видимъ ясно! Я уже не ребенокъ въ мірѣ слова, очинившій перо для стипендіи и первой печатной строки; мое будущее для меня начинается уже разъясняться; я его вижу, вижу мой удѣлъ; вижу будущіе труды и слышу всѣми фибрами сердца зовущій меня голосъ... Я сдѣлалъ въ литературѣ столько, что теперь мнѣ или нужно бросить ее, растоптать и забыть навсегда, или смѣло бросить все, что помѣшаетъ вдохновенному и тихому шествію дарованія, и отдаться ей одной, безраздѣльно и навѣки; иначе—жизнь моя въ собственныхъ глазахъ моихъ будетъ безчестна и кончится посредственностью, дилетантизмомъ, я сдѣлаюсь артистомъ, котораго будутъ поминать табачныя ноздри геморроидальныхъ сослуживцевъ, да два-три памятливые родственника... Мнѣ необходимо изученіе людей, сердецъ, страстей и помысловъ современности и моей родины; этого ничего я не изучу и даже не увижу въ Петербургѣ! Мнѣ необходимо по край-

ней мѣръ *три года* оставаться подолѣе. Лѣто, весну и осень, въ провинціи, учиться, присматриваться, прислушиваться, собирать, работать въ тишинѣ и крѣпнуть вдаль отъ свѣта, для котораго потомъ опять явиться. Этого сдѣлать нельзя, служба; службу на время надо оставить... Черезъ три года тѣ-же люди, которые дали мнѣ ходъ, встрѣтятъ меня и дадутъ мнѣ опять ходъ по службѣ, если бы я захотѣлъ, и еще просить будутъ, ручаюсь вамъ въ этомъ, потому, что знаю канву, по которой здѣсь вышиваются служебные узоры! Меня выпускаютъ изъ виду, но не забудутъ. Я безпрестанно зрѣлѣе и зрѣлѣе буду напоминать о себѣ въ печати и, не оплошавшись для нихъ вѣчнымъ торчаніемъ на ихъ глазахъ, явлюсь тѣмъ же стариннымъ ихъ знакомцемъ, но нѣсколько опять новымъ, возбуждающимъ ихъ любопытство, и при моемъ знаніи пружинъ житейскихъ, при моихъ связяхъ въ кругу молодежи и стариковъ чиновничьей аристократіи здѣсь—достигну всего, чего пожелаю!»

Эти слова во многомъ оказались вполне вѣрными. Дѣйствительно, житье на родинѣ въ харьковской губерніи, но не въ теченіе трехъ лѣтъ, какъ предполагалъ Г. П., а въ теченіе двѣнадцати, оказалось въ литературномъ отношеніи въ высшей степени плодотворнымъ: шестидесятыя годы—пора пышнаго расцвѣта таланта нашего писателя, пора созданія лучшихъ бытовыхъ романовъ, составляющихъ извѣстную трилогію-эпопею изъ быта Новороссіи. Расцвѣтъ таланта Г. П. совершился, несомнѣнно, подѣ благотворнымъ вліяніемъ родины, подѣ вліяніемъ работы на свободѣ, въ сельской тишинѣ, подѣ вліяніемъ частаго и живого общенія съ людьми разныхъ сословій и состояній во время службы по выборамъ— сначала въ комитетѣ по улучшенію быта помещичьихъ крестьянъ, а затѣмъ въ только-что создавшемся земствѣ. Наконецъ, когда въ 1869 году Г. П. снова прѣхалъ служить въ Петербургъ, онъ дѣйствительно достигъ многого, если не всего, чего желалъ.

Итакъ, съ выходомъ нашего писателя въ отставку, въ 1857 году, начинается новый періодъ его жизни, наступаетъ пора возмужалости его дарованія, пора служенія родинѣ въ самое горячее время великихъ реформъ, быстро слѣдовавшихъ одна за другою и требовавшихъ для своего воплощенія и осуществленія талантливыхъ дѣятелей.

Еще 14-го ноября 1854 года Г. П. писалъ своей матери: «Что касается женитьбы въ ранніе годы, то я другой женитьбы и не понимаю, особенно при моихъ кабинетныхъ наклонностяхъ. Женившись, можно разлюбить поэзію, только живя помѣщикомъ; а здѣсь — здѣсь все кипитъ и подстрекаетъ. Почти всѣ молодые наши литераторы женаты или живутъ такъ, какъ женатые; святость и чистота сердца только тутъ въ домашнемъ быту и сохраняются. Я не боюсь за себя; у меня слишкомъ много жажды работъ и извѣстности, какъ ихъ награды, для того, чтобы опуститься и стать преждевременно брюзгой. Напротивъ, тутъ я еще сосредоточусь болѣе и стану серьезнѣе смотрѣть на труды свои». Эти строки были написаны Г. П. въ самый разгаръ его любви къ дочери одного харьковскаго помѣщика, къ той «черноокой Наденькѣ Б***», которая вдохновила въ послѣдствіи нашего писателя на созданіе образа Агланъ въ романѣ «Девятый валъ». Почти въ каждомъ письмѣ отъ 1853 — 1855 гг. можно прочесть нѣсколько строкъ о Н. О. Б***, — строкъ, то восторженныхъ и радостныхъ, то грустныхъ и печальныхъ, такъ какъ страстно влюбленному Г. П. долго было больно «при одной мысли о монастырѣ и о томъ миломъ существѣ, которое похищено имъ», долго образъ любимой дѣвушки «восходилъ для него лучезарною звѣздой» и будилъ дорогое прошедшее, въ которомъ было потеряно столько очаровательныхъ грезъ и надеждъ. Можно увѣренно сказать, что любовь нашего писателя не оставалась безотзывной, что Н. О. поступала въ монастырь только на самый короткій срокъ для того, чтобы сдержать какой-то собѣтъ, но достойнѣйшую и неопытную дѣвушку увѣрили въ монастырѣ, что отецъ далъ за нее Г. П. согласіе и что женихъ ищетъ только ея состоянія. Вѣроятно, эти наговоры и сплетни оскорбили Н. О., и она, повѣривъ имъ, отвергла искреннюю и безкорыстную любовь молодого писателя. Въ своихъ воспоминаніяхъ о Г. П. графиня В-рна, о которой мы имѣли уже случай говорить выше, передаетъ объ этомъ эпизодѣ изъ жизни нашего писателя не лишеныя интереса подробности, относящіяся именно къ 1854 году. «Онъ былъ совсѣмъ молодой человѣкъ, средняго роста, очень симпатичной наружности; его малороссійскіе, темно-сѣрые съ узкимъ, но красивымъ прорѣзомъ, глаза бѣгали, какъ огоньки! Онъ въ то время переживалъ пору юности и увлеченій, былъ

холостъ, имѣлъ планы на женитьбу. «Ахъ, дружище, — говорилъ онъ моему мужу, — въ душѣ моей теперь таятся два идеала. Одинъ идеаль говоритъ: «не стѣитъ жить, ничтоженъ мѣръ», а другой идеаль говоритъ: «нѣтъ, мѣръ имѣетъ свои радости, счастье — нужно жить». И вотъ, среди столь разнообразныхъ ощущеній и борьбы онъ не шутя горевалъ... Одна изъ дѣвушекъ, которая говорила поэту «не стѣитъ жить», была никто иная, какъ Аглая, героиня романа «Девятый валъ». Пробывъ *два года* въ монастырѣ, она оставила его, потому-что «я не нашла того монастыря, который былъ въ моемъ воображеніи», впоследствии говорила она. Тѣмъ не менѣе, любовь ихъ не возвратилась. Г. П. въ то время жилъ въ Москвѣ и Петербургѣ; они не видѣлись больше. Не знаю, что съ ней теперь, но лѣтъ десять тому назадъ я видѣлась съ ней... Она была уже пожилая дѣвушка, блѣдная, но все еще сохранившая слѣды поразительной красоты, въ траурномъ платьѣ, съ янтарными четками, привѣтливая, но очень грустная и молчаливая».

Свои намѣренія и планы жениться по возможности раньше, чтобы «сохранить святость и чистоту сердца», Г. П. дѣйствительно исполнилъ вскорѣ послѣ выхода въ отставку: свадьба его была 7-го. іюня 1857 года. Онъ женился на дочери помѣщика-сосѣда змѣевского уѣзда, умершаго штабс-капитана, Юліи Егоровнѣ Замятиной. Вѣнчаніе происходило въ Покровской церкви села Дмитріевки, изюмскаго уѣзда. Двѣнадцать лѣтъ послѣ женитьбы нашъ писатель прожилъ на родинѣ, въ харьковской губерніи, частью въ родовомъ имѣніи отца, селѣ Петровскомъ, частью въ имѣніи жены селѣ Екатериновкѣ. Изрѣдка навѣдывался въ Петербургъ, Г. П. побывалъ также въ 1860 году за границу — во Франціи, Германіи, Англии, Италиі и славянскихъ земляхъ Турціи *).

*) «Письма изъ-за границы» (двѣ серіи) печатались въ «Сѣверной Пчелѣ»; къ первой серіи относится 10 писемъ — съ 26-го февраля по 26-е мая 1860 года, ко второй — всего два письма, помѣщенные въ № 211 и 228 (11-го сентября и 23-го октября). Первые десять писемъ носили заглавія: Отъ Петербурга до Берлина, отъ Берлина до Парижа. Французскіе депутаты въ Луврѣ, Парижъ, отъ Парижа до Токио, Венеціа и Туринъ (2 письма). Старосвѣтскіе помѣщики на югѣ Франціи, Римъ и Неаполь (2 письма); во вторыхъ двухъ письмахъ повѣствовалося о Лондонѣ и французскихъ деревняхъ. Подъ большинствомъ писемъ имѣется подпись: *А. Сквиронскій*.

Искренно сочувствуя освобожденію крестьянъ, отпустивъ еще до 19-го февраля 1861 года нѣкоторыхъ изъ своихъ дворовыхъ на волю, Г. П. началъ служеніе своей родинѣ послѣ предварительной подготовки, послѣ внимательнаго изученія экономическаго быта харьковскаго крестьянина. Результаты этого изученія были изложены въ трехъ обширныхъ письмахъ, помѣщенныхъ въ №№ 3, 7 и 13 московскаго «Журнала землевладѣльцевъ» за 1858 г. и озаглавленныхъ: «*Харьковскій крестьянинъ въ настоящее время*». По тщательномъ разсмотрѣніи его быта, Г. П. пришелъ къ весьма неутѣшительнымъ выводамъ. Онъ находилъ, что харьковскіе крестьяне, изнуренные болѣзнями, съ потерей въ раннемъ возрастѣ силъ, безъ помощи медицины и правильной жизни, страдаютъ черезполосицей, постояннымъ отпращиваніемъ почти всѣхъ повинностей натурою, проволочками своихъ кровныхъ дѣлъ—исковъ по имуществу и по обидамъ отъ черезчуръ плодовитой канцелярской переписки судебныхъ и полицейскихъ мѣстъ; страдаютъ отъ дурнаго расположенія границъ владѣльческихъ участковъ земель, отъ низкой наемной, поденной и годовой платы за трудъ; отъ непониманія своихъ отношеній къ властямъ и помѣщикамъ; отъ эксплуатаціи откупщиковъ, отъ печальнаго состоянія земледѣлія и жалкаго прозябанія всѣхъ другихъ промысловъ. Необходимость въ коренныхъ преобразованіяхъ крестьянскаго быта была очевидна, и авторъ своими письмами шелъ, такимъ образомъ, навстрѣчу великодушнымъ намѣреніямъ правительства. Онъ находилъ нужнымъ, для улучшенія положенія крестьянъ, учрежденіе и размноженіе фельдшерскихъ школъ и аптекъ при сельскихъ общинахъ, принятіе энергическихъ мѣръ къ полюбовному размежеванію въ губерніи, открытіе общественныхъ работъ (постройка желѣзной дороги въ два конца отъ Харькова къ Θεодосіи и къ Москвѣ), улучшеніе путей и средствъ сообщенія, обезпеченіе дешевымъ кредитомъ, преобразование откупной системы, дарованіе свободы личному труду человѣка, самое широкое покровительство земледѣлію, и проч. По намѣченной правительствомъ программѣ, преобразования въ сельскомъ быту должны были совершиться при участіи помѣщиковъ-землевладѣльцевъ, будущимъ поколѣніямъ которыхъ предстояла задача просвѣщенія «младшихъ братій», развитіе ихъ нравственныхъ и экономическихъ понятій, «чтобы ихъ святой

трудъ, — какъ говорилъ въ третьемъ письмѣ Г. П., — освободясь изъ тьмы запутанности и всякихъ вѣковыхъ стѣсненій, не пропадалъ еще даромъ, а въ примѣненіи своемъ неуклонно достигалъ бы главной своей цѣли — увеличенія народнаго богатства и счастья»... Призывая все харьковское дворянство къ пересозданію и перевоспитанію грядущаго поколѣнія свободныхъ землепашцевъ, Г. П. заканчивалъ слѣдующими глубоко-воодушевленными, полными свѣтлыхъ надеждъ, словами: «Отъ лица всего новаго поколѣнія края, честь и достоинства котораго берутъ здѣсь болѣе и болѣе вліянія, скажемъ словами поэта *), тронувшаго честною разработкою и нашъ поэтически-самобытный, хотя и нравственно-бѣдный край:

«Дню вчерашнему забвенье,
«Дню грядущему привѣтъ!..»

Дѣйствительно, горячей вѣрой въ «грядущій день» одушевлены были всѣ дѣятели эпохи крестьянскаго освобожденія, безкорыстно работавшіе для блага «младшей братіи», для блага всей Россіи. Если впоследствии многія свѣтлыя чаянія не оправдались, а въ реформахъ оказались пробѣлы и ошибки, свойственныя всякому дѣлу рукъ человѣческихъ, если общество и народъ оказались стоящими ниже реформъ и неспособными къ ихъ правильному выполненію и усвоенію, — то, во всякомъ случаѣ, начала, положенныя въ ихъ основу, были настолько высоки и гуманны, что могли лучшихъ людей вызвать на самоотверженный и тяжелый трудъ, наградой за который являлось только сознаніе исполненнаго долга.

Съ вѣрою въ «грядущій день» выступилъ на служеніе народу и нашъ писатель. Въ маѣ мѣсяцѣ 1858 года онъ былъ избранъ змѣвскимъ дворянствомъ въ кандидаты къ двумъ членамъ отъ уѣзда въ харьковскій губернскій комитетъ по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ, съ обязательствомъ въ первый періодъ дѣятельности комитета нести равныя обязанности съ членами его, по собиранію необходимыхъ свѣдѣній въ змѣвскомъ уѣздѣ. По желанію своего дворянства, Г. П. постоянно присутствовалъ во всѣхъ засѣданіяхъ комитета для безотложной замѣны членовъ отъ

*) И. С. Аксакова, изучавшаго харьковскую торговлю и написавшаго изслѣдованіе объ «Украинскихъ ярмаркахъ».

змѣвскаго уѣзда, въ случаѣ ихъ отъѣзда или болѣзни. Во время засѣданій комитета на долю Г. П. выпадали труды, равные съ другими членами: заступая мѣсто представителей отъ уѣзда, онъ неоднократно участвовалъ какъ въ совѣщательныхъ засѣданіяхъ комитета, такъ и въ его редакціонныхъ работахъ по начертанію проекта положенія объ освобожденіи крестьянъ. По закрытіи комитета, при письмѣ отъ губернскаго предводителя дворянства отъ 15-го мая 1859 года, Г. П. была объявлена Монаршая благодарность «за труды, понесенные въ теченіе занятій по крестьянскому дѣлу», и за составленіе «вполнѣ добросовѣстнаго и благороднаго положенія». Затѣмъ, наравнѣ съ членами бывшаго комитета, Г. П. получилъ, 22-го іюля 1861 года, для пошенія на александровской лентѣ особую серебряную медаль съ надписью: *«Благодарю за труды по освобожденію крестьянъ»*.

Еще плодотворище и виднѣе была земская дѣятельность нашего писателя, начавшаяся съ 1865 года. За два года передъ тѣмъ Г. П. былъ командированъ министромъ народнаго просвѣщенія Головинымъ въ харьковскую губернію для собранія историческихъ и статистическихъ свѣдѣній объ учебныхъ заведеніяхъ, при чемъ посѣтилъ и описалъ около двухъ сотъ народныхъ школъ. Эта командировка ближе познакомила Г. П. съ тѣмъ дѣломъ, которымъ онъ потомъ руководилъ по порученію губернской земской управы.

17-го октября 1865 года нашъ писатель, въ качествѣ губернскаго гласнаго, въ первомъ очередномъ харьковскомъ губернскомъ собраніи былъ избранъ на трехлѣтіе въ члены харьковской губернской земской управы, при чемъ собраніе, за труды составленія и сообщенія изслѣдованія о земскихъ повинностяхъ губерніи за прежніе годы, журнальнымъ постановленіемъ выразило ему благодарность. Съ начала и до конца своей службы въ званіи члена управы Г. П. завѣдывалъ ся попечительнымъ отдѣломъ, т.-е. дѣлами народнаго образованія, народнаго продовольствія и народнаго здравія, при чемъ ему была поручена непосредственная хозяйственная администрація харьковскихъ богоугодныхъ заведеній: губернской земской больницы, богадѣльни, дома для умалишенныхъ и фельдшерской школы. Кромѣ того, въ теченіе своей земской службы Г. П. занимался печатаніемъ отчетовъ и другихъ изданій управы, а также журналовъ губернскаго земскаго собранія.

Видная роль принадлежала нашему писателю въ осуществленіи мысли о постройкѣ курско-харьково-азовской желѣзной дороги. 25-го января 1866 года состоялось собраніе харьковскихъ домовладѣльцевъ, при участіи приглашенныхъ членовъ губернской и уѣздной земскихъ управъ и многихъ лицъ изъ иногородняго купечества, съѣхавшихся къ Крещенской ярмаркѣ. Собраніе обсуждало, между прочимъ, вопросъ о соединеніи Харькова съ Азовскимъ моремъ желѣзною дорогою. Предсѣдатель губернской земской управы А. Ѡ. Бантышъ прочиталъ записку: «Почему необходима харьково-азовская желѣзная дорога». Въ выработкѣ этой записки принималъ участіе и Г. П., такъ какъ составленіе ея было поручено особою комиссію, образованною при губернской управѣ изъ предсѣдателя и ея членовъ, нѣкоторыхъ профессоровъ харьковскаго университета, многихъ представителей изъ харьковскаго купечества, нѣкоторыхъ уѣздныхъ предводителей дворянства, а также предсѣдателей и членовъ уѣздныхъ управъ. Помимо участія въ этой желѣзнодорожной комиссіи, Г. П. составилъ еще свою записку, прочитанную въ томъ же собраніи 25-го января, подъ заглавіемъ: «*О харьковско-азовской желѣзной дорогѣ касательно интересовъ г. Харькова и его ярмарочной торговли*». По выслушаніи этой записки, принятой собраніемъ съ полнымъ сочувствіемъ, было постановлено: составить и подписать адресъ отъ города на Высочайшее имя относительно разрѣшенія и утвержденія проекта о постройкѣ дороги, прося начальника губерніи препроводить адресъ къ министру внутреннихъ дѣлъ для доведенія его до свѣдѣнія государя императора. Вместе съ тѣмъ было постановлено записку Г. П. представить министру внутреннихъ дѣлъ, въ поясненіе адреса отъ города.

Въ ходатайствѣ харьковскаго земства указывалось, что сооруженіе дороги важно, во-первыхъ, въ экономическомъ отношеніи, потому что она можетъ спасти край отъ разоренія: во-вторыхъ, дорога облегчитъ передвиженіе огромнаго числа рабочихъ изъ внутреннихъ губерній и сохранитъ милліоны, издерживаемые на переходы; въ-третьихъ, откроетъ возможность государству воспользоваться неисчислимыми выгодами, которыя можетъ доставить разработка минеральныхъ богатствъ, залегающихъ на пространствѣ между харьковской губерніей и Азовскимъ моремъ; наконецъ, въ-четвер-

тыхъ, дорога имѣла большое значеніе въ стратегическомъ отношеніи.

Хотя въ собраніи 26-го февраля харьковскихъ домовладельцевъ и была доложена телеграмма мѣстнаго губернатора, находившагося въ то время въ Петербургѣ, — телеграмма, гласившая, что «правительство уже имѣетъ въ виду» сооруженіе курско-харьково-азовской дороги, тѣмъ не менѣе харьковская желѣзнодорожная коммиссія сочла нужнымъ послать особую депутацію въ Петербургъ ходатайствовать передъ высшимъ правительствомъ о скорѣйшемъ построеніи дороги. Г. П. дважды былъ избранъ депутатомъ отъ коммисіи — 12 марта 1866 года и 1-го поября 1867 года. Участвуя въ первой депутаціи *), Г. П. находился въ Петербургѣ два съ половиною мѣсяца, а участвуя во второй — четыре мѣсяца. Во время поѣздки первой депутаціи, вмѣстѣ съ другими членами, 26-го апрѣля 1867 года, Г. П. представлялся въ Москвѣ государю. Во время пребыванія въ Петербургѣ второй депутаціи, нашъ писатель заключилъ 1-го марта 1868 года съ известнымъ С. С. Поляковымъ договоръ о постройкѣ дороги, предоставившій земству значительныя выгоды и содѣйствовавшій къ заключенію договора ~~разны~~ съ Поляковымъ. По возвращеніи депутаціи изъ Петербурга, въ маѣ 1868 г., Г. П. удостоился полученія ордена св. Станислава 2-й степени. Избранный отъ харьковской губернской управы депутатомъ ея въ дѣлѣ посредничества между строителемъ дороги и собственниками губерніи, по вопросу объ отчужденіи земель и сносѣ строеній, Г. П. получилъ благодарственный адресъ отъ жителей гор. Славянска за труды во время переговоровъ этого города со строителемъ дороги, относительно приближенія къ Славянску желѣзнодорожной станціи.

Насколько родина цѣнила услуги своего даровитаго сына, можно видѣть хотя бы изъ того, что еще въ 1863 году Г. П. былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ харьковскаго статистическаго комитета, 16-го іюня 1867 — почетнымъ мировымъ судьей зміевского уѣзда, а въ 1873 — акціонерное общество харьковско-азовской желѣзной дороги, помня со-

*) Кромѣ Г. П. въ составъ депутаціи вошли: членъ управы *Матушинскій* и гласный губернскаго земскаго собранія *Замитинъ*. Второй разъ ѣздили только Г. П. и Матушинскій.

дѣйствіе нашего писателя ея постройкѣ, назвали его именемъ два паровоза; не забыло почтить общество такимъ же образомъ А. М. Матушинскаго и бывшаго харьковскаго губернатора П. П. Дурново.

Оживленная общественная дѣятельность Г. П. за время съ 1857 по 1868 годъ шла параллельно съ еще болѣе оживленной и плодотворной дѣятельностью литературной, свидѣтельствующей о томъ, что талантъ нашего писателя опредѣлился, достигъ зрѣлости и оригинальности. «*Бѣлыя оз Новороссіи*» (1862, журналъ «Время», №№ 1 и 2), «*Воля*» (1863, тамъ же №№ 1, 2 и 3) и «*Новыя мѣста*» (1867, «Русскій Вѣстникъ», №№ 1 и 2) показали въ Г. П. по преимуществу художника-беллетриста, для котораго пластика фигуръ и бытовыя стороны дороже музыки внутренней жизни человѣка. Талантъ нашего писателя шелъ не столько въ глубь, сколько въ ширь, и не останавливался надъ подробнымъ психологическимъ анализомъ чувствъ и мыслей изображаемыхъ лицъ: все они были у него въ движеніи, въ дѣйствіи, и характеризовались не столько разсужденіями, сколько поступками. Такимъ образомъ, преобладала эпическая сторона, за которою уже выступалъ современный интеллектъ, его недуги и волновавшіе общество интересы. Если Г. П., какъ художникъ, уступалъ нѣкоторымъ изъ нашихъ извѣстныхъ беллетристовъ («*Данилевскій—говорилъ извѣстный польскій романистъ Крашевскій—для меня не имѣетъ артистической законченности и прелести Тургенева, но его талантъ иного рода и никакъ не меньшей силы*»), то какъ рассказчикъ и пейзажистъ онъ былъ хороше безъ всякихъ сравненій. Разсказъ нашего писателя былъ простъ и оживленъ, силенъ интересенъ и подчасъ полонъ тревоги безъ всякой утрировки. Манера не останавливаться долго надъ пейзажами, а перенлетать ихъ нитью разсказа, придавала много прелести и оригинальности порывистому слогу. Выдающеюся особенностью таланта нашего писателя являлась также, столь рѣдко встрѣчающаяся между нашими беллетристами, способность прискать интересную канву, любопытную, иногда очень сложную фабулу, которая, однако, служила автору для развитія основной общественной идеи. Въ изображеніи типовъ Г. П. занималъ не столько психологическій анализъ, сколько отношенія личности къ обществу. Что же касается русскаго пейзажа, то онъ пріобрѣлъ въ лицѣ нашего

писателя поэта, художественно воспрѣвшаго своеобразныя красоты южной природы и Повороссіи. Описательный талантъ автора сказывался также и въ искусной рисовкѣ особенностей бытовой жизни; общій фонъ картины во всѣхъ крупныхъ произведеніяхъ Г. П. обыкновенно бывалъ вырисованъ прекрасно. Благодаря чувству мѣры, котораго зачастую не хватаетъ и очень большимъ художникамъ, въ романахъ нашего писателя дѣйствіе обыкновенно развивалось быстро, безъ остановокъ и скачковъ, интересъ овладѣвалъ читателемъ съ первой главы романа, не покидая его до послѣдней; небольшія главы не утомляли, и каждая сцена подвигала дѣйствіе къ развязкѣ. Изящная, тщательно отдѣланная форма произведеній Г. П., ихъ красивый и характерный языкъ, нелишенный образности и мѣткости, свидѣтельствовали о духовномъ родствѣ нашего писателя съ тѣми художниками-беллетристами 50-хъ и 60-хъ годовъ, которые свято хранили художественные завѣты геніальныхъ родоначальниковъ нашего реализма—Пушкина и Гоголя.

Художественная трилогія-эпопея, встрѣченная критикой при своемъ появленіи довольно сдержанно, нашла впоследствии—въ концѣ шестидесятыхъ и въ срединѣ восьмидесятыхъ годовъ — проникательныхъ дѣйствітелей въ лицѣ Н. И. Соловьева, бывшаго сотрудника «Времени» и «Эпохи» *), и П. П. Сокальского, извѣстнаго музыканта, автора изслѣдованія о русской народной пѣснѣ, написавшаго вмѣстѣ съ тѣмъ много талантливыхъ статей по искусству вообще и въ частности литературно-критическихъ **). Въ своей трилогіи, по вѣрному замѣчанію этихъ критиковъ. Г. П. представить дѣлѣный рядъ картинъ, въ которыхъ тонко разобрана «физиологія и патологія труда». Всѣ три романа имѣютъ между собою органическую связь, и сквозь ихъ пеструю ткань проглядываетъ одинъ общій типъ, имя которому — *дѣловой челоуѣкъ*,—бывшій до тѣхъ поръ по преимуществу сѣверяниномъ; Данилевскій же указалъ ему на югъ, на болѣе производительныя и благодатныя мѣста Россіи. Онъ образно высказалъ недовольному дѣйствительностью, «лишнему» челоуѣку, что единственное средство спасенія для него — бѣ-

*) См. его «Искусство и жизнь», т. III. 1869 г., стр. 214—257.

**) См. его статьи «Поэзія труда и борьбы», въ «Русской Мысли» 1886 г., №№ 11 и 12.

жать изъ Петербурга въ провинцію, въ глушь непахотыхъ и невоздѣланныхъ земель Россіи, гдѣ открывалось широкое поле для самой пылкой и предприимчивой дѣятельности.

Въ художественномъ отношеніи «Бѣлые въ Новороссіи» стоятъ несомнѣнно выше «Воли» и «Новыхъ мѣстъ». Здѣсь авторъ прекрасно изобразилъ непрерывное движеніе на югъ и обратно жаждущей воли народной толпы,—движеніе, обставленное множествомъ характерныхъ случайностей и мѣстныхъ картинъ природы. Рядомъ съ этимъ Г. П. вывелъ на сцену пионеровъ-плантаторовъ, русскихъ массачузетовъ и кентукки, бѣлыхъ эксплуататоровъ бѣлыхъ негровъ», тоже бѣлыхъ, но высшаго полета, искавшихъ быстрой наживы. Представителемъ этихъ послѣднихъ былъ отставной гвардіи полковникъ Панчуковскій, взбалмошный аферистъ, сластолюбецъ, жуиръ и шикарь; нѣмецъ Шульцвейнъ, колонистъ-милліонеръ, владѣющій чуть не полгерцогствомъ степной земли,—другой противоположный полюсъ дѣловыхъ людей. «Бѣлые негры»—это бѣлые Милороденко и Левенчукъ, сангвиникъ и флегматикъ, одинъ—тертый калачъ, бывший лакей, гуляка, прожигающій жизнь въ смѣлыхъ походахъ; другой—натура сосредоточенная, трудолюбивая, склонная къ постоянной любви и семейному очагу. Не малую роль въ романѣ играетъ красавица Оксана, воспитанница отца Палладія и невеста Левенчука, похищенная Панчуковскимъ. Главный интересъ интриги романа сосредоточивается на освобожденіи Оксаны Левенчукомъ при помощи Милороденки. Особенно удался автору типъ отца Палладія, истиннаго пастыря бѣлыхъ и степей. Г. П. первый въ русской литературѣ изобразилъ этотъ симпатичный типъ и показалъ его въ нѣсколькихъ варіаціяхъ: таковы же отецъ Смарагдъ въ «Воли» и отецъ Адрианъ въ «Девятомъ вальсѣ». «Бѣлые въ Новороссіи», за которыхъ авторъ получилъ 1,500 руб., вызвали придирки со стороны цензуры, о чемъ сохранились любопытныя свѣдѣнія въ письмѣ Г. П. къ своей женѣ отъ 10-го января 1862 года, изъ Петербурга, куда нашъ писатель ѣздилъ для личныхъ переговоровъ съ М. М. Достоевскимъ, издателемъ журнала «Время». «Представь,—писалъ Г. П.,—повѣсть моя «Бѣлые» въ рукописи была прихлопнута цензурою, и я уже потерялъ всякую надежду отстоять ее у цензуры и видѣть ее въ типографіи, когда вдругъ, при встрѣчѣ Новаго года

у Достоевскихъ, за ужиномъ, послѣ игры Маши-артистки, дочери старшаго Достоевскаго, которую я когда-то носилъ на рукахъ, по выходѣ съ нимъ изъ крѣпости,—когда шли шампанское за отсутствующихъ, авторъ «Угнетенныхъ» и «Мертваго Дома» сообщилъ мнѣ радостную вѣсть, что мои «Бѣглые» пропущены и съ третьяго числа отдаются въ типографію Праца. Оказывается, что обѣ цензуры, свѣтская и духовная, прихлопнули мою повѣсть за типъ отца Палладія!.. Меня спасъ новый министръ Головинъ. На-дняхъ я являлся къ нему благодарить, и онъ сказалъ, что мой талантъ выросъ съ тѣхъ поръ, какъ я уѣхалъ по порученію великаго князя Константина, а онъ тогда былъ у него секретаремъ». Осенью того же года, 12-го ноября, Г. П. писалъ слѣдующее: «Вчера зашелъ я съ Благовѣщенскимъ закусить въ Пассажъ и встрѣтилъ Помяловскаго, который сказалъ мнѣ: вы своими «Бѣглыми» открыли для литературы новую Америку и, если напишете еще что-нибудь подобное, то имя ваше загремитъ и упрочится».

Во второмъ романѣ «Воля» авторомъ, на фонѣ мастерскаго пейзажа Приволжья и сосѣднихъ деревень, нарисована картина нравовъ дореформеннаго общества, встрѣчающаго, по выраженію Сокальскаго, «первые лучи освободительной политики». Романъ очень интересенъ, но полотно картины такъ велико, что въ массѣ подробностей внѣшняго движенія утрачивается рельефъ, основная идея романа. Два главныхъ дѣйствующихъ лица—генералъ Рубашкинъ и крестьянинъ Илья Тѣнцуръ. Первый, почувствовавшій на склонѣ лѣтъ потребность жить въ деревнѣ, вдали отъ перьевъ и чернилъ, слабъ и нерѣшителенъ для того, чтобы выдержать борьбу со старымъ строемъ и найти гармонію жизни въ трудѣ надъ землею; послѣ ряда неудачъ Рубашкинъ бѣжитъ изъ провинціи обратно въ Петербургъ, въ департаментъ. Второй—бѣглый крестьянинъ, вернувшійся на родину для вольнаго труда на вольной землѣ, въ своемъ вольномъ мірѣ крестьянства, падаетъ жертвою непониманія новаго закона «о волѣ». Такимъ образомъ, главнымъ центромъ романа является мастерская картина непроходимаго взяточничества и печальныхъ провинціальныхъ порядковъ, порожденныхъ союзомъ мелкой бюрократіи съ мѣстными землевладѣльцами.

Обрисовавъ въ «Бѣглыхъ въ Новороссіи» и «Волѣ» двухъ представителей отрицательнаго типа «дѣловыхъ людей» (Пан-

чуковского и Рубашкина), Г. П. въ третьемъ своемъ романѣ, входящемъ въ составъ трилогіи, сдѣлалъ даровитую попытку нарисовать нарождавшійся типъ интеллигентнаго земледѣльца, человѣка, старавшагося примирить умственное развитіе съ физическимъ трудомъ, производительную дѣятельность съ служеніемъ обществу и народу. Таковъ именно герой романа «Новыя мѣста»—Чулковъ. Въ лицѣ Музыкантова, въ томъ же произведеніи, авторъ изобразилъ представителя разлагающагося дворянства стараго, дореформеннаго склада. Всѣ дѣйствующія лица искусно сгруппированы Г. П. около двухъ главныхъ центровъ—Чулкова и Музыкантова. Рядомъ съ идилліей въ степи, гдѣ поселяется и работаетъ Чулковъ, авторъ рисуетъ мелодраму, главную роль въ которой играетъ Музыкантовъ, этотъ промотавшійся жуиръ, бонвиванъ и глава поддѣльвателей фальшивыхъ ассигнацій. Въ этомъ сопоставленіи идилліи съ мелодрамой—общественная идея романа, встрѣча двухъ складовъ понятій и стремленій—стараго и новаго. Всѣ окружающіе Музыкантова, въ томъ числѣ сынъ его, Вава, и Еня Разноцвѣтовъ, вполне раздѣляютъ его мысли о цѣли жизни—наживѣ легкимъ способомъ, не стѣсняясь средствами. Эта картина разложенія дворянства наполняетъ большую часть романа, развѣтвляясь на нѣсколько эпизодовъ: открытіе шайки поддѣльвателей фальшивой монеты, подкопъ подъ губернское казначейство и смертную казнь Ени Разноцвѣтова. Съ другой стороны, рядъ лицъ группируется около Чулкова, во главѣ ихъ отставной офицеръ и старый романтикъ Иполитъ Гуслевъ, вѣрный другъ и помощникъ молодого колониста. Это лицо вполне удалось автору, и вообще всѣ характеры главныхъ дѣйствующихъ лицъ, особенно же Чулкова, задуманы прекрасно. Сравнивая отрицательные типы въ «Новыхъ мѣстахъ» съ положительными, приходится отдать преимущество первымъ, такъ какъ въ изображеніи вторыхъ виденъ болѣе публицистъ, чѣмъ художникъ.

Тремя романами изъ быта Новороссіи не исчерпывается, однако, вся литературная дѣятельность нашего писателя за время его службы по выборамъ. Въ газетахъ 1857—1868 гг. («С.-Петербургскія Вѣдомости», «Московскія Вѣдомости», «Голосъ», «Сѣверная Пчела», «Одесскій Вѣстникъ», «Биржевыя Вѣдомости», «Харьков. Губ. Вѣдомости» и др.) можно найти цѣлый рядъ статей, фельетоновъ и замѣтокъ Г. П.

по разнымъ вопросамъ и поводамъ, преимущественно мѣстнаго значенія—для Харькова и юга Россіи. Покойный любилъ писать и писалъ быстро и легко. Если свои художественныя произведенія, особенно въ послѣдніе годы дѣятельности, Г. П. тщательно отдѣлывалъ и обрабатывалъ по нѣскольку разъ, то въ этомъ, конечно, сказывалась только взыскательность и строгость художника, который былъ недоволенъ своимъ трудомъ. Вообще же, повторяемъ, какъ устная, такъ и письменная рѣчь лилась у нашего писателя свободно, красиво и образно. Несомнѣнно, Г. П. принадлежитъ къ числу плодотворнѣйшихъ русскихъ писателей.

Выше мы уже упоминали о трехъ историческихъ разсказахъ, написанныхъ въ концѣ пятидесятихъ годовъ. Кромѣ того, тогда же или нѣсколько позднѣе были напечатаны и другія беллетристическія, чисто бытовыя произведенія нашего писателя. Такъ, въ 1859 году появился разсказъ «Сорокопановка», въ 1860—разсказы «Феничка», «Четыре времени года украинской охоты», повѣсть въ двухъ частяхъ, помѣщенная въ «Библіотекѣ для чтенія» №№ 8 и 9, съ подписью *А. Скавронскій* и подъ заглавіемъ «*Не вытанцовалось*»; повѣсть эта при жизни автора ни разу не перепечатывалась, была всѣми забыта и нынѣ перепечатывается въ полномъ собраніи впервые; въ 1861 г. напечатанъ «Бѣглый Лаврушка въ Парижѣ». Кромѣ того, въ 1860 году Г. П. издалъ въ трехъ томикахъ свои сказки, очерки и повѣсти подъ заглавіемъ: «*Изъ Украины*».

Продолжая свои историко-литературныя изслѣдованія, начаты такъ удачно въ 1855 году очеркомъ жизни и дѣятельности Квитки-Основьяненко, Г. П. напечаталъ въ 1860 г. біографію основателя харьковскаго университета В. Н. Каразина, а въ 1865—біографію украинскаго философа Сквороды и статью о харьковскихъ народныхъ школахъ съ 1732 по 1865 г., для которой прочиталъ около семи сотъ отзывовъ, представленныхъ городскимъ и сельскимъ духовенствомъ по вопросу о школахъ, и посѣтилъ около ста селъ и деревень, гдѣ и собиралъ свѣдѣнія отъ священниковъ, учителей и самихъ крестьянъ. Всѣ эти четыре работы собраны въ одну книгу, подъ заглавіемъ: «Украинская старина». Матерьялы для исторіи украинской литературы и народнаго образованія были удостоены въ 1868 году Императорской Академіей Наукъ уваровской малой преміи въ

500 рублей. Г. П. предполагалъ продолжать, имѣя въ виду мѣстные интересы, свои изслѣдованія и въ слѣдующихъ выпускахъ своего сборника «Украинская старина» помѣстить біографіи другихъ украинскихъ дѣятелей, отрывки старинныхъ актовъ, переписку помѣщиковъ XVIII вѣка, мемуары и цѣлыя монографіи о южно-русскомъ краѣ. Къ сожалѣнію, этимъ благимъ намѣреніямъ не суждено было почему-то осуществиться; одно присужденіе преміи Академіей Наукъ свидѣтельствуетъ о научной цѣнности историко-литературныхъ работъ нашего писателя. Особенную цѣнность имъ придавали неизданные рукописные матеріалы, положенные въ основу всѣхъ трехъ біографій, помимо обширнаго, тщательно собраннаго матеріала печатнаго. Эти матеріалы дали возможность автору въ біографіи Сковороды изобразить, между прочимъ, современное состояніе общества и образованности, а въ біографіи Квитки сообщить любопытныя свѣдѣнія о первыхъ временахъ существованія харьковскаго университета. Если, по словамъ проф. М. П. Сухомлинова, писавшаго разборъ «Украинской старины», въ очеркахъ нашего писателя нельзя искать полной картины и живой характеристики; если сообщаемыя свѣдѣнія не сведены въ стройное цѣлое и большею частью отрывочны,—то эти недостатки происходили, конечно, отъ неразработанности въ то время украинской литературы и необходимости собирать матеріалъ по частямъ изъ разнородныхъ источниковъ. Въ статьѣ о народныхъ школахъ авторъ сообщилъ свѣдѣнія о числѣ ихъ и учащихся въ цѣлой губерніи, показалъ отношенія учащихся мужского и женскаго пола къ общему населенію губерніи, привелъ отзывы мѣстныхъ жителей о пріемахъ преподаванія, объ устройствѣ и характерѣ народныхъ училищъ и т. д. Въ общемъ «Украинская Старина», въ которой впервые обнародованы разнообразныя данныя о главныхъ дѣятеляхъ мѣстной литературы и образованія, являлась несомнѣнной заслугой автора, оцѣненной по достоинству Академіей Наукъ.

Оставивъ земскую дѣятельность, Г. П. предполагалъ заняться адвокатурою, и въ 1868 году, указомъ Сената, уже былъ утвержденъ присяжнымъ повѣреннымъ харьковскаго судебного округа. Въ Петербургѣ въ это время возникла и разрабатывалась мысль объ изданіи официальной газеты.

общей для всѣхъ министерствъ и главныхъ управленій— «Правительственнаго Вѣстника». Мысль эта всецѣло принадлежала тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ А. Е. Тимашеву. 1-го января 1869 года вышелъ первый номеръ «Правит. Вѣстника», а 4-го февраля въ приказѣ по министерству внутреннихъ дѣлъ уже значилось: «отставной на- дворный совѣтникъ Данилевскій опредѣляется на службу чиновникомъ особыхъ порученій VI класса при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, сверхъ штата, прежнимъ чиномъ коллежскаго assessора, съ 25-го января»; одновременно съ приказомъ нашъ писатель былъ командированъ въ распоряженіе главнаго редактора новой официальной газеты. Въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ 1869 года Г. П. исполнялъ важнѣйшія изъ обязанностей, которыя, по установленнымъ для «Правит. Вѣстника» правиламъ, были возложены на помощника главнаго редактора. «По порученію моему,— писалъ министру Тимашеву тогдашній главный редакторъ В. В. Григорьевъ,—онъ устроилъ и велъ почти всѣ тѣ личныя сношенія редакціи съ представителями различныхъ министерствъ и главныхъ высшихъ вѣдомствъ, посредствомъ которыхъ нынѣ организовалась и почти обезпечена для редакціи непрерывная доставка официальныхъ свѣдѣній по отдѣлу «Сообщеній»—какъ о болѣе любопытныхъ работахъ министерскихъ департаментовъ и отдѣленій, такъ и о занятіяхъ различныхъ проектныхъ комиссій и комитетовъ. Сверхъ того, по моимъ указаніямъ онъ исполнилъ, на основаніи официальныхъ матеріаловъ нѣкоторыхъ вѣдомствъ, нѣсколько самостоятельныхъ работъ, обратившихъ на себя вниманіе періодической печати, а съ конца іюня до конца іюля исправлялъ должность редактора официального отдѣла съ ночною работою». Въ виду этого, Григорьевъ просилъ министра назначить нашего писателя на должность помощника главнаго редактора, подкрѣпляя свою просьбу, въ заключеніи представленія, еще слѣдующими соображеніями: «Непосредственныя сношенія Данилевскаго съ высокопоставленными лицами различныхъ вѣдомствъ, къ коимъ онъ, для упрощенія дѣла, обязанъ лично являться, много теряютъ отъ того, что онъ, кромѣ имени простого сотрудника, въ организаціи «Правительственнаго Вѣстника» не несетъ до сихъ поръ никакого званія». Министръ написалъ на представленіи Григорьева. «Совершенно согласенъ и отъ

души радъ, что г. Данилевскій виолнѣ оправдалъ мои надежды». Эта резолюція Тимашева помѣчена 22 января 1870 года.

Съ этого времени нашъ писатель до самой смерти не оставилъ редакціи «Правит. Вѣстника», занимая въ ней до 1881 года должность помощника главнаго редактора, а затѣмъ, въ теченіе девяти слишкомъ лѣтъ, будучи главнымъ редакторомъ. Съ 5-го ноября 1882 года Г. П. былъ, кромѣ того, членомъ совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати, назначенный на эту должность въ виду необходимости ближе ознакомиться съ видами правительства по различнымъ вопросамъ общественной жизни, а также въ виду облегченія личныхъ постоянныхъ сношеній съ представителями высшихъ государственныхъ учрежденій при печатаніи различныхъ правительственныхъ матеріаловъ. Будучи еще помощникомъ главнаго редактора, Г. П. получилъ въ 1875 году чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, а 1-го января 1881 г.—орденъ св. Станислава 1-ой степени. Заботы нашего писателя объ улучшеніи «Правит. Вѣстника», въ бытность его главнымъ редакторомъ, стремленіе расширить содержаніе отдѣла «Внутреннихъ извѣстій», стремленіе придать официальной газетѣ литературный характеръ, стараніе сообщать всѣ выдающіяся научныя новости въ Россіи и за границею, введеніе фельетоновъ по разнымъ отраслямъ знанія, литературѣ и искусствамъ, главнымъ образомъ, по театру и живописи,—все это, конечно, не могло не обратить на себя вниманія. 15-го мая 1883 года Г. П. получилъ орденъ св. Анны 1-ой степени, 13-го апрѣля 1886 г.—произведенъ въ тайные совѣтники, а 1-го января 1890 г.—награжденъ орденомъ св. Владиміра 2-ой степени.

На ряду съ успѣхами служебными, послѣдній періодъ жизни и дѣятельности нашего писателя отмѣченъ успѣхами литературными, распространеніемъ его извѣстности не только въ Россіи, среди обширнаго круга читателей, что доказывается *шестымъ* прижизненнымъ изданіемъ сочиненій Г. П. *),

*) Четвертое изданіе сочиненій Г. П. разошлось въ количествѣ 1.000 экземпляровъ, пятое—1.500, шестое—2.800. Характернымъ показателемъ достигнутой нашимъ писателемъ извѣстности можетъ служить также гонораръ, который платили ему періодическія изданія за романы. «Черный годъ» былъ проданъ «Русской Мысли» за 6.000 руб., «Царевичъ Алексѣй» (посмертное произведеніе) тому же журналу по 500 р. за листъ; за рассказъ «Шарикъ» Маркъ заплатилъ 600 руб.

но и за границу, гдѣ съ 1874 года начали появляться переводы его романовъ и повѣстей на французскомъ, нѣмецкомъ, польскомъ, чешскомъ, сербскомъ и венгерскомъ языкахъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ, разныя русскія ученыя и литературныя общества, цѣня литературныя заслуги нашего писателя, избирають его въ свои члены. Такъ, еще въ 1867 году Г. П. былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ общества любителей россійской словесности при московскомъ университетѣ, въ 1868 г.—членомъ общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, въ 1870 г.—членомъ Императорскаго русскаго географическаго общества, въ 1873 г.—пожизненнымъ членомъ славянскаго благотворительнаго общества, въ 1886 г.—членомъ-корреспондентомъ общества любителей древней письменности, а въ 1888 г.—дѣйствительнымъ членомъ русскаго литературнаго общества. Императорская Академія Художествъ, цѣня основательныя познанія нашего писателя въ живописи, сначала пригласила его (въ 1883 г.) членомъ комиссіи для всесторонняго обсужденія вопроса объ устройствѣ музеевъ по городамъ и въ частности о музеѣ въ Харьковѣ *), а затѣмъ (4-го ноября 1886 г.) избрала, за труды на пользу искусства, въ почетные члены.

Посвящая свободное отъ службы время литературѣ, Г. П. почти еженедѣльно посѣщаль свои излюбленные литературныя кружки—поэта Я. П. Полонскаго и особенно А. П. Милюкова, своего лучшаго друга, который въ свое время пользовался дружескимъ расположеніемъ Ѳ. М. и М. М. Достоевскихъ, Мея, Аполлона Григорьева и др. На квартирѣ А. П. по вторникамъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, собирався тотъ кружокъ товарищей по перу, извѣстныхъ русскихъ литераторовъ, которыхъ связывала общность направленія и убѣжденій. По собственному признанію Г. П., онъ «испытывалъ необыкновенное наслажденіе и отдохновеніе за стаканомъ чая въ бесѣдѣ съ чуднымъ старикомъ». Ему же посвящаль нашъ писатель свои литературныя тайны и планы, ему же первому передавалъ для прочтенія свои черновые литературныя наброски. Человѣкъ разносторонне об-

*) См. «Правит. Вѣстникъ» 1885 г. № 277. Здѣсь напечатано сообщеніе о засѣданіи Академіи Художествъ, въ которомъ сдѣлали доклады комиссія и харьковскій городекой голова, а также положены ходатайства академіи относительно музея въ Харьковѣ.

разованный, сохранивший, несмотря на преклонные годы, замѣчательную бодрость духа, ясность и проникаемость ума, одаренный несомнѣннымъ критическимъ чутьемъ и тонкимъ эстетическимъ вкусомъ, поклонникъ Пушкина и Гоголя, чуждый узкой партійности и тенденціозности, А. П. по всей справедливости пользовался искреннимъ расположеніемъ нашего писателя: всѣ знавшіе и знающіе этого почтеннаго дѣятеля нашей литературы не относились и не могутъ относиться къ нему иначе, какъ съ чувствомъ глубокаго уваженія.

Съ давнихъ поръ находись въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ Айвазовскимъ, Семирадскимъ, Боголюбовымъ, академикомъ Бейдеманомъ и землякомъ Трутовскимъ, проведя много лѣтъ въ совмѣстной дѣятельности по земству съ Матушинскимъ, извѣстнымъ по своимъ критико-художественнымъ статьямъ, Г. П. впоследствии вошелъ въ тѣсный кругъ современныхъ художниковъ и подъ конецъ жизни достигъ осуществленія своей завѣтной мысли — основать въ Харьковѣ художественный музей.

Къ семидесятымъ годамъ относится увлеченіе Г. П. нововведеніями по сельскому хозяйству, особенно въ области овцеводства и садоводства. Стараясь поддержать находящееся нынѣ въ упадкѣ малорусское садоводство и особенно интересуясь работами извѣстнаго садовода, помѣщика екатеринославской губерніи, В. В. Кащенко, достигшаго нынѣ поразительныхъ результатовъ въ садо- и плодоразведеніи, Г. П. вкладывалъ нѣкоторую долю своего участія въ печатные труды В. В. Кащенко по плодоводству, удостоившіеся лестныхъ отзывовъ при ихъ появленіи въ свѣтъ, какъ въ Россіи, такъ и за границей.

Въ послѣдній періодъ своей дѣятельности, послѣ 1873 года, Г. П. окончательно простился съ современною жизнью и отдался художественному воспроизведенію новой исторіи интеллигентной Россіи, начиная съ Петра I. «Девятый валь» былъ послѣднимъ бытовымъ романомъ Г. П. и появился въ 1873 году на страницахъ «Вѣстника Европы».

Въ этомъ обширномъ романѣ Г. П. изобразилъ два склада понятій и стремленій, два міра, старый и новый, въ тѣсномъ слетеніи съ семейной драмой: одинъ міръ—за монастырской оградой, въ игуменьѣ женскаго монастыря, отъ котораго идутъ притягательныя нити къ семейству помѣщика

Вечерѣва, особенно же къ дочери его Аглаѣ; другой—въ городѣ, въ борьбѣ земскихъ элементовъ въ провинціи, захваченной реформами и наплывомъ новыхъ предиріятій. Несомнѣнно удачно обрисованъ молодой предсѣдатель земской управы Милунчиковъ, искренній сторонникъ реформъ, а также прожекторъ, пищикъ и безграничный эгоистъ Ключковъ, Талищевъ съ сыновьями и другіе мѣстные помещики (мѣсто дѣйствія — одна изъ южныхъ губерній, время — конецъ 60-хъ годовъ). Особенно выдаются въ романѣ по художественной отдѣлкѣ типъ игуменьи Измарагды и всѣ сцены изъ монастырской жизни, полныя интереса и новизны. Героиня романа, Аглая, обрисована ярче героя его, Ветлугина, и оставляетъ въ читательѣ болѣе цѣльное впечатлѣніе. Это — дѣвушка скрытная, сосредоточенная и страстная, отдавшаяся своему обѣту, въ своей вѣрѣ въ истину и спасеніе, со всѣмъ пыломъ молодой фанатички, ищущей правды жизни. Среди читающей публики «Девятый валь» имѣлъ большой успѣхъ.

Переходомъ къ историческимъ романамъ въ литературной дѣятельности Г. П. явились написанные въ началѣ 70-хъ годовъ прелестные, художественные рассказы изъ украинской жизни предковъ нашего писателя, которые мы неоднократно цитировали въ началѣ настоящаго біографическаго очерка. Первымъ крупнымъ историческимъ романомъ Г. П. явился «Мировичъ». Въ этомъ произведеніи, лучшія сцены изъ котораго изображены художниками Буровымъ и Творожниковымъ *), сразу сказались всѣ выдающіяся особенности нашего писателя, какъ историческаго романиста. Первой изъ такихъ особенностей является въ высшей степени тщательное изученіе избраннаго для художественнаго изображенія вопроса. Стоитъ только просмотрѣть, напримѣръ, примѣчанія къ «Мировичу», чтобы понять, сколько употреблено подготовительнаго, усидчиваго труда Г. П. на изученіе источниковъ для написанія этого выдающагося произведенія. Кромѣ строго-историческихъ официальныхъ свѣдѣній, нашъ писатель собралъ всѣ изданные и неизданные частныя матеріалы—записки, дневники, воспоминанія, письма, преданія. Воспользовался также Г. П. и архивомъ Шлиссель-

*) Первый художникъ написалъ двѣ картины: «Свиданіе Петра III съ Іоанномъ Антоновичемъ» и «Посѣщеніе Екатериною II Ломоносова»; второй изобразилъ трагическую кончину царственнаго узника.

бургской крѣпости, бумагами архангельскаго губернскаго правленія о брауншвейгскихъ ссыльныхъ, посѣтилъ Шлис-сельбургъ съ казематомъ Іоанна Антоновича въ Свѣтличной башнѣ, мызу Пеллу и родину Мировича. Всѣ вообще историческіе романы и повѣсти Г. П. создавались на основаніи самаго обстоятельнаго изученія источниковъ, между тѣмъ какъ большинство нашихъ современныхъ историческихъ романистовъ пишутъ почти всегда по вдохновенію. Такимъ образомъ, въ историческихъ произведеніяхъ нашего писателя художественное творчество сливается съ точнымъ изслѣдованіемъ, выдающійся талантъ беллетриста съ добросовѣстностью заправскаго историка. Занимательность четырехъ большихъ историческихъ романовъ Г. П. («Мировичъ», «Княжна Тараканова», «Черный годъ» и «Сожженная Москва») увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что они написаны въ видѣ историческихъ семейныхъ хроникъ, первоначальные образцы которыхъ далъ гениі Пушкина въ «Капитанской дочкѣ» и «Арагъ Петра Великаго». Г. П. былъ большимъ знатокомъ XVIII вѣка и преимущественно изъ него черпалъ содержаніе для художественнаго воспроизведенія нашего прошлаго. Только два произведенія, не считая рассказовъ изъ царствованія Алексѣя Михайловича, посвященны началу XIX столѣтія, эпохѣ Александра I,—отрывки изъ романа «Восемьсотъ двадцать пятый годъ» и «Сожженная Москва». Всѣ самыя крупныя фигуры петербургскаго періода русской исторіи, захваченныя событіями своей эпохи, обрисованныя въ интимной обстановкѣ, среди мастерской по замыслу и технику интриги, возстаютъ въ романахъ Г. П. предъ воображеніемъ читателя совершенно живыми.

Хотя «Мировичъ», называвшійся раньше «Царственный узникъ», былъ оконченъ Г. П. въ 1875 году, по ему пришлось увидѣть свѣтъ только черезъ пять лѣтъ: вырѣзанный цензурою изъ «Вѣстника Европы», романъ этотъ былъ разрѣшенъ къ печати только по Высочайшему повелѣнію. Это разрѣшеніе было получено слѣдующимъ образомъ. Черезъ одну изъ наиболее вліятельныхъ фрейлинь Ея Величества Г. П. удалось представить «Царственного узника» на прочтеніе императрицѣ Маріи Александровнѣ. Романъ очень понравился Ея Величеству, и благопріятное впечатлѣніе о немъ было передано государю императору. 9 марта 1879 года

Данилевскій получилъ отъ начальника главнаго управленія по дѣламъ печати В. В. Григорьева, ранѣе запретившаго романъ къ печатанію, слѣдующую официальную бумагу:

«Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра внутреннихъ дѣлъ, Высочайше соизволилъ разрѣшить печатаніе вашего романа «Царственный узникъ».

«О такой Высочайшей волѣ имѣю честь увѣдомить васъ, милостивый государь, съ возвращеніемъ рукописи означеннаго романа, присовокупляя, что о вышензложенномъ вмѣстѣ съ симъ сообщено С.-Петербургскому цензурному комитету.

«Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

В. Григорьевъ».

Въ то же самое время министръ внутреннихъ дѣлъ, Л. С. Маковъ, извѣстивъ отъ себя Г. П., что «узы вашего Царственнаго узника развязаны»,—обратился къ Г. П. съ частною просьбою измѣнить заглавіе романа. Данилевскій исполнилъ просьбу, и романъ появился въ печати подъ заглавіемъ «Мировичъ». Въ началѣ слѣдующаго года Г. П. былъ удостоенъ подарка отъ Ея Величества: ему былъ пожалованъ великолѣпный перстень съ рубиномъ и девятью крупными брилльянтами. Вообще, государыня относилась весьма благосклонно къ литературной дѣятельности нашего писателя: она благодарила черезъ министра двора Г. П. за поднесеніе собранія его сочиненій и, кромѣ перстня, пожаловала еще икону св. Николая Чудотворца въ серебряно-вызолоченной ризѣ. Икону эту Г. П. получилъ послѣ кончины императрицы.

До напечатанія авторъ читалъ отрывки изъ «Мировича» въ литературныхъ кружкахъ, а 23-го марта 1875 г.—въ обществѣ любителей россійской словесности при Московскомъ университетѣ, причемъ имѣлъ шумный успѣхъ *). При своемъ появленіи въ печати «Мировичъ» былъ благосклонно принятъ не только среди русской публики и критики: въ 1880 году профессоръ Ходзько читалъ о немъ лекціи въ Парижѣ, въ Collège de France; тогда же романъ былъ переведенъ на языки: нѣмецкій, французскій и чешскій, а извѣстный польскій романистъ Крашевскій отозвался о ро-

*) См. «Русскія Вѣдомости» 1875 г., № 68.

манъ, въ письмѣ къ Г. П. отъ 31-го августа 1880 года, слѣдующимъ образомъ: «Мировича я прочелъ до посѣщенія Ломоносовымъ его фабрикъ и имѣній (значитъ, около половины) и нахожу романъ очень интереснымъ. Отлично выдержанъ колоритъ эпохи и характеристика дѣйствующихъ лицъ превосходная. Я вполне увѣренъ, что романъ въ высшей степени заинтересуетъ и нѣмецкихъ писателей».

Отдавая должное художественному дарованію автора, нѣкоторые изъ русскихъ рецензентовъ высказывали сомнѣніе въ истинности нѣкоторыхъ событій, описанныхъ въ романѣ. Съ цѣлью разсѣять эти сомнѣнія, Г. П. предпринялъ весной 1880 года съ класснымъ художникомъ академикъ Жильцовымъ поѣздку въ Шлиссельбургскую крѣпость. Вотъ описаніе этой поѣздки изъ частнаго письма Г. П. къ своей женѣ, находившейся въ то время въ Малороссіи: «Я съѣздили въ Шлиссельбургъ съ Жильцовымъ отлично и былъ принятъ радушно комендантомъ Саврасовымъ, у котораго и обѣдалъ... Мы осмотрѣли всѣ рѣдкости. Видѣлъ я впервые, и первый изъ частныхъ лицъ, бывшую тюрьму несчастнаго принца Іоанна въ секретной свѣтличной башнѣ, а также его могилу въ подземельи подъ церковью. Я сдѣлалъ въ архивѣ открытіе, нашелъ несомнѣнное указаніе о посѣщеніи въ крѣпости принца государемъ Петромъ III, чего не знали даже историкъ Соловьевъ».

Громадная картина Екатерининской эпохи, нарисованная въ «Мировичѣ» опытной и искусной рукой, не могла не обратить на себя общаго вниманія. Дѣйствительно, авторъ очень мѣтко очертилъ фигуры: Петра III, Екатерины II, Разумовскаго, Ломоносова, Панина, Орловыхъ, Мишиха, Бестужева и многихъ другихъ сановниковъ того времени. Описаніе кутежей Орловыхъ у Дрезденши и Амбазарши полны голландскаго реализма; Петербургъ Екатерининской эпохи обрисованъ прекрасно; двѣ романическія интриги—Мировича и Поликсены, Петра III и Екатерины II, помѣщены въ такую роскошную обстановку и окружены такою массою прекрасныхъ декорацій и бытовыхъ эпизодовъ, что интересъ собственно романа поглощенъ трагизмомъ событій, разнообразіемъ обстановки и нерѣдко прелестными описаніями природы. Вполнѣ удался автору герой романа «Мировичъ». Это — вполнѣ новый характеръ, отвѣчающій той странной, безнравственной, наполненной противорѣчивыми

брожениями и одѣтой въ какія-то маскарадныя краски эпохи, въ которой ему пришлось дѣйствовать. Человѣкъ безпринципный и исполнѣ ничтожный, холодный эгоистъ съ самыми хищными инстинктами, онъ постоянно воспламеняется гражданскими идеями, злобствуетъ на дурное правительство и ждетъ спасительнаго для отечества переворота. Онъ даже подогрѣваетъ въ себѣ чувство состраданія къ положенію Іоанна Антоновича, возмущаясь жестокостью его судьбы. Конечно, рядомъ съ яркими фигурами тогдашнихъ государственныхъ дѣятелей, Мировичъ и любимая его дѣвушка, гордая, своенравная Поликсена,—нѣсколько блѣднѣютъ, но въ этомъ авторъ не виноватъ. Царственный узникъ также удался нашему писателю (особенно замѣчательна сцена свиданія Іоанна Антоновича съ Петромъ III), несмотря на чрезвычайно трудную задачу передать психологически правдиво совершенно исключительный характеръ человѣка, прожившаго отъ колыбели до могилы въ темницѣ.

За «Миновичемъ» послѣдовали три интересныя историческія повѣсти: «Потемкинъ на Дунаѣ» (1876), «Уманская рѣзня» (1878) и «На Индію при Петрѣ I» (1879). Въ первой изъ этихъ повѣстей нашъ писатель нарисовалъ рядъ картинъ изъ эпохи второй турецкой войны, описалъ своеобразную жизнь Потемкина въ Яссахъ и его смерть, знаменитый штурмъ Изманла и другіе эпизоды этой славной, хотя и безплодной кампаніи; во второй повѣсти изображена страшная картина одного изъ кровавыхъ дѣлъ запорожцевъ, исторіи вражды Польши съ Малороссіею, за которымъ вскорѣ послѣдовало уничтоженіе Сѣчи и закрѣпощеніе Украины; наконецъ, въ третьей повѣсти авторъ, съ одной стороны, показалъ настоящій характеръ видовъ Петра I на Среднюю Азію и далекую Индію, а съ другой—представилъ вѣрную картину неудачнаго и печальнаго, по своимъ послѣдствіямъ хивинскаго похода князя Бековича.

Къ 1879 году относится возникновеніе цѣлой серіи небольшихъ святочныхъ фантастическихъ рассказцевъ нашего писателя, часть которыхъ была написана позже, хотя и задумана именно въ это время, въ памятную зиму господствовавшей въ Царщинѣ ветлянской чумы, нагнавшей сильную панику въ Петербургѣ. Всѣ въ столицѣ говорили только о чумѣ. «Въ одномъ кружкѣ,—говоритъ Г. П. въ предисловіи къ этимъ рассказамъ,—собиравшемся у милаго, образован-

наго старожила Петербурга, возникла мысль избрать для развлечения себя иную тему разговоров,—а именно: обязательное сообщеніе каждымъ изъ членовъ кружка, по очереди, фантастическихъ разсказовъ, въ родѣ тѣхъ, которые написалъ когда-то знаменитый Боккаччо, во время бывшей въ XIV вѣкѣ «флорентійской чумы». Такимъ образомъ, возникъ «Русскій Декамеронъ», подъ гостеприимнымъ кровомъ извѣстнаго боевого генерала А. Э. Циммермана, друга нашего писателя, человѣка истинно-русскаго, глубоко-убѣжденнаго и разносторонне-образованнаго. Изъ девяти фантастическихъ разсказовъ, въ которыхъ необыкновенно просто, естественно и увлекательно повѣствуется о привидѣніяхъ, явленіяхъ духовъ и прочей бѣсовщины, особенно выдѣляются, по своему содержанію и художественному исполненію, два—«Жизнь черезъ сто лѣтъ» и «Божьи дѣти». По мнѣнію нашего писателя, черезъ сто лѣтъ вся Западная Европа будетъ завоевана Китаемъ. Богдыханъ, въ утѣшеніе туземныхъ ученыхъ и публицистовъ, дастъ Европѣ названіе «Соединенныхъ Штатовъ», подчиненныхъ китайскому императору. За дружбу къ Россіи богдыханъ дастъ ей возможность изгнать турокъ въ Азію и образовать на Балканскомъ полуостровѣ отдѣльную славяно-греческую дунайскую имперію. Кромѣ того, русскіе, изгнавъ англичанъ изъ Индіи, устроятъ третью столицу въ Калькуттѣ. Франція, какъ и всѣ другія европейскія государства, сохранитъ свои политическія особенности («умѣренную республику»), но будетъ находиться подъ мѣстнымъ верховнымъ владычествомъ евреевъ-президентовъ изъ банкирскаго дома Ротшильдовъ. Еврей-адмиралы будутъ командовать французскимъ флотомъ, еврей-фельдмаршалы—охранять, во имя китайскаго повелителя, французскія границы, а еврей-министры, съ президентомъ въ пейсахъ и ерможкѣ, будутъ встрѣчать правшаго Европой богдыхана, Ца-о-дзы.—Во второмъ разсказѣ—«Божьи дѣти»—авторомъ описана причудливая, роскошная жизнь одного Набоба-эгоиста, который только тогда узналъ истинное счастье, когда понялъ нищету низшей братіи, когда началъ жертвовать не изъ тщеславія, а по сердечному влеченію. Набобъ холилъ и лелѣялъ въ своемъ саду какія-то рѣдкія, заморскія лиліи, которыя долго не расцвѣтали и расцвѣли только при новомъ солнцѣ, при новой, его собственной сердечной теплотѣ. Необходимо, наконецъ, упомя-

нуть о разсказѣ «Прогулка домового», въ основу котораго положено таинственное происшествіе, въ концѣ 70-хъ годовъ волновавшее столицу, о господинѣ, ѣздившемъ по ночамъ съ Англійской набережной на Волково кладбище на одномъ и томъ же извозчикѣ въ продолженіе мѣсяца.

Оставивъ почему-то неоконченнымъ романъ «Восемьсотъ двадцать пятый годъ», отрывки изъ котораго появились въ 1881 г. въ «Русской Мысли», Г. П. въ восьмидесятыхъ годахъ подарилъ публику тремя большими романами— «Княжна Тараканова» (1882), «Сожженная Москва» (1885) и «Черный годъ» (1889). Кромѣ того, нашъ писатель напечаталъ въ «Историч. Вѣстникѣ» любопытное описаніе своей повѣзки въ Ясную Поляну, помѣстье графа Л. Н. Толстого, и написалъ два разсказа для народа— «Христосъ-Святель» и «Стрѣлочникъ». Всѣ три романа послѣдняго десятилѣтія дѣятельности Г. П. имѣли большой успѣхъ и вызывали при своемъ появленіи многочисленные сочувственные отзывы критики не только русской, но и иностранной.

Если въ «Княжнѣ Таракановой» авторъ, превосходно воспользовавшись историческимъ матеріаломъ, талантливо разсказалъ трогательную исторію несчастной и загадочной «авантюрьеры», причемъ художественно обрисовалъ Алексѣя Орлова, то въ «Сожженной Москвѣ» и «Черномъ годѣ» Г. П. краснорѣчиво доказалъ, что для талантливаго романиста нѣтъ старыхъ темъ. Хотя отечественная война послужила уже содержаніемъ для извѣстнаго романа графа Л. Н. Толстого, а Пугачевскій бунтъ — для «Каштанской дочки» Пушкина и «Пугачевцевъ» графа Салиаса, Г. П. сумѣлъ по-своему изобразить эти двѣ примѣчательныя въ русской исторіи эпохи, сумѣлъ подойти къ нимъ съ новыхъ сторонъ, вывести новыя типическія лица. Такъ, въ «Сожженной Москвѣ» особенно замѣчательнъ типъ женщины-героя Авроры (изображеніе типа подобной женщины намѣчено было только Пушкинымъ въ недоконченномъ романѣ «Рославлевъ»). Кромѣ этого новаго и совершенно неразработаннаго въ русской литературѣ типа, авторъ рисуетъ и Наполеона въ новыхъ, въ высшей степени реальныхъ чертахъ. Съ большою задумчивостью и яркостью написаны тѣ сцены, въ которыхъ дѣйствующимъ лицомъ выступаетъ простой народъ—дворовые, крестьяне и солдаты.

Въ «Черномъ годѣ» вниманіе читателя одинаково привлекаетъ и повѣствованіе о судьбѣ семьи Дугановыхъ, и личность Пугачева, изображенная безъ всякой идеализаціи, и правдивыя сцены русскаго бунта, среди которыхъ встрѣчаются очень оригинальныя и глубокія по замыслу. Такова, напримѣръ, сцена расправы взбунтовавшихся крестьянъ со своимъ помѣщикомъ-добрякомъ Лаптевымъ, повѣшеннымъ ими на воротахъ усадьбы. Мастерскою, опытною рукою обрисована московская и отчасти петербургская жизнь тогдашней эпохи; столь же искусно описаны сначала неопредѣленные и робкія попытки страшнаго замысла Пугачева, а затѣмъ то бѣшеный, то усталый разгулъ бунтаря, увлекаемаго непреборимою силою захватившаго его кроваваго потока.

Незадолго до смерти Г. П. задумать и начать писать новый историческій романъ, въ которомъ хотѣлъ изобразить трагическую судьбу царевича Алексѣя Петровича. Написана и отдѣлана была только первая часть этого романа, которая и появилась въ январской и февральской книжкахъ «Русской Мысли» за 1892 г. Послѣ смерти нашего писателя, похитившей его безвременно, въ полной силѣ и свѣжести таланта, появился также въ «Сборникѣ Нивы» симпатичный рассказъ «Шарикъ» и въ «Историч. Вѣстн.» воспоминанія о Щербинѣ.

Болѣзнь, сведшая Г. П. въ могилу, давно подтачивала его крѣпкій организмъ. Въ послѣдніе годы нашъ писатель каждое лѣто ѣздилъ или въ Крымъ, или за границу; на югѣ Россіи онъ лѣчился отъ болѣзни почекъ виноградомъ, за границую — пользовался минеральными водами. Однако, ни то, ни другое не помогало. Въ концѣ ноября 1890 г. Г. П. пересталъ ходить въ редакцію «Правит. Вѣстн.», которую обыкновенно посѣщалъ ежедневно не только днемъ, но и ночью, когда выпускается и окончально редактируется номеръ. Слишкомъ двѣ недѣли нашъ писатель пролежалъ въ постели. Пользовали его доктора В. П. Аванасьевъ и Н. П. Соколовъ, а затѣмъ на консиліумъ былъ приглашенъ докторъ Бертенсонъ и другіе врачи. Но медицина оказалась безсильною: страшно страдая и находясь въ безпамятствѣ четыре дня, больной скончался въ 7 часовъ 45 минутъ утра 6-го декабря. Это было въ четвергъ; на другой день лѣло анатомировали и набальзамировали. Оказалось, что у

покойнаго находился въ почкахъ большой величины камень, который, отдѣлившись, закупорилъ выходъ изъ почекъ, вслѣдствіе чего произошло смертельное зараженіе крови.

9-го декабря назначены были выносъ и отгѣваніе. Въ исходѣ десятаго часа утра, въ квартирѣ покойнаго, на углу Невскаго и Николаевской, гдѣ онъ прожилъ 23 года, собрались родные, знакомые, почитатели Г. П. и представители печати. Тѣло почившаго писателя покоилось въ металлическомъ гробу, окруженномъ вѣнками и растениями. Духовенствомъ нѣсколькихъ церквей, во главѣ съ архимандритомъ Александро-Невской лавры, была отслужена литія. На колесницу были положены только вѣнки, такъ какъ гробъ, предшествуемый хоромъ пѣвчихъ и духовенствомъ, несли на рукахъ до самой церкви министерства внутреннихъ дѣлъ, что на площади Александринскаго театра. Заупокойную литургію и отгѣваніе совершалъ соборнѣ харьковскій архіепископъ Амвросій, землякъ покойнаго писателя и уроженецъ харьковской губерніи. Пѣлъ хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ особеннымъ знаменнымъ напѣвомъ. Стройное художественное пѣніе образцоваго хора глубоко растрогало и умилило всѣхъ присутствовавшихъ. Церковь была переполнена молящимися, среди которыхъ находились представители высшей администраціи, науки, литературы и періодической печати. При гробѣ почившаго писателя постоянно находилась 75-ти-лѣтняя старушка, его бывшая крѣпостная няня, впервые сообщившая Г. П. сюжеты мало-россійскихъ сказокъ. Во всѣхъ петербургскихъ и московскихъ газетахъ и въ цѣломъ рядѣ провинціальныхъ появились сочувственные обширные некрологи почившаго писателя и даже подробныя характеристики его литературной дѣятельности. Въ гимназіяхъ столицъ и даже далекой Сибири устроивались въ память Г. П. литературныя чтенія.

Послѣ отгѣванія, останки покойнаго были перевезены и поставлены въ часовню Знаменской церкви. Здѣсь гробъ былъ покрытъ второю крышкою. Рѣчей не говорилось. Въ половинѣ декабря тѣло почившаго писателя было перевезено въ его родовое имѣніе Пришибъ, змѣвскаго уѣзда, харьковской губ., и похоронено въ пришибской каменной церкви, гдѣ покоятся всѣ предки Г. П., начиная съ перваго владѣльца Пришиба, сотника Данила Данилевскаго. Пришибская церковь въ нынѣшнемъ ея видѣ, о пяти пре-

столахъ, заложена въ 1802 г. и окончена въ 1817 г. усердіемъ Анны Петровны Данилевской, прабабушки автора «Мировича».

При слѣдованіи тѣла почившаго писателя со станціи желѣзной дороги въ Пришибъ, крестьяне сосѣднихъ деревень, бывшіе крѣпостные Г. П., выходили навстрѣчу и служили панихиды по «боляринѣ Григоріи», всегда тепло относившемся къ ихъ нуждамъ и дѣлавшемъ для нихъ много добра. Особенно замѣчательна была встрѣча у дер. Балаклеевки, при остановкѣ около которой собрались помолиться за безвременно скончавшагося Г. П. болѣе двухъ тысячъ крестьянъ, сохранявшихъ теплую память о покойномъ, какъ о человѣкѣ отзывчивомъ и сердечномъ. Такую же благодарную память о Г. П. хранятъ многія лица, которымъ онъ помогать тѣмъ или другимъ способомъ, помогать скромно и безъ тщеславія, считая помощь ближнему нравственнымъ долгомъ всякаго человѣка, имѣющаго власть и силу помогать.

Сергій Трубаневъ.

ИЗЪ ПРЕДИСЛОВІЯ КЪ 6-МУ ИЗДАНІЮ.

(ОТЪ АВТОРА).

...Освободительная пора пятидесятихъ годовъ дала мнѣ возможность посвятить свои первые романы разсказамъ о судьбѣ русскихъ крѣпостныхъ людей, изстари искавшихъ спасенія и лучшей жизни въ бѣгствѣ на новыя, далекія, привольныя мѣста.

Первый бытовой романъ—«Бѣглецы въ Повороссіи», напечатанный, по условіямъ времени, нѣсколько позднѣе, былъ начатъ за два года до освобожденія крестьянъ и конченъ— во время моихъ работъ, въ качествѣ депутата, въ одномъ изъ южно-русскихъ губернскихъ комитетовъ по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ.

Съ тѣхъ поръ прошло болѣе двадцати семи лѣтъ. Картины русскихъ Кентукки и Массачузета, типы крѣпостныхъ, какъ Левенчукъ и Милороденко, тайное заселеніе въ пустыняхъ цѣлыхъ новыхъ деревень пришельцами, непомнящими родства, облавы на бѣглыхъ и другія насилія надъ родными «бѣлыми неграми»,—этими «піонерами Востока», какъ ихъ называлъ нѣмецкій переводчикъ моихъ романовъ,— для современниковъ, видящихъ нынѣ свободное переселеніе русскихъ рабочихъ людей на далекія свободныя земли,—стали отдаленнымъ, историческимъ воспоминаніемъ.

Второй мой бытовой романъ—«Воля» («Бѣглецы воротились») — посвященъ послѣдующей порѣ извѣстныхъ крестьянскихъ броженій; третій и четвертый—«Новыя мѣста» и «Девятый валъ» — картинамъ послѣ-реформеннаго, вновь строявшагося провинціального общества шестидесятихъ го-

довъ. Старые люди еще не уходили; молодымъ, здоровымъ силамъ тогда не было еще достаточно мѣста и дѣла.

Изображенные мною типы бѣглыхъ крестьянъ срисованы съ дѣйствительности. Во время моей командировки, для «Морского Сборника», къ Донскимъ гирлямъ и къ Азовскому морю, мнѣ удалось не только видѣть, но и наблюдать такихъ людей, подолгу живя среди нихъ. То же я долженъ сказать и о герояхъ другихъ своихъ бытовыхъ романовъ. Я ихъ наблюдалъ въ жизни, съ тѣмъ же вниманіемъ, какъ изучалъ въ историческихъ документахъ и преданіяхъ прошлаго вѣка,—иногда въ нѣсколькихъ строкахъ частнаго задушевнаго письма, въ дневникѣ, между листками рукописнаго календаря, или въ надписи на сборникѣ любимыхъ стихотвореній того времени и хозяйственныхъ бумагъ,—внутреннія черты историческихъ характеровъ Петра I, Екатерины II, Павла, — Мировича, Пугачева, Разумовскихъ, Орловыхъ, Суворова, Потемкина, Перовскаго и другихъ.

Родовыя черты отдаленныхъ предковъ, переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію, повторяются, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, въ позднѣйшихъ потомкахъ.

Борьба свѣта и тьмы, вѣчной правды и зла, съ давнихъ лѣтъ дѣлитъ русское общество на два воюющихъ стана.

Вѣяніе мягкихъ европейскихъ «новинъ» началось при «тишайшемъ» царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. При немъ явились диковинки Запада, возникли попытки театра, и хотя не печатались, но уже писались первые журналы—куранты. Умственная тьма, однако, еще глубоко облекала русскій народъ. При Петрѣ I народилась наука, служеніе выснимъ идеаламъ цивилизаціи. Питомцы иноземныхъ морскихъ и пушкарскихъ школъ завели въ Россіи кораблестроеніе, типографіи, фабрики, и совершили первый смѣлый, русскій походъ на Индію. Идеалы о дальнемъ Востокѣ могучаго піонера-царя были разбиты. Невѣжество тормозило его школы, а ограбленный интендантами индійскій отрядъ Бекевича-Черкаскаго погибъ у воротъ завоеванной еще въ началѣ XVIII вѣка Хивы.

Хищники не переводились. Повѣщенный Петромъ, передъ окнами Сената, сибирскій губернаторъ, Елизаветинскіе лейб-кампаицы, генералы—покорители Сѣчи, закрѣпостившіе при Екатеринѣ II-й искони-свободный украинскій народъ, и Пугачевъ были тѣми же бытовыми хищниками, какъ и герои

близкой намъ норы,—передержатель обглыхъ Панчуковскій, директоръ банка фальшивой монеты Музыкантовъ и земскіе дѣятели позднѣйшаго времени, въ родѣ поклонника пословицы «держи ность по вѣтру»,—Клочкова.

Идеалисты Касаткинъ и Бехтѣевъ и дикое олицетвореніе протеста своего времени, Мирѳичъ,—не достигли въ XVIII вѣкѣ обѣтованной земли, къ которой стремились, какъ и чистые сердцемъ, но чуждые народу, во имя котораго шли на борьбу, возвышенные теоретики позднѣйшихъ временъ,—франтъ-масоны Екатерины и Павла и преемники ихъ во времена Александра I. Созерцательныя натуры — Чулковъ «Новыхъ мѣстъ» и Ветлугинъ и Милунчиковъ «Десятаго вала»—тѣ же, относительно обыденной практики, бѣлые голуби въ стаѣ черныхъ воронъ, какъ и знаменитые ихъ предки—Новиковъ и Радищевъ. Побѣда осталась не за ними, хотя брошенные ими сѣмена не заглохли. Однимъ праведникомъ, но пословицѣ, спасается цѣлый городъ. Идеалистами, съ теченіемъ времени, спасались не разъ цѣлыя поколѣнія.

Просвѣщеніе, по словамъ Бѣлинскаго, подобно завѣтному слову искупленія. Обществу отрадно вѣрить, что, благодаря невидимымъ міру труженикамъ мысли, борцамъ за возвышенные идеалы человѣчества, царство зла не безконечно и что болѣе и болѣе близится торжество вѣчной правды и добра

Григорій Данилевскій.

БѢГЛЫЕ ВЪ НОВОРОССІИ.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПЕРЕЛЕТНЫЯ ПТИЦЫ.

I.

Левенчукъ и Милороденко.

Въ концѣ апрѣля, по пути къ азовскому поморью, изъ старыхъ украинскихъ губерній пробирались глухими тропинками, оврагами и одинокими степными лѣсками двое пѣшеходовъ. Оба они были молоды, измождены усталостью, въ потертой одеждѣ и съ налками въ рукахъ. Ночевали они подъ стогами, пили рѣдко изъ колодезь, а болѣе изъ невысохшихъ еще снѣговыхъ озерковъ, вѣли что Богъ дастъ и торопились-торопились. Младшій изъ нихъ, тинь чистаго малоросса, немного мѣшковатый и вилый, шелъ какъ-будто нѣхотя, пугливо оглядывался по сторонамъ, вздрагивалъ при малѣйшемъ звукѣ въ стени, ранѣе старшаго сворачивалъ въ сторону, едва завидѣвъ на пути одинокій постоялый дворъ, хуторъ или проѣзжую смиренную телѣконку. Зато старшій шелъ смѣло и даже весело. На немъ былъ зеленый жилетъ съ ключомъ на веревочкѣ, сѣрая барашковая шапка и ветхія илисовыя шаровары. Онъ бойко говорилъ по-русски, хотя былъ родомъ малороссъ.

— Ты, братъ, Хоринька, смотри у меня, не дури, не кручись: и ужъ въ пятый разъ бѣгаю. А что? — сходить!

ровно, миленькій, ничего. Въ первый разъ, таки, какъ поймали и привели, скажу тебѣ, вспорли на-порядкахъ. Исправникъ былъ выжига, пятью червонгами не откупился. А за то мѣста-то, мѣста какія! Батюшки мои свѣты! Ты въ резонъ то-ись не возьмешь, что это за край, эта поморская сторона! Уже не даромъ же я веду тебя туда, братецъ! Тамъ тоже поселки есть, да не чета намей треклятой «нанциивъ»; сказано—волюшка: вотъ какъ птицы вольныя, тамъ и земля вольная! Разные тебѣ языки, сбоку сплошь дощица, а тамъ наши города и море! Жизнь, жизнь, родимый! Денегъ заработаешь вдоволь, пачпортникъ тебѣ выхлопочуть. Паны тамъ не то, что у насъ: все ухари-молодцы, и по-кавалерски тебя содержатъ. Значить, не то что у насъ, по старымъ господскимъ хуторамъ, въ мѣсячину тебѣ толоконце одно отпускають, значить дерть собачью, жито пополамъ съ ячною мучицей по пуду на душу. А тамъ тебѣ и сало, и масло постное греческое, прямо съ порта, въ богоспасенные дни. Ышь-кушай да трудись, душа. Сказано, вольница! Захочешь жены,—и жинку тебѣ справятъ новую. Пять разъ я бѣгалъ и пять разъ все новыхъ шампурокъ доставалъ! Такое уже заведение было; коли ты лакомка,—не нахвалишься! ей-Богу!

Младшій на эти слова тихо вздохнулъ, продолжая съменить босыми нитками, держа сапоги черезъ плечо и изрѣдка потирая тряпичей разболѣвшіеся отъ вѣтра глаза.

— Ну, что вздыхаешь, Хоринька? Слушай, Харьковъ! Эти твои оханья да вздохи—только одни пустяки. Ну, куда мы идемъ, а? Слышалъ ты про азовски лиманы, про донски гирля и камыши? Ну? Глупъ ты есть, человѣче, и только! Говорю тебѣ: приведу тебя въ такія мѣста, что ахнешь. Бось ты—обуютъ тебя, вагъ ты—одѣнуть, мадень—накормятъ, пьиница—пить дадутъ, бабѣ любишь—предоставятъ тебѣ такихъ, что ума помраченье! Волюшка, волюшка, Харитонъ!.. Кто ее на любить? Вѣжалъ я, братецъ ты мой, впервой слуру, отъ блажи, понятія еще не имѣлъ, значить, о живодѣрѣ Петиле, у котораго постѣ трижды въ наймахъ бурлакомъ жить, — тамъ такой шельма-французикъ подъ Бердянскомъ степи держалъ, — а и то, что со мною стало! Вышелъ я, братецъ, наработавшись и намучившись вдоволь, въ дождь да въ студеную непогоду пробирался, какъ и мы теперь, свинными дорожками, по захоlustьямъ.

Да какъ вышетъ я на Днѣпръ, какъ повидѣть, что это уже не наша пѣнская Украина, а вольная со свѣта-созданія царща, значить Божья степь, гдѣ куда ни глянешь, все поле да поле, ковыль разстилается, да коршунѣ летаетъ, — всползь я, избитый и усталый, на курганъ и поглядѣть этакъ впередъ себя. Голова, братъ, и закружилась, а глаза чуть не ослѣпли отъ свѣту, простора да сверканья всякаго. И смотрѣлъ я, Хоринька, съ кургана того отъ утра вплоть до вечера; упалъ и заплакалъ съ радости. Такъ бы, кажись, и пошелъ на всѣ четыре стороны разомъ. Волюшка, воля! Постои, и ты не то заговоришь, какъ увидишь ее! Сказано, рай! Знаешь бурлацку пѣсню:

«Эхъ ты, степь моя, степь бердянская..
Жизнь постыла, неволя пѣнская!»

Веселый жокакъ, выйди изъ глубокаго оврага, по дну котораго шелъ съ товарищемъ, несмотря на усталость, звонко заплѣть, потомъ вдругъ засмѣялся и замолчалъ.

— Харькѣ!—сказалъ онъ, плетясь въ гору.

— Что?

— Ты Левенчукъ по прозванію?

— Левенчукъ.

— Ну, тебя же мы, какъ придемъ, окрестимъ иначе. Вотъ я Милорѣденко по прозвищу, тамъ на хуторѣ дома, значить по ихней пѣнской ревизіи; а въ бурлакахъ я, братецъ, повсегда Александръ Дамскій, и имени ужъ теперь ни въ жисть не мѣняю; такъ меня всѣ кавалеры тамъ, значить, помѣнники, и знаютъ, потому что пачпорта теперь ужъ мнѣ не нужно,—и безъ него я знаю какъ обойтись. А вотъ тебѣ пачпортникъ на первый разъ нуженъ. Слушай, Харькѣ..

— Что, Василь Иваычъ?—грустно отозвался, вздыхая новичокъ.

— Какъ придемъ мы на границу, до гагайскихъ степей, береги ты меня, душа Хоринька. Покаюсь тебѣ. Непьюнцъ я сызмальства; а какъ доберусь до воли,—себя не помню—пять разъ въ шинкѣ у Лысой Ганны пропивался, какъ собачій сынь, до нитки. Береги меня, Харькѣ, какъ свою душу; не давай мнѣ сразу простору; ублажай меня, уговаривай, да повеликатѣй при людяхъ,—потомъ, пожалуй, и свяжи, даже поколоти, обругай самую скверною бранью, а водки много не давай. Хоть просить буду, хоть бить тебя

буду, не давай водки, не давай и денегъ. Граница ужъ близко; вотъ тебѣ вся моя казна,—возьми и спрячь... Не силенъ я тутъ противъ соблазна... Охъ, не силенъ! Сказано, воля!

Милорѳденко дѣйствительно остановился, присѣлъ на траву, снялъ сапогъ, досталъ оттуда въ грязной ветошкѣ какую-то сумку, вынулъ три замасленные ассигнаціи, посмотрѣлъ на нихъ на свѣтъ со вниманіемъ и, какъ бы съ сожалѣніемъ, похлопалъ по нимъ и отдалъ ихъ товарищу.

До желанныхъ мѣстъ крайняго юга оставалось недалеко.—Туда стремились новые товарищи, какъ стремятся и стремились искони, по неодолимому влеченію, сотни и тысячи другихъ, имъ подобныхъ бѣглыхъ русскихъ людей, съ перелетными отъ сѣвера птицами, ища новой нищи и новой доли.

Два-три перехода, и они были, наконецъ, на рубежѣ того непочатаго, или мало еще початаго края Новороссіи, гдѣ Милорѳденко пророчилъ у господъ кавалеровъ своему товарищу такое счастье и богатство, какихъ онъ и во снѣ не видывалъ.

Овраги и лѣсистыя балки стали попадаться рѣже. Стоги, подъ которыми они ночевали и прятались на отдыхъ отъ дождей и солнца, исчезали вовсе. Пошла сплошная, необозримая степь, заросшая густыми, пвѣтущими травами. Сель и хуторовъ не было видно вовсе. Кое-гдѣ только мелькали въ сторонѣ, чернѣя длинными пестами, со вздѣтыми на нихъ пучками ковыля, одинокія овчарни. Да иной разъ, пробираясь чуть видною въ травѣ колеею проселка, натыкались они на пустынный колодець, до того глубокій, что не было видно его дна, какъ туда ни смотри. Встрѣчные чумацкіе обозы они обходили, а къ одинокимъ пахарямъ въ степи приближались. Подойдутъ, особенно вечеромъ, къ огоньку, Милорѳденко поклонится, подсядетъ, на корточкѣ, къ маленькому костру, заговорить, посмѣиваясь и смотря по своему обычаю, въ ладони, перебросить съ руки на руку уголекъ, закуритъ трубочку, и сейчасъ начинаются у него разспросы и шулки.

— Что, отъ пановъ? Панскіе?—спросить его.

— Панскіе!—скажетъ и залется смѣхомъ Милорѳденко, передавая анекдоты о хуторскихъ невгодахъ.

Но Левенчукъ шелъ печально и мало принималъ участія въ веселыхъ проказахъ и розсказняхъ товарища.

Въ одномъ мѣстѣ Милорѡденко, угощенный кѣмъ-то на перепутьѣ, говорилъ товарищу, сильно вздыхая:

— Какъ будемъ мы идти близко къ морю, тамъ рѣчка Мертвыя-воды есть. Такъ-то! Впервые, какъ я убѣжалъ, жилъ я въ косарской артели; шли мы съ заработковъ отъ одного барина и наткнулись на злое дѣло. Въ другой артели не то косарь, не то, чортъ его знаетъ, кто, зарѣзалъ нашего же, должно-быть, бѣглаго брата, старика-лакея, а лакей этотъ шелъ къ морю, съ дочкой, маленькою дѣвочкой. Убивца — чтобъ ему пусто стало — старику перехватили глотку сонному, деньги отняли и убѣжалъ. Были, говорятъ, у него деньги небольшія, дрянн. Такъ дѣвочка привела отца еще полуживого на Мертвыя-воды: тотъ стоналъ съ перерѣзаннымъ горломъ, упалъ на порогѣ тамъ какой-то хатки и, говорятъ, умеръ, а на мѣстѣ не могъ назвать, значить, убивцы своего. Скверное это было дѣло. Мы сейчасъ сбѣжались, жалѣли; ходили смотрѣть и на дѣвочку, и на умирающаго, а у него были такія бакенбарды бѣлыя, такъ и торчали съ телѣги; какъ его повезли въ городъ; самъ худой, да лысый. Страшный такой! Дѣвочка не могла рассказать, откуда они убѣжали, и ее взялъ кто-то въ прѣмыши.

Въ другомъ мѣстѣ Милорѡденко бесѣдоваль:

— Да ты мнѣ скажи, Харькѡ: и вправду ты думалъ утопиться, какъ я тебя увидѣлъ на плотинѣ и сманилъ? — Это было уже на послѣднемъ привалѣ, ночью, въ кустахъ дикаго терновника, гдѣ они расположились понѣжитья уже повольнѣе и даже сами рѣшились развести огонѣкъ.

Левенчукъ ничего не отвѣчалъ. Его сѣрые, широкіе, задумчивые глаза, при черныхъ курчавыхъ волосахъ, печально смотрѣли на догоравшіе уголья, тогда какъ каріе, веселые, наигранные, какъ у кошечки, и подвижные глаза Милорѡденко такъ и смѣялись.

— Вылѣзь я изъ камыша, — продолжалъ, хохоча, веселый возжакъ:—вылѣзь, смотрю—человѣкъ сидитъ надъ водоспускомъ, плачетъ, охаетъ, все озирается и хватается за голову. Шапку снялъ и ужъ ноги свѣсилъ надъ омутомъ... Ждалъ я, чтѡ будетъ, а ты все ближе къ омуту, ближе, да плачешь: «Тю-тю, дурный!» Ты и остановился. — Расскажи же, братъ, какъ это ты задумалъ, когда жену-то твою рѣшили, топиться въ панской рѣчкѣ?

— Чтѡ же, дядько,—началъ Левенчукъ:—скажу тебѣ. Я

ходилъ за овцами у пани; ну, ходилъ и ходить! скука тамъ смертная была. Разъ и зоветь меня старая пани: «Харькò. я тебя женить хочу!»—«Воля ваша, говорю, пани». — «Да ты не знаешь на комъ?»—«Не знаю».—«На Варькѣ, на дочкѣ Петриковны; хочешь?» — «Воля ваша!» говорю, а у самого сердце такъ и обдало! А Петриковна была ключницей у нашей барыни. проворовалась, ее и сослали на птичню. Шла заносемъ, съ горя, эта старая мать Варькина. Повѣщали меня съ ея дочкой, въ числѣ другихъ шести паръ, разомъ. Барыня наша ужъ эти свадьбы всегда справляла заурядъ, осенью, передъ филипповками. Не знали мы и ни разу до свадьбы съ Варькой не говорили ни слова. Извѣстное дѣло, я пасъ овецъ, все въ степи и рѣдко домой навѣдывался. Повѣщали насъ, посадили за столъ, а потомъ спать положили...

Харькò помолчалъ.

— Ну, дяденька, скажу я прямо: такъ стыдно было мнѣ на свою жену глядѣть, что больше году мы и вмѣстѣ жили. и за столъ ѣсть садились, и уже любить-то я ее началъ, а говорить еще по душѣ не говорили и не глянули другъ другу въ глаза прямо; все больше молчишь, или перекинешься такъ пустымъ словомъ, да и глазъ отъ земли не поднимая. И разсмотрѣлъ я ее, правда, ужъ черезъ годъ. Пасъ я, какъ всегда, овецъ—отару; бѣжигъ ко мнѣ сосѣдская дѣвочка: «Дядько Харькò! — кричитъ: — тѣтка Варька сына тебѣ родила!» Не помню я, какъ допасъ овецъ до вечера; наполни ихъ, загналъ ихъ въ сарай, вбѣжалъ въ хату, а въ хатѣ ладаномъ накурено, сосѣди чинно сидятъ, люлька виситъ съ потолка, а Варька, лежа, качаетъ съ лавки ребенка. Я кинулся къ люлкѣ, она приподнялась. «Харитонъ! — говоритъ шопотомъ: — это наше дитя!» Мы взглянули черезъ люльку другъ на друга прямо, и, склонясь надъ дитятею, заплакали и тихо поцѣловались. Съ той поры мы на людей ужъ стали похожи. Люди радовались, и мы радовались. Да не довелось пожить счастливо. Съѣздила наша пани въ городъ и купила новую молотилку, такую машину, съ чугуннымъ барабаномъ. А въ прошломъ году у насъ сильная пшеница уродилась. Привезли эту машину, поставили на току въ сарай и стали молотить лошадьми, а бабы солому отгребали. Мазали эту машину дѣгтемъ. Разъ и моей Варькѣ загадали съ другими идти до той молотилки,

а сама наша пани всегда при работахъ стоитъ. Пока запрягали коней, пока пани отъ горницъ приплелася, бабы и давай на выдумки. Та на кони верхомъ лѣзеть, та въ спонахъ перекидывается, а моя и говоритъ: «Гдѣ, бабы, мазница съ дѣгтемъ? Давайте себѣ сапоги помажемъ!» — «Вопъ, — говорятъ: — подь колесомъ!» Она и полѣзла. Подставила одинъ сапогъ, смазала; стала и другой мазать. А тутъ кричатъ: «Пани идетъ, пани!» Машинистъ у насъ кривой, подлець такой былъ; со злобы, что ли, повернулъ барабанъ, лошади дернули, колеса завертѣлись, а Варька рукавомъ и попала подь чугунное колесо. Бабы кричатъ: «стой, стой!» А онъ кричитъ на погонщиковъ: «бей, гони коней! барыня идетъ! мы стоимъ, ничего не дѣлаемъ». А Варька бонтея крикнуть, пританлась... Машинна пошла... Охъ, дядько! И вспомнить страшно... Застонала она, что-то захрустѣло... Прибѣжала опять ко мнѣ въ стень та же сосѣдская дочка. Ореть-голосить на всю стень: «Ты тутъ овецъ все, дядько, пасешь, а тамъ ужъ твоей Варьки на свѣтъ не стало!» Бросилъ я овцу и прибѣжалъ на хуторъ. «Гдѣ, говорю, гдѣ?» — «На панскомъ дворѣ!» — Прибѣжалъ я въ самую панскую горницу, а она-то, моя Варька, на полу лежитъ, и сама старая пани простоволосая надъ нею мечется... Куда тебѣ! Руку оторвало, и всю потрощило ее, мою сердечную, въ куски! Охъ, дидюшко, страшно!.. Я какъ глянулъ, такъ и самъ упалъ... Отлили водою меня... Похоронили ее, голубочку, а мнѣ свиту новую справили. И вицямъ: пани тутъ, пожалуй, сама и не виновата. Да ужъ я, какъ встрѣтился съ машинистомъ, глянулъ на него, а онъ глаза понурилъ, сталъ и говоритъ мнѣ: «иди своею дорогою, не смотри на меня: ты какъ собака злой». Зашелъ я въ шинокъ какъ-то. Кучеръ нашъ гулялъ. Перепонилъ насъ. Тутъ и машинистъ храбрился. Я и задумалъ недоброе. Ужъ не смогъ я эту овцу въ стени больше пасты. То, бывало, ходишь день-деньской по жарѣ, печешься, ѣсть-пить хочется, вода въ баклагѣ теплая, прогнившая, овца собьется въ кучу... Сядешь; кругомъ ни души, — одно марево огнями переливается, да овражки свистятъ. Скука... руки бы на себя наложили! Дѣлать, работать не хочется; да и что еработаешь, ходючи безъ усталы? Развѣ ложку какую выдолбишь! А все прежде жилось. Вечерь-то, вечеръ! хата! — такъ и маять. Придешь, все забылъ. Ляжешь возлѣ ней, при-

жмешься къ ней, а въ хатѣ чисто, травами сухими пахнетъ, постель бѣлая; она смѣется, шепчетъ тебѣ сладкимъ шопотомъ,—и до утра иной разъ не спишь! Ну, меня и повело, какъ Варьку порѣшили. Охъ, дядько... боюсь! Не допытывай меня... Ну, что же?... такъ-то вотъ разъ нашли машиниста подъ селомъ убитаго; волки ужъ и голову ему объѣли. Порѣшить себя тутъ задумалъ и я... Сперва удавиться хотѣлъ, а потомъ утониться. Люди меня усовѣщевали; судъ допытывалъ. Это я ужъ въ третій разъ надъ омутомъ-то сидѣлъ! Грѣшное дѣло; и спасибо тебѣ, Василь Ивановичъ, что ты меня избавилъ!.. А все какъ-то жутко еще, и мерещится все недоброе... Безъ руки лежитъ, вся потрошенная, кровавленная на манской молотилкѣ... А собака—собачья и смерти! Не я его убилъ. Должно-быть, чужой кто. Онъ все шатался по любовницамъ по почамъ. Ну, а тутъ ужъ прямо меня подозрѣвать стали, люди начали обходить меня. Затаскали по допросамъ. Пани въ солдаты погрозила съ отдать. Я и самъ сталъ какъ пещивой. Какъ собака голодная мыкался. Много нашихъ разбрелось изъ хутора въ разные годы, а самъ не рѣшился. Все думалъ: какъ уйти? И въ голову не прибиралось.

— Вотъ постой, постой, Хоринька: какъ придемъ, да какъ помѣщу я тебя въ неводчики, при рыбныхъ ловляхъ, или въ какую косарскую артель, — добромъ помянешь, любезный человѣкъ! А вотъ я такъ иначе бѣгалъ...

— Какъ же ты, дядюшка, бѣгалъ? — спросилъ уже нѣсколько спокойнѣе, какъ бы облегча душу, Левенчукъ, помолвившись вслухъ на восходъ солнца впотьмахъ и ложась спать у окончательно потухшаго костра.

— А вотъ какъ я убѣжалъ впервые, — началъ Милороденко, весело закидываясь навзничъ и потягиваясь подъ кустомъ: — моя сказка, простой ты человѣкъ, короче. Видишь ли, ты еще теперь настоящий хохоль, а я ужъ и тогда былъ натертѣе, — въ лакеяхъ, значить, обрѣтался и по-господски говорилъ какъ слѣдуетъ. Ну, скажу тебѣ по правдѣ, ничто меня всегда такъ не манило, какъ, выходить, круничатый хлѣбець, то-есть, значить, бабье дѣло. Ну, простота, чортъ меня и попуталъ до конца! Прошлялся по Таганрогу; а тутъ и изловили меня полицейскіе на базарѣ; домой переслали, вздули, братъ, это меня опять по всѣмъ порядкамъ. А тутъ опять душа пить попросила...

Влюбилась въ меня, до побѣгу еще значить, племянница самого барина... да!

— Что ты? Ахъ, братецъ ты мой!—даже вскрикнулъ съ испугу въ темнотѣ Левенчукъ и вспрыгнулъ на корточки.

— Эхъ, дурачина ты, братъ, дурачина! Ну, чего смотришь такъ? Вотъ то-то и дѣло, что ничего!—продолжалъ, вольготно потягиваясь, Милороденко:—это почти то же самое дѣло, никакой разницы нѣту, кромѣ оицей, значить, чистоты... Просто, ровно ничего! Сперва я хаживалъ къ барышнѣ въ окошко; въ саду видалися; воду, зонтики ей туда носить; а тамъ дѣло узнали, заперли меня; баринъ въ кандалы хотѣлъ заковать, сослать задумалъ; да увезла она меня къ своей матери: тамъ въ приживалкахъ у какой-то еперальши мать эта жила. Выкрала меня барышня изъ анбара. Выли, выли старухи хоромъ, совѣщались, душечка ты моя, съ разными господами и чиновниками, и рѣшили насъ, братецъ, по-просту, тоже повѣнчать. Да чего ты это смотришь? именно повѣнчать; мнѣ выхлопотать обѣщали вольную. А баринъ и заартачился. «Не дамъ, говорить: она нашъ родъ опозорила, съ холуемъ повязалась, такъ пусть останется моею холопкою-крестьянкою, коли вѣнчаться захочетъ!» Ну, насъ не повѣнчали. Такъ мы и остались. Зажили это мы съ нею, не скажу весело, а сносно. По богомольямъ ѣздили; я въ манишкахъ, въ перчаткахъ, какъ слѣдуетъ, хожу: трубку при господахъ курю, даже фракъ мнѣ справили! Только и стала меня ревновать эта моя барыня-подруга. И не буду я тебѣ, душа, много рассказывать. Одинъ-таки пьяный погъ насъ повѣнчалъ. Любовью да ревностью задала тогда мнѣ моя жена за годъ такой копоты, что я и призадумался. Оно, конечно, я спалъ не пуховикахъ, ѣлъ сытно; нашъ же Сережка, съ которымъ я прежде въ бабки играть, купать намъ подавалъ. Я ему кричу: «Э-эй, малый, трубку!» А онъ ни гу-гу; въ сѣняхъ только иной разъ кулакъ, шутникъ, покажетъ. Жили мы въ городѣ, на краю, на квартирѣ у дьяконицы. Иной только разъ завалишься въ кабачокъ и закутишь съ мѣщанами да съ мужичьемъ: деньги были. Я вакштафъ курилъ, говорю тебѣ, въ карты въ приферанецъ съ чиновниками вывчился, въ халатѣ сидѣть по цѣлымъ днямъ. А она все меня цѣлуетъ, да мучитъ ревностью. «Ты, говоритъ, Матрену нашу прежде любилъ, съ Парашкой знался! Правда это? При-

знайся, говоритъ, признайся!» Да все грызетъ и плачетъ. Опротивѣла она мнѣ; стала я и бивать ее подчасъ. А люди добрые, мошенники городскіе, и посовѣтовали: «Обокрадь ее да и убѣжи!» Ну, красть я не красть, а бить—отпороть единожды въ спальнѣ нагайкою; сказано, опротивѣла мнѣ, такъ за косы ее и таскалъ, бимши! Она ничего, стала тише, руки мнѣ кѣдаетъ... А тутъ я и получилъ изъ Таганрога записочку отъ одной красотки: тамъ въ модникахъ жила, и мы въ бѣгахъ знали. Взманула меня опять волюшка. «Эхъ,—подумалъ я,—бѣсъ вась подери, пуховики да супы, да лежанье одно, да панскія розказни!» Стала я больно суровъ... У! натерѣлась она тогда отъ меня! А на второмъ году я и даль тягу, ужъ окончательно, да съ той поры се и не видѣлъ.

— Что же, дядько, а она гдѣ теперь стала?

— Умерла, сказуютъ, братецъ, въ скорости, безъ меня! Вѣдь это давно было. Я холостъ ужъ вотъ четвертый годъ. Возвращался къ барину. Да ужъ въ другой разъ не поладили. Сильно я ему грубилъ и досаждалъ. Баринъ повѣстки обо мнѣ разослалъ, какъ я бѣжалъ. Ловили меня, приводили снова разъ къ нему; жены я не засталъ ужъ тогда. Сосѣди совѣтовали ему: «дай вольную Васькѣ!» Не даль! Ну, а я ужъ, душечка, подумай, покурилъ вакштафу — домой-то, значить, къ пану своему больше и не хотѣлось. Ну, съ той поры по сей день, четвертый годъ, и состою въ бѣгахъ. Дѣтей, видишь ли, не произвелъ, не осталось. Родня женина срамится, должно-быть, и вспомнить меня. Хоть и мнѣ странно вспомнить это ихъ всѣхъ. Скверные, братецъ, люди! Да я-то теперь ужъ разбогатѣть хочу, показать себя имъ всѣмъ, что я за человѣкъ! Что жъ, что я холостъ, такъ и не вѣнчать? Панъ вольной не даль, ну, и стѣннилъ тѣмъ насъ. А будто трудно было подмахнуть бумагу? Ну, я же имъ это покажу, и безъ нихъ обойдемся! Разбогатѣю вотъ какъ! Сторука это такая, что только трудись.—золото лопатами тутъ всѣ загребають...

Оба товарища на этомъ заснули. Ночью Левенчуку все казалось, будто что-то шелестило въ стени, точно конь близко гдѣ-то силится оторваться отъ привязи, оторвался и, фыркавая, все бѣгалъ впопыхахъ. Разъ онъ открылъ глаза. Надъ нимъ висѣло темное-темное, усыпанное звѣздами, небо. Голосъ какой-то птицы уныло охалъ вдали. Кузнечики тре-

щали. А въ мысляхъ его было смутно. Глаза горѣли, въ вискахъ стучало. Покинутая родина и чужая даль сжимали бѣдное, нануганное сердце.

Разбудили ихъ пѣсни жаворонковъ и все крылатое население степи, сверкавшей подъ каплями крупной утренней росы. Голубые туманы переливались вдаль. Слѣва шли волнистые зеленые косогоры. Справа синѣло не то море, не то та же безконечная, будто въ гору идущая, степь. Что-то отдавалось уже не украинскими, простыми и тихими картинами, а чѣмъ-то инымъ...

— Видишь эти пустыри? — допытывалъ Милорѣденко: — много я тутъ помыкался! Въ Москвѣ теперь я прожилъ два года, а сколько уже здѣсь переменъ. Вонъ, видишь, ужъ хуторокъ лѣпится подъ балкою, садикъ разводятъ, прудъ мигомъ вырыли, мельницу-вѣтрякъ ставятъ, пашки горницы строить. А два года назадъ тутъ одна степь была. Теперь и дорогу туда протоптали. Такъ и при запорожцахъ тутъ заимки занимали. Вся наша и земля тутъ старозаночными хуторами стала. Наши предки съ тобою тоже сюда пришли и закрѣстились. Ну, а мы съ тобою ужъ теперь вольные...

Миновавъ еще два-три пустынные аула, пѣшеходы вошли въ область разнообразныхъ новороссійскихъ колоній и подъ вечеръ очутились у знаменитаго порубежнаго въ краѣ шинка «Лысой Ганны», котораго такъ боялся Милорѣденко. Въ шинкѣ и кругомъ шинка, близъ байрака, сновали какіе-то люди. Фургоны стояли, волю паслись, верблюды шагали къ водоюю. Мелькали татары въ бараньихъ шапкахъ. Двери въ шинокъ были распахнуты настежь. Волянка и двѣ скрипки бречали у крыльца. Музыканты были слѣпые нищіе. Старшій изъ нихъ затягивалъ подъ музыку пѣсню: «Ой, фортуно, фортунонько! де до тебе стежка?» Милорѣденко ввелъ Левенчука въ шинокъ, ткнулъ пальцемъ на бородатаго жида-шинкаря, сказавъ: — «Вотъ это жъ и Лысая Ганна!» — узналъ двухъ-трехъ сосѣднихъ знакомыхъ и заметался.

— Всечестнѣйшая и преблагородная компанія! — сказалъ онъ: — цѣлуйте меня, я Александръ Дамскій и опять между вами. Лейба, шельма, водки!

— А! это ты, Дамскій? — отозвались его пріятели изъ побѣдителей Лейбы, все народъ мрачный и бѣдовый. — Гдѣ былъ? откуда пожаловалъ?

— Изъ Кіева, антихристы, изъ Кіева; а былъ и въ Москвѣ, милочки. Дважды нажился въ это время и дважды продулся! Да межъ вами доносчиковъ нѣтъ?.. Тронь меня, я и ножомъ теперь пырну,—не замай! жить хочется, жить давайте мнѣ—я теперь вольный человекъ! Пришелъ это мимоходомъ къ барину къ своему на хуторъ, говорю: полно биться, будемъ мириться. А онъ, какъ положилъ, и всыпалъ мнѣ двѣсти. Я опять тягу.

Чего только ни дѣлалъ тутъ Милороденко. Помня зарокъ пріятели, Харькъ сперва-было воспротивился просьбамъ его дать денегъ. Но уже Александръ Дамскій хлебнулъ горькухи и преобразился. Про розги и свиданіе съ бариномъ онъ вралъ для щегольства. Изъ веселаго и кроткаго человека—это сталъ звѣрь: ноздри раздулись, лицо поблѣднѣло. Онъ свисталъ, прыгалъ, давалъ пріятелямъ пинки, кричалъ: «Воля, воля! Я вѣдь вольный!»

— Ахъ ты, хохоль-свинопасъ! — крикнулъ онъ на всю хату Левенчуку.—Слышите, добрые люди, денегъ не даетъ!

И ни слова дальше не говоря, попотчивалъ спутника страшною затрепщиной, далъ пинка въ спину, а потомъ въ животъ... Со сверкающими глазами, со скрежетомъ зубовъ и растрепанный, отнял онъ подъ-вечеръ у перепуганнаго и избитаго Харькъ всѣ свои деньги и пустилъ пиръ во всѣ заставки.

Левенчукъ ждалъ два дня, наконецъ, выпросилъ у шинкаря кусокъ хлѣба и пошелъ куда глаза глядятъ. Событіе съ нимъ никого не удивило. Его насмѣшливо обходили, какъ новичка.

Приставши безмолвно къ первой партіи косарей, онъ обрадовался, что его ни о чемъ не спрашивали и ему ничего не говорили, и прокосилъ у какого-то колониста болѣе недѣли. Потомъ его направили по сосѣдству, къ помѣщику, полковнику Панчуковскому.

Левенчукъ пошелъ указанною дорогой, скоро нашелъ на Мертвыхъ-водахъ Панчуковскаго, увидѣлъ среди степи его новый красный кирпичный домъ, кругомъ котораго возводили высокую каменную ограду, а въ сторонѣ кирпичную, съ фронтонами и подъ желѣзною крышею, огромную овчарню. Вся усадьба, какъ видно, только-что обзаводилась и напоминала скорѣе ирландскую или саксонскую ферму, чѣмъ украинскій задгіпровскій хуторъ. Левенчукъ пришелъ прямо

къ панскому крыльцу, гдѣ уже дожидались другіе. Вышелъ господинъ молоденькій, съ бѣлокурыми усиками, франтовато одѣтый.

— Здравствуйте, ребята! — сказалъ онъ бойко, по-военному. — Много васъ пришло?

— Шестьдесятъ, ваше высокоблагородіе.

— И все больше нашего поля люди? — спросилъ и весело подмигнуть полковникъ.

— Точно такъ.

Полковникъ, увѣрившій всѣхъ, что тотъ не хозяинъ, кто не выросъ подъ крѣпкою командой и самъ не выучился повелѣвать, умѣлъ-таки владѣть приходящими къ нему.

— Ну, милые люди, будьте же гостями! Завтра сѣнокосъ за рѣчкой; у кого пачпорта нѣтъ, тому цѣна полтина ассигнаціями въ день; у кого есть — полтина серебромъ. Ступайте въ контору, выпейте по чаркѣ водки и цѣка маршъ на токъ молотить!..

— Рады стараться! — гаркнули пришедшіе и пошли въ контору, хваля ласковость и бойкость умѣлаго господина.

Левенчукъ въ конторѣ записался на мѣсяць. Взволнованный и все еще въ туманѣ отъ небывалой новой жизни, онъ очутился съ хозяйскимъ цѣпомъ въ рукахъ на току, сталъ постукивать по снопамъ, глянулъ въ сторону и обомлѣлъ... Милорѣденко! Онъ глазамъ своимъ не вѣрилъ. Въ какой-то дырявой нищенской свиткѣ, съ блѣднымъ испитымъ лицомъ и потускнѣлыми глазами, брошенный въ шинкѣ «Лысой Ганны» недѣлю назадъ, его вожакъ и товарищъ былъ уже тутъ и также тыкалъ цѣпомъ въ снопы, въ двухъ шагахъ отъ него. Улучивъ минуту, Харькѣ поровнялся съ нимъ и шепнулъ, подсмѣиваясь и вмѣстѣ пугливо поглядывая на него:

— А что, дяденька, и вы тутъ?

— Тутъ, — отвѣчалъ тотъ со вздохомъ и, тихо повернувши тусклые и испитые глаза за клюню, кивнулъ туда головой.

Оттуда неслись хлопанья кнута и крики. Кого-то сѣкли, а полковникъ, громко считая удары, приговаривалъ въ антрактахъ наставленія, то сердясь, то весело причитывая прибаутки.

— Кого это, дядюшка? — спросилъ пугливо Левенчукъ.

— Товарища тамъ нашего одного; я угомонился, видишь ли, — а тотъ и сегодня пьянъ напился, и барину здѣшнему

пагрубилъ на работѣ, да и съ приказчикомъ тутъ не поладилъ...

— Такъ и здѣсь, дядюшка, съкутъ? Тутъ же мы на волѣ?

— Охъ, и тутъ! порядки эти и здѣсь заводятся, видишь! Давно я тутъ не былъ; ну, безъ меня оно такъ и стало. Да ты на то не смотри: полковникъ добрый человекъ; отчего же и не пошлешь дурака нашего брата? хуже, какъ въ станъ явить, а ты бѣглый!

— По чемъ же вы стали?—спросилъ Левенчукъ.

— По гривеннику...

— Отчего такъ мало?

— Среди недѣли, видишь ли, пришелъ и одежду еще хозяйскую занялъ. Чтѣ дѣлать. И на это тутъ иные порядки на бѣглыхъ стали. Прогорѣлъ я; ну, да авось поправимся скоро!

— Вы же толковали про медь да сало, дяденька? Гдѣ жтъ горы и мѣста, что кормятъ и поятъ вдоволь, и гдѣ та воля житье и сама промежду людьми ходить? И тутъ, какъ у насъ на панцинѣ!

— Э, подожди, не все разомъ! А пробоваль, Хоринька, борцику съ сальцемъ или съ свѣжей таранью? Тутъ по близости и ловятъ эту рыбу. А?..

— Пробоваль.

— А что, вкусна?

— Рыба вкусна, да и работа вкусна; у насъ дома такъ рано не встають и поздно не ложатся. Тутъ все построже. Заглядѣлся—и гонять. А рыба вкусна...

— То-то же, голубчикъ, Хоринька! Да слушай: какъ бы онохмелиться? Откажись сегодня отъ порціи своей для меня... Я тебя отблагодарю; а съ завтрашняго дня ужъ я ни-ни... ни капли! Вѣдь ты знаешь, что я только тогда пью, какъ сюда на волю вырвусь! Прости ты и мои побои въ шинкѣ. Сказано: человекъ дорвется до безопасности, паномъ сталъ самъ, ну, и пропадай душа!

Хоринька отказался отъ своей порціи, и Милорѣденко опять повеселѣлъ, хотя цѣномъ стучалъ по снапамъ до вечера молчаливо и никого не смѣшилъ и не озадачивалъ своими шутками.

Дни потекли незамѣтно. Вся почти артель полковника, человекъ въ двѣсти, состояла изъ бѣглыхъ; они часто мѣнялись, уменьшались въ числѣ. Были изъ нихъ и постоян-

ные, нанятые по годамъ и болѣе. Тутъ былъ значительный рискъ. Они жили въ особыхъ избахъ и землянкахъ. Пуританскіе, чистые нравы этого народа не допускали на работѣ никакихъ ссоровъ и ослушанія. Все шло какъ на ученьи рекрутъ и на глазахъ самого свирѣпаго командира. Ночевали лѣтомъ работники подъ открытымъ небомъ, гдѣ-нибудь по близости въ оврагѣ, прятались въ току или въ овчарномъ сараѣ. Становой, купленный здѣсь не дешево, очевидно, нарочно сюда не заглядывать. Но жизнь бѣглой артели была вѣчною тревогою, вѣчнымъ ожиданіемъ. Вотъ налетятъ,—въ кандалы, по этапу—и маршъ обратно въ постылые хутора, на работу!.. Расплативались съ бурлаками еженедѣльно, по субботамъ. Зато въ воскресенье было уже ихъ время. Иные и тогда работали за половинную цѣну, другіе расходились по сосѣднимъ и дальнимъ шинкамъ, поить и небалагурить съ цанлывыми же, бѣглыми дѣвчатами.

— Да! — говорилъ какой-то рябой, въ красной рубахѣ, богатырь, также изъ бѣглыхъ, напившійся у Панчуковскаго:—вы вотъ, ребята, спокойны: полковникъ—человѣкъ-огонь, и начальство свое, должно-быть, для насъ ублажаетъ! А вотъ я намедни у нѣмца за Мертвою молотилъ, слышимъ — звенитъ колокольчикъ. Нѣмецъ вбѣжалъ, кричитъ: «кто бродяга, маршъ въ поле!» Мы бурлаки, по-за скирдами, да въ ровъ. А становой за нами, всѣхъ перевязать... Насилу откупилися нѣмецъ: пятьдесятъ червонцевъ, сказуютъ, далъ. У моего пана на Ворсклѣ я кучеромъ былъ, ужъ тотъ за насъ, такъ не потратился бы...

— Ну, нѣтъ! — бесѣдовать, въ свой чередъ, покуривая трубочку, Милорѣденко:—какъ имъ, чиновникамъ, не разыскать насъ, коли-бъ сами паны не думали откупиться за насъ! не то что людей съ собаками,—собакъ людьми отыщутъ, коли захотятъ! Чутье ужъ у нихъ такое! — Толпа захохотала.

— Какъ такъ? Расскажи..

— А вотъ какъ. Былъ у насъ не тутъ-то, на вашей вольной земелькѣ, — а у насъ, въ панской нашей Расселѣ, былъ въ уѣздѣ судья, отличный, распродобрующій и еще молодой человѣкъ, и жена у него писанная красавица; на-ѣхали разъ къ судѣ гости, значить, ближніе и чужіе дворяне, и въ-скорости пропала у него, послѣ ихъ съѣзда, нара

лучшихъ собакъ,—а онъ былъ занятый охотникъ. Не было тогда судьи дома. Кто украсть? — «Кто-нибудь изъ гостей, значить, побаловаль!» — «Ну, красть дворянамъ не полагается!»—думала судыха; да, долго не думавъ, выслѣдила черезъ людей дорожку въ сосѣдную губернію, куда увели собакъ, велѣла запрячь карету, сѣла сама молодочка, да и покатила туда. Уговорила тамониняго исправника, подѣхала къ тому господину, по-просту, значить, укравшему собакъ, сама остановилась на селѣ, а исправникъ пошелъ къ нему да и накрылъ собакъ, въ самой то-есть спальнѣ у пана, тамъ—подъ его брачною кроватью; первое время онъ тамъ держалъ собакъ—погоня боялся. Взла тогда барыня собакъ, посадила ихъ съ собою въ каретку, отблагодарила исправника и поѣхала. Такъ-то!.. Не унесутъ тебя ни лисьи хвосты, ни собачьи пятки, коли тутъ тебѣ сами кавалеры не помогутъ... Этакая судыха, хоть кого найдетъ!

Въ первое же воскресенье Левенчуку удалось быть близъ одной сосѣдней приморской зажиточной слободки, въ одинокой заимкѣ, на песчаной косѣ, на свадьбѣ одной дѣвочки, вышедшей за неводчика, какъ видно, изъ бѣглыхъ. Отецъ ея тоже былъ напывной, изъ бѣглыхъ. Левенчукъ не вѣрилъ своимъ глазамъ. Невѣста и ея подружки, сосѣднія вольныя крестьянскія дѣвушки, сидѣли въ кисейныхъ французскихъ платьяхъ. Молодая вѣнчалась въ шелковомъ канаусѣ и въ наколкѣ изъ бархатной синели. На свадебномъ столѣ стояли тарелки съ конфетами изъ Таганрога. Гостямъ разносили кизлярское, а бродячіе музыканы играли польку и кадрили изъ самоновѣйшей оперы Верди, завезенной прямо изъ Тосканы въ Одессу.

— А-а? вѣдь все изъ вольныхъ, либо изъ бурлаковъ!—шепталъ Милорѣденко очарованному Левенчуку, когда они протерлись въ толпу смотрѣть на молодыхъ:—посмотри, всѣ дѣвки сидятъ въ перчаткахъ, а молодой при часахъ!.. Это, другъ, не чета нашей хохланди, гдѣ потомъ пахнетъ отъ каждой, братецъ, дѣвки, какъ отъ козла!

На крыльцѣ же, на свѣжемъ воздухѣ, въ толпѣ усердныхъ слушателей, какой-то тщедушный, загнаный старикашка рассказывалъ, какой у нихъ на селѣ, возлѣ Тамбова, генералъ былъ: «Какъ подашь ему это, бывало, либо трубку въ пыли, либо воды теплой намиться,—такъ и пуститъ въ тебя чѣмъ-понало, трубку, стаканъ ли, тарелку ли,

что держитъ, такъ въ рыло и угодить тебѣ. Мнѣ морду разъ окрованилъ такъ, что стыдно было въ люди показаться!»

— Скоро воля будетъ, пачпортовъ не будетъ, — мрачно говорилъ другой: — не будетъ неволи, и пачпортовъ не будетъ.

— Ну, да въ Нахичевани теперь и те ихъ всякому продаютъ! — откликнулся на это кто-то: — значить, воля близко!

— Э, братцы! — говорилъ возлѣ долговязый паренъ изъ толпы, въ нанковомъ жилетѣ и пальто, купленномъ у какого-то жидка на торгу: — какъ затѣялъ бѣжать я сюда, наша барыня будто подопрѣла; вотъ сущее слово, подопрѣла, точно снѣжокъ по веснѣ подалась. Старостѣ чай стала давать, намъ водку на работѣ! Да нѣтъ, теперь ужъ шабашъ!.. Шабашъ, не пойду!

Музыканты заливались. Скрипки весело пиликали. Разносили пуншъ съ кизляркой. Пьяный сосѣдскій поваръ, накормивъ всю компанію, съ важностью барина, пыхтѣлъ и курилъ трубку изъ длиннаго армянскаго чубука, развалился у крыльца, на травкѣ.

— Медамъ, медамъ! перметѣ-сь, ангажѣ, — полька! — говоритъ кто-то, взявъ смазливую горничную подъ руку и иди съ нею сквозь толпу. Толпа на эти слова громко захохотала. Левенчукъ посмотрѣлъ — Милорѣденко.

— Ты и по-иностранному знаешь?

— Знаю! Супруга вывчила.

И долго шли танцы подъ вербами.

Мѣсяцъ освѣтилъ дворъ хаты и рядъ крышъ слободки. Толпа прогуливалась. Дѣвицы хихикали. Милорѣденко, на-танцовавшись польки, утиралъ потъ съ лица.

— Да вы бы, сударь, тренака ударили! — говорили ему зрители.

— Нельзя, я бариномъ два года былъ: тренакъ — халуцское дѣло.

Поздно ночью онъ нашелъ товарища.

— Что, Харько, все о своей Варькѣ думаешь? Чего осовѣлъ? — свирѣпо спросилъ онъ Левенчука: — глянь, какое веселье! А ты все о Варькѣ своей, о бабѣ покойной убиваешься, — а?

— Нѣтъ, не о Варькѣ, а такъ — скучно!

— Глянь-ка на молодую: что за красивая бабенка! хо-

чешь и тебѣ смастеримъ? — спросилъ Милорѡденко. — Тутъ только мигни, можно!

— Нѣтъ, скучно мнѣ, — ничто не манить! Да ты и смѣлѣе меня; а мнѣ все какъ-то жутко...

— Ну, такъ поцѣлуемся!

И пріятели обнялись.

— Такъ будемъ трудиться, чтобъ разбогатѣть; богатъ, значить волея!

— Будемъ. Надо устроиться, а то все страшно — стало строже все...

— Спасибо за дружбу! — добавилъ Милорѡденко: — а за уступленную порцію — тогда, помнишь? — вдвое спасибо! Я не забуду тебѣ этого, Хоринька. Кликни только, встрѣтимся ли, нѣтъ ли: удружу и я тебѣ! Помни! А теперь дамъ совѣтъ: хочешь на лиманы, на Донъ, къ морю?

— А что?

— Тамъ скорѣе деньгу теперь зашибешь: тамъ контрабанду теперъ свозятъ.

— Нѣтъ, погоди; огляжусь прежде здѣсь... Ты смѣлѣе меня — ты дока на все...

— Ну, какъ знаешь. А за водку спасибо. Не забуду тебя. Я же, братъ, прощай! Товарищи передали, зовутъ къ неводамъ въ гирла донскія. У меня, коли тихое житье, скучно; я ужъ попорченый. Мнѣ давай такую волю, чтобъ хмелемъ прошибало, чтобъ духъ отъ нея захватывало. Тамъ и страшно, да зато же и заработокъ хорошій. А мнѣ ужъ пора и на старость что припасать, нору свою завести. Хоть бы такъ, зернышка какого, какъ зайцы на зиму припасаютъ, да суслики... Не даромъ же я теперь навѣки бросилъ и барина, и всѣхъ своихъ! Хочу остепениться, земли постѣ куплю.

II.

Бѣглецы вышаго полета.

Прошло три года.

Была прелестная степная майская пора. По дикому и пустынному пути, между Днѣпромъ и Мелитополемъ, быстро скакать въ колясочкѣ, на четвернѣ добрыхъ лошадокъ, видный и веселый блондинъ, въ широкой соломенной шляпѣ,

съ бородкою и въ свѣтломъ пикейномъ сюртучкѣ. Его можно было принять за горожанина-афериста или помѣщика. Онъ разсматривалъ виды по сторонамъ дороги. Фу, какая глушь! Нагайско-татарская степь шла вправо и влево, изрѣдка только волнуясь и склоняясь погорѣлыми отъ зноя травами, камыщами и песчаными косами къ синему, ярко горѣвшему морю. Здѣсь, по приземистой травѣ, мелькали высокіе свѣтло-желтые, сііе и красные цвѣты, сплошь заливая собою необозримыя поляны. Какъ бы вы ни смотрѣли, куда бы ни бинули напряженный взоръ — одни поля, голубые холмы у небосклона, да мелкія, въ огненной лазури потопленные, облачка. Кое-гдѣ только темнѣють вдаль, по сторонамъ, одинокія овчарни, откуда, завидя рѣдкаго путника, вдругъ кинутся стаей громадныхъ пастушьи собаки, темными черточками вытянутся по стени, и вотъ-вотъ, кажется, наступаютъ васъ. Но разстояніе такъ далеко, что онѣ скоро останавливаются, и, свернувши свои косматые хвосты, возвращаются назадъ. Бѣлыми пятнами ходятъ безчисленныя дрофы по дикимъ, плугомъ нетронутымъ, пустырямъ. Коршуны высоко плаваютъ въ небѣ. Пестрые, флегматическіе аисты сторонятся отъ дороги, чуть не задѣваемые колесами, да широко раздается во всѣ стороны вѣчный свистъ, стонъ и шорохъ степи.

— Самусь! это будто ѣдетъ кто намъ навстрѣчу?—спросилъ баринъ кучера.

Сѣдой, какъ лунь, кучерь наставилъ ладонь къ глазамъ.

— Богъ его знаетъ, что оно такое! не то колонистъ на телѣгѣ, не то коровъ гонять! Тутъ его никакъ не разберешь, что оно въ стени.

Скоро путникъ разглядѣлъ въ мерцающей дали извѣстный зеленый, на желѣзныхъ осяхъ, фургонъ колонистовъ, и къ немъ ѣздока и возницу. Фургонъ остановился, путникъ что-то въ немъ поправилъ.

— Что, обломался? — спросилъ господинъ изъ коляски, приближаясь къ фургону.

— Да соскочила, — отвѣтилъ колонистъ: — съ кѣмъ имѣю честь говорить?

— Подполковникъ гвардіи въ отставкѣ, Владиміръ Алексѣевичъ Павловскій. А вы кто, позвольте узнать?

Колонистъ снялъ шляпу и отвѣтилъ, отчетливо выговаривая по-русски и улыбаясь:

— Колонистъ, Богданъ Богданычъ Шульцвейнъ, изъ-подъ Орѣхова, изъ колоніи Граубинденъ, коли знаете; ѣду теперь изъ-за Ростова.

— Очень радъ познакомиться. Не курите ли? Вотъ вамъ сигара, Богданъ Богданычъ, чистѣйшая кабанась...

— Нѣтъ, я вотъ сарептскій; я нюхаю-съ! Это—табачокъ очень тоже ароматный. Мы его сами и съѣмъ въ колоніяхъ нашихъ-съ.

— Что новаго на морѣ? Что хлѣбъ?

— Съ пшеницей вяло, со льномъ крѣпко; сало идетъ вверхъ, фрахтовыхъ судовъ мало, конторы жмутся.

— Ай! это не совсѣмъ хорошо!

Сѣли путники на травку, достали кое-какую закуску. Кучера тоже познакомились, закурили тютюнъ и повели бесѣду.

— Куда вы собственно ѣдили?—спросилъ небрежно Панчуковскій, не смотря на простоватаго, засаленнаго собесѣдника и покручивая хорошенькіе русые усики. Онъ усталъ отъ дороги. У его товарища, между тѣмъ, хотя уже пожилого человѣка, румяное полное лицо такъ и отливало густымъ молокомъ менонитской, нѣкогда питавшей его, кровной коровы; фланелевая фуфайка была чистѣйшаго табачнаго цвѣта, синяя куртка вся въ пятнахъ, а синіе штаны были засунуты въ высокіе купеческіе сапоги, не безъ аромата дѣгтя.

— По дѣламъ-съ, господинъ полковникъ—извѣстное дѣло, мы минуты свободной не имѣемъ: либо дома мозолимъ руки, либо по стѣнямъ оси тремъ на своимъ фургонахъ.

— Какія же у васъ дѣла?—спросилъ еще небрежнѣе полковникъ. — Все, я думаю, насчетъ картофеля? «Картофель ундъ пантофель», какъ мы говаривали еще въ школѣ надзирателю изъ вашей братьи?

— Какъ какія? всякія. Мы народъ торговый-съ.

— Значитъ, и овощами торгуете, и саломъ, и табаккомъ?

— Торгуемъ всѣмъ! Всѣмъ, либеръ герръ, всѣмъ!

Колонистъ всталъ помочь кучеру перепрячь лошадей. Полковникъ прилегъ на травѣ, поглядывая съ улыбкой на уходившія пятки товарища, подкованныя мѣдными гвоздями, и помышляя: «Вотъ стадо барановъ! Я думаю, женился въ семнадцать лѣтъ, и жена его теперь тоже на овцу похожа: ѣсть индѣекъ съ медомъ, чулки даже во снѣвикеть!»

— Что же у васъ за дѣла, скажите? — опять спросилъ онъ колониста, подсмѣиваясь.

— Да что, батюшка, — на-дняхъ купилъ я землю; вотъ что неподалеку отъ Николаева, близъ помѣстья герцога Ангальтъ-Кеттенъ; съѣздилъ потомъ на Донъ, принять степи для нагула овецъ, да не удалось — надо подождать, когда снимутъ сѣно; а теперь ѣду купить, коли придется, съ торговъ, въ Николаевѣ наши бывшія батареи, то-есть разный хламъ съ севастопольскихъ батарей: дерево, обшивку, брусья, а пожалуй, и чугуны. Наше дѣло коммерческое: чтó попадетъ подъ руку, всѣмъ торгуемъ. Ничѣмъ не пренебрегаемъ и времени не упускаемъ. Вы знаете нашу пословицу: моргенъ, моргенъ, удѣ нихтъ хейте...

— Загенъ алле фауле лейте? Какъ не знать! Но скажите, зачѣмъ вамъ еще степи за Дономъ? Гдѣ, позвольте, у васъ собственная-то земля? Извините, я не разслышалъ...

— Мейне эйгене арде, моя собственная земля есть и подъ Граубинденомъ, и въ другихъ округахъ, да мѣста стало уже намъ, колонистамъ, мало. Такъ-то-съ, не удивляйтесь! Наши кое-кто уже въ Крыму ищутъ земель, на Амуръ послали депутатовъ присмотрѣться насчетъ занятія земель подъ колоніи. Засуха, — ну, и надо перегнать часть овцы на лѣто за Донъ.

— Сколько же у васъ овечекъ?—спросилъ Панчуковскій, пощипывая усики и смотря на это кроткое, румяное лицо, и зѣвнулъ. — Да не хотите ли масла, колбаски? Вотъ вамъ масло, вотъ хлѣбъ! Я совсѣмъ усталъ отъ дороги. Не хотите ли? вотъ ножикъ. Я тоже все хлопочу, строюсь...

— Благодарю!—отвѣтилъ кудрявый колонистъ, оправляя свои бѣлокурые, съ просѣдью уже, нѣмецкіе пейсы, выбивавшіеся изъ-подъ барашковой шапки, и принимаясь за масло:—у меня овцы довольно, о, очень довольно...

— Сколько же?

— У меня семьдесятъ-пять-тысячь головъ овцы въ разныхъ мѣстахъ-съ...

Панчуковскій приподнялся на локтѣ.

— Что-о-о? Какъ-съ? Сколько? Я не разслышалъ!—сказалъ онъ и заикнулся, подобно незабвенному Манилову, нѣкогда пораженному сказочной профессіей Чичикова, по покупкѣ мертвыхъ душъ.

— Семьдесятъ-пять-тысячь головъ-съ мериносовъ!—отвѣ-

тилъ опять смиренный собесѣдникъ и сталъ копаться въ котомкѣ, укладывая остатки провизіи. — Но, мейнъ либеръ герръ, какъ здѣсь ни хорошо, а скучновато; все въ Германію тянется... Мы здѣсь чужіе!

Духъ захватило у Панчуковскаго. Мигомъ въ его головѣ мелькнули соображенія: «Если у него семьдесятъ-пять-тысячъ мериносовъ, то сколько же онъ долженъ получить дохода? На худой копецъ по цѣлковому съ головы, итого семьдесятъ-пять-тысячъ рублей серебромъ. Двѣсти-пятьдесятъ тысячъ рублей ассигнаціями, четверть милліона въ годъ!»

И онъ окинулъ взглядомъ колониста съ головы до ногъ, какъ бы соображая, какъ такое засаленное существо могло владѣть такимъ богатствомъ, и прибавляя про себя:

«А вѣдь все-таки, наживясь, уйдетъ въ Германію! сколько волка ни корми, улизнетъ въ лѣсъ»...

— Да вы не шутите?—сказалъ онъ и сѣлъ.

Колонистъ засмѣялся. Бѣлые зубы, напомнившіе корову, такъ и осклабились до полныхъ, загорѣлыхъ ушей.

— Нѣтъ, не шучу!

Панчуковскій, летѣвшій изъ Петербурга въ степи за паживой, бросившій для барышей модный свѣтъ, щегольскихъ товарищей, оперу, Невскій проспектъ, французскіе водевили и комфортъ всякаго рода, — неволью вздохнулъ, придвинулся къ собесѣднику, вертѣвшему въ грубыхъ рукахъ замасленную барашковую шапку, и сказалъ:

— Вы колонистъ, и я колонистъ. Мы оба Колумбы и Кортесы своего рода, или скорѣе бродяги и бѣглецы изъ родныхъ мѣстъ за паживой. Мы колонизаторы дикаго и безлюднаго края. Намъ тѣсно стало на родинѣ, на сѣверѣ—ну, мы и бѣжали сюда. Вѣдь такъ?

Колонистъ аккуратно и громко высморкался.

— Э! что тутъ говорить! Какъ ни говори, а нѣмцы вамъ нужны. Вотъ, мы первые здѣсь овцеводы. Земля тутъ прежде гуляла, а теперь не гуляетъ. Наши колоніи садами стали, мы вамъ лѣса разводимъ, оживляемъ ваши пустыни...

— Сколько же у васъ земли?—допытывалъ полковникъ.

— Около тридцати тысячъ десятинъ собственной; а то еще арендую у сосѣднихъ нагайцевъ и у господъ дворянъ.—Фрицъ, достань мнѣ табачку въ табакерку!—крикнулъ онъ кучеру:—на дорогу свѣженькаго подсыпшемъ. Такъ-то-съ!

Долговязый Фрицъ принесъ кожаный мѣшочекъ и сталъ сыпать табакъ въ табакерку хозяина.

Колонистъ, между тѣмъ, еще присѣлъ, опять намазаль масла на хлѣбъ, присыпаль зеленымъ сыромъ и сказалъ:

— А вы здѣшній? Зачѣмъ вы службу бросили? Вамъ уже скоро и генераломъ бы легко быть!

— Я тутъ тоже теперь кое-чѣмъ маклакую. Хуторъ устроиваю, землю купилъ, хлѣбопашество наймомъ веду. Вѣдь я тоже, повторяю вамъ, колонистъ, бродяга; бросилъ старый, скучный сѣверъ.

— Ну, такъ будемъ же знакомы. Мы одного поля ягода! Ваша правда-съ! Только станеть ли у васъ столько-съ охоты и труда? У меня и свои корабли теперь тутъ есть. Два года уже какъ завелъ. Самъ на своихъ судахъ и шерсть съ своихъ овецъ прямо въ Бельгію отправляю.

— Ахъ, какъ все это любопытно! Позвольте: у васъ, значить, и свои конторы есть въ азовскихъ портахъ, въ Бердянскѣ, въ Мариуполѣ, въ Ростовѣ.

— О, нѣтъ! Это все я самъ!—говорилъ колонистъ, чавкая и добродушно жуя хлѣбъ съ масломъ. — Зачѣмъ намъ конторы? Я поѣду и отправлю хлѣбъ или шерсть; потомъ опять поѣду и приму заграничный грузъ. А то и моя жена поѣдетъ. О, у меня жена добрал!

— Какъ, и она? ваша жена тоже коммерціей занимается?

— Да; вы не вѣрите? вотъ зимой изъ Николаева она мнѣ на санкахъ сама привезла сундукъ съ золотомъ; и хлѣбъ туда поставлялъ. Такъ вотъ — запрягла парочку, да съ кучеромъ, вотъ съ этимъ самымъ Фрицемъ, моимъ племянникомъ, и привезла. Зачѣмъ пересылать? Еще трата на почту...

Полковникъ посмотрѣлъ на Фрица: рыжій верзило тоже смѣялся во весь ротъ, а колонистъ, какъ на товаръ, приглядывался на щегольской нарядъ красавца-полковника, на его перстни, пикейный сюртучокъ, лаковые полусапожки, узорные чулки, бѣлую соломенную шляпу и первѣйшей моды вѣнскій фазтончикъ. Два давнишнихъ противоположныхъ полюса русскихъ дѣловыхъ людей, эти два лица сильно занимали другъ друга.

— Вы отлично говорите по-русски, — сказалъ полковникъ:—давно ваша семья переселилась, или, такъ сказать,

бѣжала изъ родной тѣсноты въ Россію? Извините, это меня сильно занимаетъ; повторяю вамъ снова, я тоже вашъ собратъ, переселенецъ, а по нашимъ русскимъ понятіямъ — бѣглець! Мы теперь тоже за умъ беремся, да ужъ не знаю, такъ ли? Что-то въ насъ много еще дворянскаго; можетъ отъ того, что мы бѣглецы по волѣ, съ паспортами...

— Мой дѣдъ, видите ли, переселился при графѣ Сперанскомъ, около сорока лѣтъ назадъ; мы пѣшкомъ пришли сюда, съ котомками, дѣдъ и отецъ мой несли старые саксонскіе свои сапоги за плечами, а отецъ мой, послѣ него, еще двадцать-пять лѣтъ былъ, у нашего же земляка Фейна, простымъ пастухомъ. Я тоже въ юности-съ долго былъ при стадѣ нашего Абазы. Земля, правду сказать, тутъ обѣтованная, нетронутая еще; многихъ еще она ждетъ. Раздолье, а не жизнь тутъ всякому; лѣнивъ только русскій человекъ! Эхъ, гляньте, какая дичь, какіе пустыри: бурьянъ, вѣчная цѣлина, — ни косы, ни плуга не знала. Люблю я эти мѣста: будто бѣдныя, а троньте эту землю — кладъ-кладомъ.

Полковникъ спросилъ:

— Какой же секретъ въ томъ, что вы такъ скоро, такъ страшно разбогатѣли?

— Секретъ? никакого секрета! Даже трудно сказать, какъ. Какъ? просто трудились сами, и все тутъ.

«Сами трудились!» подумалъ Панчуковскій. «Вреть, шельма, нѣмецъ; должно-быть, фальшивыя ассигнаціи въ землянкахъ дѣлали, да ловко и спустили!»

Просидѣли еще немного новые знакомцы. Стень молчала, вечерѣло. Не было слышно ни звука. Однѣ лошади позвякивали сбруей, да несло тютюницемъ отъ новыхъ друзей-кучеровъ.

— Я и не спросилъ васъ, — сказалъ на прощаньи Панчуковскій: — вы ѣздили за Донъ; были вы у насъ на Мертвыхъ-водахъ, за сороковою болгарскою колоніей? Какъ понравился вамъ нашъ околотокъ? Можно ли ждать чего хорошаго отъ этой мѣстности?

— На Мертвыхъ-водахъ? На Мертвыхъ... Постойте! Да! Точно, я тамъ недѣлю назадъ ночевалъ... у священника... Постойте, погодите...

— У отца Павладія?

— Такъ, такъ, у него именно! Что за славный, добрый

старикъ! и какой начитанный! Нашего Шиллера знаетъ: еще такая у него красивая воспитанница. Самъ онъ ее грамотѣ учить, и она при мнѣ читала и писала. Какъ же можно,—хорошія мѣста!

— Какъ? воспитанница? — возразилъ, краснѣя, полковникъ: — что за странность! Это премило! Я живу отъ отца Павладія въ семи верстахъ, а не знаю.

— О-о, полковникъ! такъ вы волокита!—засмѣялся, влѣзая въ фургоны, колонистъ и погрозился. — Смотрите, напишу отцу Павладію и предупрежу его!

— Нѣтъ, я не о томъ; но меня удивило, какъ я живу такъ близко и ничего не знаю! Въ нашей глуши это диво. А вы будто бы и не охотникъ приударить за иною гребчихой, въ полѣ?

— Э, фи! У меня своя жена красавица, полковникъ.

Новые знакомцы будто сконфузились и помолчали.

— До свиданія, полковникъ.

— До свиданія, герръ Шульцвейнтъ!

Лошади двинулись.

— Не забудьте и насъ посѣтить: спросите хуторъ Новую-Диканьку, на Мертвой.

— Съ удовольствіемъ. А гдѣ онъ тамъ?

Лошади колониста остановились. Полковникъ къ нему добѣжалъ рысцою и рассказалъ, какъ къ нему проѣхать.

— Есть у васъ дѣтки?—спросилъ полковникъ, ставъ на подножку и свѣсясь къ колонисту въ фургоны.

— Есть двѣ дочери: одна замужемъ, а другая еще дитя.

— За кѣмъ же замужемъ ваша старшая дочь, герръ Шульцвейнтъ?

Колонистъ покачалъ головой и прищурилъ голубые глаза.

— Вы не ожидаете, я думаю?

— А что?

— За пастухомъ-сѣ. Я выдалъ дочь мою за старшаго моего чабана, Гейнриха-Фердинанда Мюллера, и, либеръ герръ, нахожу, что это — суцая пара. Отличный, добрый зять мнѣ и знаетъ свое дѣло; пастухъ и вмѣстѣ овечій лѣкарь. Живутъ припѣваючи, а дочка моя все двойни родить!

Полковникъ похлопалъ его по рукѣ и по животу.

— А вашъ Гейнрихъ откуда?

— Онъ подданный другого Гейнриха, Гейнриха XXXIV,

герцога крейцъ-шлейцъ-фонъ-лобенштейнскаго: тѣсно имъ у герцога стало, онъ и переселился сюда.

— Не забудьте же хуторъ Новую-Диканьку, недалеко отъ большой дороги, — сказалъ полковникъ, смѣясь титулу 34-го Рейнриха крейцъ-шлейцъ-лобенштейнскаго и кланяясь въ слѣдъ уѣзжавшему интересному фургону.

— Поклонитесь отцу Павладію отъ меня! — прибавилъ, въ свой чередъ, улыбаясь, колонистъ.

Пыль опять закружилась по дорогѣ.

— А ну, говори мнѣ, окотина, что тамъ за такая воспитанница живетъ у нашего пона, на Мертвой? — спросилъ кучера полковникъ Панчукѡвскій.

Самуйликъ ничего не отвѣтилъ. Онъ былъ подъ вліяніемъ вѣжливой бесѣды съ Фрицемъ.

— Ну, что же ты молчишь, ракалія, а? Не тебѣ ли я поручалъ все развѣдать, разыскать? И въ семи верстахъ—а?

Кучеръ пріостановилъ слегка лошадей, снялъ шапку и обернулся. Глуповатое и старческое его лицо было осѣнено мучительною, тяжелою мыслью.

— Баринъ, увольте...

— Это что еще?

— Не могу...

— Что это? Ты уже, братецъ, разсуждать?

— Не будетъ никакого толку, ваше высокоблагородіе, отъ этихъ валихъ дѣловъ. Мало ихъ черезъ мои руки у васъ перебивало! Эхъ, баринъ, предоставитъ-то не штука, да жалко послѣ. А вы побаловали, да и въ-зашей?

— Северно, братъ, и подло! не исполнилъ порученія...

Самуйликъ еще что-то говорилъ, но полковникъ уже его не слушалъ. Лошади бѣжали снова вскачь. Бубенчики звенѣли. Картины по сторонамъ дороги мелькали. Вечерѣло.

А въ головѣ полковника-фермера, полковника-коммерсанта, строились планы горячихъ, дерзкихъ, небывалыхъ еще на Руси, въ средѣ его сословія, предпріятій. То водопроводы онъ мыслилъ въ какомъ-то городѣ затѣвать, то шумную аферу по закупкѣ всего запаса какого-то хлѣба въ одномъ изъ портовъ думалъ сдѣлать; то школу хотѣлъ гдѣ-то тайно открыть въ столицѣ и потомъ пустить о ней статью «отъ неизвѣстнаго» въ газеты; то какому-то ученому заведенію мыслилъ разомъ купить и поднести въ даръ большое со-

браніе картинъ. Недавно, по сосѣдству, сманивали его на выборы. «Нѣтъ, не тѣ времена!» — глубокомысленно отвѣтилъ онъ, благодаря дворянъ: — «теперь намъ пора подумать и о матеріальномъ счастьѣ на землѣ; оно, можетъ-быть, еще выше духовнаго!» Такъ онъ сталъ думать, прочтя что-то въ родѣ этого въ Токвилѣ. А теперь у него изъ головы еще не выходилъ невѣроятный колонистъ, съ его полумилліонными доходами, собственными кораблями по Азовскому морю, и съ такою же, вѣроятно, какъ онъ, руминою и бѣлокурою супругой, возящей по степямъ на парѣ сундуки съ золотомъ супруга. Задумался баринъ и о питомцѣ священника... Панчуковскій посиѣлалъ въ свой хуторъ, Новую-Диканьку, гдѣ на другое утро, на неизмѣнный праздникъ дня своего рожденія, онъ ожидать гостей.

III.

Новозаимочный хуторъ Новая-Диканька.

На другой день къ полковнику дѣйствительно съѣхалась гуча гостей. Подъѣзжая къ его красивой усадьбѣ, всѣ пріятно изумлялись, глядя на выроставшія почти ежемѣсячно новыя каменные и кирпичныя постройки. — «Вотъ ловкій господинъ!» говорили они. — «А эта Новая-Диканька — судяая американская ферма!» Новозаимочный хуторъ полковника, въ самомъ дѣлѣ, очень измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ приходили въ него наниматься бѣжавшіе отъ старосвѣтскихъ хуторскихъ невзгодъ, изъ старой Украйны, пріятели Левенчукъ и Милорѣденко. Хотя кругомъ его была, попрежнему, одна скучная во многихъ отношеніяхъ степь, но благоустроенная заимка, колонія гвардейскаго коммерсанта и земледѣла, ужъ значительно пополнилась. На склонѣ пологого косогора стояла красивая усадьба. Двухъ-этажный, подъ красный кирпичъ, домикъ, во вкусѣ швейцарскихъ или скорѣе французскихъ деревенскихъ мызь, глядѣлъ изъ-за высокихъ каменныхъ стѣнъ, съ крѣпкими дубовыми воротами. Часть обширнаго двора была занята молодымъ садомъ. Отличныя конюшни, огромные амбары для ссыпки хлѣба, сараи для овечьей шерсти и хозяйственныхъ машинъ, флигель для дворни, — все было кирпичное, нештукатуренное еще, какъ и домъ, и подъ

железными крышами. Кухня, на голландский манеръ, съ изразцовыми стѣнами и асфальтовымъ поломъ, была возлѣ. Издалека и съ большимъ трудомъ привезенные тополи были посажены вокругъ дома, подросли и отлично скрадывали пустынную степную наружность остальной усадьбы. За домомъ въ полуверстѣ былъ токъ, съ хлѣбною клуней, а еще въ сторонѣ и ближе къ дому — каменные сараи для овецъ и избы для батраковъ, то-есть разнаго бѣлаго люда. По двору, подъ стѣнами ограды, стояли разныя земледѣльческія орудія, еще новыя и свѣженькія, покрашенныя голубою или красною краскою: плужки, бороны, сѣялки, конныя грабли, вѣялки и большая новостъ въ краѣ — жатвенныя машины. Въ клунѣ, очевидно, работала уже паровая молотилка, потому что небольшая желѣзная труба, какъ на фабрикахъ, торчала оттуда, изрѣдка вѣнчаясь облачкомъ сѣраго дыма. Паровой локомобиль иногда подвозился къ колодцу; къ нему приправлялась мельница, и обозы съ сосѣднихъ хуторовъ мигомъ скоплялись возлѣ за помоломъ. Близъ овчарни былъ устроенъ надъ оврагомъ кирпичный заводъ, также съ машиною для лѣпки кирпича. Ни рѣки, ни пруда не было вблизи усадьбы. Вода доставалась изъ глубокихъ колодцевъ. Не было и деревни. Тутъ все шло наймомъ. Черезъ два сосѣднихъ оврага, разъединявшихъ поля, были перекинуты красныя чугунныя мостики. У конторы на столбѣ былъ укрѣпленъ колоколь, для зова рабочихъ.

Экипажи загромождали дворъ. Въ отворенныя окна дома неслись громкіе разговоры. Всѣ двери были настежь. Слуги шныряли изъ кухни въ домъ и обратно. Гости, мужчины, сидѣли за утреннимъ кофе, въ обширномъ углѣномъ кабинетѣ хозяина, на мягкихъ диванахъ, между кучами цвѣтоты и шкапами съ книгами. Тутъ были и старики, и молодые, въ сюртукахъ и въ байковыхъ пальто, или въ простыхъ домашнихъ курткахъ. Иные сѣли въжливѣе майскаго утра въ своихъ пикейныхъ сюртукахъ и бѣломъ какъ снѣгъ бѣлѣ, и отъ нихъ пахло духами, только-что прибывшими черезъ Таганрогъ изъ Марсели. Другіе, кажется, никогда не мыли руки, не чесали головы, не стригли копытообразныхъ ногтей, и отъ нихъ пахло овцами и коровьимъ навозомъ. Сидѣла тутъ, съ длиннѣйшею трубкой, и какая-то барыня, по фамиліи мадамъ Шелкова, изъ казачекъ, вѣчно

башляющая, съ загорѣлымъ лицомъ, какъ у стонщика или мелкаго разсмыльнаго хлѣбной конторы, не въ то же время въ лентахъ и въ шелковомъ платьѣ. Она, очевидно, пріѣхала съ короткимъ визитомъ и попала въ мужскую компанію въ кабинетъ за дѣломъ, мяла платокъ въ рукахъ подобострастно и, утирая слезы, заглядывая всѣмъ въ глаза, оправдываясь иногда, что трубку курить отъ какой-то болѣзни, все какъ-будто торопилась кончить какія-то печальныя дѣла и соображенія, подсаживалась, съ богатырскою трубкой, то къ одному, то къ другому кружку, слушала со слезами на глазахъ толки о близкой будто бы эмансипаціи и повторяла: «Ахъ, Боже мой! Ахъ, Госноди! А я-то гребли не кончила, свай не набила; хлѣба сколько насѣяла... Кому убирать его, кому убирать! пойдемъ мы по свѣту!»—Читатель, разумѣется, можетъ знать, что эмансипація тогда еще не угрожала ни греблѣ, ни сваямъ, ни хлѣбу этой барыни. Остальной женскій полъ, очаровательныя новороссійскія дамочки, разодртыя азіатскими бабочками, во французскихъ кисеяхъ и шелкахъ, сидѣли въ гостиной и ходили по залѣ. Самъ хозяинъ, холостякъ, удостоенный визитомъ дамъ, былъ сильно въ духѣ. Ему всё льстили, всё ахали, разсматривая его домъ, картины, хозяйство, машины. Всѣ гуртомъ сходили на токъ, въ овчарни и въ рабочія избы. Барыня Шелкова, подоткнувъ шелковое лионское платье (она также не отставала отъ моды), также сходила и въ овчарни, и на токъ, удивляясь полковнику и хвали его хозяйство. Каріе глаза полковника сіяли волею и счастьемъ; усики, загнутыя кверху, были надушены. На всѣхъ онъ смотрѣлъ съ довольствомъ. Всѣ были веселы.

— Мы, господа, бѣглые, то-есть въ ёвропейскомъ смыслѣ—колонисты; это я вчера Шульцвейну говорилъ. Вы слышали про него?

На эту тему сталъ ораторствовать Панчуковскій и говорилъ весь день.

Подъ общій шумъ, разговоры свелись на хозяйство каждаго, и всѣ расхвастались. Тотъ перевозносилъ своего чабана и свое стадо тонкорунныхъ мериносовъ. Другой прославлялъ себя за громадное увеличеніе запанки. Третій увѣрялъ, что скупить въ портахъ все бельгійское желѣзо и повезетъ его въ Полтаву и въ Харьковъ въ подрывъ сибирскому. Другіе говорили о машинахъ. «Нѣтъ!»—говорилъ сосѣдній арен-

даторъ, нынѣ ужъ русскій помѣщикъ и душевладѣлецъ, а еще недавно эстляндскій булочникъ, Адамъ Адамычъ Шваберъ:—«всѣ эти машины чепуха! Лопнетъ котель, искра вылетитъ на скирдъ, и пропадетъ цѣлый токъ хлѣба. Гдѣ тутъ этимъ скотамъ еще ходить за паровыми котлами!» Кто-то хвасталъ собственной ловкостью, какъ онъ товарища надулъ баранами. И товарищъ тутъ самъ сидѣлъ. — «Нѣтъ, что товарищи!»—возражали другіе:—«въ Петербургѣ слышно о преобразованіи полиціи. Телеграфъ сюда ведутъ. Ростовъ газомъ думаютъ освѣщать. Французы ѣдутъ сюда угольевъ искать. Газета, слышно, въ Таганрогѣ будетъ...» — «Какъ бы денегъ больше было»,—замѣтилъ кто-то на это:—«лучше всего было бы! Не изъ-за скуки же здѣшней жизни бросили мы съ вами, господа, свои сѣверныя родныя мѣста!»

Уже подѣ вечеръ къ Панчуковскому подѣлъ юноша— студентъ одесскаго лицея, учитель дѣтей сосѣдняго купца и вмѣстѣ салотопеннаго заводчика, Шутовкина.

— Владиміръ Алексѣичъ!

— Что вамъ угодно?

— Я слышалъ о вашей добротѣ... Дайте мнѣ триста цѣлковыхъ взаймы, пока, до полочки жалованья съ моего хозяина. Я вамъ возвращу съ благодарностью, черезъ мѣсяць.

— Зачѣмъ вамъ?

— До зарѣзу нужно. Мы съ хозяиномъ ѣдемъ завтра, послѣ обѣда, въ городъ. Братъ его подбиваетъ на рискъ. Хочется недаромъ проѣхаться въ городъ, а проживя тамъ съ недѣлю, сдѣлать одну аферу. Тутъ всѣ аферируютъ. Говорятъ, лёнъ падаетъ въ цѣнѣ, фрактовыхъ судовъ мало, а дней черезъ пять-восемь, думаю, поднимется. Ну, я хочу сорвать барышъ. Тутъ вонъ дѣти даже ажіотируютъ; жидкиребятишки, наемни, въ Мелитополь, подвезенные мѣшки съ орѣхами на базарѣ скупили и перепродали съ барышомъ, въ праздникъ.. Неужели же намъ все съ книгами сидѣть! Право. Помогите! какъ бы хотѣлось недаромъ тутъ пробывать на вакаціяхъ,

Панчуковскаго въ это время кто-то позвалъ изъ другой комнаты.

— Извините!—сказалъ онъ студенту и вышелъ.

Студентъ сидѣлъ, разсматривая картины по стѣнамъ, по-

томъ подошелъ къ роялю, открылъ его и сталъ играть. Страстные звуки шопеновской мазурки огласили домъ и дворъ, на мѣстѣ которыхъ еще пять-шесть лѣтъ назадъ гулялъ одинъ пустынный украинскій сирокко—суховѣй, да качались громадные бурьяны. Студентъ, малороссъ и музыкантъ въ душѣ, игралъ съ чувствомъ, слегка склонивъ къ клавишамъ Эрара свою бѣлокурую, красивую голову. Думалъ ли онъ о Шопенѣ, о какой-нибудь недоступной красавицѣ или о затѣваемой аферѣ со льномъ,—трудно было рѣшить. Въ этомъ новомъ и странномъ краѣ какъ-то все это мѣшалось вмѣстѣ.

Полковникъ воротился.

— Извольте,—сказалъ онъ опять студенту:—я вамъ денегъ дамъ, но вы подождите, пока уѣдутъ другіе гости. У меня есть къ вамъ дѣло...

Студентъ всталъ, тряхнулъ волосами и, съ чувствомъ пожавши ему руку, сѣлъ опять играть. Его окружили дамы; онъ былъ ихъ любимецъ.

— А правда ли, что па бѣглыхъ облавы у насъ вездѣ скоро будутъ?—кто-то крикнулъ отъ карточного стола хозяину.

— Па-какихъ это, на насъ?—спросилъ шутливо Панчуковскій.

— Нѣтъ, на безпаспортныхъ.

— Да, слышалъ я отъ Подкованцева, исправника: васъ и меня это въ особенности, Адамъ Адамовичъ, касается!—сказалъ полковникъ арендатору Шваберу. — Тогда просто хоть лавочку закрывай. А я, признаюсь, мало вѣрю въ ожидаемое переселеніе народовъ съ сѣвера. И признаюсь, открыто передерживаю изрѣдка бѣглую Русь! Всѣ подличаютъ противъ своихъ ближнихъ исподтишка; отчего же мнѣ открыто иной разъ не кушуть станового и не пользоваться бродягами?

Полковникъ тоже сѣлъ играть въ банкъ, высыпавъ кучу золота. Взоры всѣхъ просіяли. Поставлена первая карта; она дана. Банкъ занялъ все общество. Подошли и дамы. Онѣ также приняли участіе въ азартной игрѣ направо и налево. Одна капитанша, урожденная гречанка, подболевшись, стала, вынула изъ колоды карту, подумала и поставила на нее свои брильянтовые серьги, а потомъ золотую брошь. Мужъ стоялъ возлѣ и улыбался, ожидая, чѣмъ кончится счастье жены. Южныя сердца бились горячо.

Обѣдали поздно. Послѣ обѣда, передъ вечеромъ, всѣ вошли во дворъ. За воротами сошлись батраки и батрачки поздравить полковника. Явилась скрипка. Разносили угощенья. А полковникъ, разстегнувшись и выказавъ свою шелковую канусовую рубаху, пустился съ негритянками, какъ онъ выражался, трепака плясать. Дамы хохотали. Мужчины хвалили его за особое умѣнье быть популярнымъ. Потомъ всѣ пошли снова наверхъ и усѣлись на обширномъ балконѣ антресолей пить чай.

— Разкажите, ради Бога, — спросилъ меланхолическій студентъ, просившій денегъ у хозяина: — что за названіе этой рѣчки здѣсь «Мертвыя воды» и какъ населялся этотъ околотокъ?

— Да, — отвѣтилъ хозяинъ: — исторія заселенія моей земли и вообще этихъ окрестностей любопытна. Мы читаемъ записки о колонизаціи Канады, Новой Зеландіи, Перу и Колумбіи, а допытывался ли кто-нибудь до недавнихъ событій заселенія нашихъ бывшихъ запорожскихъ земель, нашего азовскаго поморья или хоть бы одного здѣшняго уѣзда? Это цѣлая поэма, во вкусѣ Купера и Вашингтона Ирвинга; да-съ, не шутите съ нами.

— Видите ли вонъ тѣ холмы? Туда вереть пятнадцать будетъ, да въ противную сторону отсюда, до того вонъ кургана, столько же почти. Ну-съ, эта вся земля, это нѣмецкое-съ почти великое герцогство, наша сказочная завоевательница Запорожья и Крыма, Екатерина, долго не думая, взяла да за какимъ-то завтракомъ и подарила одному бѣглому греческому митрополиту изъ Турціи, упавшему передъ нею съ челобитной на колѣни. Ему была дана эта земля въ подарокъ, съ тѣмъ, чтобы онъ тутъ устроилъ страннопримный домъ и населилъ землю. Митрополитъ умеръ, ничего этого не сдѣлавъ. Кто-то изъ здѣшнихъ тогдашнихъ чиновныхъ провладѣлъ этою землею, безъ всякаго права, лѣтъ двадцать, потомъ ее опять взяли въ казну и велѣли продать съ торговъ. Покупщиковъ долго не явилось. Странствовала съ прошеніями объ этой землѣ нѣкоторое время въ Петербургъ полусумасшедшая старушка, изъ переселенныхъ сюда по-близости далматокъ, надоѣдала всѣмъ министрамъ, требуя отдачи этой земли, по завѣщанію Екатерины, ей — на устройство страннопримнаго дома. Ѣздила одна изъ степей въ Петербургъ въ одноколѣ, на маленькой пѣ-

гашкѣ, посившей имя Манички. Многіе министры, посмѣиваясь на безумныя искательства старушки, знали эту Маничку и на просьбы ея хозяйки: «коли не отдаете мнѣ земли, то дайте хоть сѣна моей лошади!» — отнускали съ своихъ сѣятельныхъ конюшенъ ей сѣна. И, еще служба въ гвардіи, видѣлъ и старушку, и ея конька, уже совершенно дряхлыхъ. Тогда земля эта была уже за другимъ, и старушка собиралась ѣхать въ Европу, просить заступничества другихъ дворовъ. Двадцать-пять лѣтъ назадъ, говорю я, эти степи, гдѣ еще укрывались тогда по камынямъ и балкамъ дикія лошади, были проданы съ аукціона. Всѣ четырнадцать тысячъ десятинъ этой земли купилъ, черезъ повѣреннаго, одинъ польскій графъ, богачъ,—онъ въ нашей гвардіи служилъ и я его зналъ,—сынъ виленскаго аристократа, чахоточный и никуда не выѣзжавшій. За глаза куплена степь, снятъ планъ, составленъ проектъ переселенія туда крестьянъ изъ одной сѣверной губерніи. Эти насильныя переселенія были тогда въ модѣ. Проектъ утвержденъ, и повѣренный сталъ вести дѣло переселенія. Выведены плугомъ черты громадной деревни, свезенъ матерьялъ, стали строиться превосходныя избы, на все отнускались деньги щедрою рукою, а повѣренный былъ питерскій бюрократъ и все любилъ вести на щегольскую ногу. Выхлопоталъ онъ у епархіи и священника въ будущую деревню. Это и есть нашъ вселюбивѣйшій отецъ Павладій, о которомъ мы съ вами поведемъ рѣчь особо!—прибавилъ Папчуковскій, обращаясь къ студенту, подмигивая и потирая его по колѣну.

— Любопытно! очень любопытно! — говорилъ студентъ, слѣдя съ балкона голубыми задумчивыми глазами за уходящею въ вечерніи сумерки окрестностью, о которой шла рѣчь.

— Такъ моя поэма не скучна, господа?

— О, нѣтъ, нѣтъ, кончайте, пожалуйста.

— Вотъ-съ,—продолжалъ хозяинъ:—какъ уже избы стали кончать, а строенія возводили все каменные, отецъ Павладій, тогда еще юноша, пріѣхавшій съ молодою чернобровою супругой, и началъ говорить повѣренному: «Что вы дѣлаете? строите село на безводной степи; отведите его версты за двѣ влѣво, къ балкѣ; тамъ ключи въ оврагѣ бьютъ самородныя, пруды можно устроить хорошіе». — «Какъ можно,—говорить стронтель:— село выведено на большую дорогу, и

планы уже утверждены, мы выроемъ тутъ колодцы». — «Ну, какъ знаете, — говорилъ полкъ: — а я себѣ жилище буду строить у балки, да и церковь ужъ позвольте тамъ построить; а буду тамъ садъ возлѣ нея разводить». — Церковь разрѣшено строить у балки, въ видахъ обѣщанія даромъ устроить садъ, а люди, дескать, и за двѣ версты дойдутъ въ праздникъ. Церковь построена, построенъ и отецъ Павладій, кончена и деревня. Иначе не хотѣли переселять людей. Какъ можно! Надо, чтобъ все было готово. Паняль строитель землеконовъ, выкопалъ колодцы, расплатился и уѣхалъ съ докладомъ въ Петербургъ, что все готово: — даже въ каждой хатѣ столяръ стоитъ, образъ привѣшенъ, вся утварь принесена и отъ замковъ на каждой двери ключъ въ конторѣ ждетъ хозяевъ. Треть-стамъ семействамъ загаданъ выѣздъ изъ Россіи на новокупленную степь. Поѣхали переселенцы, съ кибитками и скотомъ. Прибыли на мѣсто, разведены по хатамъ. Отецъ Павладій молебень отслужилъ, все освятилъ, и зажгли переселенцы. Вспахали подъ озимь, посеяли, а пока питались готовымъ запасомъ. Не нарадуется повѣренный, пишетъ письмо въ Петербургъ. Только и ударила гнилая, безснѣжная зима. А еще до того всю осень народъ прохворалъ. Что за притча! Кто ни напьется изъ колодца, — и заболѣлъ. Да что долго говорить: до весны вымерла половина деревни, хватились переводить въ другое мѣсто, запретили пить воду изъ колодцевъ, — куда вамъ! Эпидемія хватила такая, что къ Петрову дню другого года изъ трехъ-сотъ-то семействъ, господа, осталась въ живыхъ одна кривая старуха.

Панчуковскій помолчалъ и опять сталъ говорить:

— Да, все погибло и вымерло; умерли дѣти, старики, отцы и матери, умеръ и повѣренный, умерла и жена отца Павладія. Некому было и погребать конаты! Какъ узнали объ этомъ въ Петербургѣ, ужасъ наналъ на владѣльца, — отказался вовсе отъ этой земли и до конца жизни тутъ уже не былъ. Скоро онъ самъ умеръ, и земля перешла къ его племянницѣ. Остался одинъ отецъ Павладій, съ церковью и молодымъ садомъ у балки. Развелъ онъ, дѣйствительно, хорошенькій садъ, даже рощу, устроилъ прудъ. Сосѣдніе и дальніе колонисты, бывшіе еще безъ церквей, болгары, сербы и даже греки, стали его прихожанами, а тѣ-то опустѣло дома бурлаки по камню растащили. И теперь тамъ

отъ бывшей деревни только видны плугомъ отведенныя мѣста дворовъ и улицъ, да крестъ огромный на кладбищѣ стоитъ. Такъ легли переселенцы все до одина. Умерла скоро и послѣдняя старуха. Ну-съ, часть этой земли, именно пять-тысячъ десятинъ, я сперва взялъ у новой владѣльца въ аренду, а потомъ, какъ видите, гушилъ, а другую аренду-ють по частямъ, какъ знаете, кто хочетъ. Чумаки-то (какъ была еще тамъ большая дорога, о которой все хлопоталъ строитель, и были еще не заброшены роковые колодцы), видя страшный крестъ, и прозвали прежде безыменную, протекающую тутъ по вѣдству рѣчку, а потомъ и всю здѣшнюю землю «Мертвыми водами». Вотъ почему нашъ околотокъ такъ и зовется, хотя, какъ видите, онъ цвѣтетъ и красуется не хуже какого-нибудь Висконсина, Элебэмы или Портъ-о-Пренса, населенныхъ заморскими колонистами.

Студентъ всталъ, сонель внизъ въ залу, сѣлъ за рояль и началъ играть чудный *marche funèbre* Шопена.

— Однакоже, какъ недурно онъ играетъ,—сказалъ, прислушиваясь, кто-то изъ гостей.

— Да, очень даровитый человѣкъ!—отвѣтилъ другой голосъ изъ среды слушателей.

Помолчали минутъ съ десять. Снизу летѣли вѣнтельные звуки.

— Такъ у отца Павладія, должно быть, преавантажный теперь уголокъ?—спросилъ, громко чихнувъ, Шваберъ.

Сумерки уже такъ стусились, что все на балконѣ сидѣли, почти не видя другъ друга, будто на воздухъ въ облакахъ.

— Да,—отвѣтилъ задумчиво Палчуковскій:—мѣсто тамъ прелестное, называется Святодуховъ-кутъ, на ключахъ; большой садъ, душистая густая роща, прудъ отличный; церковь вся въ кустахъ сирени, акацій и въ тополяхъ, весной просто рай. Я, однако, рѣдко, признаюсь, тамъ бываю...

— Отчего же?

Палчуковскій помолчалъ.

— Вы хотите знать, отчего?

— Да.

— Извольте: два медвѣдя въ одной берлогѣ не уживутся! Я аферистъ, и отецъ Павладій аферистъ; онъ хлопочетъ о наживѣ, и я: ну, мы и соперники—вотъ какъ дѣй торговки шашлыкомъ на базарѣ...

Слушатели разсмѣялись.

— Хороши соперники! Вы ворочаете чуть не сотнями тысячъ, а это бѣднякъ, сельскій священникъ...

— Да! посмотрите, что это за священникъ!

— А что у него за воспитанница тамъ есть?—спросилъ, сопя и зѣвая, Шваберъ.

— Право, не знаю!—отвѣтилъ разсѣяннo полковникъ:— и три года уже у него не былъ, поссорился на одномъ дѣлѣ. Развѣ подросла въ это время. А человекъ онъ добрый и умный; корыстолюбивъ только, какъ латинскій пошъ.

— Да будто уже нанимъ и денегъ не нужно?

— Это еще вопросъ...

— А гдѣ ваша кухарочка? — спросилъ опять хозяина, сходя съ лѣстницы, тяжеловатый Шваберъ и толкнулъ его, шутя, подъ бокъ. Въ это время дворъ, крыльцо и ограда освѣтились разноцвѣтными фонарями импровизированной иллюминаціи.

— О! Богъ знаетъ, что вы вспомнили, камрадъ, — кухарку! Я ее прогналъ давно въ-защей. Пожалуйста, этого не вспоминайте. Теперь у меня на умѣ не пустяки. Я тыщу десятинъ пшеницы на-это лѣто засѣялъ и думаю убирать наймомъ; это не шутка!

Начались танцы. Послѣ ужина всѣ стали развѣзжаться. Кучера дремали. Мѣсяца не было видно, но ясная звѣздная ночь дѣлала поѣздку безопасною. Уже многіе юности уѣхали. Дамы оставили Новую-Диканьку, перевознося хозяина за угощеніе. Уѣхали и старики. А на крыльцѣ у подъѣзда шла крупная словесная перепалка двухъ нѣмецкихъ соотчичей, арендатора Адама Адамовича Швабера и колониста, конскаго заводчика Карла Ивановича Вебера. Оба нѣмца были послѣ ужина сильно выпивши и спорили по-русски о достоинствахъ своего родича, богача Шульцвейна. Веберъ говорилъ, что слава и гордость ихъ колоніи, Богданъ Богданъчъ Шульцвейнъ, скоро будетъ русскимъ графомъ и княземъ и всю губернію заберетъ въ руки; что ему и ордеръ какой-то прислали, и что онъ въ своей колоніи затѣваетъ гимназію и газету. А Шваберъ кричалъ во все горло: «Врешь, врешь! Шульцвейнъ шельма, и ты шельма! Такого осла хвалить! Онъ грубиянъ и ты эзель! Врешь! А-а! Такъ ты хвалить? у него табачная голова и полный карманъ мошенничества: онъ севастопольскій воловій паркъ обокралъ!

Ты, Карль, ты, Карлуша, можешь надуть русских; а для насъ — слушай, братъ: вотъ тебѣ кулакъ, а вотъ и другой, — онъ овечья голова, шафскоцфъ, и больше ничего! Молчать! Ну!»

Зрители этого пѣтушьяго боя, наконецъ, разняли спорщиковъ, уложили cadaго порознь въ его зеленый, съ клеенчатымъ верхомъ, нѣмецкій фургоны, и погнали кучеровъ. Но взъерошенные и красные, какъ послѣ бани, бюргеры Шваберъ и Веберъ, ѣдучи рядомъ за воротами, еще долго ругались изъ фургоновъ и гдѣ-то даже, будто бы, опять на дорогѣ выходили на траву, спорили и ругались, и даже хватали другъ друга за виски. Такъ говорила молва.

Уѣхали все, остались одни: хозяинъ и студентъ.

— Погодите, оставьте вашу фуражку, — сказалъ Панчуговскій.

— Владиміръ Алексѣичъ, надо ѣхать. Вѣдь я верхомъ, а до нашей усадьбы двадцать верстъ будетъ.

— Да развѣ завтра у васъ уроки? кажется, завтра праздникъ!

— Но вѣдь я вамъ сказалъ, что мы послѣ обѣда ѣдемъ въ городъ...

— Ахъ, извините, точно: сейчасъ я вамъ дамъ деньги; только остались бы вы у меня переночевать, — а утромъ и доѣдете...

— Нельзя, право нельзя: хозяинъ нашъ человекъ строгій, изъ доискихъ; вы ихъ знаете?

— Какъ не знать! скажите, однако, это онъ, что ли, губернантку свою, московскую институтку, поколотилъ, и она пѣшкомъ ушла къ нагайцамъ, лѣтъ пять назадъ?

— Кажется... Можетъ-быть... я право не знаю!..

— О, еще скрываете! Онъ съ кнутомъ гнался за нею, съ мезонина въ садъ, и расшвырялъ по полю все ея книги и вещи; говоритъ, не сдалась на его исканія! Ну, да по въ томъ дѣло; пойдѣте въ кабинетъ.

Они пошли.

— Извините: ваше имя и отчество?

— Михайловъ, Иванъ Аполлонычъ, — отвѣтилъ, поклонясь, хорошенькій студентъ.

— Ну-съ, Иванъ Аполлонычъ, я вамъ триста рублей дамъ, а вы мнѣ сослужите службу!

Михайловъ поклонился.

— Я бы вамъ самъ далъ денегъ; и вотъ они, — недалеко за ними ходить! Но вотъ въ чемъ дѣло: вы слышали сегодня о священникѣ, отцѣ Павладіи? У него есть воспитанница, — понимаете, другъ мой? У меня па нее есть киды, — поняли?

Студентъ покраснѣлъ.

— Ну-съ, вы къ чему, подѣ предлогомъ займа денегъ, и побѣжайте; онъ падохъ къ хорошимъ процентамъ и дастъ.

— Но онъ меня не знаетъ.

— Я напишу поручательство.

— Отчего же вамъ самимъ къ нему не съѣздить, насчетъ этой-то его дѣвочки, если уже вы...

Студентъ не договорилъ и опять покраснѣлъ.

— Нельзя; я уже имѣлъ съ нимъ ссору за одну дѣвочку, а на людей моихъ плоха надежда. Они мнѣ помогутъ послѣ. А тутъ нужно только узнать, что у него за приемышъ этотъ и стоитъ ли она вниманія? Вы какъ-нибудь устройте такъ, чтобы ее увидѣть; если нужно, то и заночуйте; да ужъ лучше всего побѣжайте сейчасъ. Дѣло денежное, само себя оправдываетъ.

— А далеко это?

— Да верстъ семь будетъ, девять, не больше.

Студентъ посмотрѣлъ на часы.

— Теперь уже девятый часъ, не поздно ли будетъ?

— Чтобъ ѣхать сейчасъ? и отлично, побѣжайте! Я вамъ дамъ своего коня, а вамъ отдохнуть. Отецъ Павладій много читаетъ и поздно ложится спать. Побѣжайте. Только вы оттуда ко мнѣ заверните и разбудите меня, хоть за полночь будетъ. Я положусь на вашъ вкусъ, только посмотрите.

— Извольте: очень благодаренъ, и если увижу вашу незнакомку, то къ свѣту еще ворочусь къ хозяину, а вамъ все расскажу—въ подробности.

Письмо полковникомъ къ священнику написало, лошади осѣдлана, дорогу рассказали, и при взомедшемъ мѣсяцѣ легкоподѣмный юноша поскажалъ тропинкой въ Святодуховъ-кутъ. Будущій коммерсантъ не думалъ объ усталости, не помышлялъ, что въ одну ночь, съ побѣдкой за деньгами, ему придется сѣлать верхомъ верстъ за-тридцать. Онъ скакалъ и скакалъ, рисуясь перебѣгающею тѣнью по росистымъ холмамъ и дюнкамъ.

IV.

Святодуховъ-кутъ, жилище священника.

Скоро мелькнулъ передъ студентомъ оврагъ, неренходный потому въ глубокую балку, дѣсокъ, золотая маковка церкви и бѣлый домикъ на склопѣ оврага. Повѣяло сыростью отъ невидимаго ирода. Высокій плетень, утыканный терновникомъ, окружалъ домикъ... Все здѣсь какъ будто уже спало, когда подѣхалъ студентъ; но скоро свѣтъ мелькнулъ изъ пизенькаго, кустами и деревьями окутаннаго домика. На топотъ коня самъ священникъ показался на крыльцѣ и со свѣчкой встрѣтилъ Михайлова.

— Здравствуйте; отъ кого вы?

— Отъ Панчуковскаго, съ письмомъ.

— Отъ Панчуковскаго? Пожалуйте!

— А я думалъ, что вы уже спите.

— О, нѣтъ, вечеръ отличный, я только-что воротился съ поля, гулялъ. Вы кто-съ?

— Студентъ одесскаго лицея Михайловъ. Вотъ вамъ письмо Владимѣра Алексѣича.

Вошли въ комнату. Священникъ прочелъ письмо, посмотрѣлъ на гостя, потомъ опять на письмо, и сказалъ: «очень хорошо-съ!» и засуетился. Зажегъ въ главномъ углу пріемной комнаты, у лампадки передъ кѣтомъ, другую свѣчку, поставилъ на столъ и вышелъ. Студентъ сталъ осматривать комнату. Груды книгъ лежали по дивану, стульямъ и на лежанкѣ. Къ обыкновенной смѣси запаха ладана и воска, встрѣчающей у насъ каждаго въ жилищѣ священника, здѣсь примѣшивался еще чудный запахъ бѣлыхъ акацій, склонившихся цвѣтущими вѣтвями съ надворья къ раскрытому огню. И вдругъ, въ темнотѣ кустовъ, у самага уха гостя, загремѣлъ такъ чудно и дерзко соловей, что у Михайлова сердце ёкнуло. Священникъ вошелъ, принесъ табакъ для напирось и бумага, и, сказавъ: «А? какво-съ поеть?» поставилъ и опять ушелъ. Вслѣдъ за нимъ также неожиданно вошла въ комнату статная, будто еще не совсѣмъ на возрастѣ, но уже совершенно-развитая дѣвушка, съ подносомъ въ рукахъ, и поставила на столъ чашки къ чаю. Она ушла. Михайловъ успѣлъ разглядѣть ея полныя руки, сочныя губы и темныя брови, бѣлое лицо, подобранныя вѣнкомъ русыя

косы и красную ситцевую юбку. Звякая монистами, она гордо и смѣло повернулась, гордо взглянула на гостя, сдвинула густыя брови и ушла, помахивая полными круглыми локтями.

«Вѣрно она!» — подумалъ новый Лепорелло и съ замирающимъ сердцемъ сѣлъ въ углу, осматривая комнату. Все студенту казалось таинственнымъ. Вошелъ священникъ и, тихо шелестя рясою, также сѣлъ. Студентъ разсмотрѣлъ его больше: это оказался совершенно круглый, приземистый и тучный старичокъ, съ отекимымъ лицомъ, красноватой мясистою лысиной, едва прикрытою прядями сѣдыхъ волосъ, съ утлою косичкой, перевязанною полинялою ленточкой, и въ камлотовомъ сѣромъ подрясникѣ, подъ гаруснымъ старенькимъ кушакомъ. Онъ сѣлъ въ кресло противъ Михайлова и посмотрѣлъ на него.

— Вы здѣшній?—спросилъ онъ съ улыбкой.

— Нѣтъ, я родомъ изъ Одессы, на лѣтнихъ кондиціяхъ...

— У купца Шутовкина?

— Точно такъ-съ. А вы почему знаете?

— Слышалъ, про васъ говорили мнѣ, что вы способны на всѣ руки-съ...

Михайловъ покраснѣлъ.

— Вы давно знакомы съ г. Палчуковскимъ?

— Второй разъ его вижу; я съ нимъ познакомился у нашего хозяина.

— А! извольте-съ. Деньги я вамъ сейчасъ дамъ. Онъ пишетъ, что ручается за васъ и что вы завтра же рапортуете въ городъ. На что же это вамъ деньги?

— На одно нужное дѣло. И хотѣлъ бы на нихъ кое-что заработать...

Священникъ всталъ и, сказавъ за дверь:—«Оксана, скорѣй самоварчикъ!»—онять тихо сѣлъ.

— Извините! я вижу, вы дѣйствительно торопитесь; но позвольте мнѣ, дикарю, за одолженіе васъ деньгами, хотя полчаса побесѣдовать съ вами. Что новаго-съ въ свѣтѣ, въ литературѣ? Вы давно изъ Одессы? Мы такъ рѣдко видимъ людей, способныхъ носить имя людское...

— Мѣсяць назадъ.

Священникъ взялъ пачку книгъ съ дивана.

— Вы не думайте, чтобъ мы, здѣшніе священники, были чужды свѣта. Вотъ вамъ Гоголь, вотъ Пушкинъ: на по-

слѣднія донги справиль-сь. Вотъ и «Космосъ» Гумбольдта. Случивато въ степи, особенно зимою. Мы и коротаемъ время, чѣмъ можемъ. Позвольте-сь... Вы читали изданную за границей книгу о сельскомъ духовенствѣ въ Россіи?

Студентъ хотѣлъ удержаться, но сильно покраснѣлъ. «Каковъ?—подумалъ онъ съ досадою:—живетъ въ глуши, а все знаетъ: ну, что же? и я недюжинный человекъ! Но, впрочемъ, объ этой-то книгѣ я гдѣ-то, чтѣ-то слышалъ; кажется, нападки на духовныхъ!» И онъ бойко отвѣтилъ:

— О, какъ же! Читалъ. Галиматя, пасквиль на Россію, вздорная брань!..

Священникъ тихо крякнулъ, придвинулся къ столу и, перебирая листики журналовъ, ласково возразилъ:

— Э, нѣтъ, молодой человекъ! не грѣшите! чтѣ пользы всѣмъ намъ обманывать другъ друга? Много правды въ этой безпощадной и рѣзкой книгѣ. Вѣрите ли, я плакалъ, читалъ ее. Ни «Коперфильдъ» Диккенса, ни «Шинель» Гоголя, надъ чѣмъ я зачитывался уже теперь, на старости лѣтъ—ничто меня такъ не трогало... Поднять и нашъ забытый вопросъ!.. Пора, о давно-сь пора!

Опять вошла дѣвушка, внесла самоваръ, сурово взглянула на столъ, степенно все уставила; но при плавномъ выходѣ ея студенту показалось, что она уже ласковѣе, хотя украдкой, смотритъ на него изъ-подъ напряженныхъ густыхъ бровей.

«Ишь, плутовка! — подумалъ онъ: — а какая степенница! таковы вѣдь всѣ здѣшнія степеннички-поморянки! Да какая же она хорошенькая! Что за станъ, что за плечи и брови! а щеки—какъ персики въ пушку!»

— О!—говорилъ, между тѣмъ, ахал и неподдѣльно увлекаясь, священникъ, подслѣповатыми, припухшими глазами ница на столъ ложечку, тыкая ее дрожащими пальцами въ сахарницу, настаивая чай и торопливо его разливалъ: — чтѣ я испыталъ, читая эту книгу! Мое дѣтство, мое загнанное и грязное дѣтство, порочная и праздная юность, мои жалкіе товарищи, общій обманъ, насилія и невѣжество, все мелькнуло вновь передо мною! Вы читали въ нашихъ журналахъ отвѣты?

Михайловъ покраснѣлъ уже какъ ракъ, взмахнулъ неловко волосами и на этотъ разъ признался, что не читалъ.

Священникъ вздохнулъ.

— Жаль, молодой человекъ, очень жаль; учитесь! Кто у васъ профессора?

Студентъ отвѣтилъ.

— Итъ у меня ни дѣтей, ни жены! всѣхъ я тутъ похоронилъ, какъ вымерла пана колонія. Слышали? — спросилъ печально отецъ Павладій.

— Да, слышала: говорить, ужасы произошли въ валией колоніи! правда?

— У! жутко приходилось тогда; да Господь вынесъ. Извольте, извольте, однако, получить-сь деньги!..

И онъ подалъ ему изъ пикатилки деньги.

Стали пить чай. Оксана прислуживала чаще и долѣе не выходила изъ комнаты.

— Гм! позвольте... Пуркуа регардэ? пуркуа, на нее? — спросилъ вдругъ священникъ студента, оставляя чай и неожиданно заговоривъ коверканнымъ французскимъ языкомъ.

— Мнѣ ли не смотрѣть на такихъ хорошенькихъ дѣвушекъ! — отвѣтилъ нѣсколько обидчиво и также по-французски студентъ. — Вы забываете, что мнѣ не шестьдесятъ лѣтъ.

— Оксана, выйди! — рѣзко сказала Павладій, и когда она вышла, обратился къ Михайлову. Священникъ былъ блѣденъ и встревоженъ.

— Извините меня и за невѣжливый вопросъ, и за непрошенную бесѣду на языкѣ, который я такъ плохо и самоучкой кое для какихъ книжекъ изучилъ, но этотъ вопросъ сорвался у меня невольно. Скажите... извините меня... вамъ ничего не говорилъ на этотъ счетъ полковникъ?

— Итъ, ничего. Вотъ вопросъ! Даже обидно...

— Ахъ, Боже мой! Я вѣрю вамъ, вѣрю! Господи!.. Не позвольте, вы такъ молоды еще, такъ мало еще знакомы съ Владиміромъ Алексѣевичемъ. Остерегайтесь его. Вы не повѣрите, что это за опасный человекъ. Онъ богатъ, счастливъ по-своему, всѣми любимъ; всѣ ему завидуютъ. Но что за извращенный это человекъ! Я съ нимъ, открою вамъ, сперва поссорился за одну соблазненную имъ колонистку, мою прихожанку; года три назадъ я опять повелъ съ нимъ войну за украденную имъ неподалеку, изъ двора градоначальника, кухарку-мищанку. И откуда онъ сорвался? Точно звѣрь съ цѣпи сюда явился. Не пропуститъ ни одной дѣвушки на гребовицѣ или при уборкѣ хлѣба. Повѣрите ли, суицїи разбойникъ! Какъ кого увидѣлъ, намѣтилъ, такъ и

соблазнилъ. Это какая-то чума въ своемъ родѣ. А какой тихій, свѣтскій: воды не замутишь; говоритъ какъ дѣвушка! И между тѣмъ, тутъ въ околоткѣ нѣтъ мужа, брата, отца, которые бы на него не плакались. Онъ на мени первое время страхъ наводилъ. И все ему какъ съ гуся вода! Много на него выходитъ жалобъ. Заманить, а потомъ еще иной разъ со срамомъ и прогнать. Повѣрите ли, эту послѣднюю мѣщанку держалъ болѣе года, водилъ ее въ шлякахъ, въ кабриолетѣ въ городъ возилъ; какое-то тоже ей побочное дитя въ кафтанчикахъ водилъ, а потомъ взялъ да и далъ ей на дорогу сто розогъ... Это онъ называетъ: выпить бутылку и объ полъ! Извергъ, ей-Богу-съ, извергъ! Наѣзжаютъ они теперь изъ Россіи, какъ коршунѣ, въ наши мѣста; кидаются въ аферы, спекулируютъ... Это еще бы ничего, да Бога забываютъ-съ, вертепы разврата позабавили! Что французскіе конторщики въ торговыхъ городахъ, что наши спекулянты-помѣщики здѣсь! А еще гвардіи полковникъ!.. Срамъ!..

Михайловъ засмѣялся.

— Вотъ, право, не ожидать, а какой порядочный кажется человекъ!

— Не ожидали? Смѣйтесь себѣ, смѣйтесь! А это сущій разбойникъ, ей-Богу! Я и самъ, коли хотите знать, его люблю за умъ и за даровитость. До тридцати лѣтъ получилъ чинъ полковника гвардіи; повѣяло новыми стремленіями, вышелъ въ отставку, сталъ хозяйничать — ему повезло. Тутъ бы себя подвѣснѣ обставить, а онъ развратничаетъ, какъ послѣдній купчиха на уѣздной ярмаркѣ, какъ армейскій юнкеринка съ цыганками! Тѣфу! За этимъ ли онъ ѣхалъ изъ столицы въ такую глушь? Да, вы меня спросили о моемъ пріемникѣ...

— Да-съ, прехороненькая! ужъ извините, попросту сказалъ...

— Эхъ, вамъ все красота на умѣ! А ей, скажу вамъ, судьба прегорькая. Должно быть, отецъ ея былъ изъ бѣглыхъ, изъ помѣщичьихъ лакеевъ. Шла она съ нимъ изъ Россіи сюда; на ночлегъ, въ степи, отцу ея какой-то бродяга, не то косарь, не то дворовый бурлакъ, перехватилъ пожомъ глотку. Прибѣжалъ онъ съ нею сюда ко мнѣ во дворъ, истекая кровью, и упалъ у меня, бѣднякъ, на порогъ. Отъ умиравшаго только слышали какое-то имя; его отвезли въ Таганрогъ; тогда уже наступила война, госпи-

тали смѣшались, и я не могъ добиться толку, гдѣ умеръ старикъ и умеръ ли? Да не могъ же онъ выльчнуться. Бумагъ при немъ не было; ну, его вѣрно и похоронили такъ, безъ отмѣтки. Съ той поры я ее и вскормилъ; самъ училъ кое-чему и пока держу ее въ услуженіи. Да надобно свезти въ городъ, отдать хоть сестрѣ моей: все-таки тамъ будетъ снокойнѣ. А то тутъ пока еще замужь выйдеть, хорошаго человѣка найдеть,—не совсѣмъ безопасно. Сказано: выставь сахарокъ такой на окнѣ, какъ разъ мухи облѣпятъ: хе-хе!.. Ужь извините меня, молодой человѣкъ!

И отецъ Павладій самъ отъ души засмѣялся, помахивая старою лысою головкой и моргая красноватыми, припухшими глазками.

— Вы же вонъ первый замѣтили ее!—продолжалъ онъ:— а жаль дѣвку; точно добрая. Моя дядчиха только за нею и приглядываетъ. Да извините, что васъ задержалъ: скучновато на безлюдьѣ. Вы получили деньги, напишите же теперь росписку. Да ужъ, извините, включите, что на мѣсяць тамъ, но первое, положимъ, іюля, по три процента, — вы ихъ и включите въ капиталъ.

Михайловъ поднялъ брови.

— Чтѣ вы, отецъ Павладій! по три на мѣсяць?

— Да ужъ извините. У насъ уже такъ. Я хлопочу о церкви; по хлопочу, пожалуй, еще больше и о себѣ; жалованье намъ плохое, страна тутъ коммерческая, время горячее, деньги нужны всякому, ну, и рискъ бываетъ. Я и даю на рискъ; вѣдь я человѣкъ также, или нѣтъ? А вы вѣрно тоже на дѣло берете?

— На дѣло.

— Ну, и рассчитайте: стѣить ли брать? Тогда и берите. А я свое сказалъ; такъ-то-сь.

Священникъ, держа деньги, смотрѣлъ на студента.

Михайловъ, не долго думая, взялъ деньги, какъ берутъ ихъ всѣ молодые кандидаты въ аферисты, не соображал даже, выручить ли онъ ими хоть заемные проценты. Онъ быстро отмахалъ священнику росписку. Отецъ Павладій надѣлъ очки, прочелъ два раза росписку вслухъ, попросилъ еще написать сбоку словами, а не однѣми цифрами, что взято триста и девять рублей серебромъ, и простился съ гостемъ. Михайловъ вышелъ. Сѣрый конь Палчуковского быстро домчалъ его въ Новую-Диканьку.

— Ну, что? — спросилъ Палчуковскій, съ газетой и съ сигарой лежа на постели:—я васъ поджидаль!

И онъ протянулъ ему небрежно руку.

— Далъ погнъ, да за то и проценты взялъ, по три на одинъ мѣсяць...

Полковникъ громко расхохотался на весь домъ.

— Ну, такъ я и зналъ! Ай да поникъ! Современный! Это ужъ, извините, онъ тоже не отсталый человѣкъ; и я думаю книгами хвасталь, а?

— Хвасталь,—робко сказалъ Михайловъ.

Захохоталъ еще громче прежняго полковникъ, и отъ его смѣха огласились все комнаты пустого, холостого дома.

Поговорили еще. Майтникъ одиноко стучалъ гдѣ-то изъ нижнихъ комнатъ.

— Итакъ, покориѣйше васъ благодарю, Владиміръ Алексѣевичъ, за ручательство.

— Не стѣбитъ благодарности. Что за пустяки! Ну-съ, а насчетъ нашей красавицы?

— Да!—сказалъ студентъ, верти фуражку:—вы поручили узнать насчетъ той сироты?

— Ну, что же-съ?

— Она дочь убитаго бѣлаго...

— Бѣлаго! А! Значить, она отцу Павладію припадложитъ такъ же, какъ и моему, положимъ, Абдулкѣ...

Студентъ разсказалъ подробно исторію убійства ея отца.

— Ею взялъ священникъ, когда отца ея зарѣзали, и съ тѣхъ поръ она у него въ услуженіи. Онъ ее грамотъ сталъ учить два года назадъ; читать и писать выучилъ и очень любилъ.

Палчуковскій зѣвнулъ.

— Онъ, должно быть, задумалъ выгодыѣ выдать ее замужъ, выкупъ взять...

— Дѣвочка прехорошенькая!—твердилъ студентъ съ чувствомъ:—просто прелесть! Я рѣдко встрѣчалъ такія лица и строгія, и соблазнительно-увлекающія! Полная, пышная, здоровая... Знаете, этотъ бьющій въ глаза пылъ здоровья... Знаете...

— Человѣкъ, лошады барину! — крикнулъ Палчуковскій съ постели.—Вы когда же опять у меня будете?

— Когда деньги привезу отдавать.

«Жди теперь тебя!» — подумалъ полковникъ и любезно простился съ гостемъ.

Студентъ опять поскакалъ по стемнѣвшей степи. Близилось утро. Было уже передъ разсвѣтомъ.

Между тѣмъ, какъ студентъ еще выходилъ отъ священника, съ нимъ на порогѣ впотьмахъ столкнулся какой-то человѣкъ, не то мѣщанинъ, не то рядчикъ изъ города, статный малый, съ узломъ въ рукахъ, который онъ, очевидно, несъ къ священнику. Когда отецъ Павладій проводилъ гостя и, не затворяя за собою двери, вошелъ и остановился въ освѣщенной еще по-парадному комнатѣ, принесшій съ узломъ ступилъ изъ сѣней въ пріемную.

— А! Левенчукъ! откуда Богъ несетъ? Что это?

Принесшій поклонился въ поясъ.

— Это, батюшка, ужъ примите; это свѣжая рыба съ топи, да часть дичинки: самъ стрѣлялъ.

— Спасибо, спасибо. Оксана, возьми!—пригнулъ священникъ въ сѣни.—Я это люблю, спасибо!

Но Оксана не явилась. Левенчукъ помолчалъ и опять поклонился.

— Батюшка!

— Что тебѣ?

— Какъ же насчетъ того-съ?

— Чего?

— Да насчетъ обѣщанія вашего?

— Какого?

— А про Оксану...

Отецъ Павладій отошелъ и выставился изъ комнаты въ оупо, въ которое еще громче несло пѣніе соловьевъ.

— Видишь ли, братъ,—сказалъ онъ, не оглядываясь:— ты человѣкъ добрый и я тебя узналъ, да ты бѣглый, значить—дичко. Ну, какъ тебѣ повѣрить душу человеческую? Ты безпаспортный, бродяга, вѣдь такъ?

— Такъ...

— А я тебя покрываю?

— Покрываете...

— Ну, значить, и ты преступникъ, и я. Придутъ, потащутъ тебя, раба Божьяго,—и пропала дѣвка.

— Батюшка! Что хотите, возьмите, а отдайте ее за меня; другой годъ васъ прошу, молю; отдайте, не загубите моей души... Богомъ-Господомъ молю!

— Ну, слушай, вотъ тебѣ мой жюрокъ: принеси сто цѣлковыхъ на церковь, да сто цѣлковыхъ на выкупъ твой, —

напишу къ твоей госпожѣ; авось дадутъ тебѣ волю... Тогда и бери Оксану-то. Чтѣ, согласенъ? Хочешь, сяду и напишу твоей барыни: прямо скажемъ все.

— Итъ, батюшка! Богъ вѣсть, какъ еще дома посмотрятъ теперь на мое бѣгство; обвиняли же меня за машиниста нашего! Берите двѣсти цѣлковыхъ на церковь, а ужъ на выкупъ у барыни моей не требуйте, не пустить меня теперь барыня. Знаю я, что не пустить. Смилуйтесь, батюшка, обвиняйте такъ... Мы за Кубань, мы въ Молдавію уѣзжимъ...

Священникъ подошелъ къ столу, погасилъ свѣчи, сталъ къ окну и высунулся опять въ него по поясъ, глядя на освѣщенную мѣсяцемъ росистую окрестность, по которой раздавались соловьиные крики. Изъ сѣней вошла и тихо стала у косяка двери Оксана. Она плакала; плакалъ и Левенчукъ.

— Ну, — сказала священникъ, оглядываясь на нихъ: — перевидалъ я тутъ не мало васъ, горемычныхъ! Богъ васъ благословитъ! Вѣнчаю!

Левенчукъ и Оксана поклонились ему въ ноги.

— Когда хочешь, приноси только деньги; значить, ты порядочный человекъ, достаточный, надежный; ну, значить, тогда и бери. А я собственно не себѣ беру, ни-ни! Чтѣ се въ самомъ дѣлѣ держать? я и самъ думаю. Еще чтѣ скажутъ! Но ей-же-ей, Господи, желалъ бы я, чтобы ты ей принесъ счастье, горемычной сиротѣ. И гдѣ ея родина, и откуда она — не знаю.

Левенчукъ вздохнулъ.

— Ну, вотъ вамъ, батюшка, семьдесятъ пять цѣлковыхъ, а остальные, можетъ, и всѣ къ Троицѣ отдамъ.

Онъ вынулъ изъ конца затаканнаго платка деньги и отдалъ.

— Ты гдѣ былъ это время и гдѣ теперь стоишь?

— Былъ на заводахъ и въ конторѣ хлѣбной былъ, а теперь опять всю весну при заводѣ. Тамъ и дичинки вамъ набилъ...

— Контрабандой занимался?

— Случалось.

— Не хорошо, Харитонъ, поганое дѣло! отвѣчать будешь! брось! Ну, ступай же, бери свою Оксану. Чай, подъ ракиткой побесѣдовать рветесь. Ступайте же, цѣлуйтесь себѣ,

мои иташечки! Только далѣе... пи-ни... Чуешь ты, Харькѣ?

— И, батюшка, будто мы уже какіе антихристы? законъ отцовъ знаемъ.

— А твой Милорѣденко гдѣ? Давно онъ меня шутками не смѣшилъ.

— Богъ его вѣсть, гдѣ онъ. Хотѣлъ показаться, остепениться, а про то не знаю...

— Ну, ступайте же. Да накорми его, Оксана, борщикомъ, — чай, голоденъ; тамъ и кашни спроси у дьячихи. Паче видѣлся я васъ, несчастныхъ! Это ты сегодня съ моря, а? Должно быть, пѣшедраломъ?

— Да, пѣхтурой; гдѣ намъ, ваше преподобіе, иначе! Еще съ утра вышелъ, ни крохи во рту не было...

И Левенчукъ пошелъ съ Оксаной.

А въ то время, какъ студентъ, исполненный самыхъ пылкихъ надеждъ на аферу съ занятыми деньгами, лѣзъ по стени и ему навстрѣчу загоралось приморское утро, дымясь, свѣжѣя и освѣщаясь великими блестящими, Панчуковскій призывалъ въ спальню своего Самуйлѣика, уже знакомаго намъ стараго кучера, и сказалъ ему:

— Во-первыхъ, проснись, скотина, и слушай въ оба; во-вторыхъ, безъ правоученій, иначе — плети; а въ-третьихъ, изволь съ завтрашняго же дня собрать мнѣ всѣ справки о поповой воспитанницѣ! Слышишь ли? собрать, да самыя вѣрныя!

Самуйлѣикъ хотѣлъ что-то сказать, но только махнулъ рукою и мрачно молча вышелъ. Онъ зналъ, что баринъ иногда съ нимъ шутитъ, а иногда и не шутитъ, да и больно не шутитъ.

Ужъ солнце всходило, когда студентъ свернулъ влѣво и для краткости пути поѣхалъ черезъ небольшую безыменную рѣчонку, отдѣлявшую землю купца Шутовкина отъ пробѣжей дороги. На рѣчонкѣ былъ хуторъ и водяная мельница. Спустившись шагомъ на плотину, студентъ увидѣлъ толпу мужиковъ, забивавшихъ наги у водоспуска. Барыня въ лентахъ и подъ зонтикомъ стояла тутъ же и, кури длинную трубку и порой покашливая, жалостно и суетливо покрикивала на рабочихъ и распорядкалась.

— Здравствуйте! — сказалъ студентъ, узнавъ въ барыню вчерашнюю знакомку, Щелкову, бывшую у Панчуковского.

— А! это вы, мусьѣ! — печально отозвалась, вслѣдъ уѣз-

жавшему знакомцу, мадамъ Щелкова.— Вы вотъ катаетесь, а мы, труженики-бѣдняки, уже на работѣ! ъзскюзѣ!

Студентъ приударилъ по лошади и скоро вошелъ на крыльцо еще соннаго, сельскаго купеческаго дома.

А въ гущину ракутника и ясенковъ, разведенныхъ надъ ключевымъ прудомъ отцомъ Павладіемъ, короткій конецъ майской чуткой ночи коротали, забывъ весь свѣтъ, Левенчукъ и Ожсана.

V.

Наши Кентукки и Массачусетсъ.

— «Что такое, однако, эти бѣглецы въ Новороссіи?»— спросить заѣзжій въ эти мѣста.— «А что такое бѣглецы?»— отвѣтитъ ему туземцы:— «извѣстно что: бѣглецы да и все тутъ! Крѣпостная Русь, нашедшая свое убѣжище, свои Кентукки и Массачусетсъ. Здѣсь бѣглыми земля стала. Не будь ихъ—ничего бы и не было: ни Донщины, ни Черноморья, ни преславной бывшей Запорожской земли, ни всей этой вѣковѣчной гостепріимной царицы, къ которой стремятся съ сѣвера и изъ другихъ мѣстъ за волею и люди, и звѣри, и птицы! Все тутъ бѣглецы: Ростовъ, Мариуполь, Таганрогъ, все бѣглецы. Эти портовые богачи, купцы и мѣщане, эти Шелбаповы, Пустошневые, Катальманьевы, Безродные,—поройтесь въ преданіяхъ ихъ, какова ихъ исторія? Недавніе предки ихъ,—крѣпостные, выходцы изъ Россіи, либо помѣщичьи, либо казенные бѣглецы!»—Такъ вамъ отвѣтитъ туземцы. А сами присмотритесь на бѣглыхъ—люди, какъ люди! Что же ихъ сманиваетъ сюда? Приволье земель и работъ, только трудись; на всѣхъ труда станеть...

Со всѣхъ концовъ Россіи, а съ сѣвера въ особенности, шли огромными артелями наемщики на югъ. Они шли по большимъ и малымъ дорогамъ, съ косою за плечами, парни и дѣвки, занимаясь по пути въ косари и гребцы. Цѣлыя села, гуртомъ выходили изъ тѣсныхъ околотковъ, шли по дорогамъ, въ пыли и духотѣ, босикомъ и впрѣголодь, въ ожиданіи тяжелаго труда. Отдѣльные артели сливались въ отряды, становясь къ дѣлу на крайнемъ югѣ, и то тамъ, то тутъ начиная бѣлѣть своими рубахами и сверкать потертыми косами и серпами. Было тутъ не мало и вольныхъ крестьянъ съ билетами, и помѣщичьихъ съ паспортами; но въ каждой

артели было еще болѣе бѣглыхъ. Трудъ пужаетъ, трудъ дорогъ: рукъ мало, дѣло кипитъ, трава сохнетъ, пшеница зрѣетъ, горитъ, наливается, осыпается; сотни и тысячи рублей готовы погибнуть: какъ тутъ не принять бѣглыхъ, господъ юристы? Милости просимъ! Хотя и опасно, да кто ихъ считаетъ въ этой неоглядной степи? Есть гдѣ поработать, есть гдѣ и спрятаться. Спрячетъ ихъ свой братъ землякъ, спрячетъ и помещикъ, когда налетитъ гроза въ видѣ исправника или становаго, станъ котораго здѣсь величиной чуть не съ гашиверское королевство. Становаго тутъ купитъ всякая денюшка; онъ и смотритъ сквозь пальцы. Чуть зазвенѣтъ, однако, жадный полицейскій колокольчикъ— бурлаки прячутся въ бурьяны, байраки, стоги или въ камыши, или въ глазахъ самой власти бѣгутъ черезъ границу съ узда. А помещику и колонисту безъ бѣгло нетъ житья. Бѣгле—народъ смиренный, трезвый, усердный; чисто ливерпульскіе пуритане въ душѣ. Беретъ бѣглый за работу меньше вольнаго; ну, да и обчитать его легче: не пожалуется!.. Поплачетъ развѣ только, либо выругаетъ за околицей хутора не по-человѣчески, и только. Потому-то здѣсь все шито и крыто. Бѣгле идутъ на линію, за Кубань, въ Крымъ и въ приморскія степи на югъ, какъ домой, изъ всякихъ суровыхъ и тѣсныхъ уздовъ сѣвера. Пуританизмъ ихъ удивительный. Известно слѣдствіе въ окрестностяхъ Нахичевани, открывшее, что партія бѣглыхъ почевала въ степномъ байракѣ, у какой-то лѣсничихи, какъ при этомъ одинъ изъ бѣглыхъ украсть у хозяйки ведро и какъ за это товарищи его сперва высѣкли, а потомъ, не долго думая, повѣсили на дубу: «не срами, дескать, хорошихъ людей!» Такъ-таки и повѣсили.

Точки соединенія всего этого лѣтяго захожаго люда въ степяхъ, притонъ ихъ отдыховъ и наймовъ, ихъ увеселительные клубы, это—шинки зажиточныхъ слободъ и одинокіе постоянные дворы съ громадными, уже извѣстными читателю, степными колодцами.

Эти шинки—вещь любопытная. Кто ихъ здѣсь не знаетъ, за рѣкою Богатыремъ, Джемрекомъ, въ селахъ Вольной-Лысель и Старый-Керменчикъ и вдоль по рѣкамъ Кобыльной и Волчьей, а равно въ анухтинныхъ и черняговскихъ хуторахъ, въ мологанской слободѣ Астраханкѣ и въ цѣмечкой колоніи Красный-Трактиръ? Во-первыхъ, такіе шинки

приносить огромный доходъ. Въ обширной слободѣ они непремѣнно устроены на главной улицѣ или на площади, близъ церкви. Это, по праздникамъ, своего рода лондонскія биржа. А хотите знать, какъ занимаются бѣлые лѣтомъ и какъ жжотируютъ этими *бѣлыми цѣрами* наши южные плантаторы? Извольте. Подъѣзжая въ праздникъ къ мѣсту ихъ сходки, вы еще издали усматриваете небывалую толкотню и слышите громкій говоръ народа. Толпа стоитъ передъ шивкомъ вплоть до церкви, какъ на торгу. Отдѣльные кучки стоятъ по соседнимъ переулкамъ, сидятъ подъ плетнями или идутъ рѣшать дѣло еще далѣе на выгонъ, за село, чтобы не было свидѣтелей. Въ общей толпѣ и передъ этими отдѣльными кучками прохаживаются помѣщики, кавалеры средней руки и приказчики богачей, нанимая артели, выслушивая торги и послѣднія цѣны, сбивая упорныхъ разными штуками и другъ у друга, у своего же брата, смакивая небольшою надбавкой нанятыхъ уже рабочихъ. Иной приказчикъ въ синемъ кафтанѣ и въ синихъ шароварахъ, подпоясанный краснымъ кушакомъ, ходитъ-ходитъ, торгуется, надеждается, сонселея, нанять, выставить ведро водки на жарычъ, сосчитать свою артель и свѣшнить домой; а по пути, иногда у самыхъ воротъ его, встрѣчаетъ артель приказчикъ другого помѣщика, надбавляетъ рабочимъ ничтожную плату и уводитъ ихъ съ собой. Бываютъ при этомъ и свалки наемщиковъ и нанятыхъ. Случается, что ловкій соглядатай отъ одного помѣщика явится въ степь, прямо на работу къ нанятымъ другого, съ цѣлью смакнуть ихъ разными льготами; а другой-то хозяинъ еще ловче, подглядитъ его штуку, да тутъ же въ степи его и высѣчетъ. А старики повичкамъ говорятъ: «вы тому не удивляйтесь, что этотъ панъ высѣкъ ключника того пана: такъ было и въ старину, какъ наши степи селились и еще люди тутъ ходили незадрѣвленные, какъ запорожцы. Придетъ Юрьевъ день,—являются верховоды, кричатъ: «на Кильченъ!» либо «на Самару!» Одно село выселиется, а другое идетъ ему навстрѣчу въ иное мѣсто. По мостамъ и по плотинамъ идутъ обозы съ дѣтьми, добромъ и стариками; идутъ батраки и бабы, прощаются съ родичами; воли ревуть, возы скрипятъ, а паны заѣзжаютъ другъ передъ другомъ, спорятъ, смакиваютъ къ себѣ нашего брата и рубятся саблями, а иногда и пшцали, бывало, хлочаютъ. Оно такъ всегда тутъ было.. Тотъ

пань, бывало, при проѣздѣ обоза, хвалить свое, а этотъ свое; говоритъ: «идите ко мнѣ, люди добрые! дамъ вамъ и стени вдоволь, и хорошей воды, и лѣсу, и хатъ, и скота!» А ужъ что совреть, то совреть, лишь бы ему сманить ихъ, вотъ какъ и теперь... Есть преданіе, какъ одинъ свирѣпый командиръ, преслѣдуя здѣсь бѣглыхъ, налетѣлъ гдѣ-то на артель неводчиковъ и гаркнулъ на нихъ: «гдѣ ваши паспорта?» Тѣ переглянулись. Генераль былъ безъ конвоя, съ одною свитою.—«На баркѣ, ване сіятельство!» — отвѣтили тѣ и пошли по доскамъ, одинъ за другимъ, за паспортами. Взошли на барку, оттолкнули ее отъ берега и показали ему оттуда что-то въ родѣ шишей, со словами: «вотъ наши пашпортики!» И эти слова стали съ той поры здѣсь поговоркою. Въ праздникъ, до начала торга, въ слободѣ, гдѣ занимаются косари и гребцы, въ церкви обыкновенно слушается обѣдня и всѣ чинно стоятъ и молятся, слушая отца Прокопа или отца Дѣроша. Дымъ густо стелется, дычокъ баситъ, а изъ дыма глядятъ все черноволосыи и русыи чубатыя головы, будто сейчасъ вышли съ картинъ Шевченка, Трутовскаго и Соколова. Обѣдня кончилась: наполняется площадь и шинокъ. Въ одномъ изъ такихъ шинокъ долгое время въ паймахъ, подъ Керменчикомъ, былъ бѣглый поваръ какого-то генерала изъ Калуги, который держалъ отличную простую кухню и, постукивая ножомъ павстрѣчу входившаго загорѣлаго люда, выкрикивалъ: «А кому угодно котлетокъ à la метрдотель, бламанже, сюперфлю и все что угодно!» Никакихъ утонченныхъ дикавинокъ жидь-содержатель никака не могъ, разумѣется, по его вызову, предложить гостямъ; но прибаутки повара приманивали толпу, и шинокъ былъ не въ накладѣ, справляя иногда, впрочемъ, свадебныя пирушки для сосѣднихъ поселенъ и бѣглыхъ, съ такими угроженіями, что хоть бы и въ городѣ. Про бѣглыхъ тутъ ходятъ и плоскіе избитые анекдоты, рассказы о томъ, какъ они вѣичаются вокругъ полевыхъ кустиковъ, или обходя одинокій стогъ три раза. Обошли—вотъ и мужъ и жена, пока снова разойдутся. Такіе же ходятъ толки и о крестинахъ. Это уже область мѣстнаго юмора. Пора работъ кончилась. Бѣглые съ полей переходятъ къ неводамъ. Здѣсь осенью вся бѣглая, разбившая свои оковы Русь... Уходя изъ шинокъ, косарскія артели поютъ особыя мѣстныя пѣсни, съ сочиненными намеками на сосѣднихъ

помѣщиковъ, отдавая имъ похвалы за милосердіе или остря падъ ихъ скаредностью и стѣсненіями, въ родъ этого:

«Чужи паны, ягъ пугачи,
Держуть людей до пивночи,
А нашъ соловейко
Пускае ранѣнько;
Дае водки и грошей—
Спаси его, Боже!»

Такія пѣсни пѣлись въ косовицу и на Мертвыхъ-водахъ, на поляхъ куща Шутовкина, братьевъ Небольцевыхъ, близъ помѣстьевъ Панчуковскаго, Швабера, Вебера и на церковной земелькѣ Святодуховскаго хутора.—Отчего иные бѣгаютъ?—спросите вы у становаго.—«По омерзительной привычкѣ», — отвѣтитъ онъ вамъ и начнетъ доказывать. Хатка у такого бѣгуна плетена изъ камыша, прімазана глиной; въ хаткѣ ни стола, ни лавки порядочной, а во дворѣ плетень камышевый. Придетъ свинья необридная, толкнетъ, чесавшись, и повалитъ весь хламъ. Толкнетъ съ досады и самъ хозяинъ хату ногою, повалитъ ее и пойдетъ въ бродяги. Ему и жены не жалко, и дѣтей. Такъ по десяти и по двадцати лѣтъ шляются. Видно дома солоно. А иной проворовался, ограбилъ, убилъ. Есть и бѣжавшіе отъ страха наказанія за покражу лоскута холста, сальной свѣчки. И ходятъ въ бродягахъ годы. Думали переводить бѣглыхъ, оцѣпляли города, села. Прибыль въ эти мѣста, лѣтъ двадцать назадъ, между прочимъ, другой, подобный упомянутому выше, свирѣпый начальникъ и вызвался искоренить тутъ всѣхъ бѣглыхъ. А подначальникъ былъ у него человекъ обстрѣленный и зналъ, какъ это легко говорится и какъ трудно дѣлается. Захотѣлъ этотъ первачъ свой край объѣздить. Ѣздить и Ѣздить, совсѣмъ замучилъ помощника. Ужасъ навелъ на бѣглыхъ своими выходками и жестокостью. Въ кандалы перековалъ цѣлыя тысячи, остроги ими переполнилъ по всему взморью. А помощника совсѣмъ выбилъ изъ силъ. Вотъ и подвелъ штуку помощникъ. Проморилъ какъ-то владыку въ стени, а все везетъ его далѣе, все далѣе. Ужъ тотъ и животикъ сталъ потирать и поглядывать изъ коляски: что за бѣсовъ край! хоть бы корчма или деревушка какая,—а до города еще верстъ двадцать. Остановился первачъ.—«Ну, говорить, какъ бы чего закупить?» Кипулись къ свитѣ,—ничего нѣтъ. А это ужъ помощникъ

такъ подвель. — «Итъ ли хоть корочки чернаго хлѣба? Итъ ли тутъ постоялаго двора гдѣ-нибудь?» — спрашиваетъ первачъ. — «Куда вамъ, ваше сіятельство! у насъ ли этому быть въ этой голой и пустой сторонѣ! А вотъ постоитъ: тутъ въ сторонѣ, на берегу моря, неводокъ, кажется, есть; бѣднячокъ одинъ держитъ артель. Угодно-съ? моветъ разживемъ чѣмъ-нибудь?» — «Вези, братецъ, вези! просто умираю съ голода!» — Его привезли. «Здравствуйте, ребята!» гаркнулъ первачъ на рабочихъ, выходя изъ коляски. — «Здравствуйте, пане!» — «Давайте ѣсть; что у васъ имѣется?» — «Что же у насъ будетъ, пане? мы люди бѣдные; хлѣбъ-соль; да развѣ рыбки вамъ поймать?» — «Давай». И закинули неводъ. Ужь тогда-ли поймали, или было приготовлено заранѣе, только неводчики и устроили ему закуску: уху изъ самой первѣйшей рыбы, съ бездною молокъ и потроховъ; въ ноздри душистый паръ такъ и ударилъ; икры свѣжей вывалили ему цѣлый боченокъ; а горячій хлѣбъ да голодный зубъ — главное, помните. Наѣлся генераль до отвалу: едва поворотился. Кинулъ неводчикамъ червонецъ, благодарить помощника: «ну, братъ, такого обѣда и цари не ѣдятъ!» Отѣхалъ побѣдъ въ степь, скрылось море и коса съ неводчиками. Помощникъ и говоритъ: — «а знаете, ваше сіятельство, у кого мы обѣдали?» — «Итъ, не знаю». — «У бѣглыхъ!» — «Быть не можетъ!» — «То-то-съ; переведете ихъ, такъ и рыбы такой тутъ некому будетъ поймать...» — Генераль задумался и больше не козырился, стать какъ и всѣ мы грѣшныя...

А плантаторы между тѣмъ не дремали. Громадныя ратаги косарей и гребцовъ, челоуѣкъ въ триста и въ четыреста, расхаживали но быстро косимымъ стенамъ. Сами велемочные господа кавалеры изъ-подъ Ростова, Бердянска, Мариуполя и Мелитополя, кто верхомъ, въ широкой бердинской или одесской, а иногда и прямо панамской шляпѣ, или пѣшкомъ, съ шеткой, усердно расхаживали среди артелей, неслись съ утра до ночи на страшномъ солнцекѣ и обращали свои лица въ подобіе желтаго земляного угля. Двигались медленными точками и бѣлѣя своими шляпами, они, какъ коршуны, стоявшіе въ небѣ надъ ними, зорко поглядывали по сторонамъ, подмѣчая либо закънвивнагося косаря, либо окидывая жаднымъ и плотояднымъ взглядомъ смазливую гребчиху, съ грѣховнымъ помысломъ приласкать ее вечер-

комъ, въ прохладѣ одинокой стѣнной пунки, за стаканомъ пунки и глоткомъ коньяку или водки. «Эй, хлопцы! эй, дивчата!» покрикивали стѣнные поморскіе плапаторы, съ бойкостью яростныхъ, настоящихъ янки, помахая на кучахъ клячь илеткой и верхомъ ведя свои ватаги по пылающимъ въ зноѣ равнинамъ, «а ну-те, постарайтесь! а ну-те, разомъ, разомъ, разомъ! дружнѣе! Котель каши съ саломъ; два ведра водки лишнихъ на магарычи! А ну-те, ну-те, ну-те!» И сотни обѣленныхъ бурьянами косъ дружно и мѣрно сверкаютъ; сотни грабель взвиваютъ и складываютъ въ копны душистый чай нашихъ стѣней, мягкое и пѣжное зеленое сѣно. Среди полянъ стоятъ косарскіе и гребовицкіе таборы. Косовица во всемъ ходу, въ полномъ разгарѣ. У привала дымится изъ навознаго кирпича костерокъ. Громадная арба, съ полотняною крышею, въ видѣ гроба, безъ усталости открывается и закрывается, подвозя на волахъ или верблюдахъ крупу, соль и рыбу отъ хозяевъ. Нѣсколько бочекъ едва успеваютъ подвозить къ таборамъ изъ дальнихъ колодезь воду. Вышекается въ хозяйскихъ хуторахъ, въ особенныхъ печахъ, и въ сутки съѣдается по триста и по четыреста хлѣбовъ, на одномъ полѣ, у одного хозяина. Изъ Мариуполя и Таганрога подвозятся мѣшки и мѣшочки, на тысячи и болѣе рублей серебромъ, мелочи. Панимаются артели въ десятки и сотни человекъ по-недѣлю. Расплата производится по субботамъ. Наморившіяся, загорѣлыя и запыленные дѣвки и бабы сидятъ въ тѣни, гдѣ-нибудь подъ амбаромъ или подъ конюшнею, не распѣвая пѣсенъ и не шути, въ ожиданіи расчета. Косари безъ шапокъ стоятъ кучами по двору или у крыльца. А сами гостеприимные господа-плапаторы сидятъ у крылечка, передъ столикомъ, и расчетъ ведутъ. Этой партіи триста цѣлковыхъ, этой сто тридцать пять, той двѣсти. Кости на счетахъ звонко выщелкиваютъ красные кушны. Перо тутъ же записываетъ сказочные дѣтніе новороссійскіе расходы. Хозяева въ эти минуты не видятъ передъ собою ни живописныхъ типовъ украинскихъ косарей, ни хорошенькихъ, подгорѣлыхъ на вѣтрѣ и присмаженныхъ на солнцѣ гребчихъ. Они видятъ одно сѣно, копны, стоги, свои стада и барыши. «А! вонъ и самъ панъ-полковникъ выѣхалъ!» говорили иногда сосѣдскіе приказчики, изъ мѣщанъ и вахмистровъ, видя, что Панчуковскій выѣхалъ къ гребцамъ или къ косарямъ на

красивомъ сѣромъ или буланомъ жеребчикѣ: «пу, это уже не даромъ! вѣрно старый хрычъ, Самуйликъ, смастерилъ ему какую колониетку, либо изъ нашихъ дѣвокъ какую припасъ полакомиться. Ишь ты! какой молодой орликъ, летаетъ и плаваетъ передъ рядами. Вонъ остановился; шутить,— видно сигарку закуриваетъ... Эхъ, житье этимъ господамъ, право! Денегъ—куры не клюютъ, спятъ себѣ въ-волю, шьютъ, ѣдятъ, книжки читаютъ—тъфу! А ты трудись... а дѣвокъ пмь и отбою нѣту!.. Какъ тѣ салтаны проклятые турецкіе проживаютъ!..»

Такъ говорили приказчики, разумѣется, отъ зависти.

VI.

Оксана и ракитникъ.

Въ одной изъ такихъ бѣглыхъ артелей былъ и Левенчукъ. Онъ былъ въ наймахъ недалеко отъ Святодухова хутора; часто подъ вечеръ мелькала въ яру и въ ракитовой роуцѣ его смурая баранковая шапка. Какъ же полюбились Левенчукъ и Оксана? Э, господа! Какъ любятся птицѣ небесныя, звѣрки полевые? Ужъ, разумѣется, очень просто, какъ любятся все привольное, дикое населеніе степей вѣка и десятки вѣковъ, нарождаясь и смѣняя другъ друга.

Безъ вздоховъ, безъ лишнихъ словъ, просто и даже очень просто полюбились и жили своею любовью Левенчукъ и Оксана. Левенчукъ окрѣпитъ на волѣ въ эти три года, возмужалъ и ревниво берегъ издали свою Оксану, занимаясь то въ невода, то въ поденщики у окрестныхъ колониетовъ и вездѣ высматривая ее и слѣдя за нею. Ихъ встрѣчи были кратки. Тихая и степенная красавица безъ него никому не спускала, кто бы ее ни затронулъ. Возясь и работая въ кухнѣ, въ огородѣ, на дворѣ и въ домѣ священника съ утра до ночи, она и дитя кривой дьячихи закачаетъ, и поля вымоетъ, и птицъ накормитъ, и часто поетъ-поетъ, какъ жаворонокъ заливается. А сойдетъ ночь, скрипнетъ валежникъ въ ракитникѣ, она молча и покорно идетъ къ Левенчуку, покорно ластится и жаркими-жаркими объятіями нѣжитъ его. Словъ какъ-то нѣтъ у нея; все бы глупо молчала да нѣжилась, какъ кошечка, возлѣ него. Соберутся къ святодуховскому пруду сосѣднія гребчихи за водой, полощутся въ

кустахъ, припасають ведра воды, умываютъ загорѣлыя лица, запыленные руки и плечи, и Оксана выйдетъ изъ поповой хаты. Паслушается всего, поможетъ одной-другой воды набрать, подастъ ведра на коромысло, придетъ домой и все рассказываетъ дьячихѣ.—«Ты только молчи, Оксана,—говорить на это дьячиха:—ты лучше всѣхъ, а только молчи! И ужь тебѣ найду жениха сама!»

«Да, держи карманъ! — думаетъ Оксана: — и безъ тебя знаемъ, гдѣ что получше, покрасше!»—Сама раздѣнется для работы, затопитъ печь, засучитъ рукава, поставитъ горники, лукъ крошитъ, ишено толчетъ, обѣдъ готовитъ, — а сердце такъ и колотится.—«Вотъ,—думаетъ:—дѣвки полагають, что я такая недотрога, никуда ногой не хожу, ни въ наймы въ стень, ни въ гости ни къ кому, а я-то... а ночи?... а раки-тникъ?.. Да и тетка Горнина такъ же думаетъ!..» Пойдетъ на прудъ днемъ, бѣлье моетъ. Обнаженные ноги съ кладочки въ водѣ рисуются, солнце пышетъ въ лицо. И все ей жалко кого-то. Сама боится глянуть въ сторону.—«Глянь»,—шепчетъ ей что-то:—«глянь! въ кусты орѣшника, въ темныя ясени, въ ракиты глянь: вонъ тамъ на берегу, по тотъ бокъ пруда, стоитъ кто-то — глянь!..» И весело ей, и тяжело, и совѣстно, и страхъ какъ хочется посмотрѣть. «И чего я гляну!—думаетъ Оксана, стуча валькомъ по бѣлью:—теперь полдень, онъ коситъ гдѣ-нибудь или неводъ тянетъ...» Подняла глаза и обомлѣла: на берегъ вышелъ изъ байрака Левенчукъ и давно машетъ ей, зоветъ ее.—А вечеръ придетъ... Давно она не видѣла Харька. Постлалась на лавкѣ, въ кухнѣ, помолилась, три поклона положила и крестится, ложась спать. Помнить все, что было днемъ: какъ она дити дьячихи Горнины колыхала, какъ вечеромъ корову доила, а сама все смотрѣла опять въ сторону, дура, и ждала, что вотъ-вотъ кто-то изъ-за угла покажется. Уже заснула Оксана, спать, а ночью чувствуетъ, что покраснѣла: совѣстно ей подумать, какъ это она выйдетъ замужъ и въ люди покажется... Лучше бы такъ просто подольше жить и тихо любить!

Не помнитъ Оксана ни отца, ни матери, даже не знаетъ, кто были ея отецъ и мать и гдѣ ея близкіе. Слышала, что отца ея зарѣзали, и что съ той поры ее взяли въ присемьшии отецъ Павладій. И съ особою любовью ходитъ она за дитяею тетки Горнины, пѣлать его, поминутно съ нимъ во-

зится и поетъ ему стѣнные малорусскія колыбельныя пѣсни.

Худое и слабое дитя иной разъ безъ мѣры расплачется, Оксана не дастъ матери укачать его. Не отходитъ отъ него и поетъ, не переставая. То на руки его возьметъ, пойдетъ съ нимъ на выгонъ, въ лѣсъ, опять положитъ дитя въ колыбель и поетъ.

Какъ познакомилась Оксана съ Левенчукомъ, трудно и сказать. Былъ онъ какъ-то въ церкви, стоялъ тамъ такой печальный да жалкій; тихо крестился, приложился къ кресту, когда отецъ Павладій отпущекъ съ обѣдни дочитывалъ. Потомъ косилъ онъ въ косаряхъ на церковной стѣпѣ у отца Павладія, а она воду косаримъ носила. Только и знакомства. А какъ потомъ она ему всю душу отдала, стала ходить и бѣгать къ нему, черезъ плетень прыгая, лисичкою въ кустахъ выступая,—этого она и не расскажетъ. Стала вдругъ она и болѣе заботливая: хлопочетъ и старается по хозяйству, будто собирается куда, будто послѣдніе дни для нея настали. А сама похудѣла, точно измученная чѣмъ, но еще болѣе съ тѣхъ норъ похорошѣла. Русая коса какъ шелкъ вычесана; темныя брови еще темнѣи стали; а слегка впавшіе, тоскующіе глаза не по лѣтамъ такъ и мечутъ любовныя чары. Движенія замедлились; тѣло просится къ лѣтнію, а работы гибель. Выйдетъ Оксана на косогоръ, станетъ противъ рощи; стоитъ и вдругъ заплачетъ. Долго стоитъ, смотритъ и поетъ за душу берущую пѣсню нашей Украйны...

Или заберется она въ глушь байрака, сядетъ въ кустахъ, шьетъ узоромъ сорочку, за слезами нитки не видитъ и тихо поетъ пѣсню, которой выучилась она у дочки собѣдной бакшѣвниці, пропавшей безъ вѣсти два года назадъ, вслѣдъ за отходомъ партіи неводчиковъ.

Пѣсни сѣбѣ; слезы душатъ Оксану; она упала лицомъ на работу, и плачетъ-плачетъ... еще отъ рожденія она такъ не плакала. На дунѣ и горько, и тяжело. А мысли роются между тѣмъ: «ну, желала бы я, однако, знать, гдѣ этотъ пройди-свѣтъ Харькѣ? Должно-быть, съ дивчатами чужими возится, водку гдѣ-нибудь пьетъ. И не срамъ?..» Поднимаетъ голову и ахнула: Левенчукъ сидитъ противъ нея на корточкахъ, держитъ трубку въ зубахъ, копается въ кистѣ съ табакомъ и смѣется. «Вотъ хорошо, что ты зашла, а я по

голосу и нашель тебя!» Застыдилась Оксана. Ей весело и вмѣстѣ жутко. Дрожь въ рукахъ и въ груди. Она не придвигается къ нему ближе. Онъ смѣтается надъ нею. Она идетъ въ него нитками, траву щиплетъ, въ глаза ему хочетъ бросить. А онъ ей руки крутить, борется съ нею, десятки прозваній ей ласковыхъ и смѣшныхъ даетъ... «Да прочь же, прочь!»—говоритъ она ему, морщась и будто отталкивая его, а сама все къ нему ближе... Солнце не заглядываетъ въ гущину ясенковъ. Только вѣтеръ церебѣгаетъ по верхушкамъ... Дикая утка откуда-то полетѣла, поныряла раза два надъ байракомъ, улетѣла опять и, снова прилетѣвъ, тяжело шлёпнулась въ осокѣ озерка, ниже пруда. Должно быть, гнѣздо ея тамъ свито. А Левенчукъ рассказываетъ, гдѣ онъ былъ въ эти двѣ недѣли, гдѣ неводъ тинули, какъ пароходъ откуда-то ночью набѣжалъ, дымъ клубился, море шумѣло, наплыли лодки къ берегу, все какіе-то не то армяне, не то далматы бѣгали, выгружали запретный товаръ, контрабанду, въ камыши, и съ верховыми укрыли ее потомъ до разсвѣта далѣе. Говоритъ, что эти дни онъ косилъ возлѣ Святодуховки и все собирался къ ней, только ждалъ расчета. — «Я видѣлъ тебя, Оксана; прошлую ночью къ двору вашему подходилъ... Ты спала на дворѣ подъ горницею, да я не посмѣлъ черезъ плетень перелѣзть... Лежишь ты, раскинулась,—а я хотѣлъ подобраться къ тебѣ, напугать! И какъ это вы собакъ не держите; просто странно! Ещѣ обворуютъ!»—«И, Харитусю! Отъ злого человѣка и собака не спасетъ!»—«Ну, гдѣ же нашъ багюшка теперь, Оксана?»—«Дома; пчель ѣдетъ покупать на Троицу! Приходи тогда...»—«Э, нельзя! Намъ заказано въ лиманы; французъ чаю привезетъ, разгружать станемъ, по десяти цѣлковыхъ на человѣка въ ночь будетъ... Не приду, а послѣ опять косить приду до вашего нѣмца.»—«А, стой!»—тихо крикнула Оксана и замерла:—стой; какъ будто кто яромъ подъ ногами вотъ у насъ идетъ; не то отецъ Павладій, не то посторонній кто... Ишь крадется!» Но шумъ замолкъ, на сердцѣ Оксаны отлегло. Левенчукъ закурилъ трубочку, и опять пошли толки. Онъ рассказываетъ, какъ жилъ еще у своей барыни, какъ пастъ овецъ, какъ его женили, какъ Варьку машиной задумило и потрощило, какъ онъ утопиться задумалъ и уже вторые сутки просиживалъ надъ омутомъ у мельницы, и какъ его спасъ и сманилъ на линію Мило-

рѡденко. Оксана въ сотый разъ слушаетъ и плачетъ, тихо вышивая узорную сорочку или бросая иглу и безмолвно слушая Левенчука. «Ну, гдѣ же теперь нашъ Василь Ивановичъ, нашъ Милорѡденко?»—спрашиваетъ она, тихо въ мысляхъ молясь за него.—«Э, Оксана, ищи вѣтра въ полѣ! Сказываютъ, что онъ точно усиѣлъ за эти три года разбогатѣть. Сперва, говорятъ, былъ онъ при неводахъ, а потомъ у какого-то грека на хуторѣ пасѣку держалъ и самъ завелся пчелами; даже въ мѣщане въ Азовѣ хотѣлъ приписаться, но чужому имени — все домою тоже обзавестись мостился. Передаютъ, что уже и при деньгахъ былъ. Да какая-то бабѣнка ему тутъ подвернулась. Онъ сперва у нея ключникомъ нанялся—она тоже помѣщица, что ли. А тамъ и въ любовники къ ней попалъ. Годъ такъ жилъ! А съ этой весны куда-то и пропалъ опять безъ вѣсти. Какъ будетъ наша свадьба, Оксана, передъ Петровками, мы его разыщемъ... хочешь? Я припасъ еще денегъ; самая малость остается, такъ и скажи батюшкѣ!»—«Скажу».—«Скажи, что послѣ Троицы, какъ управлюсь на морѣ, да покошусь еще у нѣмца съ недѣлю, приду и остальной за тебя выкупъ принесу... Ну, а гдѣ же мы станемъ жить тогда, Оксана?»—«Охъ! уйдемъ отсюда; тутъ ужъ намъ не житье. Слышно, все разыскиваютъ бродягъ, а вѣдь мы не люди, мы съ тобою бродяги... Воже! Хоть бы на Дунай, или въ ту Апатолю пробраться... У турокъ, слышно, всѣхъ принимаютъ. Вонъ я слышала, Харькѡ, къ нашей дьячихѣ сестра съ богомолья изъ Ерусалима, проходомъ въ Россію, навернулась, говорить, что нашего народу видимо-невидимо изъ Одессы и изъ Польши туда переніло, и по Дунаю такъ слободами и живутъ».—«Не можетъ быть того, чтобъ до негѣрныхъ переходили!»—«Ну, а я ужъ слышала; тамъ начпортовъ не требуютъ.»—«А! батюшки, батюшки! вотъ доля!»—«А слышалъ ты тоже,—вонъ попадья къ намъ отъ Шутовкина кунца наѣзжала, шпена занимать и постнаго масла на косарей, — нашъ батюшка на барыни на лѣто и это держитъ, — будто къ Небольцевымъ господамъ исправникъ выбѣгалъ съ понятиями, село обходилъ, всѣ сундуки и погреба осматривалъ и шестнадцать человекъ за конвоемъ въ Ростовъ отвелъ. Плачу тамъ, плачу было такого, что и—и! Паши, говорятъ, въ подвалѣ стараго-престараго сапожника; онъ двадцать девять лѣтъ уже какъ бѣжалъ, сказыва-

вають, отъ какого-то помѣщика, не то изъ Рязани, не то изъ Москвы, и все это время жилъ въ подвалахъ, обшивать всѣ околотки...»— «Ну, ну?»—спрашивалъ Левенчукъ, все блѣднѣя и едва переводя дыханіе.— «Какъ вывели его отсюда, а онъ, какъ мушка сонная, осенняя, такъ и пачается отъ вѣтру, ухватился за волосы сѣдые, бѣлые, да и упалъ объ землю.»— «Ведите меня, говорить, хоть въ Сибирь, а только домой не ведите, на хуторъ. У меня, говорить, тутъ ужъ своя родина, и жена другая, и дѣти взрослые; а то я руки на себя наложу; я не красть, не грабить, тихо жилъ себѣ, работалъ...»—А исправникъ смѣется.— «Ведите его, молодчика, да покрииче закуйте; онъ ужъ по четыремъ ре-визіямъ пропущенъ, ему и имени Христова нѣтъ...» И повели его на Екатеринославъ особо. Такъ сказывала Шутов-кина куща попадья...» — Левенчукъ всталъ, оправился. Встала и Оксана. — «Ну, Оксана, теперь ты будь готова. Послѣ Троицы заразъ повѣнчаемся! Я пойду на корабли, договорюсь... Я ужъ устрою... Не жите намъ точно здѣсь становится. Набрехалъ-таки Милорѣденко, иль оно ужъ измѣнилось! А ты только будь, значить, готова; не въ Туретчину, и тутъ найдемъ мѣсто! Вонъ и въ прошлое лѣто шелъ на заработки, съ чужимъ мѣщанскимъ начпортомъ, за Елисаветградъ. Ну, да и мѣста же это по Днѣпру, Оксана! Зашелъ я въ такую лощину: все балки, песокъ красный, слюды блестятъ на солнцѣ, тюльпаны дикіе, какъ колокола цвѣтутъ, алые и желтые, по степямъ и по ярамъ,—пахнетъ, весело, привольно... Вотъ хоть бы туда! Будь только готова; ужъ мы спрячемся,—а тамъ, слышно, и волю всѣмъ скажутъ! Согласна, серденько мое?»— «Согласна!»— «Такъ жди же меня, жди, жди!...»

Близился день Троицы, храмового праздника въ хуторѣ отца Павладія. Сосѣдніе колонисты, бѣглецы, и всякій обычный, захожій людъ въ окрестности свято чтитъ и помнитъ этотъ день. Отецъ Павладій, отъ студеной весны лишив-шійся всѣхъ своихъ пчель, затѣвалъ давно завести новую пасѣку, сторговалъ въ сосѣдней болгарской колоніи двадцать колодокъ и со старикомъ дьячкомъ, который былъ у него ходокомъ по всѣмъ денежнымъ дѣламъ, собирался ѣхать туда на своей пѣгашикѣ, вслѣдъ за обѣдней. Между тѣмъ, онъ собирался панягъ мимоходомъ, гдѣ случится, изъ своихъ

болѣе грѣховныхъ прихожанъ, не разъ послѣ исповѣди бывшихъ въ наказаніи на поклонахъ, десятокъ-другой подешевле косарей, на свое подцерковное заповѣдное поле. Да кстати тоже съ какого-то колониста, къ этому же дню, слѣдовата получка капиталца и процентовъ, по пятнадцати этакъ на сто, за полгода. Таковы уже заразительные обычаи этого коммерческаго новороссійскаго люда. Въ минувшемъ году отецъ Павладій пустилъ часть круглаго капиталца на сосѣдній поргъ, въ долъ съ какимъ-то грекомъ, чрезъ того же дьячка, скунивъ малую толику пшеницы и льна. А не мало деньжатъ блуждало и по сѣвернымъ уѣздамъ губерніи, и по Дону, и до Кубани, оставая подъ залогомъ, въ сундукѣ и въ комодахъ отца Павладія, серебряныя ложки, браслеты, столовое бѣлье, росписки, часы, даже ордена отставныхъ майоровъ и ротмистровъ, нынѣ усердныхъ плантаторовъ по рѣкамъ Мертвой, Кобыльной и далѣе до Лны-Салы...

VII.

Новая сабинянка.

Троицынъ день начался радостно для отца Павладія и прочихъ обитателей Святодуховскаго хутора. Сѣденькій рясоватый дьячокъ, въ ожиданіи обѣда съ выпивкою вина, метался, прилизанный и прифрантившійся съ утра, между прибранною заранѣе церковью и домою священника. Дьячхиха варила ѣсть батюшкѣ, себѣ и гостямъ, обыкновенно казѣжавшимъ сюда къ храму. Отецъ Павладій ловко спряталъ въ своихъ коморкахъ къ мѣсту книгу, журналы и газеты, Богъ съ ними—нелюбимаго мѣстными господами Гоги и гонимаго директорами сосѣднихъ училищъ Вѣлинскаго (котораго отецъ Павладій въ простотѣ души звалъ не Вѣлинскій, а Вѣлпнскій), накурилъ весь домъ немилосердно ладаномъ, такъ что суетившаяся съ утра Оксана вѣбкала-было, уже во время обѣда, съ чѣмъ-то въ спальню батюшки, торонясь скорѣе покончить хлопоты, что-то поставить, что-то взять, надѣтъ послѣднія двѣ ленты въ косу и пойти степенно и величаво въ церковь, но остановилась въ клубахъ непрогляднаго дыма, покрутила носомъ и, ухватясь за глаза, выскочила на крыльцо.—«Ужъ это вѣрно батюшка раскутился; вѣрно роснымъ или смирною такъ накурилъ!» Еще раза два простучавши по зеленому двору быстрыми

пятами, Оксана, наконецъ, заперла ворота и пошла въ церковь. На ней была новая ситцевая красная юбка, синіе шерстяные чулки и козловые башмаки, только-что изъ лавки. Много было тамъ господъ. Много экипажей стояло у склона байрака, между кустовъ и подъ рощею, у воздѣланнаго отцомъ Павладіемъ пруда. Церковь, вся обросшая и густо укутанная бѣлыми акаціями, сиренью и лилиями, едва оттуда торчала золотою маковкою. Чинно прошла обѣдня съ акаонствомъ и съ колѣнопреклоненіемъ. Папанунѣ была отслужена обычная панихида по умершимъ, бывшимъ приснопамятнымъ переселенцамъ на Мертвыя-воды. Какъ плакалъ обыкновенно, въ такой канунъ за панихидой, отецъ Павладій, живой свидѣтель гибели этихъ переселенцевъ, такъ онъ прослезился и на этотъ разъ. — «Господи, помини сихъ... сихъ несчастныхъ, умершихъ, умершихъ разомъ!..» — прибавилъ онъ теперь такіа свои слова къ заупокойной молитвѣ, просвѣтливъ отъ горя и вспоминая въ числѣ «сихъ несчастныхъ» и свою молодую, чернобровую покойницу, по приѣздѣ сюда всѣхъ итѣлившую своимъ тихимъ нравомъ и бѣлизною лица. Круглый и тучный, съ красноватою льдиною, старичокъ всегда казался особенно мило въ этой маленькой чистой церкви, усыпанной песочкомъ, утыканной отъ полу до потолка, по угламъ и по иконостасу, свѣжими вѣтками, срѣзанными съ рослыхъ липъ и берестовъ, посаженныхъ его собственною рукою. Въ лучахъ свѣта, прорывавшихся въ распахнутыя окна, празднично мелькали, кланяясь, черноволосыя и русыя головы, тихо и степенно мелькать въ какой-то старенькой лиловой съ разводами ризѣ самъ отецъ Павладій, усердно кади въ лицо всякому и тихо повторяя молитвы. А козловатый динкантикъ дячка, благодушно ухмылявшійся на клиросѣ, мѣшался съ пѣснями соловьевъ, гремявшихъ съ вѣтокъ рощи, обступившей церковь. Были въ церкви русскіе поселенцы и многіе колонисты. Последніе красовались въ своихъ особенныхъ народныхъ одеждахъ. Но вотъ что случилось на обѣднѣ. Неся святые дары, на большомъ выносѣ, отецъ Павладій вышелъ изъ алтаря, читая внятно поминанья, медленно поднималъ глаза, сперва-было упершись въ загорѣлый затылокъ дячка, неуспѣвнаго отойти вправо; и увидѣлъ въ двухъ шагахъ отъ себя Панчуковского. Сердце невольно у него ёкнуло. Онъ его здѣсь никакъ не ожидалъ увидѣть. — «Гдѣ же,

однако, Оксана?» — безъ всякой причины подумаль оны читал молитвы. Продолжая непрежнему говорить поминанья, оны повелъ глаза влво, какъ бы ища кого, и радостно остановился на преклоненной, передъ выносомъ даровъ, своей воспитанницѣ Оксанѣ. Отецъ Павладій былъ такъ любезенъ, такъ въ духѣ, что послѣ службы пригласилъ многихъ къ себѣ обѣдать, не забывъ и Панчуковскаго ласковымъ словомъ. — «А у меня отъ васъ, полковникъ, былъ посоль», — сказалъ оны, простодушно хихикая: — «кажется, г. Михайловъ, студентъ на кондиціяхъ у купца Шутовкина, и я ему далъ, по вашему ручательству, триста цѣлковыхъ-съ». — «Очень благодаренъ». — «Не угодно ли же и вамъ ко мнѣ закусить?» — «О, нѣтъ, извините; я сейчасъ на три дни уѣзжаю на торги, за Донъ; тамъ степь отдается, — се Шульцвейнъ хочетъ взять, ну, мы и поторгуемся». — «Вотъ какъ!» — «Да пора же намъ, русскимъ, за умъ взяться съ нѣмцами!»

«Ого! — думаль отецъ Павладій, скидая рясу въ алтарѣ и снѣна къ другимъ гостямъ: — даже съ Шульцвейномъ тягается! Дока, тузь! И отлично, что я пристроилъ подъ его ручательство часть деньжатъ! Это все то же, что нашъ Ротшильдъ!»

Гости пообѣдали и развѣхались рано. Оксана прислуживала за столомъ. Отецъ Павладій, покушавъ, задернулъ занавѣски въ спальнѣ, заснулъ, всталъ, вышилъ квасу и уѣхаль съ дычкомъ, какъ собирался, за пчелами, въ надеждѣ принанять подъ нихъ еще подводъ на мѣстѣ.

— Смотри же, Горнина, — говорилъ оны, уѣзжал: — не бросайте такъ горницъ; день праздничный, много народу къ пруду за водой шатается: еще чего бы не украли.

— А мнѣ, батюшка, можно за роцу къ дѣвушкамъ пойти, когда сойдутся къ байраку нѣни нѣтъ? — спросила Оксана.

— Можно, только безъ Горнины не ходи. Ты знаешь, всякій народъ по праздникамъ бываетъ. И се со свѣту за тебя сгоню!

И телѣжка отца Павладія запрыгала по кочковатой дорожкѣ.

Пришелъ вечеръ. Заря разыгралась съ невиданною роскошью. Къ байраку за водой сошлись и съѣхались, для утренняго запаса, гребцы и косари. Толпы разошлись по пригоркамъ; взялись за руки, стали нѣни нѣтъ. Дѣвки стали

въ «хренника», въ «коршуна» играть, разбѣгался съ звонкими пѣснями и съ веселымъ хохотомъ. Дукаты блещутъ, ленты развѣваются. Явилась и скрипка откуда-то. Плясъ поднялся. Парви долго пока стояли въ сторонѣ, посмѣивалась и, по обычаю, громко хвастая разными разностями. Одни пасли тутъ же лошадей, сопровождающихъ всегда косарскія партіи, другіе играли въ карты, третьи въ орлянку.

— У меня, братцы, семь цѣлковыхъ есть!

— Овва! Ужь и семь; а у меня двадцать дома зарыто.

— Бренешь!

— Ей-Богу!

— А по мнѣ такъ три молодницы въ Ростовѣ убиваются... да я не жалаю!

Взрывъ хохота.

— То, можетъ, три свиньи, а не три молодницы! — кричатъ дѣвки.

Хохотъ усиливается.

Хвастунъ, какъ говорится, «у сѣрка очей позичаетъ» (у волка глазъ занимаетъ) и не знаетъ, куда дѣться отъ града насмѣшекъ. Шумъ, бѣготня обращаютъ вниманіе на другое мѣсто. Ночь стемнѣла. Пары дѣвокъ и парней расходится по сторонамъ, по полю и къ лѣсу. У пруда шалуны огонь было-разложили и опять его потушили.

Тутъ произошло необыкновенное событіе. На-утро заговорилъ о немъ весь околотокъ.

Но надо воротиться нѣсколько назадъ.

Утромъ въ тотъ день передъ обѣдней къ Панчуковскому прѣхалъ купецъ Шутовкинъ.

— Я къ вамъ, полковникъ, съ просьбой!—сказалъ онъ.

Это былъ грязный и жирный толстякъ, съ маленькими свинными глазками, съ одышкой и съ миллионнымъ состояніемъ.

Шутовкинъ отерся и сѣлъ. На дворѣ было душно.

— Вы меня извините... Нанадаютъ на мои привычки товарищи, что я бариномъ тутъ въ волю живу, не скаредничаю... Вотъ у меня дѣти; я учителя при нихъ держу, и отличнаго... Но вѣдь я вдовецъ... Понимаете?

— Такъ-съ...

— Такъ помогите же мнѣ, полковникъ, обдѣлать одно дѣльце... Понимаете?

— Какое?

Купецъ засмѣялся. Жирные глазки его слезились.

— Край здѣсь на женщинѣ плохой; ихъ нѣтъ здѣсь. Я давно, видите ли, нищу кого-нибудь взять къ себѣ въ подруги...

— Ну-съ, что же... И съ Богомъ!

Купецъ крикнулъ и отеръ лицо.

— Здѣсь, видите, глушь, дрянь все пародецъ; сплетни сейчасъ заводять, смѣются... Я было-рѣшилъ дѣло непристойнѣе завести—за своею губернаткою какъ-то приударилъ, къ дѣтямъ ее было-нанялъ, такъ не поддалась. А теперь ужъ просто даже влюбился, намѣтилъ одну дѣвочку. Вы, человекъ холостой, поймете меня... Я рѣшился увезти одну особу...

Панчуковскій протянулъ гостю руку, но вмѣстѣ съ тѣмъ думалъ: кого же это онъ?

— Bravo, Мосей Ильичъ! Кто же эта особа?

Толстикъ оглинулся кругомъ и, соня отъ одышки, пропенталь, трепля по рукѣ полковника.

— Одна тутъ колонистка есть, болгарка, дѣвка просто ошеломительная... Что дѣлать! Я ужъ и старухъ къ ней подсымалъ, видите ли, подарки ей дѣлалъ, — ничто не беретъ... Такая рослая-съ, какъ кедръ ливанскій, всю душу изморила. Рѣшился я ее просто живьемъ-съ украсть: завезу ее на свой заводъ, или въ городъ прежде, спрячу, и въ недѣлку, авось, ее завербую совсѣмъ!

Шутовкинъ перевелъ духъ. Потъ залилъ-съ него въ три ручья, а руки и губы его дрожали. Панчуковскій чувствовалъ къ нему отвращеніе, но слушалъ его усердно.

— Полковникъ, — сказалъ гость: — мы съ вами коммерческія дѣла обдѣлывали, помогите мнѣ въ этомъ! Я къ вамъ обратился, какъ къ доброму человеку. На людей своихъ мы положиться вполнѣ не можемъ; у васъ дворни дружная подобрана, да и они ничто передъ вами. Я у васъ навѣки останусь въ долгу. Помогите!

— Какъ же мы дѣло устроимъ, Мосей Ильичъ?

— Сегодня вечеромъ у Святодуховки, по поводу праздника, какъ я узналъ, соберутся съ окрестностей дѣвки и парни; мы подѣдемъ двумя тройками, — моя красавица тоже тамъ будетъ... Ну, а ужъ самое дѣло покажетъ, какъ его порѣшить...

Полковникъ всталъ.

— Согласенъ, извольте. — Абдулка, Самусь! — крикнулъ онъ въ окно своимъ любимцамъ.

И запершись въ кабинетъ, господа обдумали все какъ надо.

— А полиція?—спросилъ Панчуковскій: — вѣдь эти болгары пародъ мстительный и злой, не то что наши; пойдутъ съ ябедами. Станутъ искать пронавшую...

— Э, полковникъ! Какіе вы пустяки, извините, говорите: а это зачѣмъ?

И Шутовкинъ потрениалъ себя по бумажнику Воговой карманъ былъ туго набитъ.

Уже поздно, къ ночи, парни и дѣвки у святодуховской рощи затѣяли прыгать черезъ огни, какъ на Ивана-Купала. Священника не было дома и некому было запретить это прыганье. Кто-то было поднялъ голосъ и сказать:

— Чтѣ вы, озорники, дѣлаете? Этого не позволяютъ и на Ивана, а вы теперь затѣяли. Не въ-ремя такое дѣло бѣду несеть!»

— Своя воля!—отозвались изъ толпы.

Принесли парни и дѣвки соломы, вѣтокъ, бурьяну, разложили костерки отъ оврага къ рощѣ и стали съ разбѣгу прыгать, ухватясь руками и гадая: чьи руки разорвутся надъ огнемъ во время прыжка, тому въ тотъ годъ не вѣчатся. Голоса стали звонче, шумъ и гамъ усиливались. Подошли новые парни, въ томъ числѣ люди Панчуковского.

— Э! съ вами бѣгать—горе наживемъ!—со смѣхомъ отиѣкивались дѣвки отъ несаній полковническаго Абдулки и еще одного рыжаго парня.

Но на слова: «сударини-бояриня, пожалуйте ручку!» руки подавались, какъ и другимъ. Нечего говорить, что въ это же время, какъ знакомцы и незнакомцы потѣшались въ виду подцерковной рощицы запретною игрой, поодаль къ двумъ курганамъ вцѣпмахъ подѣхали и стали у оврага коляска и телѣга.

— Тише, тише! — распорядился съ телѣги, не вставая, толстякъ Шутовкинъ.

Часть его подобралной шайки смѣшалась съ играющими, двое залегли на дорогѣ въ кустахъ, а Самусь, полковникъ и онъ самъ ждали у лошадей. Полковникъ, слегка блѣдный

отъ ожиданій, стоялъ, облокотясь о свою коляску, запряженную ухарскою скаковою четвернею, молча глядѣлъ въ темный воздухъ, въ рядъ мелькавшихъ огоньковъ и покручивалъ усы.

«Что-то нейдутъ, не слышно ничего! Какъ-то дѣло разыграется? — думалъ Панчуковскій. — Утащить, схватить не штука; да какъ уйти отъ погони? ихъ вѣдь не шестеро тамъ!»...

Шутовкинъ только удушливо сохлѣлъ и неподвижно съ огромной телѣги глядѣлъ вдаль, прислушиваясь къ играющимъ у огней. Лошади стояли, опусти уши, и только изрѣдка вздрагивали, дремая и лѣниво переступая съ ноги на ногу. Много думалось полковнику. Онъ вспоминалъ щегольской Питеръ, изящную гвардію, товарищей, оперу, разные прочитанные романы, разныхъ шибкихъ барышень, въ которыхъ еще недавно влюблялся, и воображалъ, какимъ разбойничьимъ и смѣлымъ дѣломъ теперь ему пришлось заняться: чистый Стенька Разинъ или, по крайней мѣрѣ, Казы-Магома и Шамилъ, укравише Орбелаци и Чавчавадзе.

«Эхъ, край, — думалъ онъ: — чистый эдемъ!»

Не успѣлъ онъ раскинуться мыслями, какъ со стороны сторожи, лежавшей въ кустахъ, раздались голоса: — «шш... бѣгутъ!» — и въ то же время вдаль у огней пронзилась какая-то сумятица и свалка.

Черезъ минуту Шутовкинъ и Панчуковскій услышали, какъ по полю, впотьмахъ, тяжело бѣжало нѣсколько человекъ, то останавливаясь, то опять ускоряя шаги, какъ бы борясь съ кѣмъ-то по дорогѣ. Вбѣжавъ въ кусты, эти лица ускорили бѣгъ, соединившись съ засадою. Енче черезъ секунду раздались и сдержанные крики: «Ой-ой! пустите, пустите», — и прямо къ телѣгѣ плотоядно-третавнаго Мосей Павлича съ-размаху была притащена бившаяся бѣлая фигура. Косы у нея были раскинуты, грудь распахнута, одежда изорвана.

— Душечка, душечка, перестань! перестань! — шепталъ Шутовкинъ, ловя ее съ телѣги впотьмахъ жадными, дрожащими руками, и едва изъ силъ выбившаяся прислуга свалила ее къ нему въ телѣгу, онъ закричалъ обезумѣвшимъ отъ радости голосомъ: — поговий, валяй! гони вскачь! бей!

И оба экипажа шарахнули по предварительному условію въ разные стороны. Развязанные колокольчики зазвѣли

и понеслись, то смолкая, то опять звеня и пропадая вдаль. Они скакали безъ умолку, летя безъ дороги. Отскакавъ версты три, экипажи опять подвизали колокольчики и понеслись неслышно въ темнотѣ дальѣ. По среди ихъ неожиданно появился, какъ бы также по условію, какой-то верховой и полетѣлъ съ колокольчикомъ въ рукахъ, звеня, въ третью противоположную сторону. Онъ уже сбиль слушавшихъ окончательно.

Толпа играющихъ, между тѣмъ, едва могла опомниться отъ изумленія. Въ концѣ вереницы уже погасшихъ огней произошла безумная суматоха. Пробѣжала молва, что какой-то парень, крѣпко ухвативъ за руку дѣвку, потащилъ ее насильно.

— Не дави, пусти, а то брошу!—говорила она.

— Но бросай, скачи, а то не повѣчимся, какъ разорвемся!

Она засмѣялась и не вырвала руки. Пары побѣжали. Эти же двое вдругъ отделились и побѣжали въ сторону, въ поле. Дѣвушка все еще смѣялась и отбивалась слегка. По къ нимъ приближались еще двое. Они скрылись въ темнотѣ. Раздались крики:

— Ой-ой, спасите, не пускайте!

Парни сбѣжались на то мѣсто.

— Кого это кто подхватилъ?

— Милованку, Милованку, дѣвку изъ колонні!

— Кто же это?

— А бѣсъ его знаетъ!

Оглянулись, стали перебирать межъ собой, кто это недоброе такое затѣялъ. Смотрить — знакомые всѣмъ полковничіе люди тутъ, и Абдулка между ними стоитъ и тоже мечется, будто ищетъ, кто бы это такое затѣялъ. А крики все дальше и дальше по полю...

— На коней, братцы, на коней!—закричала толпа парней. —Гдѣ наши кони? въ погоню за ними, отбивать! Вей ихъ, беи! Какъ! нашихъ дѣвокъ красть! Вей... души ихъ!..

Парни кинулись на настищенный дугъ за лошадьми, поскакали верхами по звуку колокольчиковъ, а другіе побѣжали крѣпкомъ въ стороны.

— Садись и ты на копя!—кто-то крикнулъ Абдулкѣ.

— У меня свой тутъ,—ответилъ тотъ и поскакалъ также.

У него былъ за пазухой колокольчикъ. Влетѣвъ въ стѣну,

опъ вынуть его, зазвенѣлъ имъ, повернулъ коня назадъ и сбиль этимъ дружную погоню. Ему это было не впервые: закубанскій татаринъ, опъ еще недавно набивать руку на подобныхъ паѣздахъ.

Костры, между тѣмъ, стали потухать сами собой, дѣвки разбѣжались нервыи.

— Пойдемъ и мы, тетка, скорѣе домой! вотъ страсти!— говорила напуганная Оксана теткѣ Гориннѣ, между тѣмъ сильно подгулявшей съ какими-то солдатами, тутъ же у пруда, и едва волочившей поги.

— Охъ, бабо! скорѣе, скорѣе, пойдемъ! да пу-то же, двигайтесь шибче! вотъ засидѣлись тутъ! а неравно батюшка прѣхалъ: что тогда намъ будетъ? Скорѣе, скорѣе, скорѣе! вотъ страсти! я сама вся мертвая!..

— И, моя кралечко, а такъ-таки ничего; сказано: повеселились, ну, и все тутъ!— отвѣчала Горинна, сильно пошатываясь, при помощи Оксаны спускаясь въ оврагъ и въ роуцу и безпрестанно спотыкаясь.

Оксана ее поддерживала, пугливо къ ней прижимаясь и въ ужасѣ взглядываясь въ темныя, будто враждебными ей, вѣтви ракитника.

А въ темнотѣ теплой чудной ночи то тамъ, то здѣсь послылись какіе-то шорохи, свистъ раздавался, тонотъ конскій звучать, крики издали проносились, и ни одна звѣздочка не освѣщала темной, непроглядной ночи. Байракъ замолокъ. Зазвенѣлъ еще гдѣ-то за холмами колокольчикъ, зазвенѣлъ и опять зачихъ. Молчала вся таинственная, и обворожительная поворооссийская ночь...

«Господи! выручать ли они ее?»—подумала, перекрестившись, Оксана.

Плетень затрещалъ подъ ея рукою. Она перелѣзла во дворъ и отперла ворота.

Введя тетку Горинну въ кухню, Оксана уложила ее тотчасъ спать. Сама она не рѣшилась лечь, по лѣтнему обычаю, на дворѣ, на крыльцѣ, а тоже легла въ кухню, заперла двери на замокъ, и, наскоро помолотившись, свернулась, еще дрожа отъ неожиданныхъ страховъ, и стала думать:

«Вотъ страсти, такъ страсти! Божел! Божел! гдѣ-то теперь мой Харькъ? И батюшки нашего до сихъ поръ еще нѣту! Что это значитъ? Господи, спаси насъ и помилуй!..»

Оба экипажа, версть за шесть, опять съѣхались. Продолжали скакать въ противоположную сторону — одинъ Абдулка, сбивъ погоню парней.

— Поздравляю, Мосей Ильичъ! — сказалъ Панчуковскій, доскакавъ до осиновоѣ рощицы и выпрыгнувъ изъ коляски.

— Спасибо, Владиміръ Алексѣичъ! — отвѣчалъ тотъ, протягивая впоотьмахъ Панчуковскому толстую руку и ловя его за плечи. — Позвольте васъ обнять! Эта роща, эти осинки останутся у меня навсегда памяты...

Похищенная колонистка сидѣла молча, тяжело дышала и не поднимала отъ колѣвъ лица. Она была связана вожжами.

— На заводъ! — крикнулъ кучеру Шутовкинъ: — благодарю еще разъ, полковникъ. Я у васъ въ долгу. Пошелъ!

— Будьте счастливы!

Тройка Шутовкина выбралась снова изъ лощинки въ гору, отъ условленнаго мѣста свиданія, отъ осинокъ, и поскакала по пути къ салотопенному заводу Мосей Ильича, бывшему отъ его собственнаго, незаселеннаго помѣстья верстахъ въ пятнадцать. Тамъ Шутовкину предстояло, среди уединеннаго, почти пустаго лѣтомъ, хутора, какъ новому рыцарю Теобальду, склонить или не склонить на свою сторону сердце похищенной имъ повой Элеопоры...

Панчуковскій, между тѣмъ, стоялъ впоотьмахъ, въ раздумьѣ, у осинокъ. — «Завтра надо ѣхать на торги!» — мыслилъ онъ: — «все хлопоты и хлопоты, а счастье все какъ будто за горами! Гдѣ же оно? Гдѣ? Что, какъ бы теперь же и мою?..» — И духъ у него замеръ. Онъ прошелся раза два у коляски. Вѣрный Самусь оправлялъ лошадей. Чужая удача охмелила полковника.

— Самусь!

— Чего угодно?

— Абдулки еще не слышно?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— А скоро будетъ сюда, какъ думаетъ?

— Должно-статься, скоро.

Панчуковскій сталъ вслушиваться. — «Да или нѣтъ?» — думалъ онъ съ тревогой въ сердцѣ, вдыхая нѣжный запахъ хлѣбовъ и травъ и тихо похаживая возлѣ коляски. — «Ѣхать ли на торги, или и мнѣ порѣшить теперь же, въ эту ночь, съ моею красавицей, задуманное, желанное, небывалое, еще и неиспытанное мною?.. Нѣтъ, это будетъ слыш-

комъ дерзко! Я-то ужъ никакъ не уйду отъ преслѣдованія. Меня узнаютъ, отыщутъ ее... А чудная, чудная дѣвушка! Нѣтъ, нѣтъ... Буду на торги, отсюда же прямо ѣду... Въдѣ сорокъ верстѣ». — Самусь! — сказалъ онъ, и не успѣлъ услышать отвѣта, какъ со стороны осинокъ изъ-за косогора послышался еще отдаленный, а потомъ близкій топотъ лошади, бѣжавшей вскачь.

— Абдуль-съ Албазычъ! — сказалъ Самуиликъ: — это онъ-съ...

Панчуковскій выждалъ, встрѣтилъ Абдулку, сѣлъ на-земь, велѣлъ къ себѣ ближе подойти Абдулкѣ и Самуилику и сказалъ:

— Такъ какъ же, ребята? А нашему дѣлу развѣ пропадать, а?

— Нашему-то? — спросилъ Абдулка, стирая съ лица потъ.

— Да.

— Ну, нашему и подавно, ваше высокоблагородіе, не слѣдуетъ пропасть! Полагать должно, что и намъ не приходится зѣвать.

Полковникъ досталъ изъ коляски припасенную флягу водки, далъ кучеру и слугѣ по стакану, далъ имъ закусить изъ собственнаго складня, вышелъ самъ и закурилъ сигару.

Лошадямъ дали вздохнуть, понаслали ихъ съ часъ на травѣ. Полковникъ легъ на разостланномъ коврикѣ и думалъ: — «вотъ край! вотъ мѣста, эта Повороссія! рассказать бы о нихъ нашимъ питерскимъ! О, какое раздолье во всемъ! Что за ночь, какіе чудные таинственные романы она здѣсь открываетъ?»

Панчуковскій велѣлъ готовиться въ путь. Лошадей опять запрягли. Онъ сѣлъ въ коляску, а Абдулка поѣхалъ за нимъ верхомъ. Всю дорогу говорили они шопотомъ, ѣхали шагомъ.

Ночь, между тѣмъ, будто еще болѣе стемнѣла. Въ первый разъ уже прокричали пѣтухи. Мѣсяцъ въ то время показывался только передъ самымъ утромъ. На дворѣ отца Павладія все было спокойно. Тетка Горпина крѣпко спала въ снѣгахъ кухни, оглашая ихъ изрѣдка храпомъ. Оксана нарочно ее положила спать на порогѣ, у выхода изъ снѣга на крыльцо, а дитя Горпины положила въ кухню. Самой Оксанѣ долго не спалось, какъ она ни мостилась для этого.

Ужь она передумала съ полкороба и о Харькѣ, и о томъ, что онъ обѣщался явиться вскорѣ послѣ Троицына дня. Перекидывала она въ мысляхъ картины ожидаемой своей свадьбы: какъ она одѣнется, какъ пойдетъ въ церковь, какъ на нее люди будутъ смотрѣть, а ей жутко, и весело, и страшно. — «Что, какъ бы Левенчукъ пришелъ въ эту самую ночь?..—неожиданно подумала она:—вотъ бы до смерти обрадовалъ, и эти страхи прошли бы сейчасъ! Да что я, въ самомъ дѣлѣ, какая-таки я дура! Гдѣ ему теперь шляться по ночамъ; онъ на-неводахъ»...

Оксана съ этою мыслью повернулась къ стѣнѣ, сжала глаза и рѣшилась окончательно заснуть, какъ въ сѣняхъ скрикнула половица. — «То вѣрно тетка Горнина проснулась и ищетъ воды съ похмеля наниться!» — рѣшила она. Шаги опять раздались ужъ подъ окномъ, и послѣ кто-то взялся за ручку двери, подумавъ, что она вѣрно заперта снаружи, и затихъ...

— «Левенчукъ!» —мысленно рѣшила Оксана и быстро въ восторгѣ вскочила съ постели. Ей стало вмѣстѣ и страшно, и радостно. Ознобъ пробѣжалъ по ея спинѣ. Дыханіе замерло. Она въ одной рубашкѣ подбѣжала къ окну: какъ ни темно еще было на дворѣ, но въ сумеркахъ ей показалось, что какія-то двѣ тѣни прошли по двору. Мысль о возвращеніи дядька и отца Павладія, а потомъ вдругъ о ворахъ, мигомъ блеснула въ ея головѣ. Какъ была, раздѣтая, она кинулась за нечъ, постояла, вся дрожая отъ испуга, а потомъ стала наскоро одѣваться. — «Что, какъ придуть и зажгутъ огонь, а она раздѣтая! И кто бы это былъ? Какъ спокойно ходитъ по двору! Вѣрно, батюшка, да сердитый прѣхалъ! Достанется и мнѣ теперь!» — Наскоро накинула она юбку, стала подвязывать вкругъ головы косы и въ ужасѣ ахнула. Дверь быстро отворилась, и съ зажженной восковою свѣчю въ кухню вошли блѣдный и взволнованный Панчуковскій и сияющій Абдулка. Оксана сразу не успѣла сознать всей опасности своего положенія; но въ первый же мигъ узнала и свѣчу, взятую у кіота въ комнатахъ отца Павладія, и вспомнила, что даже спички тамъ на столикѣ лежали. — «А гдѣ тетка Горнина?» — подумала она, главно запахивая рубаху и прижавшись за притолокъ печи. Но свѣчу вошедшіе сейчасъ задули, едва окинувъ глазами кухню.

— Что вамъ?—тихо спросила Оксана изъ-за угла печи, не зная въ лицо пришедшихъ и слыша, что они къ ней идутъ.

Ее мигомъ впопыхахъ схватили двѣ крѣпшія руки и стали вязать. Она крикнула сперва:— «тетка! тетка Горпина!»— силясь отбиться; но вслѣдъ загѣмъ крикнула громче, по мѣстному обычаю:— «кто въ Бога вѣруетъ, ратуйте!»— Не долго съ нею боролся полковникъ и Абдулка. Они завязали ей ротъ, стянули вожжею ей ноги и руки, и бережно, тихо перешагнувъ чрезъ тетку Горпину, понесли ее дворомъ чрезъ плетень и церковною оградою и ложиной оврага вышли къ пруду и къ рощѣ. — «Это удивительно!» — думалъ Пачуковскій, неся Оксану и передавая ее Самуїлку: — «какъ спокойно и безприметственно увесли мы эту драгоценность отца Павладія! И арбузовъ по почамъ съ бакши такъ счастливо не воруютъ тутъ ребятинки!» — «Вотъ же вамъ, ребята, пока по червонцу; а доставимъ до мѣста, будетъ еще по два!» — сказали полковникъ, уложивъ въ коляску Оксану, и самъ сталъ моститься къ ней. Вопреки Шутовкину, дрожавшему при покражѣ своей красавицы, полковникъ былъ совершенно спокоенъ.

— А старуху, выше высокоблагородіе, ослобонить? — спросилъ Абдулка.

— Развяжи ее, освободи!

Абдулка сбѣгалъ обратно во дворъ отца Павладія, обошелъ снова всѣ комнаты священника, поставилъ на мѣсто къ кіоту свѣчу, заперъ всѣ двери, снялъ веревку съ ногъ и съ рукъ тетки Горпины, почувствовавшей съ похмелья ничего бывшаго въ ту ночь съ нею, перешагнувъ опять чрезъ нее и снова побѣжалъ къ коляскѣ.

— Что ты такъ долго былъ тамъ?

— Жаль было веревки; это, выше высокоблагородіе, на нее съ новыхъ постромокъ захватилъ!

Коляска, подхваченная быстрою четверею, понеслась легче вѣтра. Теперь обычай полковника, ѣздить не иначе какъ вскачь, особенно пригодился.

— А мнѣ куда?—спросить, провожая барина, Абдулка.

— Ты ступай домой. Да смотри, молчи обо всемъ!

— Слушаю-сь, будьте спокойны.

Исторія вышла громкая, но ея драма завершилась еще

нежданномъ отступленіемъ. Толпа подпавшихъ у разбитика парней погналась, по слуху, за колокольчиками, отбивать похищенную колониетку. На дальнемъ перекрестіи у мостка, надъ дрянною мочажинкою, поросшею вербами, гурти наскочили на какого-то верхового. Крики: — «бей, бей души ихъ, лови!»—его испугали. Онъ притихъ на сѣдлѣ и задумалъ-было ускакать въ сторону отъ мостка къ вербамъ.— «А, сюда! вотъ онъ! держи его!»—заорала толпа, и пойманный ею верховой былъ стащенъ съ лошади.— «Кто ты? гдѣ она? гдѣ вы ее дѣвали?» — горлачили парни. — Почтенный другъ Вебера, арендаторъ Адамъ Адамычъ Шваберъ (это былъ онъ) трухнулъ не на шутку. Онъ фхалъ также съ тайнаго свиданія, отъ одной молочанской вдовы изъ раскольниковъ, бережно хранимой имъ отъ своей сунути и отъ всѣхъ, и теперь испугался вдвойнѣ и того, что его опружила толпа пьяныхъ, и того, что могли открыть его похождения. Онъ сталъ замирать, что ничего не знаетъ и не видѣлъ.

— Да что его слушать! Бей его! Розогъ сюда, розогъ! — гаркнула пьяная толпа. Съ почтеннаго отца семейства стащили зеленую куртку, сбили съ него шляпу, положили его на траву и всыпали ему сотню вербовыхъ, да такихъ, что лучше бы и не вспоминать этого.

— Ну, теперь, дядюшка, ступай и не поминай насъ лихою! Можетъ, и не ты, а все-таки по-дѣломъ!

Изумленный, огорченный и до смерти напуганный Шваберъ остался одинъ, одѣлся, съ трудомъ снова взлѣзъ на коня, едва добрался до своего домика, охая вошелъ въ комнату и легъ спать въ кабинетъ вмѣсто спальни. До утра онъ проплакать и мысленно ругался на всѣ лады. Но событіе той ночи онъ положилъ скрыть отъ всѣхъ и скрылъ, какъ серьезный и честный ибмецъ.

Купецъ Шутовкинъ, помѣстивъ свою Дульцието на салогоненномъ заводѣ, въ пустой хатѣ, подъ стражей двухъ вѣрныхъ слугъ, до того забылся въ своемъ счастьѣ, что, несмотря на дѣтей, сталъ къ ней фздить явно, среди бѣлыя дня, проводя у ней цѣлыя сутки и дрожа надъ ея бѣднотой, молодымъ тѣломъ, какъ ревнивый турокъ. Онъ забылъ и дѣтей своихъ, и нересуды всего околотка. Скандалъ вынесъ въ окрестности общій, небывалый. Всѣ костили грязнаго

сластолюбца, на чемъ свѣтъ стоялъ. Процѣживали сквозь сотни ситъ каждую вѣсточку о его переѣздахъ къ ней, о томъ, какъ черезъ какой-то неглубокій ручеекъ онъ по почамъ пробирался къ своей красавицѣ, несмотря на собственную тучность, на особо-устроенныхъ ходуляхъ; какія ей давалъ имена, какъ велъ себя у нея. Это все уже мигомъ узнали пытливые умы. Только, какъ обо всемъ обычномъ, объ этомъ также говорили недолго. Прошла молва, что болгары той колоніи, откуда была эта дѣвушка, ходили жаловаться въ станицу, а потомъ въ судъ; ходили и къ самому куцу, — но коншелекъ точно произвелъ свое: угомонился и становой, и судъ, и грозные обрусѣлые болгары, и сама похищенная. Черезъ три недѣли она свободно усѣлась въ фургоны Мосея Ильича и открыто переѣхала къ нему въ домъ, на новое диво всѣхъ новороссійскихъ его сосѣдей, дѣтей и ихъ учителя, студента Михайлова.

Зато съ Оксаной была другая исторія. Оксана какъ въ воду канула. Прискакали на другой день безъ памяти отецъ Павладій и дьячокъ; они все узнали еще дорогою и накупались на дьячиху.

— Гдѣ Оксана?

— Не знаю; такъ и такъ, попритчилось!

Дьячокъ схватилъ старую Горинну за сѣдые косы и сталъ бить ее и мотать по хатѣ. Священникъ обезумѣлъ отъ горя.

— Чтѣ-жъ дѣлать! Бейте, не бейте, а я не знаю; пропала моя душа! — стонала подъ жестокими ударами дьячиха Горинна.

— Да гдѣ же ты была, подлець-баба? гдѣ была? — допытывалъ дьячокъ.

— Что же! напоили люди, солдаты какіе-то у пруда... Я была съ нею тамъ, а послѣ заснула въ сѣняхъ, а тутъ и попритчилось!

— А! солдаты у пруда! Иди же сюда... — Дьякъ заперъ жену въ чуланъ, пыталъ, но ничего не открылъ. Не могъ ничего открыть и отецъ Павладій...

«Ту, положимъ, укралъ куонецъ; а эту? Панчуковскій? Такъ пѣтъ же; онъ еще съ утра уѣхалъ за Донъ».

Такъ думалъ священникъ.

И точно, самого Панчуковского во время пропажи Оксаны дома не было. Это знали всѣ. Черезъ три дня онъ воро-

тился изъ-подъ Ростова, гдѣ его видѣли всѣ, какъ онъ тамъ былъ и спокойно торговался о степи. Шульцвейнгъ уступилъ. Панчуковский надбавилъ большую цѣну и взялъ у владѣльца степь себѣ.

Куда же помчалась коляска полковника, въ концѣ ночи, огласившей тихіе и уединенные берега Мертвой двумя похищеніями? Очень просто: Панчуковский увезъ свою плѣницу на арендуемую имъ у одной донской помѣщицы землю, оставилъ ее тамъ подъ надзоромъ Самуйлика, а самъ съ другимъ батракомъ, сторожившимъ его уединенную пустку (хижижку между двумя овчарскими загонами и чабанской хатой), поспѣшилъ на торги. Оксана была сирота за перегородкой. Въ ожиданіи барина, услужливый Ленорелло предлагалъ ей ѣсть и пить, но она упрямно отъ всего отказалась и ничкомъ на кровати пролежала до вечера. Подъ-вечеръ полковника обратно примчала бойкая четверня. За повозкой ѣхалъ и знакомый фургоиъ Шульцвейна; но его хозяинъ сидѣлъ въ колескѣ съ Панчуковскимъ и съ нимъ вошелъ въ пустку, продолжая по-нѣмецки разговоръ и споръ о перебитой у него арендѣ. Оксана слышала все изъ-за перегородки и не рѣшалась отозваться. Она считала гостя за пріятеля своего похитителя и не знала, что этотъ самый гость первый ему когда-то сказалъ о пей и первый любовался воспитанницей отца Павладія. Посидѣлъ немного Шульцвейнгъ, понюхалъ табачку, спросилъ еще разъ со вздохомъ: — «такъ вы не отдадите мнѣ этой степи и за отсутствующее?» — получилъ отказъ и взялся за палку.

— Вы слышали, — спросилъ колонистъ, выходя на крыльцо и продолжая рѣчь по-нѣмецки: — вы слышали, — тамъ на торгахъ, какъ вы уже ушли къ хозяевамъ, пріѣхалъ кунчикъ съ Мертвой и привезъ извѣстіе — странное извѣстіе — о покражѣ сегодняшнюю ночью двухъ дѣвушекъ, возлѣ рощи валега сосѣда, священника, и будто одна изъ похищенныхъ та самая воспитанница священника, о которой я вамъ когда-то, помните, говорилъ?

— Нѣтъ, не слыхалъ! — отвѣтилъ полковникъ, бережно запирая за собою двери.

— Жаль, — сказалъ, уѣзжая, Шульцвейнгъ: — такихъ господъ, — это навѣрное наши помѣщики, либо офицеры-горожане, — ихъ бы давно пора остановить... Это скверно, подло! Прощайте! Навините мнѣ, кто это.

— Прошайте! съ удовольствіемъ!

Колонистъ уѣхалъ. Панчуковскій отослалъ людей на овчарню, вышелъ, осмотрѣлъ кругомъ свою нустку, вошелъ туда обратно, заперъ за собою двери, постоялъ въ сѣняхъ и тихо ступилъ за перегородку. Оксана сидѣла, спустя голову на связанные руки.

Между тѣмъ, пора, назначенная Левенчукомъ для послѣдняго выкупа Оксаны, давно прошла. Отецъ Павладій ходилъ по комнатѣ, залажа назадъ руки, выглядывалъ въ стѣну, подходилъ къ байраку, къ пруду:—«вотъ здѣсь она бѣлье мыла, тутъ часто шила, птицу стерегла. Ахъ, подлецъ же, подлецъ Панчуковскій! что выкинулъ! Это онъ, онъ, больше никому. Звѣрь-кровопійца, и по звѣриному прогналъ ее безъ слѣда!»—Такъ думалъ отецъ Павладій, и сердце уже не манило его по обычаю пойти запереться въ спальнѣ, перебирать и считать депозитки новыхъ барышей. За то же онъ насѣдалъ на литературу. По цѣлымъ днямъ читалъ новые московскіе и нѣтербургскіе журналы, а на книгу «Сельское духовенство въ Россіи» сталъ даже разборъ писать, охая, сояя и не зная, гдѣ лучше выбрать студеное мѣстечко въ домъ для работы. А кругомъ наступала послѣдняя знойная, душная пора уборки хлѣбовъ.

Разъ привезъ попу дьячокъ изъ города почту. Онъ кинулся прежде на газеты, единственную роскошь своего пустынного и глухого стѣнного быта.

— Боже, опять публикація о бѣглыхъ! Экъ, ихъ сколько! Когда-то этому конецъ будетъ?

И онъ сталъ читать, наскоро разрывая пакеты херсонскихъ, таврическихъ, донскихъ и прочихъ мѣстныхъ вѣдомостей.

— Послушай, Фендриховъ, — говорилъ онъ дьячку, степенно стоявшему у дверей:—вотъ что пишуть. Дай-ка платокъ носовой... да трубочку набей... за табакомъ надо съѣздить... Слушай, вонъ въ таврическихъ пишуть: «Оное же правленіе извѣщаетъ, бѣжалъ въ третій разъ, четыре года назадъ, макарославской губерніи, ожнобайрацкаго уѣзда, дворовый челоувѣкъ помѣщика Студныченка, Василій Милорѣденко, онъ же по прозвищамъ въ бѣгахъ: Александръ Дамскій и Аксень Шкатулкинъ. Вѣжалъ онъ, обвиняемый

въ сообществѣ съ нахичеванскими армянами, дѣлавшими фальшивыя ассигнаціи, и въ поддѣлкѣ для придонскихъ пристаней бѣглымъ же людямъ всякаго званія паспортовъ. Примѣты ему: носъ, ротъ, подбородокъ и уши умѣренные, глаза каріе, волосы и усы темнорусые. Особыхъ примѣтъ не имѣется. Говоритъ хорошо по-русски, веселаго нрава, вѣжливъ и выдаетъ себя иногда за человѣка высшаго круга; болѣе занимается въ лакеи и въ приказчики, а въ часы загула ходитъ по шинкамъ и сборищамъ, съ бубномъ, играя на немъ за деньги. Почему оное правленіе, ведя дѣло о паспортахъ и фальшивыхъ ассигнаціяхъ, намеднему или указавшему его обѣщаетъ дать приличное вознагражденіе и покорнѣйше проситъ всѣ подлежащія присутственныя мѣста не оставить»... и проч.

— А? Фендриховъ! слышишь?

— Слышу-съ, ваше прендобіе! Подло-съ.

— Вѣдь это тотъ самый Милороденко, другъ Левенчука, что и у насъ на подцерковной два года назадъ косилъ? Какъ ты думаешь?

— Тотъ-съ; я его еще съ двора прогналъ тогда; къ намъ Осама еще, безобразный человѣкъ, тогда подбирался, ваше прендобіе...

— Эхъ, Оксана, Оксана!.. Да ты слышишь—фальшивыя ассигнаціи дѣлать и паспорта... А это вѣдь каторгой нахичевать! А кажется, и хорошій человѣкъ. Повторяю тебѣ, Левенчукъ ему еще и пріятель; онъ сказывалъ, что этотъ Милороденко на дворянкѣ будто былъ гдѣ-то женатъ... Да гдѣ-то, Фендриховъ, и Левенчукъ теперь?

Дьячокъ вздохнулъ.

— Да-съ, срокъ-съ подходитъ! на-дняхъ, полагать должно, онъ вынырнетъ гдѣ-нибудь, Оксану потребуешь, либо деньги, выкупъ назадъ.

— Что деньги! не въ деньгахъ дѣло! не ихъ, братецъ ты мой, жаль! Жаль парня; хорошій человѣкъ! Вѣдь голову потеряетъ, руки на себя наложитъ, узнать ужъ я его, что за человѣкъ. Какъ онъ надежды эти строилъ — поселиться за Кубанью или въ Бессарабіи хотѣлъ, а ужъ Оксану-то любилъ онъ, любилъ... Подло, Фендриховъ, Панчуковскій поступилъ! Не убоялся таганрогской исторіи!

— Подло-съ, распрендѣющій и развратный человѣкъ, и только-съ. Сказано, смердь собачій, а не людъ Божій!

И бы ему голодному въ голодь, али прозябшему въ морозъ, въ метель—хлѣба, мѣста теплаго не далъ; я бы ему больному...

Въ это время въ сѣняхъ скригнули двери. Дьячокъ насторожилъ уши, прыгнулъ туда, посмотрѣлъ, вошелъ въ сѣни, поговорилъ съ кѣмъ-то и явился въ комнату смущенный.

— Ваше преподобіе! тамъ отъ этого самаго Панчуковскаго-съ, отъ полковника прѣхали!

И такова сила богатаго человѣка въ свѣтѣ: какъ ни бранили полковника эти люди, а появился простой посланный отъ него, и они потерялись.

Отецъ Павладій засуетился: оправился, даже прежде надѣлъ подрясникъ и вышелъ къ прѣхавшему. Сначала онъ смѣялся, увидя, что это лакей.

— Чтѣ тебѣ, любезный?—спросилъ радушно отецъ Павладій, не поднимая глазъ на посланнаго.

— Полковникъ прислалъ просить газетъ, что вы получаете, — на день только, говорятъ, отъ скуки почитать! — отвѣтилъ Абдулка (это былъ онъ).

Священникъ задумался.

«Странно, — подумалъ онъ: — до сихъ поръ ни разу не просилъ; или онъ прикидывается, чтобъ показать, что совесть чиста, или, въ самомъ дѣлѣ, не онъ укралъ Оксану? — Такъ гдѣ же она и кто ее укралъ?..»

Онъ вынулъ платокъ, самъ не зная для чего, повертѣлъ его, выemorкался.

— Такъ ты говоришь, что ему нужны газеты?

— Точно такъ-съ.

Отвѣчая это, Абдулка бойко поглядывалъ по сторонамъ, какъ бы обшохивалъ, въ какомъ положеніи находится сѣсны здѣсь съ тѣхъ поръ, какъ онъ тутъ свободно ходилъ и ставилъ обратно свѣчку.

Священникъ вертѣлъ въ рукахъ платокъ.

— Это ему читать?

— Читать-съ.

— Стало, онъ дома? Это скучаетъ онъ, значить?

— Дома-съ.

— Онъ чтѣ дѣлаетъ?

— Известное дѣло, баринъ! Больше нишуть-съ, лежать

на диванѣ, или приказы отдають, либо курять... У насъ тоже гости бывають.

— Кто же?

— Госнода Шебольцевы, нѣмецъ Шульцвейнъ оиать насчетъ стени наѣзжалъ...

— А онъ ѣздитъ куда?

— Какъ не ѣздитъ! Въ поле ѣздитъ на работу; такъ куда-нибудь, въ гости...

Священникъ обратился къ дячку, у котораго ротъ съ прїездомъ Абдулки какъ открылся, такъ и остался.

— Газеты, Фендриховъ, на столѣ лежать?

— На столѣ.

— Всѣ тамъ лежать?

— Всѣ.

— Ну, такъ ты ему это дай; а ты, видишь ли, любезный, полковнику кланяйся и скажи ему отъ меня... слышишь? отъ меня скажи: очень радъ, да чтобъ только листочковъ тамъ не помили.

— Будьте покойны-сь.

— А косари по чемъ? — нежданно и уже безъ всякой причины брякнулъ старикъ.

— По трехрублевику-сь въ день и по порціи.

— Ай, батюшки! вотъ ломають! Ну, да я по трехрублевику не достану, гдѣ намъ!

Посланный уѣхалъ. Священникъ вошелъ въ комнату, сталъ передъ дячкомъ, отеръ крупный потъ съ лица и разставилъ руки, а потомъ ударилъ себя по лбу:

— Вотъ оиростоволосился! И чего я такъ его почтилъ? Что, братъ Фендриховъ, а? Каковъ тузище?..

Дячокъ махнулъ рукой и зарычалъ:

— Голодному ли, въ морозъ ли, больному ли, а я бы ему отказалъ! Развратникъ, антихристъ! это онъ, другому некому, я ужъ знаю! Экъ, апаѰема! И еще за газетами къ намъ же... Тьфу! и сраму имъ нѣтъ.

Газеты полковнику отвезены, но онъ ихъ бросилъ не читавъ и, слѣдовательно, не имѣвъ случая узнать, кого развешивають изъ новыхъ бѣглыхъ, за чѣмъ онъ прежде всегда слѣдилъ, между прочимъ. Когда священникъ получилъ обратно газеты, онъ замѣтилъ, что полковникъ ихъ вовсе не читалъ. Онъ были въ томъ же положеніи, какъ сложили онъ ихъ, отправляя.

«Странно!—подумалъ священникъ:—такъ и есть, онъ ихъ бралъ, чтобъ только видъ показать, что его совѣсть противъ меня чиста. Но съ бѣглыми какъ бы онъ теперь не попался»...

VIII.

Плѣнница.

Между тѣмъ, какъ Мосей Ильичъ Шутовкинъ, поручивъ своихъ дѣтей Михайлову, съ незапамятнымъ порывомъ отдался позднимъ опытамъ любви и плотоядно увеселялся въ компаніи своей красавицы, а Михайловъ, предоставляя малымъ птенцамъ клевать не одни зерна науки, но и всякія другія зерна, благодушно аферировалъ съ мелкими окрестными торгошамъ, — въ это время буквально никто въ околѣткѣ не зналъ, куда дѣлась вторая красавица. Таковы уже степи. Кто укралъ, догадывались сначала немногіе; но потомъ и эти бросили свои догадки и почти перестали вовсе судить о нихъ. Да и не къ тому повернулись въ ту пору общіе толки и мысли. Въ это время подходила жатва пшеницы; пшеница начала уже осыпаться, всѣ хватались за серпы и косы, а между тѣмъ носились тревожные слухи о саранчѣ, что будто гдѣ-то, не то съ Дону, не то изъ Крыма, она летѣла и близилась. Съ трепетомъ поглядывалъ Панчуковскій на свой громадный, рисковый, тысячесѣтанный посѣвъ пшеницы. Онъ частенько показывался на балконѣ верхняго яруса своего дома и, куря душистую кабанасъ или фуэнтэсъ, всматривался въ далеко-волнующуюся сухимъ шорохомъ хлѣбныя нивы.

— Но чемъ у васъ въ конторѣ объявлена цѣна за сѣмку десятины пшеницы? — подобострастно спрашивали полковника мелкіе сосѣди его, изъ небогатыхъ дворянчиковъ.

— Дорого-съ,—говорилъ, надменно подшучивая, новороссійскій янки:— по девяти цѣлковыхъ за десятину, скосить только и сложить въ концы! Осточертѣла мнѣ совсѣмъ эта пшеница своими анаѰемскими расходами!

— А! по девяти цѣлковыхъ за одно это? вотъ сказать бы это въ Питерѣ!

Сосѣди ухмылялись улыбочками голодныхъ собакъ, по вгайнѣ трепетали, что имъ надо будетъ то же платить.

Но гдѣ же Оксана? Куда запряталъ ее Панчуковскій съ

той поры, какъ ее завезъ-было на свой хуторъ подь Ростовомъ? Никто этого не зналъ и не вѣдалъ.

Знали сосѣди, что точно полковникъ ѣздилъ въ день пронажи Оксаны на торги, былъ тамъ съ Шульцвейномъ и черезъ три дня воротился. Сталъ онъ потомъ ѣздить всюду, непрежнемую, разговорчивый, степенный, веселый и вмѣстѣ серьезный, плѣняя всѣхъ своимъ нарядомъ, обращеніемъ, прической и даже щегольскими побрякушками. Глянетъ, по отъѣздѣ его, на свои ланины и на навозо-подобные погты какой-нибудь Веберъ или Шваберъ, или сосѣдь-плантаторъ изъ русскихъ же, раземвется и плюнетъ на полъ, немотенный уль двѣ недѣли по поводу полевыхъ работъ.

— И когда у этихъ господъ,—замѣчаетъ иной изъ нихъ:— времени станеть еще на такое продовольствіе ручекъ и погтей! Тутъ некогда иной разъ головы вычесать, бороды побрить; рубаху одну по недѣлямъ въ стени таскаешь, такъ что послѣ жена и въ спальню къ себѣ не подпускаеть! А онъ? Это непостижимо! и дѣла какъ будто идутъ еще лучше нашего! Вонъ и Шульцвейна, говорятъ, осилилъ... непостижимо!

«Сказать бы опять, что полковникъ, если бы похитилъ точно дѣвушку,—думали иногда сосѣди:—то ворота бы затворялъ въ свое жилище; а то нѣтъ: всякій входитъ туда и выходитъ оттуда свободно!»

Стѣны дѣйствительно были высоко выведены, не взлѣзешь безъ порядочной лѣстницы на нихъ ни снутри, ни снаружи. На воротахъ висѣли огромные замки. Снутри они еще запирались прежде на ночь на желѣзныя засовы, а теперь стояли постоянно настежь. Въ кухонный флигель, единственное зданіе, кромѣ конюшни, внутри главнаго двора (остальные зданія: рабочія, кузница, овчарня, скотные сараи и токъ были за дворомъ въ полуверстѣ), также всѣмъ позволялось ходить. Въ самомъ домѣ, наконецъ, внизу и вверху окна были, какъ всегда, не закрыты ставнями. Въ нижнихъ окнахъ, подь полуопущенными бѣлыми жалюзи, отороченными алыми фестонами, часто показывалась красивая русая голова владѣльца. Слуга, поварь, кучерь и приказчики отдѣльныхъ частей, являясь изъ кухни и изъ задворныхъ строеній, такъ же свободно входили въ домъ за приказаніями и по дѣламъ домашняго обихода. Однажды только въ это время полковника сильно огорчили нѣкоторымъ гро-

мовымъ извѣстiемъ. На стѣнь, перебитую имъ для своихъ овечьихъ стадъ у Шульцвейна на торгахъ, налетѣла съ Кубани саранча и въ два дня съѣла все камыши и травы.

— Оборвалось!—сказать Папчуковскiй:—пу, да за то же нѣмца въ пыль стонталь!

И стада, вышедшия-было изъ его хуторовъ на новыя приволья, возвратились снова назадъ. Зато домашнее счастье выкунало теперь всякiя потери; да и ожидался сборъ съ баснословнаго въ краѣ посѣва пшеницы.

«Сто тысячъ дохода за-глаза!—думалъ полковникъ:—за-глаза!»

Часто подъ-вечеръ, высунувшись изъ окна кабинета въ тѣнь на воздухъ, когда солнце уже переливалось за другую часть красиваго двухъэтажнаго дома, кидать онъ на дворъ просо и кормилъ изъ своихъ рукъ голландокъ, кохинхинномъ, хохлатыхъ разнородныхъ куръ собственнаго завода, или смакивалъ къ крыльцу, швыряя гарнищемъ крупы, цѣлыя стаи голубей, водившихся на крышѣ каменной конюшни. Голуби кружились, садились по двору стадами или, насытившись у крылечка, вились надъ большими тополями, осѣнявшими домъ до верхушекъ оконъ второго этажа, полузакрытаго ими. Ходила возлѣ куръ и голубей, ухмыляясь въ счастье и въ гордости хозяйки, одна поделъшоватая батрачка, шестидесятилѣтняя добродушная корга, Домаха, также изъ бѣглыхъ. Въ бѣгахъ она пребывала уже болѣе сорока лѣтъ, мыкалась во многихъ мѣстахъ и была рада, что сперва пристроилась въ Новой-Диканькѣ кухаркою нанятыхъ рабочихъ, потомъ коровницей и, наконецъ, птичницей. Домаха была совершенно сѣдая и даже съ сѣдыми, кустоватыми бровями, отъѣнно индiйскими къ ея темно-оливковому, южному, морщинистому лицу. Она постоянно гдѣ-нибудь смиренно копалась, отличалась мягкостью нрава и голоса, исполняла молча все, что ей давали, замѣняла и огородинцу, и водоноса, и дворника. Хотя теперь у полковника во дворѣ, въ отличныхъ деревянныхъ конурахъ, содержались на цѣпи два злѣйшихъ чербера, но полковникъ, поглядывая иногда на нихъ и на Домаху, шутиливо думалъ:

«Пельзя ли уволить и собакъ, и ихъ должность также поручить Домахѣ? Она вѣрно и лаяла бы съ усердiемъ по ночамъ!»

Итакъ, слѣдовъ пребыванія Оксаны у Палчуконскаго не оказывалось.

— У! проклятое бурлачьё! оно горой за него стоит!—говорили малкіе сосѣди, изрѣдка еще толкуя о лихой дворнѣ полковника: — точно вертеть Синей-Бороды! Чтò попадетъ туда, ниши пропало: какъ въ воду канетъ. То пробавлялся захожими по волѣ красавицами, изъ окольныхъ, а тутъ ужъ, какъ черкесь, воровать живьемъ сталъ... Шутковинъ тоже украсть, да не прячется; а этогъ еще хитрить!

Являлись даже нарочитые соглядатаи къ полковнику. Прѣзжалъ, между прочимъ, братъ Небольцевъ, естественная дрянь, силетникъ, слабохарактерный, подслѣповатый игрокъ и гаденькій мотъ, въ долгахъ, какъ въ паутиѣ, съ цѣлью будто бы купить браковхъ овецъ у полковника, а собственно поглазѣть и понюхать, не сиритала ли гдѣ-нибудь въ Новой-Диканькѣ похищенная воспитанница отца Павладія. Его приняли очень сухо, но вѣжливо, и онъ уѣхалъ, ничего не открывъ. Являлись въ Новую-Диканьку, будто мимоѣздомъ, изъ Святодухова-Кута и дымчокъ, и самъ отецъ Павладій. Даже губернаторъ, говорятъ, прислалъ полковнику при энергической нотѣ, для свѣдѣнія и отвѣта, безыменный доносъ о передержательствѣ бѣглыхъ крестьянокъ и «неизвѣстно куда пропавшей воспитанницы священника Павладія Поморскаго». Палчуконскій мастеръ былъ отписываться; отвѣтилъ губернатору рѣзко и умно, а вмѣстѣ съ тѣмъ, частно послалъ исправнику три ящика отличныхъ дорогихъ сигаръ. Но не могъ полковникъ не обидѣться на щадонки сосѣдей изъ болѣе порядочнаго круга.

— Господа, довольно! — говоритъ онъ въ одной компаніи, играя въ банкъ третьи сутки: — всякая шутка должна имѣть свой конецъ. Я прошу васъ больше не упоминать при мнѣ объ этой исторіи. Она обижаетъ и меня, и мой чинъ, и мое положеніе въ свѣтѣ. Я уже вышелъ изъ поры дюжиннаго волокитства... Я, господа, не черкесь и не юнкеръ, а Владиміръ Алексѣевичъ Палчуконскій!

Если бы кто захотѣлъ, однакоже, подлинно узнать о судьбѣ Оксаны, тому стоило только обратиться съ вопросами къ старому «чабану» на арендномъ хуторѣ полковника. Въ день, когда Палчуконскій, проводивъ послѣ торговъ съ хутора колониста, вошелъ за чергородку своей пустки, ча-

бапъ къ вечеру слышалъ невыразимые крики. Чей-то сперва сильный и громкій, потомъ тихій и слабый голосъ молилъ о пощадѣ...

Старый чабанъ, больной и дряхлый человекъ, а иногда музыкантъ, вторая скрипка какого-то кпиза, изъ бѣглыхъ, собирався уже Богу молиться послѣ ужина и ложиться спать, какъ, наконецъ, обратилъ вниманіе на эти крики. Онъ вышелъ изъ своей хаты, постоялъ, послушалъ, и давно-замершее сердце съ силой застучало въ его груди. Онъ сходилъ къ овцамъ, воротился, крики стали смолкать. Кучеръ барина и другой батракъ, падѣленные, по обѣщанію, суммой на выпивку, весело ушли въ оврагъ съ четвертою годки, привезенной съ торговъ. Старикъ стоялъ одинъ.— «Не мнѣ видно, старому забродчику, — подумалъ онъ: — не мнѣ одному не было счастья на свѣтѣ! То еще чья-то доля пронадаеть, коли не пропала!» Слы, уронилъ съдую голову на колѣни и заплакать. А ночь была такъ же восхитительна, и попрежнему чудные, таинственные, обворожительные шорохи носились въ воздухѣ окольныхъ стеней...

Къ ночи крики и голоса въ нуткѣ смолкли. А на утро полковникъ вышелъ веселый, какъ-то богатырски-смѣлый, далъ ближайшей прислугѣ опять на магарычъ, Самуилка оставилъ, а съ батракомъ уѣхалъ. Немного погоды, паѣхалъ въ эту нестиѣтую глушь, четверней въ каретѣ, будто барина привезъ, одинъ Абдулка, побылъ тутъ часа съ три и къ вечеру выѣхалъ. Въ каретѣ окна были завѣшаны. Чабанъ это видѣлъ съ поля.— «Не наше дѣло! — думалъ онъ: — не наше!» И тихо донасалъ свое стадо, тыкая палкою въ траву и соображая и повторяя, по обычаю, со скуки, счетъ прожитыхъ имъ горемычныхъ годовъ.

Полковникъ отлично устроился. Плъвинница его долге не смирялась, но потомъ, такъ же какъ и все на свѣтѣ, смирилась. Кого не пробереетъ желѣзный коготъ неволи и заточенія? Ее помѣстили въ уединенной комнаткѣ дома Ново-Дикашки, на мезонинѣ. Разумѣется, за нею ходила баба Домѣха, и какъ кормила собакъ на привязи и куръ по двору, съ такимъ же молчаливымъ добродушіемъ хлопотала она и возлѣ убивавшейся господской плъвинницы.

— Что ты, мое сердце, стонешь все? глянь: вонъ тебѣ лепты новыя кушан, кофту суконную, юбки пошили! Чего

плакать? И-и! въ наши годы мы не то спосили!—говорила иной разъ Домѣха, взбираясь на вышку къ Оксанѣ.

— Душно, бабо! нельзя тутъ быть подъ этою крышею! Отъ желѣза парь такой, духота какъ въ банѣ,—и это съ утра до ночи, цѣлую ночь мечешься! Хоть бы, посвѣжѣе...

— Такъ зачѣмъ же ты противишься, неласкова къ нему? Тебя и держитъ подъ замкомъ. А то пошла бы себѣ уточкою по свободѣ.

Оксана отмалчивалась и только плакала.

— Да вы, бабо, хоть окошко мнѣ отворите!

— Слуховое? Другого нѣтъ.

— Да хоть слуховое, для воздуха.

— Эге! А какъ выскочишь съ крыши, да сдуру еще расшибешься? На то оно и забито у насъ желѣзомъ, тутъ прежде панская казна, сказываютъ, была. Около двери и сундукъ стоялъ.

— Куда мнѣ разбиваться и скакать съ крыши! Пропала ужъ теперь совсѣмъ моя голова; куда мнѣ идти? всѣ отъ меня откажутся; и то я была сирота, а теперь чѣмъ стала?

Домѣха качала головой.

— Сердце мое, сердце, одумайся! На чтò оно-то, чтò ты говоришь! Панъ у насъ добрый; побудь съ нимъ годокъ-другой, онъ тебя въ золото одѣнетъ. Вонъ и я была молода, нашъ баринъ сперва меня было отличить, а тамъ и до дочекъ моихъ добрался. Такъ что-жъ? Поплакала, да и замолчала! Сказано, переможется...

— А зачѣмъ же вы, бабо, бѣжали, да ужъ столько лѣтъ тутъ мыкаетесь въ бурлакахъ, на чужбинѣ?

— Э! про то ужъ я знаю!.. Видишь, сердце, скажу я тебѣ, пожалуй: я папа нашего любила и во всемъ была ему покорна; да пани наша старая меня донекла, какъ померъ онъ,—отъ нея я и бѣжала... Я и бѣжала, сердце!

— Бабо, бабо! жгите меня лучше на угольяхъ, ставьте на стекла битыя, только дайте мнѣ домой воротиться,—дайте тамъ съ горя моего помереть!

— Да ты же сирота, бѣглая, Оксана! куда тебѣ идти?

— Я про то ужъ знаю, бабо! Попросите барина, чтобъ пустилъ меня; будетъ ужъ мнѣ тутъ мучиться... будетъ!

— Не можно, Оксана, не можно, и пустыи ты рѣчи говоришь! а когда хочешь, вотъ тебѣ нитки и иголки, шей

себѣ рубашки, нѣтъ какого холста баринъ купилъ! голландскаго...

Домѣха еще постояла, покачала головой и тихо ушла, недоумѣвая, какъ это, среди такой хохли и роскоши, такая непокорность. Оксана плакала и, пока было свѣтло, принималась безъ всякаго сознанія шить что ей давали. Она, позабывъ тоску, думала о священникѣ, о привольной рождѣ, о рабѣ; дитя Горнины мысленно качала... А Левенчукъ?

Передъ захожденіемъ солнца Домѣха посла ей ужинать всякихъ яствъ и нитій вволю. Ничего не ѣла Оксана.— «Левенчукъ, Левенчукъ! гдѣ ты?»— шептала она... Сумерки сгустились, мѣсяць вырѣзывался передъ слуховымъ окномъ, ступеньки по лѣстницѣ наверхъ скрипѣли подъ знакомыми шагами, и дверь въ вышку Оксаны отворялась... «Уго стѣ!»— думаетъ Оксана, задрожавъ всѣмъ тѣломъ и кинется въ уголь коморки. Какъ бы хотѣла она въ ту минуту пожать въ рукахъ держать!..

Несмотря на темноту, легко, однако, отыскивается и ея уголь, и она сама. Глухая и пустынная окрестная степь и темная-темная ночь не слышать ничего, что дѣлается и кроется въ этомъ каменномъ домѣ, за этою высокою оградой.

Къ разсвѣту Владиміръ Алексѣевичъ выходилъ опять на площадку лѣстницы, будить ногой спавшую у порога завѣтныхъ дверей вѣрную дуэнью Домѣху, приказывалъ ей пуце глаза беречь плѣвшину и сходилъ внизъ. Внизу же иногда его покорио ждали тѣ же услужливые Ленорелло: Абдулка или Самуйликъ.— «Ну, — думаетъ Домѣха: — баринъ теперь остепенился—одну знаетъ!» А Владиміръ Алексѣевичъ, нерѣдко въ ту же ночь до утра, скакать съ ними верхомъ на другое свиданье, въ какой-нибудь уединенный казацкій или колонистскій хуторъ, гдѣ ожидали его новыя, путемъ долгихъ исканій купленные ласки чернобровой Катри, Одарки или голубоокой пѣмецкой Каролихенъ. Оксана не знала, что и прибрать въ голову, когда онъ уходилъ отъ нея. Только сердце усиленно билось въ ея груди, какъ у перепела, неожиданно перемѣщеннаго съ привольныхъ дикихъ нивъ, изъ пахучихъ гречихъ или просъ, въ тѣсную плетеную клетку: сколько ни мечись, сколько ни стукай въ стѣны

глуною, разбитою головою, не вырвешься, по порхнешь опять на вольную волю!

Были послѣдніе дни поля.

День клонился къ вечеру. По полю, безъ оглядки и безъ дороги, сѣѣлиль куда-то напрямикъ рослый, дюжій, загорѣлый и страшно запыленный парень, въ синемъ мѣщанскомъ жилетѣ, въ новой черной свиткѣ и въ сѣрой барашковой шапкѣ. Онъ изрѣдка останавливался у косарскихъ артелей, подходилъ, что-то порывисто спрашивалъ и поспѣшно уходилъ снова далѣе. При поворотѣ на Свѣтодуховъ-Куть онъ остановился, какъ-бы въ раздумьи, идти ли туда, или взять въ сторону? Пошелъ-было мимо, но одумался, махнулъ рукой и своротилъ опять туда. Отецъ Павладій столкнулся съ нимъ у церковной ограды, идя за чѣмъ-то съ ключами въ церковь.

— Левенчукъ! Откуда?

— Я, батюшка...

Священникъ опомнился и болѣе не спрашивалъ. Онъ, молча, пошелъ обратно въ домъ. Левенчукъ пошелъ за нимъ.

— Ну, вижу я, — началъ, запыхавшись, священникъ, сѣвъ дома на крыльцѣ: — вижу, что ты, Харькъ, все знаешь!

— Знаю, батюшка!

— Гдѣ же ты это такъ долго былъ?

— Волежь былъ, на пристани; чуть не умеръ.

— Да, ты похудѣлъ!..

Въ эти четыре долгія недѣли Левенчукъ точно похудѣлъ, но въ то же время возмужалъ, будто выросъ еще болѣе и, загорѣвъ и покрасившись отъ дороги, похорошѣлъ. Волосы скобкой, остриженные усы стали виднѣе: молодець-молдцомъ.

— Что это въ котомкѣ у тебя? Гдѣ это ты такъ принарядился?

— Это подарки невѣстѣ и вамъ, батюшка! Да и какъ было не нарядиться, дожидаясь такого дня? Работы было вдоволь на пристаняхъ, и выкупъ готовъ — да невѣста, должно статься, не готова, батюшка! А я-то и хатку ужъ себѣ сторговалъ на Поморьи, тихимъ трудомъ замыслилъ жить съ нею...

Священникъ замоталъ головою, всхлипывая и смотря на Харькѣ въ испугѣ и въ смущеніи.

— Убью, батюшка! — сказала неожиданно Левенчукъ, ударивши котомкой ђ-земь:—убью его, зарѣжу, какъ собаку! Глаза его сверкали. Лицо побѣлѣло.

— А потомъ что будетъ? — спросилъ священникъ, самъ не зная, что отвѣчать на эту угрозу.

— Что вамъ, батюшка, каяться, какъ на духу? — спросилъ въ свой чередъ Левенчукъ.

— Говори какъ на духу!

— Ну, я подожду полковника, замалю его со всѣхъ концовъ: клуню, овчарню, все зажгу, убью его и на себя руки наложу. Вотъ что!

Священникъ прошелся по комнатѣ.

— Ахъ ты, душегубъ, душегубъ, Харькѣ!

— Я-то душегубъ? Нѣтъ; не я, а онъ! Да что мнѣ теперь, ну? Думалъ въ бѣгахъ счастье найду... И тутъ его прежде насъ, дураковъ, забрали! Дураки мы, — вотъ что, батюшка! Праве, дураки. Тешерь я ужъ понялъ! Не то намъ слѣдуетъ дѣлать,—вотъ что!

Священникъ всталъ, взялъ за полу Левенчука, повелъ его въ спальню, разложилъ святой покровъ на столѣ, подъ образами, раскрылъ на немъ евангеліе и сказалъ:

— Беру съ тебя присягу, Харитонъ: поклянись мнѣ, что вичего того не сдѣлаешь, на что повернулся нечестивый твой языкъ! Клянись, Харькѣ! Я этого не поущу!

— Не буду я клясться, батюшка! Не буду!

— Клянись, Харькѣ, клянись скорѣе, дурацкая твоя дуна, а то донесу! ей-Богу, донесу!

— Донosite, донosite! А мы на васъ надѣялись, какъ на отца родного; вы же намъ, несчастнымъ, бѣглымъ, совѣты давали, укрывали насъ, кормили и обнадеживали насъ...

— Я-то? Ахъ ты, глушець, дуракъ Харькѣ! Когда я бѣглыхъ держалъ? Да нѣтъ, ты не уйдешь отъ меня! Клянись, Харькѣ! ты не понимаешь, что говоришь! Клянись!—повторилъ священникъ Левенчуку, указывая на святую книгу, и самъ, между тѣмъ, трухнувъ не на шутку.—Давай присягу, а то свяжу тебя и донесу...

Левенчукъ подошелъ.

— Такъ слушай же, батюшка: вотъ что будетъ теперь.

Бѣжалъ я съ неведомъ отъ моря, какъ вѣсть о пропажѣ Оксаны дошла туда съ людьми. Повѣрите ли—всѣ жалѣли, какъ я опрометью побѣжалъ оттуда! По пути, на перекресткахъ, на мостахъ, у переправъ, вездѣ жалѣли. Народъ зашумѣлъ, грозился, волнуется — такъ мнѣ ли терять? Два дня я бѣжалъ, да вчера безъ души и упалъ въ какой-то лошникѣ. Чабаны веберовскіе меня нашли, въ корчму переправили. Меня оттирали, кровь бросялъ одинъ жидокъ... Вонъ рука моя еще и теперь перевязана; истомился я, а все-таки добѣжалъ до Ананьевки, а послѣ до Андросовки. — «Что, спрашиваю у людей, правда ли это?» — «Правда», — отвѣчаютъ, и всѣ жалѣють и тамъ, да на полковника указуютъ: — «что грѣха не хотимъ брать на душу, некому больше! Это ужъ какъ загнѣ лютый, какъ волкъ; кто понадесть, съѣсть навѣрно!» Такъ-то, батюшка, говорить про чего люди.

Священникъ смотрѣлъ на него исподлובья. Онъ его и жалѣлъ, и вѣстѣ и боялся.

— Такъ я ужъ, батюшка, вотъ теперь какъ надумалъ: пойду его яросить, — можетъ, я его умолю, а можетъ, не умолю, въ ногахъ валяться буду! Не дасть—не гнѣвайтесь, батюшка... зарокъ свой я порѣшу...

Слезы бѣжали на подстриженные усы Харька.

Губы его тихо вздрагивали. Глаза тоскливо слѣдили за священникомъ. Священника передернуло, онъ взглянулъ въ окно, закрылъ книгу и сказалъ:

— Ну, коли такъ, такъ съ Богомъ; я надѣюсь, что полковникъ отдастъ тебѣ Оксану. Итъ у меня тебѣ благословенія на злое дѣло; покажѣ и меня, мои старые-то годы! А я самъ буду писать Панчуговскому... Авось онъ отдастъ Оксану. Да берѣтись только! Видишь, вонъ, твоего же пріятеля Милороденка отыскиваютъ, не уцѣлѣть ему,—въ каторгу сонлюгъ, проклеймятъ, а все за его продѣлки! Вонъ и примѣты его ужъ опублнкованы... Такъ и съ тобой то же будетъ; берѣтись!

Священникъ сѣлъ, надѣлъ очки, съ трудомъ написалъ письмо, открылъ сундукъ, досталъ оттуда деньги, и, замѣти, что въ комнатѣ стояли уже въ слезахъ дьячокъ и старшій дьячиха, сказали:

— Вотъ тебѣ, Левенчукъ, это письмо; а вотъ и твои деньги; я грѣшечъ, я позарился на выкупъ, и задержалъ

твое дѣло. Ну, да Богъ тебя благословитъ; достанешь ее,—веди, обвѣщаю и такъ; не достанешь ея—не хочу твоего добра! Фендриховъ, эти деньги вычеркни изъ книги той, знаешь? Имъ уже у насъ не быть, на церковь-то...

— Гдѣ быть, ваше преподобіе! Деньги несчастныя!

Левенчукъ торжественно поклонился въ ноги попу, даже поклонился и дячку съ дячихой, вышелъ за двери, и не успѣла взволнованная компанія выбѣжать на косогоръ, гдѣ такъ часто Оксана выжидала съ поморья Левенчука, какъ и слѣдъ Харькѣ пропалъ.

— Что будетъ, то будетъ!—рѣшилъ священникъ, возвращаясь домой.

— Ничего не будетъ, чувствую!—отвѣчать, всхлипывая, дячокъ.

Дячокъ ревми плакать.

Шелъ Левенчукъ часъ-другой. Солнце уже начинало садиться. Туманъ пошелъ яромъ. Вышелъ онъ на косогоръ и ударилъ себя въ голову: «и тутъ не везетъ, треклятая доля. Съ дороги, на семи шагахъ, сбился! Гдѣ же это я?» И онъ сталъ смотрѣть.

Степилью. Дикіе гуси вверху неслись къ западу, чуть полестя надъ его головою. Семья дрофъ, испугнутыхъ съ ночлега, поднялась въ ста шагахъ отъ него и побѣжала въ сторону, мелькая между бурьянами. Ночные кузнечики трещали. Звѣзды зажигались. А въ полуверстѣ огонѣкъ кто-то на ночь сталъ разводитъ...

Пошелъ Левенчукъ на огонѣкъ. Подходить: купеческая телѣга съ товарами стоитъ; два купца на буркѣ лежатъ. Лошади овесъ съ оглобелъ изъ мѣшка ѣдятъ, котелокъ каши варится на таганкѣ. Поздоровался Левенчукъ съ купцами, подошелъ къ нимъ. Видятъ тѣ, что онъ все вздыхаетъ; высираивать стали. Разказать все Левенчукъ, какъ отъ своей барыни бѣжалъ, какъ тутъ жилъ, какъ дѣвку полюбилъ, и кто она такая, и какъ ея отца зарѣзали. Купцы переглянулись, стали живѣе его слушать.—«Ну-ну, говори, миленькій!» Все передалъ Левенчукъ объ Оксанѣ, что слышалъ отъ нея самой и отъ другихъ, въ томъ числѣ еще и отъ Милорѣденка, когда онъ впервые шелъ въ эти мѣста.—«Куда же дѣли того зарѣзаннаго?»—спросилъ старшій изъ купцовъ.—«Въ Таганрогъ отвезли; тамъ онъ и умеръ, полагать должно». Помолчали купцы, разспросили еще объ

Оксанѣ, жалѣли о ней до крайности, сѣтовали Харьку обождать, не горячиться съ хлопотами о ея спасеніи, направляли Левенчука съ жалобой въ судъ и къ градоначальнику, и наконецъ, посадивъ его силою съ собою ужинать, объявили, что они сами торговцы, часто бывающіе въ азовскихъ городахъ, торговали когда-то въ Таганрогѣ и въ Севастополѣ, а теперь торгуютъ въ Моршанскѣ, и что если бы когда-нибудь Левенчукъ захотѣлъ бросить здѣшнюю бродячую жизнь, они ему предлагаютъ мѣсто. — «Дарма, что ты бѣглый! видимъ мы, что ты за человекъ; отинишь только, и мы тебя вызовемъ. А писать такъ-то и туда-то.» — «Да коли жепнишься на Аксюткѣ-то, то и съ хозяйкою своею прѣзжай!» — заключили кунцы. — «А какъ твоего грабителя прозываютъ?» — «Панчуковский». — «Ужъ не онъ-ли? — сказали одинъ изъ кунцовъ: — вѣрно онъ и есть, барыня его у насъ въ городѣ чуть ли не проживаетъ...»

Усталый и истерзанный душою до-пелъзи, Левенчукъ заснулъ-подъ тѣлѣгою, а кунцы, долго еще лежа у костерка, поодаль отъ него и отъ своего возницы, толковали промежъ-собою, все повторяя: — «онъ и есть; некому больше! Скажемъ его барыни, а то она, сердечная, сколько лѣтъ его разыскиваетъ»...

IX.

Бѣглые расшалились.

Рано до свѣта Харько вскочилъ, оглянулся, кунцовъ уже не было. Перекрестившись три раза на восходъ солнца, онъ сообразилъ свою дорогу и пошелъ по росистымъ еще су-мергамъ.

Щегольской домикъ Новой-Диканьки вырѣзался передъ нимъ, когда солнце стало уже всходить изъ-за красныхъ кирпичныхъ овчаренъ полковника.

Левенчукъ подошелъ къ первой овчарѣ. Оттуда только-что вышли овцы. Не найдя тутъ пастуховъ, онъ пошелъ къ батрацкимъ хатамъ. Изъ батраковъ кто умывался тутъ на дворѣ, кто Богу молился у своего крыльца, земно кланяясь, а кто велъ воловъ на водоной.

— Панъ дома?

— Дома. А что тебѣ?

— Въ косари не нужно ли?

— А чего жъ ты безъ косы?

— Бурлака, братцы!

— Такъ! Ну, иди же до конторщика. Тамъ сегодня расчетъ за эту подѣлю.

«Воскресенье сегодня! а я и забыть!»—подумалъ Левенчукъ.

— Шиннокъ у васъ есть?—спросилъ онъ, усиливаясь быть развязнымъ и веселымъ.

— Э, да ты, я вижу, хорошиій человекъ! Не угостишь ли?

— Можно. Гдѣ же тутъ у васъ водка?

— Пойдемъ, пойдемъ!— отвѣтилъ батракъ:— откупщикъ тутъ всегда на косовичное время выставку становить. Онъ пріятель барины! Вотъ и шиннокъ наня!

Левенчукъ вошелъ въ хатѣнку, гдѣ была временная выставка водки и гдѣ полковникъ обратно собиралъ по субботамъ бѣольшую часть денегъ, платимыхъ рабочимъ въ теченіе подѣли. Харькъ поставилъ новому знакомому полкварти.

— Рано немного,—сказалъ жидъ-шинкарь:— да хорошимъ людямъ можно!

Слово за словомъ, Левенчукъ узнать нравы барскаго двора, и когда баришь встаетъ, гдѣ его видѣть можно, кто у него въ дворнѣ.

— Ты только брѣнись,—говорилъ хмельвнній товарищъ:— требуй хозяйскую косу и цолтину серебромъ въ день! Требуи,—дадутъ.

— Ну, братику, а дѣвка та,—спросилъ Левенчукъ, усиленно переводя дыханіе:—та... знаешь, что отъ цона?.. тутъ она?

Подгулявнній батракъ осмотрѣлся по хатѣ. Шинкаря не было въ ту минуту у прилавка.

— Тутъ... ты только никому не говори...

— Гдѣ?

— Наверху у напа живетъ... шин!

Левенчукъ вскочилъ.

— Куда ты?

— Будетъ узкъ, допивай ты, а мнѣ пора въ контору...

Левенчукъ вышелъ. Народъ, собиравннійся къ расчету, подваливать къ шинку. Левенчукъ пошелъ къ дому и по узилъ сперва полковническаго двора: такъ этотъ дворъ измѣнился и уютно обстроился съ той поры, какъ Харькъ сюда

пришолъ впервые, поопытнымъ бродягой, и тугъ, встрѣтившись съ прогорѣвшимъ Милорденкомъ, уступилъ ему свою порцію водки и тѣмъ ему сильно угодилъ.

Онъ ходилъ долго вокругъ ограды, у воротъ стоялъ, на мезонинѣ смотрѣлъ. Видѣлъ онъ окна, вверху раскрытыя; на балконѣ стулъ стоялъ. Онъ вошелъ во дворъ; прямо пошелъ къ крыльцу и столкнулся на немъ лицомъ къ лицу съ полковникомъ.

— Ты косарь?—спросилъ разсѣянно Панчуковскій.

— Косарь.

— Очень радъ, а это твой билетъ, что ли?—онъ сиропилъ Панчуковскій, сося сигару и принимая отъ Харькѣ письмо священника.

— Билеты—отвѣтилъ Левенчукъ, сверкнувши глазами.

Панчуковскій потянулся, взглянулъ на ясное, чудное утреннее небо, потомъ на первыя строки письма—рука его дрогнула, онъ протеръ глаза, искоса посмотрѣлъ на Левенчука, дочитать, слегка поблѣднѣвъ, письмо до конца, и долго не могъ сказать ни слова. Письмо состояло въ слѣдующемъ: «Владиміръ Алексѣевичъ! Не будемъ обманывать другъ друга. Вамъ сошли прежнія ваши исторіи. Вы теперь похитили мою Оксану. Это общій голосъ, не отрекайтесь; да и некому другому этого сдѣлать. Умоляю васъ, отдайте ее. Податель сего письма — ея женихъ, Харитонъ Левенчукъ, изъ таганрогскихъ поселянъ. Отдайте дѣвушку; вы уже ею, ване высокоблагородіе, насытились. Отдайте пока она еще можетъ быть имъ принята. Если прежнія ваши дѣйствія остались безнаказанно, то за это новое — кара Господня васъ не пощадитъ. Богатство не спасетъ нигдѣ до конца недобраго человѣка. Прахомъ пойдетъ оно у васъ; вспомните глазъ старца, готоваго сойти въ могилу. Эта кара близится. По духу же несовѣдника, предупреждаю васъ: не отдадите дѣвушки, за послѣдствія поручиться нельзя. Вамъ не одобровать! Послушайте меня. Вашъ слуга Павладій По-морскій».

Панчуковскій постоялъ. Левенчукъ также не говорилъ ни слова.

— Отецъ Павладій ошибается!—сказалъ полковникъ, закусивши губу: — я этой дѣвушки не знаю и ея у меня нѣтъ.

Левенчукъ молчалъ.

— Ея у меня нѣтъ, и баста, слышишь? Скажу отцу Навладію, чтобъ онъ ко мнѣ не смѣлъ обращаться съ такими письмами.

— Ваше высокоблагородіе! — сказала, подступая, Левенчукъ:—какой вамъ выкупъ дать за нее? Я пону соглашался выплатить за нее на церковь двѣсти цѣлковыхъ; возьмите триста; наймусь къ вамъ; въ кабалу, въ крѣпость за вами займусь—отдайте только мнѣ ее!

Полковникъ пожалъ плечами и, оглянувшись, улыбнулся.

— Глушь ты, братъ, и только! Глушь, и все тутъ!.. Ея у меня нѣтъ!

Левенчукъ повалился въ ноги полковнику. Онъ понялъ сразу, что съ этимъ человѣкомъ правдой не возьмешь, и потерялся, позабылъ весь закалъ, весь пылъ своего негодованія и своей мести.

— Ваше... ваше высокоблагородіе!—вопилъ онъ, валиясь въ пыли крыльца и цѣлуя лаковые полусапожки Владиміра Алексѣевича:—я дома на родинѣ похоронилъ жену молодую, и двухъ лѣтъ съ ней не покилъ; здѣсь нашелъ себѣ другую. Баринъ! Отдайте мнѣ ее! За что вы отняли ее у меня, погубили до вѣку насъ обоихъ!

— Да говорятъ же тебѣ, братецъ, что ея у меня нѣтъ... Какой ты!

— Будетъ ужъ вамъ съ нею, ваше высокоблагородіе! Не губите ее... Отдайте, вы ужъ ея натѣшились... Будемъ знать одни мы про то!.. Отдайте...

Панчуковскій отступилъ.

— Ищи ее у меня вездѣ, коли хочешь; иголка она, что ли! Пу, ну, ищи! Не вѣришь?

И онъ вошелъ въ сѣни, распахнулъ дверь въ лакейскую, а самъ стоялъ на порогѣ.

Храбрость бросила Харька. Онъ всталъ, началъ глухо вертѣть въ рукахъ шанку.

— Ежели я... — сказала онъ, задыхаясь отъ спертыхъ въ горлѣ слезъ:—ежели я... хоть чѣмъ, то убей меня Богъ!.. Господи!

Полковникъ поворотился къ нему спиной и ушелъ въ комнаты, посвистывая.

Оглянулся Левенчукъ по двору, повелъ рукой по снятой шанкѣ, подошелъ къ кухнѣ, тамъ еще постоялъ; во дворѣ не было ни души. Штухи заливались по задворью. Воробьи

кучами перелетали съ тополей на ограду. Левенчукъ пошелъ за ворота и сѣлъ тамъ на лавочкѣ.

Онъ самъ не зналъ, что и думать. У шинка собирался народъ. Конторщикъ пошелъ туда, а къ барину въ домъ Абдулка рукойникъ понесъ.

За ворота вышелъ, съ трубкой въ зубахъ, въ бѣломъ фартукѣ и ухарски заложивъ руки въ карманы, поварнишка Антропка, тоже изъ бѣглыхъ, малый лѣтъ двадцати-трехъ, отъявленный негодяй, часто битый за воровство.

— Ты чего тутъ сидишь, сволочь?—отнесся онъ задорно къ Левенчуку.

— Можетъ, сволочь ты, — отвѣтилъ Левенчукъ, утирая слезы:—а я за дѣломъ!

— За какимъ дѣломъ? проваливай! скамейка барская! вонъ, продово отродье!

— А ты барскій?

— Барскій, полковницкій; я ихъ халуй, — значить, сторожь; а ты убирайся вонъ, сибирный твой родъ!

И Антропка столкнулъ Харькà со скамьи.

Левенчукъ пошелъ опять къ воротамъ.

— Ты куда, говорить тебѣ?

— Дѣло есть.

— Не ходи, побью!

— Э! Посмотрим...

— Что? какъ? эго значить къ полковнику нажиматься идешь, да еще и форсишь?

Антропка подбѣжалъ и загородилъ Харьку дорогу въ ворота.

— Не ходи, ударю въ морду!

— Попробуй!—отвѣтилъ Левенчукъ, опомнившись и чувствуя снова приливъ злобы и ярости.

Антропка ударилъ его въ ухо. Левенчукъ зашатался и уронилъ шапку.

— А ну, еще!—сказалъ онъ, стоя блѣдный, какъ былъ, и выжидая новаго удара.

— Бью! что же? ну, бью!—крикнулъ Антропка и опять ударилъ.

— А ну, еще!

— И еще бью! вотъ какъ!

Антропка ударилъ еще разъ.

— А еще будетъ?

— Будеть и еще!—крикнулъ Антропка, свистнувши снова въ упорно-терифливое ухо Харьга.

— А!—зарычалъ, въ свой чередъ, Левенчукъ:—теперь и ты ужь держись; я тебѣ покажу, какъ добрыхъ людей даромъ биты..

И, какъ буря, онъ кинулся на поварченка, смялъ его, какъ клокъ сѣна, сгрѣбъ подъ себя и сталъ его бить безъ милосердія по глазамъ, ушамъ и по затылку.

На ценцовые вопли Антропки сбѣжалась вся дворня полковника, а мужчины и бабы его выручили.

— Кто это его, кто?—спросилъ Абдулка, явившись на подмогу другимъ, уже отливавшимъ водою до полусмерти избитаго Антропку.

— Вотъ оны!

— Кто это?

— А Богъ его знаетъ кто!—отвѣчали бабы, указывая на Левенчука, входившаго уже въ шинокъ.

Абдулка побѣжалъ за нимъ вдогонку и на бѣгу; въ сѣняхъ шинка, спросилъ сбравшихся косарей:

— Гдѣ тутъ этотъ разбойникъ?

— Ужъ и разбойникъ! — разбойники тѣ, что принимаютъ по два рубля, а расплачиваются по полтиннику:—отвѣтили изъ толпы.

— Ты билъ нашего повара?—запальчиво крикнулъ Абдулка, вскочивъ въ шинокъ и съ выкатившимися, разсвирѣжѣвшими глазами ставъ передъ носомъ Левенчука.

— Я билъ. Ну, а ты чего?

Лицо Харьга было зелено, губы его дрожали.

— Э! до меня такъ скоро не доберешься!—крикнулъ татаринъ, озираясь по хатѣ, куда уже, чуя грозу, начинали собираться любопытные съ пздворья.

— Посмотримъ!

— Посмотримъ!

Абдулка скинулъ поддевку.

— Выходи на просторъ, — закричалъ онъ: — выходи изъ хаты на просторъ!

Конторщикъ, бѣжавшій сюда, сталъ-было его останавливать.

— Не замай, Савельичъ, а то и тебѣ бока намну!—бѣшено зарычалъ Абдулка и вышелъ изъ хаты, сопровождаемый конторщикомъ и толпою и на ходу распоясывался.

— Что это они тебя? — спросили Харькѣ оставшіеся въ хатѣ косари.

Левенчукъ бросилъ на столъ три цѣлковыхъ.

— Пейте, братцы, за мою душу, пейте! — сказалъ онъ тоскливо и вышелъ, также снимая свитку.

Не успѣвъ онъ показаться на дворъ, какъ на него разомъ пакинулись Абдулка, Самуилникъ и прежде побитый поварчукъ.

Первые двое стали его визать, а озлобленный Антропка схватилъ полюбно и сталъ имъ бить Харькѣ по чемъ попало.

Часть косарей приняла сторону Харькѣ.

— Пустите его, что вы, душегубцы! ведите къ баринну, если онъ что сдѣлалъ,—говорили косари.—Мы и сами пойдемъ жаловаться; намъ расчетъ не тотъ даютъ!

— Нѣтъ, не поведемъ его туда! тутъ его живого въ землю вароимъ!—бѣшено кричалъ Абдулка, колоти Левенчука.

Мигомъ Левенчука связали.

— Въ судъ его, въ станъ! — горланила полковницкая дворня.

Побѣжали за телѣгой.

— Еще веревокъ!—кричалъ Абдулка.—А! ты въ барскій дворъ ходишь, да еще и дерешься! веревокъ еще! повозку скорѣе!

Привели лошадей, притащили повозку. Стали запрягать. Левенчукъ стоялъ связанный. Високъ у него былъ расшибленъ и кровь текла изъ-подъ растрепанныхъ темныхъ волосъ. Антропка, оныявившій отъ бѣшенства и отъ прежде полученныхъ побоевъ, ходилъ возлѣ него и громко на всѣ лады ругался. Бабы пугливо жались къ сторонѣ.

— Готово?—спросилъ отважно Абдулка, сѣвшій выиграть время:—мы и барица не станемъ безнокомтъ въ судъ его, разбойника!

— Братцы!—громко крикнулъ косарямъ связанный Левенчукъ:—они меня побили, связали, въ судъ хотятъ везти! А самъ барица ихній мою невѣсту украсть... Я, братцы, Левенчукъ! Попова дѣвка за меня просватана была... Она у полковника тутъ взаперти... въ любовницахъ. Спасите, братцы! не дайте праведной душѣ погибнуть!.. Спасите!

— Ну, еще разсказывать!—началъ Абдулка.

Послѣднихъ словъ Харькѣ не договорить. Абдулка, Са

иуїликъ и Антронка схватили его и потащили къ телѣгѣ, снова угощая побоями.

— Э, нѣтъ!—отозвался тотъ самый батракъ, котораго Харькъ угощалъ съ утра, загорода имъ дорогу: — я самъ пойду до барина! За что вы его бьете и тащите?..

— Да, да! за что?—говорили въ толпѣ и косари, испуганными и озлобленными кучками сходясь къ нимъ.

— Э, да что на нихъ смотрѣть! тащи его! Самусь, садись, вези его! Антронка, бей по лошадамъ!

— Нѣтъ, не пуцу!—сказалъ охмелѣвшій батракъ, загромождавая лошадамъ дорогу.

Тутъ прибѣжали съ криками остальные косари изъ шинка. Произошла общая свалка. Одни тащили Левенчука къ повозкѣ, другіе отталкивали его назадъ. Вѣсть о томъ, что это женихъ воспитанницы священника, украденной полковникомъ, облетѣла всѣхъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, теперь ужъ не троньте его, оставьте!—заговорили косари разомъ и оттѣснили Левенчука отъ Абдулки.

Подгулявшій батракъ ударилъ по запряженнымъ лошадамъ, гоня ихъ съ пустою телѣгою прочь. Самуїликъ кинулся ихъ останавливать, а косари въ суматохѣ совершенно отбили Харькъ, распутали ему руки и выпустили.

— Отдайте мою невѣсту!—сказалъ тогда бѣшено Левенчукъ, ставъ передъ слугами Панчуковскаго. Это уже былъ не прежній хуторскій пастухъ. Стени измѣнили его.

Абдулка, поваръ и Самуїликъ остались одни противъ остальныхъ.

— Нѣтъ у насъ никакой дѣвки!

— Врешь, есть: она наверху у барина вашего живетъ!—кричалъ Левенчукъ.

— Отдавай, а то силой возьмемъ!—гудѣли косари.

— Вотъ что выкусите!—отвѣтилъ Абдулка, показывая кукишъ, и пошелъ съ товарищами къ барскому двору, очевидно потерявъ надежду овладѣть обидчикомъ загадочнаго пріятеля, Антронки.

Левенчукъ, утирая кровь съ виска, сѣлъ на крыльцо шинка.

— Дайте, братцы, хоть трубки покурить, коли съ нами такъ поступаютъ. Собаки, и тѣ лучше насъ стали жить на свѣтѣ!

Пріятель его, батракъ, съ форсомъ подаль ему трубку, съѣлъ возлѣ него и обнялъ его, заливаясь слезами.

Толпа, между тѣмъ, шумѣла.—«Како! быть не можетъ! Такъ этого самаго невѣсту? И имъ спускать? Не заступиться за него? Гдѣ же тому конецъ будетъ?»

— Пойди, братику,—сказалъ Харькѣ батраку, откашливаясь и харкая кровью:—пойди, хоть осмунку вынеси! Всѣ печѣнки, проды, отшибли! Ишь ты, кровь пошла...

Косари орали болѣе и болѣе.

Полковникъ, между тѣмъ, уйдя отъ Левенчука, подбѣжать къ окну въ кабинетъ и долго слѣдилъ, изъ-за занавѣсокъ, пока непрощенный гость вышелъ за ворота.—«Воротить его? Отдать ему развѣ Оксану?»—подумать оиъ; но, почитавъ съ полчаса газеты, успокоился, оставилъ дѣло такъ и пошелъ наверхъ къ Оксанѣ.

Оксана сидѣла въ своей коморкѣ, вышивая какую-то рубаху. Домѣха сидѣла на полу возлѣ нея, тоже чтѣ-то штопая.

— Оксана! хочешь домой?—спросилъ полковникъ.

Она не подняла глазъ.

— Что, если бы за тобою пришли, бросила бы ты меня? Неужели бросила бы?—спросилъ полковникъ.

Оксана встала, сложила шитье и поклонилась въ ноги Панчуковскому.

— Пане! пустите меня, заставьте вѣчно за себя Бога молить!...

Въ исхудаломъ, нѣжномъ и кроткомъ лицѣ ея кровинки не было.

Панчуковскій хотѣлъ чтѣ-то сказать и затихъ. Съ надвора раздался страшный гулъ голосовъ, и одно изъ оконъ на мезонинѣ зазвенѣло.

— Береги се!—успѣлъ только сказать Панчуковскій Домѣхѣ и выбѣжать на балконъ.

Едва Панчуковскій вошелъ туда, какъ увидѣлъ, что передъ запертыми уже на замокъ его воротами стоитъ куча народу, а Абдулка, Самуйликъ и конторщикъ бранятся сквозь затворы.

День, между тѣмъ, какъ часто бываетъ на югѣ, неожиданно измѣнился. Въместо жгучаго, остраго суховія, доносившаго съ утра подъ узорчатые жалюзи комнатъ сухой и волнистый шелестъ горящихъ въ зноѣ ниль, небо стемнѣло, облака неслись густою грядой и накрапывать дождь.

— Что это?—громко спросил своих людей Папчуковскій, склонясь через перила балкона.

— Косари взбунтовались.—робко отвѣтилъ конторщикъ:— не хотятъ по полтиннику брать, требуютъ по два рубля.

— Ну, такъ гоните ихъ взапой!

— Мы стали ихъ гнать, а они въ контору ворвались, стекла перебили, мы едва услѣди ворота запереть — все распылѣло...

— Ваше благородіе!—сильно крикнулъ кто-то изъ толпы:— отдай дѣвку! а то плохо тебѣ будетъ!

Взглянулъ полковникъ: вся толпа въ шапкахъ стоитъ.— «Эге!»—подумалъ Папчуковскій, сильно струхнулъ и медленно вошелъ въ комнаты съ балкона. Сойдя внизъ, онъ позвалъ къ себѣ Абдулку.

— Что тамъ такое? говори правду.

— Плохое дѣло! Косари перепились, а тутъ еще бурлака тотъ пришелъ, дѣвчонку эту требуетъ...

— Отдадимъ ее, Абдулъ! Чортъ съ пей! Еще бы чего не надѣлали... Что они, въ ворота лезли?

— Запалымъ! говорятъ. Да и пѣтъ, Владиміръ Алексѣичъ, не поддавайтесь. Коли что, такъ я и ружье зарядю и по нимъ выстрѣлю холостымъ, запугаю ихъ, они и разбѣгутся!

— Что же вы?—гудѣла толпа за воротами:—гдѣ это видно, чтобъ дѣвокъ съ поля таскать? тутъ не антихристы какіе! Мы найдемъ на васъ расправу...

— Вошь отсюда, подлецы!—закричалъ опять сквозь ворота Абдулка, не отпирая желѣзнаго засова.—Что вы пришли сюда буянить? Вонъ отсюда!

— Ломай, братцы! Топоры сюда!—уже безъ памяти ревла толпа:—не даютъ, такъ ломай! Пробьемся и возьмемъ силою у живодѣровъ!

И въ ворота снова ударили чѣмъ-то тяжелымъ, а изъ отсюда наперли кучею всѣ разомъ. Схваченныя и прокованныя желѣзными скобами ворота только слегка заскрипѣли, но не подалось.

Абдулка метался, между тѣмъ, что было мочи, и ругался на всѣ лады, грози дерзкимъ карою становаго, исправника и самого губернатора.

— Что намъ теперь исправники и ваши становые! Вы

дѣвку пану отдайте! Тутъ наша воля, въ стѣни-то нашей! До суда далеко!—выкрикивали голоса за воротами.

Полковникъ избѣжалъ снова наверхъ. На площадкѣ лѣстницы онъ натолкнулся на совершенно-обезумѣвшую отъ страха Домѣху. Старуха жевала что-то помертвѣвшими губами и простоволосая, не успѣвъ накинуть на сѣдую голову платка, дико смотрѣла на Панчуковскаго.

— Гдѣ она?—спросилъ полковникъ, идя поспѣшно мимо старухи.

— Тамъ; это я ее заперла на ключъ. Еще бы не выскочила къ нимъ сдуру...

— Ну, береги же!

Онъ вошелъ въ верхнюю комнату, бывшую къ сторонѣ воротъ, и изъ-за притолки окна увидѣлъ у ограды цѣлый лагерь. Какіе-то верховые явились... Народу было человекъ триста или болѣе. Одни сидѣли, другіе стояли или ходили кучками, какъ-бы обсуждая, какъ исполнить затѣянное. Трое лѣстницу какую-то съ овчарни тащили. Остальные шли; разбѣсившись по травѣ, горлавили всѣ.

«Вотъ и поди, живи тутъ въ этой необъятной Новороссіи, — мыслилъ Владиміръ Алексѣевичъ: — тутъ чистую осаду Трои выдержишь; успѣютъ и взять тебя, и ограбить, и убить, пока дашь знать властямъ хоть вѣсточкой! Думалъ ли я дожить до этого? А! вонъ и еще что-то замышляютъ!..»

Прибѣжалъ наверхъ, заняхавшись, поваренокъ.

— Что ты, Антронка?

— Конторщикъ проситъ кассу въ домъ внести; неравно вломятся; боится, что растащутъ.

— Вломятся? въ ворота? Что ты?

— Да-съ.

— Ты почему думаешь?

— Стало, можно, коли между ними вонъ бѣглые ростовскіе неводчики появились и бунтуютъ, какъ бы чего поправдѣ не было, ваше высокоблагородіе...

Панчуковскій еще разъ глянулъ изъ-за притолки. Новая картина открылась передъ нимъ. Овцы его бродили вразсыпную безъ пастуховъ. Шипкаръ откупщика, зная уже нравы такихъ событій въ стѣняхъ, съ еврейскою предусмотрительностью запрягалъ себѣ лошадь за хатю шипка. А изъ двухъ батрацкихъ избъ, спустившись тайкомъ въ лошину, бѣжали вдаль, по пути къ камышамъ на Мертвую,

пятеро батраковъ, батрачки и мальчишки-табунщики потрусивше, со страху бросивъ въ хатахъ и барское добро, и свои пожитки.

Панчуковскій сошелъ снова внизъ. Въ кабинетъ Абдулка быстро заряжалъ ружье.

— Вотъ я ихъ! Я ихъ!

И зарядивъ, онъ пошелъ опять на балконъ мезонина. Изъ толпы черезъ ограду швыряли уже изрѣдка камнями.

— Разойдитесь!—крикнулъ опять съ балкона Абдулка.— Васъ обманули; тутъ никакой дѣвки нѣтъ! А плату сполна мы вамъ вышлемъ; только усмиритесь и не бунтуйте, братцы, вотъ что!

Градъ увѣсистыхъ камней и побранокъ изъ толпы отбѣтилъ на эти слова черезъ стѣны.

— Такъ стойте же!—крикнулъ Абдулка съ балкона, приложился изъ ружья и выпалилъ.

Чей-то сѣренькій конекъ заржалъ, побѣжалъ и, на пяти шагахъ споткнувшись, упалъ, убитый наповаль въ голову.

— Ты же говорилъ, что зарядишь холостымъ?—спросилъ, испугавшись, Панчуковскій.

— Такъ имъ и надо-съ! Шельмы, а не люди!

Осаждающіе дѣйствительно были озадачены выстрѣломъ, кинулись вразсыпную и вдали, у хатъ и овчаренъ, снова стали собираться кучками. Кто-то громко грозилъ изъ толпы, что подожгутъ овчарни и батрацкія хаты. Другой топоромъ помахивалъ издали.

«Что тутъ дѣлать?» думалъ полковникъ, ходя то вверхъ, то внизъ по лѣстницѣ дома. Люди на-скоро пообедали, и ему стали накрывать на столъ.

— Есть у воротъ сторожа, Абдуль?

— Есть, Антропка съ собаками караулитъ; я ихъ съ цѣпи спустилъ...

— Ну, какъ бы дать знать въ станъ, либо въ городъ?—спросилъ Панчуковскій.—Я-то ихъ не боюсь, да какъ бы не подожгли чего! Вѣдь такого дѣла и ожидать было трудно...

— Ночью развѣ Самойлу верхомъ пошлемъ, авось прорвется черезъ нихъ.

Встала полковникъ изъ-за стола. Пошелъ съ Абдулкой опять наверхъ. Смотрять: къ толпѣ осаждающихъ подбѣхалъ какой-то фургончикъ парой. Сидѣвшій въ немъ о чемъ-то

говорилъ съ косарями. Вотъ собирается отъѣзжать, на домъ полковника смотреть...

— Мани, Абдуль, платкомъ; или хоть полотенцемъ помани, авось замѣтятъ...

Сбѣгалъ Абдуль за полотенцемъ, свѣсилъ съ балкона и давай махать.

— Кажись, изъ фургона махнули!—сказалъ Абдулка.

— Это тебѣ показалось, уѣхали... Ну, что же мы теперь будемъ дѣлать?

Осаждающіе будто притихли къ вечеру, пошли къ шинку. Настала ночь. Разумѣется, ночью не спала ни на волосъ вся дворня полковника, караули вездѣ, чтобы буяны не перебрались гдѣ во дворъ черезъ стѣны, или въ ворота. Говорить, что самъ полковникъ на цыпочкахъ, въ продолженіе всей темной, сырой ночи, не разъ обходилъ дозоромъ всѣ уголки двора, прислушиваясь къ побранкамъ и къ вольнымъ пѣснямъ неунимающихся буяновъ и три раза кормилъ собственными руками постоянно голодныхъ до той поры сторожевыхъ собакъ, и тѣ съ охрипшими отъ надрыва горлами лаяли и метались по двору всю ночь.—«Вотъ такъ Русь! — думалъ полковникъ: — чего только въ ней не бываетъ!»

Ночью, подъ предводительствомъ Самуїлика, была сдѣлана, въ видѣ рекогносцировки, вылазка со стороны осажденныхъ къ колодцу. Партія смѣльчаковъ состояла изъ самого Самуїлика, двухъ кухарокъ, повара и прачки. Они очень осторожно вышли и миновали оврагъ. Но за ними вязалась одна изъ цѣнныхъ собакъ, наткнулась на сторожей у колодца, разлаялась, и ихъ открыли. Поднялась тревога. Отъ шинка двинулась куча въ погоню. Смѣльчаки бѣжать. У самыхъ воротъ произошла свалка и поварчука съѣздили сзади такъ по уху, что тотъ едва успѣлъ въ ворота вскочить. Воцарилась снова тишина.

Ночью, странно усталый, полковникъ вздремнулъ-было на ходу, прилегли гдѣ-то въ залѣ на диванѣ. Вдругъ его будить.

— Что такое?

Смотрить... Окна дома ярко освѣщены. Въ залѣ стоятъ также освѣщенные, блѣдые отъ испуга, его совѣтчики, Абдулка и Самуїликъ.

— Что это?

— Избы батрацкія горять, огонь къ овчарнямъ перебрасывается... Это они; тотъ-то бурлака вѣрно поджогъ-съ! Молча взонелъ Пашчуковскій онять на балконъ.

— Отдайте намъ дѣвку! дѣвку отдайте! — доносились голоса сквозь дождь съ пригорка.

— Фу ты, пропасть! — сказали, въ свой чередъ, не выдержавъ, Пашчуковскій. — Да что же это со мной дѣлается? Иди, Абдуль, бери Оксану; отдай имъ... Вотъ не ожидалъ!

— Мы уже ходили къ ней, Владиміръ Алексѣвичъ; да она сама теперь нанугалась: сидитъ и дрожитъ, бонется и выглянуть на эти чудеса.

— Съ чего же это все намъ сталося, Абдуль?

— Жидь-шельма, должно-быть, удралъ со страху; они вѣрно разбили бочку и перешлись.

— Кричи же имъ, Абдуль, что я все отдамъ: и Оксану, и деньги, какія просятъ, — чтобы только унялись!

Сталъ онять кричать Абдуль, ничего не выходя. И звонкій дотолъ голосъ его едва долеталъ черезъ ограду, въ шумъ и въ ревъ пожара, истребительнаго батрацкія хаты. А отъ нишка неслись звуки бубна и пѣсень, несмотря на дружный дождь, шедній съ вечера. Но небывалая ночь кончилась. Стало свѣтать. Густые туманы клубились вдаль. Пожаръ не пошелъ далѣе.

Отъ толпы подошла къ воротамъ новая куча переговаривковъ; всѣ они были пьяны и едва стояли на ногахъ.

— Что вамъ?

— Мы до полеовника... пустите; мы за дѣломъ...

— Зачѣмъ?

— Дайте намъ дѣвку нашу, да бочку водки еще; мы уйдемъ.

— А кпатовъ? — закричалъ, не выдержавъ, Абдулка въ щель воротъ.

— Итъ, теперь ужъ насъ никто не тропеть; мы бурлаки, а бурлаковъ турецкій салтанъ беретъ теперь подъ покровъ!

Такіе толки дѣйствительно въ то время ходили между бѣглецами.

Пока люди полковника переговаривались съ пьяными депутатами, самъ Пашчуковскій, совершенно растерянный, сидѣлъ у нисьменнаго стола.

— Не догадался я, забылъ послать почью верхового въ

городъ или хоть къ сосѣдямъ: кто-нибудь прорвался бы на добромъ конѣ. А сегодня уже поздно: они оцѣнили хуторъ кругомъ и, какъ видно, идутъ напроломъ! Попеволь тутъ и о голубиной почтѣ вспомнишь.

Панчуговскій написалъ поторопное письмо къ Шутовкину, прося его дать знать объ этихъ событіяхъ въ станъ и въ городъ, и позвать Самуиллика.

— Ну, Самуилликъ, бери же лучшаго коня, да скачи къ Мосею Ильичу на хуторъ, напроломъ; авось проскачешь... А се я вышущу!

Вздыхнулъ Самуилликъ, вспоминая собственные совѣты и предостереженія полковнику, когда тотъ замыслилъ объ Оксанѣ. Но не успѣлъ Панчуговскій передать кучеру письма, какъ съ падьорья раздались новые крики.

— Чтò тамъ?—спросилъ полковникъ и побѣжалъ къ окну.

— На токъ, на токъ!—ревѣла толпа, подваливая снова отъ шинка: — скирды зажигать! Не соглашаются, такъ на токъ! Песось,—выдадутъ тогда! Валяй, а не то такъ и нивы запалимъ!

Опять загудѣли крики. Пьяные коноводы направлялись уже къ току. Душа Владиміра Алексѣевича начинала уходить въ пятки. Но въ это время вдали, за косогоромъ, звякнулъ колокольчикъ. Ближе звенить и ближе. Застучало сердце Панчуговскаго. Онъ вскочилъ и взбѣжалъ въ сотый разъ наверхъ. Разнокалиберный людъ столнился у шинка. Раздались крики: «исправникъ, исправникъ!» Не прошло и минуты, какъ толпа мигомъ пустилась вразсыпную, кто по дорогѣ, кто къ оврагамъ, кто въ недалекіе камыши. Кто былъ съ лошадю, вскочилъ верхомъ; всѣ пустились въ разныя стороны. Въ сизовой дали, изъ-за косогора, точно показалась бричка вскачь на обывательскихъ. За нею, верхами же, скакали челоуѣкъ тридцать провожатыхъ. То были понятые. Такъ всегда здѣсь въ степи ѣздилъ на горячія слѣдствія любимецъ околотка, исправникъ изъ оставшихъ черноморскихъ моряковъ, капитанъ-лейтенантъ Подкованцевъ. За нимъ, также вскачь, ѣхалъ еще зеленый фургошъ.

Съ форсомъ подлетѣвъ къ раствореннымъ уже настель воротамъ Панчуговскаго, Подкованцевъ остановился, командовалъ понятымъ: «ловить остальныхъ; кого захватите, въ кандалы! лихо! марши!» — въѣхалъ во дворъ, выѣзъ изъ брички, взомель, пошатываясь, на крыльцо и въ сѣ-

няхъ встрѣтился съ полковникомъ, у котораго, какъ говорится, лицо въ это время обратилось въ смятый, вынутый изъ кармана, платокъ.

— Честь имѣю во всякое время, кстати и некстати, явиться другомъ! — бойко отранпортоваль заливчатскій капитанъ-лейтенантъ, постоянно бывшій навеселѣ и говорившій всѣмъ помѣщикамъ своего округа «ты».

— Ахъ, какъ я радъ вамъ! Избавитель мой!

Панчуковскій обнялъ Подкованцева, поцѣловать его, хотѣлъ вести въ кабинетъ и остановился. За спиной становаго стоялъ полунечально, полуослабившись, въ той же знакомой синей курткѣ, рыжеватый гигантъ Шульцвейнъ.

— Какими судьбами? — тихо спросилъ, сильно покраснѣвъ, Панчуковскій.

— Вы г. Шульцвейну обязаны своимъ освобожденіемъ отъ шалостей моихъ пріятелей, бѣглыхъ, если они вамъ что плохое сдѣлали! — сказали Подкованцевъ.

Панчуковскій въ смущеніи протянулъ руку колонисту и указалъ ему на развалины сгорѣвшихъ и еще дымившихся избъ.

— Да, — говорилъ, поглаживая усы, исправникъ: — меня г. Шульцвейнъ извѣстилъ; онъ меня за Мертвою нашелъ! Экъ, подлецы! кажется, мои бѣглецы взаправду распалились. Ужъ это извините; съ ними тутъ не шути. Надо облавы опять по уѣзду учинить. Пу-те, колонель, теперь бжвѣшки. пока моя команда кое-что сдѣластъ. Эйиъ венигъ коньяку! А не худо бы и манжѣ; я цѣлыхъ три дня ничего не ѣлъ, за этими мертвыми тѣлами. Трехъ потрошилъ, лѣто — вонь... тьфу! Ты, впрочемъ, не удивляйся дерзости своихъ обидчиковъ; это у насъ бывало прежде чаще. Одному еврею-съ живому даже голову отпилили безпаспортники; я ее самъ видѣлъ. Вотъь саятѣ! — прибавилъ исправникъ, выпивая стаканъ коньяку: — такъ-таки ее и отпилили шлой, да еще туною; я ее и за бородку держалъ! Тутъ ужъ они въ наготѣ-съ!

Принесли закуску. Подкованцевъ усѣлся надъ икрой и надъ балыками.

Шульцвейнъ кряхтѣлъ, ухмыляясь, потиралъ себѣ румяныя щеки и масляныя кудри и, сильно переконфуженный, похаживалъ возлѣ оконъ. Улучивъ минуту, онъ отозвалъ Панчуковского въ сторону.

— Скажите, пожалуйста, — началъ онъ, съ видимымъ участіемъ схвативъ полковника за руку: — неужели это правда, за что поднялись на васъ эти негодяи?

— Что такое? Я васъ не понимаю.

— Да о дѣвушкѣ этой-то: говорятъ, что дѣйствительно вы ее похитили?

— Вы вѣрите? не грѣхъ вамъ?

— Какъ тутъ не вѣрить? Я вотъ просто потерялся. Вы знаете, я свои степи часто объѣзжаю. Мой молодецъ вчера мимо васъ ко мнѣ спѣшилъ изъ Граубиндена, увидѣлъ здѣсь это дѣло, распросилъ и прискакалъ ко мнѣ, а я ужъ послѣшилъ вотъ къ исправнику.

— Очень вамъ благодаренъ! Но могу васъ увѣрить, что эти пущенные слухи — сущій вздоръ. Я не похищаль этой дѣвушки, и ея у меня нѣтъ.

— За что же эти буйства, скажите, эти поджоги? Удивительно!

— Слышите? — спросилъ Панчуковскій вмѣсто отвѣта, обратясь къ исправнику: — Шульцвейнъ удивляется, изъ-за какихъ это благъ я подвергся тутъ такому насилию!

— Могу васъ увѣрить, — отнесся черезъ комнату Подкованцевъ, жуя во весь ротъ сочный донской балыкъ: — за полковника я поручусь, ма фуа, какъ за себя! Это мой искренній другъ и deboшей дѣлать никогда онъ не былъ способенъ — царь донѣръ!

— За что же, однако, эта толпа рѣшилась на такія дѣйствія?

Панчуковскій улыбнулся.

— Какой же вы чудакъ, почтеннѣйшій мой! Не знаете вы здѣшняго народа! Мой конторщикъ сбавилъ цѣну на этихъ дняхъ. Многіе стали съ половины недѣли, а пришли къ расчету, — всѣ одно захотѣли получить и поднили еще вдобавокъ. Шинкаръ перенугался, ушелъ, а они бочку разбили. Что дѣлать! На то наша Новороссія иногда Америкой зовется! Ее не подведешь подъ стая нашихъ старыхъ хуторовъ: что въ Техасъ творится, то и у насъ, въ южно-байрацкомъ уѣздѣ.

— Именно не подведешь, — гаркнулъ, утираясь, Подкованцевъ: — еще разъ, вотръ сенте! А теперь, поманжѣкавни, можно и за дѣла... Ну, что, Васильевъ?

На порогъ залы показался рослый, бравый мужикъ. Это

быть любимой исправницкой сотской, какъ говорили о немъ, тоже изъ бѣглыхъ, давно принисавшихся въ этомъ краѣ.

— Что, поймалъ еще кого?

— Шестерыхъ изловили, ваше благородіе, а остальные разбѣжались.

— Лови и остальныхъ.

— Нельзя-съ; въ уѣздъ г. Сандараки перебѣжали, граница-съ тутъ за рѣкой...

— Вотъ и толкуйте съ нашими обычаями; бѣда-съ! Кого же поймали?

— Да изъ бунтовавшихъ главнаго только не захватили. Опъ еще почью бѣжалъ, сказываютъ, въ лиманы, къ морю. Да онъ и въ поджоги не участвовать-съ, какъ показываютъ.

— Главный? Кто же онъ? Какъ о немъ говорить?

— Будто бы изъ бурлаковъ-съ, Левенчукомъ прозывается... Опъ за эту дѣвку ихъ высокоблагородія-съ... за нее и буйствовать, и другихъ подбилъ...

Подкованцевъ также подошелъ къ полковнику, взялъ его подъ руку и отвелъ къ окну.

— Экутѣ, мошнеръ. Ты мнѣ скажи по чистой совѣсти: укралъ ты дѣвку эту? ну, укралъ? Говори. Ты только скажи: я на нее взгляну только, а въ дѣлѣ ни-ни; какъ будто бы ся и не было... слышишь? Я только глазомъ однимъ взгляну!

— Ей-Богу же, это все враніе! никого у меня нѣтъ!

Подкованцевъ почесалъ за ухомъ. Сѣрые глаза его были красны.

— Ну, Васильевъ, — обратился онъ къ сотскому: — заковать арестованныхъ и препроводить въ городъ! Отпускай понятыхъ изъ первой слободы, а тамъ бери новыхъ и такъ веди до мѣста... Марши!

— Насчетъ же оная той лошади убитой, бурлацкой, — спросилъ сотскій: — какъ прикажете? Это ихъ человѣкъ убилъ...

— Какъ приказать? Сними съ нея кожу и баста!.. на сапоги тебѣ будетъ! Вѣдь тоже бѣглая!

— Теперь же мы въ банчишку, синьоръ! — весело заключить исправникъ по уходѣ сотскаго, обращаясь къ хозяину. — А вы, мойнъ герръ, хотите? — подмигнулъ онъ Шульцвейну.

— Итъ, пора домой-сь. Въ стѣнь-сь надо.

Колонистъ походилъ еще немного возлѣ окошъ, взялъ шапку, простился и уѣхалъ, вздыхая.

Исправникъ же до поздней ночи попивалъ морской пуншъ, то-есть ромъ съ нѣсколькими каплями воды, игралъ съ Панчуковскимъ въ штосъ, выигралъ десять червонцевъ, поцѣловалъ хозяйна въ обѣ щѣки, сказалъ: — «Но унывай, Володя! мы дѣльцо обдѣлаемъ и съ виновныхъ взыщемъ!» — и уѣхалъ, напѣвая романсъ: — «морякъ, морякъ, изъ всѣхъ рубахъ ты выше и храбрѣе». — Адь, милашка! — крикнуть онъ Панчуковскому ужъ изъ-за веротъ и прибавилъ: — слушай, сердце! Миѣ часто въ голову приходитъ: какъ я умру? своею смертию или не своею? Былъ я въ походахъ съ Нахимовымъ и чуму перецесъ... Богъ-вѣсть! Стоить ли объ этомъ думать?

— Какъ кому!

Исправникъ уѣхалъ.

— Ворота, однако, на запоръ отнынѣ постоянно! — сказала полковникъ слугамъ: — благо, что отдѣлались отъ одной бѣды; надо впередъ остерегаться еще болѣе...

— Аксютку же прикажете выпустить теперь? — спросилъ Абдулка по отъѣздѣ исправника, ухмыляясь и раздвѣвая барина въ кабинетѣ.

Полковникъ развалился на диванѣ и зѣвнулъ.

— Оксану-то?

— Да-сь; что ее теперь держать? Мы разыщемъ другую...

— Итъ! пусть, Абдулъ, она еще поживетъ. И ноѣду пшеницу на хутора молотить, такъ ты ее тогда впередъ доставишь... Да не забудь и самоваръ туда съ провизіей отправить: а то я тогда безъ чаю тамъ просидѣть.

Полковникъ успокоился. Событія, однако, приняли иной, нескданный оборотъ.

Оглавленіе

І ТОМА.

	стр.
Г. П. Данилевскій. Біографическій очеркъ. <i>С. Трубацва</i>	5
Изъ предисловія къ 6-му изданію. (Отъ автора).	93

Бѣглые въ Новороссіи. Романъ.

Часть первая. Перелетныя птицы.

I. Левенчукъ и Милороденко.	97
II. Бѣглецы высшаго полета.	114
III. Новозаимочный хуторъ Новая-Диканька.	123
IV. Святодуховъ-кутъ, жилище священника.	135
V. Наши Кентукки и Массачуссетсъ.	145
VI. Оксана и ракетникъ.	152
VII. Новая сабинянка.	158
VIII. Пльнница.	178
IX. Бѣглые расшалились.	189

СОЧИНЕНІЯ
Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ИЗДАНИЕ ВОСЬМОЕ, ПОСМЕРТНОЕ,
ВЪ ДВАДЦАТИ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ,
-СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1901 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1901.

Типографія А. Ф. Маркса, Измайл. пр., № 29.

БЪГЛЫЕ ВЪ НОВОРОССИИ.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ВЪ СИЛКАХЪ.

Х.

Новое лицо—помѣщица изъ Россіи.

Дни клонились къ осени. Жиденькіе новороссійскіе садики по деревнямъ становились еще бѣднѣе. Листъ падалъ. Обитатели деревень болѣе задерживались въ домахъ. Комнатные цвѣты принимались съ воздушныхъ выставокъ обратно въ домъ за стекла. Изъ оконъ чаще гремѣли рояли. Книги сѣверныхъ журналовъ и газетъ читались болѣе. На токахъ усерднѣе стучали молотилки.

— Ну-съ,—спрашивалъ Панчуковскаго заливчатскій волокита, купецъ Шутовкинъ, встрѣтившись съ нимъ у кого-то изъ общихъ знакомыхъ на пиршествѣ:—такъ ваша красавица чуть было васъ не погубила?

— Да, былъ грѣшокъ. Что дѣлать!

— Новую осаду Трои изволили выдержать!

— Выдержалъ, Мосей Ильичъ, пришлось испытать, нечего дѣлать!

Они послѣ сытнаго обѣда, гуляли въ затихшемъ, но еще прелестномъ садикѣ.

— Каково же драгоценное здравіе вашей Елены-съ? Я,

чай, уже съ овальцемъ теперь скоро будетъ? Моя же такъ давно ужъ съ животинкомъ переваливается...

Шутовкинъ сказалъ и, утираясь платкомъ, засмѣялся. Ему было душно. Вино и вкусный обѣдъ брали надъ нимъ силу.

— Ахъ вы, старый волокита! Не стыдно ли вамъ? У васъ дѣти взрослые, учитель нанятой—почтенный студентъ... Смотрите, что о васъ дамы толкуютъ, вы ужъ черезчуръ открыто дѣйствуете. Вонъ у меня тоже плѣнница живетъ, а такъ сокровенно, что никого не обижаетъ и всѣ ѣздятъ ко мнѣ...

— Не могу, не могу; это ужъ моя страсть къ бабѣнкамъ ослѣпляетъ меня. Что мнѣ свѣтъ? Живу здѣсь въ волю-съ!.. Я потому и о вашей спросить-съ, извините меня... Я люблю дѣло на чистоту, свѣчей не тушу никогда-съ и ни при чемъ... Я вашихъ обрядовъ-съ не соблюдаю. Раскольникъ-съ, что дѣлать!

— Смотрите, однако, не приударьте за моею! У меня нравы гарема; попадетесь—голову долой и сейчасъ въ мѣшокъ и въ воду! Я вѣдь тоже сродни туркамъ тутъ сдѣлался. Право, край у насъ роскошный, привольный. Вѣдь сюда кто ни попадись, перемѣнится. Люди тутъ какіе-то другіе становятся. Вотъ и съ вами...

— Такъ, такъ, а все-таки, Владиміръ Алексѣичъ, у меня крестины раньше вашихъ будутъ!—посмѣивался Шутовкинъ, продолжая ходить съ полковникомъ по садовой дорожкѣ, надъ обрывистымъ берегомъ Мертвой.

— Ахъ вы, забавникъ! Лучше покайтесь! Лучше скажите вашему учителю, что срокъ его должку подходить, чтобы везъ его скорѣе для уплаты кому слѣдуетъ: я поручитель, и у меня ужъ веда дѣло аккуратно...

Купецъ былъ на этотъ разъ не мало вышивши за обѣдомъ, снялъ на воздухъ галстукъ, весело переваливался, шутилъ, пыхтѣлъ и безпрестанно ухмылялся. Сперва сталъ онъ разсказывать, какъ выгодно сбылъ сало, потомъ объ акціяхъ заговорилъ, наконецъ, спросилъ совершенно неожиданно:

— Послушайте, полковникъ: васъ тутъ нѣкоторые не любятъ, считаютъ гордецомъ! Правда ли, тутъ болтаютъ, будто вы не вдовецъ вовсе, а что у васъ гдѣ-то... извините... на Волгѣ тамъ, въ Россіи-съ... жена законная есть. и говорятъ даже еще, будто старая-престарая и злая? Шу,

скажите мнѣ откровенно, правда это? Если правда, то поздравляю, дружнице: отлично сдѣлали, что бросили и ее, и наши старья, россійскія мѣста-съ!..

Панчуковскій вспыхнулъ и остановился. Онъ долго не могъ прійти въ себя отъ неожиданнаго вопроса пріятеля, искоса посмотрѣлъ ему въ глаза; но Шутовкинъ шель попрежнему безопасно, будто ничего не сказалъ, переваливался и утиралъ отвисшіи, полный и потѣвшій подбородокъ.

Панчуковскій вздохнулъ и посмотрѣлъ на часы.

— Мосей Ильичъ!

— Ась? что вы?

Онъ копался съ подтяжками.

— Я долго тутъ остаться не могу, мнѣ надо ѣхать.

— Куда же вы?

— Позвольте... Вы спросили меня о такой вещи, такой, что я...

— Да вы не сердитесь, душенька! Ну, что же дѣлать? Была жена, была... понимаете?.. А теперь нѣту, и у васъ Оксаночка живетъ. Тѣмъ только и разница между нами: я вполне кучу себѣ, всласть, а вы частицей!..

— Мосей Ильичъ, слушайте: если вы меня любите, прошу этого вздора никогда при мнѣ не говорить! Ну-съ... Слышите ли? Я не стерплю этого въ другой разъ! Понимаете? Я давно вдовецъ,—повторяю вамъ, вдовецъ... лишился жены: въ цвѣтъ лѣтъ она умерла, бѣдняжка, и я оплакиваю ее день и ночь... Эта сплетня мнѣ особенно неприятна, и я прошу васъ, требую именемъ нашей дружбы, услуги моей вамъ, молю васъ — не упоминать ни мнѣ и никому здѣсь другому о ней никогда. Жена моя умерла, и все, что я имѣлъ, явившись сюда, есть завѣщанное мнѣ ея состояніе. Я самъ точно никогда ничего не имѣлъ. Такъ передъ такими женами-съ надо благоговѣть, а не шутить, и да будетъ стыдно тому, кто осмѣиваетъ подобныя чувства!

Панчуковскій сказалъ это дѣльно, твердо, огорченнымъ голосомъ и даже отвернулся.

— Ну-ну, не сердись, колонель! Вѣдь я пошутилъ. Я васъ люблю, крѣпко люблю. А съ нынѣшнимъ вашимъ домашнимъ благополучіемъ васъ отъ души и отъ всего сердца-съ поздравляю. Товарищи мои, портовые купцы, смѣются, что я живу нараспашку. А бѣсъ ихъ побори!

Что, однако, у васъ за новый случай произошелъ, послѣ этой-то стычки съ косарями?

— Какой?

Полковникъ ходилъ еще взволнованный и кисло поглядывалъ на обнаженные вѣтви сада.

— Да насчетъ вашего лакея, татарина этого.

— Ахъ, да, правда! вотъ случай, вотъ жалость! Бѣдняжку этого, Абдулку, я посылалъ за расчетомъ въ городокъ, въ хлѣбную контору. Онъ деньги привезъ; но дорогою гдѣ-то, несчастный, поѣлъ въ шинкѣ порченой соленой рыбы, пріѣхалъ домой, мучился сутки и сгорѣлъ такъ, что ничего не могли сдѣлать, и докторъ былъ... И доктора изъ города на подставныхъ вызывать... Вы знаете, я самъ готовъ окопѣть иной разъ, а ужъ для людей я стараюсь. Тутъ у васъ въ Новороссіи мы не помѣщики. Вольный трудъ здѣсь нашего брата поневолѣ очищаетъ, дѣлаетъ человѣкомъ. И за это искреннее благодареніе вашимъ чуднымъ, привольнымъ мѣстамъ...

Полковникъ оживился, повеселѣлъ. Онъ добродушно сталъ разглядывать тихіе, туманные виды окрестныхъ степей, открывшіеся передъ ними съ пригорка, на краю сада. Голосъ его звучалъ мягче.

— Что за прелестныя мѣста, Мосей Ильичъ, посмотрите: вонъ алексинская церковь бѣлѣетъ, верхушка ея чуть сверкаетъ въ туманѣ; вонъ чичибеевскіе курганы; вонъ обозъ чумаковъ тянется... Ну, не счастье ли, не рай ли земной у насъ?

— А вы на выборы собираетесь?

— Какой вы чудакъ! Что вы о выборахъ вспомнили?

— Да такъ-съ. Часто я думаю, отчего это мы, купцы, исключены изъ дѣла земства-съ...

Они прошли еще нѣсколько по саду. Изъ дома звучала полька. Барышни затѣвали танцевать.

— Скажите, однако, какое несчастье!—продолжалъ Шутковичъ:—я все о вашемъ слугѣ думаю... Значить, у васъ теперь лакея нѣтъ? Вы ищете новаго?

— Нашелъ уже; благодарю васъ.

— Гдѣ? Вотъ и отлично-съ.

— У нѣмца Шульцвейна, молодца изъ его хутора, что онъ возлѣ Дону нанялъ. Спасибо нѣмцу, хоть этимъ мнѣ удружилъ,—уступилъ. И его усиленно просилъ. Приходилось

хоть самому сапоги чистить. Онъ у него разсылнымъ съ осени былъ; такой проворный, бойкій, хоть и не молодой уже, кажется, человекъ. Онъ имъ доволенъ былъ, да раскусилъ, что онъ бѣглый, и отпустилъ его. Честный нѣмецъ бѣглыхъ не долюбливаетъ. Трусить, боятся, не то, что мы съ вами...

— Не Митька Базарный? Я того знаю: воръ...

— Нѣтъ, Аксентій Шкатулкинъ.

— Аксентій Шкатулкинъ! позвольте, позвольте, я что-то припоминаю: не было ли о немъ публикацій? Должно-быть, были. Вѣрно изъ неводчиковъ досталъ? Вы не слышали?

— А прахъ ихъ побери! Я ихъ не разбираю! У меня все почти бѣглыми идетъ работа: оно лучше и дешевле. Развѣ когда отъ этого пострадаю! Мой штатъ вольный, какъ вы знаете, милости просимъ всѣхъ! Я на моихъ бѣглыхъ какъ на гору надѣюсь. Вѣдь провѣдай обо мнѣ петербургскіе журналисты, они меня за эти мои штуки со свѣту сгонятъ. Да что на нихъ смотрѣть! Я, впрочемъ, какъ былъ въ Питерѣ, знакомство съ ними шапочное велъ. Славные люди, все бонвиваны. Бюрократы тамошніе, однако, лучше, зрѣлѣе и дѣльнѣе. А все-таки, Мосей Ильичъ, у насъ лучше живется, чѣмъ у нихъ. Неправда ли? Кладъ, а не земелька; уголокъ непочатой, своя Элебема и Висконсинъ, вѣдь такъ? Сколько вы, позвольте, за сало расчитываете получить осенью?

— Да тысячь двѣнадцать серебрцомъ опять въ одинъ разъ получу.

— Ну, а я-съ за мою пшеничку да за лень такъ тысячь сотенку цѣлковыхъ загребу... Вѣдь посѣвъ у меня теперь былъ сказочный-съ. Такъ какъ же себя не побаловать бабѣнками послѣ этого? Правда? Въ нашихъ старыхъ городахъ этихъ лакомствъ не знаютъ настолько.

— Чуть, однако, бѣглые васъ-было не убили. Не мѣшало бы вамъ ихъ побавиваться. Ну, да авось сойдеть!

— Что мнѣ ихъ бояться! Деньги у меня припрятаны въ такомъ мѣстечкѣ, что не скоро до нихъ доберешься. Въ кабинетѣ на стѣнѣ и въ спальнѣ у кровати всегда готово оружіе. Стѣны вокругъ двора высокія, ворота належающія.

— Не въ наружныхъ ворахъ бываетъ опасность, дру-

жище, а во внутреннихъ. Вотъ что! Домашній врагъ опаснѣе всякаго другого...

— Вы думаете?

Полковникъ оглянулся по саду.

— Домашняя прислуга, — сказалъ онъ шопотомъ: — куплена у меня такими деньгами, о какихъ здѣшнимъ скаредамъ-помѣщикамъ и въ голову не придетъ никогда. Я на мою дворню какъ на самого себя надѣюсь!

— Да увѣрены ли вы, напримѣръ, въ этомъ-то новомъ, все-таки, повторяю, своемъ слугѣ?

— Въ Аксентіи?

— Да-съ, въ Шкатулкинѣ, что ли, какъ вы сказали?

Полковникъ улыбнулся и опять по привычкѣ посмотрѣлъ вокругъ себя.

— Это, скажу вамъ, камрадъ, такое чистое, добродушное, простое и глуповатое созданіе, что прелесть! На-дняхъ я по ошибкѣ далъ ему для размѣна сторублевую вмѣсто десятирублевой депозитки, впотѣмахъ. Что же бы вы думали? Принесъ изъ алексинскаго шинка, смѣется и говоритъ: вы только, баринъ, молчите, а мелочи дали лишниихъ девяносто цѣлковыхъ. Я, разумѣется, расчелъ свои деньги, вижу, что лишняго ничего не было. Но, какова приверженность! А?..

— Радайтесь, что и говоритъ! Но лучше берегитесь; знаете, какіе слухи ходятъ: уѣздъ нашъ наполненъ фальшивыми монетчиками; на Сивашѣ, за Арбатской-стрѣлкой, разбойникъ настоящій показался; бродяги по донскимъ дорогамъ пошаливать стали; почту ужъ съ конвоемъ отправляютъ...

— Я спокоенъ и вамъ совѣтую бросить лишніе страхи.

— А ваша осада? Не подвернись приказчикъ Шульцвейна, не увѣдомъ онъ исправника, — вѣдь вы пропали бы даромъ, какъ муха-съ...

— О, вздоръ какой!

— Вздоръ, подите же! А я повторяю, не будь у насъ все такъ-то-съ на Руси, гдѣ еще нагайка десятскаго, да зычный крикъ капитагъ-лейтенанта Подкованцева-съ тысячную толпу способны разсѣять, аки вѣтерокъ облачка-съ во поднебесьи, то сослужили бы мы по васъ панихиду-съ, Владиміръ Алексѣичъ!

Панчуковскій, поглядывая съ пригорка, откуда и его Новая-Диканька виднѣлась, курилъ сигару и посмѣивался.

— Вы смѣтаетесь?

— Да, смѣюсь, потому что наша чернь еще глупа, тупа и безобразна.

— Не шутите, полковникъ, съ нашими тихими и добрыми мужичками, не употребляйте во зло ихъ кротости и смиренія-сь. Я самъ изъ мужичковъ-сь, честь имѣю доложиться...

— Вы, Мосей Пльичъ? Вы... происхожденіемъ?..

— Да, я-сь; я былъ сибирскимъ-сь ямщикомъ, въ юности въ бабки игрывать, сѣкали меня; землю пахивать своими собственными руками...

— Вы, вы?

— Я, я-сь?

— Вотъ не ожидаль...

И полковникъ невольно окинулъ глазами Шутовкина съ головы до ногъ, будто впервые его видѣль.

— Чай, съ презрѣніемъ-сь считаете меня дуракомъ и за расколь-сь? Дѣло нерѣшенное, ваше высокоблагородіе. А я никому вреда не дѣлаю. Заводы мои идутъ отлично! Я на армію свѣчи поставляю, въ гильдію плачѣ; вонъ три воскресныхъ школы на свой коштъ соорудилъ въ здѣшнихъ городахъ и ихъ содержу; книжекъ пропасть покупаю въ Питерѣ, хоть самъ малость читаю; библіотеку въ деревнѣ у себя сочинить успѣль,—забъжайте только читать! Картины изъ Москвы навезъ, почти всю выставку въ послѣдній разъ тамъ закупили, журналисту тоже тамъ одному бѣднячку малую толику далъ... Да-сь. А войди ко мнѣ въ домъ, на хуторѣ, гдѣ я живу, чего тамъ только нѣтъ? И статуи изъ Греціи-сь, въ магазинѣ въ Одессѣ купилъ; и фортепьянъ двое; цвѣты, ковры, бронза, всякія украшенія, яства-сь тончайшія, вина... Учителя молодца держу при дѣтяхъ—вы его достаточно знаете—школю ихъ, чтобъ не дураками вышли; въ Москву въ университетъ повезу и тутъ же во здравіе ихъ новую тамъ жертву, что ли, для науки этой, соблагодетворю... А? Что? Чѣмъ же я не человекъ-то теперь, ваше высокоблагородіе? Развѣ что въ чинахъ только не произошелъ ничуть, да въ сенатскихъ книгахъ помѣщикомъ не прописанъ...

Шутовкинъ разгорячился. За шейнымъ платкомъ снялъ сюртукъ, а, наконецъ, и жилетъ. Несмотря на сѣрый дѣнѣкъ, ему было нестерпимо душно. Онъ сѣлъ на лавочку.

— Эка душно-то мнѣ, душно! Природа ужъ у меня такая сильная. Я и дѣвочку эту не изъ блажи какой похитилъ. Что дѣлать! Слабъ есмь человекъ, да и все тутъ! Ну, а какъ Русь-то наша въ опасности, не дай Богъ, очутится? Кто больше слынетъ деньгами-то? Я или вы, ваше высокоблагородіе? Ну-ка, рѣшите? Что?..

Полковникъ ничего на это не отвѣтилъ. Пошли пріятели дальше по дорожкѣ. Вечерѣло. Шутовкинъ опять одѣлся: сползъ, пошатываясь, съ берега къ рѣкѣ, умылся, освежился и окончательно сталъ молодцомъ.

— Толстякъ, жирный волокита! Такъ-то вы меня всѣ и зовете! А моя барышня у меня на свободѣ вонъ ходитъ, въ почетѣ и уваженіи. А ваша? за что вы ее томите одну? Хоть бы ихъ познакомить намъ, душечка, что ли?

— Чудакъ вы, право! Ваше положеніе и мое! Это два разные свѣта. Не могу я такъ шутить своими отношеніями къ людямъ, какъ вы.

— Не можете? Гм!..

Шутовкинъ посвисталъ и опять сѣлъ на скамеечку.

— А правда, что вы ужъ и ребрушки помяли вашей красавицѣ?

— Опять сплетни! Да оставьте ихъ, ради Бога; то о живой будто бы женѣ моей, то опять о какихъ-то монахъ жестокостяхъ! И кто это вамъ мелеть?

— Та-та-та! На-поди! Будто я ужъ васъ и не знаю, камрадъ! Вѣдь вы звѣрь лютый; ну, что нѣжничать-то! Теперь вотъ я мелю съ похмелья. А тверезый я этого, можетъ-быть, и не сказалъ бы вамъ.

Пріятели еще потолковали и пошли въ домъ, гдѣ подали уже свѣчи.

Намки Шутовкина, однако, остались не безъ послѣдствій для полковника. Панчуковскій сталъ еще осторожнѣе съ знакомыми. Въ это время ему прислали изъ Вѣны и изъ Парижа множество вещей для послѣдней отдѣлки дома: бронзы, деревянныхъ рѣзныхъ подѣлокъ, обоевъ, тканей, зеркалъ и ковровъ. Русскій человекъ уже не можетъ обойтись безъ того, чтобы, мало-мальски устроивъ свои дѣла, не затѣять отдѣлывать и превратить свой домъ въ подобіе луврскаго дворца или, по крайней мѣрѣ, магазина мануфактурныхъ издѣлій, причемъ первые бранные барышни, потраченные съ такимъ умомъ, обыкновенно на этомъ уби-

вають и самое дѣло. Сосѣди съѣзжались теперь снова смотрѣть на диковинки полковника. Онъ былъ наверху блаженства, и, указывая на разгружаемые транспорты ящичковъ съ мебелью, зеркалами, фарфоромъ и бронзами, повторялъ:

— Да, господа, я не мотъ, но человекъ земли, праха... Люблю пожить, люблю довольство за его поэтическія, лучшія стороны. Ужъ на пустяки я денегъ не брошу; зато эти у меня разные-съ дубовые, орѣховые и березовые столики, кресла и диванчики — прямо отъ Кейзерлинга изъ Вѣны: эти подражанія гобеленамъ — изъ Париска... Все здѣсь чудеса рукъ первыхъ артистовъ!

— Вамъ, бы жениться, жениться! — повторяли старушки-болтушки изъ сосѣдокъ, всегда падкія подкузьмить ближняго какой-нибудь застарѣлою внучкой или золотушною и кислую племянницей.

— О! Владиміру Алексѣичу некогда о такомъ вздорѣ думать, о женитьбѣ; у него столько дѣла, хлопотъ! — говорили тутъ же на это сами внучки и племянницы, лорнируя мебель, бронзы и гобелены, но въ то же время не забывая изрѣдка обратить лорнетъ, будто бы нечаянно, и на щегольской сюртучокъ самого полковника; на его лаковые полусапожки, затѣйливую часовую цѣпь, съ колчаномъ стрѣлъ и съ лукомъ купидона, между кучею брелоковъ, а еще болѣе взглядывали онѣ на его убійственные раздушонные усики и на нѣжно-темные, губительные и вмѣстѣ ласковые глазки, когда онъ стоялъ между ними и ораторствовалъ.

Женскій полъ, въ знакъ особаго уваженія, не переставалъ посѣщать, въ сопровожденіи мужского пола, счастливаго обитателя вновь созданнаго въ этой глуши хутора Новой-Диканьки. А полковникъ не переставалъ ликовать.

— Что старая Диканька! — говорили нѣкоторые изъ его друзей: — что изъ того, что ее вмѣстѣ съ старосвѣтскою умирающею Украиною воспѣлъ Гоголь! Эта старосвѣтская Украина была когда-то хороша! Теперь это все еще милая, но уже печальная и пустынная могила... Жизнь здѣсь, а не тамъ, здѣсь у насъ, въ нашей Новороссіи! Здѣсь всѣ надежды юга! Отсюда выйдетъ его будущность. Давно ли вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ одинъ вѣтеръ пустынный бродилъ, оурьяны, кобылы да чертополохъ произрастали, перекатиполо прыгало; а теперь тутъ мигомъ выросъ поселокъ

явился чудный домъ, оживленное общество шумить, веселится, рояль гремитъ, чудеса свѣта сюда стекаются.

— Искусственный плодъ все это!—замѣчали другіе.

— Женитесь, женитесь, женитесь вамъ!—продолжали въ то же время шушукать полковнику болтушки-старушки.

На ихъ улыбки улыбался и онъ, попрежнему ораторствовалъ, шутилъ, спорилъ и пускался въ объясненіе живѣйшихъ вопросовъ современности.

— Это не человѣкъ! Нѣтъ, это какое-то божество!—говорили о немъ дамы, возвращаясь иной разъ съ веселой прогулки цѣлымъ обществомъ въ Новую-Диканьку.

— Ну, божество не божество,—возражали суровые мужчины, нагруженные всякими яствами и тонкими шпіями до отвалу:—а человѣкъ онъ, точно, хорошій. Главное—товарищъ отличный, дѣла на дѣла и вмѣстѣ не спесивъ.

Гости уѣзжали. Полковникъ садился за счеты, соображенія, пускался бродить и ѣздить по хозяйству.

«Еще такихъ года два-три», — думалъ онъ, раскинувшись иной разъ въ кабинетѣ на диванчикѣ, съ сигарой въ зубахъ, — и я буду въ полумилліонѣ чистаго капитала! Тогда я произведу расчетъ всѣмъ дѣламъ, все мелочное обращу въ наличныя деньги—и... куда же тогда? Въ Петербургъ? Да, многимъ тамъ можно будетъ пыли пустить въ глаза такимъ капиталомъ! Сперва поважничая, вечера устрою тамъ, вторники, что ли, или четверги. Въ финансовый міръ попаду. стануть ко мнѣ ѣздить все дѣйствительныя, да тайныя... Предлагать стануть мѣста... Развѣ въ губернаторы тогда куда-нибудь поѣхать на время?.. Еще въ министры такъ, пожалуй, попадешь... Вотъ, чортъ-возьми, счастье! Да и женщины новыхъ увидимъ! А дѣла пойдуть все лучше и шире; устрою какое-нибудь общество на югѣ... Нѣтъ, Диканьки моей тогда не продамъ... А не лучше ли на старость куда-нибудь въ чужіе края, на Лако-ди-Комо, или въ Байскій заливъ по пути сластолюбивыхъ счастливецевъ, римскихъ императоровъ?.. Въ Диканьку мою стануть путешественники съѣзжаться, смотрѣть на ея устройство... И какъ подумаешь, все дѣло рукъ одного человѣка... одного!»

— Баринъ, барышня прогуляться просится,—прерывалъ часто въ такія мгновенія мечты полковника новый слуга его, Аксень Шкатулкинъ.

Вслѣдъ за этимъ слугою и вся дворня начала Оксану звать уже барышней.

— Прогуляться? Что? Я не слышала, Аксентій...

— Да-съ, на воздухъ-съ. Затомилась, должно-быть, наверху...

— А! хорошо; иди ты съ нею, побереги ее тамъ, знаешь, пока...

Лѣстница тихо скрипѣла. Въ платочкѣ, блѣдная, тихая, но такая же, какъ была, хорошенькая, Оксана пугливо и бережно спускалась съ своей вышки, съ мезонина, и шла освѣжиться за ворота, а когда не ожидали гостей, то и дальѣ, въ поле и къ овчарнямъ.

Ревнивый, или, скорѣе, чопорно-скрытый съ товарищами, Панчуковский вовсе, между тѣмъ, не скрывался отъ своей дворни. Оберегательница Оксаны, старуха Домѣха, иногда прихварывала, и полковникъ отпуская свою плѣнницу гулять либо съ кучеромъ Самойлою, либо съ новымъ слугою Аксентомъ. Самойло и въ прогулкахъ не покидалъ своего мрачнаго настроенія, безпрестанно вздыхалъ, бормоталъ себѣ подъ-носъ не то молитвы, не то упреки и жалобы на свое горемычное положеніе, что вотъ живетъ онъ теперь какъ пестъ бездомный, что у него виду-то Божьяго нѣтъ, то-есть паспорта, что заставляютъ его иногда нехорошія дѣла дѣлать, и ужъ тутъ хоть что ни говори, а приказанія барина послушаться не слѣдуетъ, и что кто его похоронитъ-то, когда онъ тутъ безъ вѣсти пропадетъ, безъ толку мыкался, а что въ Россіи у него и женушка брошена, и дѣтки малыя тамъ есть, вѣрно плачутся на него, житье свое безталанное и безпомощное проклинаятъ... Воркунъ былъ Самойло большой, на грудь онъ часто жаловался, что лошади полковника его какъ-то разъ побили, когда онъ ихъ на скакивалъ въ четвернѣ. Походитъ Самойло съ Оксаною за воротами, кнутикомъ по травѣ помашетъ и воротится. Скучно ей было ходить съ нимъ.

— Дядюшка, пойдемте хоть чуточку дальше, вонъ къ овчарнямъ, либо хоть къ тому вонъ колодцу дойдемъ!—говорила Оксана, похаживая по травкѣ.

— Нельзя, сердце, нельзя! Баринъ увидитъ; пора ужъ и домой. Теперь тоже ходи съ тобой, а тамъ лошадей пора кормить, коляску помыть надо безпремѣнно.

— Ахъ, какой же вы, дядюшка Самойло Осипычъ! Ну.

хоть вонъ на тотъ пригорочекъ, дайте и сама добѣгу. Ноги дайте размять, сердце мое, вся душа во мнѣ изныла... Какой онъ вамъ баринъ!

— Нельзя, о, и не говори лучше! Баринъ морду побьетъ: тебѣ ничего, а мнѣ какво, какъ уйдешь?

— Да что же какво-то?

— Да какъ ты убѣжишь, говорю, отъ меня вовсе-то?

— Куда? Я! Богъ съ вами, дядюшка! И что вамъ пришлось!

Самойло не сдавался и ворчалъ поминутно, не покидая Оксаны и подозрительно поглядывая на свою спутницу. Оксана начинала плакать.

— Постылая-постылая, проклятая жизнь! Боже, Господи,—говорила она:—хоть смерть пошли, хоть кару какую небесную, болѣзнь—чтобъ я ослѣпла, горя своего не видала; чтобъ красота моя пропала, чтобъ и не смотрѣлъ онъ больше на меня, отказался бы отъ меня!..

Самойло вынималъ изъ-за сапога трубку, набивалъ ее и, поглаживая сѣдую широкую бороду, начиналъ дымить любимой тютюнецъ. Оксана смотрѣла вдаль. Слезы душили ее. Она старалась въ сизомъ туманѣ разглядѣть если не самый Святодуховъ-Куть, то хоть бы путь къ нему, хотя бы, среди печальныхъ и обнаженныхъ нивъ и сѣнокосовъ, холмовъ и ложинокъ, затерянную туда стенную дорожку. По этой самой дорожкѣ еще такъ недавно летѣлъ полный надеждъ на барыши студентъ Михайловъ, невольная причина ея печальнаго похищенія. Вспоминаются Оксанѣ еще недавнія любимыя ея пѣсни, которымъ ее учила старая дьячиха. Она старается запѣть ихъ, стоя поодаль отъ Самойлы на пригоркѣ, за оградю дома, но слова и голосъ ей не служатъ. И пѣсни-то она будто уже всѣ забыла. Она усиливается, напѣваетъ... Голосъ ея дрожить.

— Э, сердце! Да ты пѣсни хорошия знаешь! Спой-ка еще, спой; я барину скажу, ты и ему запой, онъ тебѣ подаритъ что-нибудь.

Оксана Самойлѣ отвѣшивала низкій поклонъ.

— Оставьте меня, дядюшка, увольте! Коли я жива, то не томите меня, въ гробъ заранѣе не гоните! Пропала моя честь и душенька моя распропала... Горько-съ!

— Да развѣ тебѣ плохо тутъ жить-то, развѣ тебя не хлѣять всѣ? Или ты его и взаправду не любишь?

— Не спрашивайте меня про это; про это доля моя знаетъ, бѣдная, горемычная... Маюсь я такъ-то у васъ, почитай, какъ неживая...

Дважды, впрочемъ, въ первые мѣсяцы пыталась Оксана убѣжать. Одинъ разъ нашли ее на сѣновалѣ, куда она спряталась-было, какъ-то уйдя до зари сверху изъ дому и ожидая, пока ворота отопруть. Потомъ она тайкомъ переодѣлась въ платье Домѣхи, повязалась ея старымъ платкомъ, накинула на плечи ея шубейку и съ ведромъ такъ дошла-было уже до колодца. Но тутъ узналъ и воротилъ ее повара-репокъ Антронка. Сильно она просилась у него, молила его, кланялась ему, обѣщаясь заплатить за свой побѣгъ.

— Э, сволочь!—заклучилъ на эти вопли Антронка:—еще па васъ смотрѣть! Съ жиру бѣситесь! Маршъ назадъ, къ барину-то! Чего слезы распустила! Туда же въ недотроги мостится!

И онъ ее силой воротилъ, притащивъ въ самый кабинетъ полковника, котораго, впрочемъ, тогда дома не было.

Строгости надзора надъ Оксаною не прекращались.

— Пока она у меня, всемъ вамъ двойное жалованье,—рѣшилъ Панчуковскій, созвавшій всю дворню по случаю этого второго приключенія:—слышите? всемъ двойное жалованье, сколько бы времени тутъ ни прожила.

— Слышимъ,—будемъ стараться-съ!

— А тебѣ, Антронка, вотъ... за услугу!

Полковникъ бросилъ Антронкѣ денозитку. Тотъ ему ручку поцѣловалъ.

— Такъ я же, смотрите, не шучу. А уйдетъ, всехъ долой прогоню... Слышите?

— Будьте спокойны-съ; мы ужъ не выпустимъ Оксанки-съ.

— Да языки держите тоже на привязи; а выйдетъ что-нибудь, какая сплѣтка, — кромѣ того, что прогоню, еще вадую. Слышите? плети! Вѣдь вы меня знаете.

— Слушаемъ-съ, какъ не знать? — ухмылялась беззащитная дворня.

— То-то же!

Полковникъ въ тотъ же вечеръ, послѣ новаго побѣга, отправился наверхъ къ бѣглянкѣ.

— А тебѣ, плутовка, не стыдно? бросать меня, а? Ну, скажи, не стыдно? Чтѣ тебѣ отецъ-то Павладій? Лучше

тебѣ тамъ жилось, что ли, какъ ты тамъ стряпала, дров^а да воду носила?

Молчаніе.

— Домѣха, уйди отсюда...

Домѣха вышла за двери. Полковникъ съ Оксаною остались одни.

— Оксаночка, не стыдно ли? Ты здѣсь какъ у матери въ холѣ! А бросишь меня,—вѣдь я поймаю, что тогда будетъ? Вѣдь я со дна моря найду тебя опять!

Опять молчаніе. Полковникъ треплетъ плѣнницу по щекѣ, обнимаетъ ее, цѣлуетъ, на колѣни къ себѣ посадить.

— Вѣдь я тебя не упусти больше; ни-ни! извини, уже, шалишь! Никому тебя не отдамъ...

Новое молчаніе.

— А поймаю,—извини: на конюшнѣ, душечка, выскну... О, я злой на это! Чикъ-чикъ, чикъ-чикъ! да!..

Оксана становится бѣлѣ стѣны. Полковникъ обнимаетъ ее еще крѣпче.

— Да, ужъ за это извини, я не люблю шутить! У меня будь, мое сердце, покорна—озолочу тебя, а непокорна—и самъ прогоню, только прежде розочекъ высыплю... Ну, что же ты молчишь? Цѣлуй же меня, ну, обними!.. Вотъ такъ! да крѣпче, крѣпче... еще!..

«Боже, Господи! Хоть бы ты убилъ меня тутъ!—думаетъ Оксана, обнимая полковника: —или хоть бы я на это змѣей была, чтобъ отъ моихъ губъ-то онъ сырою землею почернѣлъ!»

— Да что же ты молчишь, насупилась, будто серднишься на меня? Э! И этого тоже не люблю, ты знаешь! Ну, коли убѣждать хотѣла и тебя простили, такъ смѣйся! Смѣйся же, говорю тебѣ, смѣйся!.. Вотъ такъ, такъ... Ну, а теперь опять цѣлуй!.. такъ! и опять смѣйся!.. Покоришься, будешь по волѣ жить... у меня тоже мѣщаночка такая была!..

Оксана сквозь слезы обнимала Панчуковскаго, приневоленная ластилась къ нему, скрывала горе и муки свои. А когда она оставалась одна, то рыдала, весь свѣтъ проклиная; ей особенно мучительными казались нѣмыя стѣны ея вышки, и она долго-долго, сама не зная, о чемъ думаетъ, смотрѣла все на узенькое окошко съ желѣзною рѣшеткой въ своей комнаткѣ, да на двери, будто все ожидая кого-то

и будто не вѣря еще, чтобы ея мученію не могло быть когда-нибудь неожиданнаго конца.

Зато съ новымъ слугою полковника Оксана любила гулять въ тѣ дни, когда болѣе и болѣе хирѣвшая оберегательница ея Домѣха не сходила по цѣлымъ днямъ съ своего коврика, отъ ея дверей, изъ темнаго уголка на верхней площадкѣ лѣстницы. Аксентій Шкатулкинъ былъ человѣкъ уже не первой молодости, сильно потертый, какъ видно, и помятый жизнью. Онъ держалъ себя весело, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-то степенно и набожно, какъ многіе русскіе люди, окончательно положившіе перейти отъ широкой и загульной жизни къ покаянію, если только этому покаянію выпадало на долю дѣйствительно когда-нибудь осуществиться. Онъ ходилъ чистенько, не шлѣ, не шумѣлъ, не бѣгалъ въ шинокъ, тотчасъ сошелся со всею дворнею и часто молился вслухъ, особенно на сонъ грядущій. Въ его полотняной сумочкѣ, когда онъ смиренно припелся отъ Шульцвейна къ полковнику, оказались и были замѣчены дворней кажаный бубенъ съ погремущками и святцы.

— Да вы, почитай, не изъ духовныхъ ли?—допрашивали его на первыхъ порахъ дворные полковника.

— О, никакъ нѣтъ-съ! о, ей-же-Богу, нѣтъ! Я простой-съ... человѣчекъ такъ себѣ-съ...

— Такъ вѣрно вы изъ музыкантовъ чыхъ-нибудь, того-съ, тягу дали?..

— О нѣтъ, и это, ей-же-Богу, нѣтъ! и не изъ музыкантовъ.

— Такъ зачѣмъ же вамъ бубенъ да святцы?

— Когда мнѣ скучно бываетъ, я помолюся; когда же весело—въ бубенъ поиграю...

— Бррраво!—закричалъ на это кто-то изъ батраковъ:—такихъ-то намъ и надо!

Оксана, повторяемъ, не отказывалась гулять съ Аксентіемъ. Уйдетъ съ нимъ за ворота, а тамъ къ батрацкимъ избамъ, къ овчарнямъ, къ колодцу, а часто и въ поле. Сядетъ съ нимъ на пригоркѣ, слушаетъ его, смотритъ въ степь на поля, какъ тамъ на зиму подъ жито пашутъ, вороны за плугомъ ходятъ, или сама что-нибудь говоритъ Шкатулкину, облегчая душу.

— Вы вотъ, дядюшка Аксентій Данилычъ, не то, что нашъ Самойло Осипычъ.

— А какъ-съ такъ, моя царица? говорите.

— Да вы вонъ тоже приставлены, а добрѣ его.

— Вы полагаете-съ? Быть тому не можетъ-съ! Такъ ли?

— О, какъ же! И еще я-съ впервые, можно-сказать, вижу такую услужливость, хоть вы и стары-съ, дяденька.

— Вы предполагаете? Такъ-съ! пусть я старъ. А вы бы меня полюбили, коли бы я, примѣромъ сказать, не халуй быть, а тоже, положимъ, полковникъ-съ? Отвѣчайте на это, барышня, а?..

Оксана повеселѣетъ отъ шутокъ Аксентія и часто, бывало, шутить съ нимъ, смѣется отъ души. Они въ полѣ и въ карты на виду у всѣхъ играли. Либо Оксана шьетъ, а Шкатулкинъ сидеть противъ нея, поодаль на корточкахъ, да посвистываетъ, въ бубень играетъ. Полковникъ самъ это видѣлъ иногда съ балкона и хвалилъ Шкатулкина за услужливость.

— Вы, барышня, спротка-съ? — спрашивалъ Аксентій.

— Да-съ. А вы?

— У меня не спрашивайте. Я не потребенъ-съ...

— Какъ-съ, не потребны? Это какъ-съ?

— Я бродяга-съ чуть не сызмальства. Отца, мать хоть и помню, да что толку? Мало они меня учили, что такимъ дуракомъ стать.

— Жаль васъ, жаль, дяденька...

— Да что меня жалѣть-то? Говорю вамъ, что я никуда негоденъ-съ стать. Вы вотъ лучше, барышня, скажите... правда ли это, что вы... дочь убитаго бѣлаго-съ бѣдняги, бурлачка-съ? того вотъ, что тутъ неподалечку когда-то былъ зарѣзанъ, тоже... извините... другимъ бродягой-съ...

— Правда... охъ, правда, дядюшка! я самая и есть... А вамъ меня жалко? Кто вамъ сказывать?

Шкатулкинъ мялся на мѣстѣ, закидывался навзничъ, посвистывалъ и опять вставалъ. День вечерѣлъ. Они сидѣли у колодца надъ оврагомъ, въ виду широкой зеленой поляны, по которой паслись овцы и лѣниво ходили пастухъ.

— Миѣ-то васъ жалко ли? — замѣчалъ Аксентій, оглядываясь: — миѣ-то жалко ли?

— Да-съ.

— Еще бы васъ не жалѣть-съ, когда я... такъ сказать...

съ вашимъ батюшкой, выходить... съ тѣмъ-то вотъ, значить, съ зарѣзаннымъ..

— Ну, ну?

— Я съ нимъ, съ вами, выходить, вмѣстѣ и шель въ это-то мѣсто, когда впервые бѣжалъ изъ Россіи...

— Такъ вы, дядюшка?..

— Э! ужъ вы, барышня, и допрѣшивать? Скоры больно! Я только говорю вамъ, зналъ вашего покойника батюшку и мертвымъ его видѣлъ, какъ хоронили его, бѣдняка, въ Таганрогѣ; въ больницѣ онъ и умеръ-съ... А васъ вотъ только дѣвочкою видѣлъ... Только вы никому ни слова про то,—слышите? А то меня откроютъ. Вѣдь я тоже несчастный-съ, въ бѣгахъ отъ господъ... Я и убѣжалъ сюда. А вы молчите: чтѣ толку-то сказать! Я вамъ не помогу... Мосму же барину, полковнику, я нынѣ привержень, аки рабъ-рабскій, и готовъ за него въ огонь и въ воду-съ.

Читатель, разумѣется, уже угадалъ, что Аксентій Шкауткинъ былъ никто иной, какъ давно нами оставленный Милорѣденко. нѣкогда другъ и жоака Левенчука! Судьбѣ угодно было, чтобы въ новыхъ подвигахъ своихъ, спасаясь отъ поисковъ нахичеванской полиціи, онъ попалъ теперь именно въ домъ главнаго свата всѣхъ бѣглыхъ въ краѣ, Панчуковскаго, чтобы встрѣтиться у него съ Оксаною, о дѣтской судьбѣ которой первый онъ же передалъ когда-то бѣдному Левенчуку, идя съ ними глухими дорожками на югъ въ стениное приволье. И этой же судьбѣ, наконецъ, угодно было, чтобы Панчуковскій, получивъ газеты отъ своего кровнаго недруга, отца Павладія, не прочиталъ въ нихъ публикаціи о послѣднихъ бѣглыхъ, съ описаніемъ примѣтъ Милорѣденка и его страсти къ свѣтскому разговору.

Оксана, между тѣмъ, сильно обрадовалась, что встрѣтилась съ человѣкомъ, хоть и преданнымъ ея губителю полковнику, но, какъ видно, съ добрымъ, честнымъ, разговорчивымъ и жалостнымъ. Ее радовало на ея скукѣ и то, что между нею и слугою полковника затѣялось даже и нѣчто сокровенное, тайна завелась; онъ видѣлъ ее когда-то въ дѣтствѣ, видѣлъ и бѣдняка ея отца, котораго она сама не помнила, просилъ ее не говорить объ этомъ никому, и она молчала, держала слово.

— Аксентій Данилычъ, голубчикъ!—сказала она ему однажды, сидя съ нимъ на крыльцѣ и гадая ему въ карты:—

я все вамъ скажу. про все загадаю; только сослужите мнѣ службу!

— Какую?

— Помогите мнѣ уйти къ отцу Павладію, или извѣстите его, дайте мнѣ воротиться къ нему!—шептала Оксана, оглядываясь.

Шкатулкинъ на это громко расхохотался, такъ и залился колокольчикомъ.

— Ахъ вы, шатуныя барышня! Да развѣ это возможно-съ? Да меня полковникъ за васъ щелчкомъ, однимъ махомъ, порѣшитъ-съ! Чтѣ вы! Да я ему предашь... я ему преданъ, какъ отцу родному. Куда! сказать правду, и родному отцу-то я врядъ ли былъ бы такъ преданъ.

Оксана смиряла пылкія надежды, просила ей хоть огурчика тайкомъ пронести, селедочки: ей начинало что-то жечь подъ ложечкой, голова все кружилась! Аксентій на это усмѣхнулся, смекая о близкой радости полковника. Зато въ другой разъ самъ Аксентій заводилъ такую рѣчь:

— Барышня, а барышня!

— Чтѣ?

— У меня тоже къ вамъ дѣло есть...

— Какое?

Это было въ воскресенье. Самойлѣ и Аксентію баринкомъ было поручено свозить Оксану въ сосѣднюю греческую деревушку, въ церковь, куда почти никто изъ православныхъ помѣщиковъ не завертывалъ. Она давно просилась у полковника помолиться. Вѣрные слуги исполнили приказъ въ точности. Освѣжили плѣнницу прогулкой и дали ей вмѣстѣ съ тѣмъ помолиться. Аксентій вошелъ съ ней въ церковь, далъ ей сдѣлать три поклона, поцѣловать образъ, прочесть молитву и вывелъ ее обратно. — «Будеть-съ!» — «А какъ крикнула бы я въ церкви?» — шутила дорогою Оксана. — «Э, вы не замѣтили, тамъ наши батраки были... баринъ и объ этомъ распорядился...»

Итакъ, Оксана спросила у Шкатулкина, какое же у него къ ней дѣло. Они ѣхали въ коляскѣ. Самойло сидѣлъ на козлахъ, а Шкатулкинъ рядомъ съ Оксаною внутри экипажа. Они говорили шопотомъ.

— Вы вотъ меня все за старика считаете, барышня, а у меня душа молодая. Мнѣ жаль васъ, очень жаль, барышня.

Скажите: что если бы настоящей-то... вашъ милый, Левенчукъ, что ли онъ, вдругъ явился бы къ вамъ?

Оксана поблѣднѣла и чуть не вскрикнула. Аксентій ее въ-время остановилъ.

— Любите ли вы его попрежнему, барышня, своего-то дружка настоящаго, мужика-то, нашего брата? Любите? Или вы совсѣмъ...

— Не мучьте моего сердца, Аксентій Данилычъ...

— Да скажите, любите? Или вы отъ барина ужъ не отстали бы?

Оксана склонилась на грудь, руки ея упали, слезы выступили изъ глазъ.

— Люблю... я-то люблю Левенчука... да только въ глаза-то ему какъ я теперь посмотрѣла бы?.. И какъ онъ теперѣ меня захотѣлъ бы выволить?..

— Въ глаза? Онъ-то?

— Да.

Аксентій посвисталъ будто про-себя.

— Какъ вы, а я бы еще съ-изначала штуку барину бы сдѣлалъ...

— Какую?

Аксентій ничего не отвѣтилъ.

— Грѣхъ вамъ, дядюшка! Вы думаете, что я охотой...

Оксана залилась слезами.

Лошади добѣгали уже къ хутору. Оставалось версты двѣ.

— Дядюшка!—шепнула судорожно Оксана.

— Что, мое сердце? Фу, какая вы антиресная!

— Что вамъ дать за волю-то мою?

— Чѣмъ заплатить-то мнѣ?

— Да.

Аксентій склонился къ ея уху:

— Коля бы у васъ хоть миллионъ былъ, барышня, а я, значить, моего барина, распродобрѣйшаго Владимира Алексѣича, ни за что бы не промѣнялъ. Я пошутилъ-съ. Будьте ему покорны во всемъ, аки я самъ рабъ, смердъ-смердящій. вѣренъ ему! Это вамъ-съ мой совѣтъ.

Подъѣзжая къ воротамъ, Шкатулкинъ сказалъ опять:

— Вы обо всемъ, чтѣ я вамъ говорилъ, ни-гу-гу. Слышите?

— О! я-то никому...

— То-то же, барышня, а то вѣдь я и ножомъ пырну!

Скажете, — я, значитъ, пропалъ, а меня не замай — въ острогъ-то не хочется...

Аксентій ловко отворотилъ конецъ рукава и за лакцаномъ показался ножъ. Оксана помертвѣла.

— Это-съ я всегда про запасъ ношу. А вы будто ни про что и не слышали. Я здѣсь чужой и вы чужія-съ... Выдадите про мои лишніе съ вами разговоры, вѣдь ничего не выиграете. — «Пожалуйте-съ ручку, сударыня, прѣехали! Миль-пардонъ!» — добавилъ онъ громко, уже у крыльца.

Ловко выпрыгнувъ изъ коляски, Аксентій свелъ Оксану еще ловче по ступенькѣ на-земь, потомъ въ сѣни.

— Вамъ бы нашей барыней быть, повелительницею, полковницею! — весело заключилъ онъ, снимая шляпу съ кокардой, когда Оксана въ яркой алой клѣтчатою юбкѣ и въ дорогомъ платкѣ и манистахъ входила съ крыльца въ сѣни. Полковникъ пачиналъ одѣвать ее щегольски.

— Лошадей выпрячь, да и выводить получше! — крикнулъ, между тѣмъ, полковникъ изъ окна кучеру, не безъ радости подхватя на лету слова Шкатулкина и самодовольно любясь соблазнительною красотой Оксаны, ея здоровымъ полнымъ станомъ, густыми русыми косами, поблѣднѣвшимъ и слегка захудалымъ лицомъ, слегка вналыми томными глазами и этимъ живописнымъ украинскимъ нарядомъ, шитою нестрыми шелками сорочкой, манистами и яркою алою клѣтчатою юбкой.

«О! теперь я за нее спокоенъ, она не убѣжитъ! — рѣшилъ въ восторгѣ полковникъ, провожая глазами щегольскую четверню любимыхъ лошадей, удалявшихся въ мыль и въ пѣнѣ къ конюшнѣ. — Вотъ я поѣду на торги, пшеницу продавать въ Бердянскъ, и ее возьму, въ театръ повезу, еще платьевъ ей понадѣлю. Наряды кого не соблазнятъ!.. Да, кажется, она уже и беременная... Все въ ней хорошо; пылу только этого нѣтъ; какая-то вялая будто, тихая, да молчаливая...»

Гдѣ-то, у кого-то, при какомъ-то разговорѣ у Папчуковскаго завязался споръ о преданности владѣльцамъ крѣпостныхъ дворовыхъ. Полковникъ доказывалъ, что вѣрность и честь — принадлежность однихъ людей благородной крови, что если есть звѣри породистые, то есть и люди породистые, люди бѣлой кости.

— Я, господа, демократъ въ душѣ; но кровь, лучшія преданія человѣческой семьи — это такія вещи, такія, что я...

— Ахъ, полковникъ, ваша правда! — перебила его соседка Щелкова, протискивая свой чепецъ и свой чубукъ въ кружокъ, по обычаю обступившій мѣстнаго Токвиля: — я вамъ расскажу свѣжій примѣръ...

— Какой? какой? — спросили слушатели.

— На-дняхъ я ѣздила къ золовкѣ моей, за Донъ. На одной изъ этихъ скверныхъ донскихъ станцій собралась огромная толпа проѣзжающихъ. Куча всякихъ подорожныхъ лежала на столѣ, а лошадей никому не давали, — ждали какое-то важное лицо трети сутки...

— Это ужасъ, ужасъ! Вотъ наши почты! вотъ злоупотребленія...

— Не въ томъ дѣло, — сказала Щелкова: — а вотъ въ чемъ. Тутъ же сидѣла, скучая, одна почтенная и премилая дама, помѣщица изъ Россіи. Она молчала, ни съ кѣмъ не вступала въ знакомство, вся въ черномъ, и маленькая дочь съ нею. Ее поразило необычайное происшествіе: крѣпостной слуга ея мужа — кажется, покойнаго уже — мальчикъ лѣтъ двадцати-пяти, на котораго она возложила въ пути всѣ свои нужды, всѣ чемоданы и ключи ему сдала, — этотъ мальчикъ, пользуясь хорошей погодой, — а погода тогда стояла чудная — выходилъ часто за ворота и на крыльцо станціи... все смотрѣлъ вдаль, я сама это замѣчала, будто дивился нашимъ мѣстамъ; еще подслѣповатый такой, и какъ-будто загнан-ный, скучный, — смотрѣлъ-смотрѣлъ...

— Ну-съ, ну?

— Да какъ былъ въ одномъ сюртучникѣ и замасленномъ картузѣ, — и далъ тягу въ степи, пропалъ безъ вѣсти.

— Это ужасъ! — шептали дамы.

— Какая же причина? — допрашивали мужчины.

— Гм! простая-съ! — злобно и вмѣстѣ насмѣшливо отвѣтила, кашляя, Щелкова: — очень простая, какъ же вы не догадались! Ужъ это у насъ народецъ такой, не вези его сюда! Какъ прѣѣхаль, поставилъ носъ по вѣтру, почувалъ волю — и драло! И край-то здѣсь, унаси Господи! Миѣ что! Я больше вольными работаю; да гдѣ денегъ-то взять, гдѣ взять ихъ намъ, горемычнымъ?

— Что же, нашли этого лакея?

— Куда вамъ его тутъ найти! И бѣжалъ-то онъ, какъ говорятъ, потому, что черезъ барыню ожидалъ попасть въ чужія знакомыя руки. Такъ на станціи ямщики послѣ толковали.

— Барыня же эта кто такая?

— Перепелицына. Я въ подорожной смотрѣла: Перепелицына изъ Моршанска.

Панчуковскій чуть не уронилъ стакана съ чаемъ, бывшаго у него въ рукѣ, и едва могъ скрыть волненіе, охватившее его при этой вѣсти.

— Какъ вы сказали? — отнесся онъ, сколько могъ свободно, къ Щелковой.

— Перепелицына-съ... Такъ мнѣ сказали, и въ подорожной такъ прописано.

— Гдѣ же она теперь?

— Въ Севастополь, что ли, на могилу мужа, кажется, поѣхала.

— А мальчикъ?

— О немъ она становому послала объявленіе и сильно-сильно была стѣснена его бѣгствомъ. Онъ, впрочемъ, ее не обокралъ, и она его очень любила...

— Мѣстечки-съ! — насмѣшливо завершилъ этотъ разговоръ полковникъ.

Послѣ обѣдни у отца Павладія въ одно воскресенье сидѣлъ въ гостяхъ причтъ другой, вновь-устроенной, сосѣдней церкви.

— Вы слышали, батюшка?—передавали вѣсть Щелковой услужливые собесѣдники:—тутъ возлѣ, по донскому тракту, ѣхала помѣщица и ее лакей на дорогѣ бросилъ?

— Нѣтъ, не слышалъ. Куда же она сама-то ѣхала?

— Въ Севастополь, что ли, — отвѣтилъ сосѣдній пономарь.

— Что вы, что вы! Въ нашемъ уѣздѣ, въ нашемъ городѣ уже живетъ, поселилась и квартиру у моей тѣщи наняла!—возразилъ дьяконъ.

— Зачѣмъ же это она прѣѣхала?—спросилъ отецъ Павладій.

— По дѣламъ. Никого не принимаетъ, живетъ тихо, въ церковь только ходитъ къ отцу Амисиму и, кажется, очень скучная. Къ дочкѣ учителя искала.

— А лакей ея?..

— Такъ и пропаль безъ вѣсти; ключи отъ чемодановъ увезъ, должно быть, по ошибкѣ, а вещей ничего не тронулъ.

— А!

Панчуковскій, невѣдомо ни для кого, нанялъ у колониста за Мертвою фургонъ и поѣхалъ за Донъ. Тамъ онъ легко нашель станового, котораго имя узналъ отъ Щелковой. явился къ нему, будто бы отъ лица помѣщицы, у которой сбѣжалъ слуга, назвался чужимъ именемъ, предложилъ становому малую толику за справку, получилъ доступъ къ его перепискѣ и съ худо-скрываемымъ трепетомъ сѣлъ читать объявленіе Перепелицыной о слугѣ. Становой, обрадованный въ своей глуши неожиданно-упавшею съ неба манною, толкалъ изъ пріемной своихъ грязныхъ ребятишекъ, извинялся, что жена его нечесанная попалась гостю на крыльцѣ, и передавалъ какіе-то новые политическіе слухи.

Панчуковскій впивался глазами въ каждую строку простого, повидимому, и незамысловатаго объявленія. Изъ послѣдняго только, кажется, и можно было узнать, что вотъ сбѣжалъ лакей Петрушка Козыръ, а примѣты ему такія-то, то-есть почти никакихъ, какъ водится.

— Ужъ и край!—проговорилъ становой, какъ видно начитанный и литературно-натертый малый: —вонъ этого зовутъ Петрушкой! Да если бы сюда Чичиковъ изъ «Мертвыхъ Душъ» заѣхалъ, и его бы, кажется, Петрушка тутъ отъ него сбѣжалъ, почувявъ здѣшнюю волю, о которой они тамъ на сѣверѣ-съ и не предполагають...

Панчуковскій, увидѣвъ въ блѣдномъ и смиренномъ, повидимому, становомъ такія литературныя запозинки, сдвинулъ брови, и какъ ни занятъ былъ другими мыслями, рѣзко спросилъ:

— Вы гдѣ учились?

— Изъ здѣшней войсковой-съ гимнази исключенъ-съ за стихи на инспектора классовъ-съ.

— Гм! Когда же у васъ времени хватаетъ здѣсь за службой еще книжки читать?

— Находимъ-съ. А вы тоже любитель просвѣщенія?

— О, да! да!

— И у васъ книжки хорошия есть? Богъ если бы почи

тать! Здѣсь одинъ ученый журналистъ недавно проѣзжалъ на Тамань. Я узналъ о его проѣздѣ черезъ мой участокъ и тридцать пять верстъ за нимъ гнался, чтобы только увидѣть его.

Панчуковскій кашлянулъ, ничего не отвѣтилъ, и, кусая до крови ногти, опять сталъ пересчитывать бумагу. Онъ всталъ, началъ надѣвать перчатки.

— Куда же эта барыня проѣхала?

— Не знаю-съ.

— Слугу не нашли?

— Гдѣ ихъ тутъ найти! Помилуйте! У насъ тысячи, десятки тысячъ такихъ дѣлъ о обглыхъ...

Панчуковскій вышелъ на крыльцо.

— Одно могу сказать,—прибавилъ становой, въ мундирномъ свертучкѣ сбѣгая съ крыльца къ фургону:— и сталъ вносить дѣло объ этомъ-то Петрушкѣ Козырѣ въ опись, да по алфавиту наткнулся на дѣло еще другого Козыря... Последнее тянется уже лѣтъ десять, и много становыхъ на немъ смѣнилось; оно объ одномъ лакеѣ, котораго зарѣзали какой-то косарь; и этого лакея тоже звали Козыремъ—онъ при смерти такъ объявилъ въ больницѣ, гдѣ умеръ...

— Прощайте!

— Прощайте-съ.

Панчуковскій уѣхалъ, не дослушавъ послѣднихъ объясненій станового. Его занимали другія мысли.

Становилась настоящая осень.

— Что, сударь, вы не поохотились бы теперь на зайчиковъ, да лисичекъ?—спросилъ утромъ полковника новый его камердинеръ, Аксентій Шкатулкинъ, по своему обычаю, весело посмѣиваясь передъ баринномъ, вилія добродушною и смазливою, хотя уже съ сѣдоватыми усами, мордочкой и играя живыми подвижными глазками. Онъ бережно и степенно одѣвалъ ноги полковника въ сапоги, а полковникъ лежалъ на диванѣ въ халатѣ и лѣнливо раскидывалъ мыслями: чтѣ ему въ тотъ день дѣлать? На душѣ его было свѣтло-свѣтло.

Полковникъ молчалъ. Солнце чуть глядѣло въ окно. Камердинеръ снова заговорилъ:

— Я спрашивалъ, сударь, не манитъ ли васъ теперь поохотиться съ собачками или хоть съ ружьемъ? Деньки вотъ

бываютъ ужъ сѣрые, морозъ морозитъ, туманчики въ полѣ прохладные переливаются-съ! Вотъ бы въ степь-то... а?

— А ты развѣ охотникъ? Тише надѣвай чулки: тамъ мозоль вонъ есть.

— Былъ когда-то-съ я и въ охотникахъ! Былъ, да мало ли еще чѣмъ я не былъ.

Шкатулкинъ вздохнулъ.

— Ты откуда бѣжалъ?

— Изъ-за Полтавы-съ... Не вѣрите? Ей-же-ей, не лгу!..

— И давно?

— Да лѣтъ десять-девять будетъ-съ.

— Ну, скажи же ты мнѣ, Аксентій, да по-правдѣ: гдѣ ты все это время бурлачилъ?

Аксентій умильно улыбнулся, кашлянулъ, сложилъ на рукахъ платье полковника, сталъ въ вѣжливую, вмѣстѣ почтительную и шаловливую картинку, губы сдвинулъ еще добродушнѣе, глаза окружилъ бѣловатыми, кроткими, смѣющимися морщинками, брови насушилъ, вздохнулъ опять и отвѣтилъ:

— Извольте, сударь, спрашивайте!

— Гдѣ ты былъ, я повторяю, за всѣ эти девять, что-ли, лѣтъ твоего побѣга?

— Вездѣ былъ понемногу: гдѣ ночь, а гдѣ день, а гдѣ и того меньше.

— Такъ всѣ бурлаки отвѣчаютъ, а ты мнѣ скажи по душѣ...

Аксентій засмѣялся и глянулъ въ сторону.

— Извольте. Спрашивайте опять, еще подробнѣе!—сказалъ онъ, шагнувши къ полковнику ближе и опять свертываясь руками, ногами, головой и всѣмъ тѣломъ въ ту же услужливую, любезную и вмѣстѣ добродушную картинку:—я вамъ все открою-съ, все... Ну-съ?

— Я тебя будто видѣлъ гдѣ... Будто ты у меня когда-то или работалъ, или просился работать? И что-то, братецъ, помню тебя...

— А можетъ быть! Нѣтъ, баринъ, нѣтъ. Я васъ вижу впервые. Вездѣ перебивалъ я въ этомъ краю-съ, а у васъ не былъ. Былъ я и въ Кіевѣ, и въ Житомирѣ-съ, и въ Умани, и въ Одессѣ, и въ Цытигорскѣ-съ, а у васъ не былъ, ей-же Богу-съ, не былъ! Что вы! Развѣ мнѣ лгать?

Панчуковскій звнулъ.

— Чѣмъ же ты промышлялъ въ бурлакахъ до поры, какъ нанялся у Шульцвейна? Расскажи, братъ, отъ скуки: Аксентій опять кашлянулъ.

— Да не знаю, какъ вамъ и сказать-то...

— А что?

— Видите ли, сударь, вы холостой, вамъ можно сказать: господа это называютъ клубничкой-съ! Я охотникъ, видите ли, до бабочекъ-съ; люблю-съ этотъ хрухтъ...

Панчуковскій, не ожидавшій такого отвѣта, самъ прыснулъ со смѣху.

— Какъ, какъ? Ахъ ты, шутникъ, что отмочилъ!

— Ей-Богу-съ! Я большой-съ ходокъ по женскимъ дѣламъ-съ! всю мою жизнь, можно сказать, на это потратилъ; видите ли, откровенно вамъ говорю: въ ума помраченіе впалъ. И нѣтъ тутъ села, городинка, гдѣ бы я свинныхъ дорожекъ къ красоткамъ не топталъ... Вотъ и сѣдина ужъ пошла въ усы и бакены-съ...

— Э! да ты мнѣ находка, Аксентій! Я самъ, братецъ, какъ видишь, любитель. Съ покойнымъ Абдулкой мы многія дѣла рѣшали. По-правдѣ, жаль его. Тутъ была у насъ исторія изъ-за одной горожанки... Онъ мнѣ тогда очень помогъ, и я этого никогда не забуду.

— Да-съ, слышалъ-съ; тутъ и градоначальникъ, кажись, сердился?

— Такъ ты все знаешь?

— Какъ не знать-съ. А теперь зато, ухъ, славная, сударь, дѣвочка у васъ отъ попа. Мы про нее еще у Шутковина слышали. Я и у него работалъ-съ: онъ тоже ходокъ...

— Да ты у меня смотри, однако, Аксентій, ее не отбей! Ты еще мнѣ рога наставишь! — шутливо замѣтилъ полковникъ.

— Какъ можно, сударь! Я дѣла-то эти знаю-съ. У меня тоже баринъ въ Россіи былъ-съ, и я былъ ему тоже вѣрнѣйшимъ холопомъ, рабомъ по гробъ моей жизни-съ. Меня и они по этимъ-то исторіямъ-съ наряжали. И скажу вамъ, у барина моего все толстухи были, пудъ по восьми-съ, по десять... Да что-съ? я и здѣшнему исправнику-съ, г. Подкованцеву, одну гречанку поставилъ, дѣвицу неизмѣримую-съ, сущую королеву Бобелину-съ...

— Такъ ты и Подкованцева знаешь?

— Служить имъ тоже недѣли двѣ. Ужъ безъ этого намъ, бѣглымъ, нельзя-съ. А господинъ исправникъ здѣшній—сущій отецъ намъ, бурлакамъ-съ; безъ него наше царство пало бы-съ. Вѣдь мы народъ-съ иной: по натурѣ своей живемъ. Ну, и бываютъ приключенія; когда разгуляешься очень, потребность какую сдѣлаешь, онъ-то и вспоретъ, а велитъ у себя отслужить, — и дѣло съ концомъ. Далеко не тянетъ. А то иной разъ продуется онъ съ господами морскими офицерами въ карты и прямо ужъ намъ скажетъ: эйнъ-венигъ аржанчика, братцы-бурлаки; это, значить, деньги дай ему малую толику...

— И вы даете?

— Даемъ; какъ не дать! На то онъ нашъ отецъ-командиръ. Безъ него и невода-съ по всему здѣшнему вольному поморью, и донскія гирла, да и ваши, сударь, степные-то, вновь поселенные хутора опустѣли бы. Что птицы вольныя, такъ и мы, бродяги, любимъ волю; не тѣсни насъ только, а мы отъ работы не бѣжимъ!

— А правда, Шкатулкинъ, что въ донскихъ гирлахъ, въ камышахъ и возлѣ Нахичевани бѣглые стали теперь паспорта печатать и всѣмъ раздають, а недавно стали и асигнаціи стряпать? Какъ бы поживиться, братецъ, размѣнять этакъ сотенку-другую трехрублевыхъ на ваши сторублевыя?

Шкатулкинъ поблѣднѣлъ. Панчуковскій этого не замѣтилъ.

— Не знаю, сударь, я по этой части не ходокъ-съ... Мое дѣло сапожки почистить, коней или верблюдовъ напоить, въ саду состоять. Какъ въ старину, вонъ, шляхта говорила: «кульбачить коня и хендожить буты». Вы—баринъ добрый, мы васъ знаемъ; вы насъ покрываете, содержите, и я бы вамъ сказалъ, да ничего не знаю... Чтобъ мнѣ почернѣть, какъ та мать сырая земля, коли я что про это знаю.

Такъ объяснялся съ полковникомъ Милороденко-Шкатулкинъ, котораго въ то время именно земскія власти разыскивали, какъ одного изъ коноводовъ нахичеванской шайбы фальшивыхъ монетчиковъ и дѣлателей паспортовъ.

— На всякій, однако, случай, сударь, чтобы нашъ отецъ-командиръ, г. Подкованцевъ, не придрался къ вамъ когда-нибудь за меня, то вотъ вамъ и мой билетъ.

Онъ досталъ изъ бокового кармана пачку бумагъ, лизнулъ

палецъ, отдѣлать не безъ труда изъ шихъ повенныйй паспортъ и подалъ его полковнику.

Панчуковскій покрутитъ носомъ и усмѣхнулся.

— Знакомое дѣло! — сказалъ онъ. — Зачѣмъ ты мнѣ это даешь? Вѣдь я же знаю, что это не твой билетъ. Вонъ и поднесъ какого-то городничаго, прямо несообразная.

— Какъ несообразная? это какъ-съ?

— Да ясно—фальшивая, братецъ, и все тутъ!

— Нужды нѣтъ; держите. Я ужъ вамъ отслужу... И то я съ васъ противъ паспортныхъ да вольныхъ вполонцу договорилъ жаловаще!

Полковникъ взялъ билетъ, умылся, одѣлся, причесался и пошелъ наверхъ къ Оксанѣ. Пѣльница въ эти дни уже не такъ строго содержалась. Она и по двору ходила, и въ поле одна ѣздила съ кучеромъ въ дрожжахъ кататься.

Оксана особенно вдругъ стихла и будто ожила, повеселѣла. Она замѣтно стала оправляться, а полковникъ началъ невольно къ ней привязываться. Заботы къ ней и ласки становились безъ конца. Кромѣ Домахи, въ услуженіи у нея показалась еще какая-то дѣвочка. Оксана сидѣла наверху только днемъ, а комнату ей отвели уже рядомъ съ кабинетомъ полковника.

Не успѣлъ полковникъ придти къ Оксанѣ, пожурить ее за затворничество и свести, шутя и пагѣвая, внизъ, въ кабинетъ, не успѣлъ онъ сѣсть на диванъ и посадить Оксану себѣ на колѣни, обнялъ ее и сталъ учить раскуривать папироску, потайная дверь въ одномъ изъ шкафовъ кабинета отворилась, и изъ комнаты, отведенной Оксанѣ, сквозь занавѣсъ, просунулась любопытная голова Шкатулкина.

— Что тебѣ? надоѣлъ, братецъ! — сказалъ Панчуковскій съ досадою, что такъ нечаянно прервали его шалости съ дамою его сердца.

Оксана вскочила и тихо отошла къ окну.

— Извините, сударь, я не зналъ, что тутъ ходить нельзя, сквозь эти двери. Тронулъ задвижку, а она сама это—чякъ! и отворилась... Я самъ даже испугался...

— Да зачѣмъ ты сюда пришелъ?

— Барышнѣ, сударь, счастье послано-съ; караванъ на верблюдахъ съ виноградомъ пришелъ. Не купите ли-съ? Свѣжій, преотличный!

— Ступай; я сейчасъ приду.

Шкатулкинъ вышелъ.

— Ты, Оксана, смотри, не бросай такъ ключа отъ твоей комнаты; не пропало бы что у тебя! Видишь, всё ужъ ходить черезъ нее и въ мой кабинетъ...

— Нѣтъ, не буду бросать ключа; я забыла...

— Пойдемъ же виноградъ новый покупать.

Полковникъ и Оксана вышли на крылечко. Солнце къ обѣду выяснилось. Туманы исчезли, и день сверкалъ чуднымъ послѣднимъ осеннимъ блескомъ.

У воротъ толпился веселый людъ, дворня и батраки. Рядъ заманчивыхъ, туго-нагруженныхъ крымскими плодами двухколесныхъ арбъ стоялъ подъ оградю. Высились двугорбые, длинноногіе верблюды. Татары въ низенькихъ шапочкахъ суетились возлѣ, вынимая на-показъ синіе и зеленые гроздья.

Полковникъ купилъ запасъ винограду, велѣлъ запрячь рѣзвую четверку, сѣлъ съ Оксаной въ фаятончикъ, посадилъ на козлы Шкатулкина и покатылъ въ степь, съ ружьемъ, — не наскочить ли гдѣ-нибудь на дрофъ или на дикихъ гусей, а то и на своихъ въ полѣ посмотреть.

— А вѣдь у меня весело, Шкатулкинъ? — крикнулъ Панчуковскій на козлы.

— Весело, и Боже, какъ весело! Ей-Богу-съ, вы особый изъ господъ! Я люблю-съ такихъ, какъ вы...

— Четверня какво мчитъ, Аксеній?

— Подхватываетъ ажно духъ мреть... ухъ! такъ, ажно будто лежитъ кто, лоскочетъ за сердце...

— Не русскому ли, братецъ, тутъ житье?

— Съ капиталами оно точно...

— Какъ съ капиталами?

— Да у васъ чай, сударь, казны достаточно?

Панчуковскій помолчалъ и носомъ покрутить.

— Есть, братецъ, да и расходы большіе! Все больше въ оборотѣ; дома... рѣдко что есть...

— Ну, и дома-таки вѣрно перепадаетъ! Не можетъ быть, сударь! А вотъ я у нѣмца этого Шульцвейна былъ, такъ антихристъ даже безъ свѣчей по вечерамъ сидитъ; все разсчитываетъ и на это, скаредъ.

— Мирно онъ живетъ съ своею женой?

— Все цѣлуются-съ, старые черти-съ, ажно противно! Я болѣе по лакейскому способенъ, а они меня все по хлѣбопашеству пускали; ну, я у нихъ къ вамъ и отпросился. А

какъ я былъ у Шутовкина купца, такъ тотъ какъ свинья-съ: либо пьянъ, либо деньги считаетъ! А домъ—дворецъ!

— Сударыня, поздній двѣточекъ! — сказали неожиданно Шкатулкинъ, вскакивая дорогой съ козелъ, срывая двѣтокъ въ полъ и поднося его Оксанѣ.

Та засмѣялась, не брала его. Она хоть и покорилась, или, какъ отзывался о ней полковникъ, аклиматизировалась, но при людяхъ еще сильно дичилась.

— Бери! — сказалъ полковникъ. — А ты, Аксентій, за свое? а?

— Я, сударь, ужъ Домаху-съ вашу рѣшился соблазнить! Вамъ молодка, а мнѣ старуха.

Полковникъ смѣялся отъ души.

Весело пробѣжали лошади версть двадцать въ оба конца и на румяной, прохладной вечерней зорькѣ, всѣ въ мылѣ, снова подкатили полковника къ крыльцу.

Темнымъ вечеромъ, послѣ ужина, Панчуковскій отпустилъ дворню спать и рѣшился, однако, посмотрѣть, чтó дѣлаетъ его новый, такой развязный, слуга. Онъ вышелъ на крыльцо. На площадкѣ, на верхнихъ ступенькахъ, лежали его сапоги, сапожные щетки и стояла баночка съ ваксой. У крыльца же, подъ окномъ, уже раздѣтый, въ одной рубахѣ, несмотря на сиверкій вечеръ, стоялъ Шкатулкинъ. Онъ моллился вслухъ на востокъ, вздыхалъ, зѣвалъ, почесывалъ себѣ грудь, руки и спину, поглядывалъ по сторонамъ и усердно клалъ земные поклоны.

«Слуга надежный, коли такой вѣрующій! Это лучший признакъ!—подумалъ полковникъ и пошелъ въ кабинетъ.—Спасибо нѣмцу; хоть этимъ мнѣ пользу настоящую сдѣлалъ».

— Такъ ты, братецъ, набожный человекъ? — спросилъ слугу на утро полковникъ.

— Грѣхи замаливаю. Поклялся покаяться, остепениться. Вонъ, просѣдь въ голову и деть; даль зарокъ, безъ шутокъ, покаяться и трудомъ въ мирные люди перейти...

— Ну, досталъ полковникъ слугу!—говорилъ отецъ Павладій дьячку:—ты видѣлъ? вѣдь это Милорденко у него.

— Видѣлъ.

— Ну, жаль же, что онъ газетъ тогда не читалъ! Да Богъ съ нимъ!..

«Ахъ ты, бѣднякъ-бѣднякъ, Харьков! вотъ обработали! —

разсуждалъ, между тѣмъ, какъ-то на крылечкѣ Милороденко-Шкатулкинъ, наслышавшись вдоволь на мѣстѣ уже въ Новой Диканькѣ, о происшествіи съ Левенчукомъ.— Ей-Богу, и смѣшно, и жалко! Да и задавъ же ты, братецъ, тутъ полковнику копоти, напугалъ его здорово. На добро я тебя привезъ сюда! Гдѣ же ты самъ-то теперь, другъ Хоринька! Вотъ бы повидаться! Наговорились бы, натѣшились, вспоминая былыя времена, какъ я тебя-то отъ омути избавилъ, утопиться тебѣ не далъ и сюда на вольницу привелъ. Только, по-правдѣ, не по-кавалерски здѣшніе кавалеры съ тобою, вижу, поступили: вмѣсто того, чтобъ тебѣ самимъ-то женщинъ вдоволь по старинѣ предоставить, а они у тебя же еще бабу отняли, дѣвочку-невѣсту! Не то прежде тутъ было; свѣтъ не тотъ сталъ! Бокомъ вся земля повернулась! Куда ни глянь, все ужъ здѣсь другое будто стало, а не прежнее, когда тебѣ, бурлачку, все, бывало, предоставляли. Тутъ вонъ ужъ и сѣчь-то насъ, вольныхъ, стали, и разыскивать строже. Въ города же и не поткнися: полицейскій, смердовъ-сынъ, звѣремъ лютымъ сталъ, такъ и рыщетъ, и норовитъ тебя либо въ морду, либо за шиворотъ! Гдѣ же ты, Хоринька, гдѣ, однако? Вотъ я теперь десять пѣлковыхъ въ мѣсяцъ жалованья получаю; вотъ оно! А тогда? Получали меньше, да лучше жить было. Не попасться бы, однако, не узнали бы тутъ у полковника. Да нѣтъ, вся дворня незнающая. И баринъ самъ не выдастъ; а то прямо въ Сибирь... Вонъ, намедни одного бродягу снабдилъ я сѣренькою депозиткою... Что же? погубилъ его! Девятнадцать лѣтъ онъ у Небольцевыхъ табуищикомъ былъ. а попался; повели бѣдняка сперва къ его барину, а оттуда прямо на Ураль пойдеть! Онъ обидѣлся, ушелъ, прощаяся. а теперь черезъ меня и пропалъ»...

Разъ съѣздилъ полковникъ въ городъ, заѣзжалъ тамъ среди разныхъ коммерческихъ дѣлъ, на почту, и воротился передъ вечеромъ сильно не въ духѣ. Онъ ѣздилъ одинъ съ кучеромъ. Прошелъ онъ черезъ лакейскую сурово. Шкатулкинъ надъ чѣмъ-то у стола здѣсь портняжилъ, быстро вскочилъ, принявъ съ барина пальто и вышелъ на крыльцо.

— Что это, Самойло Осипычъ, баринъ нашъ сердитый такой прѣхалъ?—спросилъ онъ, сейчасъ прочитавъ на лицѣ барина невзгоду.

— Изъ почтовой конторы вышелъ такой...

— Письмо, что ли, какое получилъ не по-нутру, или денегъ отъ кого ждать?

— А шутъ его гороховый знаетъ! — отвѣтилъ Самойло, поглядывая съ козелъ въ окна: — откуда ему деньги! вѣрно письмо какое изъ России получилъ.

— А баринъ самъ откуда?

— Сказываютъ, съ Волги, что ли; изъ Моршанска, надо быть... Служилъ въ гвардіи; да, должно статься, отъ долговъ бѣжалъ сюда...

Аксентій дождался сумерекъ, внесъ въ комнаты свѣчи, барину подаль чай, и пока баринъ дѣлалъ приказчикамъ распоряженія на другой день, сходилъ на вышку къ Оксанѣ, поигралъ съ нею и Домахою, по обычаю, въ карты, въ свои козыри, и пошелъ къ барину въ кабинетъ постель стлать. Онъ вошелъ въ кабинетъ со стороны залы. Передъ альковомъ, гдѣ за занавѣсками стояла кровать полковника, онъ увидѣлъ на столикѣ хлыстъ барина, шляпу и распечатанное письмо.

«А! — подумалъ онъ: — ужъ не обо мнѣ ли розыски?»

Подбѣжавъ на цыпочкахъ къ дверямъ въ залу и въ комнату Оксаны, онъ постоялъ, постоялъ, послушалъ и, будто убирая со стола, сталъ, нагнувшись, читать письмо. Прочтя его до конца раза два, онъ положилъ его обратно на столъ и задумался. Смысль письма, очевидно, давно лежавшаго въ конторѣ, черезъ которую полковникъ не переписывался, былъ ему непонятенъ; тѣмъ не менѣе оно его заняло.

«Что это за госпожа Перепелицына изъ Моршанска?» — думалъ Аксентій, склонясь надъ столомъ.

Вотъ что было писано въ этомъ письмѣ:

«Любозный другъ, Владиміръ Алексѣевичъ! Семь лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ вы меня бросили. Я вамъ не мѣшала видѣ: ни въ вашей службѣ, ни въ свѣтѣ, ни въ семейной жизни. Я жила въ заброшенномъ, отдаленномъ городкѣ; вы блистали въ высшемъ кругу. Вамъ понадобилась въ гвардіи лучшая обстановка; вы потребовали мой капиталъ и дали слово, когда устронетесь съ квартирой и съ эскадрономъ, перевезти къ себѣ и ту, которая для васъ пожертвовала всею. Я тогда была больна отъ родовъ. Я вамъ, не кончивъ лѣченія, выслала полную довѣренность. Вы взяли, въѣхето части, весь капиталъ. Вамъ понятно положеніе мое, когда вы прѣехали ко мнѣ, въ зимнюю страш-

ную стужу и объявили, что все мое состояніе вами проиграно въ карты въ петербургскомъ клубѣ... Вы хотѣли стрѣляться; вы были внѣ себя. Я вамъ простила, хоть осталась изъ богатой женщины — нищею. Вы сказали, что думаете начать другую жизнь, хотите бросить службу и заняться частными дѣлами, что теперь это увлекаетъ всѣхъ. Я снова осталась одна, въ томъ же маленькомъ, заброшенномъ, отдаленномъ городкѣ. Я ждала васъ годъ, другой, третій. О васъ пропали всѣ слухи. Вы исчезли въ толпѣ другихъ, бросившихъ тогда столицы для частныхъ спекуляцій въ губерніяхъ. Наконецъ, ваша участь стала меня терзать. Невѣжда, какъ вы меня когда-то называли, грубая провинціалка, дочь уѣзднаго малограмотнаго купца, я томилась въ одиночествѣ, скрывала отъ всѣхъ причину вашего отсутствія. Я боялась разспросами указать на слѣды нашей страшной истины, ждала и ждала. Вы исчезли безъ слѣда. Смерть? Я уже съ нею тогда мирилась. Но вы были живы и забыли о нищетѣ. Семья отъ меня отказалась. Вы знаете, какъ эта грубая, алчная семья терзала меня и прежде за васъ... Желая вамъ угодить, я занялась книгами, музыкой, тайкомъ стала брать уроки. Мои средства скоро совершенно истощились. Затворница съ дѣтства, какъ вы меня знали, послѣ двухъ счастливыхъ годовъ, погибшихъ на-вѣки, я опомнилась, посоветовалась съ двумя-тремя близкими людьми. Мы рѣшили снова, что слухи невѣрны и что васъ нѣтъ на свѣтѣ. Я уже тогда была здорова. И какъ не во-время явилось мое выздоровленіе! Тьма сгустилась надо мною. Я продавала мои вещи. Я стала ѣздить по монастырямъ. Санѣ нашей пошелъ уже девятый годокъ. Я была въ Кіевѣ, Воронежѣ, въ Москвѣ. Одна воровка мнѣ наворожила и сказала: «Онъ живъ, онъ живъ; моли Бога только; онъ къ тебѣ воротится и красоты твоей до вѣку не погубитъ!»

«Володя, другъ мой, живъ ли ты? Что я, безумная! Ты не любишь меня; ты, не любя, изъ расчета сошелся со мною! Ошибаюсь ли я, тобою брошенная, измученная, забытая, презрѣнная? Не помини, Володя, мени лихомъ, невѣжду-дикарку, если ты живъ! Хоть въ нищетѣ живешь, хоть въ нагольномъ тулупѣ ходишь, — воротись ко мнѣ! — Наши морганскіе купцы, родня мнѣ, проѣздомъ съ Дону, о васъ, Владиміръ Алексѣевичъ, отъ одного обиженнаго вами обѣдняка прослышали. Вы ли это, или я, безумная,

ошибаюсь? Но они говорили мнѣ много страннаго, непонятнаго: будто вы въ богатствѣ живете, развратничаете въ томъ краѣ, слывете магнатомъ. Не однофамилецъ ли вы гому, кто мнѣ глаза завязалъ? Объясните мнѣ, пишете. Всему есть границы. Я долѣе не потерплю. Вы были въ гвардіи голышомъ; я вамъ одежду сиравляла, долги ваши платила. Слушайте: если... если я открою истину, если вы окончательно не что иное, какъ ловкій человекъ, какъ плутъ, замыслившій поиграть мною, выжать изъ меня послѣдніе нужные соки и потомъ бросить меня, какъ негодный лимонъ, то я найду на васъ судъ и расправу. Билетъ въ сто пятьдесятъ тысячъ серебромъ, вѣроятно, теперь не проигранъ. Сроку я вамъ даю мѣсяць... Слѣды ваши я открою теперь во что бы то ни стало... Я даже сама тогда явлюсь къ вамъ... Ваша покорнѣйшая слуга Настасья Перепелицына.

«P. S. Такъ я подписываюсь своимъ прежнимъ именемъ. Приобрѣтеннаго послѣ я не уважаю. — Володя, родненькій. Или ты шутишь, не погуби меня... Пощади!»

Въ концѣ письма стояли годъ, число мѣсяца и адресъ писавшей, то-есть: Моршанскъ.

«Кто же эта госпожа Перепелицына? — продолжалъ думать Милороденко, облокотясь на столъ и держа въ рукахъ простыню и подушку съ постели полковника, какъ будто продолжалъ стлать ее. — Вѣрно его полюбовнишка. Да и хватъ же баринъ!.. да и денегъ же должно быть у него вдоволь: десятками тысячъ владѣль! Такъ и есть! вѣрно купеческую дочку соблазнилъ и стянулъ капиталъ полюбовницы; такъ бы и мнѣ съ моей барышней сдѣлать... Дуракъ былъ!..»

Въ комнату съ шумомъ вошелъ Панчуковскій и прямо кинулся къ столу.

— Чтò ты тутъ думаешь, Аксентій? — крикнулъ онъ въ досадѣ.

— Я-съ? Что вы-съ! Я постель стелю-съ

— Постель стелешь?

Полковникъ подозрительно посмогъ кругомъ и накрылъ письмо на столѣ записною рабочею тетрадью.

— Стелъ же, пора, да иди! Меня приказчики разбѣсили...

— Въ секундъ-съ. Я вонъ ходилъ къ барышнѣ; въ карты

съ ними поиграть, — ловко играютъ-сь; обдули насъ съ Домахой; по носу били!

— Постой, однако, — сказать, будто въ раздуми, полковникъ, все еще глядя на столъ, гдѣ лежало письмо.

— Чего изволите-сь?

— Да вонъ мнѣ съ того шкапа изъ журналовъ «Отечественныя Записки»...

Милорѣденко пошелъ къ полкѣ, Панчуковскій на него смотрѣлъ въ волненіи.

— Не то; ты берешь «Библиотеку для Чтенія»; прочитай надпись — видишь? Мнѣ нужно «Отечественныя Записки».

— Никакъ нѣтъ-сь, не могу-сь... не знаю-сь...

— Развѣ ты неграмотный?

— Неграмотный! — простодушно отвѣтилъ Милорѣденко. — Э, сударь! когда бы я былъ грамотный, я бы въ писаря нанялся да и нашей-то красавицѣ книжечки бы читалъ! Меня еще мой баринъ принуждалъ читать. Я, говорилъ онъ тогда, тебя, Аксентій, въ приказчики приготовлю, учись! Что-жъ, тупъ я былъ, такъ и остался... Какъ чурбанъ, бывало, стою и смотрю въ книгу; тамъ *ми* сказано, а я говорю *ва*...

«Ладно!» — подумалъ Панчуковскій и, какъ будто мимоходомъ, быстро спряталъ письмо въ столъ подъ замокъ, а требуемую книгу взялъ самъ.

— Теперь иди, голубчикъ Аксентій, спать: я самъ раздѣнусь. Буду еще читать и счета сводить сегодняшніе...

— Счастливо, сударь, оставаться! Да Богу Господу помолитесь: Онъ всегда покой даетъ. Я вонъ былъ буйнъ и кутила; а теперь молюсь и чувствую покаяніе.

— Ты думаешь? хорошо!

Ночью Милорѣденко снова подкрался съ надворья къ окну барина и сталъ смотрѣть; сквозь просвѣтъ въ занавѣскахъ была видна часть комнаты. Полковникъ сидѣлъ передъ письменнымъ столомъ: на столѣ лежало то же самое письмо. Лицо полковника было пасмурно. Онъ грызъ усы и ногти, закидывался на спинку кресла и два раза хватался за голову. Потомъ Панчуковскій всталъ, досталъ изъ особаго ящика ключи, выбралъ одинъ изъ нихъ и нагнулся со свѣчкой къ боковой, гладкой сторонѣ стола. Милорѣденкѣ не было видно, что онъ тамъ сталъ дѣлать. Вѣрно, открылъ какой-нибудь потайной ящикъ, потому что досталъ оттуда много

бумагъ, сталъ перебирать, вдругъ оглянулся—замеръ-было; будто слышавъ отъ комнаты Оксаны шаги, переждать, вскочилъ, добѣжалъ туда, удостовѣрился, что эти двери заперты, сѣлъ опять и сталъ снова копаться въ бумагахъ...

«Э! вѣрно же все про любовницыны угрозы соображаетъ! А въ томъ-то ящикѣ, должно статья, п его деньги!» — подумалъ соглядатай.

Датѣ Милорѣденко ничего не видѣлъ. Возясь надъ столомъ и зацѣпивъ за занавѣску окна, Панчуковскій невольню уничтожилъ остальной просвѣтъ въ стеклѣ и тѣмъ прекратилъ послѣднюю возможность наблюденій надъ собою. Милорѣденко тихо спустился съ откоса фундамента; держась за водосточную трубу, сталъ осторожно на землю, вошелъ въ сѣни, почистилъ сапоги барина и сталъ опять, по обычаю, у крыльца, усердно велухъ молиться, собираясь спать, вздыхая и почесываясь. Къ его молитвамъ привыкла вскорѣ и вся дворня.

XI.

Отдача долга.

Шутовкинъ передалъ учителю порученіе полковника, и бѣднякъ Михайловъ, прогорѣвшій на неудачной аферѣ со льномъ до тла, взялъ у хозяина все свое заслуженное жалованье, занялъ еще часть у сосѣда подъ часы, сосчиталъ сумму и поѣхалъ, вздыхая, къ отцу Павладію, расплатиться съ весеннимъ долгомъ.

«Проклятые чумаки! подвезли столько льну, что совсѣмъ разорили!»—думалъ студентъ:—не удались мечты!»

Святодуховъ-Куть много измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ въ чудную майскую ночь молодой аферистъ летѣлъ сюда съ радужными надеждами на барышни и въ то же время добровольнымъ соглядатаемъ тайнъ тихаго и уединеннаго уголка.

Теперь онъ съ тоскою вступалъ въ осиротѣвшій, печальный дворъ отца Павладія. Совѣсть грызла его: невольню, не сознавая тогда могущихъ быть послѣдствій, и онъ былъ замѣшанъ въ грустной драмѣ, смявшей счастье этого смиреннаго пріюта.

Дворъ студенту показался какъ-то особенно пространнымъ, а церковь совершенно низенькою, и маковка ея уже будто не такъ сверкала золотомъ, какъ въ ту улетѣвшую, чудную,

привольную и незабвенную ночь. Роща стояла безлистая, обнаженная. Сквозь ея рѣдкія вершины уныло слылъ прудъ. Вѣтеръ посвистывалъ, обрывая съ вѣтокъ послѣдніе листы. Домъ священника былъ старъ; побѣлка на немъ потемнѣла отъ дождей, а мѣстами съ его стѣнъ осыпалась глина.

Подъѣхавъ на этотъ разъ въ телѣжкѣ хозяина, Михайловъ вошелъ въ ворота и у плетня подь сараемъ увидѣлъ священника. Отецъ Павладій съ топоромъ копался надъ колесомъ, остановился и сразу не узналъ гостя.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте... Кто вы?

Священникъ наставилъ къ глазамъ ладонь.

— Вы меня не узнали?

— Извините, не узналъ...

— Михайловъ.

— А! теперь узнать... Что вамъ нужно? Деньги, что ли, привезли?

— Что это? вы сами съ топоромъ работали?

— Да! нечего дѣлать; надо же чѣмъ-нибудь жить намъ, горемыкамъ. Самъ теперь вотъ я и лошадей пою, и свиней кормлю, и дрова рублю, и все починяю! Что дѣлать! Тамъ ужъ наша участь!.. Была прежде и работница, да вашъ Донъ-Жуанъ укралъ, свелъ ее со двора...

Михайловъ молчалъ. Кровь хлынула ему въ голову.

— Я въ этомъ не виноватъ! — сказалъ онъ растерявшись.

— Что же вамъ угодно, однако? — сухо спросилъ священникъ.

— Я вамъ деньги привезъ; благодарю за ссуду...

— Пожалуйте въ комнату; я сейчасъ туда приду за вами. Извините, теперь у меня прислуги нѣтъ, молодой челоуѣкъ. Такъ-то-съ; не прогнѣвайтесь... Ужъ чаю некому подать-съ!

Михайловъ пошелъ, думая:

«Да, по-дѣломъ мнѣ! Дѣло скверное, а началось оно и сдѣлалось почти черезъ меня!»

Онъ печально вошелъ въ комнаты. Тамъ было все по-прежнему. Тотъ же запахъ воска и ладана, та же чистота, тѣ же свѣжія скатерти, пучки травъ у образовъ, журналы и газеты кипами по столу и по стульямъ. Онъ взглянулъ:

многіе были не разрѣзаны, а другіе даже въ пакетахъ, не распечатанные. Вошелъ отецъ Павладій.

Снявъ шляпу, онъ остановился у порога. Тотъ же подрясликъ, тотъ же гарусный старенькій поясъ на немъ; та же красноватая мясистая лысина и утлая косичка, перевязанная полинялою ленточкой. Но маленькіе, красные, вспухшіе глазки были будто еще меньше и печальнѣе, борода замѣтно побѣлѣла и лицо осунулось. Онъ размахивалъ своєю пуховою шляпой, собирався все что-то сказать рѣзкое и суровое и не говорилъ.

— Ну-съ, молодой человекъ, ну-съ, такъ-то-съ; да спасибо вамъ, одолжили! Очень, очень вамъ благодаренъ! Просто изодолжили, — профессоровъ вашихъ надо благодарить...

Студентъ сидѣлъ, не поднимая глазъ.

— О чемъ вы это говорите, отецъ Павладій? Развѣ я...

— Я говорю о вашемъ другѣ, о г. Панчуковскомъ. Спасибо вамъ и ему за вниманіе. Берега нашей Мертвой ознаменовались такимъ романомъ, который бы прямо на бумагу, да и въ журналы! И чего вы медлите его опубликовать?

Да вы ошибаетесь, отецъ Павладій, вы смѣшиваете меня съ полковникомъ... Что же общаго у меня съ нимъ? Студенту было совѣстно; онъ понималъ, что кривить душою: онъ тогда угадывалъ затѣи полковника.

— Что намъ, современнымъ людямъ, — продолжалъ священникъ, не отходя отъ порога, продолжая нелѣпо размахивать шляпою и не слушая Михайлова: — что намъ бѣдные люди, всякіе голыши ~~селянскіе~~.. Ограбить ихъ, осмѣять, отнять у нихъ послѣднія утѣшенія и радости! Вотъ что. Да-съ. Мало вамъ, господа, гребчихъ да городскихъ продажныхъ красавицъ! Вы на наши тихія захолустья взѣлись! И тутъ васъ недоставало! Подло-съ, да, подло! Извините.

— Да послушайте, что вы! Развѣ это ко мнѣ относится?

Священникъ съ досадою бросилъ шляпу на кушетку и сѣлъ на стулъ. Потомъ онъ опять вскочилъ и схватилъ со стола какую-то книжку.

— Ну, читайте, читайте! Что тутъ пишутъ, а? Порочать зло, проклинаютъ ложь, насилія и неправду! А вы что сдѣлали? Куда же ваши повѣсти послѣ этого годятся, ваши комедіи и драмы, когда вы, ученый человекъ, съ воромъ съякшались, — съ воромъ, который по ночамъ гарцуетъ, въ

чужіе дома врывается и все безнаказанно творить, благо для этого есть у него деньги, связи и положеніе въ свѣтѣ? Я же вездѣ искалъ и вездѣ получилъ отказы на него! Для меня въ этомъ дѣлѣ все погубло, — все! Онъ смѣло и явно купилъ все свое дѣло, всѣ свои новыя утѣхи...

Священникъ замолчалъ. Грудь его тяжело дышала, руки тряслись, лицо побагровѣло.

— Позвольте васъ спросить, наконецъ, г. Михайловъ. Отвѣчайте мнѣ: для чего вы захотѣли спекулировать? Вамъ деньги были нужны?

— Да-съ, я вамъ тогда говорилъ зачѣмъ, — отвѣтилъ студентъ, теряясь болѣе и болѣе.

— Но вы обезпечены чѣмъ-нибудь? Уроки имѣете? Зачѣмъ же и вы захотѣли еще болѣе доходовъ? Отвѣчайте! Потребность времени, роскошь? Зачѣмъ вамъ были нужны эти новыя барышни, за которыми вы погнались, занявъ у меня деньги?

— У меня мать-старуха въ Одессѣ, дочь убитаго поручика и жена бездомнаго капитана, моего покойнаго отца. Ей ѣсть нечего на старости.

— А! у васъ нищія мать! Вы для нея! Такъ зачѣмъ же вы не медленнымъ трудомъ захотѣли улучшить свое денежное положеніе, а кинулись на быстрые барышни? То-то и дѣло! Гдѣ нечестныя скорые доходы, тамъ и товарищи-подлецы подъ руку попадаютъ. Такъ-то-съ... Ужъ вы извините меня. Пожалуйте деньги-съ... Я свое сказала. Хоть вы и не совсѣмъ виноваты, а хвостъ, батюшка, замарали... Не говорите: вы знали его умыслы...

Священникъ судорожно сосчиталъ поданныя деньги, сходилъ въ спальню, вынесъ оттуда росписку студента и рѣзко подаль ему.

— Слушайте, г. Михайловъ! Вы еще молоды; много надеждъ у васъ впереди; а я уже мертвый человѣкъ: одною ногой стою въ темной могилѣ, и другую тоже заносу туда. Кончайте получше курсъ вашихъ наукъ, да не кидайтесь на болѣзнь нашей Новороссіи, на ея торговую горячку. Не мало огромныхъ средствъ и дарованій она унесла къ гибели; артистовъ сдѣлала взяточниками, публицистовъ-съ нѣкоторыхъ — ворами; оскотинить она, погубить и васъ. Осмотритесь, приглядитесь къ жизни: жизнь не терпитъ скачковъ! Вотъ, хоть бы у меня—мой садикъ и роца. Они

теперь хороши. А вѣдь я тридцать лѣтъ сидѣлъ и тридцать лѣтъ трудился надъ ними! Читайте, учитесь, работайте... Извините меня, старика. Вы что болѣе всего любите? Ну, скажите мнѣ, что?

— Естественную исторію, музыку-съ... Особенно музыку...

— Ну, изъ естественныхъ наукъ займитесь хоть ботаникой, степныя травы собирайте, сушите; вѣдь имя составить себѣ можете однимъ здѣшнимъ травникомъ. Да Гумбольдта-съ, Гумбольдта читайте, а не на манеръ бердичевскихъ факторовъ маклакуйте! Или хоть нашими украинскими пѣснями займитесь. Эхъ, что за прелесть эти пѣсни! Когда я былъ еще въ Черниговѣ въ бурсѣ, я много ими занимался и пѣлъ ихъ пронасть со скуки, гуляя въ семинарскомъ саду да зубря мертвыя латинскія вокабулы. Жена же моя покойница ихъ отменно пѣла... Такъ-то-съ! Украинскія народныя пѣсни создадутъ еще современемъ своихъ Моцартовъ-съ...

Михайловъ просидѣлъ у священника до вечера. Много переговорилъ онъ съ нимъ, а еще болѣе переслушалъ.

«Ка, дѣльный человекъ! — подумалъ онъ о немъ: — и въ казю глупъ закинутъ!»

Днястился онъ съ отцомъ Павладіемъ, растроганный до глубины души. Онъ клялся заняться науками, бросить аферы.

— Прощайте, г. Михайловъ! Желаю вамъ счастливаго пути въ вашу Одессу, да не возвращайтесь болѣе сюда!

— Какъ можно! Я еще хочу взглянуть на вашъ очаровательный Святодуховъ-Куть, на ваши ключевыя воды, на вашъ садъ и прудъ!

— Пронадать имъ, видно, какъ и всему тутъ! Вы, я чай, слышали, какая участь постигла моего бѣднаго помощника, дьячка Фендрихова?

— Нѣтъ, не слыхалъ... Что такое? Боже! вы меня пугаете. Я его помню, видѣлъ его у Щелковой...

— Онъ послѣ Покрова, нынѣшнюю осень, ослѣпъ...

— Ахъ, бѣднякъ! Гдѣ же онъ теперь? Вотъ бѣднякъ, право!

— Да тутъ еще у меня на кухнѣ живетъ; изрѣдка въ церковь на клиросъ ходитъ, — только совсѣмъ ослѣпъ, какъ есть. Должно-быть, вѣтромъ на него какимъ пахнуло, или роса такая пала. Въ двѣ недѣли и ослѣпъ... Или, скорѣе,

просто такая ужъ вѣрно ему судьба была на роду написана.

— Такъ вы теперь одни?

— Нѣтъ, его жена мнѣ помогасть, но у нея свое дитя есть; а я выписалъ, жду вотъ племянника къ себѣ въ причтъ; этого паренька, видите ли, выгнали изъ нашей семинаріи тоже за разныя разности; ну, я его къ себѣ и сманиваю. Не скучно хоть будетъ... Парень даровитый, вотъ какъ и вы, науку прошель; только боюсь, не испортился бы тутъ...

Михайловъ сталъ сходить съ крыльца.

— А про мою воспитанницу что-нибудь слышали?—спросить съ усмѣшкой священникъ. — Вѣдь вы когда-то ее у меня, помните, видѣли, и она васъ тоже тогда, кажется, заняла?

— Нѣтъ, не слышалъ. А вы не знаете, что съ нею теперь?

— Какъ же, какъ же, теперь ужъ я все знаю: у Панчуковскаго она поселилась окончательно; да то диво, что, говорятъ, ему отдалась совершенно и даже... стыжусь вамъ сказать... таково ужъ наше время... и помяните мое слово, Панчуковскій поплатится, и поплатится сильно... А она?!

— Что же? говорите!

— Говорятъ... ужъ и беременна отъ него... не прячется и открыто стала съ нимъ ѣздить. Въ мой уголъ тридцать лѣтъ никакая людская напасть не проникала, я какъ въ гнѣздѣ ласточки жилъ. А теперь что случилось!..

Михайловъ пожалъ плечами, вздохнулъ, простился со священникомъ и уѣхалъ. Шутовкина онъ не засталъ дома. Хозяинъ его былъ гдѣ-то по коммерческому дѣлу. Было поздно вечеромъ.

Ученики Михайлова уже спали. Онъ сѣлъ къ роялю, склонилъ къ его клавишамъ грустное лицо и свои бѣлокурые, пышные кудри, сталъ-было играть и невольно заплакалъ... Потомъ онъ снова началъ играть и игралъ съ увлеченіемъ до утренней зари.

«Я буду артистомъ!» — подумалъ онъ, забываясь радужными грезами.

Солнце взошло.

У рояля, на кушеткѣ, навзничъ лежалъ и крѣпко спалъ

Михайловъ. Что ему снилось? Музыка, естественная исторія или новые сообразны спекуляціями?

Богъ-вѣсть...

Въ домѣ у сосѣдей Панчуковскаго, братьевъ Небольцевыхъ, на Екатерининъ день, день именинъ ихъ старушки-матери, былъ праздникъ и большой сѣздъ гостей. Въ числѣ другихъ, разнообразныхъ и разноплеменныхъ лицъ околотка, былъ здѣсь и полковникъ.

Въ осеннемъ темнозеленомъ пальто, съ орденскою ленточкой въ петлицѣ, попрежнему раздушенный и распомаженный, Панчуковскій, однако, былъ, новидимому, какъ-будто не въ духѣ. Столпившись въ курительномъ кабинетѣ, вдали отъ дѣвицъ и дамъ, гости-мужчины по-былому толковали о минувшемъ лѣтѣ, о близости закрытія приморскихъ портовъ, о цѣнахъ хлѣба, каменнаго угля, о видахъ на весеннія продажи сельскихъ сборовъ и о мѣстныхъ скандалахъ всякаго рода. Сиди на мягкомъ диванчикѣ и сверкая перстнями, запонками и щегольскими розовыми ногтями, Панчуковскій, по обычаю, вскорѣ оживился и завладѣлъ общимъ разговоромъ.

— Такъ вы думаете, что мы можемъ ожидать, съ близкою реформой крестьянскаго быта, переселенія народовъ къ намъ съ сѣвера, скорой колонизаціи здѣшнихъ земель? Шалишь! Нѣтъ, господа, этого не будетъ! Будь я подлець, если не такъ!

— Отчего же? Вы все намеками говорите, полковникъ...

— Отчего? вотъ забавно!

— Да-съ, непонятно что-то...

— Оттого, что въ нашъ вѣкъ странствія новыхъ гунновъ и алановъ невозможны. Да-съ. новые Атиллы у насъ— это англійскія-съ паровыя машины, ливерпульскіе да клейтоновскіе локомобили, молотилки-съ и всякіе черти! Вотъ нашествія чего мы должны ожидать и отъ чего должны откупаться, какъ старинные города и села откупались отъ дикихъ варваровъ! Трудъ поселянъ, дешевенькій крѣпостной трудъ, — онъ только намъ и давалъ доходъ, повторяю, при крѣпостномъ состояніи; а теперь — все вздорожаетъ, и земледѣлю отнынѣ шабашъ!

— Позвольте, позвольте: почему вы такъ думаете, что къ намъ не двинутся переселенцы изъ великорусскихъ

губерній?—спросилъ Митя Небольцевъ, старшій изъ братьевъ-хозяевъ.

Панчуковскій громко и рѣзко захохоталъ:

— Ахъ вы, простота-простота, душечка! Ну, бросить ли нашъ тулякъ, владимірецъ или псковичъ, свою дымную лачужку, бѣдную шиву и родичей, чтобы явиться къ намъ въ гости? Да онъ скорѣе пойдетъ въ Москву на фабрики или на барки на Волгу на заработки, чѣмъ рѣшится къ намъ переселиться. Черезъ сто лѣтъ, такъ, не спору; а теперь—оставьте, господа, надежды. Не вѣрьте вы нашимъ чухонскимъ Штейнамъ и новоиспекаемымъ Кавурамъ съ Невскаго проспекта! Вѣдь въ Питерѣ, куда вѣтеръ подуесть, туда и всѣ пѣсни летятъ! Былъ у меня тамъ одинъ пріятель-чиновникъ; вѣрите ли, если бы вотъ вашъ, Адамъ Адамычъ, пудель ему сказать, что въ модѣ, положимъ, голубыя шляпы, онъ бы въ департаментъ тотчасъ голубую шляпу надѣлъ...

Слушатели разсмѣялись.

— Какъ, какъ, Владиміръ Алексѣевичъ? Пудель? Голубыя шляпы?..

— Право! На этого же самаго чиновника на дачѣ воры какъ-то напали; что бы вы думали? Онъ залѣзъ подъ кровать и сталъ оттуда впотьмахъ лаять собакою. Это собачье искусство только его и спасло: дачу ограбили, а его оставили въ живыхъ.

Лакей внесъ водку передъ завтракомъ. Хозяева суетились. Слушатели, въ восхищеніи отъ острогъ Панчуковскаго, похаживали, шушукались. А онъ ораторствовалъ, не переставая.

— Что мнѣ, господа! Я не отъ личныхъ огорченій говорю. Я счастливъ, богатъ, свободенъ какъ вѣтеръ, хоть и эгоистъ, господа, и считаю въ душѣ это чувство лучшею рекомендацію человѣка.

— Не всегда, полковникъ! — возразилъ опять Митя Небольцевъ, желавшій хоть чѣмъ-нибудь оспаривать бойкаго мѣстнаго краснбая и идола:—и у васъ бываютъ невзгоды! вы вотъ перебили у Шульцвейна степь, а саранча на ней всѣ травы съѣла!

— Зато у меня съ прошлогодней пшеницы и со льна теперь однимъ золотомъ семьдесятъ тысячъ цѣлковыхъ въ кассѣ лежитъ, не считая депозитокъ...

Полковникъ повелъ глазами. Передъ его носомъ въ это время стоялъ его новый камердинеръ, Аксентій Шкатулкинъ, и вѣжливо ждалъ минуты ему что-то сказать.

— Прикажете лошадей отпрячь?—спросилъ онъ тихо барина, когда тотъ замолчалъ.

— Нѣтъ, я сейчасъ послѣ пирога уѣду! — отвѣтилъ громко полковникъ и прибавилъ шопотомъ: — не дѣзь, когда тебя не спрашиваютъ. Жди,—послѣ пирога велю запрягать...

— Куда вы, куда?—заговорили хозяева и гости разомъ.

— Надо домой; есть дѣла!

— Оставайтесь, ради Бога, оставайтесь. Въ кон-то вѣки васъ дожدهмся!..

Полковника упростили, и онъ остался.

Онъ продолжалъ:

— Слѣдовательно, я состою въ кругу недовольныхъ по убѣжденьямъ, а не изъ личностей. Я за себя молчу. А прислушайтесь вы къ толкамъ въ степеняхъ, на проселкахъ и широкихъ столбовыхъ дорогахъ, въ шинкахъ и на возахъ съ спонами, у переправъ, мостовъ и по взморью. О чемъ толкуетъ народъ здѣсь и вездѣ?

Слушатели тревожно молчали, утопая въ табачномъ дыму. Полковникъ всталъ и дико оглянулся по комнатѣ, закидывая за уши волоса.

— Народъ готовить намъ шутки-съ, господа! Да, да, да! Зовите меня алармистомъ, иллюминатомъ... Я народъ пашъ знаю, я вращался и вращаюсь въ немъ! Онъ готовить намъ такія шутки-съ, что намъ не расхлебать!.. Одинъ косарь косилъ у меня этимъ лѣтомъ. Я любилъ съ нимъ говорить. Разъ онъ меня на-дняхъ спрашиваетъ: «видно вы, баринъ, проглотили чорта съ хвостомъ, что такъ разумны; скажите мнѣ, правда ли, что намъ волю хотятъ дать?»—Я говорю: «правда, мой миленькій; только имѣйте, говорю, терпѣніе, ждите».—«Да, оно такъ,—отвѣчаетъ онъ мнѣ:—только пошли у насъ слухи по ярмаркамъ, по церквамъ, по шинкамъ, по дорогамъ тутъ и по распутьямъ, что не одну волю намъ дадутъ, а также и всю землю вашу навѣки».—Вотъ и подите-сы!.. затѣваютъ кашу... А я народъ знаю и меня народъ любить; я популярнѣе всѣхъ васъ,—а что они со мною было-сдѣлали! а?

Панчуковскій замолчалъ. Въ кабинетѣ кто-то вздыхалъ,

точно будто кто плакалъ. Онъ оглянулся: помѣщика Щелкова, отъ простуды бывшая съ завязанною шеей, тихо подошла изъ залы и держала платокъ у глазъ. Она закашлялась и ухватила полковника за поѣ.

— Месьё Панчуковскій, скажите, Бога-ради, скажите наконецъ, чего намъ еще ждать, чтобы я могла, имѣла силы во-время все сдѣлать, приготовиться? Я женщина глупая, слабая, все меня пугаетъ, все...

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь!—раздался голосъ изъ залы.

— Господа, молебень!—объявили братья-хозяева:—наше духовенство опоздало немножко! Да разстоянія виноваты; нашъ приходъ въ Андросовкѣ, за тридцать верстъ... Пожалуйте. Обычай дѣдовскіе мы соблюдаемъ.

— А мы съ вами, Авдотья Петровна, послѣ потолкуемъ!—сказалъ Панчуковскій:—видите, молитесь зовутъ; а вѣдь я ретроградъ и плантаторъ, какъ меня здѣсь обзываютъ: нельзя, система требуетъ.

Гости вышли въ залу. Тутъ уже блескомъ сияла толпа раздушенныхъ дамъ и барышень. Легкія и воздушныя очаровательныя платья ихъ напоминали близость приморскихъ городовъ и возможность самыхъ тѣсныхъ сношеній съ чужими краями. Свѣжія итальянскія шляпки, турецкія шали, ліонскіе: шелкъ и бархатъ; марсельскіе и греческіе духи были въ носъ каждому. Черныя брови, смуглыя личики, легкіе станы, живыя движенія... «Вотъ она, наша-то Новороссія!—пешталъ за молебномъ Панчуковскій, поталкивая Митю Небольцева:—отрадно отдохнуть отъ работъ и наживы, глядя на нашихъ красавицъ!»—Щегольской камердинеръ полковника, въ зеленомъ ливрейномъ фракѣ, съ бронзовыми пуговицами и при цѣпочкѣ, также былъ тутъ, выйдя изъ лакейской, стоя у дверей и молясь Богу. Молодой красивый священникъ, изъ херсонскихъ грековъ, читалъ въ носъ и гнусилъ параслѣвъ, такъ и пронизывая всѣхъ зоркими глазами изъ-подъ черныхъ широкихъ и густыхъ бровей. На немъ была ярко-лазорева я ряса въ какихъ-то серебряныхъ звѣздахъ и блесткахъ; на груди наперсный крестъ, а поясъ и нарукавники—вышитые гарусомъ и стеклярусомъ!

Студентъ Михайловъ, стоя тутъ же съ своими птенцами, невольно вспомнилъ отца Павлація и его уединенную, бѣд-

ную и старенькую обстановку. Впереди всѣхъ стояла, вся въ бѣломъ, именинница, семидесятилѣтняя мать хозяевъ, первая переселенка изъ помѣщичь сюда, на Мертвую.

Послѣ молебна стали закусывать. Гости опять столпились въ кабинетъ, какъ ни старались Митя, а потомъ и Сея Небольцевъ обратить ихъ въ гостиную къ дамамъ. Полковникъ, куря сигару, постарался опять начать разглагольствовать, стоя передъ Щелковой.

— Вы толкуете, Авдотья Петровна, что съ Дону, изъ казаковъ, если и ихъ коснется реформа, къ намъ двинутся руки. Пустое-съ! Извините. Знаю я этотъ почтенный и воинственный народъ...

— Что, что?—подхватилъ Митя Небольцевъ:—я казаковъ люблю, народъ лихой; тамъ я былъ влюбленъ, господа, недавно, и не позволю ихъ бранить—извините...

— Отстальные люди, несовременная татарщина, господа, эти ваши казаки! Что за военныя арматуры въ нашъ мирный вѣкъ у каждаго изъ нихъ, вмѣсто гражданскихъ наклонностей! Что за учителя при сабляхъ и что за чиновники при шпорахъ!—А встрѣтитесь вы съ ними на пароходахъ, которые уже врываюся въ ихъ Донъ, или въ домахъ гдѣ-нибудь, куда уже являюся наши и заграничныя журналы: сидятъ, молчатъ и хлопаютъ глазами, либо пьютъ... За пуншемъ да за картами только ихъ и услышишь! Да что и слышать: дичь, бесѣды Тамерлановъ!

— Э, камрадъ! повторяю—не нападайте такъ на моихъ лихихъ казаковъ!—перебилъ опять Митя Небольцевъ:—поссоримся! я одинъ за всѣхъ ихъ на дуэль васъ вызову! Вадоръ вы говорите!

— Да ужъ если на то пошло, такъ слушайте! Былъ у меня пріятель тутъ по сосѣдству, исправляющій должность учителя уѣднаго училища, и захотѣлъ онъ нажитья, поѣхалъ къ нимъ, къ казакамъ-то, на Донъ, тамъ библіотеку гдѣ-то публичную открылъ. Послѣднія деньжонки, бѣднякъ, на нее убилъ. Что же бы вы думали? Приходить къ нему подписаться на чтеніе сынъ какого-то ихняго тамъ не то купца, не то горожанина; залогъ оставилъ. Рвеніе къ литературѣ показать; признался, что круглый невѣжда, что учиться хочетъ, и попросилъ ему выбрать что-нибудь для чтенія. Учитель-библіотекарь выбралъ ему Бѣлинскаго, Грановскаго тамъ, что ли. Радуетя, что такое стремленіе у

малаго замѣтилъ. Что же бы вы думали? Черезъ недѣлю приходитъ кучерь отъ батюшки этого малаго и приноситъ обратно книги. «Старикъ», говоритъ, «прислалъ ваши книги обратно; готовъ и залогъ вамъ оставить задаромъ — только не давайте его сыну больше ничего читать: отъ дѣла отбивается!»

Всѣ начали ахать, возражать, увѣрять, что это преувеличенія.

— Что вы, господа, этому не вѣрите? — возразила невинно, не разслушавъ дѣла, Авдотья Петровна Щелкова, желая поддержать полковника:—я сама отъ дѣтства ни одной книги до конца не прочитала; все некогда... книги вредъ, да и не для нашего брата стенняка онѣ писаны! Не даромъ я бросила Рязань и сюда закабалилась!

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! — заключилъ полковникъ:—если справедливы слухи о близкой, наконецъ, реформѣ крестьянской, ваши села заустѣютъ, хлѣбонашество упадетъ! Мы разоримся, обнищаемъ всѣ. Если бы, господа, я былъ американецъ и жилъ съ вами не въ Россіи, а, положимъ, въ Виргиніи или въ штатѣ Мерилэндъ,—я, въ случаѣ войны за невольничество, сталъ бы открыто на сторону закабаленія негровъ...

— Негровъ? вотъ мило!—сказали нѣкоторыя дамы, подъ общее увлеченіе входя также въ кабинетъ и протѣсняясь къ полковнику:—это что-то изъ «Хижины дяди Тома»...

— Пустозвоны ваши литераторы!—крикнулъ, наконецъ, съ запальчивостью Панчуковскій:—ну, чего они не напикали въ этотъ сборникъ всякаго вздора! Что за святость страданій у этихъ скотовъ! Что за поэзія побѣговъ и воспѣваніе освобожденія отъ труда! Вѣдь рабство это—трудъ, а трудъ—кусочекъ хлѣба, а хлѣбъ—честь, нравственность! Ужъ не вздумаютъ ли идеализировать и нашихъ бѣглыхъ, безпаспортныхъ бродягъ, мѣсяца полтора назадъ заставившихъ меня, изъ-за расчета съ негодяями-косарями, выдержать правильную осаду?..

— Ахъ, мосьё Панчуковскій!—лукаво разѣхались дамы и дѣвицы, знавшія между тѣмъ настоящую причину соблазнительнаго скандала, посѣтившаго полковника:—расскажите, какъ это съ вами было? Мы не знаемъ... Чего добились у васъ эти мятежники? Мы тогда перенугались, мужья ружья готовили...

Панчуковскій вздохнулъ и смиренно опустилъ глаза.

— Сожгли у меня все-съ, набуянили, стекла въ домѣ перебили, шинокъ у откупщика насильно роспили!

— Вы же на нихъ искали?

— Искать. Но развѣ вы не знаете нашихъ судовъ? Кое-кого поймали; но это все оказались неприкосновенные къ дѣлу! ихъ выпустили, а главныхъ, то-есть главнаго зачинщика не нашли...

— Кто же этотъ главный? — спросила, съ смиреніемъ Гуды, Авдотья Петровна, натершая порядкомъ языкъ, тараторя всѣмъ объ исторіи Левенчука и Оксаны.

— Бѣглый пастухъ какой-то помѣщицы, взбунтовавшій три артели моихъ косарей требованіемъ надбавки заработной платы при расчетѣ, сверхъ условія... Тоже извѣстное дѣло...

— Гдѣ же онъ теперь?

— Говорятъ, убѣжалъ въ донскіе плавни и камыши, извѣстный всѣмъ притонъ нашихъ разорителей.

— И его товарища, месьѣ, разыскиваютъ—Милороденка или Александра Дамскаго по прозванію,—замѣтила, кашляя, Щелкова:—тотъ такъ уже прямо ассигнаціи сталъ дѣлать, и съ нимъ, говорятъ, вездѣ былъ заодно. Я брала у отца Павладія газеты и о немъ читала... Моя Нешка,—*ma servante, messieurs*,—тоже съ этимъ Милороденкомъ подружилась-было, когда онъ еще у Путовкиныхъ годъ назадъ шился. Этотъ еще опаснѣе. Смѣлъ, говорятъ, до невѣроятности. Миѣ его описывали. На взморьѣ онъ въ прошломъ году съ двумя лодками турецкую кочерму ограбилъ... Я хоть его и не видѣла, а кажется сразу бы узнала...

— Да,—возразилъ насмѣшливо Панчуковскій:—и Трескуровъ у Пушкина хвасталъ, что узналъ бы разбойника Дубровскаго сразу, а Дубровскій у него три мѣсяца учителемъ прожилъ... Вы читали Дубровскаго?

— Я ничего не читала и въ Рязани, а здѣсь и подавно некогда!

Слуги въ это время убирали закуску въ залѣ и все слышали. Слуга полковника неожиданно скрылся и за обѣдомъ вышелъ съ подвязаннымъ глазомъ.

— Что это у тебя, Аксентій? — спросилъ его разсѣянно Панчуковскій за обѣдомъ.

— За дѣвочкою тутъ, сударь, погнался за дворомъ у са-

райчика, а она меня и съѣздила кулакомъ въ глазъ!—шеш-нуль Шкатулкинъ ему на ухо.

Полковникъ въ это время ѣлъ индѣйку, съ жирнымъ фаршемъ, любимое свое блюдо. Онъ громко разсмѣялся, повеселѣлъ, и всѣ съ нимъ повеселѣли.

— А сдастся?—спросилъ также шопотомъ слугу полковникъ послѣ обѣда:—сдастся твоя героння?

— Сдастся! У старой барыни ихъ здѣсь цѣлый гаремъ-съ: останьтесь, сударь; попозднѣе можно поохотиться. Я взялъ бубень съ собою и заманю ихъ всѣхъ къ кучеру Конону въ хату...

— Посмотримъ! Надо осторожниже...

Послѣ обѣда, во время десерта, пріѣхалъ Мосей Ильичъ Шутовкинъ. Сластолюбивый забудыга-купчикъ былъ на этотъ разъ прифранченъ, въ тонкомъ сюртучкѣ и чистомъ голландскомъ бѣльѣ. Это было послѣ того, какъ Панчуковский выходилъ съ дамами во дворъ и плясалъ съ дворовыми дѣвушками трепака. Это была его специальность на всѣхъ дружескихъ сѣздахъ.

— Что вы на пирогъ къ намъ не пріѣхали?—спросилъ Шутовкина Митя Небольцевъ:—мы васъ ждали! Вѣрно опять шуры-муры гдѣ-нибудь затѣяли? Благо дѣтей къ намъ впередъ послали...

— Ванну моей царицѣ Пентефрин дѣлалъ-съ, такъ и провозился съ ея туалетомъ; къ роднымъ ее отпустилъ!

Молодежь, бывшая уже снова въ домѣ, прыснула со смѣху. Пошли передавать другъ другу отвѣтъ Мосей Ильича.

Шутовкинъ сталъ, между тѣмъ, искать глазами Панчуковского, увидѣлъ его въ кругу дамъ, по обыкновенію въ положеніи оратора, и поманилъ его пальцемъ.

— Подъ сюда, полковникъ, подъ сюда!—сказалъ онъ ему, оглядываясь.

Панчуковский подошелъ. Шутовкинъ отвелъ его въ сторону и не отпуская его руки. Собственная жирная и теплая рука Мосей Ильича дрожала.

— Владиміръ Алексѣичъ, принимай мѣры!—началъ онъ степенно и безъ шутокъ, упершись въ него сѣрыми и добрыми, будто испуганными глазками.

— Чтò такое?

Душа у полковника замерла, чуя что-то недоброе.

Шутовкинъ оглянулся кругомъ и продолжалъ говорить шопотомъ.

— Ты отъ меня скрываешь, а бьсь тебя и попутать! Я вчера изъ города прибылъ; маклачили тамъ кое-съ-чѣмъ, съ чиновниками видался. Ходить, душечка, тамъ слухъ, что... одна помѣщица какая-то... Перепелицына, что ли, прѣехала и тебя насчетъ какихъ-то денегъ разыскиваетъ...

Панчуковскій вздрогнулъ и позеленѣлъ.

— Ну?..

— Она тебя разыскиваетъ, справки собираетъ о твоихъ дѣлахъ. Ты ее въ любовницахъ держать, что ли, или вѣнчанъ съ нею? говори!

Панчуковскій молчалъ, не поднимая глазъ. Эта вѣсть видимо его окончательно сразила.

— Капиталы ты у нея взялъ, что ли, деньги увезъ какія? Много?.. Да говори же! Я тебя, Володя, спрашиваю, или ты и отъ меня скрываться? А брудершафтъ зачѣмъ мы нили съ тобой намедни?

Панчуковскій опомнился.

— Все это вздоръ; это сумасшедшая баба, и все тутъ!— сказала она:— я ее не приму! Кто меня заставитъ? Вѣдь такъ? Я отъ нея отрекись. Ну, отрекись окончательно!

Шутовкинъ отвелъ его еще далѣе въ уголь.

— Да она тебѣ законная, что ли, говори? Это главное. Коли что, то мы ее и спустимъ! Вотъ тебѣ рука моя, братъ! Вѣдь я у тебя въ долгу, развѣ ты позабылъ? Безъ тебя бы я тогда ни-ни, ничего бы не сотворилъ. Ужъ отстоимъ, небось; намъ эти бабы дѣла не впервое. Или ты и въ самомъ дѣлѣ у нея капиталы царашнулъ, да сюда въ наше приволье тягу дать? Да и почему она Перепелицына, а ты Панчуковскій, коли вы, можетъ статься, точно повѣнчаны? Какіе тамъ слухи ходятъ?

Панчуковскій оглянулся, закусилъ губу, помолчалъ, прищурилъ глаза къ сторонѣ нарядной толпы. Подавали уже свѣчи. Все кругомъ шумѣло, лепетало. Рояль гремѣлъ. Ставили столы для картъ. Аксентій съ хозяйскимъ слугою курилъ на раскаленныхъ плиткахъ лодславандомъ, прогоняя запахъ недавняго обѣда.

— Молчи, дружище Мосей Ильичъ, до времени, какъ будто бы ты ничего не слыхалъ и не знаешь. Я тебѣ все послѣ расскажу. Будешь молчать? Руку, товарищъ!

— Вотъ она. Ни-ни! Я... о, я никому ни слова!

Шутовкинъ и полковникъ обнялись и крѣпко поцѣловались.

— А крестить будешь у меня, Володя?

— Буду.

— Пстой еще...

— Что?

— Если же это, слушай, точно твоя жена... гм! и придется тебѣ съ ней опять зажить по закону, — дѣвочку-то твою ты мнѣ отпустишь, что ли, а? уступишь?

— Никогда, никогда этому не бывать!—сказаль полковникъ. — Я, слава тебѣ Господи, еще съ ума не сошелъ, чтобъ мѣнять кукушку на ястреба...

Они объ-руку другъ съ другомъ вмѣшались въ нарядную толпу. Давно гремѣлъ звонкій ролль. Молодежь пустилась въ плясъ; южная страстишка попрыгать брала верхъ. Танцовали тутъ всегда до упаду. Играль Михайловъ.

А полковникъ, снова оживленный и бойкій, стоя въ дамскомъ кругу, въ гостиной, опять сваторствовалъ:

— Наши новороссійскія степи— это, медамы, рай земной! Засухи, саранчу, пыль—все мы можемъ побѣдить и преодолѣть. Людей только намъ дайте, людей, этихъ-то бѣлыхъ негровъ поболѣе. Въ каждомъ мѣстѣ этой степи проройте колодець, ключъ раскопайте, и сухая, какъ уголь черная земля изумитъ васъ плодородіемъ; стада сами къ намъ придутъ. Мы объ Америкѣ вздыхать позабудемъ. Свои Куперы у насъ будутъ...

— А теперь, мосё Панчуковскій? Какъ вы теперь считаете Новороссію нашу?

— Теперь?..

Панчуковскій пронически улыбнулся.

— Да-съ.

— Теперь наши степи напоминаютъ мнѣ украинскую сказку о томъ, какъ обыкновенно передъ бѣдою будто бы въ хаты кто-то бѣлый все съ улицы заглядываетъ, считая по пальцамъ живущихъ тамъ, снйщихъ и работающихъ. Народъ говоритъ, что передъ послѣднею здѣсь чумою, при Екатеринѣ, что ли, на степныхъ курганахъ рано поутру видѣли все двухъ женщинъ; это были двѣ моровья сестры: младшая — жизнь, а старшая — смерть; онѣ дрались и таскали другъ друга за волосы, споря о людской судьбѣ и

готови народу бѣдствія. Такихъ-то сестрицъ и я все будто теперь вижу тутъ съ недавнихъ поръ!—заклчила Панчуковскій, кланяясь.—И вы меня не увѣрите; намъ бѣды съ ожидаемыми реформами не миновать! Прощай веселая, спокойная и счастливая сторона! Все здѣсь вымретъ, переведется и зарастетъ лопухами и чертополохомъ...

— Какія страсти! Какіе ужасы!—шептали дамы, тѣнясь вокругъ него и лорнируя.

— Я ужъ и ружье приказчику купила, а револьверъ у меня всегда теперь подъ подушкой!—заклчила Щелкова:— не увѣрите вы и меня, чтобъ у насъ прошло все мирно. Моя Пенка мнѣ вчера платокъ швырнула со злости.

— Геній, а не человѣкъ! — шептали другія дамы, имѣвнія дочерей:—и какъ жаль, что не женатый.

Панчуковскій оставилъ дамъ, незамѣтно прошелъ сквозь веселую толпу танцующихъ въ залъ, взявъ тайкомъ шляпу, тихо вышелъ на крыльцо, переждалъ, пока запрягли ему лошадей, сѣлъ и полетѣлъ домой на своей крылатой четвернѣ.

— Отчего же это вы, баринъ, не дождались и такъ рано уѣхали?—спросилъ дорогою Милороденко съ козелъ, съ сожалѣніемъ качая головою:—а я ужъ кой-кого подготовилъ...

— Чортъ ихъ подери! Я терпѣть не могу, братецъ, этихъ нашихъ веселостей, особенно же танцевъ... То ли дѣло съ простыми дѣвочками, гдѣ-нибудь подъ вербой—она пышетъ, пляшучи, а ты ее цѣлуешь! Не люблю я барышень!..

— Ничего, сударь, и это; тутъ барышни обнаковенно съ голыми плечиками бывають... Я всегда въ такомъ случаѣ люблю ихъ танцы и постоянно смотрю изъ передней-съ.

Пріѣхавъ домой, Панчуковскій сѣлъ за бумаги; подъ видомъ ревнивыхъ предосторожностей въ отношеніи къ своей любимицѣ, дѣйствительно почувствовавшей признаки интереснаго положенія, онъ велѣлъ опять запираеть ворота и всѣ входы и выходы. Отъ главныхъ же дверей въ домъ ключъ взялъ къ себѣ въ кабинетъ, а на ночь кругомъ заперъ весь домъ собственноручно.

— Мнѣ это, сударь, невыгодно! — замѣтилъ шутливо Аксентій, его раздѣвая.

— Отчего?

— Вы понимаете-съ...

— Ничего; переждешь, братъ. Днемъ наверху; спи въ передней! Теперь ужъ на дворѣ и холодно; да говорятъ

еще, будто какая-то шайка из острога разбѣжалась. Подкованцева подь судь отдають...

— Шайка-сь? Подкованцева? — спросилъ, перепугавшись, Милороденко.

— Да.

— Ну, такъ и точно, лучше побережемся! Бѣднякъ, бѣднякъ! Жаль этого-сь исправника. А вы за мною — спокойно спите... я вѣдь покаяться, я нынче монахъ-сь. Любите меня, а я ужь по-христіански обойдусь съ вами...

Осень кончилась. Пролетѣли громадныя воздушныя арміи перелетныхъ птицъ. Настала гнилая, безснѣжная приморская зима, длинныя ночи, короткіе холодные деньки, съ зеленѣющими полями, стадами овецъ въ степи, быстрыми и краткими налетными метелями и изрѣдка хмурымъ, сердитымъ небомъ. Снѣгъ падаетъ и тотчасъ почти таетъ, либо замететь степь, дороги. Все замерзло; вотъ сталъ зимній русскій путь. Завтра дождь, послѣзавтра адская грязь. Арбы вязнуть, верблюды и волы тонуть по брюхо. Одна ѣзда верхомъ становится возможною. И опять холодъ, опять тепло. Два дня погрѣло солнышко — и ужь летять снова дикіе гуси, журавли; ансты ходять по пустырямъ, пеликаны по озерамъ и лиманамъ. Въ деревняхъ барыни на крылечки выставляютъ цвѣты на воздухъ. Овцы опять движутся на подножный кормъ въ поле. А февраль еще на дворѣ. У побережья въ синихъ волнахъ снуютъ лодки, корабли показываются. Невода опять тянутъ. Костры горять. Торговля зашевелилась. Конторскіе маклера рыщутъ по городамъ. Но небо опять нахмурилось, налетѣли съ сѣвера гучи, и Новороссія, южно-русская Италія, опять становится мертвою, суровою Скиеіей.

Слухи о мадамъ Перенелицыной прошли-было и замолкли. Панчуковскій совѣстился ѣхать въ городъ и лично хлопотать. Онъ рѣшился показать видъ, что спокоенъ, а потомъ и въ самомъ дѣлѣ успокоился. Михайловъ уѣхалъ въ Одессу.

ХІІ.

Похожденія Милороденка.

— Твой соперникъ, твой Левенчукъ, наконецъ, пойманъ! — такою пріятною и неожиданною вѣстью порадовалъ Панчу-

вовскаго пріятель-исправникъ Подкованцевъ:—онъ поймаютъ къ партии неводчиковъ, близь Маріуполя, и доставленъ по мѣсту преступленій ко мнѣ въ уѣздъ. Теперь отъ васъ, отъ тебя, другъ Владиміръ Алексѣевичъ, зависитъ помочь и мнѣ: меня, братъ, упекаютъ подъ судъ за покровительство нашимъ бродягамъ. Такъ ты мнѣ своими связями помоги; а я, пока состою при мѣстѣ, запроторю твоего соперника туда, куда и Макаръ телятъ не гонялъ. Пріѣзжай, по-толкуемъ.

«И же его упеку! — свирѣпо подумалъ полковникъ:—все равно теперь, нечего дѣлать, поѣду!»

Панчуковскій слеталъ къ Подкованцеву, условился, какъ и куда спустить бродягу Левенчука, а кетати посовѣтовался и о томъ, что предпринять съ происками уже начинавшей ему надѣдать помѣщицы Перепелицыной, появившейся въ сосѣдномъ городѣ. Было положено: Левенчука избавить отъ допросовъ и отъ слѣдствія по дѣлу о взбунтовавшихся ко-саряхъ, а скорѣе послать его, какъ бродягу, къ его помѣщикамъ; если же онъ ихъ не назоветъ, то прямо въ Сибирь, — какъ непомятаго родства, а о госпожѣ Перепелицыной пустить въ окрестностяхъ молву, что на нее падаетъ подозрѣніе въ соучастіи съ продавцами фальшивой монеты, сдѣлать у нея черезъ пріятеля-городничаго обыскъ, напугать ее, а потомъ и предложить ей уѣхать обратно въ Россію.

— Левенчукъ пойманъ! — сказалъ полковникъ Шкатулкину, воротясь домой въ радости отъ условія съ Подкованцевымъ и слыша обрадовать этою вѣстью своего слугу.

— Пойманъ-съ? быть не можетъ! Ай да полиція-съ! — сказалъ Аксентій, сдѣлавшись между тѣмъ бѣлѣе мѣлу: — гдѣ же-съ онъ?

— Ведутъ еще въ цѣпяхъ, по агалу!

— Зачѣмъ же въ цѣпяхъ, ване высокоблагородіе? Это прижимки-съ.

— Какъ! Да вѣдь это онъ былъ тогда главный-то бунтовщикъ съ косарями!

— А! я и забылъ! Куда же его ведутъ, сударь?

— Должно-быть, въ Сибирь пойдетъ.

— Такъ-съ. Жаль парня! Ну, да на то ужъ ваша барская воля! Значитъ, чтобъ не мѣшалъ счастью...

Полковникъ передъ тѣмъ нарочно пострадалъ Шкатул-

кина вѣстью, будто бы гдѣ-то бѣжала шайка воровъ изъ острога, для того, чтобъ тотъ лучше берегъ домъ, по ночамъ запираемый съ обоихъ выходовъ самимъ Панчуковскимъ. Теперь же вдругъ слухъ этотъ на самомъ дѣлѣ сбылся. Антропка ѣздилъ для кухни за говядиной въ городъ и услышалъ тамъ, что дѣйствительно изъ сосѣдняго острога черезъ дымовую трубу бѣжали арестанты.

— Вотъ, видите ли,—сказалъ полковникъ дворнѣ:—чего добраго, еще Левенчукъ, можетъ-быть, убѣжалъ! Пропадемъ мы, право, всѣ, если не будемъ беречься; запирайте же постоянно на ночь всѣ двери въ хатахъ и ворота во дворъ, да собакъ спускайте съ цѣней. Ты же, Домаха, отнынѣ не отходи сверху отъ дверей Оксаны; теперь она стала спать наверху, такъ, чтобъ что-нибудь ее не напугало. Ты знаешь, что теперь ее надо беречь, да беречь; сбереги ее, я тебя отблагодарю; видишь, какая она стала!.. Я думаю, къ Николину дню родить будетъ... Какъ же! Точно къ Николину...

Итакъ, полковникъ спалъ снова одинъ въ кабинетѣ. Дверь черезъ шкафъ въ сосѣдную комнату, отведенную—было Оксанѣ, онъ постоянно запиралъ. Куча непрочитанныхъ за лѣто книгъ и журналовъ лежала теперь на столѣ въ кабинетѣ, возлѣ кровати Панчуковского, и онъ, задерживаясь пологомъ и предварительно взявъ къ себѣ ключи отъ дома, ежедневно, ложась спать, читалъ до глубокой ночи. Тутъ постоянно ронялись въ его головѣ всѣ главныя предположенія и дерзкія, небывалыя мысли о новыхъ спекуляціяхъ. Иногда онъ вставалъ, подходилъ по мягкому ковру къ столу, садился писать, незримый болѣе съ надворья, вслѣдствіе недавно къ зимѣ устроенныхъ плотныхъ внутреннихъ ставней, и нерѣдко заря заставляла его утромъ еще въ креслѣ въ тепломъ куньемъ халатѣ, за выкладками, соображеніями и письмами. Его переписка была болѣе коммерческая, дѣловая.

На гумнѣ въ это время домолачивалась пшеница. Стоялъ также еще громадный рядъ скирдъ ржи и прочаго менѣе цѣннаго хлѣба, и большія скирды свезеннаго овцамъ со стени сѣна. Молотила паровая машина. Полковникъ ежедневно ходилъ на гумно, стоялъ надъ рабочими и оставался тамъ до глубокихъ сумерекъ. Шкатулкинъ же обыкновенно, управившись въ домѣ и поигравъ съ «барышкой» и съ Домахой въ карты, выходилъ на крыльцо, сидѣлъ тутъ,

курилъ, смотрѣлъ, какъ догорали недолгіе порывистые зимніе деньки, либо посмѣивался, сплевывая въ сторону и труня надъ разными дворовыми лицами, сновавшими съ утра до ночи изъ кухни въ амбаръ, изъ амбара въ ледникъ, въ погреба, за дворъ и въ домъ, и поджидать тутъ барина.

Разъ захотѣлось Панчуковскому пойти ночнымъ дозоромъ на токъ, гдѣ лежали большіе вороха намолоченной и еще несыпанной пшеницы въ клунѣ, посмотреть, нѣтъ ли плутовскихъ слѣдовъ къ воротамъ или черезъ канавы, не пользуется ли кто лишнимъ сѣномъ изъ его же наемныхъ дворовыхъ, державшихъ скотъ на барскомъ корму. Снѣгъ передъ тѣмъ только-что снова выпалъ послѣ обѣда и заперошилъ бѣлымъ пушкомъ всю окрестность, дворъ, овчарни, гумно и батрацкія избы съ кѣтушками.

Было темно. Въ трехъ шагахъ нельзя было видѣть человека. Но полковникъ смѣло пошелъ; въ карманѣ его былъ, по обычаю, револьверъ. Аксентій копался въ домѣ, въ буфетѣ, готовя чашки къ чаю. Полковникъ по пути кликнулъ Антропку и пошелъ съ нимъ. Они миновали батрацкія избы, гдѣ уже почти все затихло и спало, прошли овчарни, мельницу и поднялись на взгорье къ току.

— Сбѣгай, братъ, Антропка, домой: я забылъ спички; принеси! А я тутъ подожду. На обратномъ пути закуру сигарку; да также фонарь принеси, — легче будетъ назадъ идти. Я буду ждать у клуни.

Антропка побѣжалъ. Полковникъ пошелъ впередъ.

Снѣгъ почти неслышно шелестилъ подъ ногами. Все молчало въ мягкомъ, свѣжемъ воздухѣ. Изъ верхняго этажа дома полковника, черезъ ограду, мерцалъ огонекъ изъ слухового окна Оксаны. «И такъ это она скоро покорилась и забыла своего жениха! — думалъ полковникъ: — тѣмъ женищину не купишь! Или эти украинки, по правдѣ, скотоваты?» Со стороны поля, изъ какой-то отдаленной, степной овчарни доносился лай собакъ. «Это вѣрно волки тамъ похаживаютъ, набѣгаютъ изъ сосѣднихъ камышей!» раскидывать мыслями полковникъ.

Вдругъ ему послышался шорохъ шаговъ за оградой гумна, въ сторонѣ, противоположной той, куда скрылся Антропка.

Кто-то не то шелъ, не то ѣхалъ возлѣ хлѣбныхъ скирдъ, за канавою.

«Кто бы это былъ такой? — подумалъ Панчуковскій и замеръ... Волось зашевелился у него на головѣ. — Воръ не воръ, зачѣмъ же онъ ѣдетъ отъ поля? Это вѣрно не нашъ, чужой!»

— Кто здѣсь? Эй! кто ты? — крикнулъ Панчуковскій.

Незримый путникъ не отзывался.

— Эй! говорю тебѣ, — отвѣчай!

— А ты кто? — спросилъ грубый голосъ, и шаги направились къ полковнику.

— Сторожъ.

— Нѣтъ, погоди! Ты баринъ самъ?

— А хотя бы и баринъ? — сказалъ Панчуковскій и загнулся.

— Ну, стой же, коли твоя судьба на то привела!

Незнакомецъ зашевелился. Панчуковскій не успѣлъ подумать, зачѣмъ это онъ велѣлъ ему подождать и что значили его слова о судьбѣ, — даже пьянымъ ему показался незнакомецъ, — какъ мгновенно въ пяти шагахъ отъ него что-то невыносимо-ярко блеснуло, раздался оглушительный выстрѣлъ, а въ упоръ передъ нимъ съ ружьемъ обрисовался Левенчукъ.

— Что это ты? — крикнулъ Панчуковскій, пошатнувшись.

— Шель подстеречь тебя, баринъ, и посчитаться съ тобою навѣки; а ты и самъ подвѣрнулся... не прогнѣвайся!

— Кто здѣсь! Эй! держи, лови! воръ, разбойникъ! туши скирду! — закричалъ Панчуковскій, очнувшись и понявъ, что выстрѣлъ въ него не попалъ. — Пыжь отъ выстрѣла попалъ на хлѣбную скирду, которая дымилась.

— Кто, кто здѣсь? — отозвался не своимъ отъ страху голосомъ Антропка, приближавшій между тѣмъ съ фонаремъ.

— Ну, жалко же, что у меня не двустволка! — сказалъ между тѣмъ Левенчукъ: — я-бъ тебя уложилъ.

Антропка кинулся тушить скирду. Полковникъ выстрѣлилъ изъ револьвера разъ и другой и побѣжалъ вдогонку за Левенчукомъ; но послѣдній скрылся въ потемкахъ.

— Стойте вы тутъ, а я сбѣгаю за лошадыю; людей еще позову, и мы по слѣду теперь его мигомъ разыщемъ!

— Дѣло! Бѣги, а я здѣсь пережду! — говорили Панчуковскій, едва переводя духъ.

— На-те спички, держите, насилу разыскали ихъ съ Аксентіемъ въ кабинетѣ. Ахъ ты, Продъ, такъ ты не покайся! Съ ружьемъ пришелъ!

Антропка безъ памяти побѣжалъ снова домой. Панчуковскій отыскалъ на землѣ брошенный Антропкой фонарь, нагнулся, закрылъ его полой и зажегъ въ немъ свѣчу. Руки его дрожали. Онъ прислушался: по полю въ другомъ концѣ отъ гумна кто-то бѣжалъ... Полковникъ сталъ искать слѣдовъ. Шаги бѣглеца были отлично видны по свѣжей порохѣ; верхомъ, съ фонаремъ, легко его было найти. Лишь бы не зарядилъ онъ опять ружья или сиѣгъ бы снова не пошелъ.—«А! — шепталъ Панчуковскій:—вершкомъ лѣвѣе, и весь зарядъ сидѣлъ бы уже въ моей груди, а я метался бы, какъ отбѣгавшій свой вѣкъ заяцъ! Гдѣ смерть-то моя ходила!.. П надо же было пойти дозоромъ на токъ и на него, бѣлаго изъ острога, наткнуться!» Сердце его усиленно билось; кровь стучала въ вискахъ. Поднимался легкій вѣтерокъ, будто метель собиралась.—«Боже, когда бы сиѣгъ не пошелъ, чтобы его разыскать! добраться бы мнѣ, наконецъ, до него! Какова дерзость? И чтѣ дѣлается со мною,—непостижимо! Откуда такія напасти?» Раздался громкій конскій топотъ. Прискакали на блескъ фонаря, на батрацкихъ лошадяхъ, Антропка, приказчикъ, лѣтомъ бывшій причиною неудовольствія косарей, и еще четыре работника, наскоро, даже безъ шапокъ.

— Вотъ вамъ фонарь, скачите, догоняйте, молю васъ, ловите его!..

— Слушаемъ-съ! Врядъ ли уйдетъ!.. Развѣ гдѣ лошадь припасена у него, али сиѣгъ успеетъ запорошить слѣды.

— Развѣ и мнѣ не поскакать ли также съ вами?

— Еще чего бы не было! Лучше оставайтесь. Домой идите... Мы мигомъ обознаемъ все! — крикнулъ изъ-за канавы приказчикъ, и верховые поскакали.

Панчуковскій пошелъ къ дому, онъ былъ въ сильномъ волненіи. Начиналъ дѣйствительно падать сиѣгъ. Не успѣлъ онъ до воротъ дойти, какъ повалили огромные хлопья.

«Уйдетъ, уйдетъ! — думалъ Панчуковскій: — пропало мое дѣло. Вотъ бы поймать его! Что до суда и слѣдствія, а я бы его еще самъ пробралъ...»

Во дворѣ было тихо. Въ кухнѣ не свѣтились уже огни. Было освѣщено попрежнему только окно наверху въ домѣ,

у Оксаны, да въ лакейской видѣлся Аксентій, смиренно копавшійся съ иглою и съ какою-то одежей у свѣчки. Сторожъ, по мѣстному названію «бекѣтный», не сразу отворилъ на окликъ барина ворота. Слухи, дѣйствительно, немало-важные, ходили о шалостяхъ мѣстныхъ грабителей и воровъ, и всѣ держали ухо востро.

— Кто на очереди?—спросилъ Панчуковскій.

— Самойло.

— На же спички, Самуйликъ, да бѣги скорѣе въ кухню, зажги конюшенный фонарь и давай его мигомъ мнѣ! Есть дѣло; можетъ-быть, сейчасъ также поскачемъ съ тобою; осѣдлаешь тогда мнѣ жеребца!

Сѣдой хрычъ Самойло съ просонковъ у сторожки едва разобралъ слова полковника, пошелъ, переваливаясь, и воротился изъ кухни съ зажженнымъ фонаремъ.

Панчуковскій наскоро передалъ ему о случившемся. Отворили конюшню; Самуйликъ побѣжалъ въ каретникъ взять сѣдло, какъ за воротами раздался снова шумъ и громкій крикъ приказчика: «отворяйте!»

— Стой! погоди—сказалъ Панчуковскій, и самъ пошелъ, прислушиваясь къ говору за воротами.

— Да отворяйте же!—кричалъ приказчикъ:—это мы, свои! лисицу поймали!

Самойло звенѣлъ ключами. За воротами кто-то тихо охалъ.

Верховые въѣхали во дворъ. Подвинули къ лошадямъ фонарь. Полковникъ взглянулъ. Антропка сидѣлъ на сѣдлѣ, качаясь. Онъ весь былъ облитъ кровью...

— Что это? кто тебя ранилъ?

Антропка молча указалъ въ сторону, хватаясь за бокъ.

— Живодѣръ, сударь, успѣлъ опять зарядить ружье и, выждавъ нашу погоню, выстрѣлилъ...

Панчуковскій выхватилъ у Самуйлика фонарь, поднесъ его къ человѣку, связанному уже по рукамъ и ногамъ и прикрученному за шею къ сѣдлу приказчика. Съ волосами, упавшими на лицо, и запорошенный снѣгомъ, передъ нимъ стоялъ, мрачно понурившись, Харькъ Левенчукъ.

Сперва-было полковникъ его не узналъ.

— Ты меня опять поджигать пришелъ? .

— Тогда не поджигалъ; вы на меня донесли, меня ославили; такъ я ужъ думалъ одинъ на одинъ посчитаться...

— А, вотъ что! Слѣзай, Антропка! Батраковъ остальныхъ сюда! Держи его! А! такъ ты признаешься! Слышите вы всѣ?

Самуѣликъ судорожно заметался. Приказчикъ убралъ въ конюшню лошадей. Левенчука привязали къ коновязи. Полковникъ, повидимому, не горячился, говорилъ тихо, но свирѣпѣлъ болѣе и болѣе. Сбѣжались другіе перепуганные батраки. Ихъ разставили на часахъ. Кто былъ потрусливѣе, того отослали обратно. Готовилась сцена, какими иногда увеселялъ себя полковникъ.

— Розогъ сюда, палокъ!

— Чего бы еще не было отъ этого? — шепнулъ-было Панчуковскому приказчикъ. — Лучше бы его такъ доставить въ судъ.

— Молчать! Я васъ всѣхъ переберу! Розогъ, кнутови, палокъ.

Явились и кнуты, и розги. Въ домѣ было все тихо. Туда никто не входилъ и тамъ ничего не знали. Попржежнему свѣтились тихія окна Оксаны и Аксентія.

— Нѣтъ, душечка! нѣтъ, голубчикъ! — шепталъ Панчуковскій: — пока до суда, такъ ты опять еще уйдешь изъ острога въ печку; а вотъ я тебѣ перекою тѣльце, переберу по суставамъ всѣ твои косточки... Клади его, Антропка! Самуѣлика сюда! Гдѣ онъ? Ну, живѣ!.. Куда онъ тебя ранилъ, Антропка?

— Въ бокъ, дробью-съ!

Явился Самуѣликъ, скорчилъ грустно губы, да нечего было опять дѣлать—воли барская...

— Онъ, сударь, вольный, можетъ статья! За что вы его бить хотите? — отозвался, снявъ шапку, одинъ изъ батраковъ.

— Молчать! — оралъ уже на весь дворъ Панчуковскій. — Каждого положу, кто хоть слово пикнетъ! Клади его, бей; а ты, Антропка, хоть и раненый, считай... Огня мнѣ; пока выкурю сигарку, не вставать тебѣ, анаѰема!

Началась возмутительная сцена...

Левенчукъ, какъ легъ, не откликнулся, пока надъ нимъ сосчитали триста ударовъ.

— Довольно! — сказала полковникъ: — повороти хохла, да посмотри: живъ ли онъ? Что хохоль, что собака — иной разъ ихъ и не различить...

Левенчука повернули къ фонарямъ лицомъ.

— Такъ вотъ она, воля-то ваша, братцы! — простоналъ Левенчукъ, чуть шевелясь отъ боли: — а вы лучшей тутъ искали?

Толпа съ ропотомъ шумѣла...

— Ну, ну, не толковать! Воды ему, окатить его, да дать напиться! — крикнулъ полковникъ, отходя къ крыльцу. — Это кто? — спросилъ онъ, наткнувшись на кого-то въ потѣмкахъ и поднося къ его лицу фонарь.

То былъ Милорѣденко...

На немъ черты живой не было.

— Баринъ! зачѣмъ вы такъ тиранили человѣка? — спросилъ онъ.

— Такъ и учать скотовъ! Да если и вы всѣ его защищать станете, лучше убирайтесь на всѣ четыре стороны. Лишь бы лѣсъ былъ, а волки будутъ... Я, братъ, военная косточка и шутить не люблю.

Милорѣденко пропустилъ барина молча мимо себя.

Но едва полковникъ скрылся въ домъ, онъ опростетью побѣжать къ конюшнѣ, гдѣ такъ неожиданно наткнулся было на истязанія своего бывшего пріятеля.

— Гдѣ онъ, гдѣ онъ? — шепталь разбитымъ голосомъ Милорѣденко, расталкивая батраковъ.

— Вонъ, Аксентій Данилычъ, водою отливаютъ; замерь горемыка, чуть его бросили... Какъ бы чего барину не было!..

— Барину? — закричалъ Милорѣденко: — а человѣческую душу загубилъ, такъ про эту душу и не вспомните? Еще воды сюда! Снѣгу на голову — водки въ ротъ. Эй, на вотъ цѣлковый, сбѣгай въ шинокъ...

Очнувшіеся батраки зашевелились передъ новыми приказаніями. Стадо людское шло туда, куда пастухъ велъ, кто бы онъ ни былъ...

Прошло часа полтора. Въ кабинетъ полковника вошелъ Аксентій. Онъ молча положилъ ключъ отъ каретника на столъ, у подушки Панчуковскаго. Глаза его были заплаканы, волосы всклоочены.

— Ну?

— Извольте ключъ; приказчикъ прислалъ...

Милорѣденко не поднималъ глазъ отъ полу.

— Связали? уложили его въ каретникъ, какъ я приказалъ?

— Заперли связаннаго. Утромъ можно въ городъ по-слать-съ... Только знаки, баринъ, будутъ видны — не было бы чего...

— Ложись спать, да двери запирай! Не твое дѣло! Терпѣть я, братецъ, не люблю разсужденій. Это ты могъ дѣлать у Шульцвейна, у другихъ...

Аксентій покорно ушелъ. Прошло еще съ полчаса. Все замолкло. Огни вездѣ опять погасли. Ворота со скрипомъ затворились. Умолкли и собаки, даявшія цодь эготъ необычайный ночной шумъ.

Полковникъ всталъ, вынулъ залпомъ два стакана воды, надѣлъ халатъ и туфли, обошелъ весь домъ, увидѣлъ Домѣху, спавшую у дверей Оксаны, зашелъ на Оксану взглянуть, увидѣлъ Аксентія, съ смиреніемъ агнца хранѣвшаго уже на коврикѣ въ лакейской, воротился въ кабинетъ, заперъ его на ключъ изнутри и съ легкою дрожью улегся снова въ постель, задернувъ атласный пологъ. Онъ долго не спалъ, слышалъ какъ часы наверху пробили два и потомъ три, какъ пѣтухи прокричали вторично. Наконецъ онъ забылся.

Ему все снились отрадныя картины. Въ потайномъ желѣзномъ англійскомъ сундукѣ его кассы, вѣзанномъ въ его письменный столъ, грезилось ему, лежать уже не сто-пять-десять тысячъ рублей тайно увезеннаго женинаго капитала, а вдвое противъ этого. Оксана даритъ ему сына, толстенькаго гетманца, съ черными кудрями, и нарекутъ ему имя также Владиміръ. А по пустынной, зимней степной дорогѣ, на сѣверъ, тянется подъ конвоемъ длинный этапъ: впереди его идетъ, въ цѣняхъ, Левенчукъ, а сзади—уличенная Подкованцевымъ въ сношеніяхъ съ фальшивыми монетчиками, супруга Владиміра Алексѣевича, рожденная купеческая дочка Настасья Гавриловна Перепелицына. Сонъ длится далѣе. Хуторъ Новая-Диканька уже расширился, превратился въ мануфактурный и промышленный городокъ. Полковникъ назначенъ военнымъ губернаторомъ, управляющимъ и гражданскою частью. Высятся кирпичныя фабричныя трубы. Каменные корпуса поднимаются по улицамъ. Извозчики ѣздятъ. Дремучія рощи окружаютъ собственный домъ полковника. «Это уже и отпа Павладія перещеголило!»—думаетъ Пачуковский и вмѣстѣ съ тѣмъ въ испугѣ просынается...

Что это?

Комната его странно освѣтилась. Въ дверной секретный шкафъ вошли беззвучно какія-то лица. Надъ постелью его стало что-то высокое... Онъ вскрикнулъ и, обезумѣвши отъ смертнаго ужаса, кинулся за края полога.

— Ни слова! — звонко сказала стоявшій надъ нимъ. — Теперь ужъ молчи, баринъ; теперь ужъ наша воля; — это видишь?

Смотрить полковникъ: его слуга Аксентій стоитъ надъ его ухомъ и держитъ собственный револьверъ полковника.

— Что ты, Аксентій? съ ума сошелъ?

Шкатулникъ, уже одѣтый въ платье своего барина, видно не шутилъ.

— Баринъ! — сказалъ онъ: — ты теперь молчи; шикнешь слово—вотъ тебѣ Богъ святой—пулю въ лобъ пушу! Намъ что теперь? Все подавай свое и баста! Пролежишь смирно—живъ останешься...

Панчуковскій оглянулся: за пологомъ стоялъ освобожденный, истерзанный имъ за три часа назадъ Левенчукъ. Въ рукахъ послѣдняго былъ ножъ.

— Боже! не сонъ ли это?—шенталь Панчуковскій, пугливо взглянувъ на окровавленные, во время истязанія, волосы и взбитую бороду блѣднаго какъ трупъ Левенчука.

— Что же вамъ нужно?—спросилъ полковникъ:—и что это ты, Аксентій, затѣялъ?

— Ты теперь, ваше высокоблагородіе, ужъ тоже молчи! Пистолеть-то твой, какъ видишь, у меня! На, Хоринька!—прибавилъ Милорѣденко, подавая пистолеть Левенчуку:—держи эту штучку, да посади барина-то, обидчика твоего, обратно на постель, то-есть положи его сразу въ лобъ-то, коли что затѣетъ, а мнѣ некогда! Да ты, можетъ, баринъ, хочешь знать, кто я? Спасибо за угощеніе: я Милорѣденко. Не удалось покаяться, какъ видишь...

— Ну, теперь слушай ужъ и ты! — сказала, переступая съ ноги на ногу, Левенчукъ:—садись и молчи; я тебя уложилъ бы тутъ навѣки... такъ старшій не велитъ! У насъ съ нимъ свои счеты...

Панчуковскій упалъ обратно на постель. Онъ уже и за ногу себя уцепилъ, все еще полагая, не спитъ ли, и охать принялся, и даже попросту заплакалъ. Верзило Левенчукъ стоялъ передъ нимъ какъ каланча, изрѣдка шевелясь и косясь на него.

Милорóденко, между тѣмъ, облачившись въ платье полковника, имъ же почищенное съ вечера, съ обычною юркостью заметался, хлопоча по комнатѣ, и, увидя, что пригрозилъ полковнику достаточно, успокоился и сталъ даже пошучивать.

— Вотъ, баринъ, ты не захотѣлъ его давеча помиловать, вольнаго-то человѣка, бѣлаго, иташку Божию посѣкъ, теперь и не прогнѣвайся! Вся твоя дворня перевязана; рты у каждаго заклепаны какъ боченочки,—мы вотъ и распоряжемся! Ты, я думаю, удивился не мало? Теперь ужъ ты намъ отвѣтъ дашь: я, сударь, повторяю, Милорóденко! Не вѣришь? Ей-Богу-съ!..

И онъ шнырялъ по комнатѣ. Кругомъ было тихо.

— Боже, Боже! что они только съ нами донынѣ дѣлали, Хоришкѣ. Правда?—заклучилъ Милорóденко, укладывая въ чемоданъ все, что было поцѣннѣе изъ вещей въ кабинетѣ, и потомъ прибавилъ: — Ты, баринъ, думаешь, что я шучу? Какъ рѣшился я освободить пріятеля, онъ прямо шелъ тебя убить...

Панчуковскій вдругъ вскочилъ, кинулся къ двери и крикнулъ громко: «сюда, сюда, люди! грабятъ, рѣжутъ!»

Голосъ его звонко отдался по комнатамъ.

— Шалишь!—перебилъ его, загородя ему дорогу, Милорóденко.—Ну, Харькò, гдѣ теперь тѣ бичевочки, что мы на ихъ барскую милость приготовили? Видно, безъ этого и съ нимъ не обойдется!

Левенчукъ досталъ веревку, при помощи франтовато-одѣтаго Милорóденка, съ силой ухватилъ Панчуковского, зажалъ ему ротъ, наставилъ къ виску его пистолетъ, и въ два мгновенія полковникъ, связанный какъ чурбанъ, лежалъ уже на кровати. Милорóденко не безъ грубости заткнулъ ему ротъ концомъ простыни, причемъ полковникъ ощутилъ скверный вкусъ мыла, обернулъ его лицомъ къ стѣнѣ и прибавилъ:

— Ну, слушай же теперь, баринъ, въ послѣдній разъ: теперь ужъ не шути; или ты не вѣришь? Чуть обернешься назадъ, аминь тебѣ! Ножъ въ спину по рукоятку! Лучше лежи, а не то нуля.

— Харькò! гайда!—шепнулъ онъ Левенчуку.

Пріятеля сорвали планку съ потайнаго замка въ рабочемъ столѣ, подмѣченную заранѣе Милорóденкомъ, вскрыли

замокъ и ящикъ, вытащили связку бумагъ, нашли мѣшочекъ съ золотомъ, пѣсколько связокъ депозитокъ. Руки у Милороденка дрожали. Левенчукъ тяжело дышалъ. Все уложено въ другой чемоданчикъ.

— Бери! Скорѣе! Неси на дворъ!.. Нѣтъ, лучше стой падь нимъ, а я понесу!

Милороденко выскочить изъ дому. Тамъ на дворѣ онъ сложилъ все въ кучу подъ крыльцомъ, гдѣ такъ часто моллился. Осмотрѣлся еще разъ, обѣжалъ кухню, амбаръ, подворотную сторожку. Вездѣ было тихо. Собаки были убиты. Перевязанная дворня лежала спокойно. Освободивъ Левенчука, Милороденко, по-очереди съ нимъ, перевязалъ всѣхъ мужчинъ и бабъ, по-одиночкѣ, съ барскимъ пистолетомъ въ рукахъ, свелъ ихъ въ одну изъ погребовъ и съ забытыми ртами посадилъ туда, пригрозивъ вынустить каждому кишки, чуть кто голосъ подаетъ. Да уже одно сознание, что онъ Милороденко, сковало рты всѣмъ невольно.

Выкативъ фаэтончикъ полковника, Милороденко вывелъ его лошадей, пока еще было темно, къ погребу, сбѣгалъ съ фонаремъ, освободилъ оттуда обомлѣвшаго отъ страха Самуилка, вывелъ его, съ угрозами заставилъ запрячь фаэтонъ, связалъ его опять, толкнулъ въ погребъ, уложилъ чемоданы и сбѣжалъ обратно въ кабинетъ.

— Что, смиренъ теперь нашъ князь? Ты теперь молчишь, баринъ, а? А не хочешь ли, мы тебѣ дѣвочку хорошенькую доставимъ?

«Вотъ опростоволосился! — думалъ полковникъ, жуя отвратительную простыню: — того и гляди, зарѣжутъ! Боже! хоть бы въ живыхъ оставили!..»

— Какой ему чортъ теперь, молчить! — свирѣпо сказалъ Левенчукъ, сплюнувъ въ сторону: — да пора ужъ, чего ты тамъ вознишься?.. Пора отсюда вонъ...

— Ну, стой же еще малость... Надо и о твоёмъ, голубчикъ, добрѣ подумать.

Левенчукъ вздохнулъ и сѣлъ.

— Да, пора бы! Жилъ ты тутъ сколько времени, хоть бы догадался освободить ее!

— Ужъ я тебѣ обѣщался, только молчи! не зналъ, гдѣ ты. Да и что ей стало! Въ холѣ жила, я съ нею въ карточки баловался... А я у тебя въ долгу — помнишь, за порцію?..

Милороденко поднялся наверхъ по лѣстницѣ. Полковникъ слышалъ, какъ тамъ на мезонинѣ произошла возня. Кто-то не своимъ голосомъ взвизгнулъ, тяжело рухнулъ и покатился внизъ по ступенямъ. Опять все затихло. — «Домѣха отплачивается, бѣдника!» — подумалъ полковникъ.

Та же потайная дверь въ шкапѣ отворилась въ кабинетъ. Показалась опять голова Милороденка.

— Теперь, Харькѣ, бросай его; иди сюда! Ну, скорѣе, свѣтаешь!..

Левенчукъ ступилъ въ сосѣдную комнату.

Тамъ впотьмахъ стояла, опусти голову, судорожно-рыдавшая Оксана.

— Ну-ну, барышня, перестаньте, цѣлуйтесь да идите скорѣе! Пора; ой, ей-же-ей, пора! Поймають, тогда все пропало. Теперь ужъ и у тебя, Хоринька, хвостъ навѣки замаранъ.

Онъ толкнулъ одурѣлаго отъ встрѣчи съ Оксаной Левенчука. Левенчукъ вывелъ Оксану. Внизу лѣстницы стояла Домѣха.

— Ты, Оксана, молись Богу, — шептала Левенчукъ: — а я тебя прощаю — не ты виновата...

— Баринъ, а баринъ! Слушай! — сказалъ Милороденко, входя въ кабинетъ: — я тебѣ сослужилъ службу; надо же было и посчитаться. Задавить тебя, повѣсить, зарѣзать — все одно, что плюнуть. Мы тебя такъ кидаемъ, живи, только не дерись больше съ людьми православными! Тронешь кого пальцемъ — аминь тебѣ, помни! Гдѣ ни буду, явлюсь хоть съ того свѣта! Да постои, полежи еще маленько; встанешь раньше срока, пока самъ я тебя крикну — убью; пришло Левенчука; онъ разъ по тебѣ далъ промахъ, теперь ужъ не промахнется. Прощай! живи — и намъ на твое счастье пожить хочется...

Милороденко вынулъ всѣ ключи, заперъ обѣ кабинетныя двери снаружи, связалъ еще покрѣдче Домѣху подъ лѣстницей собственнымъ ей же фартукомъ, вскочилъ на крыльцо и заперъ домъ на ключъ со двора. Уже замѣтно свѣтало. Оксана сидѣла въ фаэтонѣ. Левенчукъ, склоня голову къ ручкѣ экипажа, стоялъ возлѣ. Они грустно шептались...

— Ну, птички мои, готовы? освободить ее для тебя, сердце-Хоринька, всегда было нетрудно; да куда бы она дѣ-

лась безъ тебя? А ты вотъ что подумай: я тебя не обидѣлъ... я берегу ее... Это за водку ту, помнишь?

Еще разъ подбѣжалъ Милорѣденко къ погребу, постучалъ, погрозился, велѣлъ всѣмъ снова дожидаться и молчать, пока и ихъ онъ позоветъ, тихо отперъ ворота, вывелъ четверню за ограду, воротился назадъ, заперъ ворота изнутри, перелѣзъ черезъ ограду по лѣстницѣ, вынесши предварительно изъ каретника Левенчуку кучерской армякъ, одѣлъ его, посадилъ на козлы, а самъ сѣлъ въ полковническомъ отставномъ военномъ пальто и въ фуражкѣ съ кокардой въ фазтонъ къ Оксанѣ. Лошади тронули, выѣхали шажкомъ за клуню, за косогоръ. Левенчукъ сталъ по нимъ бить, что было мочи; онѣ подхватили вскачь и унеслись скоро изъ вида. Можетъ быть, никогда еще ихъ быстрый бѣгъ не приносилъ на землѣ столько счастья... Оксана плакала, келотясь головой о стѣжки фазтона.

Долго ждать связанный полковникъ со всѣми своими домочадцами условленнаго знака освобожденія. Ужъ совсѣмъ разсвѣло, солнце взошло. Батрацкія хаты задымлись. — «Что за чудеса!» — думали батраки, ничего не зная о заключеніи вчерашней исторіи и видя, что изъ полковническаго двора никто не показывается: ни кучеръ не ведетъ лошадей на водопой, ни приказчикъ не идетъ звонить къ конторскому столбу. Сошлись работники къ оградѣ: ворота заперты изнутри. Постучались, стали кричать; никто не отзывается. Крики ихъ были слышны въ погребѣ; но перевязанные тамъ не могли ни крикнуть, ни двинуться, да и заперты были тоже на ключъ. Опомнилась прежде другихъ и нашла средство дѣйствовать старая Домаха. Она разорвала ветхій фартукъ, опутавшій ей руки и ноги, тихо обошла комнаты, постояла, хныча, у дверей кабинета, тщетно силилась ихъ отпереть, пробовала выйти на крыльцо—и тамъ двери снаружи были заперты. Она взошла, охая, наверхъ, увидѣла народъ за воротами, сначала и его приняла за разбойниковъ, потомъ узнала кое-кого изъ своихъ и рѣшилась подать отвѣтъ въ форточку двери надъ балкономъ.

— Что, бабушка, тамъ у васъ такое?—пугливо спрашивали голоса изъ-за ограды.

— А у васъ, братцы, что? Охъ, напугали, окаянные! Несчастье стряслось!

— Ворота заперты и никого не видно со двора...

— И тутъ двери кругомъ заперты...

— Да ты, тётка, отбей чѣмъ-нибудь!

— Чѣмъ же отбить?

— А гдѣ баринъ?

— Не знаю. Тутъ чудеса были, да и только...

— Ты дверь выставь на балконъ, замокъ дверной отопри, а замазка и такъ отскочить...

Домѣха успѣшно выставила дверь на балконъ.

— Простыни свяжи, бабушка, да и опустишь паземь! — суетливо кричали голоса изъ-за ограды.

Домѣха явилась съ простынями, осмотрѣлась, что разбойниковъ нѣтъ, и наскоро передала, что случилось ночью въ домѣ. По ея словамъ, всѣ внутреннія комнаты были заперты и баринъ въ домѣ не откликнулся.

— Боюсь, какъ бы не убится, братцы.

— Не убьешься! получше свяжи, тогда и намъ отворишь двери и ворота, невысоко...

Старуха связала толстымъ жгутомъ простыни и стала прикрѣплять ихъ къ балконнымъ периламъ. Въ это время со стѣни показался верховой. Ничего не подозрѣвая, онъ тихо подѣхалъ къ воротамъ. Это оказался разсылный мѣстнаго откушника. Опъ слѣзъ съ лошади.

— Здравствуйте, братцы!

— Чего ты?

— Къ приказчику.

— Погоди, ты видишь, что у насъ дѣлается! И приказчика не найдешь...

Ему рассказали, въ чемъ исторія.

— Гдѣ же вашъ баринъ? — спросилъ удивленный разсылный.

— Гдѣ? А Богъ его знаетъ гдѣ...

— Да я его встрѣтилъ подъ Андросовкою!

— Какъ подъ Андросовкою?

— Именно же подъ Андросовкою; въ коляскѣ на вашихъ коняхъ и поѣхалъ; должно-статься, рано выѣхалъ! И вашихъ коней, и коляску знаю; только кучеръ, пожалуй, что и не вашъ. Волосатый такой. Еще полковникъ высунулся и поглядѣлъ на меня; а я ему шапку снялъ.

Батраки переглянулись. Что за притча! Задумалась и Домѣха.

— Куда же это онъ поѣхалъ?

— Не знаю; съ нимъ и ваша-то, знаете?

— А! въ самомъ дѣлѣ, братцы, гдѣ наша Оксана? да гдѣ и остальные?

— Не замайте, не мѣшайте! — говорила старуха, привязывая простыни къ балкону и мостясь перелѣзть черезъ перила.

Охая и крестясь, она перевалилась за балясы, повисла на воздухъ и благополучно стада спускаться внизъ. Шутки смолкли. Всѣ чужали узнать что-то недоброе.

Домѣха спустилась наземь, перекрестилась еще разъ и отперла ворота. Всѣ гуртомъ вошли во дворъ, ошарили всѣ углы, кухню, сарай; нашли очумѣлыхъ отъ страха ильнянниковъ въ погребу, освободили ихъ, вывели на воздухъ.

— Кто это васъ?

— Милорѣденко, братцы! Охъ, Господи спаси и помилуй! Господи, спаси...

— Какъ Милорѣденко? Откуда онъ взялся?

Приказчикъ и Антропка первые оправились и стали ругаться.

— Это же онъ и есть окаянный. Аксентій-то нашъ, что баринъ у нѣмца нанялъ: это и есть Милорѣденко, что господу у Небольцевыхъ толковали, и что судъ его разыскиваетъ! Онъ у насъ и жилъ...

— Снялъ же я живодѣру этому шапку! Да не нарядить ли вамъ за нимъ, ребята, погоню? — сказалъ разсылный откушника.

— Да, ищи теперъ вѣтра въ полѣ!

— Однакоже, что съ домомъ да съ нашимъ баринномъ сталося? Гдѣ онъ?

Разспросили еще разъ Домѣху, взломали двери съ параднаго крыльца, вошли осторожно, осмотрѣли всѣ комнаты. Все на своихъ мѣстахъ. Подошли къ кабинету; двери заперты и безъ ключей.

— Надо ломать двери...

— Надо.

— Кузнеца сюда!

Явился кузнецъ, тотъ самый батракъ, что Левенчука когда-то защищалъ. Руки его дрожали. Долото не попадало въ щель. Сломали замокъ превосходной лаковой дубовой двери, вошли въ кабинетъ и сперва, за запертыми внутренними ставнями, ничего не разглядѣли. Отперли ставни, от-

дернули полоть — и судите, каково было общее изумление, когда на кровати оказался связанный и съ заткнутымъ ртомъ полковникъ.

Его освободили. Измученный и нравственно-убитый со стыда и злости, онъ долго не зналъ, что говорить и дѣлать; наконецъ, наскоро разспросилъ каждаго, что съ кѣмъ было, отпустилъ всѣхъ и остался съ приказчикомъ и съ Самуи-ликомъ.

— Такъ и лошадей нѣтъ? — спросилъ онъ, опустивъ голову и кусая до крови ногти.

— Уведены-съ тоже...

Панчуковскій быстро подошелъ къ столу, увидѣлъ вскрытый потайной ящикъ, разбросанныя бумаги, ухватился за голову и уналъ безъ чувствъ... Кое-какъ его оттерли, дали воды напиться.

— Все погибло, все погибло! — кричалъ онъ, какъ ребенокъ, и бился объ стѣну.— О Боже, Боже, все погибло! Лошадей, хоть какихъ-нибудь лошадей! Садитесь верхами, скачите, ищите ихъ! у меня украли всѣ деньги... всѣ!

Новый ужасъ обнялъ дворню. Забывъ тревогу, усталость и недавній страхъ, всѣ, кто могъ, вскочили на машинныхъ, даже малоѣзженныхъ табунныхъ лошадей и поскакали.

— Десять тысячъ цѣлковыхъ тому, кто найдетъ ихъ и воротитъ мои деньги! — кричалъ Панчуковскій съ крыльца, бѣгая то въ конюшню, то за ворота.

Написаны повѣстки въ станъ, въ судъ, въ полиціи трехъ сосѣднихъ городовъ.

Къ знакомымъ и къ пріятелямъ посланы особые гонцы.

Панчуковскій взмохъ навверхъ. Комната Оксаны была пуста.

«Разомъ какого счастья лишился я! — подумалъ полковникъ. — Говорятъ, что человекъ идетъ въ гору, идетъ и вдругъ оборвется... И правда!..»

Полковникъ бродилъ по дому, проклиналъ весь міръ, звалъ къ себѣ по-одиночкѣ всѣхъ, кто еще возлѣ него остался, совѣтовался, кричалъ, сердился, дѣлалъ тысячи предположеній, рвалъ на себѣ волосы, безпрестанно бѣгалъ на балконъ, смотрѣлъ въ степь, наводилъ во всѣ стороны ручную подзорную трубку и плакалъ, охалъ, какъ малый ребенокъ.

Изъ посланныхъ нѣкоторые воротились къ обѣду, другіе къ вечеру, третьи вовсе еще не воротились. Отвѣтъ былъ

одинъ: никто ничего не открылъ. Вѣглецы ускакали безъ слѣда.

На разсвѣтъ длинной темной ночи, въ которую никто въ домъ и во дворѣ полковника не заснулъ ни на волосъ, къ крыльцу Панчуковскаго съ громомъ подѣхалъ экипажъ.

— Нѣмецъ прѣхалъ! Шульцвейнъ!—сказалъ кто-то, вѣбгая къ полковнику, который лежалъ, обложенный горчичниками, въ постели. На столѣ стояли стьянки съ лѣкарствами. Докторъ сидѣлъ возлѣ.

«Опять его судьба ко мнѣ въ такой часъ заноситъ!» — съ невольною досадою подумалъ Панчуковскій и, молча, съ грустною улыбкою, протянулъ руку входившему въ кабинетъ колонисту.

— *Ist es möglich?* — спросилъ Шульцвейнъ, грубыми и неуклюжими шагами подходя къ кровати Панчуковскаго.— Есть ли какое вѣроятіе въ томъ, что разнеслось теперь о васъ?

— Все справедливо! — тихо сказалъ полковникъ, качая головою изъ подушекъ.

— Кто же это все сдѣлалъ?

— Слуга, рекомендованный вами.

— Ай-ай-ай! И я причина вашего разоренія, можетъ-быть, гибели? Ахъ, *mein Gott, mein Gott!* Я безчестный человѣкъ!

Панчуковскій попросилъ его придти въ себя, успокоиться, самъ сѣлъ и попросилъ сѣсть гостя. Въ той же синей потертой курткѣ, съ тѣми же длинными костлявыми ногами, румяный и бѣлокурый колонистъ усѣлся, охая и поминутно ломая руки.

— То, что случилось со мной, Богданъ Богданычъ, могло, наоборотъ, случиться и съ вами. Не въ рекомендаціи дѣло; вы его не знали и за него не ручались. Дѣло съ бѣглыми, какъ видите, у меня оборвалось...

— Но я, я!.. Черезъ меня! Ахъ, *mein Gott, mein lieber Gott!*

— Вы мнѣ порекомендовали этого негодяя, зато отъ васъ я впервые узналъ о моей красавицѣ... Что теперь отъ васъ таиться?.. Шутка судьбы!

Отчаянію и неподдѣльной горести Шульцвейна, однако, не было границъ. Онъ ходилъ по комнатѣ, размахивалъ молистами руками, останавливался, дѣлалъ тысячи предпо-

ложеніи о поимкѣ грабителей, вызывался самъ ихъ искать, самъ своими средствами; предлагалъ на первое время часть собственнаго капитала къ услугамъ полковника, для его первыхъ хозяйственныхъ оборотовъ.

— Сколько же они у васъ всего похитили?

— За двѣсти тысячъ... да-съ!

Шульцвейнъ падалъ на диванъ, топалъ уродливыми ногами, вопилъ, осклабя розовыя сочныя губы до ушей, стоналъ, билъ кулаками въ столъ, себя въ грудь, и кричалъ:— «двѣсти тысячъ, двѣсти тысячъ!»

— Да что вы такъ выходите изъ себя?—уже пропически спросилъ полковникъ.

— Это деньги нажитыя, трудовыя! Я знаю трудъ! Я его знаю! Боже мой, Боже, когда бы ихъ нашли! О если бы ихъ нашли!

— Вы видите, я спокоенъ. Миѣ жаль болѣе моей красавицы. Видите, я вамъ сознался...

Утромъ подъѣхали другіе сосѣди: братья Небольцевы, Шваберъ, Веберъ, Авдотья Петровна Щелкова. Шутовкинъ бошелъ, похрамывая и проклиная дорогу. Онъ особенно нѣжно и съ чувствомъ пожалъ руку полковника.

— Душа, Володя! Я тебя лучше другихъ понимаю; не денегъ тебѣ жаль, ты жалѣешь другого сокровища — ее! Она готовилась тебѣ подарить ангела-сына, или, можетъ-быть, дочь.

Шутовкинъ, ѣдучи къ новому другу, выпилъ.

Къ обѣду прискакалъ Подкованцевъ. Онъ былъ смиренѣе, не попросилъ по обычаю ни бѣшешки, ни манжекать, внесъ портфель, досталъ оттуда какую-то бумагу, подалъ ее Панчуковскому и, обратясь къ присутствующимъ, сказалъ:

— Меня, госнода, берутъ у васъ, гонять въ отставку; вы меня не отстояли, а увидите—безъ Подкованцева вамъ житья не будетъ.

— Нѣтъ, мы васъ не отдадимъ...

— Не отдадите? Теперь уже поздно! Зато я тотъ же-съ, какъ и былъ! Вы бы послушали прежде мои новости: фэзтонъ, госнода, полковницкій я нашелъ и его сюда уже везуть...

— Нашли, экипажъ нашли! — закричали слушатели и сбѣжались поздравлять полковника:—а лошади?

— Одинъ экипажъ пока, — печально заключилъ исправ-

никъ:—экипажъ и два пустые чемоданчика на берегу моря, au bord de la mer, messieurs! только покаместъ и нашли! Но найдемъ и остальное. А лошади нали, загнанныя вскачь на сорока пяти верстахъ... Жаль ихъ!

— Какъ же это нашли?

— Видите ли: новые чиповники-чистуны брезгаютъ приемами отцовъ и дѣдовъ, а мы еще живемъ по-старинѣ. Я гаркнулъ на моихъ сокольниковъ: значить, созвалъ ближайшихъ къ городу моихъ друзей, то-есть разныхъ мошенниковъ-съ—извините—и сказалъ эйнтъ-венигъ такое наставленіе: вшите и обрящете, толцые и отверзется, а чтобъ вы мнѣ полковницкія вещи разыскали! Всѣхъ переловлю!

— И нашли!

— Нашли пока одно; можетъ, найдемъ и другое...

Присутствующіе стали строить новые планы поисковъ.

— Дельги Владиміра Алексѣевича въ золотѣ, значить, появятся либо въ портахъ, либо въ Нахичевани. Надо тамъ слѣдить! Да и какъ слѣдить? Стань за сто верстъ, судь за сто двадцать! Этакая даль, пустыня...

— Ничего изъ этого не будетъ!—рѣшили другіе.—Денегъ не воротить! надо облавы на этихъ проклятыхъ бѣглыхъ сдѣлать; это отъ нихъ всѣ бѣдствія идутъ, оттого что у насъ людей безъ паспортовъ держать.

— Да вы же ихъ, Дмитрій Андреевичъ, держите больше всѣхъ насъ, вы же!—сказалъ кто-то Небольцеву.

— Хороши и вы. А кто кучера моего передерживалъ въ прошломъ году, а?

— А мою дѣвку-съ?

— А моего табунщика?

— Да онъ же не вашъ!

— А чей же?

— Онъ тоже бѣглый, а не вашъ; я потому его и держалъ. Авдотья Петровна Щелкова вбѣжала впопыхахъ.

-- Мосьё, фаэтонъ Владиміра Алексѣевича привезли!

Всѣ выбѣжали на крыльцо. У конюшни дѣйствительно стоялъ весь избитый и загрязненный фаэтонъ. Его привезли на обывательскихъ. Самойло держать его рукою за колесо.

— Чтò, братъ, Самуйликъ, не думалъ дожить до такой жалости?—спросилъ кто-то.

Покачалъ сѣдою головою Самуилъ и ничего не отвѣтилъ. Всѣ дворовые ходили, какъ шальные.

— Конецъ намъ, видно, приходитъ! Бога мы въ-конецъ прогнѣвали!

Гости толпой стояли на крыльцѣ, шушукаясь: «двѣсти тысячъ, двѣсти тысячъ! это еще небывалое дѣло въ краѣ!»

— Какъ, однако, экипажъ отдѣлалъ! Да и погода грязниться стала. Ишь какъ потеплѣло; облака не зимнія бѣгутъ, будто весной пахнетъ. Какъ бы сегодня дождя не было! Распустить, засидемъ всѣ мы тогда здѣсь у полковника на недѣлю...

— И въ самомъ дѣлѣ, господа, пора бы по домамъ,—сказалъ Веберъ.

— Погодите, исправникъ еще ждетъ сегодня одной справки: онъ на плавни, въ камыши послалъ лазутчиковъ: не туда ли скрылись бѣглецы?

— Весной запахло, большнхъ барышей Подкованцевъ лишится; теперь отъ контрабанды имъ только и житье на-стаетъ! Не даромъ же онъ у моря терся, что тамъ такъ скоро нашелъ брошенный фазтонъ!

Передъ вечеромъ пріѣхалъ нарочный верховой изъ-за Андросовки съ вѣстью отъ лазутчиковъ отъ сосѣднихъ грековъ.

Дѣйствительно, по слухамъ, бѣглецы перебрались къ Дону и скрылись въ его гирлахъ, въ камышахъ. Бросивъ фазтонъ, они наняли у какихъ-то неводчиковъ повозку, а потомъ сѣли на отходившую береговую барку, прошли часть пути водою, по взморью. и скрылись по направленію къ устьямъ Дона.

Къ ночи еще болѣе потеплѣло. Пошелъ дождь. Гости бросились по домамъ. Исправникъ заночевалъ у полковника.

Утромъ Подкованцевъ проснулся; надъ степью плыли теплые непроглядные туманы. Снѣгъ исчезалъ. Поля отдавались уже картинами неожиданной-негаданной весны. Мигомъ въ сутки распустило такъ, что исправникъ въ обѣденное время другого дня выѣхалъ отъ Панчуковскаго въ тарантасѣ, гуськомъ, въ двѣнадцать лошадей. И то поѣхалъ, еле-еле тащась, въ океанѣ невообразимой грязи. Дождь пошелъ и лилъ три дня сряду. Стала небывалая распутица.

Зато тутъ же, между двухъ-трехъ дождей, среди еще не-сошедшаго снѣга, откуда взялась зелень. Въ степи показа-

лись озерки; мелькнули весенніе цвѣты. Въ облакахъ затурликали журавли. Потянулись вереницы гусей. Черезъ новыхъ три-четыре дня, въ одинокихъ затопленныхъ оврагахъ, покрытыхъ лѣсками, загремѣли недалекіе крымскіе и кавказскіе гости — соловьи. Въ воздухѣ запахло почками тополей. Дни прояснѣли. Подулъ съ юга крѣпкій морской вѣтеръ. Туманы уплыли. Пышно засинѣло у береговъ море. А Донъ, дробясь мутными потоками песчаныхъ гирлъ, бурлилъ, кипѣлъ, шумѣлъ и катилъ къ нему свои пѣнистыя и привольныя воды.

Окна выставлены, о шубахъ и помину нѣтъ. Плуги бороздятъ уже степи. Стада высыпали въ поля. Теплый душистый паръ струится и стелется надъ тихими, веселыми долинками и пригорками. Стада овецъ пасутся, утопая въ паркахъ. А солнце весело-весело катится, и каждый, радуясь отходу недолгой зимы, мигаетъ, съ любовью взглядывая на ярко-свержающее небо.

XIII.

Облава на бѣглыхъ.

Ускользнувъ отъ преслѣдованій полиціи, Милороденко, Левенчукъ и Оксана пробрались къ вечеру того дня, въ который на хуторѣ Новой-Диканькѣ произошло такое событие, къ глухой Сасуновой-балкѣ, невдалекѣ отъ морского берега. У Милороденка были вездѣ пріятели и помощники. Загнавъ полковницкихъ лошадей, онъ очень скоро досталъ у какого-то прибрежнаго неводчика новую тройку, и на ней бѣглецы еще нѣсколько времени проскакали на телѣгѣ по взморью. У песчаной пустынной горы они пересѣли на парусную барку и пошли моремъ. День былъ пасмурный. Лодка обошла въ туманѣ рядъ береговыхъ мелей и причалила у тощаго, чуть виднаго въ камышахъ, ручья. Тутъ Милороденко сказалъ: — «стой, братцы, тутъ мы выйдемъ!» — бросилъ гребцамъ договоренную плату, надбавилъ еще на водку, и бѣглецы пошли вверхъ по теченію ручья, а лодочники, обрадованные невиданнымъ заработкомъ, поспѣшили снова въ море.

Ручей вытекалъ изъ степного оврага Сасуновой-балки. Тамъ вечеръ, а вскорѣ и ночь застала бѣглецовъ. Припавъ на себѣ оставшіе чемоданы, они вошли въ камыши, окру-

жавшіе истоки ручья, выбрали мѣсто посуше, на склонѣ оврага, у прошлогодняго стога сѣна, накошеннаго тутъ кѣмъ-то по низу балки, и сѣли отдохнуть.

— Ну, Хоринька, не знаю, какъ ты, а я у лодочника захватилъ хлѣба и рыбки. Садись съ подругою, да закусывай, чѣмъ Богъ послалъ.

— Не то у меня на умѣ теперь, чтобъ хлѣбъ ѣсть! Оксана, возьми ты; не затоцай, — дорога еще не завтра кончатся...

Оксана взяла хлѣба и рыбы.

— Куда мы дѣнемся теперь?—спросилъ Левенчукъ:— что это вы съ нами сдѣлали, Василій Ивановичъ?

— А! Какъ куда? Какъ, что я сдѣлалъ?

— Зачѣмъ это вы у полковника деньги взяли?

— Деньги? Шалишь, братецъ! Ахъ, ты простота, простота. Да деньги-то всему сила. Съ ними, братъ, теперь намъ море по-колѣно будетъ, а счастье въ ноги намъ будетъ кланяться!

— Не будетъ!

— Будетъ!

— А какъ не будетъ? Какъ поймутъ-то насъ теперь, въ кандалы закуютъ, да по острогамъ морить станутъ, а послѣ въ каторгу сошлютъ, и еще палачъ-то тебя кнутомъ отдеретъ?

Милорѣденко засвистать, засмѣялся; отъ смѣху по травѣ покатился и опять сѣлъ степенно и съ достоинствомъ.

— Глупъ ты есть и теперь, человѣче; глупъ, братъ Хоринька, вижу я, ты и по сей день, съ той поры, какъ я велъ тебя сюда! Помнишь ты тѣ дни и тѣ ноченьки, поля безъ дорогъ и овраги такіе же, какъ вотъ и эта трущоба? Велъ я тебя тогда ими и уму-разуму поучалъ. Многое я тебѣ пророчилъ, да не все сбылось изъ того! Не все сбылось, многое переѣмнилось тутъ, а все-таки — признайся и скажи, братъ, такъ ли ты здѣсь дни-то свои короталъ, на этомъ привольѣ, по неводамъ, у моря осенью и зимой, или лѣтомъ по степямъ здѣшнимъ, какъ жить ты, положимъ, у своей-то госпожи?.. Ну, говори!

— Конечно, оно такъ; а все-таки, какъ подумаю: чего же мы съ вами, дялюшка, и тутъ дождались? Бить насъ и тутъ били, невѣсту у меня и тутъ отняли...

— А энтакой чемаданише, да еще полныйи денегъ то,

рѣшился бы тамъ, въ своей-то степи украсть, пастухомъ-то за стадомъ день-денской ходючи? А? Говори, ну?

Милороденко взялъ меньшій чемоданъ и еще въ отблескѣ сѣренькой, влажной зари раскрылъ его. Левенчукъ увидѣлъ связки бумагъ и между ними пачки ассигнацій.

— Почитай тутъ тысячи, десятки тысячъ. А? Вѣдь не рѣшился бы?

— Куда мнѣ! Разумѣется, не посмѣлъ бы...

— То-то же; а тутъ ты вонъ другой человекъ сталъ! Тебя, значить, обидѣли, ну, и ты спуска не далъ, да еще гдѣ? въ самыхъ, такъ сказать, апартаментахъ, въ кабинетѣ ихъ высокоблагородія полковника, да еще и самого барина-то за бѣлую глоточку этакъ подержалъ — не шали, дескать, мы сами люди... не обижай насъ! Мы тутъ вольные!

— Такъ оно, такъ, да только деньги эти напрасно мы брали! Куда мы ихъ дѣлемъ? За ними и погоня крѣпче будетъ. Поднимутъ всѣхъ чиновниковъ за нами теперь, всѣхъ стеновыхъ и засѣдателей. Взяли бы одну Оксану, они бы насъ бросили сегодня же? Что мы имъ?

— Барышня, цѣлуйте его! Видите, какова-съ вѣрность-то! Ну, цѣлуйте же его, а то буду сердиться!

— Охъ, Василь Ивановичъ! — сказала Оксана: — ужъ мнѣ ли не клясть моего мучителя и врага? не вамъ ли я на него плакалась? А погубятъ насъ эти деньги; пропадемъ мы всѣ за нихъ, и я говорю.

Милороденко помолчалъ... На дворѣ стемнѣло окончательно.

— Вылѣзь, Хѳринька, на шпинекъ, да глянь, все ли тихо кругомъ; а тамъ покалякаемъ, сползешь опять.

Левенчукъ выбрался изъ оврага, долго слушалъ, приглядываясь во всѣ стороны, отошелъ нѣсколько въ степь и воротился.

— Ну? Никого не видно?

— Никого.

— Вотъ же что я надумалъ, слушайте! — рѣшилъ Милороденко: — до утра мы выспимся, а утромъ деньги сосчитаемъ и подѣлимся.

— Ничего намъ не нужно, Василь Ивановичъ, — отвѣтили разомъ Левенчукъ и Оксана: — мы ужъ условились; вмѣстѣ втроемъ намъ оставаться и бурлачить долѣ нельзя.

— Куда же вы? Такъ меня ужъ и бросить затѣяли?

— Спасибо вамъ, а только мы такъ положили: доберемся до Дону, сядемъ какъ-нибудь на барку какую-нибудь, пройдемъ до Качалина, а тамъ на Волгу, и Волгою либо въ Астрахань, либо въ Моршанскъ, — одинъ городокъ такой тамъ есть, и меня кушцы хорошия туда звали. Я ужъ и пачпортъ принасъ заранее тогда еще. Они обѣщали спрятать отъ всякаго дозора и приписать въ своемъ городѣ...

— Пачпортъ? Откуда?

— Въ гирлахъ досталъ.

— У Проскудина Теди?

— У него.

— Ну, это моей фабрики, я угадалъ! Далѣе, братецъ! говори далѣе...

— А далѣе, что Богъ дастъ. Тамъ и станемъ жить. Что мы! Дѣла злого никакого не сдѣляли; нечего и суда бояться, хоть бы и узнали насъ когда, что мы бѣглецы.

Милорѣденко вздохнулъ.

— Туда, такъ туда! Идите съ Богомъ. Радъ, что вызволилъ васъ. Оно точно, проживете себѣ, коли такъ ужъ купцы звали. А тамъ и волю, должно-статься, скоро скажутъ всѣмъ. Ну, а деньги?

— Деньги берите вы: на что онѣ намъ?

— Какъ? Всѣ?..

Духъ у Милорѣденка замеръ. Онъ тронулъ чемоданъ.

— Всѣ.

— То-есть, рѣшительно, какъ есть, всѣ до копейки?

— До копейки.

Милорѣденко шапку снялъ и перекрестился.

— Господи! услышалъ Ты молитву мою. Теперь я богатъ, какихъ и въ сказкахъ не бываетъ. Добился, значить, и я до своего! Куда же я теперь пойду-то?

Левенчукъ и Оксана молчали.

— Пойду я за Несвитай; тамъ у меня солдатка знакомая одна, кума есть. Деньги закопаю у нея, развѣдаю въ гирлахъ, у камышниковъ нашихъ, нельзя ли пробраться за Кубань, либо за Манычъ, къ киргизамъ, или на Кавказъ? Можно—возьму и богатство; нѣтъ—послѣ за нимъ прѣйду. И заживу же я, братъ. Хоринька, теперь ужъ какъ слѣдуетъ. На церковь дамъ сиротамъ, бѣднымъ роздамъ какую часть... Что изъ того, что мы вотъ бѣглецы? Я-то ужъ, по-

ложимъ, совѣмъ, пожалуй, порченый, многое затѣвалъ. Да зато тихо жилъ въ послѣднее время у полковника. А вы вотъ и вовсе ни въ чемъ неповинные. Да присмотрѣлся я и ко всѣмъ-то нашимъ, что живутъ вонъ хоть у полковника. Люди какъ люди; и какъ за него-то стояли еще! точно за отца родного, точно его подневольные, крѣпостные. Я кучеру его Самойлѣ этому чуть кишокъ не выпустилъ, какъ пошелъ тебя освобождать и развязывать въ конюшнѣ, а онъ насторожѣ былъ у воротъ ночью. Не совладай я съ нимъ, все бы пропало; да и всѣ они такъ. А отчего? Нужны они ему больно, онъ ихъ содержитъ получше иныхъ-то господъ, ну, они за него и горой! Придетъ времячко, Хоринька, ты съ своею хозяйкою дождешься лучшаго часу, станешь спокойно жить, припѣваючи, а меня тогда не поминай, братъ, лихомъ... Все у меня зудитъ и теперь еще, точно шихаетъ куда; я ужъ и не гожусь съ вами-то. Ну, а какъ деньги эти я проведу, да на франки и сантимы, либо на эти шпестры турецкіе промѣняю, такъ еще носъ утру не одному... Въ Турцію проберусь, трехъ жень куплю разомъ... пашой буду... бѣсъ ихъ подери! А полковникъ-то, я думаю, горячку теперь поретъ! Да не найдетъ насъ; есть у меня такіе ужъ приятели,—весь край меня знаетъ. Береги, значить, только друга, а денегъ дамъ въ волюшку теперь всякому.

Утромъ рано бѣглецы вскрыли чемоданъ. Оксана высунулась изъ оврага и стерегла, не явится ли какой признакъ погони.

— Мы, братъ, Хоринька, отъ Мертвой недалеко, окружили ее; такъ тутъ надо быть умнѣе! Ты тамъ, что ни говори, а вотъ бери, на тебѣ денегъ! безъ нихъ вамъ не ступить шагу.

Милорѣдско далъ Левенчуку свертокъ червоцевъ.

— Не возьму!—отвѣтилъ опять Левенчукъ:—пускай они пропадаютъ. У меня свои есть. Недаромъ же я старался, ес-то ожидаючи! Я другой человекъ, чѣмъ ты, Василь Ивановичъ: я, братъ, Бога боюсь.

И онъ вынулъ изъ-за пазухи кошелекъ.

— Дурень, голубчикъ, дурень! Охъ, дурачье вы все! Да что дѣлать! Ну, разводи теперь огонь. Бога!.. Да и я-то Его боюсь, только не такъ, какъ ты. Ну, разводи же огонь...

— Зачѣмъ?

— Увидишь.

Левенчукъ высѣкъ огня, собралъ сухого камыша и развелъ на днѣ оврага костерокъ. Стогъ былъ недалеко.

Милорѡденко, обшарившій аккуратно чемоданы полковника, золото и серебро завернулъ особо, а пачки съ ассигнаціями, банковые билеты и разные счеты, бумаги и письма медленно еще разъ осмотрѣлъ и понесъ со вздохомъ на ярко разгорѣвшійся огонь.

— Что вы, дядюшка, что вы?—крикнулъ Левенчукъ.

— Не замай! Пусть горитъ оно и прахомъ пойдетъ, не добромъ нажитое: туда ему и дорога! Еще доведу ли я его и сирячу ли. А накروютъ насъ, ему же опять отдадутъ. Да и такъ ужъ я тутъ убытки несъ, на этихъ-то ассигнаціяхъ, можетъ, скажутъ еще, что и это рукъ нашихъ фабричное дѣло. А золото какъ-нибудь проведу...

Левенчукъ удержалъ его и убѣдилъ лучше все, чего онъ не возьметъ со собою, спрятать въ сѣно.

Оксана безъ мысли и словъ смотрѣла сверху оврага въ одинокую стену. День свѣтлѣлъ болѣе и болѣе. Туманъ уносился. Оврагъ выходилъ изъ утреннихъ сумерекъ. Камыши шелестѣли.

— Какъ бы, однако, стогу не зажечь чужого! — заключилъ Милорѡденко, шевеля огонь, чтобы онъ скорѣе догоралъ, и видя, что съ костра искры иногда летѣли на стогъ: — кто-нибудь добрый человекъ своей скотинкѣ сѣна принасъ! Побереги его, Харькѡ, пока костеръ догоритъ, да и до ясу! А я переодѣнусь тѣмъ временемъ.

Левенчукъ исполнилъ просьбу Милорѡденки и сберегъ стогъ, куда тотчасъ сирятали остальные деньги и чемоданъ. Бѣглецы переодѣлись и пустились вверхъ по оврагу. Левенчукъ надѣлъ прежній свой мѣщанскій нарядъ, а Милорѡденко досталъ изъ чемодана статское пальто полковника и другую шапку. Вверху оврага, верстахъ въ трехъ, былъ вольный шинокъ. Тамъ Милорѡденко въ шинкарѣ-конокрадѣ нашелъ стараго пріятеля. Левенчукъ и Оксана оставались въ оврагѣ. Милорѡденко принесъ имъ перекусить и объявилъ, что за часъ передъ тѣмъ тутъ проскакалъ становой съ двумя гарнизонными солдатами.

— Теперь прощайте!—сказалъ онъ:—коли хотите, идите въ Святодуховку; черезъ недѣлю я достану коней и приѣду за вами. Попъ васъ пока укроетъ въ байракѣ!

Незадолго передъ тѣмъ между господами-землевладѣльцами прошла молва, что явился съ зимы новый губернаторъ и что онъ вознамѣрился принять брошенные-было его предмѣстникомъ крутыя мѣры противъ бѣглыхъ. Ему обѣщаль свое горячее содѣйствіе ближайшій градоначальникъ, особенно злившійся на бродягъ за распространеніе бережной контрабанды. Всѣ опять мгновенно окрысились на безпаспортный народъ, точно до того времени его здѣсь не подозрѣвали. Стали сновать во всѣ стороны тайные гонцы. Писались экстренныя предувѣдомленія по земской и по городской полиціямъ. Потребовали готовности къ содѣйствію, въ случаѣ надобности, близъ-стоявшихъ военныхъ командъ и, въ особенности, ловкихъ на эти знакомыя уже въ краѣ дѣла донскихъ казаковъ. Одни изъ владѣльцевъ земель, рыболовнѣ и фабрикъ радовались этимъ мѣрамъ; другіе, и большая часть, говорили противъ нихъ. — «Краѣ бѣглыми только и держался», толковали послѣдніе: «не будь ихъ, онъ запустѣетъ; жди еще, пока эти земли заселятся законнымъ путемъ, пока сѣверное народонаселеніе сюда хлынетъ!» — «А исторіи съ Панчуковскимъ? — возражали первые: — а постоянные грабежи по взморью, конокрадство въ степяхъ, несоблюденіе условій найма, убійства, общее растлѣніе нравовъ здѣшняго сельскаго населенія, въ виду покровительства съ нашей же стороны бродягамъ?» — Споры мѣстностей и мнѣній опять загорѣлись. Возобновилась снова и здѣсь вѣчная знакомая міру сказка войны Бѣлой и Алой Розъ. Андросовка шла противъ Антроповки, Небольцевы спорили съ Шутовкинымъ, Щелкова съ Шульцвейномъ, Мертвыя-воды съ Дономъ, а Веберъ съ своимъ родичемъ Шваберомъ. Прошла вѣсть, что кое-гдѣ уже оцѣплялись города и пригороды. Земскія власти дѣлали неожиданные обыски деревень и одинокихъ стенихъ хуторовъ. Остроги переполнялись безпаспортными, дезертирами и особымъ сословіемъ мѣстныхъ бродягъ, выдающихъ себя за людей, непомнящихъ родства. Подъ конвоемъ гарнизонныхъ рыцарей прошли партіи пойманныхъ и дознанныхъ бѣглыхъ. Зашевелилась вольница, смиренно жившая на всей вольготности по нѣскольку сладкихъ и тихихъ лѣтъ. Иные найдены сѣдовласыми и съ кучей дѣтей отъ новыхъ, въ бѣгахъ припасенныхъ, хозяекъ. Сколько лѣтъ они уже въ бродягахъ, этого и они сами не скажутъ, не помнятъ. —

«Кто ваши господа, гдѣ они?» — «А Богъ ихъ знаетъ! живы ли наши господа теперь, мы не знаемъ!» — «Когда же вы бѣжали?» — «До первой еще холеры, въ персидскую войну, отъ набора!» — Сгоняли въ города самозванцевъ-мѣщанъ, сапожниковъ, плотниковъ, неводчиковъ, столяровъ, слесарей и пастуховъ. Однихъ ловили, другіе сами шли, слышавъ ловко-пущенный къмъ-го слухъ, будто бѣглымъ будутъ въ правленіяхъ раздавать земли и водворять ихъ на прижитыхъ ими мѣстностяхъ, въ качествѣ вольнаго народа. Кучи фальшивыхъ паспортовъ загромождали въ полиціяхъ допросные столы. Очистивъ города, власти отрядили отдѣльные обыски по деревнямъ. Дошла очередь и до тихихъ окрестностей Мертвой.

— Эка невидаль, что люди безъ паспортовъ живутъ! — ворчалъ ослѣпшій дьячокъ отца Павладія, Фендриховъ: — оиять, вторично, замретъ наша окольность по Мертвой.

— Молчи, Фендриховъ, не ропщи! Сказано бо въ писаніи: ропоть гнѣвитъ Господа, и кійждо бо спасенія не обрящетъ! А лучше молись: авось все обстроится, и да мимо идетъ чаша сія. Не въ первый разъ намъ съ тобою терпѣть! Помнишь, какъ люди здѣсь мерли?..

Такъ говорилъ отецъ Павладій, сильно хворавшій и подавшійся съ зимы. Онъ уже почти не выходилъ изъ дому, незаглядывалъ, по обычаю, въ свою любимую, весело зеленѣвшую рощу, или все сидѣлъ на крылечкѣ, смотря на косогоръ въ стѣнь за церковь, будто кого поджидая. Но Фендриховъ, отъ слѣпоты ли, или старости ставшій очень сердитымъ, не унимался и все ворчалъ, сидя съ ногами на лежанкѣ въ спальнѣ, передъ кроватью священника.

— Сказуютъ, что для порядка! А гдѣ порядокъ? Ты лучше прежде надели вертоградъ твой, тогда и требуй, чтобъ тамъ все было на чистоту. Вотъ хоть бы и наша Оксана. Что же, что она дочь бѣлаго? А жила же у насъ какъ святая весь дѣвичій вѣкъ! Взяли ее, увели, и все у насъ осиротѣло. Вотъ такъ и вся земля тутъ запустѣетъ, ваше преподобіе. Такъ-то-съ!

— Объ Оксанѣ ты не говори! Слышишь? Не говори! Лучше мнѣ не вспоминай о ней вовсе, и только!

— Не могу, не могу, отче...

— Вотъ тоже хоть бы и ты, Фендриховъ. Ты старъ былъ и хотя-таки съ лѣнцою, а все же церковь подметалъ

какъ слѣдуетъ, да и подметаль, пожалуй, тоже только по большимъ праздникамъ. Ну, вотъ и прислали намъ много дьячка; положимъ, Андрей нашъ и молодъ, и все содержитъ въ чистотѣ. А что? душа моя ни къ чему тутъ при немъ не лежитъ! И въ ограду идешь, ключи берешь; дорожки подметены, песочкомъ усыпаны; бѣжитъ Андрей въ халатикѣ, суетится, услуживаетъ; а не то, братецъ, не то... Все не то стало!.. Міръ не туда идетъ!

— Куда же онъ идетъ?

— Къ послѣднему времени идетъ...

Такъ отецъ Павладій говорилъ Фендрихову про новаго дьячка, Андрея, своего же родича, который по поводу исключенія своего за грубости инспектору семинаріи, несмотря на окончаніе первымъ ученикомъ курса, былъ лишень незадолго передъ этимъ сана священника и права на приходъ и командированъ сюда, въ наказаніе, въ простые причетники. Онъ покорился печальной участи, охотно принялся за должность при дядѣ, сильно обрадовался, что нашелъ у него множество книгъ; предался со всею пылостью молодой, жаждущей знанія души, стать въ часы отдыха (а его, Боже, сколько здѣсь) охотиться съ ружьемъ по окрестностямъ и сразу заслужилъ любовь прихожанъ. Какъ-то, съѣздивши въ городъ за новыми церковными книгами и для расчета въ консисторіи по довѣренности отца Павладія, по свѣчному сбору, онъ познакомился тамъ съ учителемъ уѣзднаго училища, затѣявшимъ, какъ мы говорили, открыть по сосѣдству публичную бібліотеку и сильно въ этомъ разочаровавшимся, и разговорился съ нимъ о томъ, о сѣмъ. Онъ досталъ у этого учителя еще десятокъ-другой любопытныхъ книгъ и между прочимъ сталъ жаловаться на свою судьбу. — «Вы, мой любезнѣйшій, сдѣлайте такъ, какъ я! — возразилъ учитель: — купите дестъ-другую дешевенькой сѣрой бумаги, да и пишите ваши наблюденія надъ мѣстными нравами, записокъ своихъ не бросайте: онѣ вамъ пригодятся! Видите, какъ здѣсь все быстро мѣняется; край строится заново. Уже на моихъ глазахъ многое измѣнилось. Вонъ и дончаки, слышно, затѣваютъ улучшения, помышляютъ о желѣзной дорогѣ и о пароходствѣ. Не захотите сами въ литературу пуститься, вотъ теперь стать, какъ я, газетнымъ корреспондентомъ. — отошлите свои наблюденія въ географическое общество!» — «Помилуйте-съ, еще мнѣ

достается; что я есть такое теперь, по поводу оказаннаго неуваженія моего, такъ сказать-сь, извините, къ взяточнику-сь и казнокраду, нашему бывшему инспектору семинаріи? Я—дьячокъ и только-сь». — «Ничего; многіе ваши уже выступаютъ на поприще. Покупайте бумагу и пишите. Слышно, и вашъ священникъ пишетъ какое-то разсужденіе?» — «Отецъ Павладій-сь?» — «Да». — «Такъ точно-сь, пишетъ что-то, только онъ больно сталъ хирѣть»... — «А что вашъ романъ съ похищеніемъ его воспитанницы? Гдѣ она?» — «Богъ вѣсть; сказываютъ, снова ушла съ прежнимъ любезнымъ». — «Смотрите же, пишите записки. Библіотека мнѣ не удалась; но я вновь тутъ около одного мѣщанишки, кирпичнаго заводчика, захаживаюсь; онъ раскольникъ, можетъ-быть дастъ деньжатъ на журналъ; такъ мы тутъ тогда на Мертвой, въ городкѣ, типографію откроемъ и журналъ станемъ издавать. Трудитесь, любезнѣйшій; отъ насъ, бурсаковъ-сь, многого ждуть теперь; вотъ что-сь! Когда бъ Вѣлинскій былъ живъ, мы бы его заманили въ покровители». — «Да, да! Когда бы Вѣлинскій!.. Вотъ душа-то была! Мы его тайкомъ теперь въ семинаріяхъ читаемъ». — «Ну, коли не Вѣлинскаго, къ другимъ литераторамъ письмо напишемъ,—есть хорошіе люди! они намъ откликнутся! Что жъ что мы нище и что вокругъ насъ одни золотолюбцы да угодники мамоны живутъ, тупые, отсталые и злые люди? Мы на нихъ не посмотримъ; мы будемъ работать. Вѣдь у насъ паспорта есть; насъ не выгонять, не выведутъ, какъ этихъ теперь бѣдняковъ бѣглыхъ. Такъ, или не такъ-сь?» — «Извольте-сь; согласенъ. Что же это за записки надо вести?» — «О жизни-сь, да и о прочемъ»...

Такъ бесѣдовали новые пріятели, бездольныя горячія головы.

Между тѣмъ, затѣяныя мѣры противъ бродягъ шли энергически своимъ путемъ. Власти хватали и разыскивали безпаспортныхъ, а между послѣдними въ то же время являлись примѣры такой прыти, какой прежде и не бывало.

— Жили смирно бѣгле, никто ихъ не замалъ! — ворчалъ снова на лежанкѣ Фендриховъ: — стали тревожить ихъ, пошли шалости! Вотъ такъ и съ пчелами бываетъ: трудятся златыя пчелки—смирны, ничего; а развороши ихъ, и бѣда—озлятся.

И точно, дерзости бѣглыхъ въ ту весну превзошли все

границы. Осада Панчуковскаго, небывалая покража у него громадной суммы, его же бѣглымъ слугою, все это были вещи нешуточныя. На берегъ близъ Таганрога съ англійскаго судна тогда же высадили и скрыли какъ-то ночью баснословное количество контрабанды: чаю, сахару, шелковыхъ, шерстяныхъ тканей, пороху и остальныхъ издѣлій, на сотни тысячъ рублей. У какой-то переправы выскли квартальнаго, гналшагося погоней за открытымъ бѣглымъ мясникомъ изъ городка. На базарѣ въ Керчи зарѣзали мѣнялу среди бѣла-дня и увезли въ свалкѣ его деньги. На дорогѣ, въ степи, ограбили губернаторшу. Возлѣ Сивана, въ гнилыхъ болотахъ, появился настоящій разбойникъ, какой-то дезертиръ Пѣночкинъ. О немъ и о его походахъ пошли уже настоящія сказки: что будто бы онъ на откупъ взялъ все пути по Арабатской-стрѣлкѣ, собираетъ калымъ съ каждаго проѣзжаго и прохожаго на сто верстъ въ округности, что его пуля не беретъ, что вся его шайка заговорена отъ смерти, что онъ зарекся ограбить Симферополь, Феодосію, а потомъ Мелитополь, и завелъ часть летучаго отряда даже на вершинахъ Чатырдага. Мѣстное воображеніе и толки разыгрались.

— Слышали вы, какіе ужасы рассказываютъ?

— Слыхалъ, но не всему вѣрю, какъ другіе, недавно еще, впрочемъ, считавшіе нашихъ бѣглыхъ пуританами, по чистотѣ ихъ нравовъ.

Это говорилъ Панчуковскій, встрѣтившись съ колонистомъ Шульцвейномъ у мостка, у переправы черезъ бурлившую еще Мертвую.

— Куда вы, Богданъ Богдановичъ, ѣдете? Помните, какъ мы тогда-то встрѣтились съ вами, также въ степи, подъ Мелитополемъ? Много воды утекло съ тѣхъ поръ!

— А вы куда?

— На облаву хутора нашей Авдотьи Петровны.

— И я туда же по дѣлу, кстати, разомъ къ ней за рѣчкой и своротимъ.

— Да-съ; не ожидалъ я отъ нея. Какова барыня!—сказалъ Панчуковскій.

— А что? Я все это время въ отлучкахъ былъ, по своимъ овчарнямъ...

Дюжій колонистъ поправилъ волосы и сталъ пугливо ждать отвѣта.

— Да у нея вчера нашли шестьдесятъ-пять бѣглыхъ какъ и жили у нея слободой. Сегодня продолжаютъ обыскъ. Это, должно-быть, послѣднимъ подвигомъ Подкованцева будетъ.

— Что же, развѣ съ этимъ добрымъ Подкованцевымъ опять что-нибудь случилось?

— Да, говорятъ, дали ему послѣднее испытаніе: коли не выкажетъ здѣсь особой бойкости въ поимкѣ бѣглыхъ, его отставятъ.

— А ваше дѣло? покража этой баснословной суммы?

— Что за баснословная! еще наживемъ-сь.

Колонистъ покосился на полковника.

— Что же, ѣдемъ къ сосѣдкѣ?

— А! поѣдемъ. Это любопытно.

— Не только любопытно, но и поучительно! — сказалъ полковникъ. — Да надо бы его теперь и на церковный хуторъ нашего отца Павладія направить. Этотъ священникъ — извѣстный передержчикъ бѣглыхъ; его бы рожу да байраки обшарить.

— Не хорошо, полковникъ, нихтъ гуть! — возразилъ съ горечью честный нѣмецъ, отъѣзжая отъ моста: — вы съ нимъ врагъ теперь, и на него напускаете такія страсти. Вы мстите ему? вы? Фи! не хорошо!

— Такъ ему и надо; теперь каждый думай о себѣ.

— У васъ же, полковникъ, всѣ бѣглые похѣрены?

— Нечего дѣлать, придется и мнѣ съ моими проститься, — самъ ѣздивъ въ городъ, привелъ уже одну партію настоящихъ работниковъ: всѣ перемѣню, ни одного теперь бродяги не стану держать, ну ихъ къ бѣсу! Только теперь еще молчу; разомъ всѣхъ прогоню...

Полковникъ съ нѣмцемъ поѣхали къ Авдотѣ Петровнѣ, надъ которою стряслась такая черная бѣда въ видѣ наѣзда исправника, по порученію губернатора.

Отецъ Павладій, между тѣмъ, въ тотъ день передъ вечеромъ былъ изумленъ появленіемъ нежданныхъ гостей.

Онъ, по обычаю, теперь сидѣлъ съ утра до вечера въ залѣ, въ старомъ потертомъ креслѣ передъ окномъ, читая какую-нибудь книгу, и собирался тогда перемѣститься на крылечко, гдѣ онъ на воздухѣ любилъ ужинать, какъ во дворѣ его, у кухни, произошла суета. Сперва вбѣжалъ-было къ нему, шелести новымъ камлотовымъ подрясникомъ, его

племянникъ—дьячокъ Андрей. По Андрей вскочилъ только въ сѣни, постоялъ какъ бы въ раздумьи и выбѣжалъ опять на крыльцо. Слышались голоса; говорилъ кто-то шопотомъ. Заскрипѣли половицы подъ знакомыми пятками Фендрихова. Слепой другъ долгодѣтней жизни отца Павладія вошелъ, ведомый своимъ преемникомъ, и, ошупывая стѣны и при-толки, остановился въ залѣ у дверей. Лицо его измѣнилось и сіяло необычайнымъ чувствомъ радости и ликоваія.

— Что такое съ тобою, Фендриховъ? ты на себя сталъ непохожъ!

Священникъ заложилъ очки на лобъ и, ожидая чего-то невѣроятнаго, покраснѣлъ; руки его дрожали, косичка моталась на затылкѣ.

— Говори же, что тамъ такое? Ну? Что ты глядишь на меня, Андрей?

— Оксана, батюшка... она сама... пришла съ Левенчукомъ! Идите, отворяйте церковь, вѣнчайте ихъ скорѣе!

Отецъ Павладій всталъ и вышелъ въ сѣни. Ему навстрѣчу на порогѣ поклонились до земли Оксана и Левенчукъ. Онъ сперва-было не узналъ Оксаны. Измученная столькими событіями, она сильно измѣнилась въ лицѣ, но была такъ же хороша, если еще не лучше...

— Оксана, Оксаночка моя!—заплакала отецъ Павладій, всхлипывая, дрожа всѣмъ тѣломъ и крестя лежавшую у ногъ его Оксану.

— Благословите насъ, батюшка, отецъ нашъ названный, меня и его благословите!—сказала Оксана, также плача и не поднимаясь.

— Благословите и вѣнчайте; за нами скоро будетъ погоня!—прибавилъ Левенчукъ:—намъ либо вмѣстѣ жить, либо умирать!

— Погоня? Куда? Ко мнѣ! Это еще что? Этого не будетъ!

— Сюда, батюшка, сюда; мы покинули барку у Лисей-Косы, а сюда прѣехали на неводской подводѣ. Насъ по баркѣ найдутъ; мы всю ночь ѣхали на чумацкомъ возу подъ рогожами съ мѣшками муки.

— Вставайте, вставайте! Богъ васъ благословитъ! Ахъ вы, соколики мои! Ахъ ты, Оксаночка моя! и ты, такъ вотъ, это какъ есть, на возу-то тряслась...

Священникъ не договорилъ. Онъ не могъ безъ слезъ

видѣть своей нѣжно-любимой питомицы. Она стыдилась глаза поднять.

— Нужда, батюшка, всему научить! — грустно сказала Оксана:—неволя какъ добъеть, то и воля не всегда лихо залѣчить!

— Андрей! Федриховъ! живо! Ключи гдѣ? Отпирайте церковъ! Огня давайте, да въ кадильницу ладану!

Стѣпой и зрячій дьячки засуетились. На дворѣ наступила ночь.

— Свидѣтели есть у васъ?

— Вотъ ихъ милость будеть!—сказалъ Левенчукъ, указывая на молодого дьячка:—нашъ возница-неводчикъ заручится тоже, и довольно,—а тетка Горпина?.. Она еще жива? Дитя ея живо?

— Живы, живы! хорошо. Поспѣшайте: а я вотъ ризу возьму.

Левенчукъ пошелъ звать подводчика. Оксана вздыхала, крестилась, подходила къ каждой вещицѣ въ комнату, трогала ее, пылъ съ нея обметала, цѣловала и слезно плакала-плакала.

— Здравствуйте и навѣки прощайте!—шептала она.

— Расскажи же ты мнѣ, Оксана, какъ это тебя украли?—спросилъ священникъ сквозь двери, наскоро переодѣваясь въ спальнѣ.

Оксана передала все, что могла успѣть.

— А онъ-то, антихристъ, олъ-то? извергъ-то этотъ? Какъ онъ-то мучилъ тебя?

Оксана молчала, не поднимая заплаканныхъ глазъ.

— Ну, да я не буду тебя допытывать; горе, горе такое, что и трогать-то его не слѣдуетъ! Смотри же только, Оксана... хоть дитя-то теперь не твое, незаконное будетъ; хоть оно прижито тобою... въ неволѣ, насильно, а все-таки береги себя, береги и его; оно все-таки плодъ твой, даръ Бога живаго! Не проклинай его, корми, люби и воспитай! Дашь слово?

Священникъ вышелъ и торжественно стоялъ передъ Оксаною.

— Развѣ я ужъ, батюшка, нехристъ какал, что ли? Что случилось, было противъ моей воли; я вся измучилась, изболѣла. За что же оно-то мучиться будетъ? Да и что насъ

еще ожидаетъ? Вѣдь мы бродяги, бродяги, батюшка! Намъ мѣста нѣтъ...

Она снова громко зарыдала и упала на столъ, обливая слезами его знакомую, вылощенную столѣтними годами тесовую крышку.

— Господь смилуется и надъ вами, Оксана! Пойдемъ въ церковь.

У паперти Фендриховъ бесѣдоваль съ Левенчукомъ.— «Такъ ты это ее такъ, какъ есть, принимаешь, съ чужою прибылью?»— «Что дѣлать, принимаю!»— «Молодецъ парень! Руку!..»

Всѣ вошли въ церковь. Свѣчи уже горѣли. Стѣпой Фендриховъ чопорно стоялъ въ стихарѣ, на клиросѣ, готовясь пѣть. Священникъ возгласилъ молитву. Свидѣтели опрошены, записаны. Отецъ Павладій скрѣпилъ своею подписью ихъ спросъ и обыскъ. Молодые поставлены передъ налоемъ. Священникъ взмахнулъ кадильницею. Запѣли молитвы. Надѣты вѣнды.

— Любите ли вы другъ друга, сынъ Харитонъ, и ты, дочь моя, Ксенія?

— Любимъ.

— По своему ли вы согласію и по своей ли волѣ вѣнчаетесь?

— По своему согласію и по своей волѣ.

— Богъ васъ благословить!

— Аминь!—пѣли дрожащіе и вмѣстѣ радостные голоса клироса...

Это была та самая церковь, гдѣ впервые нѣкогда увидѣлись Левенчукъ и Оксана. Акаціи и сиреневые кусты, одѣвшись яркою кудрявою зеленью, окутывали попрежнему церковь, и она въ нихъ тонула по крышу. Выщелкиванья соловьевъ мѣшались съ возгласами отца Павладія и съ клиросными перепѣвами. Помѣнявъ кольца вѣнчаемыхъ, связавъ имъ руки и обведя ихъ вокругъ налоя, священникъ кончилъ обрядъ, поздравилъ ихъ, заставилъ поцѣловаться, обнялъ ихъ и самъ въ три ручья расплакался. Плакали Фендриховъ и молодой дьячокъ. Старая Горпина, не сберегшая годъ назадъ Оксаны, также тихо плакала въ церковномъ углу, прижимая къ груди дитя свое, нѣкогда такъ лелѣянное Оксаною.

— Что же у тебя есть, Горпина, молодыхъ угостить?—

спросилъ священникъ, выходя въ ограду:—они теперь князь и княгиня у насъ!

Темнымъ церковнымъ дворомъ, со свѣчами, всѣ воротились къ дому.

Вошли въ комнаты и тамъ накурили ладаномъ. Оксана сѣла бесѣдовать съ Фендриховымъ. Священникъ занялся съ Левенчукомъ.

— Въ прошломъ году я съ тебя требовалъ выкупа; теперь я самъ тебѣ дамъ на подъемъ. Ты, чай, безъ копеечки теперь обрѣтаешься, горемыка?

— Спасибо, батюшка, за все; будетъ чѣмъ вспомнать вашу милость!

Священникъ ушелъ въ спальню, порылся въ завѣтныхъ сундучкахъ и вынесъ Оксанѣ радужную депозитку.

— Вотъ тебѣ, Оксана, мое приданое!—обживитесь гдѣ, извѣстите меня,—еще будетъ... Вѣдь я тебѣ отецъ и воспитатель! Эхъ, счастливъ я теперь больше, чѣмъ когда былъ...

Оксана поклонилась ему въ ноги.

Священникъ сѣлъ опять къ Левенчуку.

— Слушай, сюда, слушай, Левенчукъ!—спросилъ онъ шопотомъ:—тѣ же деньги, казна-то полковника гдѣ? Милорденко гдѣ?

— Я, ваше преподобіе, про то не мѣшаюсь. Товарищъ мой взялъ ихъ, точно; да я ему не судья. Мы его скоро бросили; мы сами себѣ люди, и онъ себѣ человекъ! Я чужого никогда не бралъ и брать не буду...

— Такъ и слѣдуетъ, такъ и слѣдуетъ; ну, спрашивать я больше не буду... Я, братъ, тебѣ вѣрю во все...

Горпина накрыла на столъ, поужинали всѣ вмѣстѣ. Были вынуты три бутылки какого-то завѣтнаго вина. Призывали и молчаливаго приморскаго возницу къ угощенію.

Такъ сидѣли пирующіе, бесѣдовали и попивали, мало разспрашивая и щадя другъ друга. Далеко за полночь домъ священника затихъ. Все въ немъ заснуло. Не успѣло утромъ солнце взойти, поднялся въ домѣ шумъ.

Вбѣжала старая Горпина къ священнику.

— Батюшка! тамъ отъ нѣмца съ горы рядъ какихъ-то людей показался; не то идутъ, не то ѣдутъ, словно понятые съ сотскимъ!

Всѣ выскочили за ворота. Точно: со стороны хутора Вебера двигались какія-то фигуры.

— Спасайтесь, поѣзжайте, бѣгите! это обыскъ, обыскъ!— закричалъ священникъ, и всѣ опротягивъ кинулись во дворъ обратно. Левенчукъ бросился наскоро запрягать съ подводчикомъ возъ. Но выѣхать они не успѣли. Священникъ посоветовалъ воловъ опять распрячь, закатить возъ въ сарай, а всѣмъ спрятаться въ байракъ. Левенчукъ съ Оксаной такъ и сдѣлали, побѣжали туда.

Пройдя наскоро мимо церкви къ пруду, они вошли въ крайніе кусты, и нѣкогда дорогѣй имъ раKITникъ опять скрылъ ихъ въ своихъ зеленѣющихъ развѣсистыхъ кущахъ.

— Какъ тебя звать?—спросилъ священникъ ухмыливаясь неводчика.

— Степанкомъ.

— Ты же, Степанъ, поѣзжай самъ въ поле, имъ же навстрѣчу, будто такъ мукѣ везешь. Слышишь? А я, будто гуляючи, за тобой слѣдомъ пойду...

— Извольте.

— Валяй, Степанъ!

Воловъ опять запрягли.

Возъ поѣхалъ, а за нимъ пошелъ отецъ Павладій; въ полутора верстѣ отъ Святодухова-Кута ихъ встрѣтилъ исправникъ на дрожкахъ и за нимъ человекъ сорокъ понятыхъ съ сотскимъ. Съ другой стороны, изъ-за хутора Вебера, показывалась въ полѣ, подъ предводительствомъ другого сотскаго, новая толпа понятыхъ. Все дѣйствовало по заранѣ составленному предположенію.

— Воротитесь, отецъ Павладій!— сказалъ исправникъ, улыбаясь, держа въ рукахъ бумагу и остановившая священника:—я все понимаю... воротитесь!

— Какъ такъ! я несогласенъ; это насиліе сану!— сказалъ священникъ.

— Сотскій, возьми подводу и этого батрака: извинните, отецъ Павладій! Не угодно ли вамъ сѣсть со мною на дрожки? Волы эти краденые: а батракъ вашъ—извѣстный контрабандистъ Сава Пузырный,—мнѣ дали знать только что наши лазутчики, что онъ къ вамъ отвезъ и главнаго изъ разыскиваемыхъ нами бѣглыхъ...

Священникъ оторопѣлъ, засуетился, потерялся.

— Пожалуйте-съ и покажите намъ, гдѣ у васъ укрылись здѣсь главные бродяги, бѣглый чабанъ помѣщицы Венечяновой, Харитонъ Левенчукъ, и ваша бывшая воспи-

танница, а попросту его любовница, непомнящая родства съ, дѣвка Ксенія?

Отець Павладій очнулся.

— Вы забываете, милостивый государь, уваженіе къ моему званію! у меня никого нѣтъ изъ бѣглыхъ и не было, я ничего не знаю и прошу васъ подобныхъ обвиненій мнѣ не предъявлять всенародно!

— Полноте!—сказаль, улыбаясь, Подкованцевъ:—исполняю свой долгъ; прошу васъ садиться со мною. Не задерживайте насъ!

Нечего дѣлать, священникъ сѣлъ на дрожки.

Они подъѣхали къ святодуховскому двору. Дворъ и садъ наскоро были оцѣлены толпой понятыхъ. Другіе понятые оцѣнили байракъ и прудъ.

Исправникъ распорядился скоро и какъ-то беззвучно метался; вездѣ все устроилъ, сталъ на крыльцѣ, спросилъ: «всѣ ли на мѣстахъ?» велѣлъ вынести къ крыльцу столъ, разложилъ бумаги, досталь кисеть съ табакомъ, набилъ трубочку, поставилъ свидѣтелей, улыбнулся и началъ-было допросъ; но потомъ остановился.

— Что же вы не продолжаете? — спросилъ священникъ, вышедши къ исправнику.

— Подождите, не торопитесь! Вотъ мы еще гостей подождемъ, свидѣтелей, чтобъ протоколъ составить, какъ слѣдуетъ! Я вамъ не судья—будутъ судить другіе!

Священникъ сѣлъ къ сторонѣ, на особомъ стулѣ. Онъ думаль: «Боже мой! что, какъ ихъ найдутъ?» Подъѣхаль старшій Небольцевъ и сядимъ еще кто-то.

— Грѣхъ вамъ, батюшка!—сказаль онъ, подходя:—вотъ-съ, насъ всѣхъ извѣстили, что вы главный притонъ нашимъ грабителямъ въ своей роцѣ устроили!

— Кто же вамъ это сказаль? Такъ про меня одного и сказали?

— Всѣ говорятъ.

На отцѣ Павладіи лица не было.

— Понимаю, вы меня обвиняете въ покровительствѣ бѣглымъ, что черезъ меня они смѣлы и дерзки стали. Господа! Я тридцать лѣтъ тутъ, въ этой пустынѣ, прожилъ; при мнѣ строились и возникали ваши села и нѣкоторые ваши города. Недочеты, обманъ, всякія притѣсненія возмутили вашихъ бѣглыхъ. Они мирно доселѣ жили. Край здѣсь

измѣнился, нравы другіе пошли. Не я обглыхъ передерживалъ; общите другихъ.

— Вы слышите, слышите?—спрашивалъ исправника Небольцевъ.

Подѣхали Шульдвейнъ и Шутовкинъ. Эти обошлись съ священникомъ мягко и вѣжливо.

Вставали уже, составивъ предварительныя статьи протокола, чтобы идти, какъ загремѣли колеса и послышался знакомый звукъ колесъ и рессоръ полковническаго фаэтона, и Панчуковскій, попрежнему щегольски разодѣтый и веселый, выпрыгнувъ изъ фаэтончика, ловко снялъ красивую соломенную панаму, подалъ дружески руку всѣмъ, кромѣ священника, поклонился исправнику. Священнику же онъ сказалъ, обмахивая платкомъ пыль съ лаковыхъ полусапожекъ: «а мы съ вами, батюшка, старинные друзья, не правда ли?»—Священникъ кашлянулъ и сухо отворотился.

— Ну-съ,—началъ Подкованцевъ:—очень радъ буду, господа дворяне, что при васъ лично привелось мнѣ исполнить мой долгъ; коли это мнѣ не удастся,—гоните и судите меня сами...

Всѣ сошли съ крыльца. Общее молчаніе было мрачно и торжественно.

— Сотскіе, начпнайте. Сперва съ кухни и съ амбара, а потомъ въ погреба и на чердаки! Домъ я самъ обыщу.

— Такъ она здѣсь?—страстнымъ шопотомъ допытывать Шутовкинъ полковника.

— Здѣсь!—разсѣянно отвѣтилъ Панчуковскій, вспоминая роковую чудную ночь, когда онъ похитилъ здѣсь Оксану.

— Почему вы узнали?

— Приказчикъ мой ихъ обозналъ, у шинка Лысой-Ганны, знаете?

— Знаю, знаю! Такъ и ея прежній женихъ тутъ?

— Здѣсь, должно быть.

— И она, какъ была, еще съ овальцемъ? Вотъ полюбуюсь крошечкой! Доведется-таки и мнѣ ее увидѣть!..

Облава началась, какъ на охотѣ. Гонцы шли тихо съ дубинами, а сотскіе по крыльямъ порядокъ держали. Они осматривали каждый хлѣвущекъ, каждую ямку и всѣ уголки. Обыскали кухню, амбары, погреба, конюшенный сарайчикъ и домъ. Не нашли никого, кромѣ забившейся подъ свиное

корыто и перепуганной до полу-смерти тётки Горпины. Обыскали церковную ограду, даже церковь, прудъ и садъ.

— Они въ байракѣ! я знаю! — шепнулъ Панчуковскій, подходя къ исправнику, обыскавшему, между тѣмъ, домъ священника.

— Соединить всѣхъ понятыхъ вмѣстѣ! — крикнулъ Подкованцевъ: — сотские! Да идти дружнѣе; не пропускать ни единого кустика, ни одной вѣдомойки.

— Послушайте! Десять тысячъ цѣлковыхъ вамъ! — шептала между тѣмъ Панчуковскій исправнику: — это будетъ не взятка, а благодарственный, законный процентъ! Ради Создателя — найдите ихъ, черезъ нихъ вся моя разграбленная касса найдется!

— А я полагаю, Володя, что ты и по-правдѣ болѣе за красочкою этою хлопочешь? — возразилъ, шутя, Подкованцевъ.

— Куда мнѣ! Я уже о ней забылъ и думать! Спросите Шутовкина; я ему ее обѣщала передать...

Священникъ самъ не свой стоялъ поодаль отъ 'господь и сычиговъ. Онъ силится быть спокойнымъ, но сердце его было тяжелую тревогу. Облава пошла къ байраку. Понятые стали болѣе густою цѣпью съ обоихъ краевъ оврага. Часть изъ нихъ стала по опушкамъ на-сторожѣ. Всѣ же остальные пошли внутрь въ раkitникъ и въ камыши къ ключамъ. Долго они шли, тихо шелести между кустами и деревьями.

— Это совершенно во вкусѣ «Хижины дяди Тома», — замѣтилъ Митя Небольцевъ.

— Далась-таки опять вамъ эта галиматья, эта хижина! Ну, послушайте, господа! — продолжалъ Панчуковскій: — ну, есть ли хоть тѣнь сходства между нашими безпаспортниками и американскими поэтическими неграми, или между нами, господа, и тамошними рабовладѣльцами? Какъ небо и земля!

— Какъ небо и земли! — сказалъ и Подкованцевъ, идя за сотскими къ мѣсту выхода гонцовъ: — ужъ тамъ, какъ у насъ, бювешки не дадутъ...

— А что? ничего нѣту? — спросили зрители.

— Ничего! — лѣниво отвѣтили гонцы, въ разбродѣ выходя на опушку. — «Что бы это значило? — подумалъ Подкованцевъ: — куда же они дѣлись?»

— Стой, стой! держи его! стой!—нежданно и въ разладъ крикнули голоса понятыхъ въ чащѣ байрака.

Всѣ остальные гонцы также кинулись туда. Изумленнымъ взорамъ исправника и помѣщиковъ открылась драка въ гушинѣ камыша, падающая ключами. Куча понятыхъ старалась кого-то осилить. Ловимый отмахивался дубиною и кидался на всѣхъ.

— Не подступай, убью!—кричалъ онъ.

— У него и ножъ!—кто-то обозвался въ толгѣ, и понятые отшатнулись.

Подбѣжалъ исправникъ.

— Лови его, хватай! чего вы стоите! Бери, вяжи его!

Понятые опять кинулись, навалили гурьбой на пойманнаго, сбили его съ ногъ; произошла схватка на землѣ—и опять толпа отхлынула. Трое изъ нея охали, хватаясь за руки и за лица. Кровь текла по ихъ рубашкамъ.

— Братцы, не тронь меня; я Пѣночкинъ; я зарученный!—бойко проговорилъ пойманный, выпрямляясь:—тронете меня, всѣмъ пропадать!

— Врешь!—раздался сзади голосъ Панчуковскаго:—берите его, это Милорденко; стрѣлай въ него изъ ружья, сотскій, только бей на-смерть, коли заупрямится!

— Ружье сюда и мнѣ!—крикнулъ исправникъ:—сдавайся, мерзавецъ, или я тебя положу...

Толпа зашумѣла. Священникъ глазамъ своимъ не вѣрилъ. Онъ желалъ видѣть Левенчука и Оксану, а прежде ихъ увидѣлъ челоуѣка, котораго называли роковымъ именемъ Милорденки.

— Какъ ты попалъ сюда, негодяй?—спросилъ онъ его:—ты меня погубилъ: ты въ моей роцѣ спрятался!

— Батюшка, не бойтесь! Они тронуть васъ не посмѣютъ! Что дѣлать! Я здѣсь случаемъ-сь. Пропалъ теперь совсѣмъ! Такъ пусть ихъ высокоблагородіе васъ не тронуть, ослобонять далѣе отъ обыску, я ихъ казну имъ укажу, она у меня далеко запрятана, да я далеко, видите, не ушелъ—пути мнѣ пересѣкъ г. Подкованцевъ. Я тутъ-то, по близостямъ, это и шлялся! А не исполните просьбы моей, будете задаромъ срамить батюшку,—умру, а ничего не открою!

Панчуковскій переговорилъ съ исправникомъ, понятыхъ созвали. Священнику объявили, что такъ какъ одинъ изъ

главныхъ грабителей и преступниковъ пойманъ, то дальнѣйшій обыскъ болѣе не нуженъ,

— Это вамъ, однако, впередъ, батюшка, наука,—сказалъ Небольцевъ:—будьте осторожиѣ! А то мы не даромъ васъ подозрѣвали.

— Мастера вы всѣ, господа, учить; не раскаяться бы послѣ!

Милорѣденко добровольно сдался. Погодя еще и какъ-бы подумавши, онъ крикнулъ... Изъ байрака, какъ послѣ узнали, изъ водомоины, полной листьевъ и всякаго хлама, вышли Левенчукъ и Оксана. Изумленіе было общее.

— Край чудесь! — шепталъ торжествующій Подковацевъ.

Всѣхъ найденныхъ тутъ же связали, осмотрѣли, заковали, и самъ исправникъ съ Панчуковскимъ посадили Милорѣденка и Левенчука въ фаэтонъ, повезли ихъ въ городъ для допроса. Оксану повезли особо въ тарантасъ исправника.

— Не повезете ее со мною,—сказалъ Левенчукъ:—ничего не узнаете про деньги, хоть убейте сразу насъ обоихъ.

Дѣлать нечего, Панчуковскій уступилъ, даже защитилъ Оксану отъ взоровъ любопытныхъ, а Шутовкину, который, мѣля, лѣзъ посмотрѣть на нее, даже погрозилъ поссориться.

Поѣхали исправникъ и Панчуковскій не мѣшкая. На половинѣ дороги ихъ встрѣтилъ становой, съ новою толпою понятыхъ.

— Что такое?

— Настоящаго Пѣночкина поймали!

— Гдѣ поймали? Гдѣ онъ?

— Въ степи тутъ, въ шинкѣ; вотъ онъ!..

Толпа раздвинулась: у телѣги, привязанный къ ея колесу, стоялъ и посмѣивался дѣйствительный Пѣночкинъ.

— Связать его покрѣпче и также въ городъ! Ай да дѣнѣкъ! Теперь уже въ отставку не выгонять; лишь бы жилось на свѣтѣ...

— Въ городъ, въ городъ!

Фаэтонъ полетѣлъ. Милорѣденко сталъ о законахъ разсуждать.

— Ты же гдѣ этимъ статьямъ про уголовные законы учился?—спросилъ его исправникъ дорогою.

— Въ академіи художествъ, въ острогъ-сь тутошнемъ, гдѣ я впервые всю суть позналъ-сь и произошелъ.

— Какъ въ острогъ?

— Извѣстное дѣло-сь: у насъ тамъ свои-сь профессора и адъюнкты есть! Вотъ, когда былъ женатъ на барышнѣ въ Рассей-сь, у нея братецъ-сь двоюродный въ студентахъ былъ-сь и жилъ часто съ нами; такъ нѣтъ-сь, его профессора супротивъ нашихъ куда хуже, наши почище будутъ. Книгіе только о книжкахъ...

XIV.

Приморскій городокъ.

Фаэтончикъ, запряженный новой четверней, летѣлъ вскачь опять тою самою дорогою, по которой нѣкогда полковникъ встрѣтился съ Шульцвейномъ. Опять степь пышно зеленѣла. Опять по ней густо цвѣли, ее заливая, желтые и всякіе цвѣты. Десять человекъ казаковъ скакали верхами возлѣ.

— Эхъ, степь, стенишка!—говорилъ Милороденко, води кругомъ грустными и вмѣстѣ смѣющимися глазами: — раздольице ненаглядное! Не намъ вотъ съ Левенчукомъ больше тобою любоваться! Теперь ужъ я пойду подошвы топтать по нашей Рассейшкѣ! Пожилъ я-таки, господа, въ волю; и у васъ, г. Подкованцевъ, и у васъ, полковникъ, нанимался; что? бѣсъ взялъ, на дворянской дѣвицѣ былъ женатъ, пожилъ, постранствовалъ въ свое удовольствіе! Вотъ теперь и попался. А все отчего? Что паспорта настоящаго мнѣ господиномъ не выдано: рабъ я подневольный былъ, емь и опять буду, значить во вѣки... Господа, позвольте табачку! Я знаю, становой больше коллежскаго секретаря, а исправники больше титулярнаго не бываютъ! Я же еще теперь пока настоящий милліонеръ! Владиміра Алексѣича казна вѣдь, господа, еще у меня сирятана...

Панчуковскій сидѣлъ блѣдно-зеленый, но показывалъ видъ, что тоже отшучивается.

— Дайте ему, Подкованцевъ, табаку на папирску. А у, меня pistolsы, нечего ихъ бояться!—прибавилъ онъ шопотомъ.

— На, воръ, только шутки со мной какой не выкинь: не осрами и не погуби меня! Я за тебя вонъ награду получу...

— Помилуйте! я же и у васъ служилъ; люди мы свои, законы-съ и уваженіе знаемъ-съ.

Дорогой они остановились, опять осмотрѣли закрѣпы Левенчука и Милороденка.

Стемнѣло, когда исправникъ и Панчуковскій, послѣ двукратнаго перевала на пути, взятія новыхъ провожатыхъ и перемѣны лошадей, вѣхали подъ шлагбаумъ присутственнаго, значить чиновнаго, хотя весьма углаго и невзрачнаго приморскаго городка, лежавшаго близъ рѣчки Несытой. Ихъ окликнулъ часовой у городской гауптвахты. Въ городскихъ воротахъ, не могли высоко поднять связанной руки, Милороденко попросилъ ему приподнять шапку и перекрестился.

— Вотъ какъ! еще и крестисься! — сказалъ, суетливо оправляясь и едва говоря отъ усталости, исправникъ.

— Меня Сенька кривой, одинъ тоже вотъ острожный пріятель, въ Кіевѣ, училъ, при проѣздѣ каждаго часового креститься. А онъ зналъ всѣ знанія; антимицы изъ православныхъ церквей все раскольникамъ красть и поставлялъ. Его клейменаго прогнали сквозь двѣ тысячи и сослали въ каторгу-съ. У него кума въ острогѣ была.

Подѣхали къ дому градоначальника. Подкованцевъ, не вѣрившій своему счастью въ поимкѣ такихъ героевъ, спѣшилъ ими оправдать себя.

— Что значить, господа, приморскій воздухъ! — замѣтилъ Милороденко развязно, зѣвая виотъмахъ: — какъ свѣжестью запахло! А все-таки, Владиміръ Алексѣевичъ, я вамъ денегъ не отдамъ: онѣ, считайте, пропали.

Солдаты окружили фаэтонъ. Исправникъ сбѣгалъ къ дежурному чиновнику. Черезъ четверть часа вышла новая, вызванная изъ сосѣдней кордегардіи, команда подъ ружьемъ.

— Это тотъ самый Милороденко, — сказалъ Подкованцевъ чиновнику: — а это тотъ самый его товарищъ Левенчукъ, что ограбили на-дняхъ вотъ ихъ, г. Панчуковскаго; доложите его превосходительству, что я ихъ сегодня выслѣдилъ, поймавъ и лично доставилъ.

Принесли фонари. Арестанты молча стояли. Чиновникъ сбѣгалъ къ градоначальнику.

— Въ мѣшокъ ихъ! — крикнулъ чиновникъ, воротившись: — велѣли ихъ въ острогъ вести, въ секретную.

— Прощайте, баринъ! За вами еще жалованье за два

мѣсяца! Не поминайте лихомъ; съ Амура писать буду!— крикнулъ Милорѡденко Папчуковскому.

Подъѣхала въ тарантасѣ Оксана. Всѣхъ повели въ острогъ.

Градоначальникъ далъ полковнику слово сдѣлать арестантамъ допросъ въ ту же ночь и допытать ихъ о деньгахъ.

— Во всемъ сознаюсь, будьте спокойны!—развязно прибавилъ Милорѡденко:—мнѣ вѣдь надо позаботиться о моемъ другѣ Левенчукѣ и о его пріятельницѣ-съ... Ихъ только спасите...

— Bravo, bravo!—сказалъ Подкованцевъ, уѣзжая въ гостиницу:—какъ мы скоро дѣло обдѣляли! За вами, полковникъ, теперь ужинъ.

— Не только ужинъ, цѣлое вамъ настѣдство! Это вамъ лучшая пенсія за службу!

Отправились въ гостиницу. Туда вскорѣ явились частный приставъ, уголовныхъ дѣлъ стряпчій, два чиновника особыхъ порученій по казуснымъ дѣламъ. Подано шампанское, заказанъ лукулловскій ужинъ. Въ лучшей номеръ поданы карты. Завязался шtosъ. Проиграли до яснаго бѣлаго дня, не вставая.

— А ваша супруга, полковникъ? Она до сихъ поръ здѣсь въ городѣ живетъ?—спрашивали подкутившіе себя сѣдники.

— Дѣйствительно, моя жена, брошенная мною, пріѣхала сюда въ городъ. Но она обзавелась тутъ, господа, утѣшителемъ: какой-то учитель. Вы уже запоздали...

Всѣ захохотали. Еще цинически поострили надъ m-me Панчуковской.

Гости разошлись, пошатываясь. — «Вотъ чудная душа, этотъ Панчуковскій!» повторяли всѣ, уходя: «сейчасъ видно, и бонъ-виванъ, и настоящій аристократъ!..»

Утромъ весь городъ заговорилъ о случаѣ съ Панчуковскимъ, который сюда завертывалъ рѣдко и котораго здѣсь болѣе знали по слухамъ. Онъ являлся къ градоначальнику. Послѣдній оказался его знакомымъ по Петербургу и чуть даже не сверстникомъ по службѣ въ другомъ вѣдомствѣ. Главныхъ чиновниковъ Панчуковскій тоже объѣздитъ. Дѣло его закипѣло. Преступниковъ стали ежедневно допрашивать. Но тѣ вдругъ заперлись о деньгахъ, что никогда ихъ не видали и не грабили полковника.—«Зачѣмъ же вы бѣжали

отъ него?»—«Избавили украденную имъ у священника такую-то дѣвушку».

Шли толки о томъ, что дѣло принимаетъ новый видъ, что чуть ли Панчуковскій, сочиненнымъ слухомъ о пропажѣ денегъ, не думаетъ замаять дѣла о собственныхъ похожденияхъ съ воспитанницею священника.

Это говорила молодежь изъ чиновниковъ. Люди зрѣлые ударились на соображеніе, какъ выманить у преступниковъ сознаніе въ томъ, куда они спрятали такую чудовищную сумму. Слѣдователи входили въ секретную, заставляли Оксану на соломѣ больную, молчаливую, Левенчука возлѣ нея, а Милорденка на колѣняхъ передъ образомъ: онъ молился и дѣйствительно, казалось, не былъ виноватъ ни въ чемъ изъ того, въ чемъ его винили.

Прошло двѣ недѣли. Полковникъ начиналъ вопить о медленности нашихъ допросовъ, доказывалъ, что мы рано бросили пытку...

Въ обѣдъ въ номерѣ Панчуковского сходилась вся городская аристократія. Кушали, играли въ карты, пили. Передавали слухи и о дѣлѣ, и объ арестантахъ. Прокуроръ сообщалъ постоянно всѣ новости о нихъ: о чемъ они сегодня говорили, какія данныя вновь сообщали.

— Жаль эту дѣвушку, — говорилъ иногда прокуроръ:— она такая тихая, скромная, все плачетъ; и возлюбленный ея, кажется, малый смиренный и жилъ прежде честно. Они, впрочемъ, назвались намъ мужемъ и женою на допросѣ.

— Вотъ это забавно, — сказалъ Панчуковскій.

— Да, вы не вѣрите, мы собрали справки—и точно, они обвинялись послѣ поимки ихъ, у этого самаго вашего священника, отца Павладія, гдѣ она жила воспитанницею.

— Чудеса! какъ скоро успѣли!

— Зато ихъ коноводъ, Милорденко этотъ, вамъ, Владиміръ Алексѣичъ, настолько близкій, — существо непостижимое! Онъ во всемъ сознался: и въ занятіи контрабандой, и въ связяхъ съ нахичеванскими фальшивыми монетчиками, а въ грабежѣ вашихъ денегъ не сознается!

— Нельзя ли какъ, хоть однимъ глазомъ, посмотрѣть на этихъ арестантовъ?—спрашивали прокурора частные посѣтители полковника.

— Меня одна дама просила на Милорденка взглянуть.

— Меня просила моя невеста взглянуть на эту дѣвушку, нашу героиню!

— Нельзя, господа, нельзя теперь никакъ!

— А когда же?

— Дня черезъ три можно.

— Слово? честное слово? Отчего же черезъ три дня?

— Честное и благородное, вотъ вамъ моя рука; самъ я и поведу. Имъ кончится тогда весь предварительный допросъ. Туда же я, къ вашимъ героямъ, посадилъ и нашего другого героя...

— Кого, кого?

— Пѣночкина, дезертира, вы слышали? Этого разбойника съ Сиваша! Онъ на прошлой недѣлѣ взятъ подъ шинкомъ Лысой-Ганны и доставленъ сюда, по соприкосновенности въ главныхъ преступленіяхъ съ нашимъ городомъ. Такъ я и его вмѣстѣ къ Милорѣденкѣ и Левенчуку посадилъ. Имъ данъ теперь лучший и надежнѣйшій казематъ во второмъ этажѣ, рядомъ съ баннею. Небось, не уйдутъ.

— Есть же что-нибудь еще новое о деньгахъ?

— Завтра преступникамъ послѣдній допросъ, сегодня они какъ-то взволнованы отъ моихъ розысковъ и просили ихъ отложить. Завтра, завтра на-утро все рѣшится. Имъ поставится главная улика—жидъ Лейба изъ шинка Лысой-Ганны. Онъ видѣлъ Милорѣденка и Левенчука въ день ихъ побѣга отъ полковника, и они ему показывали какой-то чемоданъ. По справкамъ и примѣтамъ это чемоданъ полковника.

— Такъ мнѣ, выходить, еще ожидать?—спрашивалъ полковникъ.

Его начинало мучить; онъ чувствовалъ, что дѣло его гибнетъ.

— Дня два еще подождите, вѣдь дѣло идетъ не о десяти рубляхъ. Сами будете и слѣдить завтра за допросомъ и открытіемъ вашей покражи.

Панчуковскій со вздохомъ принялъ предложеніе прокурора, освѣдомился о городскихъ удовольствіяхъ того дня и узналъ, что въ городѣ въ тотъ вечеръ былъ театръ. Онъ взялъ билетъ и пошелъ туда почти нехотя.

Ему не очень весело сидѣлось въ театрѣ. Играли какой-то избитый водевиль. Къ нему подѣлъ секретарь градоначальника, правовѣдъ и франтъ, пустота и неизвѣстно почему желавшій казаться близорукимъ. — «Что вы подѣлы-

ваете?»—спросилъ онъ.—«Хочу выписать изъ-за границы себѣ на содержаніе итальянку». — Острога эта пошла по театру.

Въ концѣ представленія неожиданно процеслось между зрителями волненіе. Вошелъ въ партеръ блѣдный полиціймейстеръ-молдаванинъ. Окинувъ залу смутнымъ взоромъ, онъ не сѣлъ на свое мѣсто, а подошелъ сперва въ первомъ ряду креселъ къ городскому головѣ, ему что-то сказалъ, голова сейчасъ оставилъ театръ; потомъ полиціймейстеръ вошелъ въ ложу градоначальника, куда уже передъ тѣмъ по пути заходилъ; и съ нимъ тотчасъ также уѣхалъ изъ театра.

— Что такое, что случилось? — шушукали зрители:—пожаръ, что ли?

— Опять отличилась наша полиція: всѣ главные арестанты бѣжали, два часа назадъ, изъ острога! — отвѣтилъ кто-то вполголоса въ креслахъ.

Панчуковскій вздрогнулъ, всталъ, подошелъ, задыхаясь, къ разговаривавшимъ. Занавѣсъ въ это время опустился. Никто не аплодировалъ. Всѣ занялись роковою вѣстью. Вокругъ секретаря градоначальника столпился весь партеръ.

— Они подняли половицу подъ нарами въ казематѣ,— говорилъ, шурясь и лорнируя ложи, секретарь, слышавшій разговоръ головы съ полиціймейстеромъ: — раскинувъ ее гвоздемъ изъ оконницы, стали каждую ночь опускаться подъ полъ; между поломъ верхняго этажа и сводомъ нижняго проникли въ башню, запертую у насъ, какъ извѣстно, въ острогѣ, за негодностью съ давнихъ поръ, сошли по лѣстницѣ башни внизъ, начали копать подъ стѣну башни, прокопались подъ наружною оградой, и сегодня главные, а за ними и остальные ушли. Они копали нагишомъ, а землю въ рубаникахъ таскали и разсыпали подъ лапами. Тамъ вся команда рыщетъ теперь съ фонарями; погоня поскакала...

— Кто уѣхалъ?—спросилъ Панчуковскій, еще не вѣря своимъ ушамъ.

Голосъ его дрожалъ. Въ глазахъ у него помутилось.

— Всѣ главные воры и негодяи: Пѣночкинъ, напримѣръ, да и ваши-то... да-съ... Милороденко и Левенчукъ, а съ ними тоже и эта, знаете, полковникъ, женщина... Нашъ бѣднякъ полиціймейстеръ совсѣмъ потерялся. Генералъ велѣлъ поднять на ноги всѣ городскія полицейскія силы...

Шумно разнеслась по городу ошеломляющая вѣсть.

Панчуковскій безъ памяти выскочилъ изъ театра. Извозчиковъ уже публика разобрала. Онъ почти побѣжалъ въ свою гостиницу. По дорогѣ, у одного освѣщеннаго дома онъ остановился перевести духъ. Изъ полуоткрытаго окна неслись звуки рояля. Шѣлъ чей-то пріятный женскій голосъ. У воротъ стояла щегольская пролетка; кучеръ дремалъ, завернувшись въ армякъ.

— Чьи лошади?

— Учителя. А вамъ что?

— Какого?

— Головы-съ...— отвѣтилъ кучеръ, увидѣвъ на Панчуковскомъ кокарду и приподнимая шапку.

— Кто вашъ учитель?

— Михайловъ, Иванъ Аполлонычъ.

Панчуковского озадачило.

— Изъ Одессы? бывший студентъ? что у Шутовкина въ томъ году жилъ?

— Такъ точно-съ.

— А у кого это онъ? Квартира тутъ чья? Я что-то не разберу...

— Настасья Васильевна - съ, полковницы Панчуковской-съ...

Панчуковскій отскочилъ. Изъ окна въ это время раздался голосъ.

— Сафронъ, ты тутъ? Подавай.

— Сейчасъ.

Не помнилъ Панчуковскій, какъ добѣжалъ до гостиницы.

«Такъ вотъ она, судьба-то, съ кѣмъ жена моя сошлась! — мыслилъ онъ: — правду же, значить, говорятъ городскіе толки! И она явилась искать со мной сближенія? Письма ко мнѣ писала, а теперь справки противъ меня собираетъ! Процессъ затѣваетъ»...

На столѣ въ номерѣ гостиницы онъ засталъ письмо исправника.

«Не я, Владиміръ Алексѣичъ, виноватъ, если вы сдались на здѣшнія городскія власти послѣ того, какъ я вамъ поймалъ вашихъ похитителей, и не протестовали противъ того, что они въ одномъ казематѣ соединили Левенчука, Милороденка и Пѣночкина, уже сидѣвшаго здѣсь въ острогѣ и прежде бѣжавшаго: въ эти дни они обдумали и исполнили

дерзкое, небывалое дѣло. Полиціймейстеръ тутъ кругомъ виновать. Но я опять предлагаю вамъ свои услуги. Теперь уже надо намъ самимъ дѣйствовать! Изъ ближайшей подгородной корчмы мнѣ сейчасъ донесли, что слѣдъ бѣжавшихъ показалея по направленію къ Дону, къ гирламъ, и именно къ неводамъ куша Пустошнева. Тамъ мѣсто самое глухое и удобное для скрיתя. Держите это пока въ строжайшемъ секретѣ; сейчасъ нанимайте тройку добрыхъ лошадей, возьмите съ собой оружіе, выпросите себѣ у генерала жандарма въ провозатѣе, переодѣньтесь получше и спѣшите ночью же ко мнѣ. Я васъ буду ждать въ сторонѣ отъ большой дороги, у трехъ кургановъ, называемыхъ могилою Трехъ-братьевъ, на девятой верстѣ. Посылаю съ нарочнымъ. Желаю отъ души успѣть.

Вашъ Подкованцевъ».

Панчуковскій сѣздитъ къ градоначальнику, выпросилъ себѣ въ провозатѣе жандарма-солдата, переодѣлся, досталъ у хозяина гостиницы охотничій штуцеръ, зарядилъ одинъ его стволъ картечью, а другой пулею, сѣлъ на приготовленную добрую тройку и поѣхалъ. Онъ платилъ щедро. Всѣ смотрѣли на него съ сожалѣніемъ.

Ужась принималъ его при одномъ помышленіи, что всѣ его труды, усилія пропадали навсегда.

«Дуракъ я, дуракъ. Зачѣмъ я такъ надѣялся? можетъ-быть, деньги въ это время уже были бы у меня въ рукахъ! А я занялся городскими удовольствіями; на стѣны острога понадѣялся... двѣ недѣли ушло! Селедками бы покормить было, хоть черезъ сторожа, этихъ арестантовъ; за червонецъ эту пытку бы сотворили — и дѣло было бы въ шляпѣ».

Ночь была непроглядная. Вѣтеръ шумѣлъ. Дождь срывался. Панчуковскій подѣхалъ къ девятой верстѣ, своротилъ влѣво. У могилы Трехъ-братьевъ его окликнулъ Подкованцевъ.

— У! я продрогъ! Вотъ бы теперь бюешки, колонель, если нѣтъ ничего помажечкать! Нѣтъ ли выпить чего? Что вы такъ опоздали?

— Вотъ вамъ бутылка рому, я захватилъ. Долго въ театрѣ я просидѣлъ, ваше письмо три часа меня ждало; не знали, гдѣ я!

XV.

Въ гирлахъ и плавняхъ на Дону.

Тройки тронулись рысью. Мѣсяць не вырѣзывался. Лошади бѣжали дружно. Многое думалось Панчуковскому. Онъ вспоминалъ лучшіе свои дни здѣсь, въ степяхъ, риски по хозяйству, волшебные барыши, любовныя походы, покражу минувшимъ лѣтомъ Оксаны, картины выдержанной имъ осады, замыселъ выписать себѣ итальянку, — невольно вспомнилъ и лица Милороденки и Левенчука у своей кровати, въ ночь грабежа, городской театр, музыку въ освѣщенномъ окнѣ и отвѣтъ опрошеннаго кучера. — «Она мнѣ измѣнила... тѣмъ лучше! Мнѣ легче будетъ жить по-старому! Но Михайловъ... помощникъ мой!.. Я этого не ожидалъ»... — Исправникъ гдѣ-то въ-потемкахъ останавливался, выѣзжалъ изъ телѣги, съ кѣмъ-то говорилъ, шушукался, и они опять ѣхали. — «Что за таинственныя отношенія здѣшнихъ земскихъ властей къ земству! — думалъ Панчуковскій: — тѣмъ лучше»...

Заря еще не занималась, когда обѣ тройки подѣхали къ какой-то песчаной косѣ. Тутъ они перемѣнили лошадей, опять поскакали, опять смѣнили лошадей, уже невдалекѣ отъ тоней купца Пустошнева, и втянулись въ камыши. Пустошневъ былъ другъ Подкованцева, всегда ему помогать по службѣ. Но тони его, бывшія въ самыхъ донскихъ гирлахъ, особенно были пригодны для пристаней контрабандистовъ, по причинѣ ряда отмелей и островковъ за камышами, прилегавшихъ къ нимъ у взморья, и здѣсь-то часто совершались дѣла, по которымъ послѣ начинались грозныя и энергическія слѣдствія. Это было лакомое мѣсто для исправниковъ. Они же смотрѣли сквозь пальцы на передержку здѣсь бѣглыхъ.

— Вы потершите тутъ, а я на минутку къ молодцамъ найду! — сказала Подкованцевъ: — вы будьте спокойны, я далъ вамъ слово и сдѣлаю. Тутъ надо самимъ работать. Имъ негдѣ уже отсюда пройти, кромѣ вонъ того мѣста! Слышите, пароходъ тутъ гдѣ-то пыхтитъ... На это они навѣрное разсчитывать будутъ; не можетъ быть, чтобы они ушли безъ сильной помощи снаружи острога. Подумайте, Милороденко располагать столько времени и такую огромною

суммою. Имъ здѣсь быть! Они затѣваютъ уйти въ чужіе края...

Исправникъ слѣзъ съ телѣги, накинулъ мужичью свиту, взялъ пистолеты и пошелъ. Панчуковскій приподнялся въ свой чередъ, посматривая кругомъ.

Исправникъ посовѣтовалъ ему еще втянуться въ гирла. Панчуковскій двинулся въ чуть блѣдныхъ сумеркахъ.

— Да вы ступайте, братцы, за мной! — сказалъ исправникъ ямщикамъ: — тутъ дорога плоская, рытвинъ почти нѣтъ. Ступайте шагомъ, пока я крикну: тогда и остановитесь.

Подкованцевъ шелъ, чуть видный впереди, медленно подвигаясь между исполинскими камышами, то узкими, то широкими прогалинами. Дорога шла пескомъ. Скоро она пошла будто книзу. Подъ ногами лошадей стали плескаться лужи. По сторонамъ, среди нескончаемыхъ зарослей, дремучихъ, во все стороны идущихъ камышей, то здѣсь, то тамъ мелькали бѣлыя полосы озеръ. Вербовыя вѣтви тронули впопыхахъ по лицу Панчуковского. Стало въ воздухѣ влажнѣе, но такъ же тепло, душисто и чутко. Легкій вѣтеръ зашелестилъ-было тростниками и затихъ. Туманъ и облака поплыли съ неба. Пояснило. Стало еще теплѣе. — «Это плавни!» — думалъ Панчуковскій, склонилъ голову и будто слегка вздремнулъ, усталый до-нельзя и качаемый ровными колебаніями легкой телѣги. Сквозь мгновенную дремоту онъ услышалъ издали тихій окликъ Подкованцева: — «Теперь стойте! Я скоро приду; надо опять своротить къ одной тутъ хаткѣ!» — открылъ глаза, потянулся и оторопѣлъ отъ чудной картины плавней, которая вдругъ развернулась передъ нимъ, будто выходя изъ какой-то дымки, изъ какого-то заколдованнаго тумана...

Солнце еще не показывалось. Но блѣдный отблескъ, предшествующій зарѣ, уже освѣщаль въ разныхъ мѣстахъ окрестность.

Донъ, сливаясь съ притоками и дробясь самъ на множество рукавовъ, шелъ здѣсь уже непохожій на рѣку. Это было громадное пространство водъ, потопившихъ землю, холмы, луга и песчаные наметы, или, скорѣе, собраніе самыхъ разнообразныхъ рѣкъ, ручьевъ и острововъ, поросшихъ исполинскими камышами. Главной рѣки почти не было видно. То здѣсь, то тамъ, будто спѣша къ морю,

будто обгоняя другъ друга, справа и слева вырывались изъ чащи камышей новые ручьи. Луга и острова потопляются разливомъ гирль до начала жаровъ, и потому доискія плавни въ это время посвщаются только рыбаками, да тѣми, кого нужда заставляетъ въ нихъ скрыться. Коегдѣ эти обнаженные пространства, эти зеленѣющія вершинки, а большею частью сплошные песчаные кучугуры покрыты ольховникомъ, вербой и лозой. Сюда иной разъ, по брюхо въ водѣ, перегоняютъ на пастбище рогатый скотъ и лошадей. Но тучи мошекъ и комаровъ скоро прекращаютъ возможность къ такимъ перебродкамъ. Скоро всѣ плавни пустѣютъ. Развѣ иной бѣднякъ изъ рыбаковъ, бродя въ лабиринтѣ здѣшнихъ острововъ, озеръ, камышевыхъ зарослей и песчаныхъ мелей, бросить сѣти и накосить на лодку для лошади полкопны сѣна или молодого зеленого тростника.

Заря близилась.

Панчуковский не могъ оторваться отъ картины гирль, шумящихъ, грохочущихъ и бѣгущихъ въ гнѣи и въ камышевыхъ холмахъ. Передъ нимъ въ ста шагахъ, за мелкимъ бродкомъ, стало высняться огромное, тихое, свѣтлое, какъ зеркало, озеро. Это было не озеро, а тотъ же Донъ, въ концѣ долгаго пути завернувшій въ затишье трехъ песчаныхъ горбовъ и цѣлой дубравы лозъ и тростниковъ и легшій здѣсь на отдыхъ. По этому тиховоду шагала кабая-то сѣрая тѣнь, съ длиннымъ носомъ. Вотъ зааѣлся въ первыхъ лучахъ свѣта у нея хвостъ; она повернулась... цапля. Пролетѣло новое дуновение вѣтра; вздохнуло утро. Съ разныхъ сторонъ опять отвернулись новыя завѣсы...

Тамъ опять открывается цѣль мелкихъ, безконечныхъ островковъ. Здѣсь блеснули окраины красного, будто окровавленнаго, сояного озера. Въ чащѣ лозы отозвалась лягушка, за нею другая, сотни, тысячи, и цѣлый разливъ болотныхъ стоновъ огласилъ воздухъ. А камыши открываются далѣе и далѣе, слились цѣлыми рощами, лѣсами, темные и величавые, шелестя широкими султанами и листьями. А вотъ раздался крикъ журавлей гдѣ-то далеко, далеко. Вправо мелькнули крылья мельницы, потопленной въ острова и лозы. Что-то шелохнулось въ воздухѣ и загудѣлъ далѣе и далѣе, будто откуда-то пронесся послѣдній отзвукъ неслышнаго пушечнаго выстрѣла. На самую телѣгу, въ

упоръ на Панчуковскаго, порхнувъ черезъ камыши, вале-тѣла какая-то легкая, длиннокрылая птичка. Свободная и дышащая испугомъ и влагою, она робко и ясно взглянула въ его глаза своими круглыми мерцающими глазами и въ два взмаха опять взвилась и унеслась въ нескончаемые ряды камышей, острововъ и журчащихъ, неумолкаемо-бѣгу-щихъ ручьевъ. Панчуковскій спросилъ своего жандарма:

— Бываль ты здѣсь?

— Какъ не бывать!

— Много рыбы тутъ ловится?

— Всякая бываетъ: бычки, спинецъ, бѣлизна, осетры, стерляди, баламутъ, значить, мутящій сельдь, онъ воду мутить...

Панчуковскій взглянулъ впередъ. За тиховоднымъ озеромъ, по которому, незадолго прогуливаясь, прошла покинутая сонъ цапля, небосклонъ сталъ еще яснѣе.

Небо вдали, наконецъ, подернулось отблескомъ зари. На окраинѣ небосклона, за камышами, перебѣгали бѣлые зай-чики. Что-то особенно раздольно шумѣло. То море вдали иѣнилось и бурлило у береговъ, обдавая песчаные наносы широкихъ гирлъ кудрявымъ бѣлымъ прибоемъ. Вѣтеръ еще не смолкъ. Чайки съ крикомъ носились по темному еще заморью. Влѣво выходили изъ тумана чуть видныя мачты судовъ, шедшихъ всю ночь по морю подъ парусами или стоявшихъ, въ-разброску у неводскихъ пристаней по Дону. Вправо виднѣлись верхушки рыбацкихъ землянокъ, крошечный домикъ купца Пустошнева, курени по притокамъ Дона. Съ нѣкоторыхъ крышъ поднимался уже дымокъ.

Воротился, запыхавшись, Подкованцевъ. Онъ велъ на поводу осѣдланную лошадь.

— Помилуйте, мнѣ совѣстно, право! Чѣмъ я васъ до-стойно отблагодарю? Вы спасаете мое состояніе, честь, жизнь мою, и все сами дѣлаете!—сказалъ Панчуковскій.

— Помилуйте, ничего! здѣсь иначе нельзя. Другой тутъ бы армію понятыхъ потребовалъ, казацкую команду, а я все самъ. Видите, какія мѣста. Здѣсь я недавно чай открылъ: люди Пустошнева мнѣ всѣ покорны. Между нами сказать, я дѣлюсь съ ними законными призами. Меня тутъ безъ нихъ чуть-было не изрубили на первыхъ порахъ греки-контрабандисты. Когда-нибудь, какъ счастливо обдѣлаю ваше дѣло, покажу вамъ: у меня плечо перерублено. Ка-

жется, въ такихъ исторiяхъ когда-нибудь-съ пропаду, какъ собака...

— Что же наше дѣло?—спросилъ съ лихорадочнымъ трепетомъ полковникъ.

— Иш! берегитесь извозчиковъ! Они насъ не знаютъ! думаютъ, что мы простые полицейскiе сыщики по контрабандѣ. Сидите же, сидите, камрадъ, тутъ; приказчикъ мнѣ другую лошадь далъ тамъ! Давайте еще бювешки—надс допить бутылочку этого рому! Если что надѣбно будетъ, я выстрѣлю изъ пистолета, тогда вы скачите ко мнѣ. Они уже здѣсь гдѣ-то, вѣрно вонь въ тѣхъ трясилахъ ждуть; на зарѣ, какъ замѣтили наши сыщики, какiе-то люди съ большою женщиной подходили къ куренямъ. Это они, они; имъ негдѣ пройти, какъ здѣсь... Я разослалъ стражу по берегамъ, верховыхъ и пѣшихъ, чтобъ не дать имъ сѣсть гдѣ-нибудь на дубъ или на лодку и не удрать къ пароходу. Вонь, видите, какое-то паровое судно стоитъ, да еще, кажется, англiйское. Они тутъ смѣло теперь шлюются. Тамъ, должно-статься, мы ихъ и накроемъ... Ночью буря гдѣ-то была, а здѣсь сильное волненiе; ихъ вѣрно не приняли на лодку... У меня на все есть открытые листы...

Подкованцевъ, одѣтый мужикомъ, но съ пистолетамъ подъ армякомъ, побѣждалъ снова камышами.

Панчуковскiй скинулъ тулупъ, остался въ одномъ сѣромъ простомъ кафтанѣ, сѣлъ верхомъ на приведенную довольно крѣпкую лошадку, перекинулъ черезъ плечи гостиничный штуцеръ, врѣзался еще глубже въ болѣе высокiе и густые камыши и сталъ ждать. Кругомъ уже ярко сияли озерки и трясиныя болота. Дичь начала стрекотать, кричать и стонать на всѣ лады. Гуси заготовали невядалекѣ, поднялись громадною стаей и съ звонкими перекликами потянулись къ морю. Панчуковскiй ждалъ, соображая свое положенiе. Ему невольно опять представился брошенный Петербургъ, модный свѣтъ, балетъ, Невскiй проспектъ, блистательные товарищи. Онъ взглянулъ на своего вислоухаго пегаса, на свой дырявый сѣрый кафтанъ, pomysлилъ, что черезъ полчаса онъ можетъ сдѣлаться окончательно банкротомъ, чуть роковымъ бѣглецамъ какимъ-нибудь волшебнымъ, неожиданнымъ оборотомъ дѣла, удастся уйти съ берега. «А остальному свѣту нѣтъ до меня дѣла! Гдѣ рѣшается моя судьба!..» Яснѣло болѣе и болѣе. Возлѣ неводскихъ куреней задвигался

народъ. Какіе-то пѣшіе побѣжали ко взморью; какіе-то всадники поскакали...

Панчуковскій невольно въ это мгновеніе подумалъ:

«Что, если все погибнетъ, если ихъ не поймутъ, и мои деньги, все мое состояніе пропадетъ, исчезнетъ безъ слѣда навѣки? Что, если будетъ свалка, меня кликнутъ сигналомъ, я поскачу и меня убьютъ? Будь, что будетъ! Я пожилъ, повеселился. Я ловилъ каждое мгновеніе жизни, шилъ сладость изъ каждаго цвѣтка, бросая его потомъ, какъ негодный. Убьютъ—туда мнѣ и дорога! Смерть разъ бываетъ въ жизни. Ну, значить, такъ и на роду было написано. Жилъ въ деревнѣ у отца, потомъ въ Петербургѣ, потомъ женился, состояніе взялъ; жена надоѣла, жену бросилъ, сюда прѣхалъ—жизнью поживиться на этомъ раздолѣѣ, — тутъ выходитъ и конецъ. А если не убьютъ?.. Если не убьютъ, а возьмутъ одно состояніе, все состояніе, какъ есть, всё до единого средства къ жизни... что тогда? Вотъ любопытно: хватитъ ли у меня силы воли избавиться лично, собственною охотою, отъ такого позора и униженія? Хватитъ ли у меня ума, безумія, горячки, покончить эту шутку... самоубійствомъ? Позоръ послѣ роскоши, цѣпи и нищенская сума послѣ воли и счастья!..»

Раздался чуть слышный сигнальный выстрѣлъ. Дымокъ заблѣлъ надъ песчаными откосами.

— А! сигналъ! Подкованцевъ не вретъ. А я уже начиналъ думать, не возьметъ ли онъ взятки съ того же Милорѣденка и не пропуститъ ли его: теперь у соперника моего денегъ больше! Двѣсти тысячъ!.. О двухъ-стахъ тысячахъ идетъ дѣло, а въ этой пустынѣ ихъ спасаютъ всего двое: я, да самъ исправникъ...

Владиміръ Алексѣевичъ поскакалъ на выстрѣлъ, въ перерѣзъ бѣжавшимъ вдаль по берегу людямъ. Едва онъ выскочилъ изъ лимана, пробѣгая донскія гирла и плавни, и поднялся на возвышенную, плоскую прибрежную отлогость, чудныя картины опять, какъ нарочно, открылись передъ нимъ. Утро заливало уже море алыми лучами...

Поморская послѣдняя ширь и гладь разстилалась, синѣя, во всё стороны. Кое-гдѣ по зеленымъ буграмъ и песчанымъ косогорамъ мелькали бѣленькіе придонскіе хутора и побережныя слободки. Дикая, суровая и бѣдная растительность, между песчаными долинами и наметами, сверкала въ блест-

гахъ утренней росы. Солнце выкатывалось слѣва, со стороны кавказскаго небосклона, гоня послѣдніе волнистые туманы и выясняя болѣе и болѣе, пышнѣе и пышнѣе, берега, суда, камыши, плавни и синее хмурое море. Бойкій донской конѣкъ скакалъ во всю прыть по знакомой, родной равнинѣ. Панчуковскій пришипоривалъ лошадь и напряженнымъ взоромъ слѣдилъ вдаль какую-то непонятную суматоху. Сновали люди у берега; кто-то махалъ шапкою, звалъ другихъ, голоса уже слышались...

— Что тутъ? гдѣ, гдѣ? — закричалъ Владиміръ Алексѣевичъ, доскакавъ на высокой пригорокъ и съ него окидывая глазами все кишѣвшее еще отъ ночного вѣтра взморье.

— Вона, эвона! — отвѣчали неводчики, почесываясь и не узнавая въ подѣхавшемъ сѣрокафтанникѣ барина, да еще и полковника.

Они указывали на берегъ, гдѣ кто-то еадился въ лодку, суетливо понукая гребцовъ, ушправившихся веслами и не хотѣвшихъ ѣхать.

Панчуковскій поскакалъ туда. Это былъ Подкованцевъ.

— Я исправникъ, — кричалъ послѣдній обезумѣвшимъ отъ досады и бѣшенства голосомъ: — я исправникъ, подлецы! Везите, везите меня! Вотъ они...

— Кто, кто? — спросилъ Панчуковскій, кружась на разгорячившемся конѣ. — Да отвѣчайте же, Бога-ради? Кто?

Исправникъ отбилъ лодку, вырвалъ у одного изъ гребцовъ, едва стоявшихъ съ-пьяну на ногахъ, весло и оттолкнулся отъ берега.

— Наши, наши вонъ, на баркасѣ ѣдутъ, уже къ пароходу сѣлшатъ. Проклитый край! Анаѣемскій край! Эти олухи такъ и не дадутъ лодки; да развѣ я бѣглый какой! Исправникъ тутъ шибка ничтожная; на сотни верстъ раскинуты притоны мошенниковъ, а тебя никто не слушаетъ. Они сполли за ночь этихъ олуховъ. Тутъ всѣ заодно!

Панчуковскій увидѣлъ на парусномъ дубѣ знакомцевъ: Милорѣденко, Пѣночкинъ и Левенчукъ гребли; Оксана, укутанная платкомъ, сидѣла на кормѣ. Гребцы на дубу были, очевидно, не русскіе, изъ грековъ или турокъ. Поднимался опять свѣжій вѣтеръ. Прибой былъ сильный. Дубъ относило влѣво къ берегу. Исправника теченіемъ потащило вправо. Подкованцевъ оралъ на бѣжавшихъ по берегу другихъ неводчиковъ, звалъ ихъ, божился о чемъ-то, колотить себя

въ грудь, ругался... Дубъ сталъ заходить за бугорокъ на мели.

Владиміръ Алексѣевичъ выждалъ, соскочилъ съ лошади, ухватилъ штуцеръ, спустился на колѣно, прицѣпился въ дубъ изъ штуцера и выстрѣлилъ сперва картечью, а потомъ пулей. Дубъ былъ шагахъ въ трехстахъ отъ берега. Картечь засвистѣла по волнамъ... Гребцы на дубу съ насмѣвкой поклонились. Пуля также никого не зацѣпила. На дубу путники сперва засуетились-было, но стали опять спокойно смотрѣть на берегъ.

«Лодокъ, лодокъ!»—оралъ Подкованцевъ, бывший самъ, какъ извѣстно, когда-то во флотѣ, и выбивался изъ силъ, гребя однимъ весломъ: «лодокъ! Тутъ участь челоуѣка гибнетъ, моя служба пронадастъ!»

Съ берега, изъ гирль, справа потянулись востропосыя лодочки. Ихъ кидало, какъ пробки, по волнамъ. На иностранномъ пароходѣ разводили пары.

Дубъ, подхваченный попутнымъ вѣтромъ, распустилъ парусъ и, выбравшись изъ-за прибрежья, пошелъ быстро. Плывшихъ на немъ уже трудно было разглядѣть. Къ Пипчуковскому, также почесываясь, подошелъ неводскій приказчикъ и узналъ въ немъ барина.

— Вѣрно тульское-сѣ, простое ружье у васъ?—спросилъ онъ, спимая шанку:—либо вы промахнулись, ваше высокоблагородіе! А лошадка вынесла васъ хорошо...

— Нѣтъ, я, кажется, кого-то зацѣпилъ. Однимъ, кажется, меньше на дубу стало. Я что-то не вижу хорошо. Неужто не успѣють обогнать ихъ наши береговые лодки? И отчего тутъ пушекъ нѣтъ?

Приказчикъ наставилъ ладонь къ глазамъ.

— Всѣ, баринъ, всѣ цѣлы на дубу; я ихъ считалъ, когда они сѣли вонъ за тою косою. Это албанскій пароходикъ, подъ аглицкимъ флагомъ: переселяющихся татаръ съ всѣхъ эти дни тутъ неподалеку забираетъ и погайцевъ изъ дальнихъ ауловъ, а нынче ему идти. Пушекъ же, баринъ, не наставились вездѣ: ишь, наша Рассей-то раскинула свои границы!

— Да развѣ туда бѣглыхъ допускають, позволено береговою стражей?

— Всяко бываетъ, баринъ, всяко... даже...

Послѣднихъ словъ приказчикъ не договорилъ. Дубъ стало

опять гнать къ берегу. Ему въ-перерѣзъ поплылъ Подкованцевъ. Вдругъ на дубу сверкнулъ огонь, дымомъ закружился. Что-то зашурчало въ воздухѣ. Панчуковскій ахнулъ: Подкованцевъ навзничъ перекинулся съ своей лодки черезъ бортъ. На берегъ, гдѣ стоялъ Панчуковскій, началъ сбѣгаться народъ. Исправникъ былъ убитъ наповаль; дубъ поплылъ далѣе; ковыль порывъ вѣтра, сидѣвшіе на дубу зашевелились, распустили другой парусъ и направились къ пароходу; лодки ихъ не догнали. Пароходъ тронулся и пошелъ на всѣхъ парахъ.

— Мертвый, ваше высокоблагородіе, — сказалъ другой жандармъ, когда сторожевыя лодки привезли на берегъ бѣднаго Подкованцева и положили его на песокъ:—черезъ вонъ своротило. Видно, пуля-то у разбойниковъ англиская-съ, да и штуцеръ дальнобитный. Шаговъ на полторы тысячи хватило и задѣлъ ловко-съ; на прицѣлъ такъ по волѣ не возьмешь,—я самъ въ ратникахъ въ Севастополѣ былъ... Ахъ ты, горе какое! Ахъ-ахъ!..

Полковникъ стоялъ, не помня, что вокругъ него дѣлалось. Явились сосѣдніе сотскіе. Произведена по береговой стражѣ тревога. Посланы гонцы въ городъ. Оттуда казенный пароходъ къ вечеру пустился въ погоню за названнымъ транспортнымъ пароходомъ. На высотѣ Керчи, въ проливѣ, его догнали, остановили, осмотрѣли. Работалъ телеграфъ. Но осторожныхъ бѣглецовъ на томъ пароходѣ не оказалось. Ночью и на другой день былъ дождь. Пользуясь туманомъ, вѣроятно, бѣглецовъ гдѣ-нибудь высадили на кубанскій, волновавшійся тогда, берегъ, либо на другое иностранное судно. На этомъ же албанскомъ пароходѣ сидѣли только грязные, въ лохмотьяхъ, ногайцы и часть переселяющихся въ Турцію побережныхъ татаръ.

Такъ было донесено градоначальнику.

— А деньги, мои деньги?—вопилъ Панчуковскій, оставшись еще въ городѣ. Всѣ пожимали плечами. Остальныхъ, незначительныхъ осторожныхъ бѣглецовъ вскорѣ переловили. Тѣ далеко не пошли: всѣ поймались по сосѣднимъ кабакамъ.

Тѣло Подкованцева привезли въ городъ. Панчуковскій разсказалъ любопытствующимъ свое дѣло.—«Какою жалкою и позорною смертию умеръ бѣднякъ Подкованцевъ!» толковали горожане и знакомые. «А достойный былъ человекъ!»

Отъ руки каторжниковъ, бѣглыхъ, жизнь кончилъ! Этого у насъ еще не доставало! А еще отставить хотѣли такого достойнаго человѣка!..»

Имя полковницы Панчуковской, урожденной Перепелицыной, стало между тѣмъ произноситься всюду въ городѣ, сдѣлалось моднымъ именемъ. Къ ней являлся съ визитомъ полиціймейстеръ, градоначальникъ пожелалъ съ ней познакомиться. А до той поры, всю осень и зиму она тицетно всехъ просила, хлопоча о раздѣлкѣ или примиреніи съ мужемъ.

— Да она, говорятъ, глупенькая! — толковали городскія дамы: — она купеческая дочка, что ли? Ке Панчуковскій, говорятъ, бросилъ изъ-за какой-то ея измѣны.

— Таковъ онъ, чтобъ жена у него измѣняла! Это онъ ей сжечасно измѣнялъ и теперь измѣняетъ...

— А ея романъ съ этимъ учителемъ?

— Какой вздоръ! Михайловъ уроки ея дочери даетъ... Вѣдь это теперь артистъ; слышали вы, какъ онъ играетъ? Въ одинъ годъ чудеса сдѣлалъ! Онъ ея дочку училъ играть, а матери давалъ уроки пѣнія...

— Такъ, такъ!—говорили недоувѣрчиво, качая головами, словоохотливыя мѣстныя дамы.—Значить, они дуэты страстные вмѣстѣ распѣвають? Спекуляціи же вашъ артистъ оставилъ?

— Бросилъ совершенно; онъ теперь собираетъ и записываетъ украинскія народныя пѣсни, кладетъ на музыку и хочетъ издать, — и оперу пишетъ на какую-то малороссійскую повѣсть Гоголя. Дарованіе замѣчательное...

Нежданно-негаданно явился въ городъ священникъ отецъ Павладій и привезъ прямо въ домъ градоначальнику найденный кѣмъ-то въ оврагѣ, при снятіи стога, чемоданъ. Въ чемоданѣ были деньги. Панчуковскій опять-было окрылился; но отъ высшей власти изъ Петербурга явилось секретное предписаніе наложить арасъ на все имущество Панчуковскаго, а его обязать подпиской не выѣзжать изъ города. Друзья жены полковника ожили. За то онъ снова и окончательно потерялся. Новая-Диканька также ускользала. Ему посовѣтовали обратиться въ сенатъ. Полковникъ, однако, поговоривъ съ судьей, одѣлся и полетѣлъ къ своей женѣ съ предложеніемъ мировой. Голова его горѣла. Сердце било тревогу.

— Настасья Васильевна, прости меня! — сказалъ онъ, входя къ ней и опускаясь на колѣни. Дочка его выбѣжала съ куклой изъ гостиной, увидѣла незнакомаго ей человѣка и остановилась. — Прости меня, Настенька! Я много передъ тобою виноватъ: я тебя обидѣлъ; Господь меня наказалъ — прости для нашего ребенка!..

Въ это время изъ гостиной вышелъ прокуроръ.

— Я давно хлопочу за васъ, полковникъ, — сказалъ онъ: — это вещь болѣе невозможная: по личному ходатайству вашей жены, брошенной вами болѣе девяти лѣтъ, ей выслали разводную).

Въ городѣ продолжали толковать о неясныхъ отношеніяхъ Панчуковскаго къ его женѣ. Ихъ печальный романъ еще не давалъ многимъ пытливымъ головамъ спокойно спать. Какъ всегда водится, образовались два кружка: одинъ стоялъ за мужа, другой за жену. Одни говорили: «мужъ извергъ!» другіе: «хороша и жена! Она вотъ что, вотъ что и вотъ что дѣлала!» Толки, разумѣется, вскорѣ приняли новый соблазнительный отбѣнокъ. Говорили, попрежнему, что у госпожи Панчуковской не только здѣсь, но и въ Моршанскѣ, были тайные и явные любовники, что ее здѣсь весь городъ съ этой стороны узналъ, что даже торговки стали о ней легко относиться. Именно, будто кто-то подкутилъ и крикнулъ какъ-то: «извозчикъ, къ полковницѣ! знаешь?» — «Какъ не знать полковницы, извольте!» — Такъ будто бы нагло и свободно отвѣтилъ городскому ньянчукъ-офицеру извозчикъ. Сторона мужнина приводила другіе примѣры. «Если такъ, то отчего же не измѣнять и самому Панчуковскому? Вотъ онъ услышалъ о поведеніи жены; можетъ-быть, и помирился съ ней былъ бы не прочь, — а молва о ней пошла, онъ на зло ей и вспомнилъ опять старину — съ цыганками сталъ водиться, неприличный пикникъ за городомъ съ чиновниками затѣялъ...» — «А ограбить жену?» — «Что же тутъ состояніе? Найденныхъ въ стогѣ денегъ ему не возвратили. Наложили секвестръ и на его хутора. Да развѣ это что-нибудь значить? Онъ подалъ апелляцію въ сенатъ, а самъ переѣхалъ въ Новую-Дикавку. Что же изъ того, что они подвели противъ него такіе подкопы? Что, наконецъ, изъ того, что онъ на женныя деньги всё дѣла повелъ, на нихъ купилъ и хуторъ? Это уже ихъ счеты, ихъ... И намъ между нимъ и женою дѣла никогда не рѣшится!»

Эти толки длились не долго. Городъ вскорѣ былъ пораженъ послѣднею и общею прискорбною вѣстью...

Владимира Алексѣевича Панчуковскаго его дворовые, шловь нанятые люди, подняли убитымъ на ярмаркѣ въ Андросовкѣ. Смертельный ударъ ему былъ нанесенъ неизвѣстно кѣмъ въ переулкѣ, въ концѣ ярмарочнаго дна. Оказалась разбитою голова: кто-то съ непомѣрною силою ударилъ его сзади чѣмъ-то въ родѣ гири. Началось шумное слѣдствіе. Взяли подъ допросъ всю его дворню. Чиновники-дѣльцы не открыли, однако, ничего, что бы наводило на вѣрную причину убійства Панчуковскаго; полагали, что въ противозаконномъ передержательствѣ безпаспортныхъ людей надобно было искать главной и ближайшей причины насильственной смерти полковника. «Что вы, господа, вздоръ несете!—перебивали ихъ чиновники изъ молодого поколѣнія:—да его бѣглые слуги ему служили получше многихъ грѣпостныхъ! Они его столько разъ сами спасали»... — «Ну, счастливъ и Подкованцевъ, что погибъ отъ этого слѣдствія. Мы бы и его запроторили туда, куда Макаръ телить не гонялъ! Онъ былъ главная опора бѣглымъ».

Господа чиновники, однако, скоро получили приказанія не фантазировать на предметъ мнимой виновности бѣглыхъ изъ дворни полковника, не ссылатъ ихъ и не тѣснить, а судить, какъ всѣхъ людей на свѣтѣ, ожидая дальнѣйшаго рѣшенія о припискѣ ихъ къ мѣсту осѣлости.

Кто-то принесъ въ гостиную градоначальника такое извѣстіе:

— Бѣдная Панчуковская! Да дайте ей, наконецъ, средство вырваться изъ этой тины силетень и пересудовъ. Скоро ее станутъ винить и въ смерти мужа, тогда какъ дѣло оказывается иное...

— А что? развѣ есть что-нибудь новое?..

— Какъ же-съ! Полковника убили, это вы знаете. Поймавъ нѣкто Петрушка Козырь, крѣпостной лакей покойнаго отца Панчуковскаго, жившій при жепѣ полковника и бѣжавшій отъ нея по дорогѣ сюда, какъ вы вѣрно слышали. Онъ любилъ барыню, служилъ ей вѣрой и правдой десять лѣтъ, а бѣжалъ, узнавъ, что ему опять было суждено попасть къ барину... Вѣрно, солоно было и у батюшки полковника всей семьѣ Козыря. Братъ Петра этого, Касьянъ Козырь, бѣжалъ сюда давно, еще отъ батюшки полковника.

По справкамъ теперь оказалось, какъ бы вы думали, что? оказалось, что этотъ Кисьянъ нѣкогда съ малюткой-дочерью шелъ сюда, былъ на дорогѣ зарѣзанъ, умеръ въ Таганрогѣ въ госпиталь; его дочь попала въ воспитанницы священника, на Мертвой,—она-то послѣ и была похищена полковникомъ... Петрушка же Козырь на-дняхъ былъ пойманъ, бѣжалъ изъ квартиры становаго пристава, гдѣ на справкахъ и допросахъ узналъ судьбу своего погибшаго брата Касьяна и его дочери,—да, не долго думая, стакнулся еще вѣрно съ Левенчукомъ, явился на ярмаркѣ, нашелъ въ толгѣ покупателей полковника, подстерегъ его и убилъ наповаль, изъ-за угла въ переулкѣ...» — «Гдѣ же дѣлся убойца?» — Исчезъ безъ слѣда».

Въ концѣ іюня, послѣ смерти полковника, жену его ввели во владѣніе всѣмъ его имѣніемъ. Шульцвейцъ предложилъ мадамъ Панчукоской уступить ему земли, постройки и всѣ обзаведенія съ движимостью на Новой-Диканькѣ. — «Вамъ теперь, безъ энергіи покойнаго вашего мужа, не управиться съ этимъ имѣніемъ. А у меня есть свободный капиталъ, и я поведу дѣло выгодно, уилативъ вамъ за все наличными». — Бѣдная и измученная Настасья Васильевна съ радостью продала Новую-Диканьку, переуступила Шульцвейну и аренду мужа по другой землѣ, гдѣ были овчарни и знакомая читателю «пустка» — мѣсто первой сены ея мужа съ Оксаною; расплатилась съ своими моршанскими кредиторами; продала нѣмцу и заграничный фаэтончикъ, съ четвернею новыхъ бойкихъ дончаковъ, возившихъ ея мужа постоянно вскачь, простилась съ сосѣдями и уѣхала обратно въ Моршанскъ. — «Климатъ на югѣ Россіи невыгоденъ оказался полковницѣ, — толковали горожанки: — иначе бы она не уѣхала». — «Нѣтъ, это не то!» — толковали мужчины, зараженные и здѣсь спорами новѣйшихъ публицистовъ: — «пора для частной дѣятельности мужского пола высшихъ сословій на Руси настала а для женщинъ еще не пришла. Да будь живъ полковникъ такъ и онъ, кажется, долго не протянулъ бы своихъ предприятий. Оборвисъ еще у него два-три дѣла, въ родѣ поѣданія саранчею его степей, и онъ навѣрное черезъ годъ опять бы служилъ въ коронной службѣ. Эти акціонерныя компаніи, эта губернская провинціальная дѣятельность нашихъ передовыхъ людей — только повѣтріе. Увидите, всѣ

наши новѣйшія стремленія и такъ называемый собственный трудъ кончатся однимъ: наши имѣнія, фабрики, лѣса, земли и воды... всё здѣсь скоро попадетъ въ аренду либо къ немцамъ, либо къ жидамъ»...

Черезъ мѣсяць, вѣлѣдь за Панчуговскою, уѣхать въ Моршанскъ и Михайловъ. Прощель слухъ, что онъ еще въ Новороссіи сдѣлать ей предложеніе и по смерти ея мужа получить отъ нея слово.

Недавно чуднымъ, теплымъ, чисто украинскимъ денькомъ по обычаю подарила осень южныя степи. Солнце, слегка будто отуманенное, грѣло по-лѣтнему. Паутина летѣла во все стороны. Въ полѣ было тихо, травы пожелтѣли, но листь съ деревьевъ въ одинокихъ оврагахъ еще не облетѣлъ. Эти красивые лѣски стояли, горя всемъ разнообразіемъ измѣненныхъ, доживающихъ послѣдніе дни листьевъ: свѣтлымъ пурпуромъ дикихъ яблонь и шиповниковъ, яркимъ золотомъ кленовъ и липъ, серебромъ осокоровъ и синеватымъ густымъ багрецомъ терновника, дубковъ и орѣшниковъ. Въ это время поморскія новороссійскія степи, по красотѣ, не имѣютъ себѣ соперниковъ. Слетаясь съ сѣвера, передъ отлетомъ за море, въ это время дичь здѣсь кишмя-кишитъ. Стаями ходятъ дрофы, гуси темносѣрыми отрядами пасутся по пустырямъ, будто стада овецъ. Журавли кричатъ, производя свои воздушные смотры и разводы подъ облаками, свертываясь въ треугольники или развертываясь въ длинныя, подвижныя, необозримыя колонны. Иной разъ по часу и по два они летятъ, застилая небо. Въ это время въ степяхъ изъ людей ужъ почти никого не увидишь. Чумацкіе обозы, въ ожиданіи близкой распутицы, не выдутъ болѣе съ сѣвера въ торговыя конторы, по широкимъ дорогамъ. Хлѣбъ свежень. Однѣ скирды сѣна торчатъ еще то здѣсь, то тамъ, служа сѣдалищемъ для молчаливыхъ и важныхъ орловъ и коршунновъ всякаго вида и роста.

Затихъ и одѣлся въ пышныя цвѣта и оттѣнки и оврагъ Святодухова-Кута. Роща раkitника отливалась всеми яркими блестками. Прудъ синѣлъ и просвѣчивался сквозь ея обнаженные опушки. Нѣсколько юркихъ птичекъ шныряли въ деревьяхъ, высвистывая свои послѣднія нѣсни.

А въ домикъ отца Павладія готовилось грустное событіе. У стола, на которомъ всегда кучами лежали газеты и жур-

налы, сидѣль, насушившись, посторонній священникъ, какой-то рыжій, золотушный, тонкій и длинный, съ подвязанною щекою, отецъ Геронтій. Онъ сидѣлъ тревожно, косясь на столъ передъ окномъ, гдѣ новый святодуховскій дьячокъ Андрей, чуввшій недоброе, съ грустью устанавливать наскоро соленую закуску. Въ спальнѣ же раздавались тихіе одинокіе стоны. Тамъ на лежанкѣ сидѣлъ старый слѣпой дьячокъ Фендриховъ, а на скамьѣ его жена, съ ребенкомъ на колѣняхъ, и какая-то знахарка-старуха, изъ сосѣднихъ казачекъ. Отецъ Павладіи, простудившись на отправленіи одной требы, умиралъ отъ горячки. Лѣкарей въ окрестностяхъ, разумѣется, не было. Онъ часто забывался и бредилъ; но иногда приходилъ въ себя. Свидѣтели его уединенной жизни на Мертвой молчали, вздыхая и прислушиваясь къ нему, — какъ говорится, ожидали отлета души. Но не сдавался крѣпкій, въ пустынномъ воздухѣ состарѣвшійся священникъ.

— Осиротѣть, опустѣть окончательно мой домъ!—проговорилъ отецъ Павладіи, взглянувъ кругомъ себя:—но не опустѣютъ здѣшнія окрестности. Не одинъ владѣлецъ, Фендриховъ, другой найдется... Охъ... тяжело мнѣ... тяжело. Вотъ ужъ и манифестъ весною прочитали. Не забудутъ васъ, господа! Людямъ становится лучше. Бѣглыхъ несчастныхъ станетъ меньше. Придутъ сюда люди всякіе теперь ужъ по волѣ. Фендриховъ! не поминай меня лихомъ. Кто бъ тутъ ни былъ, проси служить службы по мнѣ да по бѣднымъ, и по схороненнымъ тутъ переселенцамъ. Охъ... да смотрите... рощу-то, садъ, прудокъ мой берегите... А про Оксану-то, про Оксану... Охъ, благослови ее. Господи Боже, сироту эту!... Гдѣ-то она? а? гдѣ?

Въ ночь на другой день отецъ Павладіи умеръ. Фендриховъ расчитался съ хоронившимъ его священникомъ туго и не безъ прижимокъ. Онъ былъ въ отставкѣ и слѣдовательно самостоятеленъ.

Молодой дьячокъ, по смерти строителя Святодухова-Кута, тотчасъ подвергся гоненіямъ новаго священника, такъ какъ все дядино имущество становой передалъ ему, кромѣ части пожитковъ, отданныхъ Фендрихову, съ коровами, пчелами и овцами отца Павладія. Новый священникъ сталъ оуждать направленіе мыслей своего причетника, ослабилъ его передъ епархіальною властью за вольнодумство и за заведеніе переписки въ запрещенномъ образѣ сужденій.

Дьячокъ Андрей временно, скрѣпя сердце, выбился отсюда въ другой приходъ; но судьба ему улыбнулась. Колонистъ Шульцвейнъ, хотя и лютеранинъ, выхлопоталъ ему оправданье. Шульцвейнъ началъ пріобрѣтать вліяніе и на Мертвой. Андрея едѣвали опять причетникомъ святодуховской церкви. Колонистъ часто, владѣя теперь Новою-Диканькой, завязалъ къ нему бесѣдовать.

«Молодцы нѣмцы!—думалъ дьячокъ, завидя приближеніе его зеленого фургона:—не зѣваютъ,—все прибираютъ къ рукамъ!»

— Чтò толкуютъ ваши прихожане? — спрашивалъ колонистъ, протягивая дьячку мозолистую руку и осматривая бѣлые, здоровые зубы. На немъ была прежняя синяя куртка, а длинныя кожаныя ноги въ тѣхъ же высокихъ сапогахъ, не безъ аромата дегтя.

— Какіе-съ, Богданъ Богданычъ?

— Помѣщичьи! Какъ они, по сосѣдству, смотрятъ на новое свое положеніе, опубликованное вамъ теперь?

— Будемъ, говорятъ, ждать.

— Бѣглецы же попадаются и теперь? Видите ли ихъ тутъ иногда хоть въ церкви? Вѣдь это было прежде одно средство спастись: это былъ предохранительный клапанъ для бывшей машины вашей... понимаете?..

— Нѣтъ, рѣже сталъ этотъ народъ; почти-что вовсе ихъ нѣтъ. Многіе пошли добровольно на сѣверъ-съ, въ Россію.

Шульцвейнъ молча ухалъ. Онъ не переставалъ любить Святодухова-Кута, много помогалъ въ его дальнѣйшемъ процвѣтаніи: все поглядывалъ на плодъ трудовъ отца Павладія, на подцерковный прудокъ въ рощѣ, думая: «пельзи ли хоть бы и тутъ мойку для шерсти устроить или швейной заводъ? Мѣсто отличное!..»

— Онъ ненадежный, — говорили, однако, нѣкоторые о Шульцвейнѣ:—онъ затѣваетъ ухвать и продать всѣ земли; увидите, что это случится...

Къ осени жена ему собственноручно сшила новую куртку и купила ему вмѣсто серебряныхъ золотые часы. Но онъ ихъ спряталъ.

— А что же участь Милорѣденка, Левенчука и Оксаны?—спрашивали иногда городскія дамы, которыхъ еще занемала исторія этихъ бѣглецовъ съ Панчуковскимъ.

— Говорятъ одни, что они черезъ Кубань и Кавказъ въ Турцію пробрались; другіе же толкуютъ, что они попались гдѣ-то, не то въ Анапѣ, не то въ Редутъ-Кале; какой-то татаринъ выкрестъ будто выдалъ ихъ...

— Ну, что же съ ними сдѣлали?

— Въ острогѣ вѣрно сидятъ гдѣ-нибудь. Да пѣтъ, но можетъ быть: хоть священникъ и нашель деньги Панчуковского, но вѣдь значительная доля изъ этой суммы была въ золотѣ и серебрѣ, и ея не оказалось — что-то болѣе трехъ тысячъ рублей. На эти деньги, со стороны, ихъ соумышленники имъ и помогли, значить, уйти изъ острога; на нихъ же они могли пройти черезъ все наши пограничныя шкеты и ушли, вѣроятно, если не въ Анатолю, такъ на какомъ-нибудь купеческомъ суднѣ въ Молдавію. А эта сторона въ такой теперь сумятицѣ, что тамъ укрыться и пристроиться, особенно еще съ деньгами, очень легко. Да тамъ же не мало живетъ и нашихъ прежнихъ, ужъ давно осѣдлыхъ и отлично пристроившихся бѣглыхъ. Плати только исправно подати, да живи смирно,—дѣло твое и улажено...

Въ ноябрѣ стала продавать имѣніе, вслѣдствіе окончательнаго неуспѣха своихъ дѣлъ, и помѣщица Щелкова. Шульцвейнъ и ея землю купилъ.

— Каковъ, а?—говорили о немъ помѣщики и горожане:—скоро весь уѣздъ будетъ въ его рукахъ! А если перемѣнится выборный цензь, онъ будетъ имѣть сильный голосъ и въ нашемъ будущемъ земскомъ устройствѣ... Куда ему уѣзжать? Съ нами останется!

— Что-жъ тутъ удивительнаго: нѣмецъ, да еще и не русскій, а иностранный, нѣмецкій нѣмецъ!

1830 г.

В О Л Я.

(БѢГЛЫЕ ВОРОТИЛИСЬ.)

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

РОДНЫЯ ГНѢЗДА.

I.

Голубятня.

Наступали новыя времена. Разнесся слухъ, что крестьянамъ, такъ долго и упорно мечтавшимъ о свободной жизни, о разныхъ зауральскихъ, закавказскихъ и новороссійскихъ новыхъ мѣстахъ, хотятъ дать волю.

И вотъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи и изъ чужихъ краевъ, повидимому безъ всякой причины, стали въ верхнія, среднія и южныя губерніи возвращаться бѣглые помѣщичьи люди. Это было за годъ и нѣсколько мѣсяцевъ до изданія положенія о волѣ. Однихъ помѣщиковъ это радовало, другіе въ недоумѣніи пожимали плечами, не понимая, откуда это взялось и чтѣ изъ этого будетъ.

Однажды весной, въ концѣ мая, по пути въ тотъ уголокъ на югъ за Волгой, который населился въ давнія времена, съ одной стороны, украинскими, а съ другой—русскими выходцами, шла кучка людей—два старика и шестеро молодыхъ. Дойдя до каменистыхъ бугровъ, за которыми уже начинались прибрежья Волги, они сдѣлали въ глухомъ ов-

ражкѣ послѣдній привалъ, сварили еще разъ общую кашницу, закусили и готовились разойтись въ разные стороны.

— Пойдемъ къ своимъ господамъ, живы ли они? — сказали семидесятилѣтній сѣдой сапожникъ, Гриценко, тридцать-три года бывший въ бродягахъ въ Бессараби и въ Крыму:— удивится господа, коли живы, ей-Богу!

— Возвращаться, такъ возвращаться!—прибавилъ другой старикъ. Шуменко, восемнадцать лѣтъ торговавшій въ Одессѣ у какого-то купца квасомъ, по поддѣльному паспорту:—шабанъ, молодцы! значить, пришла пора!

— А какъ ты, Пельюшка, говоришь про мужика?—крикнулъ опять старый бродяга-сапожникъ молодому парню, который всю дорогу умудрился вести на поводу невзрачнаго, хотя молодого, гнѣдого коня.—Какъ ты это про мужика-то говоришь? Да брось коня! ушибешь еще на него нагладѣться.

Черноволосый Пельюшка, рослый, кудрявый, хотя нѣсколько мѣшковатый молодецъ, лѣтъ двадцати-двухъ, къ которому относились эти слова, молча оправилъ дорожную котомку на гнѣдкѣ, погладилъ его, еще разъ оправилъ, вспрыгнулъ на него и сказалъ:

— Вамъ, дѣдушка, все смѣхъ. А у меня въ головѣ не то... Эхъ! горе на васъ смотрѣть!

— Да ты про мужика-то скажи, про мужика, Пелью.

— Да что-жъ сказать? Рѣши: отчего мужикъ нынче дешевле сталъ?

— Не знаю...—старикъ покатился со смѣху.

— Оттого, что глушь!—отвѣтилъ Илья.

Собесѣдники громко расхохотались, потомъ замолчали, разомъ всѣ перекрестились, встали отъ сѣды и пошли одни направо, другіе налево. — «Эки мѣста-то, мѣста! Вольница тутъ жила когда-то. И теперь еще куда ни глянешь, дичь и глушь!»

Илья поѣхалъ рысцою на одинъ изъ сосѣднихъ, съ дѣтства знакомыхъ ему холмовъ, поросшихъ мелкимъ лѣсомъ. Солнце сѣло. Онъ привязалъ лошадь въ кустахъ, взобрался на дерево, осмотрѣлъ еще разъ окрестность, какъ будто припоминая что-то, давно видѣнное и забытое, и пошелъ съ холма лощиною.

На утро и въ послѣдующіе дни нѣкоторые сосѣдніе и дальніе помѣщичьи дома и сельскія конторы были приятно,

а можетъ быть, и неприятно изумлены возвратомъ нѣсколькихъ бѣглыхъ бродягъ, изъ которыхъ объ пныхъ въ родныхъ селахъ даже исчезла всякая память. Тамъ явились, какъ съ того свѣта, тридцать лѣтъ бывший въ бродягахъ Антошка Крамарь, кузнецъ, и восемь лѣтъ пропадавшій безъ вѣсти поварь, Михей Пунька. Явились бывшіе въ далекихъ прогулкахъ лакеи, плотники, столяры, кучера, ключники, кондитеры и писари. Пныхъ господа и свои братья, дворовые, стали съ горячимъ любонитствомъ, хоть и ласково, допрашивать: «гдѣ были, у кого служили, чѣмъ кормились въ это время, что дѣлали?» — Но на все былъ одинъ отвѣтъ: «гдѣ были не помнимъ; у кого служили, не знаемъ; а жили и кормились, гдѣ день, а гдѣ ночь — и сутки прочь». — «Что же вы такъ это вотъ, съ одного маху, взяли да и воротились?» продолжали допрашивать свободныхъ еще вчера иташекъ, отъ которыхъ, такъ сказать, еще воздухомъ пахло, ручныя по-прежнему, домашнія птицы разныхъ кѣтокъ тихаго русскаго юго-востока. «Надо же когда-нибудь и честь знать!» лукаво отвѣчали прилетныя, добровольцо воротившіяся, птички.

Повизна переставала быть повизной. Все начинало идти по-старому. Молчаливая барщина одна какъ бы замѣтно обновлялась: она насчитывала новыхъ постоянныхъ рабочихъ.

Илья Танцуръ, между тѣмъ, привязавъ въ лѣсу коня, выломалъ себѣ палку и, спустившись въ лощину, долго шелъ чуть видною въ сумеркахъ тропинкою. Стало еще темнѣе. Илья начиналъ спотыкаться о кочки, о хворостъ, положенный въ видѣ гатей по болотнымъ перемычкамъ луговой дороги. Кое-гдѣ онъ разувался и бранился про себя за остановки, потому что стемнѣло еще болѣе, а онъ торопился. Въ воздухѣ было тихо и мягко. Точно теплымъ вѣтромъ пахло. Отъ запаха болотныхъ травъ, березовыхъ листьевъ и фіалокъ голова хмелѣла. Илья остановился.

— Волга не Волга, Богъ вѣсть, что такое бѣдѣтъ вприво! Ахъ ты, баншка моя, глухая баншка! Въ двѣнадцать лѣтъ перезабыть все такъ, что оглинешься и не узнаешь!

Впередѣ послышался отдаленный переливистый лай.

— Такъ и есть, наша Есауловка!

Сердце крѣпко забилося въ груди парня. Онъ удвоилъ шаги, пошелъ еще смѣлѣе и, спустя нѣсколько времени,

почувствовалъ, что мѣстность вокругъ него измѣнилась. Впередѣ чернѣлъ будто лѣсъ, слѣва стоялъ точно рядъ мельницъ. Онъ съ наслажденіемъ разслышалъ впотьмахъ людской говоръ, отозвавшійся уже недалеко.—«Итъ, пережду, пока люди уснутъ! Такъ-то легче будетъ къ родителямъ явиться!»

Танцуръ еще послушалъ, переждалъ, оглядѣлся и пошелъ къ деревьямъ, при мысли: «А! двѣнадцать лѣтъ дома не былъ! Живъ ли батюшка, жива ли матушка? Много ли ребятшекъ-сверстниковъ въ живыхъ осталось на селѣ? И чѣмъ теперь батюшка состоитъ, въ родовыхъ ли мужикахъ, или при должности какой? Да и что самое село теперь стало, пока я по свѣту съ вѣтромъ маялся да гулялъ? Ребенкомъ убѣжалъ отъ розогъ нѣмца-приказчика; никто не защитилъ меня тогда; отца всѣ голопятымъ звали; онъ самъ, помню, лямку теръ настухомъ за овцами; мать все хворая лежала. А теперь я вонъ какой вытянулся; узнаютъ ли родители меня теперь? Ахъ ты, свѣтъ-свѣтъ! Господи!» Илья шагаль и шагаль...

На пути впотьмахъ встрѣтилась канава. Илья попробовалъ ея глубину палкою, перелѣзъ, очутился опять въ густыхъ деревьяхъ и залѣгъ подъ кустомъ, потому что невдалекѣ послышались ему опять отголоски людского говора, а онъ не зналъ, куда забрелъ.

Тихая вѣсняя ночь перекликалась отрывистыми, шопотливыми и неясными звуками. Вскорѣ, однако, кругомъ будто стало виднѣе, хотя небо было еще безъ мѣсяца. Тихо лежалъ въ кустахъ Илья, боясь и кашлянуть. Вдругъ ему почудились невдалекѣ, между деревьями, чье-то всхлипыванье, плачь и вздохи. Чей-то жалобный голосъ то затихалъ, то опять раздавался. Танцуръ повернулся къ той сторонѣ, тихо проползъ между деревьями и кустами и поднялъ къверху голову. Ему почудилось, что вздохи и шопотъ раздаются гдѣ-то вверху, точно надъ деревьями. Страшно стало Ильѣ. «Что за притча, не то птица стонетъ по-человѣчьему, не то человѣкъ на вѣткахъ гдѣ-то сидитъ!» Онъ всталъ, и тихо, какъ ночной звѣрь, ступая, обошелъ вокругъ дерева, сверху котораго раздавались, по его мнѣнію, въ потемкахъ стоны, и вмѣсто живого дерева оцупалъ гладкій столбъ. Отошелъ въ сторону, присмотрѣлся: голу-

бятня, въ видѣ домика, на плотной высокой подпорѣ. Голось затихъ.

— Кто тутъ?—рѣшилъ спросить вполголоса Илья, осматривая воздушный голубиный теремъ, съ крошечными окнами, чуть рисовавшійся на сумрачномъ небѣ.

Отвѣта не было.

— Кто тутъ? отзовись! не бойся!

Танцуръ прислушивался.

— Я...—прошенталъ пугливый голосокъ.

— Да кто ты?

— Фрося...

— Какая?

— Барынища... горничная Фрося.

— Гдѣ же это ты сидишь?

Голось опять затихъ.

— Сидишь гдѣ ты? Ну? да говори же!

Илья смотрѣлъ вверхъ.

— Въ голубятнѣ заперта... А вы кто, позвольте спросить?

— Я-то?

— Да.

— Я такъ... посторонній.

— Дядюшка, голубчикъ! освободите меня. А не то, разсвѣнетъ,—пропала я и бѣдная моя головушка.

Изъ окошечекъ воздушной голубятни опять послышались горькіе стоны, плачь и вздохи.

— Да какъ освободить-то тебя, чѣмъ?

— Лѣстницы поищите по близости тутъ или поодаль; она здѣсь гдѣ-нибудь въ саду, ищите.

«Такъ мы въ саду. Что за диковина! Чей же это садъ? Нашъ былъ не въ этой сторонѣ», подумалъ Танцуръ, бросился искать влотьмахъ лѣстницу и скоро нашелъ. Онъ приставилъ ее къ столбу, влѣзь туда, посоветовался съ необыкновенной плѣвицей, какъ поступить, сломалъ палкой задвижку небольшой двери, въ которую деревенскіе повара весной лазятъ грабить дѣтей воздушнаго домика, и снесъ оттуда на рукахъ дрожавшую отъ страха, стыда и отчаянія молоденькую горничную.

Она отбѣжала къ садовой канавѣ, быстро оправилась, хотѣла бѣжать далѣе и остановилась.

— Кто вы?—спросила она:—за кого Бога молить? Говорите скорѣе!

Илья подошелъ и взялъ ее за руку.

— Зачѣмъ вамъ? Лучше вы сами мнѣ скажите, кто вы и что за невидаль такая тутъ случилась съ вами?

Дѣвушка потушилась, стала вертѣть по землѣ ногою.

— Иадо къ барынѣ-съ... И горничная здѣсь, коли знаете нашу барыню. Насъ много у нея. Полякъ управляющій давно къ намъ, видите, подбывается. А мы плевать на него. Онъ и поиди дозоромъ. И тутъ въ садъ выходила иной разъ... не къ нему... а къ знакомому такому другому чело-вѣку... Онъ нѣжнаго, можно сказать, сердца и совѣмъ не такой вовсе подлой души... Выбѣжала я и сегодня, будто въ прачешную... А полякъ и наткнулся на насъ. Этотъ-то, мой душенька, значить знакомый, убѣжалъ отъ стыда да отъ страху, а полякъ меня, оторопѣваю дуру, ухватилъ съ дозорными да и заперъ тутъ до утра въ голубятню. «Утромъ, говоритъ, узнаемъ, кто такая тутъ изъ дѣвичьей со всякою сволочью, съ музыкантами сосѣдскими дружбу водить; а теперь не хочу барыни, говоритъ, будить!» Такъ и сволокли меня сюда и толкнули въ будку... Иадо руки всѣ изломали, платье оборвали... Голубей сонныхъ всѣхъ спугнули, и долго они, горемычные, кругомъ меня въ тѣмѣ-тѣмущей этой ле-тали, крыльями мнѣ въ лицо вѣяли... Стала я плакать; хотѣла крикъ ко двору подать, пусть бы хоть и барыня ужъ узнала; страшно такъ это мнѣ впотьмахъ стало, какъ всѣ голуби-то прочь разлетѣлись... И плакать... а тутъ и вы отозвались... Скажите, кто вы?

— Нѣтъ, прежде ужъ вы мнѣ оповѣстите: какое это село? Что теперь, барыня у васъ, а не баринъ? — Есауловка? — спросилъ Илья.

— Нѣтъ, не Есауловка, а Конскій - Сыртъ... Наша ба-рыня—арендаторша!

«Такъ я не туда попалъ, — вотъ что!» — подумалъ Танцуръ.

Мѣсяцъ готовился въ это время выйти. Кругомъ стало еще свѣтлѣе, Илья разглядѣлъ миловидное личико, плотно под-вязанныя вокругъ головы косы, блѣвую косышку и полныя плечи освобожденной плѣнницы.

— Мой знакомый, можно сказать, благородный и не та-кой подлой души чело-вѣкъ, какъ нанѣ приказчикъ! — ска-зала Фрося, не двигаясь съ мѣста и щипля руками концы косычки; — ошь по гробъ жизни и свѣта не забудетъ вамъ этой услуги-съ. Но можно ли узнать оиять-таки ваше имя?

Фрося подняла глаза и хоть некоса старалась заглянуть въ лицо своего освободителя.

— Мнѣ благодарности вашей не надо. А васъ бы высѣкли? скажите мнѣ!

— Ну, высѣчь не высѣкли бы; а сраму такого набралась бы, что хоть въ воду да и утопиться. Такъ можно ли опять узнать, какъ васъ зовуть?

— Ильею... а по прозвищу—не знаю и самъ, какъ сказать. Живъ ли еще отецъ мой, про то вѣрно не знаю и не вѣдаю тоже.

— Вы изъ Есауловки?

— Оттуда; только двѣнадцать лѣтъ дома не былъ... Я сынъ Романа Танцура, коли знаете; онъ за овцами барскими у насъ ходилъ, помню, какъ я отъ управителя съ армянами бѣжалъ.

— Вамъ Романъ Антонычъ папенька-съ?—быстро спросила Фрося, и въ голосѣ ея зазвучало столько удовольствія и вмѣстѣ желанія чѣмъ-то особенно-радостнымъ удивить слушателя.—Такъ вы ничего не знаете? Дорогою по сосѣдству ничего не слышали?

— Ничего не слышала и не знаю, мы торопились и прятались отъ всѣхъ.

— Такъ, такъ; теперь помню... Про сына его... про васъ точно люди сказывали, да и онъ самъ часто жалѣлъ объ васъ; даже по людямъ васъ долго розыскивали.

— Такъ что же? говорите!

— Какъ же! вѣдь вашъ отецъ теперь главнымъ приказчикомъ надъ всею Есауловкою! Да, и живетъ въ самомъ барскомъ домѣ, подъ-низомъ; а баринъ вашъ все за границей. Какъ же, мы это знаемъ! князь десять лѣтъ дома не былъ. Наѣхалъ разъ, смѣшилъ нѣмца, поставилъ вашего отца, уѣхать, да съ тѣхъ поръ и нѣтъ его... Теперь пора мнѣ въ дѣвичью: всѣ спать; прощайте! Извините...

— Какъ же я въ наше-то село дойду? Темно: до утра бродить буду.

— Я бы васъ свела, Илья Романычъ, да надо въ домъ заранѣе въ дѣвичью воротиться... А впрочемъ, такъ и быть, пойдете... Ступайте, только бережице, тутъ будетъ опять канава, а дальше мостикъ черезъ Лихой. Это у насъ рѣчка.

— Такъ это мы за Лихимъ?

— Точно-съ, эта рѣчка въ Волгу тутъ, если помните, по-

далѣ упала и раздѣляетъ Сыртѣ отъ вашей Есауловки. Мы дружка противъ дружки живемъ съ вами-съ...

— Тенерь помню, помню: мы на горѣ, а вы на долигѣ.

— Такъ точно! Вотъ и не ошиблись, именно-съ...

— Кто же ваша барыня?

— Охъ... сердитая наша барыня, Пелагея Андреевна Перебѣченская, если еще въ тѣ поры вы слышали! Она, должно быть, дочиха. Одни говорятъ, что хуторъ, гдѣ мы живемъ, ей имѣніе; а другіе, что не ея, а чужое, арендное. Только, сказать вамъ, наша барыня такъ тутъ крѣпко сидитъ, что въ иномъ и своемъ такъ не обживешься. Охъ... все ея здѣсь бояться! Да! Забыла-съ еще... Съ вашимъ отцомъ они очень хороши-съ... Романъ Антоновичъ, вашъ отецъ, у Пелагеи Андреевны въ силѣ, завсегда обо всемъ говорить и намъ часто бѣды наши у нея вымаливаетъ. Да позвольте еще: опъ дома тенерь, или нѣтъ? Что я это забыла! Дома, или за скотомъ опять въ Черноморь поѣхалъ? Нѣтъ—дома, дома: вчера за сахаромъ къ намъ мальчишку своего конторскаго, Власика, присылалъ. Опъ приказчикомъ тенерь у васъ, а сперва только за гуртами ѣздилъ. Наша барыня тоже гурты держитъ, на лугахъ нашихъ ихъ пагуливаетъ. И сама даже въ полѣ скотъ осматривать на дрожкахъ ѣздитъ, даромъ что старуха. Ахъ, да! еще скажу вамъ... Нѣтъ!.. лучше послѣ. Мы ужъ и пришли въ вашу Есауловку—а вотъ и вашъ дворъ. Видите, дворецъ-то какой у вашего князя-барина! самъ большущій... Я васъ славно провела. А тенерь и домой мнѣ пора. Прощайте-съ! Вонъ свѣтится внизу окно вашего отца. До свиданія-съ... По гробъ жизни, можно сказать, мой знакомый вамъ не забудетъ этого.

Фрося еще что-то сказала издали и исчезла внотьмахъ.

Илья остановился у порога барской конторы, тепереняго отцовскаго жилища. Чего только не переиспыталъ опъ въ эти минуты! Чего только не было тенерь на душѣ его!

«Батюшка въ приказчики попалъ! — думалъ Илья, стоя у входа подъ-низъ дома.—Вотъ не ждалъ! Изъ скотниковъ, изъ пастуховъ, изъ голопятыхъ, какъ его звали, въ приказчики такого села! Тысяча дунгъ, почитай, будетъ; помню. Шалку, бывало, за версту снималъ опъ, какъ подходитъ къ барскому дому, а тенерь самъ тутъ живетъ. Жива ли ма-

тушка? Я у этой щебетуны и не спросилъ. Ну, какъ-то отецъ теперь съ людьми водится? Вѣдь онъ, почитай, самъ тогда мнѣ посовѣтовалъ въ бѣгахъ быть, какъ я на посылкахъ тутъ день-денской у нѣмца маялся, на шинкахъ росъ, тычками да слезами сытъ ходить и на ливкѣ въ саду съ горя два раза даже повѣситься хотѣлъ, передъ тѣмъ, какъ армяне въ Крымъ сманили меня. Приказчикъ! Не очень же онъ обрадуется и коню, котораго я было ему на хозяйство добылъ и привизалъ пока въ дѣсу!»

Онъ сошелъ въ коридорчикъ нижняго яруса дома и сталъ, замирая отъ волненія, у дверей. Долго онъ не рѣшался взяться за скобку, оправилъ красный поясъ на новыхъ шароварахъ, обдернулъ синюю чуйку, потоптался на мѣстѣ высокими новыми сапогами, снялъ въ потемкахъ шапку, пригладилъ черныя кудри, крикнулъ и хотѣлъ войти, но опять остановился.

«Какъ-то отецъ теперь приметъ меня? — подумалъ Илья, все еще стоя въ потемкахъ. — Куда повернетъ меня? Думалъ, что отецъ въ бѣдности... Эх!»

Дверь съ шумомъ растворилась изъ конторы, и на порогъ выткнулся рослый, плотный, широколицый и смуглый человекъ, родъ мѣщанина, въ пантѳоновомъ кафтанѣ и въ картузѣ. Онъ, очевидно, хотѣлъ куда-то идти, но, наткнувшись на незнакомаго впотѣмахъ, торопливо отшатнулся, взялъ со стола свѣчку и спросилъ:

— Кто это? Что ты тутъ за человекъ стоишь впотѣмахъ?

Илья не сразу узналъ расплывшаго отца и тихо, молча ступилъ въ комнату, гдѣ худощавая, пожилая женщина въ ситцевомъ нарядномъ платьѣ, спиною къ дверямъ, снимала со стола ужинъ. Найдя глазами образа, Илья съ чувствомъ перекрестился, пока приказчикъ съ удивленіемъ его разсматривалъ, держа свѣчу въ рукахъ, и упалъ въ ноги отцу.

— Батюшка, не обидьте, благословите меня! Я вашъ Илькѣ!

— Илья, Ильюша! — крикнула женщина, убравшая со стола.

Она быстро обернулась, и, уропя на лавку поднось съ посудой, кинулась сыну на шею.

— Илькѣ! — проговорилъ въ свой чередъ тронутый и пораженный неожиданностью приказчикъ, торопливо ставя свѣчку на столъ. — Вотъ не ожидалъ дорогого гостя! А я

въ обходъ было шель посмотрѣть, всѣ ли сторожа на мѣстахъ! Господи... вотъ гость! — Ромагъ дрожащими руками снялъ съ гвоздя икону, благословилъ ею сына, далъ ему ее, а потомъ свою руку поцѣловать, и заключилъ: — ну, полно, жена, выть надъ нимъ, да обнимать его, теперь пришелъ, такъ ужъ насмотришься, налюбуйшься имъ! А лучше давай-ка ему поѣсть; вѣрно голоденъ, съ далекой дорожки. Вадуй огни въ печи, яичницу, что ли, ему изготовь, пока мы о дѣлѣ потолкуемъ.

Сѣдая Ивановна, утирая радостныя слезы, встала, опять кинулась къ сыну, посмотрѣла на него, сняла съ него поясъ, чуйку, заплакала и тутъ же засмѣялась, качая головою.

— Такъ, такъ, Илькѣ: хорошо, что ты воротился. Ей-Богу, хорошо! А я-то ужъ считалъ, что ты пропалъ навѣки; панихиды по тебѣ служить собирался, да твоя мать вонъ все останавливала; говорить: еще подожди, сердце чуетъ, — живъ Илькѣ. А сколько будетъ лѣтъ, какъ ты въ бѣгахъ былъ?

— Двѣнадцать!..

— Точно, двѣнадцать, я тогда еще въ рядовыхъ, кажется, былъ. Да... теперь ужъ десять лѣтъ въ приказникахъ состою. Всѣмъ селомъ заправляю. Ты вѣрно слышалъ, Илькѣ?

— Слышалъ, — отвѣчалъ Илькѣ, разсматривая смуглыя, будто изъ мѣди вылитыя, черты отцовскаго лица, его черныя, густыя брови, каріе глаза и черныя съ просѣдью, подъ гребенку стриженные волосы, курчавые, какъ и у Ильи.

Рослый, широкоплечій станъ отца былъ, попрежнему, прямъ и крѣпокъ, только сталъ сильно полнѣе съ той поры, какъ онъ съ длинною палкою пересталъ ходить за скотомъ и, въ потертой сермягѣ стоя въ полѣ, жадоваться на судьбу одному перелетному вѣтру.

— Много воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ ты въ бродяги пошелъ, Илькѣ... Да наѣхалъ баринъ послѣ тебя. А тутъ нѣмца смѣстили, меня наставили. Ну, да о томъ послѣ... Пожалѣть я тогда, что тебѣ самъ же совѣтъ далъ и что ты утѣкъ. Черезъ разныхъ бродягъ о тебѣ развѣдки дѣлалъ, въ полицію явки давать. Хорошо, что ты воротился. А было бы еще лучше, кабы воротился прежде. Ну, жень ты мнѣ былъ тогда, да и теперь еще болѣе, пожалуй, будешь пужать. Вѣдь ты грамотный, кажется?

— Выучилъ тогда пьяный шѣмецъ... Помните, какъ билъ? Струны проволочныя въ розги ввязывалъ. Укусомъ послѣ крошилъ...

— Такъ, такъ. Да давай же, жена, гостю дорогому поѣсть скорѣе! А не выпьемъ ли мы на радости, Илько, водочки? Пьемъ?

— Нѣтъ, не пью.

— Ну, такъ я выпью!

У Ильи въ головѣ все мелькало, между тѣмъ, припасенный отцу на хозяйство конекъ. Какъ ничтоженъ теперь казался ему этотъ его завѣтный подарокъ!

— Ну, а что же ты нажилъ, сыпъ, на волѣ-то, столько лѣтъ малевшись вдали отъ отца и матери? — спросилъ шутливо Романъ, стоя у дверей.

— И-то?

— Да; за двѣнадцать лѣтъ люди сотни, тысячи, умѣючи, наживаютъ!

Илья глазъ не поднималъ. Романъ самодовольно поглядывалъ на своего забулдыгу, блуднаго сына, не обращая вниманія на мучительный, болѣзненно-любящій и жалобный взоръ матери, устремленный на Илью изъ-за нылающей печки.

— Что грѣха таить! — сказалъ Илья: — какъ стать я подрастать у людей на волѣ, переходи съ мѣста на мѣсто, да свою неволю былую скрывая, были заработки, были и деньги хорошия. Только рубль-то вездѣ одинъ: больше цѣлковаго не ходитъ. Какъ нажилъ, такъ и прожилъ — все одно, что и въ здѣшнихъ вашихъ мѣстахъ. Были случаи, что и полиціи надо было дарить и отъ своихъ братьевъ-душегубовъ откупаться. Дважды ловили меня, по этапу изъ города въ городъ пересылали. Тутъ-то мозолей попошено, тутъ-то холоду да голоду испытано, вишей да комаровъ покормлено собою! А Господь далъ, послѣ опять сталъ на волѣ жить, значить, я наживалъ, я же и проживалъ. Извѣстное дѣло, чужая сторонка; какъ своей-то настоящей, собственной, значить, норки нѣтъ, куда и звѣрекъ лишній колосъ на зашасъ тащить...

— Такъ ты, выходитъ, теперь къ поргѣ родной и направляешь путь? Дѣло! Чѣмъ же ты теперь желалъ бы тутъ быть у барина на селѣ? Отвѣчай по душѣ. Я теперь тутъ главный: что рѣшу, тому и быть. Говори!..

Илья взглянул на мать.

— Вы, точно, главный тутъ!— сказалъ Илья отцу:— вамъ такая и дорога. А мнѣ, когда милость ваша и вы дадите бродягѣ тутъ жить, позвольте... къ обществу стать. Землю мнѣ нарѣжьте; на хозяйство къ плугу поставьте меня...

Романъ задумался, вышелъ за дверь. Ивановна кинулась къ двери, заперла ее опять на крючокъ, поцѣловала нѣсколько разъ сына, посадила его за столъ, поставила ему остатки ужина, свѣжую яичницу, обняла его горячо и оглянулась опять по комнатѣ.

— Ты, сынку, не перечь отцу. Онъ тебѣ счастья желаетъ. Должно быть, онъ тебѣ ключи сдать затѣялъ; онъ давно ищетъ вѣрнаго себѣ ключника.

— Эхъ, матушка, все это такъ, да земля-то крѣпче; съ земли не сгонишь, а отъ мѣста могутъ отказать и будешь бобылемъ. Какія я мѣста имѣлъ! А все своя земля къ себѣ тянется! Срубилъ этакъ избѣнку, заведешься всемъ... Ну, да мнѣ же это и особо еще нужно...

— Зачѣмъ?

Старуха пристально посмотрѣла въ глаза сыну. Онъ оставилъ ложку, утерся, перекрестился на иконы, поклонился матери и съѣлъ опять.

— Матушка, я нашелъ себѣ суженую.

Старуха радостно перекрестилась.

— Слава тебѣ, Господи! Гдѣ же ты сыскалъ ее?

— Слыхала, матушка, про Талавѣрку?

— Про какого?

— Про Аѳанасія, что бѣжалъ тутъ по сосѣдству отъ какой-то барыни, двадцать-четыре года назадъ? Онъ въ столѣрахъ у нея былъ тутъ, въ каретникахъ, и въ ея хуторѣ проживалъ.

— Охъ, не помню что-то, сынку, не помню. Такъ что же?

— Столкнулся я съ нимъ два года назадъ, въ Ростовѣ-на-Дону... Онъ тамъ уже богачомъ живетъ: домъ свой, своя мастерская. Ну, и есть у него дочка... Настя... Мы полюбились съ нею, отцу сказали. А онъ и говоритъ: «Изъ разсказовъ твоихъ, Илькѣ, вижу я, что ты изъ однихъ мѣстъ со мною; барыни моей ты знать не можешь: малъ былъ, какъ бѣжалъ съ Волги сюда въ низовые края. И я, говоритъ, не знаю, жива ли моя госпожа-барыня. А только вотъ что. Хоть богатъ я, говоритъ, теперь, хоть воленъ, а по-

мереть хотѣлось бы на родной сторонѣ. Теперь, говорить, готовится всѣмъ воля; скоро, не скоро ли, слышно, всѣмъ землю дадутъ, кто по своей волѣ воротится домой въ общества свои къ нынѣшнимъ пока господамъ. И мастерства кинуть не могу, а ты иди, получи на своемъ мѣстѣ землю, заинишись въ мѣрь, дай знать, что пристроился, тогда приходи и бери себѣ Настю»... На этомъ зарокѣ мы и расстались. И далъ слово землю себѣ на родномъ селѣ добыть, а онъ выдать за меня Настю; такъ какъ же мнѣ идти въ дворовые? Подумайте!..

Ивановна задумалась.

Поговорили еще немного. Илья раздѣлся. Мать постлала ему постель на своей кровати у печи. Ложась спать, Илья увидѣлъ подъ скамьей въ углу какой-то клубочекъ. Кто-то во весь носъ сопѣлъ, свернувшись на полу котенкомъ.

— Кто это?—спросилъ Илья.

— На посылкахъ у отца, сиротка тоже тутъ одинъ, Властикъ!

Илья со вздохомъ легъ.

«Вотъ у отца теперь на посылкахъ есть такой же, какъ я былъ когда-то у пѣмца!»—подумалъ онъ.

Ивановна погасила свѣчку и тоже легла, вздыхая, на печи. Вскорѣ пришелъ съ дозора Романъ Антонычъ; не зажигая свѣчки и не раздѣваясь, легъ на лавкѣ у стола и долго лежалъ, не шелохнувшись, но видно было, что онъ не спалъ. Илья же всю ночь грезилъ вольныя стены, тиниственныя перебродки по лѣсамъ и оврагамъ, гдѣ-то, привязанный въ лѣсу, надежды завестись своимъ домкомъ и Настя. За часъ или за два до разсвѣта Илья всталъ, тихо одѣлся, тихо отперъ двери и вышелъ. Передутренній воздухъ былъ свѣжъ.

«Надежда плохая!—подумалъ Илья,—теперь врядъ ли получишь землю отъ отца! Или опять уйти на всѣ четыре стороны? всѣмъ вѣтрамъ въ носъ поклониться? Нѣтъ, будь что будетъ!»

Онъ вышелъ на тропинку, по которой провела его съ-вечера Фрося, взобрался на знакомый съ дѣтства сосѣдній бугоръ и увидѣлъ съ него сквозь начинавшія яспѣть сумерки, не въ дальнемъ разстоянн, лѣсокъ, гдѣ привязалъ гдѣ-то. Роца была оттуда не болѣе какъ въ трехъ вер-

стахъ. Онъ быстро направился туда, вошелъ въ кусты. Оврагъ былъ недалеко.

«Ну, гнѣдко,—подумалъ Илья,—иди теперь со мной; придется теперь продать тебя либо жиду, либо цыгану. Отецъ держать тебя не позволитъ! А я-то думалъ домкомъ завестись, садъ затѣять, за Настей поѣхать на тебѣ!»

Илья сталъ звать гнѣдка, искать его; но слѣды гнѣдка простыли. Конецъ ремня отъ уздечки висѣлъ, привязанный къ дереву. Гнѣдко либо убѣжалъ, либо кто-нибудь его укралъ.

— Последнее добро и то пропало!—сказалъ Илья съ досадою.— Пронадай же и ты теперь, моя волюшка...

Онъ еще побродилъ по роцѣ, звалъ коня, обошелъ весь лѣсокъ кругомъ, вышелъ на опушку, на другой высокій бугорокъ, сѣлъ, уткнувшись головою въ колѣни, и долго такъ просидѣлъ. Когда онъ очулся, свѣтлая картина родимыхъ окрестностей и подступавшаго утра тихо открылась передъ нимъ.

Кругомъ шли то зеленые пологіе, то каменные, лѣсами испещренные холмы. Влѣво разстилалась низменная, влажная луговая равнина, на которой изъ сумерокъ выходила усадьба Фросиной барыни, Конскій-Сыртъ. Прямо, отдѣлившись отъ этой низменности рѣкой Лихимъ, на крутомъ косогорѣ разстилалась Есауловка. Вправо отъ Есауловки и Конскаго-Сырта, провожая извины Лихого къ его устью, шли сперва малые, потомъ болѣе объемистые бугры, то горбатые, то плосковерхіе, то остроголовые и изборожденные дождевыми протоками. Въ расщелинѣ ихъ, въ одномъ мѣстѣ, мелькнула широкая, бѣлая туманная полоса, точно дымъ... Сердце Ильи дрогнуло. То была Волга... А за нею уже начала занимать заря. Одѣвались огнями голубыя вершины. Въмѣсто темныхъ пятнень и щелей, на холмахъ выяснялись лѣса. Между ними въ отдаленіи узнавались кое-гдѣ въ-размѣтъ кинутые поселки, Богъ-вѣсть откуда и когда тутъ сѣвшая жильями, всякая набродная и переходная вольница. Сизая, тяжелая туча, нахлобучившись на низовое заволжье, еще не пускала на окрестности довольно свѣта. Все еще тонуло въ сумеркахъ: нагорныя земли по сю сторону Волги и гладкая привольная ширь ея луговой стороны, съ ея жирными, тучными и хлѣбородными залежами и цѣлинами. Тронулся вѣтеръ... Отозвались ближніе и дальніе лѣсистые овраги и горы, такъ

знакомые Ильѣ, съ ихъ мѣстными поволжскими прозвищами. Застоналъ любовными призывами Иволгинь-орѣшникъ; застучалъ наполненный порохами и всякой таинственной, весеннею тревогой, развѣсистый Дятловый-линякъ; зазвенѣли серебряными трубами низменные темные Соловьиные-верболозы; зазвучали золотою дудкой песчаные Кукушки-кучугуры, засвѣтѣли кудрявые Дроздовые-березняки, заклепали старые дуплистые громадные дубы на Орлиныхъ-лысинахъ сосѣднихъ горъ. Солнце выбилось, наконецъ, изъ-подъ тучи. Илья всталъ, прошелъ нѣсколько шаговъ и опять остановился. Вѣѣво, вдали надъ Волгою, обрисовался новый рядъ бугровъ. А по нимъ мелькали, уже будто сквозные и голубые отъ воздуха, новые бугры и курганы. То были бугры Стеньки-Разина. «На нихъ Стенанъ Тимооенчъ послѣдній свой опочивъ держалъ, — говорили въ народѣ: — онъ тутъ послѣднимъ станомъ стоялъ; а какъ его въ ильѣ взяли, любимаго своего есаула съ братіей послалъ селомъ по близости сѣсть; они сѣли, и вышла изъ вольной кости пышѣвшая княжеская Есауловка!» Илья Танпуръ прикрылъ глаза ладонью. Одинъ двугорбый бугоръ, полосатый, какъ бухарская турматама, сидѣлъ, свѣсившись, будто бородастый старикъ, надъ водою. Онъ прозывается Емелькиными-ушами, или ушами Пугача. На нихъ Пугачъ двухъ воеводскихъ дозорниковъ повѣсилъ. Съ той норы, точно слушаая что, торчали эти горбы, Емелькины-уши. А еще далѣе шли отвѣсные и дикіе Авдулицы-бугры, за которыми было село Авдуловка, происходившее также отъ какихъ-то вольныхъ костей, занесенныхъ сюда первыми украинскими и русскими колонизаторами этого края. — А величавая, вѣчно широкая Волга голубой пеленой омывала подошвы бугровъ, пугливо ласкалась къ нимъ и отражалъ въ себѣ цвѣта ихъ зеленыхъ, желтыхъ и багровыхъ глинъ, бѣлыхъ песковъ и разнообразныхъ хрящей и слюдъ. Роса сверкала по травамъ. Дикіе тюльпаны желтыми и алыми колокольчиками глядѣли изъ расклевинъ скалъ, по крутымъ косогорамъ. Яркій синякъ и бѣлые пушистые косатки заливали веселыми сплошными полосами низменные равнинки. Звонкія вскрикиванія пробуждающихся птицъ становились чаще и громче. Тихіе прибрежные затоны и заливы Волги и Лихого еще дремали своими пвами и камышами, окутанные туманами. А уже ю гладкой равнинѣ водъ мимо бугровъ, затоновъ, песча-

ныхъ розсыпей и степей двигались, бѣлѣя парусами, вѣчные караваны Сипяго-морца, Волги, всякія расшивы, бѣляны, мокшаны, коломенки и простыя рыбацкія лодки. Надъ ними мелькали, отражаясь въ водѣ, бѣлокрылыя чайки. Сонныя бакланы, бабы-птицы и лебеди взлетали изъ-подъ носовъ паплывающихъ барокъ. Отзывались заволжскія озера, окрещенныя также народными именами: журавлиныя, лебяжьи, куличьи, гусиныя, утинныя и всякія. Заря занялась невиданная, роскошная. Законопился людъ во всѣхъ концахъ. Двинулись стада овецъ по буграмъ, гурты рогатаго скота и табуны лошадей на лугахъ и равнинахъ, гдѣ столѣтъ назадъ кочевали по тихимъ сыртамъ и улусамъ одни калмыки да татары. А по голубымъ прибрежьямъ и затонамъ раздавались голоса знакомой трудовой и несконной ибси рабочаго люда обонхъ береговъ Волги и Дона, ибси, построившей по этимъ рѣкамъ всѣ села и города, заводы и барскіе дома, церкви, монастыри, пристани и остроги, ибси, которая начинается не то стономъ, не то могучимъ вздохомъ:—«Охъ, дубинюшка, охни!»

Илья Тѣнцуръ взглянулъ еще разъ назадъ къ сторонѣ Дона, откуда пришелъ, а потомъ на Волгу.

— Прощай, батюшка, тихій Донъ Ивановичъ! Здравствуй, матушка Волга! Пожилъ я въ волю на Дону, въ низовой степной Украйнѣ; поживу теперь и на Волгѣ! Были мы когда-то казаками... Чѣмъ-то теперь оныть будемъ! Наши дѣды вышли сюда изъ Запорожья, бились тутъ съ татарами, охраняли границы, селились въ перемежку съ русскими; насъ подарили русскому князю, вмѣстѣ съ землями и пожитками. Подождемъ. Авось отдадутъ намъ опять паше...

Илья посмотрѣлъ на солнце, взглянулъ влѣво на Есауловку, широко и просторно раскинувшуюся по тотъ бокъ Лихого, выдающаго въ Волгу, и быстро пошелъ къ отцу. Село давно уже дымилося низенькими трубами. Обѣ церкви на двухъ его концахъ привѣтливо бѣлѣли. Перейдя мостъ черезъ Лихой, Илья поднялся вновь на крутой, глинистый, берегъ, по которому къ рѣкѣ сходили крестьянскіе огороды, и пошелъ къ барскому двору, окружавшему высокій и обширный каменный домъ въ два яруса, съ крыльцами, колоннами, бельведеромъ, шпилемъ для флага и службами. Садъ шелъ за домомъ, почти касаясь столѣтними дубами

липами и пирамидальными исполинскими тополями его островерхой по плану Растрелли устроенной, крыши.

II.

Забытые музыканты.

— Раненько ты, Илькò, всталъ! Гдѣ былъ? — спросилъ отецъ.

— Не спалось; размяться ходилъ; на новомъ мѣстѣ, знаете...

— И вотъ все твоей матери смѣялся, что, смотри, опять Илькò тигу далъ. Садись, пей чай. Въ прикуску или въ накладку хочешь? У насъ настоящій полурафинадъ. Въ горòдѣ беремъ... Пей!

— Нѣтъ, по-моему, Антонычъ, тоже лучше такъ, какъ Илькò нашъ говоритъ!—начала приказчица Ивановна:—въ мужикахъ какъ-то проще жилося намъ; я до сихъ поръ вспоминаю нашу хату, нашъ огородъ и садъ на Окнигѣ, за слободой, гдѣ мы жили!

— Дуры вы бабы! Давай еще стаканъ! Много вы поимаете! Мы подначальными были всегда, такъ подначальными и умремъ. Не выдуманъ мы ничего лучшаго. У барина не служить, семи гривенъ съ рубля не украсть, и жить не стоить. А, Илькò? Что скажешь?

Илья молчалъ.

— Право, Романъ Антонычъ. Ты Илью позволилъ бы... Ты посмотри, Илькò, какія у насъ чашки; вотъ какія пи-санки на нихъ расписаны: тутъ птицы, а тутъ цвѣты и слова... Прочитай мнѣ...

— Ты, сынку, вчера матери говорилъ про Талавѣрку? Такъ Аонасій нашелся въ Ростовѣ? Пыиче утромъ мать мнѣ все разказала. Ты въ дворовые не хочешь!

Илья вѣсныхнулъ.

— Ну, что же: дѣло, коли бродяга этотъ Талавѣрка въ бѣгахъ зашибъ себѣ конейку. Да непрочно только жизнь его, и тебѣ съ бродягами пора перестать якшаться. Человѣкомъ стать, вонъ что! Я тебя человѣкомъ сдѣлаю. У барина мѣсто выпрошу... Хочешь?

Подъ окномъ приказчицкой комнаты, на дворѣ, послышалась голоса. Романъ Танцуръ всталъ.

— Приказные приняла за распоряждомъ работъ. Я уйду.

Ты посиди, Илья, съ матерью. Сегодня суббота, такъ ты отдохни; завтра тоже воскресенье. А послѣзавтра ступай на работу, пока хоть и въ рядовые. И, братъ, примѣрь держу; у меня но зѣвай никто!

Романъ ушелъ.

Взѣрошенный Власикъ сталъ весело убирать чашки со стола, взглянулъ на Илью и весело улыбнулся.

Ивановна предложила сыну вымыть голову въ теплой водѣ и надѣла ему вмѣсто ситцевой рубахи бѣлую.

— Матушка, зачѣмъ вы отцу про Талавѣрку сказали? — спросилъ, немного погодя, Илья.

— Что ты! Да онъ еще передумаетъ и дастъ тебѣ землю. Проси только у него. Вѣдь онъ теперь сила, и все у него въ рукахъ. Понимаешь? сила... Наша деревня почти забыта и заброшена княземъ.

Романъ воротился съ надворья.

— Ухъ! умаялся. Шутка ли, тысяча дунгъ? вѣдь надо толкъ дать. Пойдемъ, Илькѣ, я тебѣ княжескій домъ покажу. Гдѣ, жена, ключи? Ты гдунъ былъ маленькимъ, а теперь поймешь, каковъ нашъ князь, — и я всему тутъ голова!

Романъ снялъ со стѣны ключи и пошелъ съ надворья къ главному крыльцу роскошнаго дома, построеннаго по плану гениальнаго итальянца. Отецъ и сынъ вошли по рѣзной дубовой, невысокой, подъ лакъ, лѣстницѣ, установленной мраморными статуями, въ свѣтлыя сѣди нижняго яруса, оттуда въ лакейскую, увѣшанную охотничьими картинами и украшенную оленьими и лосьими рогами. Ключъ въ высокой, краснаго дерева, рѣзной двери повернулся. И оба мужика, отецъ и сынъ, вошли въ огромную залу, съ штофными голубыми занавѣсами, съ амурами, музами и цвѣтами на расписномъ потолкѣ и со старинною позолоченною мебелью. Изъ залы прошли въ столовую, гдѣ были двое хоръ для музыки и пѣвчихъ, а окна выходили въ обширный, столѣтній садъ, съ террасами, прудами, бесѣдками и мостами. Оттуда отецъ и сынъ прошли въ портретную, потомъ въ спальню князя, а тамъ, особою внутреннею лѣстницею, во второй ярусъ дома и на вышку бельведера. Въ портретной старикъ Танцуръ остановился и сталъ сыну рассказывать о родѣ князя. Но еще дѣлѣ онъ стоялъ передъ портретомъ князя, нынѣшняго обладателя Есауловки.

— Село наше было когда-то вольное, — сказалъ Романъ Танцуръ: — казаками наши предки заняли сюда и тутъ поселились.

Илья наставилъ уши.

— Какъ же вы помѣщичьими стали?—спросилъ онъ.

— О! Мало ли что бывало! Мы за проказы тамъ всягѣи, видишь ли, на ряду воровскихъ долго считались. Ты вѣрно слышалъ, что насъ есаулъ разбойника Разина населилъ. Ну, такъ вотъ, мы тутъ по Волгѣ основали Есауловку, перестали бродить, только долго еще сами разбоемъ жили. А послѣ и усемирились. Прадѣдъ теперешняго нашего князя за свои услуги бывшей царицѣ это село въ подарокъ получить и поѣхалъ сюда. Голь да воровство одно онъ тутъ засталъ. Люди, говорятъ, жили какъ звѣри. Ужасъ кругомъ по окольнымъ про нашихъ шоль. Князь-то сразу взялъ да и укротилъ всю эту здѣшнюю прыть. Навезъ съ собою, понимаешь ли, сынку, наемныхъ перебѣжчиковъ поляковъ, да человекъ десять изъ запорожцевъ; составилъ себѣ родъ отряда и пошелъ косить, да порядки новые заводить. Кнутомъ полслободы засѣлъ; вислицу надъ Лихимъ поставилъ, и на ней безпрестанно воры наши покачивались, да воронъ и сорокъ собою кормили. Какого-го старика, что выдавалъ себя за родича того-то разиновскаго есаула, въ бочку забилъ, созвалъ село: «вотъ», говоритъ, «какъ я учу разбойниковъ, да бунтовниковъ! Смотрите!» — да такъ въ Волгу его и кинулъ. Плавалъ этотъ старикъ по Волгѣ двое сутокъ, а на третью пастухи его на той сторонѣ рѣки вынули, какъ его къ берегу подбило, и стали ему голодному ѣсть давать. Шатался, говорятъ, старикъ, какъ муха осенью, не могъ все распрямиться — въ бочкѣ всего его разломало, — и отказался отъ хлѣба. «Нѣтъ», сказалъ: «не житье мнѣ теперь: останусь живъ — вездѣ баринъ найдеть». Легъ на берегу Волги противъ нашей же земли, да тутъ и умеръ... Въ залѣ у того перваго князя на стѣнѣ семь плетей висѣло постоянно на колочкахъ; такъ и держалъ — одну для воровъ, другую для ослушниковъ, третью для потачниковъ нашихъ — комиссаровъ, четвертую для иныхъ поблажниковъ, и такъ всякому свою. Такъ-то, сынку, воровство наше тутъ покорилось. Вотъ его и портретъ.

Илья взглянулъ на румянаго толстаго щеголя, въ пудрѣ, въ орденахъ, въ кружевныхъ манжетахъ и въ мушкетѣ.

На золотой рамѣ портрета Илья прочиталъ надпись: «Князь Адамъ Бѣлоконь-Мангушко. 1758 годъ».

— Родъ нашего перваго князя изъ-за Кіева, сынку; ска- зываютъ, что гетманскій родъ. Сынъ этого главнаго нашего князя отдѣлалъ этотъ старый домъ на новый ладъ и жилъ въ свою волю. У него дѣвка въ церковь, бывало, не пока- зывайся. Ни одной проходу не давалъ. Сынъ его, баринъ-то теперешній нашъ, съ дѣтства хилый такой вышелъ, все лѣ- чится; рано померла его жена, и онъ бездѣтный такъ и остался. Пынѣ онъ все по чужимъ краямъ живетъ, въ Италію ему и пишу теперь. Такъ безъ роду и безъ пле- мени вѣкъ свой и доживаетъ, и кому мы достанемся, не знаю. Денегъ ему отсюда вдоволь высылаемъ. Надо мною тутъ французъ главный состоитъ; онъ при сахарномъ за- водѣ въ городѣ живетъ и сюда только повѣрять меня на- бѣзжаетъ. Я же тутъ по хлѣбонашеству, гуртамъ, по вино- куриѣ и по всѣмъ работамъ. Такъ-то. Вотъ его портретъ, Илько. Поцѣлуй барину ручку. Онъ нашъ благодѣтель.

Романъ ткнулъ акварельное изображеніе сѣдобласаго па- стушка въ соломенной шляпѣ и съ корзиною плодовъ въ рукѣ къ печально-сжатымъ, холоднымъ губамъ Ильи, обтеръ ниль съ портрета и опять поставилъ его на щегольскомъ узнолѣ столикѣ портретной.

— Да! Кто-то тутъ будетъ баринномъ, какъ князь тепе- решній помретъ!—задумчиво сказалъ приказчикъ.

— Въ казну насъ отберутъ; — началъ Илья. — Ужъ слышно... опять казаками... хотягъ сдѣлать всѣхъ.

Антонычъ улыбнулся.

— Не вѣрь, братъ, найдутся новые господа. Ужъ такъ безъ господъ не будемъ. Моли только Бога за теперешняго князя. Съ нимъ мы не пропадемъ... А бредни о волѣ поза- будь. Вѣрно много глупостей въ бѣгахъ наслушался! Теперь надъ нами Господь чудо явилъ: изъ рядовыхъ, изъ нищихъ, я самъ, видишь ли, приказчикомъ... Старайся и ты!

Взошли на вышку. Въ окна бельведера во всѣ стороны открывался нескончаемый видъ полей, холмовъ и камен- ныхъ бугровъ, а далѣе—бѣлая полоса Волги, заслоненной нѣсколько прибрежными высотами.

— Отсюда нашъ князь, какъ набѣзжаетъ, любитъ смотреѣть на свои владѣнія, — продолжалъ Романъ Танцуръ: — и все спрашиваетъ: «тѣ вонъ бугры мои?» — «Ваши», говорю,

«ваше сіятельство!» — «А вонъ тотъ лѣсъ, и та даль?» — «И лѣсъ вашъ, и даль ваша!» Такъ онъ часто меня на первыхъ порахъ спрашивалъ. Тутъ семь тысячъ десятинъ земли княжеской... Есть надъ чѣмъ похлопотать, хоть князь насъ почти-что совсѣмъ забылъ... Люди тутъ какъ чужіе всѣмъ... Да и намъ, впрочемъ, крохи перепадаютъ... О чемъ ты задумался, Илья?

— Вы, теперь точно вижу, батюшка, тутъ главный; дайте же и мнѣ Бога за васъ молить,—на землю стать! къ міру, къ обществу пристроиться, своимъ домомъ обзавестись! Вы же говорите, что князь насъ забылъ...

Романъ плюнулъ.

— Опять! Вижу я, что ты дурень, и больше ничего! Пойдемъ домой! Въ обѣгахъ ты ума не набрался, дуракомъ и умрешь!

Ключи опять загремѣли. Романъ съ сыномъ пошелъ обратно. Тихо они шли снова мимо штофныхъ голубыхъ занавѣсей, зеркалъ и портретовъ, по паркетамъ, коврамъ и рѣзнымъ лаковымъ лѣстницамъ. Солнце ярко свѣтило въ разноцвѣтныя, голубыя, алыя и желтыя стекла фигурчатыхъ оконъ и наружныхъ стекольчатыхъ галлерей. Внизу, у выходного крыльца въ садъ, Романъ остановился и какъ будто забывъ вслѣдъ на сына, опять началъ.

— Князь забылъ насъ—такъ... Богъ вѣсть, когда и иѣзжалъ — такъ. Чтѣ же, однако, посудить изъ этого? Ты вѣдь не мальчикъ, сынку, поймешь! Я былъ голоднымъ батракомъ, правда. Даже мужики меня голопятымъ звали—тоже правда. Тебя иѣмецъ гналъ и я защитить тебя тогда не могъ. Все это такъ! Однакоже, теперь? Знаешь ли ты, какъ я попалъ тутъ въ приказчики? — Иѣмецъ, что тебѣ гналъ и билъ, замотался; князю стали мало денегъ высылать. Онъ, какъ тебя ужь тутъ не было, и нагрязнулъ, прямо изъ иѣметчины, въ трехъ каретахъ явился. Пріѣхалъ, такимъ чужакомъ ходить; бывало, все село на него изъ-за угловъ глядитъ. Ужь и тогда старъ онъ былъ, а все картины рисовалъ и село наше съ разныхъ концовъ снималъ на бумагу красками. Тотъ портретъ, что ты видѣлъ, онъ самъ съ себя тоже тутъ срисовалъ. Жилъ онъ у насъ цѣлое лѣто, сучалъ по дальнимъ краямъ... А барыня Перебѣченская, что за Лихимъ тутъ теперь живетъ, тогда землю на аренду сняла у своего сосѣда, пріѣхала къ князю и

говорить: «Что вы все на нѣмцевъ надѣетесь, князь? Да вашъ простой мужикъ лучше всякаго нѣмца тутъ управится. Вотъ хоть бы вашъ Романъ Танцуръ, что за овцами у васъ ходилъ и два раза у васъ въ Черноморье ѣздилъ за скотомъ. Посадите хоть его въ приказчики; въ годъ, въ два онъ привыкнетъ и всѣхъ этихъ, клянусь вамъ, иностранцевъ вашихъ за поясъ заткнетъ!» Засмѣялся князь. «а что же», говоритъ, «сударыни, попробуемъ! у васъ, быть-можетъ, вѣрный хозяйскій глазъ!» — «Позвать», говоритъ, «Романка!» Меня и позвали. Вхожу я, а они оба сидятъ: барыня чулочекъ тутъ же выжеть за-просто, а онъ на треножникѣ по холсту красавицу какую-то рисуетъ. Стали они меня разспрашивать, да тутъ же меня для пробы на годъ, подъ надзоромъ барыни этой, и опредѣлили. Доходы князя я удвоилъ сразу; не забываю я съ той поры за барыню, за Пелагею Андреевну Перебѣщенскую, Бога молить. Вотъ послужи такъ-то, Илья, и ты нашему барину, и тебѣ будетъ хорошо! Любишь ходить за садомъ? Учился гдѣ-нибудь?

— Учился въ Крыму и въ Бессарабѣи.

— Вотъ тебѣ бы на первое время и дѣло, а тамъ въ конторщики, мнѣ помогаль бы книги вести, счеты... Бѣды мнѣ съ вашимъ братомъ бѣглимъ, вѣрно васъ принимать. А какіе бываютъ изъ васъ? Вотъ почти весь нашъ оркестръ музыки былъ въ бѣгахъ и воротился. Буянъ на буйнѣ. Ты бы ихъ остерегался. Того и гляди—всѣ въ острогъ пойдутъ; ты вотъ хоть просишься къ илугу, на землю, а они ничего не хотятъ дѣлать!

Отецъ съ сыномъ пошли въ садъ. Запустѣлыя, развѣспытая аллеи пахли черемухами и тополями. Кусты жимолости и рай-деревя были въ цвѣту. За прудомъ отзывалась иволга, соловьи перекликались. Прошли мимо шпалеръ выпнутыхъ изъ-подъ зимней покрывки виноградныхъ лозъ.

— Это бы дѣло поправить надо было также. Нашъ французъ требуетъ, чтобъ виноградъ мы поддерживали, а ходить за нимъ некому! Поработай, пожалуй, пока со всѣми мужиками, Илькò, а тамъ тебя и къ саду можно наставить. Тутъ въ садовничьей хаткѣ и жить тогда себѣ можешь, коли ищешь отъ насъ сѣсть особнякомъ. Кстати же садовникъ былъ тутъ нанятой, да отъ насъ недавно отошелъ...

На душѣ у Ильи отлегло; онъ просвѣтлѣлъ. Романъ подозрительно вдругъ взглянулъ на него.

— А все-таки лучше бы ты мнѣ, Ильѣ, сразу подь руку пошелъ—въ конторщики; счета бы вмѣстѣ сводили. Я неграмотный, а ты грамотѣ знаешь... Я бы ужъ тебѣ тогда все бы предоставилъ, а то чужіе все, видишь ли, ненадежные... Тогда о Талавѣркиной дочкѣ, что ли, мы бы съ тобой подумали.

Весь день въ субботу, до вечера, Илья, дѣйствительно, бредилъ по селу, заговаривая съ былыми сверстниками и присматриваясь къ разнымъ лицамъ, но почти не узнавалъ никого. Отыскалъ двухъ-трехъ изъ бывшихъ своихъ деревенскихъ друзей, теперь уже бородатыхъ и заматерѣлыхъ мужиковъ, давно женатыхъ и надѣленныхъ кучею дѣтей. Походилъ онъ опять по саду, побродилъ возлѣ опустѣлой послѣ зимы барской винокурни въ концѣ села, откуда слышалась музыка, скрипки, кларнеты и даже барабанъ: тамъ обучался оркестръ; видѣлъ издали Илья выходъ на громадный хлѣбный токъ такъ-называемой барщины, толпы работниковъ и работницъ съ очередной половины села. Подъ вечеръ онъ розыскалъ мѣсто бывшего двора и хаты отца, куда онъ, во время оно, забитымъ и голоднымъ ребенкомъ бѣгаль съ господскаго двора. Онъ нашелъ это мѣсто на Окнигѣ, на окраинѣ небольшой луговины, у глухого конца села. Окниной она называлась отъ просвѣтовъ на землѣ множества студеныхъ ключей, бившихъ сквозь траву у скатовъ того самаго косогора, по которому было раскинуто село и гдѣ стоялъ особнякомъ господскій дворъ и садъ. Вода здѣсь была необыкновенно холодна, чиста, вкусна и полезна для растительности. Стаи птицъ постоянно роились надъ бархатною, густою и ярко зеленою луговиною.—водились въ ней, и всякими стонами и криками наполняли здѣсь свѣжій воздухъ. «Эхъ, батюшка! вотъ бы гдѣ намъ гнѣздо постоянное свить, на старомъ-то бы мѣстѣ, а не подъ барскимъ домомъ!»—подумалъ Илья, разсматривая бывшее свое пенелище, гдѣ торчала только груда кирпичей бывшей печки, валялось нѣсколько черенковъ, да росли три-четыре обломанныхъ, а нѣкогда развѣсистыхъ вербъ.

Окнина была сейчасъ за канавой сада, съ той стороны, гдѣ въ саду начиналась уже дичь и глушь, и гдѣ росли

однѣ ольхи да лозы, вѣчно полныя стаями крикливыхъ воронъ и задорныхъ кобчиковъ.

Поздно пришелъ Илья въ отцовское помѣщеніе. Конторскій чай онъ пропустилъ и едва захватилъ самый ужинъ. Къ старику Роману приходили опять озабоченныя лица за приказомъ. Видно было, что приказчикъ строго велъ себя съ подчиненными. «И гдѣ отецъ этой важности набрался? Каковы! Точно судья какой, или засѣдатель!» думалъ Илья. Мать скоро легла спать. Романъ ушелъ въ комнату, соседнюю съ тою, гдѣ жилъ, и долго сидѣлъ тамъ одинъ, вздыхая и тихо пощелкивая костяжками счетовъ. Власикъ, набѣгавшійся за день, какъ уналъ въ свой тулунчикъ у печки, такъ тамъ и заснулъ. Скоро заснулъ и Илья.

На другой день Илья проснулся рано. Это было воскресенье. Отецъ ушелъ въ церковь; матери тоже не было. Власикъ чистилъ какой-то тазъ, мылъ и возился, опять весь взверженный, веселый и проворный, какъ мышенокъ.

— Дядя Илья! васъ тамъ въ саду, возлѣ мостка, человекъ одинъ дожидаетъ!—сказалъ Власикъ, шевеля большими сквозными ушами, подмигивая и добродушно посмѣиваясь.

— Кто такой?

— Не знаю!—Власикъ смѣялся и оттого, что въ конторѣ было новое лицо, и оттого, что на дворѣ было свѣтло и его манило самого туда.

Илья умылся, одѣлся и вышелъ въ садъ. Въ концѣ клееной дороги прогуливался худощавый человекъ въ пальто и въ картузѣ, держа одну руку въ карманѣ, а другую за лацканомъ. Подойдя къ нему, Илья не зная, снимать ли передъ нимъ шапку, или нѣтъ.

— Илья Романычъ?—спросилъ тотъ.

— Точно такъ-съ...

— Кирюшка-съ! Я первая флейта въ тутошнемъ оркестрѣ-съ!.. Вашу руку!.. Я Кирюшка Безуглый. Позвольте мнѣ-съ, отъ всего усердія, взять васъ за руку и поблагодарить-съ!

— За что же? Я не знаю вовсе васъ...

— Вы спаситель моей Фроси... Какъ же-съ. Изъ голубятника, отъ этого поляка кровопійцы-съ... Я все знаю и по гробъ моей жизни этого не забуду-съ; нѣтъ, нѣтъ-съ, я васъ обниму и того во вѣки-вѣковъ не забуду!

Кирилло крѣпко обнялъ Илью. Скрые, лѣнивые и тусклым его глаза глядѣли добродушно и ласково.

— Вы, Илья Романычъ, можно сказать, спасли отъ сущей гибели и посрамленія меня и Фросю. Не освободи вы ее, утромъ бы ей барыня косу отрѣзала-сь, это безиремѣнно! А не то, послала бы въ стань... Насъ, такъ сказать, этотъ обходъ засталъ на мѣстѣ... Помня ея дѣвичій стыдъ и честь, я кинулся бѣжать—не отъ трусости, но чтобъ ее спасти. Мнѣ что? А теперь все спасено, и утромъ, на переборкѣ, дѣвушки сами Фросю не выдали.

— Ахъ, братецъ, я самъ не думалъ! — возразилъ Илья, польщенный такими благодарностями господина, одѣтаго въ пальто.

— Нѣтъ! ужъ вы меня извините, а я привелъ сюда и моего друга, Саввушку-сь, тоже нашего музыканга. Мы изъ здѣшняго оркестра. Савка, а Савка! Саввушка! Выходи сюда!

Изъ кустовъ цвѣтущаго древеснаго жасмина поднялся другой, еще болѣе сухощавый и чахлый человекъ, также въ пальто и въ фуражкѣ. Этотъ былъ на видъ совершенно чахоточный. Блѣдныя впадины его щеки и мертвенно тусклым глаза рѣзко отбѣивались черными густыми бровями и маленькими шелковистыми усиками.

— Саввушка, благодари ихъ. Вотъ Илья Романычъ спасъ мою Фросю. Кланяйся, да ну же, кланяйся! Этого вѣтки я не забуду.

Саввушка и Кирилло снова поклонились Ильѣ.

— Ахъ, братцы! да что вы! Да я самъ...

— Нѣтъ, нѣтъ! И не смѣйте вспоминать и безпокоиться. Мы ваши слуги отнынѣ! Пашироски курите?

— Нѣтъ... курилъ, да бросилъ.

— Ну, мы сами покуримъ. Позволяете?

— Ахъ, помилуйте. Почему жъ?

— Мы отойдемъ сюда къ сторонкѣ, къ ганавамъ-сь. Понимаете? Чтобъ изъ дому не было видно—отъ вашего батюшки-сь...

Новые знакомцы отошли къ концу сада, къ вербамъ. Кирилло досталъ изъ-за пазухи потертую сигарочницу. Онъ вообще велъ себя развязно, къ Саввушкѣ относился шутя, а къ новому пріятелю весьма дружелюбно. На обѣихъ ру-

какъ его были перстни. Саввушка шелъ молча, тоскливо вздыхая и грустно посматривая по сторонамъ.

— Вы съ отцомъ своимъ какъ? — спросилъ Кирилло, съ важностью умѣлаго закуривая сдѣланную имъ самимъ папирску.

— А что?

— Слышали мы, что вы теперь съ воли... Значить, свѣтуто и дѣловъ всякихъ насмотрѣлись. Такъ какъ же вы съ нашимъ отцомъ? Какого вы, то-есть, о немъ теперь понятія стали?

— Еще мало разглядѣлъ, братцы.

— А, мало! Слышишь, Саввушка? Савка, слышишь?

Кирилло подмигнуть съ невыразимымъ, торжествующимъ взглядомъ. Саввушка на него некоса взглянулъ, какъ бы сказавши: «что и говорить! бѣда, да и баста!»

— Мошенникъ, пресущая бестія вашъ батюшка! — скавалъ Кирилло, мигнувши Ильѣ: — коли еще не узвали, такъ знайте!

Илья покраснѣлъ.

— Это такая выжига, что въ цѣломъ, такъ сказать, государствѣ поискать! — продолжалъ Кирилло Безуглый. — Князь ему вѣрить, а онъ людей полагаетъ за ничто. Работы все подъ его началомъ; счеты онъ тоже ведетъ. Да это, впрочемъ, насъ не касается. А вотъ что: за что онъ насъ голодомъ держитъ, музыку-то? Мы было все разбѣжались... да опять вотъ сошлись.

— Такъ и вы тоже, братцы, въ бродягахъ были?

— Какъ же! О, какъ же! Мы здѣшній, говорю тебѣ, есауловскій оркестръ. У насъ венгерець капельмейстеръ, и мы живемъ за мельницами, въ домѣ стараго винокуреннаго завода. Захотѣлось нашему князю музыку свою тутъ имѣть на случай прѣздовъ, какъ въ кievской главной его слободѣ. Онъ и отписалъ. Сперва итальянца прислалъ, а потомъ венгерца...

— Давно это васъ набрали въ музыку? И какъ тутъ быть, васъ не было еще.

— Да лѣтъ семь будетъ. Какъ приучили насъ по малости, сосѣдніе помѣшники стали разбирать на балы, на вечера; даже въ городъ два раза къ губернатору насъ на выборы возили.

— И выгодное это дѣло, братцы?

Саввушка тяжело вздохнулъ и сѣлъ на канаву. Кирилло досталъ изъ сапога флейту.

— Вотъ я на чемъ играю...

Онъ взялъ нѣсколько звуковъ. Топкіе, тихіе переливы раздавались подъ вѣтвями нависшихъ вербъ.

— Хорошо?

— Хорошо... Очень, братъ, это хорошо!

— Ну, а первое время я повѣситься, Илья Романычъ, хотѣлъ отъ ефтой-то каторжной дудки, ей-Богу! Такъ она мнѣ была пенонутру! Взяли меня отъ огорода. Дали эту дудку въ руки. Я приложилъ косточки къ губамъ. Дую, а оно не выходитъ, только пытитъ въ продушинки. Ужъ силъ же меня, билъ итальянецъ. Одначе, ничего — послѣ вышло хорошо, и я самъ теперь люблю эту статью. Только не всё ее одолѣли, вотъ хоть бы Саввушка! Посмотри-ка на него.

Илья взглянулъ на пріятеля Кириллы. Тотъ сидѣлъ блѣдный, болѣзненный. Кирилло Безуглый нагнулся къ нему.

— Савка! Плохое дѣло кларнетъ?—спросилъ Кирилло.

— Плохое!—глухо проговорилъ пріятель и закашлялся.

Кирилло посвистѣлъ еще на флейтѣ и спряталъ ее за сапогъ.

— Теперь я хоть дѣвочкамъ-то играю на забаву. И все бы ничего. Да вотъ кормить-то, кормить насъ теперь плохо. Прежде баловъ было больше, итальянецъ заработки имѣлъ, и мы ничего экономіи не стоили. А венгерцу теперь плохо пришлось. Чтò заработаемъ за зиму, то лѣтомъ и пробли. А тутъ глушь; доищина близко. Князь-то насъ затѣилъ, да, видно, и забылъ. Вонъ хоть Саввушка — грудь надорвалъ. Да и не онъ одинъ. Но вы, Илья Романычъ, спросите, чѣмъ Савка до музыки, значить, былъ?

Илья спросилъ Саввушку.

— Художанкомъ въ Петербургѣ былъ, живонисцемъ,— началъ печально Саввушка.—И по живониси шель; сьз-мальства къ ней наклонность имѣлъ! Князь самъ меня туда отвезъ еще мальчишкой.

Кирилло съ ожесточеніемъ ударилъ картузомъ о-земь.

— Пѣтъ, вы спросите его, какъ онъ сюда-то, въ эту музыку анаемскую попался? — замѣтилъ онъ, обращаясь къ Ильѣ.

— Какъ попался?—продолжалъ, грустно покачивая голо-

вою, Саввушка:—была моя одна тамъ такая картина, значитъ, хорошая; ее хотѣли ставить даже на выставку... Меня поощрили. А у меня грудь и тогда побаливала. Князь и говоритъ: «хочешь домой, Савка, родныхъ навѣстить, воздухомъ свѣжимъ подышать на вакаціи?» Я говорю: «очень радъ-съ». Онъ и взялъ меня сюда, довезъ до села. А отсюда-то поѣхалъ въ чужіе края и не на Петербургъ, а на Турцію, на Одессу,—меня же не взялъ; да съ той поры, забылъ ли онъ, что ли, или такъ случилось ужъ на мое горе, онъ за границей остался, а я тутъ застрѣлъ безвыѣздно. Приставалъ я къ приказчику, да къ старостамъ, а тутъ вотъ вашего отца наставили! Онъ мнѣ въ отвѣтъ одно: «я человекъ неграмотный, твоихъ дѣловъ не знаю». Глушь тутъ, вы знаете, какаѣ. Посоветоваться не съ кѣмъ. Жаловаться тоже некому. Поговорилъ я со старикомъ нашимъ священникомъ,—тогда еще другого, молодого тутъ не было,—а онъ мнѣ: «покорись, господа твои лучше знаютъ, что дѣлаютъ, а иконы и тутъ можешь расписывать, коли кто тебѣ закажетъ». Скоро послѣ сталъ изъ мужиковъ тутъ итальянецъ музыку составлять; Антонычъ-то, вашъ отецъ, и приказалъ мнѣ, какъ ужъ обученному грамотѣ, къ итальянцу на кларнетъ стать. Съ той поры я тутъ и стою. Выучился на кларнетѣ, да грудью вовсе плохъ сталъ... Какой я музыкантъ! мнѣ бы по живописи, вотъ что!

Кирилло дослушалъ пріятеля и опять ударилъ картузомъ ъ-земь.

— Эхъ! терни, Саввушка! Такова, значитъ, доля наша! А что, господа, не выпить ли пивца или зелененькаго? Какъ же! Безъ этого нельзя! Вотъ васъ за Фросю надо пожаловать...

— Я не пью, ихъ угостите!—сказалъ Илья, указывая на Саввушку.

Саввушка махнулъ головой и улынулся.

— Итъ! Куда ужъ мнѣ! Вы идите! Я пойду, поброжу. Благо день воскресный. Завтра опять за музыку. Венгерецъ контрактъ какой-то съ городомъ затѣваетъ и все заставляетъ новое разучать...

— Я не пойду завтра. Я съ пріятелемъ гуляю!..

— Художникъ долженъ въ смиренности жить, такъ учили насъ въ Кадеміи,—перебилъ Саввушка.—И умру, а не за-

буду ее! И дасть бы я полруки на отсѣченіе, чтобъ по-смотреть теперь на Исаакій, каковъ онъ?..

Саввушка замоталъ головою, повторяя: «не забуду, во-вѣки не забуду!»

— Товарищъ, руку! — спросилъ Кирилло Безуглый Илью: — идти?

— Что, — спросилъ Илья, подавая ему руку.

— Будемъ, значить, душа въ душу жить?..

Илья вспомнилъ слова отца о музыкантахъ.

— Будемъ! — отвѣтилъ онъ.

— Ты насъ отцу не продашь? Ты не Иуда, малый?

— Не продамъ... Что вы, ребята!

— Ну, пойдемъ же въ шинокъ. Водки не пьешь, меду или пива выпьемъ. А на Савку надежда плохая. Теперь ужъ онъ провоеетъ цѣлый день. Про своего Сакія вспомнилъ! Ахъ ты, художникъ!

Илья и Кирилло перелѣзли черезъ канаву и за садомъ пошли въ деревенскій шинокъ, гдѣ флейтистъ тотчасъ представилъ новаго пріятеля всей честной компаніи, и пошла пидѣйка.

Илья Таннуръ, какъ сказать, такъ и поступилъ. Онъ отпилъ только нѣсколько изъ стакана пива, отъ прочаго отказался. Но выпилъ онъ изъ шинка особенно веселый и довольный, даже раскрасился.

Весенній яркій день затенялъ поллѣтнему. Кучки народа бросились кунаться къ Лихому.

— Какъ слобода-то наша измѣнилась съ той поры, какъ я тутъ былъ! — сказалъ Илья, уходя съ Кириллой бродить далѣе за село: — народъ совсѣмъ не тотъ сталъ. Какъ-то веселѣе глядитъ! Точно его никогда и не бивали!

— Да, новыя времена подходят! — отвѣтилъ Кирилло: — мы слышали, какъ зимой въ городъ были. Много болтають, да, почитай, пустое, — все еще ничего нѣтъ.

Они отошли далеко за село. Шли каменистыми буграми. Влѣво мелькали прибрежья Лихого.

— Не выкунаться ли и намъ? — спросилъ Илья.

— Давай. Можно для друга.

Кирилло былъ сильно навеселѣ. Они пошли къ рѣкѣ.

Скалистый отвѣсный берегъ Лихого здѣсь былъ особенно хорошъ, какъ у большей части рѣкъ, впадающихъ въ Волгу.

Кое-гдѣ по берегу торчали дулистые липы и березы, шли маленькіе лѣски. Волнуясь и медленно поднимаясь, шли по берегу холмы, торча то зелеными плоскими шатрами, то мѣловыми острокопечными вышками, въ расщелинахъ которыхъ мелькали верески, росыши желтыхъ песковъ, сланцы разноцвѣтныхъ глинъ, а по гребнямъ отдаленныхъ бугровъ, будто кабанья щетина, остовы съ незапамятной старины уцѣлѣвшихъ дубовъ. Тутъ известковыя стѣны, столнясь бѣлымъ, сказочнымъ стадомъ, нависли надъ поемною болотистою равниною. Тамъ тѣ же бѣлые холмы убѣжали прочь, волнуясь въ доли безпорядочными логами, лѣсистыми балками и темными, зіяющими оврагами. Въ недосыгаемомъ для глаза отдаленіи изъ нихъ опять выскакивали два-три новыхъ синѣющихъ горба. Холмы огибали полнеба, подковою свертывали вправо и, будто усталые, бросались вдоль другого ручья, въ упоръ къ Волгѣ, и всѣмъ своимъ отрядомъ облакачивались о ея воды, купаясь и отражаясь въ ихъ голубомъ разливѣ.

Илья и Кирилло стали раздѣваться на берегу Лихого, подъ густымъ берестомъ, у плотины запустѣлой мельницы сосѣдняго вольнаго села. Село было спрятано за косогоромъ по тотъ бокъ рѣки. Мѣсто это представляло опять порядочную глушь и дичь, верстахъ въ двухъ выше Есауловки. За рѣкой паслись рыжія, такъ-называемыя, татарскія курдючныя овцы. Мальчишка-пастухъ спалъ въ тѣни подъ камнемъ.

Новые друзья стали купаться, весело разговаривая и пересмѣиваясь.

— Ты выкупаешься, домой пойдешь, отлично наѣшься у отца-матери! — сказала Кирилло, жадно остужая пылавшее лицо и тѣло прохладною водою.

— Да отчего же ты думаешь, Кирюша, что я спать лягу?

— Оттого. Ильдъ, что ужъ про вашего брата казака сказано... Вѣдь ты казакъ по крови, по дѣдамъ, а мои дѣды москалями сюда пришли; у насъ тутъ каша, мѣсиво, ты видишь... ты черномазый, а я бѣлобрысый, ты казакъ съ Днѣпра, а я казакъ съ Дону, т. е. почти не казакъ! Сказано: «оттого казакъ гладокъ, что поѣлъ, да и на бокъ!»

Кирилло, однако, прежде на себѣ испыталъ эту пословцу, вышелъ изъ воды, легъ на солнышкѣ, потянулся на травѣ и сталъ дремать, пока Илья смывалъ съ себя прахъ

долгихъ переходовъ и страствованій на родину. Вымывшись дочиста, Илья опять бросился въ рѣку, нырнулъ и выплылъ, обогнувши лѣсистый островокъ у плотины. Посмотрѣлъ, а на другомъ берегу, подъ тѣнюю мельницу, сидитъ молодой, невеселый и блѣдный священникъ съ дочкой. Онъ слегка покачивался и наигрываетъ какой-то гимнъ.

— Здравствуйте, батюшка! — отозвался съ непривычною развязностью Илья, выставившись по поясъ изъ воды и особенно весело настроенный вышивкой пива: — извините, что я такъ... голышомъ, значить...

Священникъ кивнулъ ему головой, приподнявъ широкую пуховую шляпу. Это оказался человекъ лѣтъ двадцати пяти, сутуловатый, съ широкимъ, скулистымъ лицомъ, глухимъ, отрывистымъ голосомъ и сѣрыми, задумчивыми глазами.

— Кто вы? — спросилъ священникъ, бывшій слегка близорукимъ и не видѣвшій изъ-за мельницы, кто это.

— Угадайте.

Илья выжималъ воду изъ кудрявыхъ черныхъ волосъ. Бороды у него еще не было.

— По тѣлу моему угадайте! — Что? — спросилъ Илья: — трудно по тѣлу угадать! Баринъ я или мужикъ? Ага! трудновато?

Въ это время, по другую сторону рѣки, выдвинувшись изъ-подъ береста, сталъ одѣваться Кирилло, синюю къ мельницѣ. Священникъ не узналъ флейтиста и сталъ вступникъ, разсуждая по замѣченному на землѣ пальто музыканта, не господы ли охотники это изъ дворянъ, понавнѣ сюда случайно прогулкою вдоль Лихого.

Илья засмѣялся.

— Что, батюшка? По тѣлу-то бѣлому всё, значить, равны? Натура-то у всѣхъ насъ, значить, одна передъ Господомъ?

— Вы не изъ Карабичовки, не г. Павлова родня? — продолжалъ спрашивать голого незнакомца близорукой священникъ.

Илья такъ и покатился со смѣху.

— Рабъ, батюшка! — мужичокъ, ваше прендобіе! Да еще къ бѣглыхъ, воротился значить; станому пожива есть въ другомъ какомъ случаѣ!

Илья весело кланялся, высунувшись изъ воды. Священникъ, увидя свой промахъ, замолчалъ. Тутъ подошелъ Ки-

Рыло по плотинѣ, и дѣло окончательно объяснилось. Илья скоро также одѣлся и прибѣжалъ на берегъ подѣ мельницу.

— Это отецъ Смарагда, Ильюша! — сказалъ Кирилло: — другой тотъ нашъ священникъ въ Есауловкѣ, что я тебѣ говорилъ. Мы съ тобою сегодня обѣдно прогуляли. Вы намъ простите, батюшка!

— Это Ильюшка, батюшка! Романа Антоныча сыгъ! — прибавилъ Кирилло: — мой новый другъ! полюбите-сь, какъ и меня!

Священникъ покосился на друга Кириллы и сталъ убирать удки и прочіе припасы неудачной въ тотъ разъ рыбной ловли, угрюмо прибавивъ: «заслужить такъ полюбимъ!»

— Ничего, батюшка, не поймали? — спросилъ Кирилло, присѣвши на корточки.

— Ничего, запоздалъ, должно-быть.

— Да вы, батюшка, все на червей. Попробуйте на хлѣбъ. Караси пойдутъ: тутъ ихъ гибель подѣ плотиною. Мы венгерцу иной разъ бреднемъ ловимъ...

— Далеко домой за хлѣбомъ теперь идти.

— И тутъ достану... сейчасъ вотъ достану... Для васъ, батюшка, можно! Вотъ у мальчишки въ котомкѣ навѣрно хлѣбъ есть...

Кирилло побѣжалъ къ спавшему пастуху. Священникъ, сѣвъ снова подѣ тѣнь мельницы, не безъ любопытства посмотрѣлъ на сына Романа Танцура, который такъ озадачилъ его вопросомъ касательно своего тѣла.

— Такъ ты тотъ самый Илья, что такъ долго въ бѣгахъ былъ? — спросилъ отецъ Смарагда, пристально и строго осмотрѣвъ съ ногъ до головы стоявшаго передъ нимъ Илью.

— Я, батюшка.

— Гдѣ же ты былъ до сихъ поръ?

— Гдѣ день, а гдѣ ночь, вездѣ понемножку.

— Знакомый отвѣтъ...

Священникъ задумался.

— Самъ пришелъ, или привели?

— Самъ... Я вамъ ужъ доложилъ про то...

— Что же такъ волю-то бросилъ?

— Еще неволи захотѣлось попробовать.

— Вѣрно узналъ, что отецъ въ приказчикахъ?

— Видитъ Богъ, не зналъ, батюшка. И что мнѣ въ томъ?

— Что же, если бы узнать?

— Можетъ-быть... и не воротился бы!

— Вотъ какъ!

Кирилло принесъ хлѣба. Священникъ насадилъ на крючокъ новую наживу и бросилъ удку. Кирилло разсказалъ священнику, какую ему услугу сдѣлалъ Илья. Священникъ опять осматрѣлъ съ ногъ до головы Илью.

— Ну, теперь, братъ, тебѣ отъ барыни, отъ той Перебѣченской, проходу не будетъ, коли она узнаетъ, что ты выпустилъ ее дѣвку изъ голубятни...

— Эва, батюшка! бабой пугать стали! Ужъ будто съ той поры, какъ я бѣгать сталъ, на нихъ и управы не выдумали!

— Что таиться, Илья, не говори!— перебилъ Кирилло:— эта такая, что ее не задирай! Не знаешь ты еще этой барыни, батюшка правду говорить!

Священникъ, какъ видно, пользовался на селѣ полною любовью прихожанъ. Парни съ нимъ совершенно не стѣснялись. Онъ умѣлъ съ ними говорить, не важничая и вмѣстѣ не теряя своего обычнаго грустнаго и строгаго настроенія. Рыба, однакоже, не клевала.

Целая же Андреевна Перебѣченская на чужой землѣ живетъ, — продолжалъ священникъ: — только домъ ея построень самою. Она землю эту на аренду сперва взяла и перевела туда своихъ людей. Только люди ея всѣ почти разбѣжались, и Конский-Сыртъ этотъ какъ былъ еще до меня, и теперь глушь-глушью. Устроена только одна барская усадьба, саран для скотскихъ гуртовъ, да двѣ-три людскихъ хатенки. Она все разыскиваетъ своихъ бѣглыхъ, но они какъ то къ ней все нейдуть...

Илья съ трепетомъ вспомнилъ каретника Талавѣрку въ Ростовѣ и дочь его Настю, и морозъ пробѣжалъ у него за спиною.

— Твой отецъ къ ней часто ѣздитъ; она изъ сосѣдей его только и жалуеть.

— Да, сказывали...

— Вы, батюшка, ни-ни! Его-то, Илью, то-есть, съ отцомъ вы не мѣшайте!— замѣтилъ рѣшительно Кирилло:— онъ на отца не похожъ, ни-ни! Право слово! Онъ въ дворовые идти не хочетъ, а къ міру...

Священникъ молча закинулъ снова удочку.

— Какъ же такъ, Илья? Отецъ-то, чай, не плохое теперь тебѣ мѣсто при себѣ далъ бы? Онъ такъ много дѣлаетъ

добраго князю, такъ хорошо ведетъ всѣ дѣла по имѣнію, что князь и тебя отличить.

— Не знаю, батюшка, что еще будетъ. А я бы отъ міра, отъ общества то-есть, не отлучался бы. Въ дворовые записываться претить. Миѣ бы лучше на землю, къ хлѣбу, къ овечкамъ, а не то, и садъ люблю, виноградомъ занимался...

— О, разорительница эта Перебѣченская! погубила она не одного тутъ человѣка! — какъ бы про себя замѣтилъ пасмурный и блѣдный священникъ.

— Расскажите, батюшка, про генерала! — подхватилъ Кирилло, насаживая новую приваду на удочку священника. — Вы про генерала Рубаникина ему расскажите! Какъ она завладѣла его землей и владѣть себѣ, ничего не слушая; какъ двумя тысячами дугу владѣть, всѣмъ, значить, Конскимъ-Сыртомъ, какъ скоть и табуны по немъ нагуливаются на продажу и никакихъ бумагъ на ту землю у нея нѣту...

— Да, братцы, — со вздохомъ сказалъ священникъ: — не дай Господи никому понасться въ передѣлку къ этой-то барынѣ. Генерала Рубаникина она, точно, кажется, по міру нищимъ пустить. Оттягала у него всю землю, и врядъ ли онъ ее получитъ обратно. А какой бы онъ сосѣдь былъ хорошій!

— Слышишь, Ильюша? генерала въ порошокъ столкла! — сказалъ Кирилло: — что же бы она съ Фросей-то сдѣлала, если бы ты ее изъ голубятни не вызволилъ? Звѣрь-баба, ехидна! Видали мы скотниковъ, гуртовщиковъ изъ мужичинъ, — тѣ бывають ловки да бойки, а эта всякаго мужика-гуртовщика за поясъ заткнетъ...

Илья стоялъ въ раздумьи. Изъ его ума не выходилъ далекій бѣглець, старикъ-каретникъ Талавѣрка, и его дочка Настя.

Въ это время, на бугрѣ, въ полуверстѣ отъ мельницы, показался въ широкой соломенной шляпѣ, съ черною лентою на тулѣ, въ пикеинномъ бѣломъ сюртучкѣ, лаковыхъ полусапожкахъ и въ розовомъ платочкѣ на шеѣ, не то юноша русскій помѣщикъ, не то залетѣвшій изъ Швейцаріи въ эту глушь счастливый путешественникъ, студентъ града Гейдельберга, не то, наконецъ, упавшій сюда съ неба интереснѣйшій виргинскій плантаторъ. Собесѣдники замолчали. Священникъ, сильно щурясь, взглядыся, бросилъ удочку,

наскоро собрали рыболовные принасы и пошел навстрѣчу къ незнакомцу.

— Идите, ребята, домой! — сказалъ онъ Ильѣ и Кириллѣ: — да снесите ко мнѣ на слободу и снасти! А ты, Ильѣ, зайдѣ какъ-нибудь, ты про виноградъ толковалъ; у меня лозы есть подрѣзать. Я тоже пробую...

— Кто это? — спросилъ Ильѣ Кириллу про незнакомца.

— Этотъ-то генералъ Рубашкинъ и есть. Онъ живетъ тутъ въ двухъ верстахъ отсюда за косогоромъ, въ вольномъ селѣ Маломъ-Малаканцѣ. Отъ насъ этотъ Малаканецъ въ пяти верстахъ будетъ. Тамъ генералъ живетъ на квартирѣ у простого мужика. Ужъ сколько времени тягается съ Пербоченскою, а ничего съ нею не сдѣлаетъ! Все ждетъ рѣшенія. Генералъ и тотъ ничего не сдѣлаетъ иной разъ! Что же мы-то сдѣлали бы, коли нужда встрѣтилась бы?

Генералъ снялъ шляпу, дружески протянулъ руку священнику и вмѣстѣ съ нимъ пошелъ, какъ бы безъ цѣли, разговаривая, по той сторонѣ рѣки. Вѣроятно, священникъ что-нибудь сказалъ ему про Ильѣ, потому что Рубашкинъ издали оглянулся на него, уходя въ поле.

Ильѣ и Кирилло перешли по плотинѣ обратно по сю сторону Лихого и направились къ Есауловкѣ. Не доходя до своего села, они въ развѣсистомъ зеленомъ байракѣ присѣли отдохнуть. Кирилло вынулъ опять изъ сапога флейту и сталъ играть. Флейта такъ нѣжно и такъ игриво заигла, что издали могло показаться, будто въ зеленомъ оврагѣ, перелетая съ кудряваго дерева на дерево, стала перезванивать голосистая желтобокая иволга. И точно, слышавши иволгу, весь байракъ мало-по-малу откликнулся голосами другихъ птицъ. Эти голоса были подхвачены соседними перелѣсками и кустарными буграми. Черезъ часъ игла вся окрестность, опять заслонившись отъ солнца широкимъ угломъ бѣловатой, развѣистой и медленно-плывиной по небу тучки.

Съ понедѣльника, дѣйствительно, отецъ рано, чѣмъ-свѣтъ, выслалъ Ильѣ на огульную работу съ мужиками. Поле Есауловки работало изстари съ начала недѣли — три дня, а поле-села — три дня въ концѣ недѣли. Часть рабочихъ пошла въ поле съ плугами пахать подъ гречу, а часть на токъ очищать вороха мякины и домолачивать оставшіяся

съ зими скирды хлѣба. Приказчикъ поставилъ сына съ лопатой на легкомъ вѣтеркѣ, приказавъ ему перекидывать какіе-то хлѣбные осадки; самъ съ палкой походилъ, какъ говорится, помозолить между молотниками, сѣлъ на каурую кобылу и поѣхалъ рысцою въ поле къ пахарямъ.

Появленіе новаго лица на селѣ, а особенно на огульной работѣ, всегда вызываетъ замѣтное впечатлѣніе. Тутъ же явилось такое любопытное лицо, какъ сынъ стараго волкодава, бывшаго голонятаго Романки Тянцура, сынъ приказчика, двѣнадцать лѣтъ бывший въ бѣгахъ. Мужики исподлобья смотрѣли на него, постукивая по снопамъ цѣнами. Бабы, особою нестрою толною молотившія въ сторонѣ овесъ подъ надзоромъ десятскаго, мало-по-малу, едва уѣхалъ долговязый Романъ, будто отдыхая, стали облакачиваться на цѣны и смотрѣть во всѣ глаза на Илью, тихо перешептываясь между собою.

— Чего не видѣли, пучеглазья!—зѣвая, крикнулъ десятскій болѣе по привычкѣ, чѣмъ изъ рвенія къ ошестыльвшейся ему самому работѣ.

Онъ также лишній разъ повелъ глазами на Илью, который, въ щегольскихъ высокихъ саногачъ, въ нанковыхъ шароварахъ и въ синей чуйкѣ, усердно вскидывалъ лопатой сорную труху, не поднимая глазъ отъ земли.

— Такое же продово зелье будетъ!—съ холодною злобою сказала одна изъ болѣе бойкихъ бабъ.

— А одѣжа-то, одѣжа!—подхватила виолголоса другая:—какъ на свадьбу, псеенокъ, вырядился. Туда же! Съ нашего брата, бѣглаго, сейчасъ бы сняли чужую одѣжу, допросили бы; а его, въ чемъ пришелъ, сюда приставили! Вѣрно въ помещики себя готовить...

— «Душегубово племя!» — «Псеѣно растетъ!» — «Чай прибылъ съ батькой распивать!» — «Съ господами станеть вѣдаться!» — «Въ приказчицкіе доносчики, хамово отродье, скоро попадетъ!» — раздались кругомъ отрывистые, сперва сдержанные голоса. Десятскій громко засмѣялся, зѣвая и палкой колотя по землѣ.

— И теперь французъ наѣзжаетъ сюда почти задаромъ!—замѣтилъ и онъ тихо:—а какъ сойдутся отецъ съ сыномъ, намъ хоть по лѣсамъ разбѣжаться.

Илья съ мучительной тоской глянулъ искоса вокругъ себя, собираясь перейти отъ одной кучи трухи къ другой. Десятки

любопытныхъ, сердитыхъ и недружелюбныхъ лицъ, попрежнему, пристально смотрѣли на него. Илья взмахнулъ лоша-тою и, будто ничего не слыша, сталъ опять работать.

— Молчать! — шепнулъ кто-то изъ мужиковъ на всю толпу.

— Воли напонался! — рѣзко сказала баба: — подавиться бы тебѣ, душегубово сѣмя!

— Эй, вы! работать! — отозвался десятскій умышленно строгимъ голосомъ.

Работа пошла своимъ чередомъ. Тяжело дотянулся день для Ильи. Нелегко прошли первая и вторая недѣли. Стали косить первые поемные луга. То же повторилось съ Ильей и на лугу, когда онъ, въ числѣ ста или двухсотъ косарей, очутился среди густой травы на прибрежьи Лихого. Работа шла опять подъ надзоромъ десятскаго. Его отецъ былъ за покупками въ городѣ. Косари пронесли три ручки и стали разомъ всей оравой точить косы. Раздались опять насмѣшливые голоса:

— «Приказчицкій наслѣдникъ!» — «Продово зелье!» — «Вскормленъ нами, да насъ же зубами за груди!» — «Несѣяно растеть!»

Илья не вытерпѣлъ, бросилъ косу, вышелъ изъ ряду вопъ и сѣлъ къ сторожѣ, какъ будто отдыхая. Но его и тамъ донекли громкія, въ уноръ кидаемыя, насмѣшки. Илья сталъ противъ косарей, снялъ шапку и поклонился на всѣ четыре стороны.

— Православные! — сказалъ онъ

Толпа мигомъ смолкла.

— Сколько я ни ходилъ, православные, по свѣту, а нигдѣ не видѣлъ, чтобъ невинноватому голову рубили! Я отъ міра никуда. Между васъ дитятею росъ, между васъ наша хата стояла, отъ васъ я и теперь не найду, коли не прогоните...

— Тебя никто и не гонитъ! Мы ничего...

— За чтѣ же попрекаете, православные?

— А водки выставишь, хамово отродь? — отозвался голосъ посмѣлке изъ косарей.

Другіе громко захохотали.

— Съ нашимъ вамъ почтеніемъ. Много васъ, братцы, да я и послѣднее отдамъ!

Толпа весело загудѣла. Илья разстегнулъ жилетъ, изъ-подъ него вытащилъ двѣ депозитки и отдалъ косарямъ. Десят-

скій подошель, крикнулъ, погладилъ усы, протянулъ руку и вызвался самъ въ вольный шинокъ, въ Малый-Малаканецъ, съѣздить за водкой. Опорожнили боченокъ съ водой. Десятскій векочилъ на телѣгу и поскакалъ примикомъ по полю. Черезъ часъ поспѣла водка. Косари съли обѣдать.— «Ну, это не голопятый, не волкодавъ; это не старикъ Тѣнцуръ, а человекъ, какъ человекъ! Сейчасъ видно хорошую душу, что по свѣту между добрыхъ людей уму-разуму набрался!»

Съ пѣснями воротились косари съ поля, съ перваго починка косовицы. Старый Романъ даже удивился, подъѣзжая поздно вечеромъ къ барскому двору. — «Что бы это такое было? Праздника нѣтъ, а вся слобода пѣсни играетъ!» — Пошелъ осмотрѣть сторожей, и тѣ были на мѣстахъ. Въ слободѣ было смирно. Только пѣсни долго еще не прекращались.

Такъ былъ принятъ Илья Тѣнцуръ въ составъ своего общества, громады.

III.

Генералъ Рубашкинъ—также дома.

Кто же былъ генералъ Рубашкинъ, съ которымъ священникъ, отецъ Смарагдъ, отъ мельницы пошелъ полемъ и о которомъ Ильѣ сказалъ музыкантъ Кирилло Безуглый, что его разорилъ барыня Перебѣченская?

Адрианъ Сергѣичъ Рубашкинъ, сынъ мелкопомѣстнаго дворянина съ низовьевъ Волги, изъ былыхъ казаковъ, часть родныхъ котораго были на Украинѣ и въ Повороссіи, рано поступилъ въ Петербургъ на службу въ какой-то департаментъ писцомъ, да съ той поры въ продолженіе почти сорока лѣтъ не покидалъ ни Петербурга, ни этого департамента. Тамъ онъ получилъ, съ тревогой въ душѣ, первый канцелярскій чинъ, тамъ дослужился и до высшаго мѣста директора канцеляріи, а потомъ департамента, и съ нимъ до титула дѣйствительнаго статскаго совѣтника, то-есть небоевого генерала. Несмотря на сорокалѣтнее сидѣніе за столомъ, сперва на потертомъ и продавленномъ стулѣ, а потомъ въ раззолоченномъ директорскомъ креслѣ, онъ сохранилъ силы, здоровье, бодрость духа и румянецъ щекъ. Отъ первой казенной квартиры подъ чердакомъ, надъ министер-

скимъ архивомъ и рядомъ съ швейцарскимъ помощникомъ, до послѣдней директорской квартиры въ двѣнадцать просторныхъ и теплыхъ комнатъ, Адрианъ Сергѣичъ остался тѣмъ же умѣреннымъ, иногда скуповатымъ, а подчасъ и любимымъ пожить смертнымъ, который, впрочемъ, дѣло-женитьбы отвергалъ, какъ совершенно ему неподходящее дѣло, и большою частію насчетъ женскаго пола обходился въ тайнѣ, какъ-то слегка, урывками, не придавая этому особаго значенія. Напрасно сперва засматривались на него дочки престарѣлыхъ писцовъ, бухгалтеровъ, журналистовъ и столоначальниковъ, а потомъ, когда ужъ онъ облачился въ ордена и даже въ звѣзду, дочки такихъ же директоровъ и даже министерскія племянницы и внучки. Онъ говорилъ:— «женитьба—лотерейный билетъ; заранѣе не угадаешь, какой билетъ выплется. Блаженъ, кто выиграетъ; но еще блаженѣе тотъ, кто вообще до всякихъ азартныхъ игръ не охотникъ». Живя въ просторной сановничьей квартирѣ, съ собственнымъ швейцаромъ и холостыми назначенными вечерами, гдѣ собирался разнообразный людъ поиграть въ карты, поболтать и узнать новости правительственнаго свѣта, Рубашкинъ являлся къ гостямъ постоянно расфранченный, раздушенный, сюртукъ и бѣлье свѣжіе, съ иглочки. Комнаты его были уставлены мягкою щегольской мебелью, увѣшаны красивыми картинами. Бронзы, ковры, зеркала и штофы показывали утонченный вкусъ хозяина. Кабинетъ его былъ полонъ бездѣлушками. На столахъ кучами лежали постоянно дѣловыя бумаги. Хорошо обеспеченный щедрымъ жалованьемъ, Адрианъ Сергѣичъ не моталъ денегъ по-пусту. Отлично служилъ и ни въ чемъ не отказывалъ себѣ въ тихой домашней жизни смирнаго и пріятнаго холостяка. Лѣтомъ онъ жилъ на дачѣ, но какъ-то скупо и торопливо пользовался благами дачной жизни и ежедневно являлся въ городъ на службу, ни разу въ сорокъ лѣтъ не взявъ себѣ отпуска даже на мѣсяць. Его любили всѣ, отъ департаментскихъ сторожей до крупныхъ чиновниковъ. Во всѣхъ своихъ потребностяхъ и мелкихъ привычкахъ онъ былъ въ высшей степени умѣренъ. Одно только было предметомъ его искренней, безграничной любви—это Малороссія, мноическій и таинственный образъ которой когда-то съ дѣтства радостно мелькнулъ для него и скрылся на долгіе годы. Всѣ толковали вокругъ него о Малороссіи, не только тамошніе

уроженцы, но и видѣвшіе ее хотя бы мелькомъ. Рубашкинъ молчалъ, слушалъ, склонивъ голову и какъ-то тихо улыбаясь, и думалъ: «я тебя давно покинулъ, моя родина; но я, какъ сквозь туманъ, помню твои уютные сады, бѣлыя, мѣломъ мазанныя, чистенькія слободки; помню твои чудныя пѣсни и твои привольныя, грустно-синѣющія стени. Я доберусь къ тебѣ когда-нибудь и зато останусь среди твоихъ пустынь любоваться навѣки твоею природою. Тамъ я и умру. Дай только дослужиться до порядочной пенсіи, чтобы не умереть подъ старость съ голоду на родинѣ. Но куда ѣхать? Земли тамъ у меня нѣтъ. Живы ли родные, и про то навѣрное не знаю. Были, кажется, родные на Волгѣ, были въ Украинѣ, были и въ Новороссіи».

Годы шли. Рубашкинъ, за давностью времени бросившій всякую переписку съ немногими близкими лицами на родинѣ, жилъ непрежнему степенно и отраднo. Являлся въ театрахъ, любилъ оперу, концерты, посѣщалъ нѣсколько первыхъ чопорнѣйшихъ домовъ изъ высшаго общества. Говорилъ и судилъ обо всемъ умно и дѣльно. Спокойно и умѣренно встрѣтить начало новыхъ реформъ. Какъ на отпѣтыхъ, живыхъ еще, но уже скорыхъ покойниковъ, съ улыбкой посматривалъ на откупчиковъ, посѣщая ихъ гостепримные и непрежнему шумные обѣды и вечера; гдѣ еще толпилась вся служебная знать. Съ любопытствомъ прислушивался онъ къ поднятому тогда крестьянскому вопросу. Жадно пробѣгалъ въ газетахъ и журналахъ первые намеки, такъ-называемой, обличительной и гласной литературы. Но гдѣ-то, по какому-то департаментскому промаху, какъ указали ему доброжелатели, прихлопнули въ печати и его самого. Онъ долго теръ себѣ лобъ и протиралъ глаза, прочтя о себѣ слова: «бюрократы отжили свой вѣкъ; у канцелярскаго стола Россіи не узнаешь; надо ѣхать изучать ее въ провинціи; туда теперь отодвигается все лучшее, тамъ должна возрождаться заново наша жизнь». — «Я бюрократъ? мертвецъ?» — спросилъ самъ себя Рубашкинъ, воротившись съ одного пышнаго, блистательнаго вечера, гдѣ толковалось много о разныхъ послѣднихъ регламентаціяхъ, кодификаціяхъ и прочихъ бумажныхъ реформаціяхъ, и гдѣ были въ числѣ гостей даже два статсъ-секретаря. А тутъ еще обонли его второю звѣздою; какой-то его сослуживецъ въ товарищи министра попалъ. Совсѣмъ огорчился Рубашкинъ. Природа еще сильнѣе

стала его маяить къ себѣ. — «Сорокъ лѣтъ прожилъ я даромъ въ этомъ воздухѣ, въ этой душиной, смрадной тюрьмѣ!» — сказалъ себѣ Адрианъ Сергѣичъ, наскоро сбрасывая съ плечъ тончайшій черный фракъ, съ младшею звѣздой на груди, брилльянтовыя запожки и перчатки. Отпустивъ единственнаго слугу изъ отставныхъ солдатъ-малороссійянъ, онъ взглянулъ на свой письменный столъ, заваленный кучею вновь принесенныхъ для прочтенія, соображенія и подписи пакетовъ съ текущими дѣлами, опять повертѣлъ въ рукахъ листокъ газеты съ запыривающимъ письмомъ какого-то провинціального корреспондента о столичныхъ бюрократахъ вообще и о немъ самомъ въ особенности, и сталъ быстро ходить вдоль вереницы просторныхъ комнатъ своей директорской квартиры.

«А они-то веселятся тамъ, важничаютъ, носъ дерутъ!» — думалъ онъ о только-что оставленномъ вечерѣ, куда, гремя и сверкая фонарями, еще продолжали, при его уходѣ, подѣзжать кареты. Въ его умѣ мелькали блонраморныя плечи и величественныя улыбки дамъ, блонды, шелки, бархаты, золото и брилльянты модныхъ туалетовъ. Въ его ушахъ звенѣли сабли и шпоры гвардейцевъ. Въ раздушенныхъ залахъ гремѣла музыка. Носились, распространяя аромать духовъ и звуки французскаго діалекта, веселыя пары. У зеленыхъ столовъ играли въ карты важныя и задумчивыя лица. Чистенькія мордочки будущихъ счастливыхъ бюрократовъ, только-что испеченные чиновники изъ правовѣдовъ и лицействъ, причесанные первѣйшими парикмахерами и обученные танцамъ и французскому разговору первѣйшими питерскими учителями, въ кадрили и даже въ полькѣ, протискивались изъ толпы, на-ходу сообщали своимъ дамамъ новости о грубостяхъ, тогда модномъ, вопросѣ, о народномъ обученіи и объ откупахъ. — «И это все блестящее, самодовольное собраніе теперь оказывается гилью!» — рѣшилъ Рубашкинъ, остановившись передъ столомъ кабинета и опять повертѣвъ въ рукахъ невзрачную газетку съ провинціальною корреспонденціей. Онъ вышелъ, чувствуя странный запахъ, въ переднюю, глянулъ за перегородку, гдѣ жилъ у печурки его слуга солдатъ, и засталъ его за какою-то непомѣрно-душистою и жирною трапезою.

— Что это ты ѣшь?

Сѣдовласый гвардеецъ вскочилъ, прикрывая ладонью ды-

мившуюся лохань, и оторопѣлъ отъ изумленія, что пачальство его такъ неожиданно поймало.

— Что это ты ѣшь, Проценко?

— Впновать, ваше превосходительство! Кишки всё обрвала здѣшная прѣсная нища. Наквасилъ самъ за печуркою бураковъ, да и сварилъ нашего борщу, съ перцемъ и съ уткою...

— А варениковъ не дѣлалъ?

— И варениковъ, ваше превосходительство, настряпалъ! — прибавилъ Проценко, доставая изъ-подъ стола другую объемистую лохань, прикрытую тряпкой, изъ-подъ которой вырывалось еще болѣе обаятельное благоуханіе.

— Ничего, братъ, Проценко! Ты, я вижу, умнѣ меня! ѣшь на здоровье!

Рубашкинъ заперся въ кабинетъ и просидѣлъ въ креслѣ до утра. Пакеты съ надписями: «конфиденціально», «весьма нужное», «въ собственныя руки» и «къ немедленному исполненію» — въ первый разъ остались нераспечатанными. Блѣдное мертвенное утро занялось надъ Петербургомъ. Рубашкинъ подошелъ къ окну. Дворники въ нескончаемый разъ сметали снѣгъ и вчерашній песокъ тротуаровъ, торопливо и важно производя эту работу, будто подметали улицы для послѣдняго страшнаго суда. Блѣдные чиновники сѣшшили во всѣхъ направленіяхъ въ свои канцеляріи.

«Умъ провинцій!.. Жизнь областей!.. И точно... Вотъ она, новая наша заря!» — сказала со вздохомъ Рубашкинъ, отперъ столъ, досталъ бумаги и сталъ писать докладную записку къ своему министру. И въ то время, какъ департаментскіе политики, разбирая въ числѣ другихъ и его карьеру, рѣшали задачу, чѣмъ будетъ въ послѣдствіи Рубашкинъ и скоро ли его сдѣлаютъ сенаторомъ или товарищемъ министра, — пещданная громовая вѣсть разнеслась между его подчиненными и знакомыми. Министръ принялъ его просьбу. Рубашкинъ выходилъ въ отставку...

— Что съ вами! Вы оставляете службу? — спрашивали его знакомые, тоскливо и съ сожалѣніемъ заглядывая ему въ лицо.

— Бумажное царство въ Россіи кончилось! — отвѣчалъ Рубашкинъ. — Вы только не хотите сами этого замѣтить и въ томъ сознаться. Дадимъ мѣсто молодежи...

Онъ распродалъ мебель, зеркала, лучшія бронзы и кар-

тины, оставилъ себѣ только нѣсколько любимыхъ вещей, еще способныхъ убрать одну или двѣ небольшихъ комнаты. Эти остатки уложилъ въ ящики, сдать ихъ въ контору транспортвъ, взялъ съ собою одинъ чемоданъ, сѣлъ въ вагонъ и поѣхалъ въ Москву, а оттуда въ Малороссію. Одна мысль наполняла его: уйти отъ неблагогодарнаго Петербурга, пожить на свободѣ, на родинѣ, уииться ея красотами. Адрианъ Сергѣичъ соображалъ нѣсколько смутно, что на югѣ Россіи у него изъ родни должны оставаться два двоюродные брата: одинъ въ бѣдномъ полтавскомъ хуторѣ, гдѣ гостилъ иногда и его покойный, безземельный отецъ и откуда его самого повезли на службу, а другой въ какой-то стениой полугатарской пустынѣ, гдѣ-то невдалекѣ отъ Новороссіи, на югѣ, за Волгой. Онъ съ ними лѣтъ двадцать уже не переписывался и навѣрно не зналъ, живы ли они. — «Умъ провинцій, вотъ оно что! самоуправленіе областей!» шептала Адрианъ Сергѣичъ, проѣзжая срединныя русскія губерніи и приближаясь къ Малороссіи. Гдѣ-то на дорогѣ попался ему возъ, запряженный волами, мелькнули бѣлыя избы. Далѣе звучно раздаюь нѣкогда родное для него украинское нарѣчіе. Сердце по старинѣ у Рубанкина дрогнуло, онъ высунулся изъ кареты и долго не могъ сквозь слезы разглядѣть, чуть памятные ему съ дѣтства, поля и хутора, которые уже замелькали вокругъ дороги. Карета смѣнилась перекладной. Тройка своротила на проселокъ. Пошли топкіе, зеленѣющіе берега Ворсклы. Былъ апрѣль. Весна захватывала дыханіе птичьими криками, воздухомъ и солнцемъ. Вотъ большое казацкое старинное село, а вотъ одинокій, бѣдный дворянскій хуторокъ... Рубанкинъ вошелъ на дрянное, покосившееся крылечко, сталъ на порогѣ низенькаго стараго домика и не узналъ своего двоюроднаго брата, оставленнаго здѣсь когда-то кудрявымъ и румянымъ ребенкомъ, какъ тотъ, разумѣется, не узналъ его самого. Братъ оказался рослымъ, оборваннымъ, сѣдымъ и совершенно испитымъ старикомъ. Послѣ первыхъ привѣтствій оказалось, что этотъ братъ, Флоръ Титычъ Рубанкинъ, совершенно прожился, еще лѣтъ семь назадъ, и короталъ вѣкъ уже не у себя, а у старой и тоже сѣдой своей сестры, которая у него во-время успѣла купить его собственное имѣніе. Старуха сестра, Васса Титовна, была слѣпая; Флору Титычу уже не на что было пить; онъ упро-

сился къ сестрѣ на хлѣбъ и помѣстился у нея на кухнѣ. Дни проводили братъ и сестра вмѣстѣ. Флоръ Титычъ святцы ей вслухъ читалъ, а сестра, дремля, вязала чулки на продажу для церкви. За обѣдомъ братъ сестрѣ кушанье разливалъ, ложку подавалъ, мясо рѣзать, а послѣ обѣда подбирать на спицы спущенныя петли ея чулка. Родичи Адриана Сергѣича жили въ маленькомъ домикѣ, а въ большомъ помѣщалось сельское правленіе другого, сосѣдняго помѣщичьяго имѣнія, гдѣ всѣ наслѣдники вымерли и имѣнію это поступило въ казну. Владѣльцевъ того помѣстья Рубашкинъ также когда-то зналъ въ дѣтствѣ.—«Наши дворянскіе роды вымираютъ!»—сказалъ ему уныло Флоръ Титычъ, передавая брату, какъ они съ сестрой продали подъ то сельское правленіе свой родовой домъ.—«Тамъ въ нашихъ комнатахъ теперь живутъ старшина, и сельскій писарь!»—прибавила сестра:—«у старшины, говорятъ, медаль на груди. А писарь спитъ въ той самой комнатѣ, гдѣ нашего папеньки и маменьки опочивальня была; въ образной нашей живутъ конторскіе сторожа, а изъ дѣтской сдѣлана холодная для штрафныхъ арестантовъ». — «Прихожу я разъ туда»,—перебилъ Флоръ Титычъ:—«а въ коридорѣ портретомъ покойнаго дѣдушки кадка съ водой прикрыта». — Грустно взглядывался Адрианъ Сергѣичъ въ лица своихъ обѣдѣвшихъ родичей. Но Флоръ Титычъ не упывалъ, хотя на шеѣ его не бывало даже галстука, а сквозь нанковыя потертыя шаровары просвѣчивали красныя голыя колѣни. Какіе-то башмаки изъ суконныхъ обрѣзковъ были надѣты на его мозолистыя и избитыя босыя ноги. Лицо небрито. Длинные сѣдые волосы въ безпорядкѣ падали на сторобенныя плечи.

— Чтò ты думаешь, братъ, съ собою дѣлать?—спросилъ его дня черезъ три Адрианъ Сергѣичъ, оставшійся погостить у нихъ.

— Пошелъ бы милостыню въ городъ просить, да сестра не пускаетъ. Послѣ смерти своей хочеть мнѣ этотъ флагелёкъ и хуторъ отказать.

— Не тебѣ, а твоимъ семи дочерямъ, которыя всѣ въ гувернанткахъ!—перебила его сестра.

Пошелъ генераль бродить съ братомъ по окрестностямъ. Черезъ этотъ полтавскій хуторъ покойный отецъ генерала, мелкій чиновникъ въ приволжскомъ городишкѣ, увезъ

Адриана Сергѣича въ Петербургъ на службу и вскорѣ гдѣ-то самъ умеръ. Пошли они въ садъ. «Гдѣ же ваши старыя дѣдовскія липы?» спросилъ Адрианъ Сергѣичъ брата: «я помню, овѣ тутъ были!»—Флоръ Титычъ оглянулся.—«Не говорите слѣпой сестрѣ, я ихъ срубилъ и продалъ; не на что было чаю сестрѣ купить какъ-то».—«Что же ты, братъ, здѣсь хозяйствомъ самъ не займешься? Земля есть у васъ. Тогда бы и липъ не нужно было рубить!» — «Эхъ, братъ! то-есть ты совѣтуешь самому къ плугу-то стать? Нельзя еще нашему брату, дворянину, землю пахать; а людшки, какіе были у насъ, разбѣжались за эти послѣдніе годы, какъ про волю слухи пошли. Нанялся я было точно вотъ въ это сельское правленіе писаремъ; въ той самой компаніи сталъ засѣдать, гдѣ и ты когда-то со мною бѣгалъ и гдѣ, бывало, три-четыре няньки съ ноги одинъ чулокъ у меня когда-то стигивали. Да больно зазорно стало своимъ же сосѣдямъ мужикамъ, отобраннымъ въ казну, писаремъ служить, хоть и получалъ я хорошее жалованье,—семь цѣлковъ въ мѣсяцъ!»

Братъ и сестра хуторяне, обрадовавшись прѣзду такого невиданнаго родича генерала, засуетились угощать его. Шептались все о посудѣ, о какой-нибудь курицѣ, о томъ, что надо вотъ въ городъ послать за говядиной, за макаронами и еще за чѣмъ-то, да все некого... Генераль ихъ оставовплъ. Оставилъ у нихъ въ углу, не развязывая, свои вещи, сѣздилъ за восемь верстъ въ городъ, самъ закунилъ разныхъ припасовъ, привезъ прислугу и объявилъ, что остается погостить у нихъ и нѣсколько подышать свѣжимъ воздухомъ. Но не было весело на душѣ у Адриана Сергѣича. Его окружала одна бѣдность и всякіе недостатки, да ослабѣвшая и ничѣмъ неоживляемая и невоскрешаемая вѣра въ лучшую долю погибшаго, нѣкогда зажиточнаго быта. Кромѣ родственнаго хутора, весь околотокъ какъ-то жалко притихъ, точно и всѣ остальные его жители обѣднѣли и разорились. «Прошли наши времена!» говорили Флоръ Титычъ и Васса Титовна. «Намъ ужъ не поправиться, такъ мы и въ могилу ляжемъ! Не такъ жили наши дѣды... Все миновало на нашей Ворсклѣ!»—«Гдѣ же сохранилась былая, лучшая жизнь?—допрашивалъ родичей генераль:—гдѣ живутъ отрадиѣ здѣсь на югѣ?» — «Въ Новороссіи, да внизу на Волгѣ не такъ жалуются!» отвѣчали тѣ: «тамъ живетъ

нашъ другой братъ, Климъ Титычъ. Ему тамъ досталось наслѣдство за женой, и онъ живетъ богаче и не жалуется, какъ мы всѣ».

Крестьяне показались генералу тоже черезчуръ лѣнны и довольны, до скотства, малымъ. Быть со дня на день обдѣлюющихъ окольных помѣщиковъ наводило на него уныніе и тоску. Вездѣ толковали объ однихъ картахъ, охотѣ, водкѣ, да о мелкихъ сосѣдскихъ дрызгахъ. Сказочное, бывшее гостепрѣимство исчезло. Не встрѣчалось болѣе ни Пуцхерин Ивановны, ни Аванасія Иваныча, ни Ивана Иваныча и Ивана Никифорыча. Одни крестьянскіе сосѣдніе комитеты утѣшили-было Адріана Сергѣича, потомца петербургской дѣловой, неугомонной практики. Но и въ нихъ скоро пошла чепуха и завелись личности.

Тутъ судьба свела его съ другимъ его двоюроднымъ братомъ, именно съ Климомъ Титычемъ Рубашкинымъ. Климъ Титычъ, какъ сказано выше, жилъ гдѣ-то въ безлюдной полутатарской степи, за Волгой. Онъ отъ отца получилъ родовой клочокъ земли въ Повороссіи, возлѣ Дона, гдѣ самъ было служить; женился тамъ на дочери одного маіора изъ казаковъ, торговавшаго скотомъ и имѣвшаго большіе капиталы, взявъ за женой ненаселенную землю между Волгою и Дономъ, знакомый намъ Конскій-Сыртъ, вышелъ въ отставку, продалъ свой собственный клочокъ земли и занялся жепиннымъ хозяйствомъ. Жена его вкорѣ умерла отъ родовъ, не оставивъ послѣ себя дѣтей, а при жизни укрѣпила за нимъ по купчей свое наслѣдство. Климъ Титычъ усердно провозился нѣсколько лѣтъ надъ этимъ имѣніемъ, но, не зная, какъ взяться за него безъ капитала, сдалъ его на аренду своей сосѣдкѣ Неробченской, ѣздившей къ нему иногда торговать коровъ, и переѣхалъ на спокойное житье въ одинъ изъ поволжскихъ низовыхъ городковъ, похвалявая свое житье въ письмахъ брату и сестрѣ. Сосѣдка была бойбаба; заставъ на арендной землѣ домикъ и избушку, обстроила усадьбу очень хорошо, завела на этой землѣ гурты скота, вольнонаемнымъ трудомъ повела и хлѣбопашество, пустила корни въ этомъ имѣніи, да и затѣяла его безъ дальнихъ словъ оттягать у смиреннаго Клина Титыча навсегда. Сперва пошли у нея съ нимъ недоразумѣнія по арендной платѣ, потомъ явились какія-то дополнительныя условія о домѣ и о прочихъ сдѣланныхъ ею постройкахъ,

наконецъ-было задумалась она даже надъ нѣкоторымъ подложнымъ, хотя и весьма грубоватымъ, документцемъ будто бы его жены. Словомъ, вышла чепуха. А Климычъ Титычъ, искупавшись невзначай рано весной въ рѣкѣ, въ очень холодной водѣ, получилъ сперва кашель, а потомъ чахотку. Доктора послали его на послѣднія деньжата въ Крымъ, на южный берегъ. «Что ѣхать въ Крымъ, — подумалъ онъ, — лучше съѣзжу въ Кіевъ на богомолье, да кстати навѣщу брата съ сестрой на старомъ отцовскомъ хуторѣ!» Тамъ Климычъ Титычъ засталъ двоюроднаго брата, генерала, на старомъ родовомъ пепелищѣ, неудовлетвореннаго тихимъ бытомъ старосвѣтской Украины, какъ онъ съ питерской точки зрѣнія выражался, будто бы немѣвней впереди у себя сильныхъ идеаловъ. Онъ разговорился съ нимъ о Новороссіи и о поволжскомъ русскомъ востоцѣ.

— Вотъ гдѣ край, такъ край! — сказалъ онъ братцу-генералу: — вотъ гдѣ жизнь начинается! Тамъ наша Русь заново перестраивается. Какое тамъ развивается пароходство! Строится и скоро кончится желѣзная дорога по стени изъ Волги въ Донъ. Земли цѣлинныя, нетронутыя, плодородныя. Край непочатый, сущія американскія стени. Поволжье—настоящіе штаты по Миссисипи, а низовье Дона и азовскія побережья—Виргинія и Кентукки. Хотите, ваше превосходительство, побывать тамъ?

— Еще бы!

— Нѣтъ, не шути? Вы даже доброе дѣло можете сдѣлать...

— Какое?

— Моимъ имѣніемъ, доставшимся мнѣ по духовному завѣщанію отъ моей жены, пустопорожнею землей, по имени Конскимъ-Сыртомъ, завладѣла одна бѣдовая сосѣдка моя, госпожа Перебѣченская. Она сперва держала эту землю на арендѣ, а теперь, безъ всякаго съ моей стороны акта, завладѣла этою землею окончательно, и что я ни дѣлалъ, не отдаетъ ее да и полно. Живетъ себѣ тамъ, какъ англичано въ Индіи; даже арендную сумму перестала мнѣ платить уже лѣтъ шесть назадъ. И все былъ боленъ; хлопотать сильно было некогда, да и ожидалъ, что она покается. Вы законы знаете лучше, чѣмъ я. Возьмитесь хлопотать и взять обратно мое имѣніе, — я готовъ съ вами быть въ долѣ.

— Извольте; я совершенно свободенъ. И кстати, здѣсь мнѣ что-то скучновато.

Климъ Титычъ далъ Адриану Сергѣичу полную довѣренность, всѣ документы на имѣніе и уѣхалъ въ Кіевъ. Адрианъ Сергѣичъ снова уложился, взялъ почтовыхъ и скоро пріѣхалъ въ окрестности Конскаго - Сырта и Ёсауловки. Онъ явился къ Целагеѣ Андреевнѣ Перебѣченской и предъявилъ ей свои документы, но съ перваго же пріѣзда, несмотря на свой чинъ, получилъ отъ нея такой отвѣтъ и такой пріемъ, что хотѣлъ-было тотчасъ воротиться снова на хуторъ въ полтавскую губернію и, отказавшись разъ навсегда, любоваться красотами природы поволжскаго края, лучше созерцать тихія картины Украйны старосвѣтской, или даже снова воротиться въ Петербургъ на службу. Здѣсь вмѣшалась въ дѣло сама нежданная судьба и остановила Адриана Сергѣича надолго въ окрестностяхъ Ёсауловки. Въ сосѣднемъ городѣ, куда онъ перевелъ на первыхъ порахъ свою переписку, онъ получилъ изъ Кіева, въ концѣ того же года, изъ полиціи бумагу, гдѣ прочелъ такіа ошеломившія его слова: «мичманъ въ отставкѣ, Климъ Титовъ, сынъ Рубашкинъ, умеръ скоропостижно въ кіевской градской больницѣ, гдѣ лѣчился отъ чахотки, и оставилъ все свое имѣніе, состоящее изъ двухъ тысячъ десятинъ незаселенной земли, по имени Конскій-Сыртъ, близъ Волги, такой-то губерніи и уѣзда, ему, отставному дѣйствительному статскому совѣтнику, а своему двоюродному брату Адриану Сергѣеву, сыну Рубашкину, вслѣдствіе того, что, по отношенію подтавской земской полиціи, уже незаставшему въ живыхъ его, мичмана Клина Титова, сына Рубашкина, оказалось, что собственные родные братъ и сестра его, какъ ближайшіе наследники его, Флоръ Титовъ и Васса Титова Рубашкины, того года и мѣсяца, волею Божіею, безъ умысла постороннихъ лицъ, на своемъ хуторѣ сгорѣли ночью, безъ божскаго покаянія, вмѣстѣ съ своимъ домомъ. Ихъ названный хуторъ, за долгъ приказу общественнаго призрѣнія сгорѣвшихъ владѣльцевъ его, имѣть быть проданъ съ публичнаго торга, такъ какъ послѣ бездѣтныхъ Вассы и Флора Титовыхъ Рубашкиныхъ никакого движимаго имущества въ наличности не нашлось, а всѣ люди ихъ оказались въ бѣгахъ. Названное же имѣніе Конскій-Сыртъ отказано ему, Адриану Сергѣеву, сыну Рубашкину, по законному духовному завѣщанію, каковое въ подлинникѣ высылается на имя его превосходительства, Адриана Сергѣева, сына Ру-

бабкина, по мѣсту его жительства, въ подлежащее судебное мѣсто, для безспорнаго ввода его во владѣніе тою землей».

«Бѣдняки!—подумалъ Адріанъ Сергѣичъ. — какъ вѣтромъ спесло ихъ всѣхъ! Правъ былъ покойникъ Флоръ Титычъ: замѣтно вымираетъ наше былое, сильное дворянско-помѣщичье поколѣвіе. Теперь я, послѣдній изъ могиканъ, остаюсь одинъ — окончательная отрасль Рубанкинскихъ. Нашъ родъ не привился въ средней Украинѣ. Не привьется ли дѣло рукъ его въ повороссійскомъ востокѣ? Совью свое гнѣздо здѣсь, какъ иѣкогда заводили, на отдаленныхъ конечныхъ Украинахъ южныхъ степеней, одинокіе починки и заимки наши предки, коренные украинскіе казаки. Жениться мнѣ ужь поздно, а жажды дѣятельности во мнѣ еще довольно. Мѣсто богатое: развернуться есть гдѣ. Что же? Мнѣ еще съ небольшимъ пятьдесятъ лѣтъ; шестидесяти еще нѣтъ. Моя генеральская пенсія—постоянный оборотный капиталъ, который я исподволь стану прививать къ этой благодатной, цѣлливой, петронутой еще аферами землѣ, гдѣ у покойнаго брата и у его арендаторши ходили одни гурты скота. Все, что выработать Петербургъ въ идеалѣ, все, что прославили тамъ господа теоретики, все это теперь придется здѣсь испытать на практикѣ. Немало и я тамъ, на своей правительственной дорожкѣ, погрѣшилъ разными самодовольными рѣшеніями задачъ этой таинственной для насъ практики. Не только становымъ или исправникамъ, даже и по-выше, я посылалъ громко-звучные ордера и внушенія, которые по чаянію нашей столичной братіи должны были во всѣхъ концахъ благодатно пересоздать нашу матушку-Русь. Теперь я здѣсь самъ рядовой и подначальный. Посмотримъ, какъ улыбнется мнѣ эта жизненная, областная практика? Наконецъ-то, изъ переселенія, изъ бѣговъ на сѣверъ, и я воротился на югъ. Я теперь дома. Какъ-то тутъ заживется?»

И практика, повторяемъ, на первыхъ же порахъ обрвала генерала Рубанкина.

Еще въ качествѣ повѣреннаго бывшаго смиреннаго владѣльца Кюнскаго-Сырта, онъ вѣжливо и степенно явился къ арендаторшиѣ этого имѣнія, Пелагеѣ Андреевнѣ Перебѣческой, переговорить о ея видахъ на скорѣйшую раздѣлку по арендной суммѣ и объ очищеніи земли отъ ея присутствія, такъ какъ срокъ аренды давно кончился. Адріанъ Сер-

гбичъ прѣхалъ къ Перебѣченской по-петербургски, весь въ черномъ, въ модномъ фракѣ, въ бѣлыхъ перчаткахъ и въ лаковыхъ сапогахъ, съ портфелемъ подъ мышкой и даже не воспользовался деревенскою льготою насчетъ фуражки, а явился съ шляпой. Голубые его глаза, здоровыя румяныя щеки и припомаженные, съ умѣренною просѣдью, волосы предстали передъ Перебѣченскою съ запасомъ добродушія и ободряющаго, ласковаго снисхожденія и довѣрія; а плотно застегнутый на груди фракъ, со звѣздой, при проходѣ его по залѣ въ гостиную хозяйки, мимо зеркала, напомнилъ ему почему-то рѣшительный и вмѣстѣ великодушный видъ какого-то чудодѣя-адвоката, котораго онъ знавалъ въ славу громкихъ подвиговъ въ Петербургѣ. Направляясь изъ уѣзднаго города, куда онъ сперва завернулъ для справокъ, къ временной усадьбѣ Перебѣченской, устроенной этою барынею на луговинѣ, возлѣ зеленаго ольховника на Конскомъ-Сырѣ, Рубанкинъ наскоро разсмотрѣлъ этотъ поселокъ. Домъ въ пять-шесть комнатъ выходилъ на обширный дворъ, заваленный подѣлочнымъ славнымъ новолжскимъ лѣсомъ. Кругомъ двора шли скотныя, красиво-построенныя сараи, амбары, конюшня, кухня и людскія надворныя избы. Нѣсколько просторныхъ и чистыхъ избъ, для помѣщенія наемныхъ работниковъ, подѣнщиковъ и пастуховъ, шли отдѣльнымъ рядомъ за дворомъ, вдоль молодого, но уже значительно загустѣвшаго и поднимающагося сада. Въ саду торчала знакомая читателю голубитня, мѣсто недавнягося плѣна Фроси. У новаго чистаго колодца поили рослыхъ быковъ. Стадо телятъ паслось на лужайкѣ за садомъ. По двору шмыгали горничныя и перекликались между конюшнею и амбаромъ два рослые работника въ красныхъ рубахахъ. За воротами къ избамъ прошелъ съ длинными рыжими усами какой-то челоѣкъ небольшого роста, но гордаго и непонураго вида, вѣроятно, приказчикъ. На крыльцѣ гости встрѣтили выбѣжавшія изъ дома разомъ двѣ служанки. Спросивъ его имя и званіе, онъ опять скрылся и потомъ ввели его въ залу и въ гостиную. Въ гостиной, на диванѣ, за столомъ, Рубанкинъ увидѣлъ, съ картами въ рукахъ, хозяйку усадьбы. Перебѣченская на привѣтствіе гости слегка привстала и, не глядя на него, опять сѣла. Рубанкинъ едва успѣлъ разглядѣть ея высокій, сухощавый, нѣсколько сутуловатый станъ, сморщенное блѣдное лицо, жал-

гіе, будто плачущіе, дрянные глаза, бѣлый старомодный обвязанный сверху по ушамъ чепецъ, какіе носятъ нищенки - просительницы въ городахъ, темное затасканное платьишко, сѣрый фланелевый платокъ, обвисшій на тощихъ, костлявыхъ плечахъ, гарусный ридикюль на рукѣ съ изображеніемъ огромнаго яблока и вообще нищенскій и убогій видъ хозяйки.

— Прошу садиться. Что вамъ?—спросила Перебѣченская, вяло замигавъ по сторонамъ.

Рубашкинъ сѣлъ и объявилъ подробно свое званіе, чинъ и цѣль пріѣзда.

— Вы держите на арендѣ имѣніе моего брата?—спросилъ онъ, собираясь произнести ловкій спичъ.

— Такъ, генераль.

— Вы, извините, денегъ ему не платите?

— Такъ, генераль.

— Вы съѣхать съ этой земли не хотите?

— Такъ, генераль.

— Зачѣмъ же вы все это дѣлаете?

Перебѣченская положила карты на столъ, достала изъ ридикюля табакерку, понюхала табаку и ничего не отвѣтила, слегка, но зорко поглядывая на гостя.

— Позвольте васъ вторично, сударыня, спросить, въ качествѣ человѣка, уполномоченнаго формальною довѣренностью, какіе у васъ на это виды?

— А вамъ на что?—спросила Перебѣченская и оправила ленты чепца.

— Какъ на что? Да я законный истецъ, я представитель дѣлъ моего двоюроднаго брата.

— Палашка! — тихо вскрикнула Перебѣченская, повернувшись на диванѣ къ сторонѣ внутреннихъ комнатъ дома: — Палашка!

Дверь въ сосѣднюю комнату была притворена. Оттуда никто не являлся. Только было слышно, какъ въ залѣ, въ клѣткѣ мѣрно прыгала, съ жердочки на дно и со дна опять на жердочку, какаля-то тяжеловатая птица. Да въ передней аккуратно и звонко стучали заржавленнымъ маятникомъ часы.

— Палашка!—крикнула опять хозяйка, не оборачиваясь къ гостю.

«Вѣрно, закуску вспомнила подать, или прикажетъ ско-

рѣе обѣдъ готовить!—рѣшилъ въ умѣ Рубашкинъ.—Оно же и кстати, я-таки порядкомъ проголодался!»

И онъ съ достоинствомъ сталъ оглядывать комнату...

Дверь скрипнула. На порогѣ ея показалась плотная, широкоплечая, румяная и огромнаго роста горничная, съ чулкомъ въ рукахъ. Когда она вошла, полъ заскрипѣлъ подъ нею.

— Гѣги, крикни тому генеральскому кучеру, — медленно и съ разстановкой сказала барыня: — чтобъ подавалъ ихъ экипажъ; они сейчасъ ѣдутъ отсюда... Сейчасъ... слышишь?

— Слышу.

Горничная скрылась. Рубашкинъ обомлѣлъ. Перебѣченская, какъ ни въ чемъ не бывало, обернулась къ нему и опять тихо и грустно устремила на него жалкіе, дрянные глазки. Сначала показалось Рубашкину, что она сумасшедшая, и онъ только подосадовалъ на чиновниковъ, не предупредившихъ его объ этомъ. Онъ все еще молчалъ и смотрѣлъ на хозяйку. Хозяйка, вертя карты въ рукахъ, по-смащивала на него. На дворѣ загремятъ подаваемый экипажъ.

— Что это значить?—спросилъ Рубашкинъ, въ смущеніи поднимая на хозяйку брови.

— Вы какъ думаете?—спросила она, покачивая головой.

— Я не понимаю-съ. Вы меня прогоняете? Значить, мнѣ ѣхать?

— Точно такъ... Нечего и сидѣть тутъ съ грубостями!

— Какъ съ грубостями?

Генераль вспыхнулъ. Перебѣченская стала опять перебирать на столѣ карты.

— Во-первыхъ,—сказала она тихо:—я сама знаю вашъ чинъ и понимаю, что вы уполномочены довѣренностью; но, во-вторыхъ, не совѣтую вамъ мѣшаться въ это дѣло: иначе... вы меня ужъ извините... Я спуску никому не дамъ!

— Какъ не мѣшаться?

— Просто-съ... Не я должна Климу Титычу, а онъ мнѣ. Да притомъ же я тутъ въ этой безлюдной глуши выстроилась; постройки всѣ мои. И я вамъ просто-на-просто совѣтую не мѣшаться сюда и не очень важничать. Тутъ въ степяхъ, извините-съ, вы не разгуляетесь очень... Я женщина и женщина слабая, больная; но у меня... противъ всякихъ разбойниковъ найдутся защитники... и весьма хорошіе... Клянусь вамъ!

«Я разбойникъ?»— подумаль про себя Рубанкинъ, вставая съ портфелью, потому что въ это время встала и хозяйка.

— Вы такія вещи мнѣ говорите... вы такъ меня принимаете... что я... извините также и меня— но, по крайней мѣрѣ, хоть выслушайте, наконецъ... Я вамъ прочту довѣренность, письмо моего брата...

— Знать я ничего не хочу-сь! Лучше оставьте меня въ покоѣ.

— Я фхаль изъ такой дали, думаль съ вами скоро все покончить; у меня ни квартиры теперь нѣтъ, ни души знакомыхъ...

— А вольно же вамъ было все это брать на себя! Разговаривать далѣе—баста-сь... Вотъ вамъ Богъ, а вотъ пороги! Иначе я людей крикну и васъ выведутъ, за то, что вы меня, старуху, безнокоите и грубите мнѣ...

Рубанкинъ стоялъ румяный и озадаченный, съ портфелью подъ мышкою фрака, застегнутаго до подбородка, и въ волненіи натягиваль перчатки. Тишина въ домѣ была, попрежнему, невозмутимая. Только снова прыгала въ затѣ въ клеткѣ птица, да въ лакейской стучали часы. Солнце въ это время ярко проглянуло на дворѣ и весело осветило гостиную съ свѣженькими цвѣтами на окнахъ, съ большимъ образомъ въ углу подъ потолкомъ, съ картинами синопскаго сраженія и американской охоты въ пустыняхъ пампасовъ на дикихъ лошадей и съ кучею пштыхъ гарусныхъ подушекъ на диванѣ. Огромный, жирный котъ, какъ мертвый, спалъ у печки, раскинувшись на особой подушкѣ. Въ комнатѣ нахлѣ ладономъ.

— Такъ это вамъ послѣдній отвѣтъ мнѣ, фхавшему за пятьсотъ верстъ, по просьбѣ брата?

— Послѣдній, генераль.

— Вы не заплатите денегъ?

— Нѣтъ, генераль.

— Не сдадите аренды, которой срокъ давно кончился?

— Нѣтъ, генераль.

— И не выѣдете съ этой земли?

— Нѣтъ, генераль.

Въ умѣ Рубанкина мелькнула, невольно, его пышная директорская петербургская квартира, толпа ловко наторенныхъ подчищенныхъ, ослѣпительные вечера первыхъ санов-

никовъ, которые онъ запросто посѣщалъ на сѣверѣ, и тутъ же улыбка одного тамошняго администратора изъ передовыхъ, сказавшаго ему передъ отъѣздомъ по какому-то случаю: «не пройдетъ года, двухъ-трехъ лѣтъ, мы пересоздадимъ Россію, ручаюсь вамъ въ этомъ!..»

— Въ такомъ случаѣ, Пелагея Андреевна, не прогибайтесь, если я прибѣгну... такъ сказать... къ здѣшнимъ властямъ и противъ васъ употребить... силу!..

— Палашка! — тихо вскрикнула опять Перебѣченская, обернувшись къ дверямъ въ сосѣдную комнату.

— Сила законовъ одна для всѣхъ на свѣтѣ... И если...

— Палашка! — уже на весь домъ крикнула Перебѣченская.

Рубашкинъ, во избѣжаніе дальнѣйшаго скандала, поклонился, не дождался появленія исполнителя-горничной и осторожными, невѣрными шагами направился черезъ залу въ лакейскую. На крыльцѣ онъ перевелъ духъ. Во дворѣ было тихо... Почтовые усталыя лошади, опустивъ уши, дремали у подъѣзда. Ямщикъ тоже дремалъ на козлахъ.

— Ыдемъ назадъ! — сказалъ Рубашкинъ и сѣлъ въ коляску, добытую съ трудомъ на-прокатъ въ городишкѣ.

Онъ выѣхалъ. Его никто не провожалъ. Кругомъ было тихо, будто все спало или вымерло. Вдали рисовались тихіе голубые бугры прибрежій Волги. За Лихимъ бѣлѣла, раскинувшись на холмѣ, такая же молчаливая Есауловка. Телята паслись за садомъ, за ольховникомъ. По лугамъ Копскаго-Сырта бродилъ справа — одинъ скотскій гуртъ, а слева — другой. Одинокіе пастухи издали неподвижно глядѣли, опершись на длинныя палки, съ котомками за плечами, точно каменные бабы на курганахъ въ украинскихъ стенахъ.

«Позвала бы шальная барыня наметанныхъ своихъ клеветовъ, что бьютъ на сало нагулянный скотъ, — подумалъ Рубашкинъ, — мигомъ уходила бы меня въ своемъ домѣ, и никто бы не откликнулся тутъ за меня въ этой глуши! Вотъ тебѣ и практика въ провинціи! Вотъ я дома»...

Генераль кинулся въ городъ. Утаивъ главныя подробности, онъ съ достоинствомъ разсказалъ чиновникамъ о странномъ поступкѣ съ нимъ Перебѣченской. Чиновники съ подобающимъ почтеніемъ къ его чину и недавней служебной дѣятельности выслушали его, пожимая плечами, стали шептаться между собою, громко и съ видимымъ негодованіемъ относясь къ упорству Перебѣченской, и рѣшили, что

дѣйствительно надо принять противъ нея болѣе сильныя мѣры. Такъ сказала становой, такъ сказала самъ исправникъ, такъ рѣшилъ весь земскій судъ. Рубашкинъ сталъ жить въ городѣ. Его скоро узнали все горожане. На улицѣ чиновники и мѣщане кланялись ему, снимали передъ нимъ шапки. Иногда онъ посѣщалъ скромные вечера у городничаго, уѣзднаго предводителя и исправника. Ящиковъ съ своими вендами Рубашкинъ не раскрывалъ и тутъ, а жилъ скромнымъ бивуакомъ у одной дьяконницы, и вслѣдъ за этою временною квартирою собирался разомъ спокойно помѣститься въ Конскомъ-Сыртѣ, гдѣ за долгъ у арендаторши должны были отобрать и всю ея отстроенную усадьбу. Но время шло, генеральская пенсія проживалась, а дѣло не подвигалось впередъ. Становой и исправникъ медлили, будто выжидая, не одумается ли сама Перебѣченская, откладывали выѣздъ къ ней, не желая рѣзко обидѣть и притѣснить слабую, хотя и дѣйствительно упорную женщину.

— Да я-то чѣмъ виновата?—говорилъ, улыбаясь, Рубашкинъ:—и изъ-за чего я живу здѣсь въ миломъ вашемъ обществѣ?

— Ну, знаете, все-таки—она дама.

Посылались, однако, ей понудительныя повѣстки. А тутъ, какъ съ неба упала, бумага изъ Кіева о смерти настоящаго владѣльца Конскаго-Сырты и о переходѣ имѣнія въ собственность къ Адриану Сергѣичу. Чиновный міръ исполнился-было и какъ будто собирался дѣйствовать сильнѣе. Получено и явлено въ мѣстной палатѣ духовное завѣщаніе. Палата предписала: «временному отдѣленію уѣзднаго суда немедленно выѣхать въ Конскій-Сыртъ, ввести новаго наследника во владѣніе; госножѣ Перебѣченской, не принимая отъ нея болѣе никакихъ отговорокъ, подъ личною, по всей строгости законовъ, отвѣтственностью всего земскаго суда, изъ того имѣнія предложить въ то же время удалиться, а воздвигнутыя ею строенія, буде таковыя точно окажутся, обязать ее безпрекословно снести, или сдать владѣльцу въ счетъ ея долга, на основаніи оконченнаго срока аренды». Рубашкинъ, съ сияющею улыбкою, обогнавъ, накетъ палаты, привезъ чиновникамъ изъ губернскаго города это предписаніе въ коніи. Явился и подлинникъ. Чиновники, покуривая напирозы, внимательно смотрѣли въ глаза Рубашкину. Дѣло даже двинулось-было впередъ. Ожидая, что все теперь кон-

чится въ два-три дня, Адрианъ Сергѣичъ загодя разсчитался съ дыконицей, послать на отдѣльной подводѣ свои вещи впередъ, въ сосѣднее съ Конскимъ-Сыртомъ вольное село Малый-Малаканецъ, гдѣ велѣлъ подводчику ожидать себя въ какой-нибудь избѣ, а самъ съ временнымъ отдѣленіемъ земскаго суда, въ нѣсколькихъ экипажахъ, поѣхалъ въ Конскій-Сыртъ. Чиновники ѣхали почтительно, но съ какими-то сдержанными и таинственными улыбками. Исправникъ ѣхалъ въ коляскѣ съ дворянскимъ засѣдателемъ и съ стражничь, становой съ письмоводителемъ и еще съ какимъ-то господиномъ въ сѣромъ пальто, въ своемъ разгонномъ фургопѣ, а Рубашкинъ отдѣльно, взявъ изъ города по пути подвести къ Лихому ѣздивцаго къ благочинному молодого священника изъ Есауловки, знакомаго читателю, отца Смарагда. Подъѣхавъ къ границѣ земли Конскаго-Сырта, чиновники остановились. Тутъ ихъ ожидали собранные повѣстью станового понятыя изъ крестьянъ сосѣднихъ и далекихъ деревень.

Выйдя въ поле, временное отдѣленіе прочло указъ палаты, обоню по указанію законнаго плана границы Сырта, какъ имѣнія ненаселеннаго, указало ихъ владѣльцу и свидѣтелямъ, повѣрило межевые столбы и пограничныя ямы, на спишѣ одного изъ понятыхъ подписалю заранѣе составленный актъ о ввѣдѣ Рубашкина во владѣніе, отобрало руки понятыхъ, — причеиъ за нихъ подписался письмоводитель, и актъ этотъ вручило новому владѣльцу.

— Только-то? — спросилъ онъ. — А сама Перербѣченская? Вамъ вѣдь предписано немедленно ее вывести отсюда и обязать ее всѣ строенія сдать мнѣ, или безирекословно отсюда снести...

— Какъ же-съ, какъ же-съ! Это будетъ. Но по неявкѣ сюда самой госпожи Перербѣченской, за болѣзнію, на ненаселенную вашу степь, ко вводу васъ во владѣніе, въ качествѣ вашей ближайшей сосѣдки, какъ того требовать законъ, мы должны сами къ ней поѣхать. Для этого, чтобы на случай освидѣтельствовать ея здоровье, мы взяли съ собой и доктора; вотъ онъ...

Господинъ въ сѣромъ пальто раскланялся Рубашкину изъ фургона станового.

— Поѣзжайте, а я пока останусь въ ближнемъ селѣ, — сказалъ Рубашкинъ: — тутъ дожидаются и мои подводы.

Нововведенный во владѣніе помѣщикъ съ священникомъ поѣхалъ къ околицѣ Малаго-Малаканца, а чиновники поехали къ Перебѣченской.

Свои подводы Рубанкинъ нашелъ въ Малаканцѣ среди улицы. Подводчикъ ругался на всѣ лады. Никто изъ жителей не хотѣлъ его пустить къ себѣ во дворъ. Всѣ поселяне были здѣсь раскольники, и, слышавъ о чиновникахъ, каждый отмаливался отъ подводъ генерала.

— Не безпокойтесь, — сказали генералу священникъ: — здѣсь меня знаютъ. Я дѣло улажу. Но позвольте ли вы мнѣ быть съ вами откровеннымъ, ваше превосходительство?

— Начать съ того, что бросьте эти титулы. Въ чемъ дѣло? Будьте со мною запросто.

Священникъ поклонился и отвелъ Рубанкина въ сторону. Они стояли среди обширной пустынной улицы.

— Извольте... Вы хотите, наконецъ, узнать всю тайную сторону вашего дѣла съ Перебѣченской?

— Хочу.

— Нанимайте здѣсь скорѣе квартиру, въ этомъ Малаканцѣ. Судь сдѣлалъ все по формѣ, — вы введены во владѣніе. Тутъ хоть изъ окна будете видѣть по близости свое имѣніе. Даромъ въ городѣ не станете проживаться.

— Но что же это все значить?

— Жаль... У васъ изъ генеральской пенсіи за этотъ срокъ до новой получки денегъ, вѣроятно, мало что остается. А Перебѣченская держитъ всѣ уѣздныя власти на откупъ. Да-съ, не удивляйтесь! Вы еще нашей практики хорошо не изучили, какъ видно, а отъ петербургской она очень отличается. Дѣло просто. Исправникъ — родной племянникъ Пелагеи Андреевны: онъ начальникъ уѣздной полиціи и предсѣдатель земскаго суда, по выбору-съ дворянъ; такъ-то-съ... Становой отъ нея въ годъ (всѣ это открыто знаютъ) получаетъ пятьсотъ цѣлковыхъ жалованья, кромѣ харчей и частыхъ подарковъ: это вдвое противъ его казеннаго жалованья. Засѣдатель отъ дворянства получилъ отъ нея, послѣ перваго вашего прѣзда къ ней, шесть паръ отборныхъ воловъ въ подарокъ; я самъ видѣлъ, какъ ихъ ей главный гуртовщикъ, выкрестокъ изъ киргизовъ, и погналъ къ нему за горы, туда вонъ, въ его хуторъ. Известное дѣло — близость къ намъ татарскихъ степей и улусовъ; смотря на послѣднихъ, и эта барыня вер-

нить дѣла, какъ иной погайскій мурза, прямо на чистоту. Знаеть, что сильнѣе всего на свѣтѣ деньги... А засѣдатель замѣшалъ еще въ ея же дѣлѣ и съ ваимъ покойнымъ братцемъ, какъ сюда наѣзжалъ, по его ходатайству, молодой чиновничекъ особыхъ порученій, и Перебѣченская дала этому чиновнику пощечину-съ...

— Какъ? Чиновнику особыхъ порученій?

— Да-съ. Чему же вы удивляетесь? И еще лучше я вамъ скажу: чиновникъ этотъ, такъ безвинно обиженный, съ засѣдателемъ сами умолили барыню скрыть это дѣло, уѣхали и болѣе ее не тревожатъ. Засѣдатель боится вліятельнаго губернаторскаго чиновника, а тотъ боится, чтобъ сама барыня по губерніи на бумагахъ не ославила этого случая, такъ какъ у нея есть на это и свидѣтели. Извѣстно, молодой человекъ, едва изъ училища сюда наверхъ, и боится. Какъ же-съ! Это дѣло съ нею будетъ и вамъ нелегкое! Ее по всему краю здѣсь знаютъ. Она очень смѣла, хоть такого жалкаго вида, и здѣсь первая богачка. Гурты ея лучшіе въ губерніи; саломъ съ Москвой торгуетъ, а быковъ на убой посылаетъ и въ Петербургъ. Что ей стоитъ сыпнуть деньгами, когда деньги къ ней, черезъ поблажку чиновниковъ, сами такъ легко идутъ... Скоро вся торговля скотомъ тутъ въ околоткѣ и далѣе будетъ въ ея рукахъ.

Рубашкинъ вздохнулъ и грустно оглянулся вокругъ, какъ бы выскивая предметъ, за который можно было бы ему ухватиться. Деревня, опустѣвшая отъ послѣдняго передвесенняго выхода людей для подготовки спуска судовъ на Волгу, уже поломавшую тогда ледъ, молчала. Обнаженные отъ снѣга окрестности еще не были покрыты травой и уныло отсвѣчивались сѣрыми, мертвенными холмами и долинами.— «А въ Петербургѣ теперь гремятъ концерты!— неволью мыслилъ Рубашкинъ, — щегольскія толпы прогуливаются по Невскому, и сотни хожалыхъ городовыхъ охраняютъ спокойствіе каждаго гуляющаго. Вотъ тамъ бы теперь, среди бѣла дня, крикнуть: сколько бы народу сбѣжалось на залицу! А тутъ крикни, такъ кромѣ вѣтру никто тебя не услышитъ».

— Кто она такая, эта Перебѣченская?—спросилъ Рубашкинъ.

— Богъ ее знаетъ. Жила, говорятъ, здѣсь по близости на десяти или двадцати десятинахъ; тихая была такая.

Братъ вашъ тогда потерялъ жену и начиналъ тутъ обзаводиться, домишко строить; скучалъ, да и капитала у него не было; негдѣ ему было дѣться. Она и подѣхала къ нему, сдѣлала условіе, стала разводить и нагуливать тутъ первые гурты. Свой домикъ въ городѣ отдала въ наймы; людей своихъ, кромѣ тѣхъ, кто отъ нея уѣхалъ прежде, перевела сюда. Сперва брату вашему хорошо и вѣрно платила. Онъ переѣхалъ дѣчиться въ городъ. Тутъ она сошлась, коли слышали, съ нашимъ есауловскимъ, бывшимъ настухомъ и скотникомъ, Романомъ Тѣнцуромъ, котораго нашему князю потомъ въ приказчики посоветовала взять. Предложила и князю гурты завести. Онъ согласился. Послать Романа за скотомъ въ Черноморье, а оттуда велѣлъ проѣхать на Азовское море къ Ростову. И она съ Тѣнцуромъ туда въ фургоны сѣздила. Да съ той поры, какъ уѣхалъ князь, Богъ вѣсть откуда у нея и деньги взялись. Говоритъ, что прежде Перебѣченская была богата по мужу, но потомъ все прожила на откупахъ: откупа съ мужемъ гдѣ-то возлѣ Кіева держала. Ее пощипали и чиновники, когда мужъ ея умеръ за границей; но она выпросила позволеніе тѣло его перевезти въ свой хуторъ, забила его въ гробъ, да и обвертѣла тѣло мужа кружевами, блондами и матеріями, а на таможи тѣло и открыли. Словомъ, передъ арендой Сырта она жила безъ гроша денегъ, тиранила своихъ людей, многихъ разогнала; хуторъ у нея даже брали въ опеку. А тутъ вдругъ черезъ годъ разбогатѣла, сѣздивъ въ Ростовъ. Повела она дѣло хозяйства широко, на тысячи; скоро обстроилась, какъ вы видите. Купцы къ ней ѣздить за саломъ и за кожами. Сама бойню въ оврагѣ тутъ за садомъ воздвигла. Скотъ ея узнали даже и етербургскіе мясники. Чиновничество такъ и льнетъ къ ней. Заводскаго быка подарила молодому князьку изъ бѣлыхъ татаръ, здѣшнему уѣздному предводителю, на хозяйство. И какъ вамъ сказать, не согрѣшить? Одни говорятъ, что ей дать сначала и теперь тайно дать на обороты деньги изъ есауловской экономіи нашъ приказчикъ Тѣнцуръ. А другіе... будто онъ съ нею, ѣздивъ въ первое-то время вмѣстѣ за гуртами для князя и для нея, гдѣ-то, не то въ Черноморіи, не то на Азовьи или на Дону, купилъ тайкомъ большой запасъ фальшивыхъ ассигнацій, да здѣсь-то мало-по-малу, лѣтъ за десять, они и спустилъ ихъ и размѣняли. Во всякомъ же случаѣ, скажу вамъ: ясно одно, что

Романъ Тандуръ въ большой дружбѣ съ вашею противницей и, какъ полагать надо, дѣлать съ ней или прежде дѣлать всё барыши пополамъ. Только и онъ обожжется: на такой камень наскочилъ, что не одного его разобьетъ...

Рубашкинъ медленно и молча ходилъ съ священникомъ взадъ и впередъ по улицѣ. Обоимъ было тяжело продолжать разговоръ. Они подошли къ овражку за околицей и сѣли на обрывѣ.

— Что же мнѣ дѣлать теперь?—спросилъ Рубашкинъ.

Священникъ вынулъ кистикъ, набилъ короткую трубочку крѣчайшимъ турецкимъ табакомъ и закурилъ.

— Позволяете курить? Не обижаетъ это васъ, что священникъ курить?

— О, сдѣлайте милость!

— Когда у меня горе, я этимъ только лѣчусь. А горя у меня довольно: бѣдность, жена все хвораеть... Но вы—другое дѣло. Попытайтесь еще обратиться лично или письменно къ губернскому предводителю дворянства, а наконецъ и къ губернатору. Всѣ похвальбы Перебѣденской—вздоръ: у нея не можетъ быть никакихъ актовъ. Она хочетъ только, какъ иной дикарь-татаринъ, въ мошенничествѣ время выиграть. Особенно ей нужно для нагула скота это лѣто. На бумагѣ вы будете считаться владѣльцемъ земли, а на дѣлѣ будетъ она.

— Я самъ заведу скотъ, нушу въ поле.

— А она стонитъ его, заграбитъ, велитъ, наконецъ, стрѣлять по немъ изъ ружей. И это въ нашей глуши бываетъ!.. Вы еще не знаете... Татарія за рѣкой, недалеко...

— Нѣтъ, не можетъ быть! Она одумается...

— Увидите! Да вотъ ѣдутъ господа чиновники. Прощайте! Я пойду пока вонъ въ ту избу, чтобы вы съ ними объяснились безъ меня! Пусть она не знаетъ о моемъ къ вамъ участіи...

Чиновники подѣхали, почтительно окружили генерала и подали ему актъ освидѣтельствованія Перебѣденской. Оказалось, что она одержима такимъ опаснымъ недугомъ, что не только не могла, по слабости и безнадежности здоровья, оставить своего дома и сѣхать тотчасъ съ чужой земли, но даже не могла выслушать приказанія объ этомъ, не подвергаясь опасности скоропостижно заболѣть еще болѣе

и даже... умереть. Актъ былъ составленъ уѣзднымъ лѣкаремъ и подписанъ всѣми наличными чиновниками.

— Итакъ, поздравляемъ васъ съ имѣніемъ! — двумысленно сказали исправникъ, любезно раскланиваясь съ Рубашкинымъ. — А насчетъ Палагеи Андреевны надо подождать, пока выздоровѣетъ. Что же вы теперь, генераль, куда?

— Да поселюсь здѣсь; стану хозяйничать пока на этой землѣ, хоть безъ усадьбы.

— Здѣсь?—спросилъ исправникъ и оглянулся съ удивленіемъ:—въ Малаканцѣ? на квартирѣ у мужика?

— Именно здѣсь... Отчего же не нанять квартиры тутъ? Земля моя подъ бокомъ, это будетъ какъ на дачѣ!

— Да вы, ваше превосходительство, находчивы необыкновенно! Отличная выдумка...

— Благодарю за комплиментъ!

— Желаемъ вамъ успѣха!—прибавили чиновники.

— Очень благодаренъ.

Временное отдѣленіе уѣхало. За пятьдесятъ шаговъ за околицей Рубашкину послышался со стороны уѣхавшихъ довольно явственный хохотъ. Адрианъ Сергѣичъ, сложив вводный листъ и копию медицинскаго акта, съ донесеніемъ станового о причинѣ новаго невыѣзда Перебѣченской изъ Конскаго-Сырга, грустно побрелъ въ избу, гдѣ ожидалъ его священникъ. Новые знакомцы еще поговорили.

— Какъ бы мнѣ, отецъ Смарагдъ, нанять, въ самомъ дѣлѣ, здѣсь, въ Маломъ-Малаканцѣ, квартирку? Хоть оно и странно, да что же дѣлать?.. Во-первыхъ, вы мнѣ очень понравились и я радъ такому сосѣду, а во-вторыхъ, начинается весна. Здѣсь у Поволжья будетъ все-таки лучше жить, чѣмъ въ уѣздномъ городишкѣ, пока все болѣе объясняется. Да оно и дешевле. Я въ городѣ закуплю принасовъ; ящики мои съ вещами, неразобранные до сихъ поръ ни въ полтавскомъ хуторѣ, ни въ городѣ съ отъѣзда изъ Петербурга, я разберу здѣсь. Кое-какъ устрою, скрашу свою конурку. Будемъ видѣться, гулять вмѣстѣ. У меня есть недурное ружье; вы любите рыбу ловить. А тѣмъ временемъ я пашину еще кое къ кому изъ высшихъ властей...

— Не соскучитесь ли вы въ этой глуши?

— О, пѣтъ. Мнѣ эти мѣстности нравятся. Я подпишусь для васъ на «Пчелку» или «Инвалидъ», станемъ ихъ по-

лучать черезъ ближайшую пароходную пристань на Волгѣ, перениску откроемъ съ дальнимъ свѣтомъ. Я встрѣчу съ окрестныхъ горъ разливъ Волги, прилетѣ дичи, расцвѣтъ лѣсовъ и травъ. Я забуду о чинахъ, орденахъ—право забылъ. Буду гулять по вашимъ буграмъ; станемъ вмѣстѣ любоваться этою угрюмою, дикою и вмѣстѣ чудною вашею природою... Я уроженецъ юга... давно стремился сюда, и вотъ, наконецъ, я дома, въ степяхъ, гдѣ наши казаки нѣкогда сѣдѣли первыми зимовниками, колоніями!..

— Все это такъ, генераль; но чѣмъ вы жить здѣсь будете?

— А моя генеральская пенсія?—спросилъ генераль.

— Точно; я и забылъ...

Священникъ тутъ же разыскалъ Рубашкину квартиру у одной раскольничихи, бѣдной вдовы, на краю села, возлѣ слободскихъ безкопечныхъ огородовъ, рядомъ съ вѣтрянными мельницами. Съ дворака этой хаты открывался красивый видъ на окрестности. Здѣсь пробылъ священникъ у Рубашкина въ тотъ день до поздняго вечера, съ нимъ отпустилъ подводы и экипажъ обратно въ городъ, втащилъ съ хозяйкой въ комнату и развязалъ ящики съ вещами.

— Сколько такихъ рядовыхъ генераловъ обрѣтается на Руси!—замѣтилъ Рубашкинъ, прощаясь съ священникомъ.— Они мирно поселяются по душнымъ городамъ... жить на хлѣбахъ у государства. Лучше же я пережду, добьюсь своего и здѣсь употреблю сохраненныя еще мои силы на возрожденіе выпавшаго мнѣ уголка на новыхъ основахъ вольнонаемнаго труда. Тогда весело заживемъ, отецъ Смарагдъ! Не правда ли?

— Дай-то Богъ!

Это было въ концѣ февраля.

Недѣли черезъ двѣ поля зазеленѣли. Каменистыя тропинки по берегамъ Лихого просохли. Отецъ Смарагдъ попрежнему былъ угрюмъ, суровъ, ходилъ нелюдимымъ; забившись куда-нибудь подъ берегъ Лихого, нащѣвалъ про себя священные гимны, вздыхалъ, ловилъ больной женѣ рыбку. Какъ-то онъ съ удочкой наловилъ два ведра окуней возлѣ водяной мельницы, отправилъ рыбу домой къ женѣ съ деревенскими мальчишками, сопровождавными его гурьбой къ мельницѣ, и пошелъ провѣдать Адріана Сергѣича.

Онъ вошелъ въ его панятую избу и остолбенѣлъ отъ изумленія.

Свѣтлая, просторная комната въ три окна на полѣ и въ два во дворъ была устлана коврами и перегороджена красивою занавѣскою. Мебель, купленная въ городѣ, наполняла переднюю часть комнаты и заднюю, гдѣ стояла желѣзная кровать генерала. По стѣнамъ висѣли три-четыре небольшихъ картины, писанныя масляными красками, въ золотыхъ рамахъ, два круглыхъ зеркала и нѣсколько кенкетовъ для свѣчей. Столъ передъ мягкимъ диванчикомъ былъ заваленъ французскими книгами, бѣльшею частью романами. Альбомы карикатуръ лежали на красивой стѣнной полочкѣ. Письменный столъ былъ уставленъ фарфоровыми, бронзовыми и деревянными бездѣлушками. Тутъ же стояла чернильница, лежали бумаги и другіе письменные принасы. За перегородкой въ спальнѣ, на коврѣ, надъ кроватью, висѣло легкое, англійское двухствольное ружье съ прочими принадлежностями охоты, револьверъ и крѣпкая трость съ потайной пинагой. Въ углу за кроватью стоялъ шкапъ съ платьями, столъ съ посудой и самоваромъ. А у изголовья постели—крошечный столикъ со свѣчой.

— Поздравляю съ новосельемъ! Какъ вы мило устроились!

— Да, и идѣту мою уладилъ получать въ семи верстахъ. На Тайницкой пароходной пристани скоро станутъ получаться на мое имя письма и для васъ петербургская газета. Я написалъ Исакову и не знаю, какую онъ вышлетъ. Это все я въ городѣ устроилъ. Чтѣ значить, какъ захотитъ! Почтмейстеръ отличный человѣкъ! Я у него купилъ и эту мебель.

— А, понимаю! Была, значить, выгода, такъ и устроилъ пріемъ почты на пристани! Дорогонько же вамъ это все обошлось?

— Не мало. Пока устраивался, деньги такъ и таяли.

— Жаль, однако, что у васъ здѣсь все вижу французскія книжки. Неужели вы въ Петербургѣ мало читали изъ русской литературы?

— Да чтѣ же у насъ читать? Только ругаютъ меня, васъ, всѣхъ!

— О, какъ же вы судите! У насъ въ глуши и то лучше на литературу смотреть. Вы вотъ реалистъ, какъ я замѣ-

тить. А знаете ли, какъ много у насъ явилось книгъ по части реальныхъ наукъ?

— Будто? И хороши?

— Какъ не хороши! Заинищите-ка, я вамъ сказку о нѣкоторыхъ, а вы выинищите ихъ и хоть мигъ дайте прочесть. Я знаю ихъ по разборамъ.

Рубаникинъ записать.

— Будемъ, будемъ прочитывать. Но жаль, что у васъ въ семинаріяхъ по-французски не учатъ читать! Я самъ уже самоучкой выучился въ Петербургѣ и именно изъ-за этихъ романовъ, — прелесть! Куда только не перенесешься съ ними!

Священникъ покачалъ головой.

— Какъ же вы кушанье свое тутъ устроили?

— Хозяйка готовитъ. И недурно, увѣрю...

Посидѣли, поболтали.

— Вотъ ужъ нять дней, какъ я устроился. И какъ легко на душѣ. Цѣлые дни брожу съ ружьемъ по окрестностямъ. Горы вани — прелесть; видъ на Волгу съ бугровъ — уму непостижимое очарованіе! Уйдешь по холмамъ, забереешься въ глушь; лѣса расцвѣтаютъ, одѣваются листьями. Дичи гибель. И не опомнишься, какъ день кончился.

«Что онъ, врать, или правду говорить! — подумать священникъ, — не упорство ли тутъ чиновника, а не идиллія, которую онъ на себя напустилъ!»

— Что вамъ дѣло? — спросилъ отецъ Смарагдъ.

— Писалъ къ губернскому предводителю и къ губернатору. Только отвѣта еще нѣтъ.

— А вы такъ хорошо устроили вашу почту! Тутъ письма въ губернской городъ идутъ не болѣе двухъ дней.

— Что дѣлать? подождемъ.

Прошли еще три недѣли. Явились потомъ выписанныя книги. Стали пріятели ихъ разбирать. Впервые тутъ священникъ увидѣлъ: «Записки оружейнаго оренбургскаго охотника» Аксакова, его «Уженье рыбы», «Записки охотника» Тургенева и цѣлую кучу повѣйшихъ столичныхъ изданій по части естествознанія: о мірозданіи, о лѣсахъ и степяхъ Америки, о морѣ и его жизни, объ облакахъ, объ инстинктѣ животныхъ, и проч. Кое-что взялъ отецъ Смарагдъ почитать къ себѣ домой. Иное изъ этого онъ тутъ же прочелъ съ своимъ сосѣдомъ. Генераль сперва было вздремнулъ

при чтеніи и сказала:—«вѣтъ, Дюма и Феваль лучше! Вотъ я вамъ переведу!» — Но когда священникъ сталъ читать Аксакова и Тургенева, Рубашкинъ пришелъ въ такой восторгъ, что крикнулъ:—«вѣтъ, я ошибался: французамъ до насъ далеко!.. Такъ и подмываетъ идти на охоту! Я страстный охотникъ въ душѣ»...—Схватилъ ружье, ушелъ въ сосѣдній лѣсъ и, хотя страшно усталъ, но не убилъ ничего.

Прошелъ еще мѣсяць. Священникъ ходилъ въ гости къ Рубашкину. Адрианъ Сергѣичъ ходилъ къ отцу Смарагду въ Есауловку. Дѣла его не измѣнились. Обитатели Малаго-Малаканца сперва, какъ на пугало какое, стали сходитьсь смотрѣть на новаго своего поселенца. Ребятишки и взрослые слѣдили изъ-за угловъ, когда онъ уходилъ на прогулки. Но потомъ они все привыкли. Вмѣшался—было въ жизнь генерала сосѣдній окружной начальникъ надъ этимъ селомъ. Но отецъ Смарагдъ при случаѣ сказалъ ему, что генераль чуть ли не присланъ сюда инкогнито, по поводу раскола, и Рубашкина все оставили окончательно въ покоѣ, тѣмъ болѣе, что съ расколомъ окружной начальникъ рѣшительно не зналъ что дѣлать. Въ концѣ этого второго мѣсяца, вмѣстѣ съ нумерами «Инвалида», Рубашкинъ получилъ разомъ, наконецъ, два пакета изъ губернскаго города. Тогда уже онъ приобрѣлъ себѣ крѣпкаго буланаго конька и самъ верхомъ за почтой ѣздилъ къ одинокой пристани, гдѣ пароходъ какого-то общества грузился по пути, обыкновенно разъ въ недѣлю, дровами. Въ обоихъ пакетахъ былъ одинъ отвѣтъ: сдѣлано распоряженіе о подтвержденіи и внушеніи кому слѣдуетъ, чтобы, наконецъ, просьбы его, по дѣлу о выводѣ Перебѣченской изъ принадлежащей ему земли, были немедленно уважены. И только!

Но эти просьбы не уважались опять ни на волосъ. Приѣхалъ по этому, впрочемъ, въ усадьбу Перебѣченской какой-то чиновникъ, какъ послѣ узналъ Рубашкинъ, взялъ отъ нея новую какую-то явку и опять уѣхалъ. Присылалъ за ней еще коляску князекъ, уѣздный предводитель дворянства; Перебѣченская выѣхала въ ней дня на три въ городъ, гдѣ былъ у ней домикъ, а въ это время, по условію съ предводителемъ, налетѣлъ становой, составилъ повѣстку губернатору, что госпожа Перебѣченская, по распоряженію мѣстнаго начальства, выбыла, наконецъ, такого-то числа изъ усадьбы Конскаго-Сырта, и эту повѣстку послалъ

въ городъ. Пелагея же Андреевна снова явилась въ своемъ домѣ. Гурты ея по старому гуляли по лугамъ и холмамъ Конскаго-Сырта. Полякъ, приказчикъ ея, въ свое время, съ весны, съ батраками заставлялъ безъ малаго двѣсти десятинъ пшеницы. Пришла пора косить луга. Перебѣченская договорила артель прохожихъ на Черноморье косарей и стала, нисколько не стѣсняясь, снимать сѣно съ луговъ. Все это дѣлалось явно, съ полнымъ спокойствіемъ и передъ самымъ носомъ оторонѣлаго Рубашкина, который не только не усилъ съ своей стороны сдѣлать распоряженіе о косовицѣ, но даже сталъ изъ квартиры изъ Малаканца ходить на охоту и ѣздить за почтой, тщательно минуя собственную землю, гдѣ, по слухамъ, пастухи Перебѣченской получили разъ навсегда такого рода инструкцію: «Что же изъ того, что его ввели во владѣніе? Владѣю землею я, и чуть онъ или кто, по моего порученію, явится на землю, говните всѣхъ въ-зашей; ни косить, ни пахать земли, ни пасты скота я ему тутъ не позволю, пока жива и пока есть за меня добрые люди!»

Тогда уже старикъ Танцуръ былъ обрадованъ возвращеніемъ изъ бѣговъ сына и обдумывать, какъ бы залучить и Плью въ его общія дѣла съ Перебѣченскою.

Терѣніе Рубашкина, наконецъ, лопнуло. А главное — небольшой денежный занасецъ его совершенно истощился въ переѣздахъ изъ столицы въ молтавскій хуторъ и потомъ на Поволжье, въ первыхъ и въ дальнѣйшихъ хлопотахъ въ дѣлѣ съ Перебѣченскою и въ обзаведеніи квартирою въ Малаканцѣ. Не имѣй генералъ въ виду получить скорѣ окончателно законнаго наслѣдства, онъ спокойно поселился бы еще съ осени гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ и прожилъ бы безбѣдно своею пенсией. А тутъ вдругъ карманъ опустѣлъ, въ долгъ никто ничего не давалъ, да и занять было рѣшительно не у кого.

Съ такими-то сѣтованіями, однажды, какъ мы уже знаемъ, обратился Рубашкинъ къ отцу Смарагду, найди его у мельницы за удочкой.

— Спасайте, отецъ Смарагдъ! Я забился сюда, надѣялся, что скоро вся эта ченуха кончится. А оказывается, батюшка, что съ однимъ ружьемъ да съ петербургскими крѣпкими ногами, любуясь тутъ природою, мало добудешь себѣ средствъ къ жизни. Начать хоть съ пшцы; даже дичи оказывается

что-то не такъ много у васъ, какъ я ожидалъ. Спасайте! Посоветуйте, что мнѣ дѣлать? Не возвратится же мнѣ снова на службу изъ-за того, что обѣдъ тутъ неизысканный, что канусточкой да яйцами все приходится пока пробавляться? Я ничуть и ни въ чемъ не раскаяваюсь и доволенъ, что бросилъ службу, и хоть поздно, да все-таки пріѣхалъ въ этотъ край, гдѣ пахнетъ такою глушью и дичью, а съ ними и свободой.

Священникъ задумался. «Охъ, не вѣрится—дурить!» — подумалъ онъ. Долго или они взгорьемъ по берегу Лихого. Рубашкинъ, въ щегольскомъ свѣтломъ сюртучкѣ, широкой шляпѣ и въ розовомъ галстучкѣ, молча шелъ возлѣ отца Смарагда.

— Извольте, генералъ, послѣднее средство будетъ... Поѣдемъ со мной въ губернской нашь городъ. Тамъ есть у меня пріятель и родичъ, изъ семинаристовъ, учитель гимнази. Онъ знаетъ всю подноготную города. Если онъ ни въ чемъ не поможетъ, такъ ужъ я и не знаю, что вамъ тогда дѣлать! А самъ я, понимаю, ничего тоже не смыслю въ этой путаницѣ...

— По рукамъ?

— По рукамъ...

— На чемъ же мы поѣдемъ?

— Ванъ буланый, да мой рыжій—и довольно, запрежемъ ихъ въ мой церковный фургонъ и поѣдемъ. Жаль, что открытый. Ну, да ничего. Авось чего-нибудь добьемся... Жаль только, что жена моя все хвораетъ.

Было рѣшено ѣхать черезъ пять дней. Подступалъ праздникъ Троицы. Священникъ отиролся по письму у сосѣдняго благочиннаго въ недѣльный отпускъ и сталъ запрягать фургонъ.

Въ это время прислалъ ему, черезъ поселенскаго мальчика, Рубашкинъ записочку такого содержания: «Въ моей жизненной баркѣ открывается, наконецъ, еще сильнѣйшая тень; съ каждымъ днемъ я, отважный пловецъ, болѣе и болѣе погружаюсь въ хладныя волны всякихъ неудобствъ. Сегодня хозяйка объявила, что вынелъ весь овесъ для моего буланого, а собственно для меня вынели весь чай и сахаръ. Я нилъ уже нынче одно молочко-съ... Вивать, областная практика! Потеримъ. Ночью мнѣ снились петербургскіе рябчики, трюфели и шато-д'инемъ. Утромъ рано

убилъ я на буграхъ за Малаканцемъ въ перелѣскѣ пару куропатокъ. Что дѣлать! Въ этой первобытной пустынѣ еще можно не соблюдать весеннихъ законовъ объ охотѣ. Я сытъ. Но мой конь голодаетъ. Помните сказку о трехъ путяхъ? Пойдешь налѣво, самъ будешь сытъ, конь пропадетъ съ голоду. Эти мѣста—лѣвый, значить, путь. Итакъ, пришлите три цѣлковыхъ взаймы. Возвращу, какъ получу снова часть пещеръ. А между тѣмъ, вотъ вамъ новая продѣлка Перебѣченской. Племянникъ моей хозяйки, толщій мужичокъ, попросилъ у меня позволенія выгнать на одну изъ двухъ тысячъ десятинъ моей земли—покупать травки двѣ пары своихъ быковъ. Я, повый сыртинскій помѣщикъ, позволилъ. А Перебѣченская, извѣщенная черезъ лазутчиковъ, выслала поляка-приказчика въ поле, отбила у поселенца воловъ на моей землѣ и загнала къ себѣ въ стадо. Поселенцу ея пастухи даже грозилась стрѣлять, прогоняя съ поля его прочь. Я написалъ къ ней вчера ѣдкое письмо, а она на словахъ отвѣтила: «скажи своему генералу, чтобъ не трогать опять-таки меня, а то я найду на него, загоною самого его къ себѣ въ сарай на хуторъ и еще выѣжку, чтобъ не обижать женщинъ; пусть не очень тутъ храбрится». Пампасы, пампасы дѣвственныхъ пустынь Америки! Кстати же, я ихъ, по вашему совѣту, читаю.—Vale! Вашъ Адрианъ Рубашкинъ».

— Чудакъ!—сказалъ, вздохнувъ, священникъ и обратился къ хорошенькой, но болѣзненной и постоянно-грустной своей женѣ:—Панна, есть у насъ деньги? Дай три цѣлковыхъ: я генералу на время пошлю.

— Какія у насъ деньги, Сморочка? Вонъ ты благочинному за треть благодарность послала, а за что благодарить-то! И я въ порванныхъ сорочкахъ хожу, да и у тебя на зиму шубѣнка вонъ какая опять будетъ. У насъ двое дѣтей. Церковнаго вина надо купить въ городѣ, свѣчей,—мало ли чего?..

— Э! Ему надо помочь! Человѣкъ бѣдовой доброты, дай, чтѣ есть, авось насъ послѣ не забудетъ! Мы не Перебѣченская; фальшивыми ассигнаціями не торгуемъ; самъ знаетъ нашъ приходъ!

Вынула Пашенька послѣднія изъ комода деньги и отдала ихъ мальчику.—Въ городъ-то съ чѣмъ вы, безпутные, поѣдете? А еще по такому дѣлу ѣхать собираетесь! Срамъ,

безпутные! А еще ты, Сморочка, священникъ, да и онъ генераль! Точно гимназисты живутъ!

IV.

Какъ бѣгалось.

Въ то время, какъ въ Маломъ-Малаканцѣ устраивался генераль Рубаникинъ, въ есауловскомъ господскомъ саду мостили себѣ порку Илья Танцуръ.

Приказчикъ Романъ понялъ, что сразу сына не свернешь на иную дорогу, не поставишь его такъ, какъ хотѣлъ онъ, Романъ, и пошелъ на хитрости: дать ему известную долю воли, чтобъ посмотрѣть все, приучить его и потомъ сломить сына разомъ. Птица долго не была въ клеткѣ, успѣла черезчуръ порасправить себѣ крылья; даже навѣрное и перья-то у нея въ это время особыя, полетныя выросли! Слишкомъ уже отъ нея волей и воздухомъ пахло. Увидѣвъ Романъ, что сынъ болѣе не думаетъ отъ него дать тягу, самъ свозилъ его въ уѣздъ, явилъ его суду, при немъ сняли съ него допросъ по формѣ, гдѣ онъ былъ въ эти двѣнадцать лѣтъ, и получилъ въ отвѣтъ по обычаю: «Гдѣ былъ я, и самъ того не знаю! А дѣлайте со мною, что хотите!» Илью отпустили и велѣли отцу подать о немъ ревизскую сказку въ казенную палату, какъ о воротившемся добровольно изъ бродягъ, что Романъ и сдѣлалъ аккуратно. Пустивъ Илью поработать паравиѣ съ міромъ, Романъ сказалъ: «вижу, Илькѣ, что тебѣ со мною жить какъ будто не ладно. Да и впрямь! Ко мнѣ люди разные по должностямъ ходятъ, при тебѣ совѣтятся о мужикахъ правду говорить. Ты же къ обществу идешь... Такъ вотъ что... Любишь ты, я вижу, садовое дѣло, и матушка-попадья, Прасковья Агѣевна, говоритъ, что ты отцу Смарагду хорошо виноградъ подрѣзавъ и въ ростъ пустилъ. Переходи же, когда хочешь, въ садъ жить, въ пустку бывшего тутъ садовника, что возлѣ вербъ. Хочешь, къ намъ ѣсть ходи; а не хочешь, бери отсынное мѣсячное продовольствіе отъ ключника, заурядъ съ другими батраками. Мать тебѣ дастъ горшковъ и прочаго. Тамъ себѣ и копайся; садъ смотри и веди его какъ слѣдуетъ. Я и французу, въ городѣ, нашему главному управляющему. Морицу Феликсычу, говорилъ о тебѣ, и онъ согласился. Пиля и ножницы для подрѣзки сада тебѣ будутъ

нужны, я знаю, равно смолка и прочее тамъ для мази. Въ воскресенье съѣдешь въ городъ, купишь все, да кстати и у француза побываешь. Явись къ нему. Ручку у него поцѣлуй. Онъ у насъ главный тутъ...»

Илья съѣздивъ въ городъ, видѣлъ француза, получилъ отъ него инструкци о садѣ и уѣхалъ. Французикъ, москѣ Пардоннэ, былъ, какъ всѣ французы, попадающіе нынѣ въ наши провинціи въ качествѣ техниковъ и искусниковъ всякаго рода, какъ нѣкогда попадали туда же ихъ предки въ качествѣ ученыхъ воспитателей юношества. Онъ имѣлъ красный воспаленный носикъ, рыженькій паричокъ, жилъ на ногѣ холостяка, и его комната, гдѣ онъ спалъ, встрѣчала всякаго входяго тѣмъ острымъ и особенно противнымъ запахомъ, какой имѣютъ таковыя комнаты на Руси обыкновенно у всѣхъ французовъ-техниковъ, точно такъ же какъ его имѣли въ старину подобныя же комнаты французовъ-губернѣровъ. Въ нихъ обыкновенно платье нашихъ заморскихъ гостей разбросано въ беспорядкѣ по протертымъ стульямъ и окнамъ, банка съ ваксой покоится на книжкѣ «Пюсель д'Орлеанъ» Вольтера; подъ кроватью по цѣлымъ годамъ валяется всякій не постижимый соръ, старые сапоги, Богъ-вѣсть для чего припасенный столярный и слесарный инструменты, объѣдки колбасы, фланелевые подштанники, хлѣбныя корки, шиницковка; а въ паутинѣ и пыли виситъ на стѣнѣ портретъ какой-нибудь красавицы, привезенной изъ-за моря. Морицъ Феликсычъ Пардоннэ, впрочемъ, встрѣтилъ Илью не въ этой комнатѣ; а въ обширной пріемной, уставленной шкапами съ дѣловыми книгами. Онъ вышелъ въ синей рабочей блузѣ, почему-то надѣвавшейся постоянно поверхъ сюртука, когда французъ выходилъ въ эту комнату встрѣчать кого-нибудь по дѣламъ ввѣреннаго ему княжескаго сахарнаго завода подъ городомъ. Здравши красный носикъ, надѣленный постояннымъ насморкомъ, онъ сказалъ Ильѣ строго, хоть и съ улыбкой, какъ сыну приказчика: «Трудись, мой милъ, а въ саду разведи мнѣ винъ... фрюи... и редисъ». Онъ очень не поправился Ильѣ, и тотъ все удивлялся, какъ такого мозгляка могли сдѣлать главнымъ начальникомъ надъ всею Есауловкою. Его отецъ былъ, по крайней мѣрѣ, великъ ростомъ и изъ себя молодецъ, а этотъ французикъ—какая-то противная лигушонка.

Илья устроился въ ветхой садовой пусткѣ, то-есть въ плетеной глиняной избушкѣ, въ концѣ дикой половины сада, разбитой паркомъ. Избушка была у оврага; ея спрятали съ трехъ сторонъ старыя вербы, а съ четвертой она выходила къ луговой, болотистой, подь косогоромъ, равнинѣ, носившей имя Окнины. Нечего и говорить, съ какою радостью взялся Илья за устройство новаго жилища. Отсюда былъ виденъ тотъ заброшенный склонъ косогора, надъ ключами и муравой Окнины, гдѣ еще оставались слѣды былой усадьбы старика Романа Танцура, дуплистый берестъ, нѣсколько обломанныхъ вѣтромъ и скотомъ вербъ, куча мусора и двѣ-три ямы съ стеблями какого-то тощаго кустарника. Илья не переставалъ помышлять о возможности самому получить землю, если удастся, даже старое мѣсто на Окнинѣ, ходилъ туда часто черезъ садовую канаву и съ жадностью принялся за устройство садовой лачужки.

Онъ очистилъ вокругъ этой лачужки сорныя травы, обмазалъ ея стѣны заново глиной, побѣлилъ ихъ, покрылъ избушку мхомъ и осокой, которой накопилъ тутъ же за садомъ. Выпросилъ у матери сундучокъ, спряталъ туда кое-какіе свои пожитки. Патаскалъ въ избушку старой посуды; поставилъ кадку для воды, а ведро самъ сдѣлалъ. Выпросилъ себѣ на время у священника, за подрѣзку винограда, топоръ, долото, стамеску, молотокъ и буравчикъ, обязавшись за нихъ еще приценить ему нѣсколько дичковъ яблонь и сливъ въ церковномъ садикѣ. Примостилъ въ хатѣ, между печкой и угломъ, нѣсколько досокъ себѣ для постели. Выбѣлилъ внутри лачужку и сѣни. Окнина была въ саду со стороны полдня, и потому Илья сейчасъ же на лужайкѣ, между хатой и садовой канавой, устроилъ огородъ и носѣялъ маленькій бантанъ арбузовъ, дынь, огурцовъ, пшенички, кукурузы. Жена священника снабдила его разсадой капусты, которую онъ хоть поздно, а все-таки посѣялъ и сталъ съ усердіемъ поливать. Досталъ онъ у отца въ кладовой цвѣточныхъ сѣмянъ для саду и у себя за вербами разбилъ и засѣялъ цвѣтничокъ. Подь заваленкой избушки откуда-то взялась вскорѣ мышастая и невзрачная, повидимому, забитая собачонка, которая, однакоже, быстро оправилась и стала по ночамъ такъ шнырять подь деревьями вокругъ лачужки и такъ забористо лаять, что Илья самъ изумился. Она къ нему сильно привязалась и вездѣ сопро-

вождала его въ работахъ по саду. Илья сталъ получать мѣсячину отъ ключника; натаскала подъ крышу пристройки къ избушкѣ разнаго лому, стружекъ и гнилыхъ сучьевъ, и самъ сталъ стряпать. Съ той поры онъ вовсе пересталъ ходить къ отцу въ контору. Старая Ивановна было взростнула по сынѣ, но мужъ сказалъ ей: «Не твое дѣло! брось его—одумается!» И она стала, попрежнему, возиться съ собственными дѣлами въ конторской; стряная, обшивая мужа и опиваясь по десяти разъ въ день чашемъ изъ чашекъ, расписанныхъ купидонами. «Что, однако, этотъ сорви-голова дѣлаетъ тамъ?» самъ себя однажды спросилъ приказчикъ, подъ-вечеръ увидѣвъ, какъ изъ гуницы вербъ въ концѣ сада подымался дымокъ, и пошелъ туда окольными дорожками. Большая часть тропинокъ въ саду оказалась расчищенною, деревья подрѣзанными и вѣтки съ нихъ правильными кучами свалены за клумбами. Виноградъ у обрыва за прудомъ былъ развѣшанъ на бѣлыхъ новыхъ колыяхъ и жердочкахъ и густо зеленѣлъ, пуская длинные широкіе листья и цѣпкіе усы. Чернобровый Романъ заглянулъ подъ пристройку избушки: на бондарскомъ прилавкѣ лежало въ кучѣ стружекъ кривое долбило и начатое липовое корытце. Онъ вошелъ тихо въ сѣни. Дверь была раскрыта, а у ярко-растопленной печи, съ засученными рукавами, возился Илья. Собачонка залаяла и бросилась изъ хаты на Романа. Къ порогу кинулся и Илья.

— Что тутъ стряпаешь, башка? а?

— Ужинъ варю.

Романъ съ улыбкою покачалъ головою.

— Ну-ну, вари... Квасу гдѣ досталъ?

— Самъ завелъ...

— Садъ, однако, у тебя ничего, хорошо!

Романъ ушелъ, помышляя: «малый на всѣ, кажется, руки. Прокъ будетъ! Пора бы ужъ ему и одуматься. Поговорю съ Палагеей Андреевной. Очень бы теперь его намъ нужно было. Людей вѣрныхъ у насъ нѣтъ... Да и съ барыней надо счетъ свести!»

Зажилъ себѣ уютно и отрадно Илья въ лачужкѣ. Рѣдко когда онъ и садъ покидалъ. Все копается въ немъ. Развѣ сходить на рѣку, выкунается, бѣлье самъ вымоетъ, рыбу удочкой наловитъ для понады. «Да я тебѣ хоть рубахи стану мыть!» говорила ему мать, старая, располнѣвшая въ

приказчицахъ, Ивановна. Илья молча уходилъ отъ матери. «Чайку выпей; я тебѣ, Илькѣ, чайничекъ дамъ, сахару и чаю; самъ заваривай у себя». — «Вотъ, когда бы мнѣ ружье да пороху — поохотился бы; и сорѣкъ въ саду гибель; вишень пропасть пѣбло — все объѣдить». — «Проси самъ у отца: то ужъ не мое дѣло!» Илья не просилъ. Онъ отъ отца дичился и боялся, самъ не понимая чего. Никто не заходилъ въ садъ къ Ильѣ. Иногда только по вечерамъ и до поздней ночи звенѣла у него подъ вербами флейта. Это посѣщала его, въ свободные часы отъ занятій въ оркестрѣ венгерца, другъ его Кирилло Безуглый, проходя въ садъ не селомъ, а отъ мельницъ изъ бывшаго винокуреннаго завода, гдѣ помещался оркестръ, напрямикъ, буграми и Окниной. Кирилло садился съ пріятелемъ передъ мѣсяцемъ, подъ избушкой, курилъ папирску или наигрывалъ на флейтѣ и иногда до бѣлой зари съ нимъ говорилъ безъ умолку.

Однажды пришелъ къ Ильѣ Кирилло Безуглый передъ вечеромъ и принесъ ему въ платкѣ небольшую картину, писанную масляными красками.

— Саввушка писалъ! Маляръ-то нашъ, какъ видишь, художникъ. Въ послѣднемъ, братъ, хрипѣиіи чахотки обрѣтается! Взгляни! Это онъ какъ казака изобразилъ на конѣ. Мчится по степи, аки вѣтеръ. А то курганы, бугры, а воиъ ковыль разстилается. Вольный казакъ, какъ наши дѣды, братъ, были...

— Неужто умираетъ Саввушка?

— Хрипитъ уже; бабки шепчутся надъ нимъ. Кларнетъ заѣлъ его... Врядъ до утра проживетъ...

— Гдѣ краски онъ бралъ?

— Тайкомъ за иконы доставалъ изъ города. Это онъ тебѣ въ подарокъ прислалъ...

— Спасибо...

— Просилъ только, чтобы ты ему у отца чайку выпросилъ. Въ груди его все жжетъ. Про Питеръ толкуешь, про живописцевъ, про кадемію, да про того, Брилова, что ли, про этого, — помнишь?

Илья внесъ картину въ пустку, упалъ лицомъ въ постель и судорожно зарыдалъ. Кирилло остался на дворѣ, гладя собачку, знавшую его. Илья повѣсилъ картину въ углу, подъ почернѣлымъ образкомъ, надѣлъ картузь и побѣжалъ къ двору.

— Куда ты?

— Сейчас...

Онъ скоро воротился.

Выпросилъ у матери чаю и сахару, будто себѣ. Отослалъ съ Власикомъ Кириллѣ. Между тѣмъ, солнце зашло. Раскричались милліоны лягушекъ окрестъ Окнины. Запахло березами, лишами. Свѣтлая ночь встала надъ землею. Мѣсяць тихо выкатился изъ-за бугровъ и освѣтилъ вербы, Окнину и уголь Ильиной хатки. Зазвучала флейта на ея порогѣ, и долго уныло отдавались въ глуши сада ея круглые, мягкіе переливы. Вдругъ какая-то легкая пушистая птица, взмывъ широкимъ сѣрымъ крыломъ надъ вербами, крикнула у самаго порога хатки и улетѣла. Илья, опустивъ голову въ колѣни, сидѣлъ на порогѣ, рядомъ съ Кирилломъ, и вдругъ горько заплакалъ.

— О чемъ ты плачешь, братъ? — спросилъ Кирилло Безуглый.

— Тоска, не повѣришь, какая тоска! Это либо Саввушка померъ и душа его надъ нами отозвалась, на тотъ свѣтъ полетѣла, либо...

Илья не договорилъ.

— Либо что?

— Ужъ не Настя ли моя въ Ростовѣ померла?

— Э, полно. Съ чего ты это взялъ?

— Ты такъ жалобно играешь, Кирюша! Такая тоска меня взяла: бѣдные мы съ тобою, подневольные!..

— Ладно, я замолчу. Потолкуемъ лучше. Эта флейта у меня расхожал; въ карты въ городѣ выигралъ у одного тамъ музыканта. А настоящей флейты венгерецъ не даетъ...

Кирилло спряталъ флейту за сапогъ.

— Эхъ, Ильюша, дѣвки, дѣвки! Губить онѣ насъ! Моя Фрося такъ козырь-молодка. Води, говоритъ, меня барыней; одѣвай меня, а не то разлюблю — пойду ночью къ поляку-приказчику! Все-равно, говоритъ, просить. А я ее за косы атаде-съ! Ничего, усмирить; еще пуще полюбила. И вправду говоритъ: ты голышъ, и я въ платьѣ безъ рубахъ хожу; будетъ воля — повѣнчаемся...

Илья молчалъ.

— Что же ты не проронишь слова? — спросилъ Кирилло.

— Негдѣ взять мнѣ, Кирюша, словъ такихъ, какъ у тебя! Настя учила меня въ Ростовѣ стншкамъ, да я забылъ.

Одни были: «Ахъ, за окномъ въ тѣни мелькаетъ русая головка!» А другіе: «Гляжу я безмолвно на черную шаль!» Забылъ и то, и другое.

— Ну, такъ... Давай о будущемъ говорить. Я въ одной книжкѣ съ Саввушкой читалъ, какъ люди въ любви живутъ и какъ ихъ злая судьба гонитъ! Ты этой книги не читалъ?

— Нѣтъ. Я вотъ «Ледяной Домъ» у каретника на фабрикѣ съ ребятами читалъ, какъ одного хохла нашего водой обливали въ морозъ и уморили. Плохія бывали дѣла!..

— Давай же о будущемъ толковать! — продолжалъ Кирилло: — ты, Илья, ничего про волю не слышалъ? Скажи, какъ это ты такъ вдругъ сюда самъ пришелъ съ свободы-то? Положимъ, и мы, всѣмъ оркестромъ, было разбѣжались; такъ мы недалеко забивались: тутъ же по Волгѣ на баркахъ промчались, пока ихъ не скрутила полиція, а другіе и сами воротились по волѣ, какъ и ты. Да что! Мы дома теперь опять, да и въ обѣгахъ были почти дома. Иные тайкомъ сюда изъ бѣговъ по ночамъ къ роднымъ даже за бѣльемъ ходили. Вся слобода знала, что мы тутъ верстахъ въ сорока маялись, а не выдавала насъ. Но ты—другое дѣло!.. Двѣнадцать лѣтъ проходилъ въ бродягахъ и ушелъ еще мальчикомъ. Такъ скажи же ты мнѣ, какъ ты такъ вдругъ воротился съ приволья?

— Вышелъ сказъ такой у насъ. Всѣ и узнали...

— Кто же это тамъ вамъ сказъ такой сказалъ?

— Не знаю... Разомъ всѣмъ стало вдругъ это извѣстно—идти по домамъ изъ бѣговъ къ своимъ господамъ, да и только; что въ скорости волю всѣмъ прочитаютъ и все воротятъ. Всѣ и пошли... Ну, однимъ словомъ, понимаешь ли: сказано между народомъ, по мѣстамъ быть всѣмъ, гдѣ кто, значитъ, нарощень...

— А! Такъ ты и пришелъ?

— И пришелъ.

— И ждешь тутъ?

— Жду.

— Ну, ты, извѣстно, земли хочешь: тебѣ тутъ и мѣсто.

— А тебѣ, Кирилло?

— Мнѣ?

— Да.

— Какъ это только прочтутъ волю, братъ, возьму сей-

часть Фроську, обручусь съ нею, погъ перевѣнчаетъ, — мнѣ и маху.

— Куда же? Зачѣмъ же тебѣ бѣжать? Вѣдь ты вольный будешь и безъ того? Куда же бѣжать тебѣ тогда?

— Куда глаза глядятъ, лишь бы отъ венгерца да отъ твоего батьки подалѣе, а ей отъ своей барыни.

— Нѣтъ, мы съ Настей тутъ себѣ хату на Окнинѣ поставимъ, жить тутъ станемъ. Такъ мнѣ ея отецъ, Талавѣрка, сказалъ...

Кирилло закурилъ папирску.

— Скажи мнѣ, Илья, какъ ты это, спрашиваю я тебѣ, съ Настей своею сошелся?

— Да такъ. Какъ былъ это я въ бѣгахъ, переходилъ съ мѣста на мѣсто, отъ одной бѣды къ другой, и очутился, наконецъ, я, послѣ всѣхъ этихъ мытарствъ, въ Эйскѣ. Городъ такой есть у моря. Работать я тамъ надъ поломанной баркой съ однимъ слесаремъ, тоже бѣглымъ: Таволгой прозывался. Вижу я, рассчитывается онъ съ хозяиномъ и сумку укладываетъ. «Куда ты?» — «Въ Ростовъ; лучше тамъ наймусь, знакомый есть». — «Кто?» — «Талавѣрка». — «Не Леонасій ли?» — «Онъ и есть; а ты почему знаешь?» — «Мы, почитай, сосѣди: я отъ князя, а онъ отъ одной барыни, говорю, убѣжалъ ужъ давно-давно; я про него дома слышалъ... Чѣмъ же онъ въ Ростовѣ-то?» — Смотрю, Таволга замолчалъ, да такъ и ушелъ; побоялся видно, чтобъ я не выдалъ по молодости лѣтъ его пріятеля, Талавѣрки. Сталъ я опять думать. Вспомнилъ, что Таволга про одного богача-каретника какъ-то все рассказывалъ еще прежде у Шелбанова, и что онъ у него разъ при кузницѣ жилъ. Потерялъ я сонъ и ѣду. Вспомнилъ черезъ этого Леонасія Талавѣрку про своего отца, мать и родину, и захотѣлось мнѣ хоть этого Талавѣрку повидать. «Не узнаю ли чего о нашихъ?» мыслилъ я. Десять лѣтъ ужъ я былъ въ бѣгахъ. Не вытерпѣлъ, уѣхалъ изъ Эйска на хозяйскомъ дубу въ Ростовъ. Нанился въ дригили, въ носильщики, значить, у грека тоже одного тамъ, Петракоки; силъ во мнѣ прибавилось, я окрѣпъ: по четыре, по пяти пудовъ могъ поднимать и носить. Сталъ я зарабатывать въ день по цѣлковому и по два; выпадали дни, что и три зашибалъ. Изломался весь, тружусь. А между тѣмъ, все прислушиваюсь, не говорятъ ли про Талавѣрку.

Собачонка, лежавшая у ногъ Ильи, давно ворчала, злобно косясь въ темноту. Когда онъ смолкъ на время, чтобъ духъ перевести, она съ визгомъ шарахнулась подъ вербы, побѣгала тамъ, полаяла и воротилась опять.

— Что это она?—спросилъ Кирилло.

— Такъ, вѣрно мышь слышала. Лежать, Валетка, смирно!

Илья опять сталъ рассказывать.

— Только, вотъ, сталъ я прислушиваться на базарахъ, за мостомъ, за Дономъ, въ подгороднихъ харчевняхъ, на дешовкѣ, людей разспрашивалъ. Никто его не знаетъ... Страхъ меня взялъ, точно весь родъ-племя мое вымерли... А что Талавѣрка? Я его семью зналъ и слышалъ, что онъ отъ своей барыни бѣжалъ втроемъ съ другими двумя ребятами, и самъ онъ еще молодымъ былъ парнемъ. Разговорился разъ я съ однимъ бродягой изъ дезертировъ, что послѣ еще въ убійствѣ торговки попался, а онъ мнѣ: «ступай», говоритъ, «на такую-то улицу возлѣ городского сада, тамъ есть каретникъ, и толкують, что былъ онъ прежде въ бѣглыхъ; не онъ ли? Только на вывѣскѣ его, смотри: другое прозвище». Тѣкнуло у меня сердце. Я пошелъ и точно, смотрю, золотая по синему вывѣска, домъ собственный каретника, хоть деревянный, съ пристройками, а на вывѣскѣ читаю: «Каретникъ Егоръ Масанѣшти, изъ Кишинева». Это и былъ, какъ я послѣ узналъ, тотъ самый Аонасій Талавѣрка, и я сразу понялъ, что и онъ, какъ тотъ, поминишь, трактирничишь, прозвище свое перемѣнилъ, что нарочно пробрался въ Молдавію и оттуда ужъ воротился съ кушленнымъ чужимъ видомъ...

Едва успѣлъ Илья сказать эти слова, какъ собачонка опять съ лаемъ кинулась отъ порога пустки въ вербы, залаяла, обѣжала избушку и опрометью понеслась по темнымъ тропинкамъ сада, какъ бы кого догоняя.

— Что бы это было?—спросилъ удивленный Кирилло:— не подслушала бы кто?

— Кошка вѣрно тутъ бѣгала, у насъ въ домѣ окотилась вчера...

Собачонка еще, однако, лаяла по саду и, воротившись, не сразу снова успокоилась.

— Кончай же, Ильюшка. Скоро заря. Надо къ Саввушкѣ сходить. Живъ ли онъ?

Илья Тавцуръ продолжалъ:

— Разъ прихожу я къ каретнику Масанѣнти, въ другой. Занимаюсь въ слесаря у его помощника. Не принимаютъ. И такъ подхожу, и этакъ — ничто не беретъ! Ворота на запорѣ. Слышна только работа въ горнахъ, да дымъ идетъ изъ кузницъ. Полиция къ нему милостива. Хоть бы увидѣть его, думаю, на улицѣ. Хожу мимо дома, ну, такъ душа и льнетъ туда. Выбралъ опять праздникъ. Пасха людямъ была, первый день. Одѣлся я, принярился. Прихожу. Позвонилъ за пинурочекъ у калитки. Выходитъ дѣвочка... блѣнная такая — каріе глаза, сухощавенькая... «Что вамъ надо?» спрашиваетъ. «Хозяйна». — «Зачѣмъ?» — «По дѣлу». Она осмотрѣла меня съ головы до ногъ. — «Да вы не подвохъ ли какой подъ отца?» — «Кѣй-Богу», говорю: «нѣтъ!» — «Ну, смотрите же вы, для такого праздника!..» Пошла, доложила отцу и опять кликнула меня съ улицы. Пошелъ я за нею, какъ приговоренный къ мѣкѣ. Сразу полюбилась мнѣ она. Это и была Настя... Прихожу я къ Масанѣнти. Онъ на палатяхъ въ людской лежитъ; хмелевать: подмастерьевъ всѣхъ распустилъ. Былъ онъ тамъ одинъ, да дочка на порогѣ стояла. Вспомнилъ я наши мѣста и его родню вспомнилъ. — «Кто ты?» — «Здравствуйте», прямо говорю: «Аванасій Игнатьичъ!» Онъ и дочка такъ и обмерли. «Кланяется вамъ наша родная сторона», продолжалъ я по памяти: «ваша сестрица Дарья Григорьевна, и ваша тетюшка Домна Савишна, и ваша барыня и наше село Есауловка!» Кинулся онъ къ двери, вытолкнулъ дочку, заперся на засовъ и ухватилъ меня за грудь. — «Ты подвохъ! ты подосланъ! Ты погубить меня пришелъ!» Узналъ я на колѣнки и на образа сталъ божиться. «Много лѣтъ», говорю: «и я ходилъ по свѣту, и я бѣглый... Не бейте и не обесудьте меня... Я самъ горе мыкаю... Я Ильюшка, говорю, Тавцура Романа сынъ. А про васъ слышалъ, признаюсь, еще въ дѣтствѣ, хоть вашу родню и барыню знаю». Долго не признавался старикъ. Все отпѣкивался. И въ слезы... Повѣрилъ ли онъ мнѣ, наконецъ, или съ хмелю то было. Кинулся онъ вдругъ обнимать и цѣловать меня... «Ты черезъ пять годовъ бѣжалъ послѣ меня... Я же семнадцатый годъ бѣгаю». Ударился онъ сѣдою головою въ колѣни, да и самъ въ слезы... Ну, мы христосоваться, да молиться, да плакать, тамъ съ нимъ наединѣ. Прошла недѣля, присмотрѣлся онъ ко мнѣ,

слесаря того изъ Эйска, Таволгу, разспросилъ про меня. Я у него, точно, его засталъ. Тоже былъ тихій человекъ. Въ серединѣ святой недѣли позвалъ старикъ дочку. Меня показываетъ. «Пятнадцать лѣтъ ни одной души», говоритъ: «кромѣ этого парня, изъ нашего краю ни здѣсь, ни въ иныхъ мѣстахъ не видѣлъ. Будь ты нашимъ гостемъ; вѣрю тебѣ для этого праздника Пасхи: ты не продашь меня. Да, я точно Аѳанасій Талавѣрка... Ты же какъ убѣжалъ и гдѣ былъ?» Накормили они меня обѣдомъ, разговорился я съ ними и разсказалъ имъ все, то-есть старикъ и Настѣ. Отъ другихъ въ домѣ онъ хоронился, а отъ работниковъ скрывалъ, гдѣ собственно нашъ край, то-есть откуда мы. Такъ и я скрылъ. Все же остальное я имъ передалъ про себя. Разсказалъ я, что бродячая жизнь да бездомовная воля мнѣ надобны. «Поступай ко мнѣ»,—сказалъ старикъ:—«только дамъ тебѣ совѣтъ. Въ народѣ ходятъ слухи про волю; скоро всѣмъ ее скажутъ и землю дадутъ. Вѣрь мнѣ крѣпко... Мнѣ ужъ не возвращаться домой: у моей барыни и земли-то на ея людей вдоволь не станетъ, да я ужъ и мастерствомъ такимъ занялся, что еще долго имъ буду сытъ. А ты воротись; тебѣ землю дадутъ; лишь бы на мѣстѣ ты былъ, какъ отъ царя вѣсти налетятъ». Что же тебѣ еще, Кириона, сказать? Что?! Прожилъ я у этого Талавѣрки полтора года; жалованье мнѣ отличное было, какъ слѣдъ... Но по въ немъ дѣло, понимаешь ты, братецъ?.. Не узналъ я отъ него ничего про свой домъ, чего хотѣлъ. Да зато узналъ иное совсѣмъ на свѣтѣ... Полюбился мы крѣпко съ его Настею. Будь прежде, я бы убѣжалъ съ нею. А тутъ народъ рушился изъ бѣговъ къ своимъ господамъ, точно кличь кто зычный крикнулъ. Пошли слухи, что наверху въ губерніяхъ иначе ужъ и жить стало, полегче, будто всѣ ждали тамъ чего-то и притаились; что становые не такъ сбькутъ, господа добрѣе стали. Сказались мы отцу ея. Онъ упалъ передъ иконами и долго молился, а послѣ насъ благословилъ. — «Будьте жешихъ и певзста, я не прочь и щедро васъ награжу... Только ты, Илья, ступай домой, весь народъ ужъ понелъ. Иди я ты. Не слѣдъ отъ общества отставать! Подожди—долѣе ждаль. Получи землю отъ этого общества и отиши мнѣ. Тогда вызову тебя, обвѣчаю васъ и отправлю съ Богомъ на родину. Только избу себѣ съ Настей ставьте. Пристройтесь, распродамъ мастерскую и къ вамъ умирать

приѣду на Лихой. Глаза ужъ плохо видятъ. Отъ родной земли откололся, а опять надо воротиться туда же, гдѣ всѣ предки лежатъ костями»... Надоѣло мнѣ самому мыкаться, Кирюша! Простились мы съ Настей. Я пошелъ... да вот и пришелъ... и живу дома... Только, какъ видишь, пока, вмѣсто слободской хаты, въ этой-то конурѣ живу съ одною собачкой...

— Ничего, Илья, подожди,—сказалъ Кирилло, вставая:—хоть отецъ твой и живодѣръ, да авось-таки одумается. Ну, пора ужъ мнѣ! Прощай. Натерѣлся ты, вижу я, шатаюсь по свѣту... Всѣмъ намъ было плохо: и мы бѣгали, и мы въ бродягахъ, всѣ музыканты, были... Только куда! Твоя жизнь не въ примѣръ забористѣе...

— Прощай же, да заходи почаще на флейточкѣ поиграть.

Кирилло пошелъ къ канавѣ. Блѣдная заря за Окниной загоралась. Вѣтеръ просыпался. Птицы начинали чиликать въ вѣтвяхъ. Гдѣ-то за садомъ на селѣ ворота скригнули. Свѣжесть поднималась отъ луговъ.

— Илья!—крикнулъ Кирилло съ канавы:—я и забылъ тебѣ сказать. Если Савка нашъ померъ въ эту ночь, такъ жаль, что его будетъ хоронить старый попъ, отецъ Иванъ, другъ твоего батьки и той барыни.

— Отчего?

— Отецъ Смарагдъ съ тѣмъ генераломъ, что въ Малаканцѣ живетъ, поѣхали въ городъ— послѣдній разъ, значитъ, хлопотать о Конскомъ-Сыртѣ. Перебѣчинская не пускаетъ генерала, а тому ѣсть нечего почти...

— Ты откуда знаешь?

— Фрося сказывала,—прибѣгала ко мнѣ прошлую ночью; эти дѣвки все про свою барыню знаютъ...

Долго спалъ, не просыпаясь послѣ этой ночи, Илья. Уже высоко солнце катилось, какъ прибѣжалъ къ нему со двора въ пустку Власикъ и объявилъ, что въ ту ночь умеръ Савка-кларнетистъ.—Хоронилъ Саввушку-артиста старый священникъ, отецъ Иванъ. Илья и Кирилло горько плакали, кидая въ его кѣсоро сколоченный гробъ въ могилу горсти сырой земли.

— Отца Смарагда еще нѣтъ?—спросилъ Илья Кириллу на похоронахъ.

— Уже третій день въ городѣ...

— Что-то онъ такъ тамъ загостился...

— По дѣламъ; по дѣлу, по этому, генерала.

— Когда бы Господь имъ помогъ!—сказала Пляя:—про генерала всѣ говорятъ—душа человѣкъ! И намъ, можетъ статься, но сосѣдству съ нимъ лучше было бы. Говорять, за всякую пустую послужку деньги хорошія платить.

Романъ Танцуръ съ ночи, въ которую умеръ Саввушка, уѣхалъ грузить на барки господскій лѣсъ, сплавленный въ Волгу съ верху Лихого, и на похоронахъ не былъ.

— Эхъ, хоть бы оркестръ нашъ, гдѣ и Савка игралъ, грянулъ ему вѣчную память, какъ гробъ-тонесли, —сказала Кирило.

— Отчего же вы не собрались?

— Венгерець не позволилъ инструментовъ вынимать; по года, видишь, хмурая стоитъ, ну, и нельзя—княжескіе инструменты!

V.

У границъ Азіи.

Генераль съ священникомъ уѣхали въ городъ. Сборы ихъ были недолги. Смарагдъ прибылъ къ Рубанкину на гиѣдой кобылкѣ, въ церковномъ открытомъ фургончикѣ, или, попросту, въ телѣгѣ на колонистскій ладъ.

Къ кобылкѣ приригли буланого. Замелькали каменистые бугры, овраги. Лошади бѣжали дружно.

Покормивъ ихъ раза три-четыре въ одинокихъ постоялыхъ дворахъ, путники прибыли въ обширный, бревенчатый губернской городокъ, въ одинокую улицу, въ квартиру учителя недавно-устроенной гимназіи, Саддукѣва, друга и дальняго родича священника, изъ семинаристовъ.

Городъ носилъ на себѣ признаки юго-восточныхъ русскихъ городовъ и, какъ самъ недавняя колонія, былъ раскинутъ широко и просторно. Дома его были выстроены на живую нитку, свѣтлы и всѣ съ балконами, террасами и лѣстничками снаружи стѣнъ, изъ яруса въ ярусъ. Церкви его не поражали тяжеловатостью и мрачностью вида, какъ это бываетъ въ старинныхъ городахъ сѣверной Россіи. Домъ губернатора напоминалъ собою какое-то европейское заморское консульство. За городомъ въ степи видѣлись зеленѣ-

ищи насыни сторожевыхъ окоповъ и бастіоновъ, съ разгуливающими часовыми въ бѣлыхъ фуражкахъ. По городу носились щегольскія кареты и колясочки съ воздушными кузовами, поддѣланными подъ камышевыя плетенки. Дамы ослѣпляли нарядами. Все на улицахъ курило, хоть это тогда еще запрещалось. Толпились офицеры, татары, чиновники, калмыки, мѣщанки-дѣвушки съ полуазіатскими лицами, въ ситцевыхъ, однако, платьяхъ и съ платочками на головахъ; казаки, гимназисты, кудрявые и черные какъ жуки. Телѣжка путниковъ трусливо загремѣла по городскимъ улицамъ и переулкамъ. — «Что вы такъ пригорюнились?» — спросилъ священника Рубашкинъ, вообще занятый и ободренный видомъ города. — «Тоска, что-то недоброе чувствуется»... — «Э, что вы! Съ чего взяли?» Подѣхали къ обширному забору, за которымъ въ молодомъ саду стоялъ друхъ-ярусный домикъ, съ красивою лѣстницею снаружи, паискосъ вдоль стѣны наверхъ. По лѣстницѣ было развѣшано бѣлье. Въ окна глядѣло много цвѣтовъ. Дѣти шумно бѣгали по двору. По улицѣ, поросшей травой, гуляла пара ручныхъ журавлей. Самъ учитель, высунувшись изъ слухового окна, оказался на крышѣ, въ халатѣ и съ трубкой въ рукахъ. Онъ гонялъ платкомъ голубей, покуривая и слѣдя, какъ они дѣлали въ небѣ свои широкіе круги и кувырканья, и сразу не замѣтилъ вѣхавшихъ во дворъ гостей. Домъ былъ почти за городомъ.

— Рекомендую! — сказалъ священникъ, назвавъ Рубашкина, когда хозяинъ, суетливо переодѣвшись, сбѣжалъ внизъ, а между тѣмъ горничная внесла въ залу свѣчи.

Садукѣвъ откашлялся, придерживая лацканы вицъ-мундира, улыбнулся, потеръ лобъ и, пристально глядя на Рубашкина, знакомъ попросилъ гостей сѣсть и сѣлъ самъ. Священникъ пустился разсказывать о причинѣ ихъ пріѣзда, о личности и качествахъ Рубашкина.

— Ты мнѣ, Смарагдъ, не говори о нихъ! — перебилъ Садукѣвъ: — я уже исторію знаю, долетѣла сюда... Вы, ваше превосходительство, простите ему; онъ вѣдь простота, добрякъ, и сильно любить молоть чепуху. Мы съ нимъ товарищи, даже родня... А дѣло ваше вопіющее!...

— Пропу со мною безъ чиновъ и церемоній! — сказала Рубашкинъ.

Священникъ что-то шепнулъ на ухо хозяину. Садукѣвъ, опять молча, съ любопытствомъ посмотрѣлъ на Рубашкина.

Генераль самъ еще разсказалъ ему свое дѣло и приключенія съ Перебѣченской и подь-конецъ, безъ обиняковъ, попросилъ хозяина помочь ему совѣтомъ и дѣломъ въ этой непостижимой исторіи. Саддукѣвъ, какъ бы по чутью, угадалъ личность новаго знакомца: нѣсколько разъ во время разсказа генерала вскидывалъ странно руками, то складывал ихъ на груди, то потирая ими колѣни, и всталъ. Его сухоощавая фигура зашевелилась; красныя, сочныя, добрыя губы ослаблились. огромная бѣлокурая, кудрявая голова, съ большими сквозящими ушами, закинулась назадъ.

— Такъ вотъ она, наша настоящая-то практика!—сказалъ онъ, то улыбаясь, то странно подпрыгивая на мѣстѣ и кусая до крови ногти.—Велика, значить, разница между писаніемъ бумагъ о законахъ и примѣненіемъ! Значить, нашего полку прибыло! И вы домой свернули, опомнились? Да мѣстечко-то ваше, выходитъ, другимъ уже нагрѣто! Но успокойтесь, не хлопочите. Коли пенензовъ нѣтъ, ничего вы тутъ не выиграете!

— Какъ не выиграю?

— Да такъ же! Отвѣчайте мнѣ прямо, я уже здѣшній мѣста знаю,—становому вы платите?

— Зачѣмъ? Я самъ по министерству служилъ и порядки знаю...

— Ну, у васъ тамъ въ министерствахъ порядки одни, а тутъ другіе. У здѣшняго губернатора тутъ въ одномъ изъ уѣздовъ тоже имѣніе есть. Онъ губернаторъ, а чтобъ по имѣнію все, понимаете, обстояло хорошо, тоже ежегодно ордынскую дань своему же подчиненному становому платить. Да-съ! А исправнику, засѣдателю, стряпчему вы платите?

— Тоже нѣтъ...

— Вотъ вамъ и вся разгадка! Смарагдъ, Смарагдъ! Колпакъ! ты во всемъ виноватъ. Дѣло пропало...

— Чтò же мнѣ дѣлать?

— Достать денегъ и заплатить, да теперь уже побольше.

— Гдѣ же достать, научите? Просаръ голову теряю: и есть имѣніе, и нѣтъ его—презаванная штука...

— А, такъ вы и забавникъ! И мнѣ приходится надъ всѣми забавляться. Прежде всего, позвольте рекомендоваться. Я сынъ дячка, учитель російской словесности при здѣшней гимназіи, Саддукѣвъ. Вотъ съ нимъ готовились тоже въ цопы, дарованія оказывалъ непостижимыя; но такъ передъ

минуткомъ напроказилъ, что чуть не попалъ въ Соловки. Одна барыня богомольная спасла. Тогда меня отписали по гражданству, и вотъ я сталъ учителемъ, сперва въ одномъ городѣ, потомъ въ другомъ, тамъ и сюда домой на родину по-палъ. Видѣли, что я голубей гонялъ? Это означаетъ, что я ручной сталъ самъ, силуюсь выказаться консерваторомъ-съ, стремлюсь показать уваженіе къ собственности-съ; для этой цѣли женился на здѣшней купчихѣ, получилъ въ приданое сіи палестины, овдовѣлъ и тутъ же, извините, накинулся тайкомъ на чтеніе журналовъ и книгъ новѣйшей поставки. Книги и прочее держу наверху. А тутъ видите—цвѣты смиренные, портреты властей. Съ виду я какъ будто и агнецъ, и отличный подчиненный нашего ректора, великаго педагога, сѣкущаго по субботамъ виновныхъ учениковъ въ повалку; а ученики меня любятъ и ходятъ ко мнѣ. Мы читаемъ, бесѣдуемъ. Положимъ, я, какъ всѣ, какъ и вы, лишній тутъ во всемъ, испутный вовсе ни къ чему человѣкъ. Да у меня, скажу вамъ, своя задача есть, если такъ выразиться, свое помѣшательство... И задалъ себѣ такое дѣло...

Садукѣевъ помолчалъ и оглянулся. Видно, у него уже давно и много накипѣло на душѣ, и онъ хотѣлъ передъ какимъ-нибудь живымъ человѣкомъ высказаться.

— И вотъ я рѣшился, въ этомъ общемъ разладѣ правды и дѣла, во что бы то ни стало... жить долѣе! Да-съ, и какъ можно долѣе! Видѣть осуществленіе хорошихъ порядковъ хочется на своемъ вѣку не на одной бумагѣ, а и на дѣлѣ, а знаешь, что не дожить до этого безъ какого-нибудь чуда... Вотъ я и устремилъ всѣ помыслы на одно: пересяжу, молъ, зло, переживу его, пережду, авось хоть черезъ сто лѣтъ исполнится то, надъ чѣмъ всѣ слѣпые наши собратья бьются кругомъ. Ну, сто такъ сто, и рѣшилъ я ухитриться непременно сто лѣтъ прожить! Количесвомъ, знаете, массою годовъ хочу взять! И ужъ всякія штуки для этого я дѣлаю; потому навѣрное знаю, ей-Богу-съ, что мы съ вами простыми человѣческимъ вѣкомъ ни до чего не доживемъ!

Рубашкинъ засмѣялся. Садукѣевъ разсмѣялся тоже, но продолжалъ съ увѣренностью:

— Смѣтесъ? Ей-Богу, такъ! Вонъ пѣмцы, Бюхнеръ, что ли, говорятъ, что между населеніемъ разныхъ пластовъ на землѣ, между появленіемъ, положимъ, почвы каменноугольной и той, гдѣ появились птицы и звѣри, должны были

пройти миллионы лѣтъ. Такъ и у насъ, съ гражданскимъ обновленіемъ. Готовить свободу крестьянамъ. Отлично; даже слезы выступаютъ на глазахъ отъ этой одной вѣсти... Скажите, что манифестъ скоро будетъ, что о немъ гдѣ-нибудь уже намекъ сдѣланъ въ газетѣ; сейчасъ брошу васъ, извините, и бѣгомъ пушусь къ Фунтяеву въ таверну, «Пчелку» понюхать... А все-таки сто лѣтъ хочу прожить... Не вѣрюсь, вотъ что! Всѣхъ переживу... Остается и вамъ только пережить эту Перебѣденскую, и больше ничего...

Подали чай. Священникъ мало принималъ участія въ бесѣдѣ Садукѣва съ Рубашкинымъ и нѣсколько разъ выходилъ на крыльцо.

— Мало вы говорите утѣшительнаго,—сказалъ Садукѣеву Рубашкинъ:—такъ вѣдь и съ ума сойдешь, если все надъ такими мыслями останавливаться.

— О, не сойду! Я все подмѣчаю-съ... Позовутъ на балъ къ губернатору,—молчу, и, стоя въ углу, поглядываю на танцующихъ, не грохнется ли кто въ полъ такъ, чтобы и духъ воиъ. Сейчасъ это и отмѣтится на моихъ умственныхъ скрижаляхъ. Все однимъ подлецомъ меньше будетъ... Голубей люблю; здѣсь много всякихъ воровъ, въ томъ числѣ и голубиныхъ. Поэтому я не часто выпускаю голубей съ чердака на воздухъ... Но какъ встрѣчу мертвеца на улицѣ побогаче и поподлѣе, сейчасъ спѣшу домой и выпускаю на радость погулять и моихъ голубей на волюжикъ... Вы меня такъ и застали; это нынче умеръ инвалидный здѣшній капитанъ, мошенникъ и первѣйшій живоде́ръ! Живу я умѣренно, все рассчиталъ, обзавелся даже аптекой, лѣчебниками; съ докторами дружбу веду, съ медициной немного познакомился, чтобы прожить дольше и увидѣть что-нибудь пугное на бѣломъ свѣтѣ. И вѣдь оно приятно ощущивать теперь сквозь мягкое тѣло свой собственный костякъ, скулы тамъ, глазныя впадины, сухія кости на колѣнныхъ, и такъ-сказать осязательно угадывать въ себѣ будущій свой безобразный видъ, когда въ могилѣ-то отродится въ желудкѣ червячки и всего-то тебя скупаютъ до тла, въ угоду разнымъ подлецамъ, гнетущимъ свѣтъ и людей... Противъ этого-то костяка я денно и ночью веду самыя ловкія интриги и убѣжденъ, что отстою надолго свои бранные тѣлеса. Одна бѣда—детаргія, случай-съ, какъ вдругъ живого тебя закопаютъ; и то бы еще ничего, да зависть тебя возьметъ: что,

весь завтра же ударить надъ могилою трезвонъ, заликуеть правда, а тебѣ придется тамъ въ душиныхъ потемкахъ мотаться искать и тщетно дѣлать послѣдніе жалкіе эксперименты: понатужиться, повернуться въ гробу, поколотить съ безумицамъ, холоднымъ отчаяніемъ въ глухую крышку гроба и попробовать, наконецъ, собственнаго своего мяса на закусочку, то-есть обглодать безъ пользы свои руки... Это уже будетъ вполне скверно! Но я и тутъ принялъ мѣры. Подбываюсь къ кладбищенскимъ сторожамъ, прошу поповъ не сѣбнить съ похоронами... Ей-Богу!.. И это будто все не шутку, чуть перебираюсь на новое мѣсто. Совѣтую и вамъ, генераль, то же самое...

Рубаникинъ задумался. Молча сѣлъ возлѣ него, собиравался съ новыми разсказами, Саддукѣевъ. Но вбѣжали дѣти хозяйна, и все ожило снова.

— Итъ, вы для меня придумайте, безъ шутокъ, что-нибудь несущественнѣе,—сказалъ Рубаникинъ.

— Какія тутъ шутки! Трудновато, а впрочемъ, посмотримъ... Я вообще ночью страдаю бессонницами, а особенно какъ что-нибудь взволнуетъ: какаля-нибудь вдругъ столичная новость, встрѣча съ замѣчательною жертвою какой-нибудь житейской пакости, вотъ хоть бы съ вами... Тогда я на другой день боленъ и въ видахъ долговѣтія сейчасъ же сажусь на одно молочко и на сельтерскую воду... Такъ-то-сь!

Далѣе, вечеромъ, хозяйникъ и гости еще болѣе оживились. Дѣти Саддукѣева были сущіе дикарѣнки, страшно загорѣлые, съ протертыми локтями и колѣбками и сильно выросшіе изъ штанишекъ. Уча съ увлеченіемъ въ гимназін, Саддукѣевъ на своихъ дѣтей не обращалъ почти никакого вниманія. Съ утра задавалъ имъ уроки, а къ вечеру рѣдко даже воспоминалъ о нихъ и почти никогда не повѣрялъ ихъ занятій.

— Это будущіе семинаристы,—сказалъ о нихъ хозяйникъ:—хоть скверно учать и кормятъ въ семинаріяхъ, хоть чертовски тамъ сѣкутъ, но какъ плотоядный сеицеъ, да еще и идовый, я ихъ намѣренъ именно туда отдать. Оттуда все-таки народъ выходитъ менѣе тухлый и болѣе какъ-то приказный, чѣмъ изъ нашихъ гимназій. Посмотрите-ка, генераль, какъ въ гору идутъ теперь вездѣ наши семинаристы! На нихъ сталъ спросъ... Вотъ, хоть бы и Спериа-

скій, какъ въкогда отличался! А вы знаете, что вашъ и мой пріятель, этотъ отецъ Смарагдъ, въ семинаріи мѣтилъ именно въ Сперанскіе, на философію ударялъ, либеральничалъ, а теперь, бѣднякъ, на чтѣ размѣнялся въ Есауловкѣ! Сухія корки по селу черезъ попомари собираетъ... Чтѣ дѣлать! Правда, ваше преподобіе? Да что ты такъ нахохлелся?—спросилъ Саддукѣвъ вошедшаго слова въ гостиную священника:—что ты вздыхаешь и какъ будто хацдринь?

— Жену оставилъ не совсѣмъ здоровою; боюсь, не расхворалась бы пуще, кругомъ на сорокъ верстъ иѣтъ лѣкаря... Самъ ты это знаешь!

Саддукѣвъ подмигнувъ генералу на священника, который опять вышелъ на крыльцо.

— Вотъ вамъ и траги-комедія, генералъ! Я его отъ души люблю: славный малый и въ семинаріи постоянно сидѣлъ въ карцерѣ за куреніе трубки... Но подумайте, почему онъ заботится о женѣ, или почему долженъ заботиться? Умретъ жена,—шабангъ! Болѣе жениться ни-ни, нельзя уже по ихъ закону... Вотъ положеніе!

— Да, она женщина славная,—сказалъ Рубанкищъ:—все хозяйство ведетъ, сама коровъ доить, мостъ бѣлье, ѣсть варить.

— Что и говорить! А умретъ, шабангъ, Сморочка! Бери работницу—соблазни народу, или прочь отъ прихода... А сколько соблазну въ этихъ предложеніяхъ раскольниковъ! Еще удивляюсь ему...

Саддукѣвъ замолчалъ. Стали накрывать на столъ. Въ раскрытое окно сквозь темноту изъ сада послышался голосъ. Служанка какъ-то затихла на время съ посудой, и смуглыя гудряшки-дѣти также пріумолкли по кресламъ въ гостиной. Изъ сада ясно раздалось тихое пѣніе грустнаго духовнаго гимна. Рубанкишна, видимо, мало занимала вся эта обстановка и все, чтѣ говорилъ Саддукѣвъ. Мысль о дѣлѣ по оставленію его ни на минуту.

— Такъ-такъ, узнаю тебя, беззавѣтная личность, семинаристъ Перечелкантъ!—заговорилъ опять хозяинъ, и его глаза, холодные, сѣрые и безжизненные, засвѣтились любовью:—такъ звался у насъ ты прежде, отецъ Смарагдъ! Дать острастку полдену какому-нибудь, бывало, эконома-отравителя интурмомъ взять,—его было дѣло. Ему бы въ какую миссію, къ проказцамъ; аностоломъ новаго слова явиться

въ такую дичь, гдѣ бы грозило всякому попасть на крестъ или быть съдѣннымъ заживо своими же прихожанами. Вотъ бы гдѣ онъ себя показалъ! А ему пришлось коптить небо въ Есауловкѣ!.. Какъ тутъ не стремиться прожить сто лѣтъ?

У воротъ раздался топотъ усталой лошади. Кто-то тихо и несмѣло подѣхалъ. Не прошло десяти минутъ, какъ отецъ Смарагдъ, блѣдный и взволнованный, вошелъ въ гостиную и въ безнадежности упалъ въ кресло.

— Что съ тобою, камадъ? что съ тобою, Сморочка?— спросилъ Саддукѣвъ.

— Наша моя умираетъ... Ахъ, Господи Боже! Ввторой день лежитъ безъ памяти, какъ только мы уѣхали! Верховой прискакала... Нашелся еще добрый человекъ!

Саддукѣвъ вскочилъ съ дивана.

— Ахъ ты, бѣднякъ-бѣднякъ! Жаль тебя! Да вѣтъ! Стой! Есть пріятель у меня, лѣкарика... Да вѣтъ, опять стой! что и хлопотать! Завтра балъ на весь городъ у губернатора. Навѣрное и этотъ подлинало тамъ будетъ.

Саддукѣвъ быстро заходилъ по комнатѣ.

— И у васъ, Адрианъ Сергѣичъ, возьму телѣжку и лошадей!—сказалъ священникъ:—и уѣду сейчасъ же въ ночь; вы воротитесь на почтовыхъ, или какъ тамъ лучше, когда устроите все. Подумайте: вѣдь на сорокъ верстъ кругомъ вѣтъ у насъ даже фельдшера!

— И это магнатъ! въ Есауловкѣ оркестръ держать, а аптеки, фельдшера простого вѣтъ! — крикнулъ Саддукѣвъ.— О, алеуты, безмозглые обитатели Мадагаскара! Тысячи, куда! десятки тысячъ на ѣду тратить, на мебель, на убранство домовъ и на бездушныхъ куколъ, своихъ женъ, а доктора завести за триста цѣлковыхъ на цѣлый окологокъ не захотитъ! Говорятъ объ англomanіи! Куда тебѣ до лордовъ! Недорось! Ирокезъ!

Сѣли въ тревогѣ ужинать. Священникъ ничего не ѣлъ. Лошади его въ телѣжкѣ были опять запряжены. Послѣ ужина, однако, опять что-то надумавъ, Саддукѣвъ сбѣгалъ въ дватри мѣста и воротился со стклянками.

— Ыхать всѣ отказываются; такая, говорятъ, даль и еще къ сельскому пону! А прописать лѣкарство, за глаза прописали. Да и что еще за болѣзнь у нея? къ чему ли оно?

Кто прѣхалъ съ вѣстью? Спросить бы его... Позвать этого человѣка.

Вошелъ Илья Танцуръ. Онъ чуть стоялъ на ногахъ отъ усталости. Рубашкинъ по-французски объяснилъ Саддукъ-еву, кто онъ и чей сынъ. Учитель осматрѣлъ Илью съ головы до ногъ.

— Вотъ, братъ,—сказалъ онъ:—отецъ твой главный приказчикъ въ вашей труппѣ; въ годъ, я думаю, не на одну сотню крадетъ и не одну тысячу князю вашему высылаетъ за море, а лучше бы хотъ коповала какого завелъ у васъ.

Илья оправился и отвѣтилъ:

— Мы дѣловъ отца не касаемся; но извольте обижать насъ, баринъ...

— Кто же тебя послалъ?

— Самъ-съ, отъ жалости-съ... Прихожу разъ, другой, а матушка, вотъ ихъ жена, то-есть, безъ памяти лежитъ. Дѣвчонка, ихъ работница, на улицу бѣгать ушла—шалить; дѣти голодные кричать. Некому воды подать. Я это... къ отцу... Такъ и такъ, моль. Онъ резонту не далъ. Я на утро вижу то же, взялъ изъ барской конюшни коня, да и поѣхалъ. Очень усталъ-съ... Ругать отецъ еще будетъ. Позвольте овсеца для лошади. Денегъ своихъ не имѣю. А дорогою надо будетъ подкормить, хотя я и берегъ коня!

Рубашкинъ опять сказалъ что-то Саддукъ-еву по-французски.

— Ты въ бѣгахъ былъ? Долго?—спросилъ учитель.

— Двѣнадцать лѣтъ-съ...

— Чѣмъ больна, по-твоему, ихъ вотъ жена?

— Горитъ все, мечется, а узнавать ничего не узнаетъ...

— Ну, прощай, другъ Смагадъ! Сибири; вотъ тебѣ лѣкарство! тамъ написано, какъ принимать. Да не жалѣй горчичниковъ... — Странный, однако, этотъ Илья; толкъ изъ него будетъ!

Священникъ простился и уѣхалъ въ ночь съ Ильей, привязавъ княжескую разгонную лошадь къ повозкѣ и рѣшивъ ее не оставлять и лучше покормить далѣе дорогой, чтобъ успѣть прѣхать хоть часть пути, пока еще не зашелъ мѣсяцъ.

— Мы же съ вами не пожалѣемъ слезъ, когда дѣйствительно умретъ эта бѣдная Сморочкина Паша!—сказалъ Саддукъ-евъ.—Жаль его! Что-то перечувствуетъ его сердце подъ

расою, пока онъ дождеть до дому? Мы же примемся за ваше дѣло! Если двоюродный братецъ мой, Смарагдъ Перешодкинъ, овдовѣтъ, не знаю, устоитъ ли онъ тогда съ семьей.

Гость и хозяинъ ушли спать. Ночью Рубанкину слышалось все воркованіе голубей на крышѣ. Перебѣдченская присилась въ видѣ Чингисхана съ усами, окопавшаяся отъ него окопами, вышиной съ добрую колокольню, и чудилась ему большая при смерти жена священника въ бѣломъ чепчикѣ и въ бѣдномъ ситцевомъ платьѣ, звавшая опять почтеннаго слугу церкви запросто Сморочкой. Проснувшись, Рубанкинъ слышалъ въ залѣ громкіе шаги. Кто-то порывисто ходилъ изъ угла въ уголъ. Онъ одѣлся и вышелъ. То былъ Саддукъевъ.

— Насилу-то вы проснулись; не хотѣлъ я васъ будить. Утромъ, въ видахъ, понимае, долготія, и всегда задаю себѣ отчаянный моціонъ передъ классами. Уходить не хотѣлъ, не выдавъ васъ, и вотъ тутъ все метался изъ угла въ уголъ. Вотъ что я придумалъ...

— Благодарю васъ.

— Вотъ что: сегодня у губернатора балъ; одѣньтесь и вы во фракъ и сдѣлайте ему визитъ. Онъ васъ пригласитъ; вы на балъ и объяснитесь съ нимъ о дѣлѣ.

— А утромъ объясниться развѣ нельзя?

— Онъ аристократъ, приметъ васъ за ницаго, за попрошайку, за сутягу, и дастъ дѣло на разсмотрѣніе правленія. Надо это такъ, будто мимоходомъ! Онъ юмористъ, даже сатирикъ, а чуть гдѣ въ просьбѣ зазвучитъ неподдѣльная мольба о защитѣ, вопиющее какое-нибудь дѣло, убивающее страдальца, онъ скажетъ: «исполню тотчасъ», приметъ записку о дѣлѣ, поковыряетъ въ ногтяхъ, полюбезничаетъ, даже либеральничаетъ съ вами, и все сейчасъ же забудетъ, а къ просителю оставитъ въ своемъ сердцѣ неизмѣрное отвращеніе, какъ къ гнусной провинціальной твари и пролазу. Онъ изъ гвардейцевъ, богачъ, учился въ пажлахъ и попалъ въ эту глушь временно, понимаетъ, чтобъ попрактиковаться здѣсь, какъ англійскіе ученые и чиновники ѣздятъ иногда путешествовать вокругъ свѣта, по программѣ своего воспитанія. Надѣньте встати и звѣзду, коли вы ею украшены...

— Фракъ и звѣзда остались дома въ деревнѣ, гдѣ я жаву/

— Жаль! Примѣрьте, однако, мой фракъ, а звѣзду мы возьмемъ на-прокатъ у одного тутъ лакея; его баришъ, сенаторъ, здѣсь лѣвится кумысомъ. Лакей не откажетъ: звѣзда лежитъ давно безъ употребленія. Вотъ хорошо, что я это сообразилъ.

Сказано и сдѣлано. Во фракъ и въ звѣздѣ генералъ Рубаникинъ отправился, подъ легкою парусиною накидкою, къ властителю края. Властитель принялъ его очень вѣжливо, освѣдомился о его службѣ, не безъ удивленія и легкаго почтенія узналъ, что онъ такъ недавно еще и успѣшно служилъ на важномъ мѣстѣ по министерству и удивился его отставкѣ. Самъ будучи еще почти юношей, губернаторъ при этомъ вдругъ сталъ жаловаться на боль поясницы, будто бы отъ тяжести дѣлъ въ этомъ дикомъ краѣ. Тутъ былъ принятъ еще какой-то помѣщикъ, сразу начавшій начальнику края перепуганнымъ и надорваннымъ отъ отчаянія голосомъ рассказывать, какъ крестьяне у него сожгли недавно хлѣбный токъ, а потомъ амбары и, наконецъ, пять дней назадъ его домъ. «Что же вы хотите отъ губернатора?» спросилъ его отъ себя въ третьемъ лицѣ, чистившій въ это время ногти, губернаторъ. «Содѣйствія!» заревѣлъ, выгнувшись передъ нимъ, замысленный и мѣдноцвѣтный отъ степного загара помѣщикъ. — «Подайте записку». Въ это время мостовая у окна, гдѣ они всѣ трое сидѣли, загремѣла, въ легкомъ тильбюри, на раскормленномъ до безобразія сѣромъ рысакѣ, показалась какая-то городская дамочка, вся разодѣтая, сіяющая веселостью и удалью. Сзади нея неслись верхами трое франтовъ.

— Куда вы? — крикнулъ юный губернаторъ, высунувшись изъ окна.

— Въ степь.

— Зачѣмъ?

— Киргизы появились.

— Быть не можетъ?

— Не бойтесь... мирные! Скаковыхъ лошадей привели табуны; куда-то на ярмарку вѣдутъ. Хочу и я поторговаться.

— Позвольте, сейчасъ...

Губернаторъ бросилъ ножикъ, которымъ чистилъ себѣ ногти, выбѣжалъ мимо оторопѣвшихъ жандармовъ и часовыхъ на улину и подошелъ къ тильбюри.

— Позвольте, милый паншъ вице-губернаторъ! — сказалъ

онъ дамочкѣ:—позвольте вану ручку поцѣловать. Вы всѣ новости узнаёте раньше меня... Я должёнъ уступить вамъ наемному первенства! Я для васъ ручной..

Дамочка съ хохотомъ протянула ему руку, ломаясь и оглядываясь кругомъ, ударила хлыстомъ рысака, и тильбюри загремѣло далѣе.

— До вечера,—крикнулъ губернаторъ съ крыльца.

— До вечера, г. ручной левъ.

Губернаторъ послать ей вслѣдъ поклоны рукой.

Погорѣвшій помѣщикъ молча хлопалъ на все это глазами.

— Кто эта дама?—спросилъ онъ Рубанкина.

— Не знаю. А васъ подождли?

— Все сожгли въ три темеса-съ...

— За что же?

— Не знаю самъ понинѣ. Сыплется на голову, какъ лава Везувія, и только. Думалъ найти тутъ защиту...

Губернаторъ вошелъ, еще улыбаясь, но не сѣлъ. Знакъ былъ гостямъ уйти. Первый съ шумомъ зашаркалъ погорѣлый стеникъ-помѣщикъ.

— Такъ подайте записку!—сказалъ губернаторъ.

Помѣщикъ вздвинулъ Рубанкину плечами, шаркнулъ опять и ушелъ, обливаясь испариной.

— А васъ, ваше превосходительство, милости просимъ сегодня ко мнѣ на балъ. Молодежь хочу развеселить!—отнесся губернаторъ къ Рубанкину, опять принимаясь за ногти.—Знаете, среди трудовъ... Я подобралъ здѣсь все правовѣдовъ и лиценстовъ, студенты какъ-то ненадежны теперь стали! А у меня блистательно составила администрація. Все люди хорошаго тона, знаютъ вкусъ въ женщинахъ и отлично танцуютъ. Уговорили меня дать балъ подъ открытымъ небомъ, въ саду...

Рубанкинъ далъ слово быть.

— Въ девять часовъ, запросто, въ Халыбовскій садъ; тамъ нашъ балъ!—сказалъ губернаторъ на прощаніи, почтительно поглядывая на звѣзду Рубанкина.

«Какъ бы еще не угадалъ, чья это звѣзда?» подумалъ послѣдній, уходя.

Рубанкинъ все рассказалъ Саддукѣеву.

— И отлично!—крикнулъ Саддукѣевъ, поздно воротившійся изъ гимназіи къ обѣду:—вы сдѣлали одну половину дѣла, а я подумалъ о другой...

— О какой?

— Просите вечеромъ, если все пойдетъ на ладъ и губернаторъ сдастся, просите у него, чтобы назначили па слѣдствіе и на выводъ Перебѣченской съ вашей земли не кого другого, какъ одного изъ здѣшнихъ совѣтниковъ губернскаго правленія, и именно: Тарханларова, а ужъ онъ, коли согласится, подберетъ себѣ помощниковъ. Я обѣгалъ весь городъ, былъ у всѣхъ, знаете, мелкихъ властей, у здѣшней, такъ-сказать, купели Силоамской, ожидающей постоянно движенія воды, то-есть наскока такого доходнаго и прижатаго судьбою человѣка, какъ, положимъ, вы... Я ихъ, однако, предупредилъ, что вы мой пріятель и чтобъ все дѣло сдѣлалось безъ поодачки... Да то бѣда, что въ этомъ дѣлѣ ужъ очень многіе замѣшаны; исправникъ вашъ ничего не сдѣластъ, онъ племянникъ этой барыни; уѣздный предводитель, князекъ, дуракъ въ придачу, ей тоже какая-то родня; становые подчинены исправнику... Всѣ указали мнѣ на Тарханларова. Это, скажу вамъ, молодчина, Геракулъ съ виду и бѣдовый по смѣлости... Коли онъ ничего не сдѣластъ, т.-е. не вырываетъ этой барыни съ-разу, въ одинъ пріемъ, при десяткѣ или даже при сотнѣ попятыхъ и отложитъ дѣло опять на перениску, такъ ужъ вамъ останется одно: откланяться и уѣхать отсюда обратно, принявъ мѣры къ тому только, чтобъ, наконецъ, хоть прожиться лѣтъ сто, пережить Перебѣченскую...

— Да помилуйте, я этимъ имѣніемъ уже введенъ во владѣніе и имѣю формальный вводный листъ!

— А на дѣлѣ вы имъ владеете?

— Нѣтъ!..

— Таковы-то, генераль, наши провинціи. Станете жаловаться въ Петербургъ,—всѣ тутъ здѣшніе замѣшаны, слѣдовательно, стануть отписываться; запроситъ министръ, отнесутъ дѣло къ тяжбынымъ. И ждите его рѣшенія!

— Что же мнѣ дѣлать теперь?

— Позвольте, я не въ мѣру взволновался: это вредно... Надо вынуть, чего бы? да! сельтерской воды и опять походить... Такъ точно я былъ взволнованъ и по полученіи здѣсь извѣстія о походѣ нынѣшнихъ наполеоновскихъ французиковъ! Вы, генераль, извините меня, что я этого новаго Наполеона не очень жалую... Эй, Осклуна! сельтерской воды!

Горничная принесла Саддукѣву воды. Онъ вышилъ и сталъ ходить.

— Подождемъ еще пока обѣдать. А послѣ обѣда я кинусь узнать, сколько надо предложить совѣтнику Тархашларову; вы же къ нему прямо пойдите, между тѣмъ, и, рассказавъ все дѣло, просите принять порѣшеніе его на себя. На балѣ въ этомъ саду буду и я. Тамъ придумаемъ, какъ сказать все губернатору...

Послѣ обѣда гость и хозяинъ не спали. Оба кинулись въ разныя стороны хлопотать о дѣлѣ.

Рубашкинъ воротился первый и не въ духѣ. Саддукѣвъ приближалъ съ кинной газетъ,

— Вотъ! вотъ!—говорилъ онъ, лихорадочно перебиралъ листки:—до бала успѣемъ еще пробѣжать кое-что... Да-съ... вотъ оно... Говорятъ... въ фельетоникѣ какомъ-то есть намекъ, что составляются новыя комиссіи о разныхъ реформахъ и что крестьянское дѣло идетъ къ концу. Узналъ я и о вашемъ дѣлѣ, генераль. Оказывается плохо-съ, однако... Юстиція у насъ еще не сбавила тутъ въ глуши своей таксы: говорятъ, что менѣе двухъ тысячъ цѣлковыхъ этотъ совѣтникъ губернскаго правленія Тархашларовъ за такое дѣло не возьметъ...

Рубашкинъ вскочилъ.

— Какъ! Двѣ тысячи?

— А вы, ребенокъ, полагали менѣе? — спросилъ Саддукѣвъ, не отрываясь отъ лампы у стола, за которымъ онъ съ жадностью перебиралъ газеты только-что привезенной почты:

— Двѣ тысячи!—воскликнулъ Рубашкинъ.

— Да-съ, да! Вотъ именно почему я и хочу, желаю всѣми средствами прожить сто лѣтъ; и проживу, ей-Богу, проживу! Вошь, вошь, точно: комиссіи, комиссіи... А, батюшки!.. Шагасть! Ужъ не сбавить ли чего, однако, со ста лѣтъ? Вошь, о редакціонныхъ крестьянскихъ комиссіяхъ наши официалы торжественно выражаются; скоро окончательно пробьется что-то! Ну, а вашъ визитъ къ Тархашларову чѣмъ кончился?

— Отказалъ наотрѣзъ!

— Отказалъ? Быть не можетъ!

Саддукѣвъ бросилъ газеты и, ладошью бережно придерживая ихъ, обратилъ тусклые, усталые глаза на генерала.

— Отказалъ... Жена его беременна; не могу, говорить, какъ бы чего безъ меня тутъ не случилось съ женою? Это не отецъ Смарагдъ.

— А про могушій быть ордеръ губернатора говорили?

— Говорилъ. «Не поѣду,—сказалъ онъ,—хоть бы самъ сенатъ нарядилъ,—извините; а про дѣло ваше слышалъ; точно сверное дѣло!»

Садукѣвъ и Рубанкинъ отправились на дачный балъ губернатора, въ загородный садъ армянина-откупщика Халыбова. Множество экипажей стояло у рѣшотки сада. Ворота и дорожки были освѣщены фонариками. Гремѣла музыка. У крыльца на особой эстрадѣ или танцы. Долго шатались безъ смысла новыя два пріятеля въ толпѣ. Губернаторъ замѣтилъ опять звѣзду на груди Рубанкина и кивнулъ ему, подзывая его къ себѣ. Рубанкинъ подошелъ къ нему. «Вывези, Антонка!» мысленно при этомъ подумалъ учитель, вспоминая сенаторскаго лакея, у котораго для генерала была абонирована за полтинникъ съ приличнымъ залогомъ звѣзда. Толпа раздвинулась, губернаторъ прошелъ въ боковую аллею съ Рубанкинскимъ.

Они шли и болтали о томъ, о семъ.

— Вы здѣшній помѣщикъ?—спросилъ губернаторъ, уже едва поминувшій вчерашній визитъ къ нему Рубанкина.

— Да-съ! Имѣлъ бы особое удовольствіе васъ угостить у себя такимъ же баломъ, да со мною длится маленькое комическое дѣло...

— Какое?—спросилъ юный степной сатрапъ, лорнируя въ потемкахъ боковой дорожки какихъ-то полногрудыхъ красавицъ. Сатрапомъ и ханомъ любилъ самъ себя звать этотъ губернаторъ съ той поры, какъ по первомъ пріѣздѣ изъ Петербурга ему удалось здѣсь принять, съ восточными тонченностями, какое-то важное, фхавшее на сѣверъ, по-солство.

Рубанкинъ, намѣренно хихикая и съ приличнымъ юморомъ, рассказалъ ему о своемъ дѣлѣ, какъ онъ получилъ наследство, какъ введенъ былъ во владѣніе и какъ одна безпардонная барыня-хуторянка, торгующая скотомъ, мѣшаетъ ему поселиться у себя и взяться за хозяйство.

— Что же вы не подадите мнѣ записки?—спросилъ губернаторъ, забывъ, что по этому дѣлу онъ самъ подписалъ шесть грозныхъ, но тщетныхъ приказовъ уѣздымъ вла-

стямъ и отъ самого Рубашкина получилъ двѣ письменныхъ плачевныхъ жалобы.

— Не стѣить!—сказалъ небрежно Рубашкинъ, разсѣянно освобождая свою руку изъ-подъ локтя губернатора и всѣмъ оборотомъ тѣла сиѣшна взглянуть тоже въ какихъ-то красавицъ по дорожкѣ.

— Кто это?—спросилъ тревожно волокита-халъ, и голосъ его, отъ чалнїя тайной интрижки у посторонняго, дрогнулъ.

— О! прелесть! вы ихъ не знаете! Онѣ изъ Петербурга...

— Не можетъ быть?

— Кй-ей... три сестры-сироты...

— Такъ вы мнѣ, однако, подайте записку!—проговорилъ, уже ничего не соображая, губернаторъ.

— Не стѣить...

— Вы хотите меня обидѣть? —шутливо спросилъ халъ, чувствуя, между тѣмъ, потребность кинуться вслѣдъ за хвостами особъ, похваленныхъ гостемъ.

— Если вы требуете, извольте... Завтра же. По съ одною оговоркою...

— Съ какою?

Губернаторъ, смотря въ дальшїй уголь дорожки, начиналъ терять всякое терпѣнїе.

— Съ тѣмъ, чтобы вы изслѣдователемъ назначили Тарханларова...

— Почему?—спросилъ губернаторъ, лорнируя дорожки, но тутъ же, по чутью, переходя изъ радушнаго въ подозрительный тонъ.

— Ему давно хочется побывать у меня въ гостяхъ... Я ему красавицу принасъ.

— По у него, кажется, жена въ родахъ! что-то онъ на волокиту не похожъ, или притворяется? А? что? Кажется, жена его беременна...

— Родила, ваше превосходительство!—кстати вмѣшался тутъ Саддукъевъ, выросшїй вдругъ передъ собесѣдниками, точно изъ-подъ земли.

— Чему же вы радуетесь?—спросилъ губернаторъ, разглядѣвъ впотьмахъ голову учителя:—точно вы сами участникъ въ этихъ родахъ! А?

Всѣ трое засмѣялись. Радуюсь своей остротѣ, губернаторъ прибавилъ:

— Если Тархавларовъ согласится ѣхать къ вамъ въ гости, извольте, я отпускаю его, подавайте только записку: безъ нея и не прѣзжайте ко мнѣ, обидчикъ! Надо же и дѣлами заняться...

Губернаторъ исчезъ подъ липами, а Саддукѣевъ, присѣвъ къ землѣ, просто зашипыль отъ радости.

— Браво! склеилось наше дѣло! Теперь денегъ надо достать...

— Тутъ-то опять и бѣда. У меня ни гроша не осталось отъ перваго прѣзда въ эти мѣста...

Саддукѣевъ посвисталъ.

— Ничего... пустяки-съ... Коли съ вами не прихватимъ въ откупъ, я извернусь иначе еще для васъ. Вы меня извините, другой здѣсь вамъ зря сразу не повѣрилъ бы! Да у меня уже Смарагдъ этотъ такой, видите ли, человекъ, что темнаго господина никому не похвалить и не привезеть... Я его знаю.

Тутъ же среди танцующихъ Саддукѣевъ нашелъ Халыбова, шеннулъ ему нѣсколько словъ и прибавилъ:

— Я у васъ двухъ сыновей учу, дайте намъ въ займы тысячу-другую на мѣсяцъ. У этого вотъ господина болѣе двухъ тысячъ десятищъ незаложенной земли есть... на-дняхъ ее получить...

Армянинъ поклонился и осклабился.

— Знаю я ихъ очень хорошо и безъ тебя, слышалъ я о нихъ. Только дамъ имъ въ займы не теперь, а когда отъ нихъ эта барыня, какъ ее звать, переѣдетъ...

— Ага! слышите, генералъ?—спросилъ учитель.

Рубашкинъ печально улыбнулся.

Армянинъ потренилъ Саддукѣева по плечу.

— Подъ твой домъ, бачка, дамъ хоть три тысячи: мѣсто твое очень мнѣ нравится! Что, небось, такъ не кинешься занимать?

Учитель на мгновение опѣшилъ. Снялъ съ огромной скулистой головы сѣрую пуховую шляпу, отеръ со лба потъ, повертѣлъ въ рукахъ платокъ, посмотрѣлъ на армянина и сказалъ:

— Идетъ! давай подъ залогъ моего дома, Инъ Иничъ, этому господину... двѣ тысячи!..

— Двадцать процентовъ на полгода?—торопился прибавить шонотомъ Инъ Иничъ Халыбовъ:—если согласишь,

такъ хоть сейчасъ, до закладной, подь простое домашнее условіе дамъ тебѣ эти деньги!

Саддукѣвъ уставился глазами въ Рубашкица и крикнулъ.

— Идешь!—сказалъ онъ.

Ударили по рукамъ, а пока толпа рѣзвилась и тѣшила юнаго начальника, откупщикъ и два пріятеля съѣздили въ откупную контору, и дѣло займа, подь сохранную росписку, кончили въ полчаса.

— Теперь, значить, вотъ что,—сказалъ Саддукѣвъ, воротившись съ Рубашкинымъ домой: — садитесь и пишите коротенькую докладную записку губернатору, чтобъ не возбудить въ немъ подозрѣній; представьте все дѣло однимъ административнымъ недоразумѣіемъ, сошлитесь на справки по этому дѣлу въ правленіи и завтра же рано занесите эту записку предварительно Тарханларову, чтобы онъ не промахнулся и не выдалъ васъ, что вовсе съ вами незнакомъ, да тутъ же отвезите ему и забытый презентъ...

— Какъ? Впередъ?

— О, безъ сомнѣнія, и цѣликомъ; онъ и росписки, разумѣется, не дастъ. А съ васъ я возьму сейчасъ же...

— Извольте... Но... какъ онъ надуется?

— Не бывало еще примѣра. У нихъ на это есть свои совѣты и довольно высокая: будьте спокойны.

Рубашкинъ получилъ отъ учителя деньги и далъ ему росписку съ своей стороны.

— Это на случай смертности, — сказалъ Саддукѣвъ: — я-то проживу еще, ну, а вы уже въ лѣтахъ... до ста годовъ не дотянете! ни-ни...

Они легли спать. При выходѣ изъ праздничнаго сада, къ Рубашкину у воротъ подошелъ помѣщикъ, утромъ жаловавшийся на поджоги. Онъ былъ опять возбужденъ и озабоченъ; потъ лился съ его загорѣлаго лица, а волосы были взъерошены и выбивались изъ-подъ картуза.

— Что съ вами?—спросилъ генералъ.

— Сейчасъ пришло извѣстіе отъ жены и дѣтей: сожгли у насъ и овчарни. Ждать это въ саду заговорить съ начальствомъ.

— Что же?

Помѣщикъ яростно плюнулъ, посопѣлъ и молча пошелъ въ улицу.

— Куда вы? Попробуйте еще...

— Нечего времени-то терять; вижу, тутъ танцуютъ, а мнѣ не до того; надо просто-напросто зѣново скорѣе стронься; это будетъ вѣриѣ, чѣмъ тутъ жаловаться!

— Вотъ вамъ и еще наша областная практика!—сказаль Садукѣвъ.—Значитъ, не вы одни!

Итакъ, генераль и учитель легли спать.

«Какъ-то мнѣ удастся утромъ эта практика? — думаль Рубашкинъ, засыная.—Какое? Я, недавно высшій администраторъ, теперь самою своею особою пойду и понесу какому-нибудь совѣтнику, свсему же бывшему подчиненному, и такую полновѣсную взятку...»

Утромъ гость и хозяинъ умылись, одѣлись, напились чайку и снова посовѣтовались. Рубашкинъ бросился въ первую изъ растворенныхъ лавокъ, купилъ какую-то плохенькую соломенную корзиночку, съ дамскимъ приборомъ для шитья, и дѣтскій игрушечный сундучокъ. Въ обѣ изъ этихъ вещей онъ вложилъ чистоганомъ по тысячѣ рублей серебромъ, явился на домъ къ совѣтнику правления Тарханларову и поздравилъ его съ новорожденнымъ. На генераль были опять фракъ и звѣзда. Тарханларовъ притворился подавленнымъ такою честью отъ генерала. Еше не видя, что было въ корзинчкѣ и въ сундучкѣ, онъ сказалъ:

— Полноте! къ чему вамъ было безноконтъся поздравлять меня, такого ничтожнаго чиновника!—и прибавилъ, однако:—я вижу, что вы опять о дѣлѣ? Не могу, теперь въ особенности не могу: сами знаете, жена родила съ вечера... Да и зачѣмъ мнѣ именно ѣхать? Надо ѣхать кому-нибудь другому, по инстанціямъ, младшему. Это соблазнъ и обида для уѣзныхъ властей!

— Что дѣлать?—возразилъ грустно Рубашкинъ, разставя руки и ноги и слегка склонивъ голову:—этихъ маленькихъ подарковъ новорожденному и родильницѣ, по русскому обычаю, вы, надѣюсь, однако, не откажетесь принять, не обидите меня!

Тарханларовъ глянулъ искоса на певзрачные подарки. Онъ задумался, но, какъ бы по чутью, сразу въ предстоящемъ, повидимому, романтикѣ просителѣ, обыкновенно выѣзжающемъ на однихъ идеальничаньяхъ, угадалъ зѣло-умѣлаго практика. Онъ также съ полуулыбкою разставилъ руки и ноги, склонилъ голову на бокъ, взялъ, хихикая, корзи-

почку и игрушечный сундучокъ, прижалъ ихъ съ чувствомъ къ груди и скрылся, будто сѣбѣна обрадовать ими родильницу и новорожденнаго. За дверью залы онъ остановился, подошелъ въ сосѣдней комнатѣ къ окну, открылъ сперва одну вѣнцу, потомъ другую, радостно закрылъ на мгновеніе глаза, потомъ оглянулся, вынулъ деньги, медленно ихъ сосчиталъ, сунулъ комками пачки ассигнацій въ карманъ, а корзинку и сундучокъ бросилъ на диванъ, и, громко высморкавшись, оправился передъ зеркаломъ. «Что, дитя купали?» — спросилъ онъ повивальную бабу, выглянувшую въ это время случайно изъ спальни, и ушелъ, не дождавшись ея отвѣта и самъ не помня, о чемъ ее спросилъ.

Молодцомъ, сіяющимъ и бойкимъ, вышелъ снова въ залу Тарханларовъ, подошелъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, сѣлъ у окна противъ Рубанкина.

— Когда вамъ угодно, чтобъ я ѣхалъ въ ваше имѣніе? — спросилъ онъ гостя, добродушно смотря на него свѣтлыми и влажными голубыми глазами и взявъ его руку въ свои пухлыя, раздушенные и добрыя ладони.

— Сегодня же... или завтра утромъ, я бы васъ просилъ.

Тарханларовъ поэтически-грустно раскинулся на стулѣ и задумался. Тутъ впервые Рубанкинъ разглядѣлъ, какой онъ былъ дѣйствительно красавецъ: грудь широкая, крутая, плечистый, губы алтично очерчены, волосы закинуты назадъ, голосъ звонкій, рѣчи строія, бѣлье ослѣпительной бѣлизны, въ лицѣ гордость, умъ, даровитость и во всѣхъ движеніяхъ какая-то вмѣстѣ тихая грусть и безграничная смѣлость.

— Сегодня, такъ сегодня, а завтра, такъ и завтра! — весело сказалъ Тарханларовъ: — я исполнилъ къ вашимъ услугамъ! Хлопочите только, чтобъ губернаторъ назначилъ меня.

— Вотъ и записка! Уже готова... Это я его прошу о васъ! — Рубанкинъ подаль ему записку.

— Хорошо, посите; а я черезъ часъ буду у него послѣ васъ и въ точности поясню, что и мнѣ давно хочется побывать у васъ въ имѣніи. Говорятъ, красивый, дѣйствительно, уголокъ... Теперь же я поѣду въ правленіе, пробѣгу ваше дѣло. Оно, по-правдѣ, пенуточное. Ѣхать стоитъ; совѣтниковъ попусту изъ города не посылають. До свиданія!

Тарханларовъ и генералъ поцѣловались.

Рубанкинъ отвезъ губернатору записку и прибавилъ:

— Если бы не желаніе дать вамъ балъ у меня на Лихомъ, я не тревожилъ бы васъ ни за что этимъ дѣломъ.

Губернаторъ уже холодище, однако, встрѣтилъ имъ же самимъ заказанную записку, и, пробѣгая бумагу генерала даже не просилъ Рубанкина съѣсть.

— Вы, однако, рано вчера бросили наши забавы... Васъ не было за ужиномъ? а?

— Одно... свиданіе ожидало,—извините...

— Э!

Губернаторъ покосился на Рубанкина, видимо недовольный, что его звезда не блестяла за его ужиномъ, молча помѣтилъ его записку къ исполненію, зазвонилъ и велѣлъ дѣжурному чиновнику сейчасъ же ее отпрavitить къ Тарханларову. Но чиновникъ доложилъ, что самъ совѣтникъ Тарханларовъ и вновь прикомандированный къ канцеляріи его превосходительства чиновникъ, титулярный совѣтникъ Ангель, ждутъ въ пріемной.

— Дѣла, какъ видите! — сказалъ губернаторъ и изъ-за стола грустно раскланялся съ генераломъ. — Я васъ не смѣю удерживать! Вы долго еще пробудете въ городѣ?

— До вечера только.

— Что же такъ?

— Вы будете смѣяться...

— О! Пожалуйста, скажите...

— Дома, гдѣ я пока живу, ждетъ меня одно хорошее дѣло... также штрижка...

— Гдѣ же вы живете?

— Въ казенной деревушкѣ, вблизи своего имѣнія...

— Не правда ли, какой здѣсь край! Что ваша Колумбія, Перу. И каковы нравы, каковы красавицы! Не будь эта служба, не выѣхалъ бы отсюда. До свиданія!..

— Въ моемъ имѣніи?

— Отъ души буду радъ по пути заѣхать!

Вошедшихъ чиновниковъ губернаторъ принялъ сухо и строго; бумагу Рубанкина Тарханларову подалъ не сразу.

— Вамъ командировка отъ меня черезъ губернское правленіе,—сказалъ губернаторъ совѣтнику, несмотря на него.

— Слушаю-съ!

— Далеконько, однако...

— Слушаю-съ!

— Къ вашему знакомому... Рубалкина знаете? Оцъ отъезду черезъ оранжерею сейчасъ вышелъ, былъ у меня...

— Но видѣлъ, по радъ исполнить приказаніе вашего превосходительства...

— Вы съ нимъ пріятели?

— Въ Петербургѣ служили вмѣстѣ,—солгалъ молодчина совѣтникъ, стоя на вытяжку: — поохотиться на рыбку зналъ...

— То-то на рыбку... знаю! — Губернаторъ видимо догадывался, въ чемъ тутъ штука; но не рѣшился лишить Тарханларова удовольствія этой командировки. — Вы бы тамъ цуку-то одну намъ поймали: уродъ какой-то тамъ, говоригъ, упирается, не слушаетъ судебныхъ постановленій... Какая-то помѣщица, суцая азіятка!

— Слушаю-сь.

— Велите заготовить сейчасъ бумагу. Вы знаете, я откладывать не люблю. Слышите?

Тарханларовъ умышленно замаялся.

— Да! У васъ жена родила...

— Ничего-сь, я готовъ выполнить вѣсь приказъ. По позвольте чиновника въ помощь подобрать падежнаго и знающаго.

— Если вы такъ усердны, очень радъ,—кого угодно? — А! И вы здѣсь, г. Ангель!—прибавилъ губернаторъ.

Титулярный совѣтникъ Ангель, обрусѣлый грекъ, двадцать-шесть лѣтъ исполнявшій должности становыхъ въ разныхъ окольных частяхъ тѣхъ мѣсть юго-востока Россіи, выжигая изъ выжигъ, съ длиннѣйшими усами, человекъ безъ страха и отступленій, на видъ увалень, а на дѣлѣ—огонь и битый, какъ самъ онъ выражался, до десяти разъ всякимъ сборомъ, почтительно поклонился губернатору.

— Что вамъ?

— Изъ ростовскаго уѣзда, слышно-сь, на Волгу контрабандный чай перевалили. По прикажете ли поискать?—спросилъ сыщикъ.

Губернаторъ взглянулъ на Тарханларова. Тотъ сдѣлалъ кислую мину.

— Охъ, ужъ мнѣ эти чай!... Несогласенъ!—сказалъ губернаторъ. — Больше на прогопы выходитъ, чѣмъ этихъ часвъ отыщешь. Да, Тарханларовъ! Вотъ кстаги вамъ и помощникъ! Берите его съ собою въ эту командировку.

Велите заготовить къ вечеру бумаги — и съ Богомъ! Прощайте, господа!.. Очень радъ!

Чиновники ушли, а губернаторъ, сказавъ жандарму, чтобъ никого не принимали, отрадно потянулся, надѣлъ штатскій цегольской пиджакъ, посмотрѣлся въ зеркало, покрутилъ усики, взялъ книжку французскаго журнала и сѣлъ къ окну читать, заставившись отъ праздныхъ звѣкъ штофнымъ зеленымъ экранчикомъ.

— Все сдѣлано, — сказала Тарханларовъ къ вечеру Рубашкину, который поспѣшилъ выдать Саддукѣеву заемное письмо на двѣ тысячи: — бумаги у меня; часть отъ себя я уже послалъ по эстафетѣ, на счетъ получателей, въ уѣздъ стряпчему, исправнику и становому. Въ предводительскую канцелярiю послалъ особое рѣзкое отношенiе. Словомъ, пока мы на почтовыхъ къ утру будемъ тамъ, я надѣюсь, что виновники во всѣхъ этихъ адскихъ униженiяхъ придутъ уже въ нѣкоторой должный трепетъ. Ѣдемъ мы въ моей коляскѣ: вы и я, а данный мнѣ помощникъ уже уѣхалъ впередъ. Прошу ужинать ко мнѣ и сейчасъ же послѣ ужина Ѣдемъ на всю ночь...

Рубашкинъ горячо обнялся съ Саддукѣевымъ, пришедшимъ его провожать къ Тарханларову.

— Ну, прощайте, берегите свое здоровье, это главное! — сказалъ генералу шопотомъ учитель: — многое не удастся, такъ хоть годами-то возьмете! А на всякій случай, пока — вотъ вамъ еще триста цѣлковыхъ. Это уже мои собственныя послѣднiя крохи. Поправитесь, воротите. Да пишите мнѣ оттуда!

Бойкiе почтовые кони изъ донскихъ, какъ бы чувствуя, что везутъ такого догу, какъ Тарханларовъ, подхватили его коляску живо и съ громомъ понесли ее четверней по стихавшимъ улицамъ города.

VI.

Штурмъ Перебоченской.

Рано на зарѣ генералъ и Тарханларовъ проснулись въ дорогѣ, покачиваемые въ коляскѣ, въ виду уѣзднаго городка, заброшеннаго въ глухой поволжской юго-восточной долициѣ, между пологими каменистыми буграми.

Путники вошли въ земскiй судъ. Тарханларовъ, прiѣздъ

второго сюда уже несколько подготовил данный ему помощник, былъ встрѣченъ тутъ всѣми не безъ трепета. Но дѣло какъ-то пошло не очень плавно. Повѣстки хоть и были посланы изъ суда къ становаму и въ сосѣднія села, но исправникъ отозвался дѣлами, болѣе нетерпящими отлагательства, и, не дождавшись губернскаго слѣдователя, вопреки его отношенію, уѣхалъ изъ города въ то самое утро въ другое мѣсто. Такъ же поступилъ и уѣздный предводитель, не доставивъ совѣтнику никакихъ нужныхъ новыхъ свѣдѣній о личности Перебѣченской и о ея мнимомъ нездоровьѣ, которое будто бы пренитствовало донынѣ ея выѣзду изъ чужого имѣнія. Когда Тарханларовъ явился въ предводительскую канцелярію, секретарь ея даже встрѣтилъ его съ нѣкоторою ироніей. Было замѣтно, что, прежде чѣмъ повѣстки и помощникъ совѣтника явились въ городъ, лаутчики Перебѣченской обо всѣхъ эволюціяхъ новаго, угрожающаго ей штурма дали уже знать сюда изъ среды самого губернскаго правленія, какъ Тарханларовъ ни старался свой быстрый выѣздъ облечь тайною. — «Даже Ангела къ намъ выслать», — острили о грекѣ уѣздные чиновники, но уходъ Тарханларова: — «но и ангелъ небесный не сможетъ ничего съ нами сдѣлать, коли мы захотимъ! Вотъ оно какъ!»

Дѣйствительно, полномочный членъ высшей мѣстной администраціи, совѣтникъ губернскаго правленія, вооруженный наилучшими, опредѣленнѣйшими инструкціями — «раскрыть, наконецъ, дѣло, во что бы то ни стало; отрѣшнить всякаго изъ чиновниковъ, замѣшанныхъ тутъ, если онъ найдетъ умысленныя послабленія со стороны ихъ, и вывести Перебѣченскую изъ имѣнія Рубашкина даже силою, не принимая болѣе отъ нея никакихъ отговорокъ и отписокъ, и всему составить подробный журналъ», — озадачился сразу, встрѣтивъ эти первые каверзы, и чуть не потерялся. Явивъ въ земскомъ судѣ особый приказъ губернскаго правленія, онъ тутъ же сдѣлалъ распоряженіе объ удаленіи отъ должности исправника, записалъ свое постановленіе въ протоколъ суда, внесъ его и въ свой особый секретный журналъ, отмѣтилъ въ немъ, между прочимъ, что повѣстки о высылкѣ въ Конскій-Сыртъ понятыхъ изъ сосѣднихъ съ нимъ селъ посланы нарочно, для замедленія понятыхъ, не верхомъ, а ибшкомъ, черезъ сторожа-инвалида изъ земскаго суда

хотя изъ города до этихъ селъ было болѣе сорока верстъ. Тарханларовъ должность исправника сдалъ земскому засѣдателю, распекъ и его предварительно на обѣ корки и взялъ съ собой, а пристава стада, гдѣ былъ Копскій-Сыргъ, послалъ съ коннымъ нарочнымъ отъ себя вторую повѣстку о немедленной явкѣ на сборный пунктъ въ Малый-Малаканецъ, въ квартиру Рубанкина.

Къ обѣду того же дня, шестерикомъ, на обывательскихъ, Тарханларовъ прибылъ съ Рубанкинымъ и съ земскимъ засѣдателемъ въ Малаканецъ. Тамъ ихъ встрѣтилъ помощникъ Тарханларова, Ангель, а станowego и понятыхъ еще не было. Подождали они съ часъ, другой. Ямщики влѣзали на крыши хатъ, выходили далеко въ поле на бугры, смотрѣли, но никого не было видно.

— Что же ихъ ждаты! — рѣшили совѣтники: — начнемъ, откроемъ дѣйствія, займемъ этой барыни послѣднюю волю начальства! На томъ, чѣмъ она намъ отвѣтитъ, осуемъ дальнѣйшія наши мѣры. Можетъ быть, къ крутымъ и не придется прибѣгаты! А пока рассмотримъ еще бумаги. Вы, г. засѣдатель, въ качествѣ исправника, потрудитесь въ болѣе близкія села отъ себя, еще разъ, дать строгія повѣстки о сборѣ понятыхъ; вотъ хоть въ Есауловку, въ Карабиновку, въ Авдуловку и сюда, въ этотъ Малаканецъ...

— Люди теперь въ разбродѣ, рабочая пора; къ вечеру только съ полей придутъ домой.

— Ничего, подождите. Хоть мало сперва, а соберутся.

Пересмотрѣли еще бумаги, все приготовили, дали повѣстки съ ямщиками въ Есауловку и по Малаканцу. Тѣ съѣздили и воротились со словами, что понятые къ Копскому-Сыргу будутъ сейчасъ.

Часа за три, за четыре до заката солнца, еще подождявъ станowego и трижды уже заказанныхъ понятыхъ, Тарханларовъ и прочіе поѣхали къ усадьбѣ Копскаго-Сырта. Что-то въ душѣ говорило Рубанкину о не совсѣмъ удачномъ исходѣ дѣла; но красавецъ и молодчина губервскій совѣтникъ ѣхалъ бодро, весело мурлыкая про себя какую-то цѣсенку и съ любопытствомъ поглядывая по сторонамъ.

— Мѣстечко прелестное! — сказала онъ, завидѣвъ подъ склономъ есауловскихъ бугровъ, надъ рѣкою Лихимъ, зеленяя низменности Копскаго-Сырта: — у васъ съ руками оторвутъ на аренду эту землю даже мелкіе здѣшніе табуян-

ицки и стогщии скота, если сами не пожелае хлопотать...

— И думаю самъ хозяйничать.

— И дѣло.

Вѣхали экипажи во дворъ Перебѣченской. Во дворѣ было тихо: ни одна душа не показывалась. Кухня, амбары и всякія пристройки молчали. Окна и крыльца дома молчали также. Когда власти подѣхали, гремя колокольчиками, къ главному крыльцу, въ концѣ двора прошелъ отъ кухни къ сараю, опуствя голову и не поднимая глазъ, низенькій коренастый господинъ, или собственно прошли его длиннѣйшіе рыжіе усы: то былъ нань Жукотыньскій, приказчикъ барыни.—«Эй, ты! послушай!»—крикнулъ ему съ козелъ коляски титулярный совѣтникъ Ангель; но рыжій шляхтичъ прошелъ важно журавлинною походкой, руки въ карманахъ балахона, опуствя рыжіе огненные усы чуть не до земли, и скрылся...

Тарханларовъ, земскій засѣдатель и Рубашкинъ вошли въ сѣни и въ переднюю:—ни души. Лазарь Лазаричъ Ангель остался у крыльца, хмурия черныя кустоватыя брови, сердито сопя и крутя черные усы. Онъ осторожно, какъ чуткая дрофа въ степи, посматривать изъ-за коляски и лошадей во все углы двора, ожидая, гдѣ вынырнетъ шляхтичъ.

Едва Тарханларовъ взялся за ручку двери въ залу, шепнувъ спутникамъ: — «Мы пока сюда, а Лазарь Лазаричъ довольно надежная сила въ арбергартѣ; онъ бѣдовый: его тронуть, такъ онъ и ножомъ въ бокъ ширнетъ!» — какъ дверь передъ нимъ отворилась и на порогѣ показалась хозяйка Пелагея Андреевна Перебѣченская. Рубашкинъ теперь былъ одѣтъ запросто, въ лѣтней парусинной накидкѣ и безъ портфеля подъ мышкой фрака, какъ нѣкогда, въ первый прїездъ сюда. Старуха же встрѣтила посѣтителей такая же сухопавая, сутуловатая и будто придавленная и забитая, хотя была особой почтеннаго роста, и попрежнему въ темномъ, притасканномъ платьицкѣ и въ чепцѣ, перевязанномъ подъ подбородкомъ и по ушамъ бѣлымъ платкомъ, въ родѣ того, какіе носятъ нищенки-прошайки. Она молча остановилась въ дверяхъ, держа грязный гарусный ридикюль и вопросительно поднимъ къ посѣтителямъ сморщенное желтое личико и жалкіе, убогіе и будто плачущіе глаза.

— Повелѣиѣмъ высшаго начальства! — звонко и отчетливо заговорилъ молодчина Тарханларовъ, выставя впереди румяныя круглыя щеки и вынимая изъ кармана бумагу:—приказано васъ, сударыня...

— Не надо! вовсе этого не надо! — отвѣтила старуха, тихо отодвигая бумагу.

— Какъ не надо! Воля высшаго начальства-съ... Что вы? шутить?.. Извольте слушать! Только, надѣюсь, не здѣсь въ передней, а какъ слѣдуетъ... въ залѣ... у васъ...

И онъ шагнулъ къ порогу въ залу. Перебѣченская, однако, не двинулась съ мѣста.

— Я уже все это знаю... и вашу бумагу! — сказала она тихо, потушивъ глаза:—это все пустяки; я отсюда не поѣду; я больна, стара, и всякія тревоги... особенно выѣздъ... могутъ причинить мнѣ... даже смерть!

Тарханларовъ оглянулся на своихъ спутниковъ и насмѣшливо имъ подмигнулъ; Рубашкинъ степенно стоялъ сзади, выжидая, что будетъ; засѣдатель, не поднимая глазъ, былъ блѣденъ и стоялъ на-вытяжку.

— Вы можете мнѣ говорить все что вамъ угодно!—громко сказалъ опять совѣтникъ:—но я имѣю предписаніе начальства, основанное, извините, на предыдущихъ вашихъ выходкахъ и продѣлкахъ, не принимая долге отъ васъ никакихъ отговорокъ, вывезти васъ изъ этого чужого имѣнія-съ... отобрать у васъ всю хозяйственную движимость... сдать ее владѣльцу имѣнія, до уплаты вами, по третейскому суду, денегъ за всѣ годы аренды, а послѣ расчета съ нимъ дозволить вамъ изъ движимости и строеній взять отсюда по особой новой расцѣнкѣ...

— И гурты, и овецъ сдать ему? — спросила Перебѣченская, указавъ пальцемъ на генерала.

— Сдать все пока... въ видѣ обезпеченія уплаты за десятилѣтнюю аренду.

— Никогда! я прежнему владѣльцу все уплатила... А хоть бы деньгами и не уплатила, не дамъ! У насъ съ нимъ счета кончены...

— За что же онъ съ вами тягался все послѣднее время?

— Оставьте меня и не тревожьте... прошу васъ мнѣ не грубить! Передъ вами дама-съ!

— Росписокъ у васъ нѣтъ! формальный договоръ нарушенъ! Все, что ходить по этой землѣ, вами получено съ

земли же, а за нее вы ничего не платили... Следовательно...

— Разберуть по суду... Какой вы судъ? Вы полицейскій чинъ...

— Судъ давно рѣшилъ дѣло противъ васъ и столько лѣтъ ждалъ отъ васъ, сударыня, доказательствъ; всѣ админіи власти дѣлали вамъ поблажки. Теперь уже дѣлу конецъ. Вы оскорбляете администрацію, распорядительную власть, которая должна въ точности исполнять рѣшенія суда; и она командировала, наконецъ, меня... Извольте выѣзжать отсюда; извольте пустить меня въ залу и выслушать постановленіе губернскаго правленія. Слышите ли? Имѣю честь рекомендовать...

— Знаю, знаю...

— Я совѣтникъ губернскаго правленія...

— Да знаю же, говорю вамъ!

— Губернскаго правленія, Тарханларовъ... И потому снова говорю...

Тусклые глазки барыни холодно и злобно завіялч. Лицо и ридикюль задвигались.

— Палашка!—крикнула она, не оборачиваясь, съ порога.

Тарханларовъ, зная отъ Рубашкина продѣлки барыни и то, какъ она и генерату грозила Палашкою, невольно улыбнулся, приготовился взять Перебѣченскую за руку и шагнуть впередъ.

— Позвольте мнѣ, сударыня, пройти въ залу и сообщить вамъ рѣшеніе суда и окончательное предписаніе губернатора...

Онъ бережно взялъ старуху за сухощавую, въ тревогѣ дрожавшую руку. Но въ то же время за спиной хозяйки обрисовались два помѣщика: отставной прапорщикъ изъ буковскихъ ординарцевъ, Кѣбабчи, и неслужившій нигдѣ черноморскій дворянинъ и сосѣдній гуртовщикъ, Хутченко.

— Удивляемся! — сказали разомъ оба господина, умышленно и какъ-то особенно неблаговидно бая и щетиной подвигаясь впередъ изъ залы:—удивляемся вашей дерзости къ дворянѣ... и не вѣримъ, чтобы вы были съ такими полномочіями...

Перебѣченская тотчасъ же, не оборачиваясь попрежнему, отрекомендовала обоимъ защитниковъ своихъ и Тарханларову, и Рубашкину.

— А это вотъ учитель музыки въ здѣшнихъ мѣстахъ, г. Рахилевичъ!— прибавила она, почувствовавъ, что за спиной ея прибавилось еще одно лицо изъ внутреннихъ комнатъ, юноша лѣтъ девятнадцати, румяный, пухлый, съ бараными, тусклыми и на-выкатъ глазами: — онъ учитъ у моихъ родныхъ и близокъ въ дѣмѣ г. предводителя!

— Однакоже, вы должны, сударыня, выслушать бумагу начальства и по порядку законовъ дать на нее отзывъ!— отозвался, нисколько не теряясь, Тарханларовъ. — Повторю вамъ, я совѣтникъ губернскаго правленія и прощю со мною не шутить...

— Полноте сочинять! Это, господа, можетъ-быть, и не совѣтникъ вовсе! — громко объявилъ своимъ товарищамъ развязный учитель музыки Рахилевичъ, насмѣшливо пошатываясь за ихъ плечами, съ руками въ широкихъ зеленыхъ шароварахъ, и одѣтый въ какую-то фантастическую голубую куртку съ шнурками и бронзовыми стекольчатыми пуговицами. — Я совѣтниковъ всѣхъ въ губерніи знаю-съ; это, должно-быть, такъ себѣ, какой-нибудь канцеляристъ, для шутки нанятый Рубашкинымъ!

Рубашкинъ обомлѣлъ.

— Ну, спросите у него видъ; есть ли у него, господа, видъ еще? Не самозванецъ ли это?—прибавилъ Рахилевичъ, мигнувъ праноризнику Кебабчи, на котораго, какъ видно, бояншія возлагала также немало надеждъ.

— Ни-да-съ!—шаловливымъ басомъ и въ галстукъ сказалъ мѣдноцвѣтный, какъ лягакъ, Кебабчи. — Попросите, Пелагея Андреевна, этого господина, однако, въ кабинетъ: пусть онъ намъ покажетъ свой видъ, паспортъ. Можетъ-быть, это еще и по-правдѣ самозванецъ! Вы ужъ, сударь, извините насъ: здѣсь страна всякихъ подлоговъ и самозванствъ; тутъ дѣйствовали Пугачовъ-съ, Разинъ, разбойники изъ киргизъ-кайсаковъ, Кудеяръ и Кувыканъ, Булавинъ и Заметаевъ...

— Такъ вы полагаете, что я тоже какой-нибудь Кувыканъ или Кудеяръ, подложный, а не настоящій чиновникъ?—спросилъ, засмѣявшись, Тарханларовъ, въ то время, какъ самъ онъ, однако, чувствовалъ, что еще мгновение и, пожалуй, въ этой глуши, не подоспѣй понятые, его самого обратятъ въ подсудимаго, силой свяжутъ и подъ конвоемъ повезутъ, на общій позоръ и смѣхъ, въ городъ, въ его же

губернское правленіе, вмѣсто Перебдченской, которую опъ собирался взять силой.

— Нечего, нечего смѣяться!—опять рѣзко перебилъ учитель музыки Рахилевичъ:—давайте-ка лучше ваши бумаги! Не на дураковъ напали... Насъ не проведете—стрѣляные!..

— Пожалуйте въ кабинеты! а въ залу я васъ все-таки не допущу: у меня дѣла и сама я больная! — сказала со вздохомъ хозяйка и тутъ же отъ порога ступила черезъ лакейскую въ сосѣдній, особый, темноватый кабинетикъ.

Тарханларовъ, Рубашкинъ и блѣдный засѣдатель, переглядываясь между собою, вошли гуда за нею. Кѣбабчи, Хутчѣнко и Рахилевичъ вступили туда же и кинулись запереть двери. Ихъ лица глядѣли мрачно, а рѣзкія, порывистыя движенія показывали, что они были готовы рѣшиться на все. Рубашкинъ глянулъ на помертвѣлаго засѣдателя, и у него самого точно холодная водица полилась по спинѣ и мурашки въ желудкѣ задвигались...

Всѣ сѣли. Тарханларовъ внятно и внушительно сталъ читать грозную бумагу о своей командировкѣ, снова попросилъ Перебдченскую не унорствовать, потому что скоро вечеръ, а онъ къ ночи долженъ все покончить, не принимая отъ нея никакихъ отговорокъ, и протянулъ бумагу слушателямъ, чтобы всѣ ее разсмотрѣли.

— Бланки и подписи дѣйствительно подлинныя!—сказалъ мѣдноцвѣтныи Кѣбабчи:—но этому все-таки не бывать никогда, никогда! пока въ нашихъ жилахъ течетъ дворянская кровь!

— Не бывать!—подхватили его товарищи.

— Да-съ!..—рѣшила и хозяйка, завидявъ глазками и то-ребя въ рукахъ ридикюль.

— Пожалуйте отзывъ!—сказалъ Тарханларовъ.

— Вотъ опъ! давно написанъ на эти ваши бумаги...

И она подала совѣтнику готовый отзывъ по всѣмъ пунктамъ грознаго рѣшенія.

— Новое преступленіе! — объявилъ совѣтникъ, быстро пробѣжавъ отзывъ:—я его кладу при васъ, господа, въ карманъ и записываю въ журналъ слѣдствія; оказывается, что секретнѣйшія и важнѣйшія бумаги начальства передаются сюда изъ города въ коняхъ и прежде, чѣмъ въ подлинникъ, попадаютъ къ виновнымъ! Отлично! Ай-да мѣстечко-съ!..

— Кладите! — выстрѣлили въ него глазами Рахилевичъ. — Мы и не причемя отъ васъ; эка гроза кака! Бумагу эту сообщить намъ самъ узбднй предсѣдатель, а ошъ — извините! человекъ со связями-сь, имѣеть вездѣ лазутчиковъ противъ крючковъ; въ обиду своей дворинки не дастъ никому, а я у него учу въ семействѣ-сь...

— А, такъ вотъ какъ! Вы видѣли, слышали, г. засѣдатель? Отвѣтъ уже готовъ и подписанъ! Я его принимаю не какъ доводъ къ отказу, а какъ улику къ прежнимъ преступленіямъ здѣшнихъ властей...

Засѣдатель молча поклонился, продолжая мигать оторопѣлыми глазами.

— Такъ я повторяю, — началъ опять Тарханларовъ, вставая и выпрямляясь во весь ростъ: — угодно ли вамъ, г-жа Перебѣченская, безъ всякихъ дальнѣйшихъ проволочекъ, сегодня же, — слышите? сегодня же къ ночи, — выѣхать отсюда и все сдать г. Рубанкину?

— Нѣтъ... никогда! Я больна, стара, и притомъ же...

— Въ такомъ случаѣ я открываю присутствіе и черезъ полчаса арестую васъ силою и подъ стражей препровожу въ городъ! — брякнулъ совѣтникъ.

Засѣдатель даже привскэчилъ на мѣстѣ.

Перебѣченская задержала опять пальцами, но ни слова не отвѣтила.

— Можете открывать присутствіе! — забасили еще непризнніе Кебабчи, Рахилевичъ и Хутчѣнко: — а мы будемъ смотрѣть...

Наглость всего этого начинала взрывать Тарханларова. Онъ вышелъ въ лакейскую и на крыльцо. На нѣжныхъ, полныхъ щекахъ его показались багровые кружки. Глаза его затуманились. Онъ отеръ платкомъ лобъ и сказалъ засѣдателю: «Гдѣ-бъ намъ открыть присутствіе и начать дѣйствовать?»

— Въ каретномъ сараѣ! — отвѣтилъ стоявшій на крыльцѣ Лазарь Лазаричъ Ангель, отъ злости и отъ расхолодившейся въ немъ греческой желчи уже ставшій желтѣе лимона: — тутъ небывалый воровской пригонъ, — все штуки идутъ какъ по маслу; ждалъ я, ждалъ, пошелъ къ кухнѣ — заперга на ключъ; глянулъ я въ окно, пуста — однѣ мухи бѣются въ стекла... Я въ людскую избу, въ конюшню, подъ сараи, вездѣ пусто. Устроимъ присутствіе въ каретникѣ: тамъ кстаги

стоитъ какая-то перевернутая кадка... На ней и писать можно...

— Доставайте, господа, изъ коляски припасы!—сказали Рубашкинъ, обмахиваясь платкомъ.

— А намъ?—спросили обывательскіе ямщики.

— Распрягайте лошадей и ступайте по домамъ. Мы отсюда на другихъ лошадяхъ выйдемъ!

Ямщики отправились выпрягать коней.

— Господа, въ каретники!

Тарханларовъ попрежнему легко и свободно зашагалъ отъ крыльца по двору, однакоже прибавилъ:

— Жаль, господа, что мы не распорядились о болѣе значительномъ числѣ понятыхъ; кажется, здѣсь не совсѣмъ безопасно! что это значить? и станowego до сихъ поръ нѣтъ?

— Съ одной стороны, тутъ суцая Татарія, Курдистанъ; а съ другой, и матушка Русь здѣсь же, какъ дома, расположена!—пустился разсуждать вслухъ Рубашкинъ:—мнѣ это приходило въ голову еще какъ я первый разъ сюда приѣзжалъ! Ждешь тутъ, что убьютъ тебя, либо запьютъ какъ разъ въ мѣшокъ, да и въ воду! А тутъ же скворецъ вонъ тихо прыгаетъ въ клеткѣ, дѣвка бѣлобрысая чулокъ вяжетъ, барыня пашансъ въ гостиной раскладываетъ, тупоумный тульскій маятникъ упорно постукиваетъ въ лакейской, точно въ безсонную ночь гдѣ-нибудь на станци, когда ждешь лошадей...

Посмотрѣли господа въ поле изъ-за конюшни: не было видно еще ни станowego, ни понятыхъ. Въ сараѣ на полу было множество голубиныхъ слѣдовъ. Ласточки съ звонкимъ крикомъ влетали въ щели надъ воротами и опять вылетали отсюда. Прочный новый тарантасъ барыни стоялъ подъ полотняною покрывкой въ одномъ углу, въ другомъ возвышались развалины старинной кареты. Сметя соръ съ опрокинутой кадки, засѣдатель и Лазарь Лазаричъ приготовили канцелярскій бивуакъ. Тарханларовъ разсказалъ засѣдателю, какъ ему писать, и тотъ съ дрожащими руками прислалъ съ перомъ и съ бумагами на тарантасный сундукъ къ кадкѣ. Прочіе всѣ вышли изъ сарая. На дворѣ попрежнему было тихо и не видно живого существа, какъ на площадяхъ крѣпости передъ послѣднимъ натискомъ осаждающей арміи.

— Что это заседатель вашъ такъ трусить? — спросилъ Рубашкинъ Ангела.

— Въ переѣздѣ былъ здѣсь, — значительно отвѣтилъ Лазарь Лазаричъ: — онъ былъ въ тотъ самый вѣздъ властей сюда, когда Переѣдченская высланному къ ней чиновнику особыхъ порученій дала пощечину. Все и скрыли. Чиновникъ переждать, да скорѣе и далъ тигу куда-то на сѣверь...

— Вотъ то-то и бѣда, — возразилъ Рубашкинъ: — что всѣ трусить и скрываются; ты побить, и опубликуй самъ! Что за стыдъ быть удареннымъ бѣшеною лошадыю или дикою киргизскою коровою!

Тарханларовъ почесалъ у себя за ухомъ.

— Ну, ибѣзъ, господа: съ нами она этого не сдѣластъ. А ипаче либо я самъ не пожалю съ нею силъ, либо рапортомъ донесу обо всемъ въ наготѣ высшимъ властямъ. Что вы думаете? Вѣдь объ оскорбленіи чиновника на службѣ... да еще въ такой беззащитной глуши... обязаны будутъ по законамъ донести лично Государю...

— И донесутъ! Вотъ меня не разъ помяли. Доносили... Что же? Отписывались! — сказали, крути черные усы, Ангель.

Тарханларовъ покраснѣлъ. Онъ долго молчалъ, прислушиваясь къ скрипу пера заседателя.

— Господа! теперь не звать! Готова будетъ бумага, составитъ журналъ первыхъ дѣйствій... Скоро все носибѣтъ? — спросилъ Тарханларовъ.

— Составлено, готово все съ...

— Подписывайте, господа. А вотъ кетати и понятыя...

Всѣ подписали вступительныя бумаги. У сарая во дворѣ показались первые понятыя, такъ себѣ, какіе-то сѣреные, переминавшіеся мужички, изъ поселенъ непоше.

— Вотъ наша вѣрная опора! — проницески подмигнувъ товарищамъ на понятыхъ Тарханларовъ, прочелъ вслухъ мужикамъ бумаги, разъяснилъ имъ смыслъ дѣла и велѣлъ всѣмъ смотреть въ оба и слушаться строго его приказаній.

— Будете слушаться? — гаркнулъ юдъ конецъ совѣтшикъ.

— Будемъ! — отозвалась кучка понятыхъ, едва шевелившихъ отъ страха языками и уныло почесывавшихъ спины и затылки.

— Переписать ихъ по именамъ!

Засѣдатель переписалъ. Подождали еще. Солнце хлопилось уже къ закату.

— Будутъ еще ваши?—нетерпѣливо спросилъ Рубаникинъ.

— Будутъ вѣрно... десятскіе споняютъ съ поля! какъ не быть! вѣрно будутъ...—отвѣтили понятые, глухо и пугливо переступая съ ноги на ногу.

Вдали въ полѣ еще показалась кучка понятыхъ. Ангель крикнулъ отъ плетня:

— Еще идутъ!

— Тенерь, господа, прямо къ дѣмъ—рѣшилъ Тарханларовъ: — отыщите ломъ или молотокъ; если дверь въ залу оный запрутъ, надо будетъ при понятыхъ выломать, всѣхъ изъ дома взять подъ арестъ и скрѣпить наши мѣры новымъ журналомъ.

Нашли какую-то желѣзную полосу. Уже двинулись-было къ крыльцу, какъ Лазарь Лазаричъ, успѣвшій съ этою зацуганною толпою земскихъ поличныхъ обнюхаться по-своему и перемолвиться по душѣ, шеннулъ совѣтнику:

— Надо отрядить часть понятыхъ въ поле. Одинъ изъ нихъ сейчасъ сообщилъ, что полякъ-приказчикъ этой барыни туда поскакалъ задами, собираетъ спонщиковъ и памфреть, какъ видно, угнать куда-нибудь съ этой земли, если по всѣмъ гурты скота, такъ табуяъ лошадей или часть овецъ.

— Что это, сдача или отступленіе?

— Далеко до сдачи... Сидѣшите!.. Это просто одна изъ азиатскихъ хитростей...

— Кого же послать? Отрядъ понятыхъ и такъ у насъ малъ, а мы и обывательскихъ лошадей отослали по домамъ! Эй, вы, понятые!

Часть мужиковъ отдѣлилась къ каретнику.

— За мной, въ барскую конюшню. Садитесь сейчасъ на коней и гайдѣ въ степь...

Наскоро Тарханларовъ свернулъ замокъ у конюшни, мужики оттуда вывели тройку упряжныхъ лошадей, послѣднихъ, какія тамъ были, и иные изъ нихъ уже стали мѣститься сѣсть безъ сѣделъ на жирныхъ скакуновъ.

— Не трогать барскихъ коней!—раздался съ прибалкой крупной брани крикъ съ крыльца.

Мужики оторопѣли. То былъ голосъ знакомаго имъ сосѣда ихъ, прапорщика Кебабчи.

— Садись! — крикнулъ, въ свой чередъ, совѣтникъ: — какъ вы смѣете не слушаться?

— Не садись; убью перваго, кто осмѣлится! — прибавилъ съ крыльца Кебабчи, въ патронташѣ и размахивая ружьемъ.

Мужики раскрыли рты отъ изумленія и выпустили позвонья. Прапорщикъ Кебабчи съ крыльца продолжалъ ругаться вслухъ, ничуть не стѣсняясь присутствіемъ чиновниковъ. Титулярный совѣтникъ Ангель не вытерпѣлъ, самъ схватилъ первую выведенную лошадь за поводъ, потренилъ ее по спинѣ, вскочилъ на нее и во всю прыть понесся за дворъ, крича понятымъ: «за мною!» Двое ободранныхъ мужиковъ прыгнули также на лошадей и вскачь скрылись за конюшней. Выстрѣла съ крыльца не послѣдовало, хотя Кебабчи довольно рѣшительно и грозно еще тамъ потрясалъ ружьемъ. Остальные понятые ожили также. «Все-таки власть! — думали они, тѣсясь у конюшни: — насъ бы тотъ баринъ сразу пострѣлялъ, а по чиновникамъ такъ и не цѣлится!»

Тарханларовъ приказалъ понятымъ идти къ крыльцу. Кебабчи отступилъ внутрь дома, а власти съ мужиками вступили въ сѣни.

Чиновники вошли въ лакейскую; понятые размѣстились тутъ же и въ раскрытыхъ сѣняхъ. Зала была, попрежнему, затворена. Засѣдатель попробовалъ; она была заперта на замокъ.

— Видите ли, ребята. — началъ Тарханларовъ: — я посланъ отъ губернатора, а онъ назначенъ властью еще вышею. Я старшій чинъ въ правленіи по губерніи, и мнѣ вѣрно отъ барыню взять силой, такъ какъ она закона не слушается, а все это имѣніе отдать этому барину.

Онъ указалъ на Рубашкина.

— Да мы все это знаемъ давно! — робко и вполголоса отозвались нѣкоторые понятые: — только ужъ какъ бы намъ чего не отвѣчать!

— Знаете? тѣмъ лучше. Вотъ и бумага объ этомъ. Барыня заперлась; надо сломать замокъ. Давайте онять ломъ... Я разбиваю двери, чтобъ вы видѣли...

Подали совѣтнику снова желѣзную полосу. Тарханларовъ нажалъ ее на замокъ; дверь отскочила: въ залѣ было пусто. Онъ заглянулъ въ коридоръ: вездѣ тихо, ни души. Онъ поставилъ часть понятыхъ слѣдить вдоль коридора выходя

изъ дома къ другому крыльцу, а самъ черезъ залу подошелъ къ запертой двери въ гостиную. Но едва онъ нажалъ ломъ и на эту дверь, какъ въ нее изъ гостиной разомъ что-то навалило, и съ криками и воплями въ залу выскочили сама хозяйка, помѣщнки, ея защитники, Кебабчи и Хутченко, учитель музыки Рахилевичъ и вся тѣсно-скупенная и озадаченная дворня барыни: горничныя, поварь, батраки, кучеръ, ключникъ, даже дворовыя дѣти. Послѣднiя взревѣли, едва дверь отворилась.

— Караулъ! разбой! караулъ! грабятъ! рѣжутъ! — заорали господа и слуги.

Нѣкоторые изъ дворни оказались вооруженными: кто палкой, кто кочергой, одна баба съ половой щеткой, кучеръ съ косою, а Кебабчи, попрежнему, въ патронташѣ съ ружьемъ.

Тарханларовъ невольно потерялся.

— Вы, господа, вижу я, всему зашнщики и подстрекатели, — сказалъ онъ Рахилевичу, Кебабчи и Хутченко: — вы болѣе всѣхъ будете отвѣчать. Но до васъ очередь дойдетъ послѣ! Поняты! слушать моихъ приказанiй! — гаркнулъ онъ, сильно повысивъ голосъ. — А вы, дурачье безмозглые, дворня вашей барыни! Васъ только перепорятъ за то, что вы мѣшаетесь, куда васъ не зовутъ! Ну, чего стоите! Дѣвки, бородачи! маршъ по своимъ угламъ.

Молоцоватый голосъ Тарханларова звонко раздался въ залѣ, гдѣ, вслѣдъ за первымъ появленiемъ домашней за-сады, воцарилась-было мгновенно мертвая тишина. Дворня осунулась. Перебѣченская стояла въ заднихъ рядахъ, тормоша ридикюль и поглядывая, какъ крыса, атакованная ловкою и наметанною кухаркой въ углу комнаты, откуда некуда было податься.

— Вона! — весело крикнулъ вдругъ Рахилевичъ, нагло пошатываясь, опять съ руками въ карманахъ широкихъ, зеленыхъ шароваръ. — А вы, ослы, и опѣшили? Думаете, взаправду это важная птица налетѣла! Да это не губернаторскiй совѣтникъ, а нанокъ изъ Боромли! И его и въ карты обыгрывалъ, ей-Богу! Это Рубашкинъ его за десять цѣлковыхъ напаялъ... комедию отколоты!.. Это самозванецъ! Вѣдь вы слышали, что тутъ, на Волгѣ, бывали прежде самозванцы, которыхъ послѣ въ желѣзныхъ клѣткахъ отвозили въ столицу? Это и есть одинъ изъ такихъ...

— Понятые впередь! — гаркнулъ еще громче минимъ «панокъ изъ Боромли», почувствовавшій всю бездну, въ которую его могли столкнуть: — берите прежде этого господина Рахилевича! Я вамъ приказываю...

Онъ оглянулся и невольно поблѣднѣлъ. Понятые не трогались съ мѣста.

— Ну, ей-Богу же, вотъ побожился вамъ, что это самозванецъ, и я его отлично знаю! — опять спокойно прибавилъ Рахилевичъ: — не насъ, а его надо связать, чтобъ шуму-то въ порядочныхъ домахъ не дѣлалъ...

— Самозванецъ! Панокъ изъ Боромли! и мы его знаемъ! — добавили рѣшительно и Хутчѣнко съ Кѣбабчи.

Тарханларовъ, однако, снова не потерялся, хотя первое мгновеніе для него вышло убійственное, и понятые уже начали-было подозрительно поглядывать на него самого, помышляя, «что дескать, и одѣтъ-то онъ заиросто, и мундира богатаго на немъ нѣтъ, и не при саблѣ; Богъ его знаетъ, кто онъ такой; а знакомые господа боятся и смѣются надъ нимъ»...

— Что же вы молчите? — отнесся Тарханларовъ вслухъ къ стоявшему сзади его засѣдателю: — вы здѣсь непремѣнный засѣдатель земскаго суда, васъ должны всѣ тутъ знать, въ самомъ этомъ домѣ вы не разъ были, а теперь вы у меня подъ командой... Что же вы молчите?

— Что вы, что вы, — крикнулъ Рахилевичу засѣдатель: — опомнитесь. Какія шутки! Ступайте вопъ отсюда! — прибавилъ онъ дворовымъ людямъ Персбѣченской.

Горничныя отступили нервы, за ними наемные батраки: отступление готово было начаться полное...

— Что вы, г. Рахилевичъ, развѣ ослѣбли? — спросилъ опять засѣдатель, обращаясь къ защитнику хозяйки.

— А ты забылъ, собака, что у меня десять паръ воловъ въ подарокъ недавно получилъ? — шепнула засѣдателю свади хозяйка, ухвати его за рукавъ.

Засѣдатель сталъ опять ни живъ, ни мертвъ.

— Ребята, взять Рахилевича! — скомандовалъ Тарханларовъ, и когда понятые двинулись за нимъ, самъ подступилъ къ учителю музыки и наложилъ на его плечо руку.

— А, братъ! Такъ вотъ же тебѣ что! — крикнулъ Рахилевичъ и, какъ видно обдумавъ все напередъ съ товарищами, кинулъ чѣмъ-то мелкимъ въ глаза совѣтнику.

Ослѣвленный Тарханларовъ разсвирѣпѣлъ, бросился въ бокъ, желая ухватить руками негодяя, но тотъ ускользнулъ. И въ то же мгновеніе Тарханларову показалось, что въ залѣ началась непостижимая свалка... Онъ кое-какъ выско- чилъ въ сѣни, дордогой обо что-то сильно ударившись ви- скомъ, долго теръ глаза и минуты черезъ три, сквозь слезы, усилился оглянуться въ домъ. Понятые въ залѣ въ общей суматохѣ силились взять Рахилевича; дворня его съ руга- тельствами отбивала.

— Воды, вотъ вамъ воды въ глаза, — сказалъ Рубан- кинъ, появившись съ дѣвичьяго крыльца со стаканомъ воды: — промывайте скорѣе! Это страсть, что за вертепъ! Боже! куда мы попали! Засѣдателя Перебѣченская съ дѣв- ками связала и кричитъ, что подь карауломъ пошлетъ его и всѣхъ насъ въ городъ.

Тарханларовъ дрожалъ отъ бѣшенства и пѣскоро сталъ промывать глаза и ушибленный до крови високъ.

— Гдѣ Лазарь Лазаричъ?— спросилъ онъ.

— Еще не воротился съ поля...

— Велите посмотрѣть, не ѣдетъ ли?

Рубанкинъ распорядился.

— Я ничего не сдѣлалъ противозаконнаго, крайняго?— спросилъ онъ Рубанкина.

— Ничего... вы дѣйствовали пока очень кротко... даже черезчуръ...

— Слава Богу! Тутъ какъ разъ потеряешься. Счастье, что револьвера не выхватилъ изъ кармана: вотъ онъ; въ такія командировки я никакъ не ѣзжу!

Онъ вынулъ револьверъ.

— А! вотъ и Лазарь Лазаричъ! Чтѣ новаго? Безъ васъ дѣло тутъ не обойдется...

— Я съ поля... гуртъ отшибъ, а табунъ угнали, должно- быть, къ Кебабчи въ другой уѣздъ, либо къ Хутченку, на сосѣдній хуторъ. Къ утру и тамъ уже ихъ не найдемъ... известное дѣло: Кебабчи тутъ первый, какъ я узналъ, ко- покрадъ, а Хутченку женатъ на цыганкѣ и черезъ родичей своей жены сбываетъ всѣхъ ворованныхъ лошадей...

— Гдѣ же отбитый гуртъ?

— Нани понятые гонять его со степи; настухи и гон- цики арестованы. Я собралъ еще новыхъ понятыхъ, и при- велъ сюда въ подмогу. Станового же нигдѣ и не найдуть;

какъ въ воду капуть въ своемъ стагѣ... Какъ идутъ дѣла у насъ?

Тарханларовъ, утираясь, наскоро передалъ о томъ, что произошло въ домѣ въ отсутствіе Лазаря Лазарича; но о високѣ прибавилъ, что въ этомъ виной онъ самъ, ударившись о притолокъ двери.

Лазарь Лазаричъ недовѣрчиво покосился на високъ со вѣтника и сталъ прислушиваться къ шуму въ залѣ. Кто-то тамъ неистово горлачилъ; десятокъ голосовъ ему еще безобразнѣе вторили, а остальные оспаривали этихъ. Греки вылинули съ крыльца на солнце, уже заходившее за садъ и спросилъ: «Что же? или еще ожидать? не распорядиться ли по-нашему, по-былому? Приказываете?.. Еще минута, и насъ всѣхъ запрутъ въ подвалъ, а послѣ обвинять въ буйствѣ... Надо ловить время... Вы знаете, что такое наши понятые и настроеніе ихъ умовъ въ такой глуши?» Тарханларовъ сказалъ: «дѣйствуйте!» Шумъ въ залѣ увеличивался... Тарханларовъ вынулъ бумажникъ и сталъ наскоро записывать происшествіе. Глаза его сильно жгло; високъ болѣлъ сильнѣе. Лазарь Лазаричъ подумалъ, прыгнулъ съ крыльца, собѣгалъ за ворота, взялъ оттуда еще кучу приведенныхъ понитыхъ, въ числѣ которыхъ были и два благообразныхъ молодца, одинъ въ гражданскомъ пальто, а другой въ синев чуйкѣ, и съ ними смѣло вошелъ въ домъ.

— Кто эти?—спросилъ Тарханларовъ есауловскаго десятикаго, также подосѣвшаго къ крыльцу.

Десятскій уже зналъ о важности всего происшедшаго въ домѣ и безъ шанки, съ палкой, стоялъ у крыльца.

— Это наши-съ, ваше высокоблагородіе...

— Ты же кто? Чей?

— Есауловскій десятскій, а тѣ двое понятыхъ изъ нашихъ парней.

— Отчего же они одѣты не по-мужицки?

— Одинъ, ваша милость, изъ нашей барской музыки, флейтнестъ, Кириушка Безуглый, а другой — сынъ нашего приказчика, Пляя Танцуръ...

— Зачѣмъ же ты привелъ дворовыхъ? Надо бы лучше было изъ хозяевъ, изъ надежныхъ мужиковъ...

— Всѣ въ полѣ; приказчика дома нѣтъ, я безъ него не посмѣлъ, а эти почитай сами напросились, ну, я ихъ и

взять! Они такъ почти у насъ мотаются, ничего не дѣлають...

Рубашкинъ, узнавъ Илью, догналъ его въ лакейской.

— Что жена вашего священника? Жива? Я и не спросилъ о ней за хлопотами въ Малаканцѣ...

— Живы! Легче стало отъ лѣкарствъ того барина-съ...

— Саддукѣва?

— Да-съ...

«Господи,—подумалъ Рубашкинъ,—вотъ бы узнать Саддукѣву, что тутъ дѣлается: пожалуй, ста лѣтъ жизни мало будетъ, чтобъ все это пережить».

Въ то же мгновеніе, сквозь шумъ и гулъ въ залѣ, раздася опять женскій визгъ, а потомъ общіе крики: «рѣжутъ, грабятъ!»

— А!—пошелъ на приступъ Лазарь Лазаричъ!—сказалъ совѣтникъ:—оно точно; съ моею властью я лучше останусь здѣсь послѣднею вашею, генераль, надеждою...

Грекъ тихо вошелъ въ залу, осмотрѣлъ присутствующихъ, напѣтилъ среди нихъ зеленые штаны и голубую куртку Рахилевича, кинувшаго нескомъ и золой въ глаза Тарханларову, и, ни слова не говоря, подошелъ къ нему, обхватилъ его, поднялъ отъ полу и побѣжалъ съ нимъ изъ толпы въ сѣни. Визгъ и крикъ провожали его. Рахилевичъ, сдавленный на его груди, болталъ ногами, старался въ отчаяніи и безсиліи зацѣпиться обо что-нибудь, выбиться изъ его рукъ и даже нѣсколько разъ мѣтилъ укусить Лазаря Лазарича за щеку, но тщетно. Бросивъ съ крыльца Рахилевича къ Тарханларову, грекъ опять кинулся въ залу. Онъ прыгалъ какъ кошка и бѣшено сверкалъ валистыми кровью и желчью глазами. Тарханларовъ, принявъ Рахилевича, велѣлъ его сейчасъ же связать чьимъ-то поясомъ и сталъ громко читать наставленія бывшимъ у него въ отрядѣ понятымъ. Эти послѣдніе, держа уже такого немаловажнаго плѣнника, какъ Рахилевичъ, хрипели молчаніе. Сознаніе силъ и своего значенія къ нимъ возвращалось. Шумъ въ залѣ снова усилился. Теперь тамъ гремѣлъ или скорѣе ревѣлъ безобразный женскій голосъ. «Бей его, стрѣляйте по немъ, стрѣляйте!—кричала Перебѣченская:—слышите, я все на себя беру!»—«Ружье въ кабинетъ!» пугливо отвѣчалъ голосъ Кебабчи.—«Палашка, Палашка! Гдѣ ты? Ружье принеси изъ кабинета! Убить этого разбойника! убить его!».—«Веревочъ!» не те-

ряясь, заревѣлъ толпѣ Лазарь Лазаричъ. Толпа не двигалась въ залѣ. Въ растворенныя двери отъ крыльца сюда заглядывали остальные понятые и также трусили. — «Да что же это, братцы?— отозвался въ смолкнувшей залѣ голосъ Ильи Ташнуръ: «овцы мы, что ли? Надо исполнить приказъ его благородія! Въдѣ это царскіе чиновники!..» — «Надо!» подхватили изъ-за плечъ Кирилло Безуглый. — «Ахъ, вы мошенники, сволочь, бродяги!— крикнула имъ Перебдченская:— вотъ и отца твоего, Ильюшка, вызову! Палашка, розог!» — Илья Ташнуръ молча выскочилъ на крыльцо, за нимъ Кирилло; они быстро пробѣжали къ конюшнямъ, потомъ опять въ домъ, неся веревки и вожжи. — «Да гдѣ же Палашка!— кричала, между тѣмъ, уже тише Перебдченская: — гдѣ Палашка?» — Въ залѣ вдругъ стало рѣдѣть. Дворян отступала на всѣхъ концахъ. Лазарь Лазаричъ съ кѣмъ-то боролся въ углу залы, между обѣденнымъ складнымъ столомъ и дверью въ коридоръ; пыль столбомъ поднималась тамъ отъ полу: это былъ опрокинутый грудью къ ребру стула Кѣбабчи. Раздалась послѣдняя усиленная возня и сдержанные мужскіе стоны: «полноте, мусье, экуте! Что вы дѣлаете? Не троньте меня, отпустите! Ой, пальцы, пальцы! Ногу скрутили, переломите. Слушайте, сто цѣлковыхъ дамъ...»

— Бассама-терѣмте-те! — бѣшено рычалъ на это, взявъ надъ Кѣбабчи, длинноусый грекъ.

Изъ сѣней на крыльцо показалась торжественная процессія. Шестеро дюжихъ понятыхъ, и впереди всѣхъ два есауловскихъ пріятели, Илья и Кирилло, красные и въ поту, вынесли связаннаго вожжами прапорщика Кѣбабчи и положили его на крыльцѣ передъ Тарханларовымъ. Освобожденный отъ рукъ дѣвокъ и бабъ, заступатель разсвирѣпѣлъ въ свой чередъ и съ понятыми изъ кучи буяновъ взялъ Хутченко, связавъ и ему какимъ-то полотенцемъ назадъ руки. Между тѣмъ, окончательно вошедшій въ ярость и дѣятельность грекъ рѣшительно преобразился: сыпаль полурусскія, полугреческія ругательства, сверкалъ желтыми бѣлками и съ пѣной у рта метался вездѣ, какъ тарантуль. Изъ-подъ разстегнутаго форменнаго сюртука у него Рубашкинъ замѣтилъ какую-то кожаную сумку и на перевязи будто книжку; чуть ли даже колымага не померещилась на грекѣ генералу, хотя, быть-можетъ, кромѣ смиренныхъ помочей, да заношенной красной греческой флацелевой фуфайки, на

неть ничего и не было. «Герой, Колокотропи да и баста!» невольно подумалъ генералъ Рубашкинъ, глядя на отчаяннаго грека изъ-за спины другихъ и будучи самъ въ свалкѣ сильно помятъ, храпя разумный и спокойный нейтралитетъ.

— А, мерзавцы! А, ослушники! такъ вы за тѣхъ, кто не покоряется закону, не хотите знать чиновниковъ!— кричалъ на дворню Лазарь Лазаричъ:— вы ослушивались его?

И онъ указалъ на Тарханларова, стоявшаго у крыльца въ кругу окончательно-собранныхъ и готовыхъ теперь на все понятыхъ. Тутъ ужъ было ихъ человекъ подь-сто.

— Маршъ всѣ въ кухню; вонъ до единой души изъ этого разбойничьяго дома! Обо всемъ донесется высшему начальству! Вонъ, собаки... бассама-терѣмте-те!

Грекъ стукнулъ ногою по крыльцу, на которомъ, охая, лежалъ Кебабчи, и дворня, какъ стадо овецъ, бросилась кучами и вразсыпную къ кухнѣ и людской.

— Что прикажете дѣлать теперь?— съ особеннымъ, умыленнымъ почтеніемъ и даже раболѣніемъ спросилъ Лазарь Лазаричъ Тарханларова, вытянувшись и держа руки по швамъ. — Приказаніе вашего высокоблагородія исполнено: гг. Рахилевичъ, Кебабчи и Хутченко арестованы; прикажете арестовать и г-жу Перебѣченскую? Но смѣю еще прибавить, что эти два понятыхъ (онъ указалъ на Илью и на Кирилла) были главными и лучшими моими помощниками.

Тарханларовъ важно взошелъ на крыльцо. Грекъ почтительно опустился внизъ къ понатымъ. На дворѣ, между тѣмъ, темнѣло окончательно. Слова «арестовать Перебѣченскую» произвели магическое впечатлѣніе на понатыхъ, мыслившихъ въ это время: «неужели найдется та рука на свѣтѣ, чтобы могла покорить и эту бѣдовую барыню?»

— Сотскіе и десятскіе вперед!— скомандовалъ Тарханларовъ, Юпитеромъ рисуясь на площадкѣ крыльца.

Вызванные выступили къ крыльцу.

— Разборка тѣмъ изъ вастъ, негодян, кто опоздалъ и кто потомъ не слушалъ первыхъ моихъ приказаній, будетъ послѣ. Есауловскимъ понатымъ объявляю мою благодарность. Отчего такъ поздно сошлись понатые? Сотскіе! ванѣ отвѣтъ?

— Мы отъ становаго ничего не получали, а явились по ваннимъ уже повѣсткамъ, ване высокоблагородіе.

Тарханларовъ, желая еще болѣе придать силы своему опрокинутому-было значенію, крикнулъ засѣдателю:

— Записать все это въ протоколъ!—и прибавилъ: —отрядить часть понятыхъ на всю ночь въ здѣшній садъ къ садовымъ окнамъ дома, а часть къ окнамъ во дворъ. По два къ каждому окну! Лазарь Лазаричъ! Вы извольте принять этихъ гг. дворянъ подъ собственный вашъ надзоръ на ночь; надо бы ихъ посадить... куда бы?

— Въ сарай-съ... сѣна туда можно принести для постелей.

— Итъ, въ людскую... извольте ихъ посадить въ людскую! Господа! вы отдадите во всемя отчетъ высшему начальству за ваше буйство, за возмущеніе понятыхъ и за поведеніе ваше противъ меня.

— Посмотримъ! — сказала попрежнему развязно, хотя уже тише, юный Рахилевичъ: — развѣ ошибиться нельзя было?

Дворянъ повели въ людскую. Вокругъ дома поставили густые караулы.

— Да нельзя ли насъ накормить ужиномъ, г. совѣтникъ?—спросили дородгой, идя подъ арестъ, Кебабчи и Хутченко.

— Ужинъ вамъ, господа, будетъ послѣ, въ острогѣ!—значительно перебилъ ихъ Тарханларовъ.

— Вотъ тебѣ и чи-чи-чи, ко-ко-ко! — шепнулъ товарищамъ трухнувшій прежде всѣхъ и болѣе всѣхъ прапорщикъ Кебабчи, когда грекъ ихъ заиралъ на ключъ въ людской и ставилъ возлѣ узенькихъ оконъ этой избы и у дверей особенно сильный карауль, зорко обнюхивая каждое бревно и каждый уголь. До нѣкоторыхъ вещей грекъ, какъ осторожный тараканъ въ поискахъ пищи, даже будто дотропулся носомъ и концомъ своихъ огромныхъ усомъ.

Самъ же Тарханларовъ, засѣдатель и Рубашкинъ, съ отборными стариками изъ понятыхъ, вошли въ домъ и узнали отъ знаменитаго дромадера Паланки, подъ предводительствомъ которой дѣвки связали-было засѣдателя, что барынь дурно и что она заперлась въ спальнѣ. Чиновники предложили ей выйти къ нимъ и присутствовать при описи вещей и, когда она отказалась, стали сами производить опись. Рубашкинъ, все еще потирая себѣ сильно помятые въ суматохѣ бока и чьимъ-то салогомъ оттоптанныя мозоли, не захотѣлъ, однако, тотчасъ принимать дома съ прочею утварью, а попросилъ все опечатать и сдать пока на руки

земской полиціи, т.-е. засѣдателя съ сотскими, а Перебѣченскую утромъ отсюда вывезти, по точному смыслу инструкціи губернатора. Домъ и мебель скоро были описаны. Пошли съ фонарями въ амбары, въ сарай, въ батрацкія избы, вездѣ. Описали и тамъ все, заставляя сотскихъ считать всякую движимость. Поляка-приказчика Жукотыньскаго понятые нашли полумертвымъ отъ страха гдѣ-то на чердакѣ иттичии. Онъ оказался тутъ же, по собственному признанію, безпаспортнымъ мѣщаниномъ изъ Польши, совершенно погерился, сталъ просить о помилованіи, ужалъ на колѣни, ломалъ себѣ руки, зывалъ къ Іезусу и Маріи и вызвался вылатъ все имущество Перебѣченской. Тарханларовъ, види эту жидкую на расправу личность, приказалъ есауловскому десятскому взять мнимаго шляхтича на веревочку, какъ бродягу и наглеца, солившаго цѣлому околотку, и, въ назиданіе другимъ, водить его такъ при описаніи имущества Перебѣченской. Комнаты, сундуки, шкапъ и кладовыя, наконецъ, опечатали. Рахилевичъ въ окно вымолилъ позвать грека, доказалъ ему, что безъ пантроски и безъ ѣды онъ умретъ, а что безъ ужина и самимъ чиновникамъ плохо будетъ спать, и настоялъ на томъ, что отыскали-таки въ общей суматохѣ повара хозяйки и заказали кое-какой ужинъ.

Зала въ домѣ была обращена въ канцелярію. Изъ понятыхъ оказалось двое весьма грамотныхъ, именно тѣ же флейтисты Кирилло Безуглый и есауловскій садовникъ, Танцуръ, помогавшіе арестовать сильнаго буяна Кебабчи. Тарханларовъ ихъ отрядилъ въ помощь засѣдателю писать коніи съ журналовъ, съ протоколовъ и съ извѣщеній и для переписки къ рукоприкладству по именамъ всѣхъ понятыхъ, которымъ совѣтникъ велѣлъ также приготовить ужинъ, и, переписавъ и накормивъ ихъ, ни одного отнюдь не отпускать по домамъ. Садовникъ Илья Танцуръ, главный герой послѣ грека въ арестованіи Кебабчи, оказался грамотнѣе флейтиста, и засѣдатель предложилъ, чтобы онъ, по отобраніи рукъ отъ понятыхъ, вездѣ за всѣхъ, какъ это водится, и росписался. Тарханларовъ согласился. Перья закрипѣли; понятыхъ переписали: они расположились у оконъ, у дверей дома и у людской. Дворня также была вся переписана по именамъ и съ пониженными головами сошлась въ кухню шептать о томъ, какихъ беззаконій они надѣлали

сдуру и что съ ними будетъ. Грекъ предложилъ арестовать до утра и всю дворню барыни. Сперва-было Тарханларовъ это отвергнулъ, но потомъ согласился, и у кухни поставили также караулъ. Перебѣченская сидѣла, между тѣмъ, въ спальнѣ, запершись тамъ съ горничною. Рубашкинъ подходилъ къ ея двери въ коридорѣ и смотрѣлъ въ замочную скважину. Барыня оказалась сидящею передъ столомъ на кровати. Она плакала; вѣрный стражъ ея, Палашка, стояла передъ нею и также плакала.

— Пойти бы, однако, къ ней!—сказала Рубашкинъ, прогуливаясь по саду съ совѣтникомъ.

На дворѣ была уже ночь.

— Итъ, пусть прежде подготовятъ остальные бумаги. Я предложу ей скрѣпить все описи ея рукою; если она откажется, то по закону, при особомъ объ этомъ протоколѣ, за нее подпишемъ мы, чиновники, и тогда посадимъ ее въ ся же тарантасъ и рано на зарѣ, за конвоемъ, вывеземъ съ этой земли...

— А какъ она опять ворвется сюда?

— Тогда вамъ останется обзавестись однимъ... именно пушками!—сказала шутя Тарханларовъ, ощупывая, между тѣмъ, рукою въ карманѣ брюкъ револьверъ:—и храбро отбиваться отъ нея, какъ отбивались тутъ недавно еще наши предки отъ предковъ нынѣ мирныхъ нашихъ сосѣдей—татаръ! Едва я ее вывезу, мои полномочія кончатся... Но я надѣюсь, что теперь уже она сдастся... Главные помощники ея разбиты и обезславлены въ глазахъ всехъ теперь навсегда!

Собесѣдники подошли къ краю сада, гдѣ стояла голубятня. знакомая Рубашкину. Генералъ напомнилъ объ этомъ Тарханларову.

— Отлично! Надо бы увидѣть, однако, эту Фросю!—сказала совѣтникъ:—она лицо обиженное; нельзя ли отъ нея вывѣдать еще чего-нибудь объ имуществѣ, взятомъ нами штурмомъ у этой сатрапихи? Надо крикнуть грека!

Грека собесѣдники нашли у оконъ людской на стулѣ. Онъ сердито соулъ и курилъ изъ длиннаго витого чубука. Переговоря съ совѣтникомъ, онъ изъ кухни въ садъ прислалъ съ сотскимъ требуемую Фросю.

— Не плачь, милая, ничего не бойся! скажи, какъ была эта исторія у тебя съ голубятней?

Горничная ободрилась и все рассказала.

— Есть еще одно дѣло!—прибавила она, пугливо озираясь.

— Что ты? Говори, не бойся.

— Коли на то пошло, ваше благородіе, знайте, все скажу. Пусть не срамятъ насъ... барыня поѣдомъ забла всѣхъ...

— Ну?

— Барыня черезъ Палашку достала водки и караульныхъ возлѣ дома два раза уже пошла. А сама Палашка, съ какимъ-то письмомъ барыни, вышла сію минуту со двора, требовала лошадь тутъ у одного понятого съ повозкой, тотъ не далъ, и она пѣшкомъ полемъ куда-то пошла. Должно быть, въ хутора за Лихой, а оттуда найметъ подводу-съ...

— Спасибо тебѣ, душенька, — сказалъ Тарханларовъ: — вотъ тебѣ цѣлковый. Ступай и все намъ говори, что еще узнаешь...

Фрося ушла.

— А! Каково! вотъ вамъ и наши средства, наши силы въ подобной глуши!—сказалъ совѣтникъ генералу, который, между тѣмъ, думалъ: «однакоже, эта дѣвочка, тово... хорошо бы ее отбить у флейтиста, хоть онъ, правда, и помогъ намъ тутъ. Поселюсь, увижу»...

Опять поднялась суматоха. Понятыхъ перебрали. Часть ихъ уже была навеселѣ. Ихъ замѣнили тѣми, которые были у амбаровъ. Лазарь Лазаревичъ донесъ, что два батрака верхами ускакали также куда-то еще въ то время, когда онъ вязалъ прапорщика Кебабчи.

— Гдѣ этотъ Жукотыньскій?—спросилъ Тарханларовъ.

— Въ погребѣ, въ подвалѣ, я его туда заперъ.

— Позовите его; надо начать переговоры съ барыней. Бумаги кончаются... Полякъ запуганъ, сталъ уже «надать до ногъ», такъ онъ на свою былую хозяйку можетъ произвести хорошее вліяніе...

Пошли съ фонаремъ къ подвалу. Часовые съ дубинкою стояли у дверей, но полякъ тоже исчезъ...

— Э, да чтò же это, наконецъ, дѣлается?—сказалъ Тарханларовъ.—Хвороста сюда! Разложите осторожно костры среди двора. Свѣтлѣе и дальше будетъ по двору видно. Фонарей сюда къ крыльцу. Какъ тебя звать, садовникъ?

— Илья Тѣнцуръ...

— Ну, отбирай руки у понятыхъ. Зови ихъ сюда частими. Слушайте о томъ, что вы будете подписывать...

Тарханларовъ шеннулъ Ильѣ, чтобъ тотъ поговорилъ съ понятыми, и приказалъ засѣдателю громко прочесть формальные акты всему ходу дѣла, первому появленію чиновниковъ въ этомъ домѣ, буйству хозяйки и ея знакомыхъ дворянъ, аресту ихъ и, главное,—сопротивленію властямъ и оскорбленію совѣтника и другихъ чиновниковъ, во время отправления ими своихъ обязанностей. Понятые выслушали. Ильѣ съ Кириллой уговаривали ихъ слушаться совѣтника и не бояться никого.

— Такъ все гутъ написано, какъ было?

— Такъ... точно какъ, вани высокоблагородіе...

— Давайге руки Ильѣ Танцуру... Согласны? Вы его знаете и вѣрите ему?

— Согласны, знаемъ его и вѣримъ ему...

Понятые, вздыхая и почесываясь, дали руки. Ильѣ за нихъ подписать акты. Были призваны другіе изъ понятыхъ, всѣ сотскіе и десятскіе. Подписали, наконецъ, всѣ.

Къ Тарханларову подошла какая-то плачущая баба въ платкѣ и объявила, что барыня просить ея къ себѣ въ спальню. Совѣтникъ попросилъ Рубашкина, засѣдателя и грека ждуть въ залѣ и явиться къ нему по первому зову, а самъ пошелъ къ хозяйкѣ.

Онъ засталъ ее на диванѣ. Лампада слабо освѣщала комнату: свѣчки въ комнатѣ уже не было. Со стула возлѣ Перебѣченской поднялся какой-то толстый, черномазый чловѣкъ, родъ мѣшанина.

— Это кто?

— Извините, что безъ васъ я приняла его:—это есауловскій приказчикъ пришелъ меня, бѣдную, провѣдать, Романъ Танцуръ.

— Кто же тебя сюда пропустилъ?—спросилъ Тарханларовъ, думая, «Какъ это все дѣлается тутъ? Горничная ушла мимо сторожей: явилась къ мѣшанинѣ снова посторонняя баба, а тутъ этотъ приказчикъ!..»

Романъ Танцуръ смолчалъ, смиренно потушившись, и только поклонился.

— Господишь совѣтникъ! — начала жалобно Перебѣченская и встала, судорожно потрясая ридикюлемъ:—мы здѣсь одни...

— Что вамъ угодно?

— Вотъ-съ, возьмите триста цѣлковыхъ... прекратите дѣло.

— Что вы, сударыня! опомнитесь!..

— Вотъ возьмите тысячу! Вотъ, вотъ... возьмите...

Перебѣченская дрожащими руками стала наскоро вынимать изъ ридикюли пачку деюзитокъ.

— Вы снова оскорбляете меня, сударыня! Я долженъ довести и объ этомъ...

Ридикюль унять изъ рукъ барыни.

— Романъ, притвори на ключъ двери,—шеннула барыня приказчику и кинулась изъ-за стола.

Ключъ щелкнулъ. Совѣтникъ хотѣлъ крикнуть, полагая, что его сейчасъ убьютъ, и выхватилъ изъ кармана револьверъ.

— Оставьте... Ни шагу съ мѣста! — сказалъ онъ и взялся за грудь Романа.

— Что вы, что вы! — вскрикнула барыня: — я не то! Я на колѣни передъ вами, какъ передъ Богомъ! Двѣ тысячи, пять... если хотите...

Она упала въ ноги совѣтнику и чепцомъ стукнулась объ полъ.

— Баринъ, съжальтесь надъ Палагеей Андреевной! — прибавилъ изъ угла блѣдный, какъ стѣна, Романъ Танцуръ.

Въ умѣ Тарханларова соблазнительно мелькнула сумма пять тысячъ... Но разбитый високъ и запорошенные, все еще болѣвшіе глаза напомнили ему объ испытанныхъ имъ за часъ неслыханныхъ оскорбленіяхъ.

«Пустое! Эти деньги можетъ дать и самъ Рубашкинъ, какъ оправится, при случаѣ! — быстро добавилось у него въ умѣ, а память подсказала, что въ свалкѣ кто-то еще ухватилъ его даже за шиворотъ и чуть ли, наконецъ, онъ не получилъ толчка по шеѣ. — Пѣтъ! — рѣшилъ онъ быстро, — все надо сдѣлать гласнымъ! И публиковать объ этомъ арестѣ узниковъ, взятыхъ почти на abordажъ, слава будетъ не послѣдняя по службѣ: да не безъ того, что и они при слѣдствіи станутъ откупаться!» — прибавило соображеніе совѣтника.

— Господа! — крикнулъ Тарханларовъ засѣдателю и генералу изъ снѣлки, возвышая голосъ: — господа, пожалуйте сюда!

Перебѣченская билась головой объ полъ и ловила совѣтника руками и губами за ноги. Онъ, однако, шагнулъ къ двери, отперъ ее, сказалъ приказчику:

— А ты, негодяй, уноси отсюда пятки, да забудь навѣки, что слышалъ тутъ, а иначе и тебя я привлеку къ слѣдствію! за твоего сына только тебѣ и прощаю! — и выскочилъ изъ коридора въ залу, откуда готовился ему на подмогу оставленный арьергардъ.

Лазарь Лазаричъ, слыша его голосъ, выскочилъ на крыльцо и звалъ опять понятыхъ, сотекихъ и десятскихъ. Въ двухъ словахъ передалъ Тарханларовъ Рубашкину о своемъ свиданіи съ Перебѣченской, оставилъ распоряженія грека, взялъ только еще двухъ-трехъ надежныхъ понятыхъ, и всѣ вошли въ спальню хозяйки. Романа Танцура тамъ уже не было.

«Какъ бы, однако, арестовать ея деньги?» — подумалъ Тарханларовъ и сказалъ громко, подступая къ барынѣ:— Сударыня! пожалуйста ваши деньги! Мы должны ихъ также арестовать для разчета вашего съ владѣльцемъ имѣнія... Сколько у васъ на-лицо имѣется денегъ?

— Денегъ?—спросила, изумившись, барыня:—у меня денегъ нѣтъ...

Кинулись къ ея ридикюлю, осмотрѣли комодъ, всѣ углы: деньги исчезли. Или онѣ провалились сквозь землю, или были переданы въ окно, во время краткаго отсутствія совѣтника изъ спальни, или ихъ унесъ есауловскій приказчикъ.

— Знать ничего не знаю и вѣдать ничего не вѣдаю! — отвѣтила спокойно Перебѣченская на новый разспросъ о деньгахъ, поправляя чепецъ и опять принявъ видъ тупоумной нищенки.—Я давно разорена-съ... и денегъ въ доѣ не имѣю и ста рублей!

Осмотрѣли окно. Оно было плотно затворено и припрѣто снаружи ставней. Погнали въ погоню за исчезнувшимъ приказчикомъ, но не догнали и его.

— Бросьте теперь его; нечего его болѣе звать сюда! — рѣшили совѣтникъ: — запрется также, навѣрное, во всемъ, а деньги, если ихъ унесъ, сумѣетъ спрятать!

Внесли въ спальню свѣчи. Грекъ еще перешарилъ всѣ углы, въ печку даже подъ заслонки заглядывалъ. Сы его шевелились, какъ у таракана. Мозолистыя руки дрожали.

Кусокъ красной фуфайки выглядывалъ изъ-подъ жилета, а на затылкѣ торчали завязки съѣхавшей на бокъ манишки. Сумма, которую видѣлъ совѣтникъ, исчезла. Въ комодѣ, однако, нашли въ мѣшочкѣ горсти двѣ мѣдныхъ денегъ, часть серебра и двѣ депозитки по пятьдесятъ цѣлковыхъ. Грекъ поднесъ ихъ къ свѣчѣ и крикнулъ. Понятые не отходили отъ него.

— Гм! Медвѣжья, фальшивыя-съ, изъ Нахичевани... Гдѣ, сударыня, вы взяли ихъ?—спросилъ грекъ, бѣшено вращая бѣлками и подзывая знаками Тарханларова.

— Мало ли откуда попадутъ. Для косарей мелочь я держала; должно быть, отъ стончиковъ какихъ съ Черноморья завезли...

— А вы видѣли, что я точно всѣ эти ассигнаціи изъ этого комода вынулъ?—спросилъ грекъ понятыхъ.

— Видѣли! Мы и развязывали мѣшочекъ!—отвѣтили понятые.

Грекъ показалъ депозитки Тарханларову. Совѣтникъ объ этой находкѣ велѣлъ составить также актъ, хоть этому на первый разъ онъ мало, повидимому, приписывалъ важности, среди другихъ событій того дня и вечера. Фальшивыхъ ассигнацій тогда множество ходило въ томъ околоткѣ, и розыски о нихъ даже пріѣлисъ чиновникамъ. Совѣтникъ болѣе всего раздумалъ о тайныхъ гонцахъ барыни, прорвавшихся куда-то съ ея письмами, и это его очевидно безпокоило. Лазарь Лазаричъ одинъ сразу сильно задумался надъ случайною находкой и молча прошелъ въ залу. Тамъ онъ сталъ шептаться съ Рубашкинымъ.

— Да!—повторилъ генераль, кончая греку рассказъ обо всемъ, что слышалъ прежде мелькомъ касательно скорого обогащенія Перебѣченской на покункѣ гуртовъ въ Черноморьи и на ея сношеніяхъ съ есауловскимъ приказчикомъ.— Я и самъ полагаю, что чуть ли это не новая исторія; и мнѣ кажется, что этотъ Романъ Талцуръ и Перебѣченская лѣтъ десять назадъ навѣрное прихватили, въ свою поѣздку въ Нахичевань, значительную сумму этихъ медвѣжьихъ ассигнацій...

— Я это все зарублю у себя на носу!—сказалъ Ангель:—а вы знаете, какъ мой греческій носъ еще длинень, несмотря на то, что я значительно обрусѣлъ на моей новой родинѣ...

Писавъ копию съ акта о найденныхъ депозиткахъ для немедленнаго извѣщенія объ этомъ губернатору и жандармскаго генерала, сильно задумался надъ этой бумагой и есауловскій садовникъ, Пляя Ганцуръ.

Тарханларовъ оставилъ Перебдченскую, которая, разумѣется, отказалась отъ всего и не подписала ни одной изъ прочтенныхъ ей бумагъ. Онъ попросилъ ее только не покушаться на что-нибудь противозаконное и оставить ее до утра, лично еще разъ съ другими осмотрѣвъ, принудивъ и ободривъ караулы.

Чиновники и генералъ наскоро поужинали и бивуакомъ, на притащенномъ въ залу сѣнѣ, легли въ повалку спать.

Они говорили что-то долго.

Въ лакейской на стѣнѣ пробило два часа ночи. Огни вездѣ погасли. Часовые лежали по назначеннымъ мѣстамъ въ саду и на дворѣ кучами или прохаживались и перекликивались, какъ на сторожевыхъ форпостахъ казаки, ожидая нападенія на стѣнные шкеты киргизовъ или коканцевъ. А Рубашкинъ, долго не засыпая и потиралъ бока и мозоли, думалъ:

«Какой чортъ, однако, занесъ меня въ эту глушь! Какъ я могъ такъ скоро подать въ отставку, бросить выгодную службу! Чѣмъ я тутъ вознагражу бывшее, теперь далекое? И какъ я могъ такъ вдругъ рѣшиться? Сорокъ лѣтъ служилъ, былъ дѣльнымъ человекомъ, добился тамъ почету... всего... уваженія и вдругъ! Да и проклятое же время! Сколькихъ какъ надуваютъ прогрессомъ... И что подумаютъ теперь обо мнѣ въ Петербургѣ, какъ узнаютъ все? Вотъ тебѣ и степи, и областная практика!»

Оглавленіе

II ТОМА.

Бѣглые тѣ Новороссіи. Романъ.

Часть вторая. Въ сѣдлахъ.

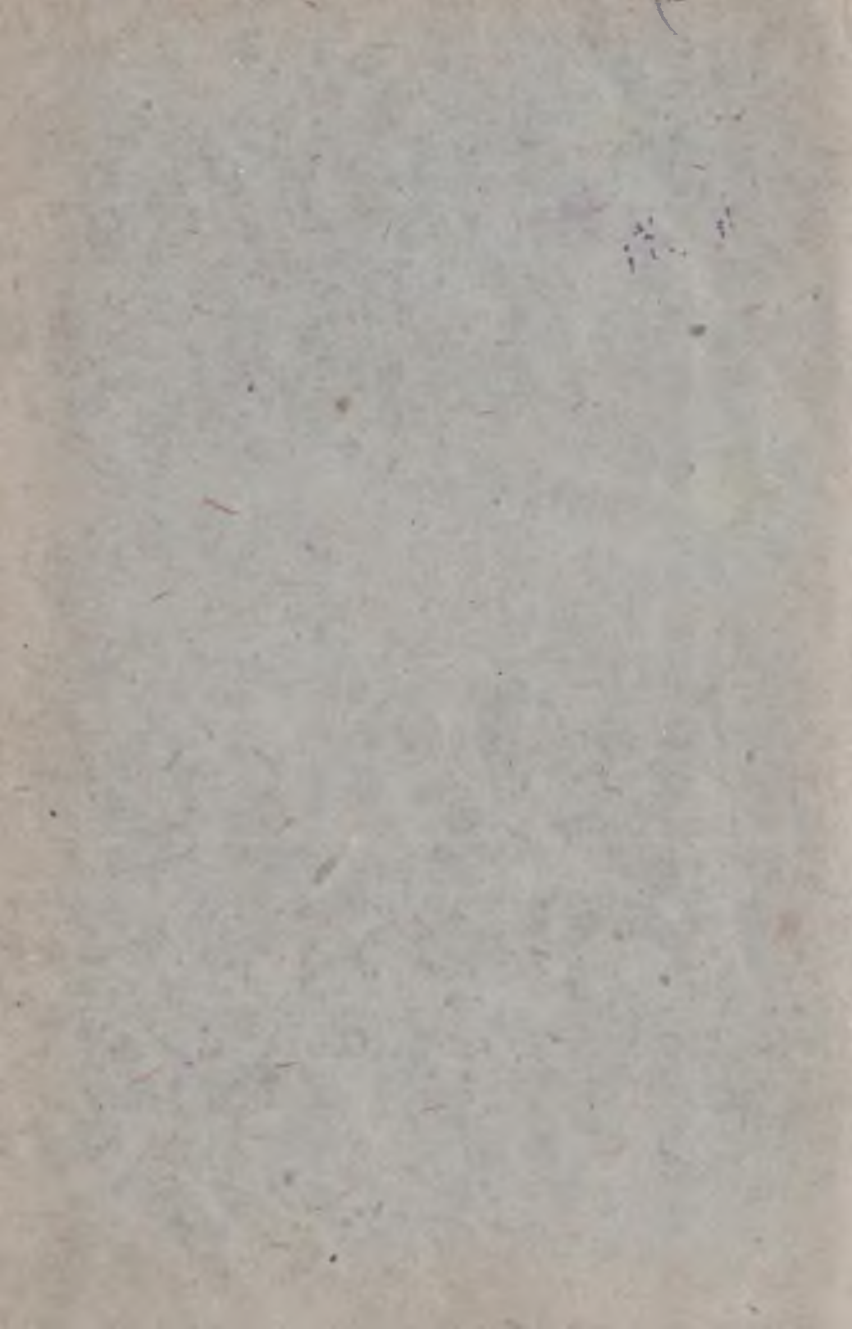
	стр.
X. Новое лицо—помѣщикъ изъ Россіи	3
XI. Отдача долга	38
XII. Походженія Милороденка	55
XIII. Облава на бѣглыхъ	77
XIV. Приморскій городокъ	99
XV. Въ гирлахъ и плавняхъ на Дону	107

Воля. (Бѣглые воротились.) Романъ.

Часть первая. Родныя гнѣзда.

I. Голубятня	124
II. Забытые музыканты	140
III. Генераль Губашкинъ—также дома	161
IV. Какъ бѣгалось	192
V. У границъ Азіи	201
VI. Штурмъ Червобоченской	226

182
Мининъ

4/18 ИСТОК СРОКА ВОЗВРАТА
КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Кол-во прод. выдан

28/18344

1/00000

Бескв. титолр Т. 5000000 З. 2354-64

